

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2026, Том 9, №6

Подписано к публикации: 26.09.2026

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Единый государственный
перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: hb-journal@yandex.ru

Сайт: <https://hb-journal.ru>

© Исторический бюллетень, 2026

Содержание

Аристов С.В.

Историческая память о сопротивлении советских граждан
во время Второй Мировой войны (1940-е – 2020-е гг.) 6-14

Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А.

Краснодарский хлопчатобумажный комбинат в период второй
половины 1980-х – первой половины 1990-х годов 15-21

Некрылова О.Г.

Преступления нацистов против детства: документальные
свидетельства из архивов Липецкой области 22-28

Перцева В.О., Рябова А.А.

Реализация НЭПа на региональном уровне: аграрные преобразования
и социальные эффекты в Орловской губернии 29-35

Кильмамагов Р.Р.

Этнографические особенности тюркского военно-служилого населения Оренбургской
губернии на примере мещеряков в «Путешествии по разным местам
Российского государства...» П.С. Палласа 36-41

Курков В.В., Сильченко Д.И.

Канцлер Нессельроде: оценки отечественной историографии как основа
для проблемного метода изучения внешней политики России в XIX веке 42-48

Пенькова Т.А.

Влияние социокультурной трансформации западного общества на эффективность
советской культурной дипломатии (1970-1980-е гг.) 49-59

Середа С.П.

Историческая школа русского уголовного права как научный феномен:
формирование, структура и представители 60-66

Скопа В.А., Баранов К.Ю.

Концепция русского государства в славянофильской парадигме:
к истории российской интеллектуальной мысли 67-72

Хошев А.Ю.

Первые конкурсные проекты храма св. Саввы в Белграде
глазами русских академиков архитектуры (1906) 73-80

Шалаева Н.В.

Советское искусство первой половины 1920-х гг.: рождение политического мифа 81-88

Шарапова А.Р., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р.

Перспективы развития производственных центров КНР (Шэньчжэнь,
Чунцин, Гуанчжоу) в условиях международной напряженности в XXI веке 89-95

Пацула И.И.

Социально-экономические и политические факторы развития
химической промышленности на Донбассе в 50-80-е гг. XX в. 96-104

Белая Е.Г.

Коллекционные и демонстрационные материалы в сохранении этнокультурных ландшафтов нанайских сел 105-111

Власов А.Е., Филимонов Н.А., Штепа А.В.

Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: к вопросу об источниковой базе исследования 112-123

Лобанов Д.С.

Сравнительный анализ Хабаровского и Токийского процессов в контексте судебного преследования японских военных преступников 124-129

Шумаев А.Е.

Энергетический фактор участия Республики Беларусь в евразийской интеграции (2004-2020 гг.) 130-137

Корабаев А.А.

За пределами гидрогегемонии: становление модели «сорегулятора» в водной дипломатии Центральной Азии 138-149

Шевченко А.Н.

Фальсификация истории Второй Мировой войны в зарубежной прессе: анализ целей, причин и основных направлений 150-156

Курков В.В.

Коалиционная стратегия как детерминанта победы в военной истории российского государства: к вопросу о развитии аналитического мышления учащихся 157-163

Магсумов Т.А.

Развитие Набережночелнинского государственного педагогического университета в условиях институционализации российской высшей школы (2002-2020 гг.) 164-173

Новиков М.С.

Тяжелый вопрос о легком пулемете: история создания ручных пулеметов в СССР 1920-х – первой половине 1930-х гг. 174-181

Рубцова М.В., Павенков В.Г.

Картирование мышления как метод реконструкции городского пространства Санкт-Петербурга XVIII века 182-187

Чуриков В.М.

Формирование образа молодежи по материалам советской печати 1920-х гг. 188-195

Кряжев И.А.

Исторические предпосылки американо-бразильского сближения при администрации Жаира Болсонару и его влияние на внешнюю политику Бразилии 196-201

Кукушкин В.М., Штепа А.В.

Революционное движение в Калуге на рубеже XIX-XX веков и влияние железной дороги на распространение революционных идей 202-208

Лобанов Д.С.

Советская дипломатия и международное обсуждение результатов Хабаровского процесса 1949 года в Организации Объединенных Наций 209-214

Шумаев А.Е. Эволюция евразийской интеграционной инициативы Республики Казахстан (1994-2015 гг.)	215-222
Егоров И.А. Леопольд II и конголезский вопрос на страницах британского еженедельника «The Spectator» (1903-1905 гг.)	223-229
Ван Линлин, Ли Дунъян, Лю Лися Документальная ценность и современные пути освоения Харбинского литературного архива русского зарубежья в цифровой перспективе	230-237
Новиков М.С. «Автоматы» по В.Г. Федорову в СССР 1920-х годов	238-246
Волкова Е.В., Гончаренко О.Н., Бахарева Н.В. Хлебозаготовительные кампании в Тюменской области в 1944-1953 гг.	247-258
Дмитриев И.В. Цель и содержание служения миссионеров Западной Сибири и Степного края в репрезентациях периодических изданий православного миссионерского общества (вторая половина XIX – начало XX вв.)	259-265
Китанов Т.Т. Эволюция механизма кризисного реагирования в рамках Договора о коллективной безопасности – Организации Договора о коллективной безопасности	266-273
Лаврентьев О.И. Позиция Швеции в переговорах по Договору о нераспространении ядерного оружия	274-282
Пацула И.И. Влияние научно-технического прогресса на развитие отрасли химической промышленности на Донбассе в 50-80-е гг. XX в.	283-290
Середа С.П. Отечественная историография исполнения наказаний в дореволюционной России: основные направления и дискуссии (вторая половина XIX – первая половина XX в.)	291-297
Фролов В.В. Образ Китая на страницах газеты «Московские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.)	298-307
Новиков М.С. Федорова – не случившийся винтовочно-пулеметный патрон Российской Империи и СССР	308-314
Чжан Сынин На периферии и в стойкости: идентичность и культурные практики китайских таджиков-мусульман	315-321

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.1:94(47+57)"1941/1945"

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-6-14

Историческая память о сопротивлении советских граждан во время Второй Мировой войны (1940-е – 2020-е гг.)

¹ Аристов С.В.,

¹ Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация: в рамках статьи исследуется мемориальная эволюция феномена сопротивления советских граждан в хронологических границах от периода Великой Отечественной войны до современной цифровой эпохи. Предметом анализа выступает специфика инкорпорации различных практик антинацистской борьбы – как на оккупированной территории СССР, так и в европейском пространстве – в структуру коллективной памяти. Исследование фокусируется на факторах дифференциации мемориального канона, определивших институционализацию одних сюжетов (в историографии, музейных пространствах, образовательных стандартах) и маргинализацию других, существовавших преимущественно в поле коммуникативной и семейной памяти. Доказывается, что наибольшую коммеморативную устойчивость приобрели события, обладающие пространственной локализацией и задокументированным оперативно-тактическим результатом, тогда как лагерное подполье, повседневный саботаж и трансграничные биографии комбатантов оказались сложны в описании. Автор эксплицирует риски, связанные с ретроспективной этнизацией общего советского подвига после 1991 года, а также с доминированием виктимологического дискурса в западноевропейских музейных концепциях, редуцирующих субъектность советских граждан до статуса пассивных жертв. В финальной части работы оценивается потенциал современных российских цифровых проектов как эвристической основы для реконструкции просопографических данных, защиты исторической правды и восстановления целостного масштаба участия граждан СССР в освобождении Европы.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, сопротивление, партизаны, подполье, советские военнопленные, европейское Сопротивление, цифровая память

Для цитирования: Аристов С.В. Историческая память о сопротивлении советских граждан во время Второй Мировой войны (1940-е – 2020-е гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 6 – 14. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-6-14

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Historical memory of the resistance of Soviet citizens during the second World War (1940s-2020s)

¹ Aristov S.V.,

¹ National Research University MPEI

Abstract: the article examines the mnemonic evolution of the phenomenon of Soviet citizens' resistance in the chronological framework spanning from the Great Patriotic War to the contemporary digital era. The object of analysis is the specific manner in which various practices of anti-Nazi struggle – both within the occupied territory of the USSR and in the broader European space – have been incorporated into the structure of collective memory.

The study focuses on the factors of differentiation within the memorial canon that determined the institutionalization of certain narratives (in historiography, museum spaces, and educational standards) alongside the marginalization of others that existed predominantly in the realm of communicative and family memory. It is argued that discrete events possessing clear spatial localization and a documented operational-tactical result acquired the highest level of commemorative stability, whereas camp underground networks, everyday sabotage, and the transnational biographies of combatants remained largely lacunized. The author explicates the risks associated with the retrospective ethnicization of the common Soviet exploit after 1991, as well as the dominance of the victimological discourse in Western European museum concepts that reduces the agency of Soviet citizens to the status of passive victims. In the final section, the potential of contemporary Russian digital projects is evaluated as a heuristic foundation for reconstructing prosopographical data, defending historical truth, and restoring the comprehensive scale of the USSR citizens' participation in the liberation of Europe.

Keywords: historical memory, Great Patriotic War, resistance, partisans, underground movements, Soviet prisoners of war, European Resistance, digital memory

For citation: Aristov S.V. *Historical memory of the resistance of Soviet citizens during the second World War (1940s-2020s)*. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 6 – 14. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-6-14

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 1, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Сопротивление советских граждан в годы Второй мировой войны не сводилось к одной организационной модели. На оккупированной территории СССР действовали крупные партизанские соединения, небольшие местные отряды и городское подполье. Военнопленные и угнанные на работу граждане совершали побеги, срывали производство, создавали лагерные группы, а оказавшись за пределами Советского Союза, вступали в польские, югославские, французские, итальянские и чехословацкие формирования. Участников объединяло понимание того, что борьба продолжается и после потери связи с фронтом или Родиной. В публичной памяти, однако, эти формы сопротивления представлены по-разному [1, р. 1-16; 2, р. 3-22; 3, с. 23-34].

Историческая память в данном контексте трактуется как результат строгой селекции прошлого, проходящий этапы фиксации в мемориальной культуре, образовательных институтах и частных семейных нарративах, что исключает ее сведение к простой ретрансляции фактов. Поэтому важно выяснить, почему одни эпизоды легко превращались в общеизвестный сюжет, а другие десятилетиями оставались достоянием узкого круга свидетелей.

Материалы и методы исследований

Источниками служат военные и послевоенные публикации, художественные произведения, мемуары, документы и рукописи участников, советские и постсоветские исследования, музейные и цифровые проекты. Текстуальное сопоставление источников подчинено классической критике происхождения и функции источника [4, с. 20-57; 5, с. 37-66; 6, р. 7-24].

Исследование построено как качественный анализ репрезентаций сопротивления в различных средах памяти. Сравнительно-исторический метод использован для выделения основных этапов изменения мемориального канона, качественный контент-анализ – для выявления повторяющихся образов, имен и сюжетных моделей, а критический дискурс-анализ – для определения способов описания героя, жертвы, плена и коллективного подвига. Отдельные музейные, издательские и цифровые проекты рассмотрены как случаи институционального закрепления памяти.

Результаты и обсуждения

Публичная память о сопротивлении начала складываться до окончания войны. Сообщения Совинформбюро, центральная и фронтовая печать, поддерживали образ всенародной борьбы в тылу врага. Деятельность партизан представлялась продолжением борьбы Красной армии. Образ подпольщика выражал неразрывную связь оккупированной территории с советским государством. Формула «народных мстителей» соединяла стихийную местную инициативу с организующей ролью партии и Центрального штаба партизанского движения [7, с. 5-34; 8, р. 1-27].

Уже в годы Великой Отечественной войны при репрезентации сопротивления сложилась будущая иерархия сюжетов, во многом определявшаяся политическими решениями. Особенно выделялись партизанские вооруженные отряды, диверсии на коммуникациях и мученическая гибель молодых подпольщиков. Персональные истории Зои Космодемьянской и Лизы Чайкиной, сообщения о краснодонской «Молодой гвардии» создавали канонические модели для последующей коммеморации. Их сила заключалась в ясной драматической последовательности. Молодой герой совершал сознательный выбор борьбы с врагом во имя Родины, проходил через пытки, сохранял верность боевым товарищам и стране, но погибал во имя своих убеждений.

В то же время многие формы борьбы советских граждан в оккупации и плену не укладывались в сложившуюся идеологическую рамку и не становились частью героического повествования. В лагерях и среди угнанных работников собственная память существовала в письмах, устных рассказах и нелегальных текстах, почти не проникая в советское публичное пространство [9, с. 3-25]. Чрезвычайная государственная комиссия фиксировала преступления оккупантов, свидетельства мирных жителей и судьбы подпольщиков; военные органы собирали отчеты партизанских штабов. Эти документы создавались для расследования и послевоенного возмездия, поэтому различали жертв и активных борцов, но не стремились описать все формы сопротивления.

После Победы та часть сопротивления, действия которой еще в годы войны были признаны идеологически верными, была преобразована в канон. Роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия» 1946 г., а затем его переработанная редакция 1951 г. стали характерными примерами. Литературная версия не только увековечивала подвиг отдельных подпольщиков, но и согласовывала их репрезентацию с нормативным идеологическим представлением. Музеи, памятники, присвоение имен улицам и школам закрепляли локальное событие в общесоюзной культуре [1, р. 95-108].

Партизанская память институционализировалась также через награждения, сборники документов, художественную литературу и региональные музеи. Она выполняла важнейшую интеграционную задачу, утверждая символическое единство фронта и тыла, оккупированных территорий и всей страны и показывая массовый характер народной борьбы. Историческая сила советского героического канона состояла в том, что подвиг отдельного человека раскрывался как выражение нравственной стойкости всего народа [2, р. 200-238; 8, р. 295-329].

Практически не артикулированной в этот период оставалась память о сопротивлении советских военнопленных. Некоторые бывшие заключенные пытались привлечь внимание к своему трагическому и героическому опыту. Иван Битюков - один из выживших участников массового побега из Маутхаузена - в начале февраля 1946 г. написал главному редактору газеты «Правда» письмо, в котором сообщил об условиях 20-го блока смерти, а также о самом побеге. Битюков настаивал на необходимости общественного признания их подвига, но его письмо осталось без ответа. Рассказ об этом подвиге мог продолжить серию редких публикаций о героизме советских военнопленных, появившихся еще во время войны. Именно тогда стало известно о восстании в Собиборе и Александре Печерском. Первое, хотя не совсем точное, упоминание в центральной советской прессе появилось в 1944 г. в очерке В. Гроссмана. В том же году сразу в нескольких газетах, в том числе «Комсомольской правде», была опубликована статья А. Рутмана и С. Красильщика, основанная на беседах с выжившими узниками, в журнале «Знамя» вышел очерк П. Антокольского и В. Каверина. В январе 1945 г. в «Комсомольской правде» появился текст самого Печерского, а весной того же года в Ростовском издательстве вышла небольшая книга Печерского [11, с. 172-173]. Однако приведенные факты скорее являлись исключением. В послевоенные годы бывших военнопленных считали неблагонадежными не только специальные органы, но и близкие родственники. Сохранялись проблемы с трудоустройством, обучением, вступлением в партию, получением личных документов.

Уже к началу 1950-х гг. обозначились два неравных по своему общественному положению пласта памяти. Истории партизан и подпольщиков на оккупированной территории СССР вошли в общий рассказ о Победе, хотя отбор героев и трактовка их действий подчинялись официальной идеологической схеме. Опыт военнопленных и «восточных рабочих» такого признания почти не получил. Он сохранялся главным образом в общении бывших узников, семейной переписке и личных воспоминаниях. Редкие газетные публикации не создавали устойчивой традиции коммеморации. Поэтому возвращение лагерного сопротивления в общественную память началось позднее и зависело уже от работы историков, архивистов и самих свидетелей.

После смерти И.В. Сталина, а особенно после XX съезда КПСС, о пережитом в плену стали писать заметно чаще. Появлялись мемуары, документальные очерки, газетные заметки, в которых назывались прежде неизвестные подпольщики. Однако основная схема памяти не изменилась. Новые биографии принима-

лись публичным пространством лишь тогда, когда подтверждали привычный образ советского человека, который и в плену не прекращал борьбу. Сложный опыт выживания, вынужденных компромиссов и повседневного противодействия оставался почти за пределами рассказа.

В качестве одного из редких исключений этого периода можно привести работы историка Е.А. Бродский. Его первые публикации о советском подполье в Германии вызвали письма бывших узников, которые сообщали имена товарищей, уточняли обстоятельства побегов и передавали документы. Книги «Живые борются» и «Они не пропали без вести» выросли из этой переписки и длительного поиска участников сопротивления. В них отдельные истории были сведены в общий рассказ о лагерном подполье и «Братском сотрудничестве военнопленных» (БСВ). Бродский в данном случае выступал не только автором исторического текста. Его работа сама стала средством возвращения забытых участников сопротивления в общественную память [10, с. 5-24; 12, с. 5-28; 13, с. 49-68].

В те же годы советский читатель получил больше сведений о соотечественниках, воевавших в европейском сопротивлении. Бывшие военнопленные и угнанные работники вступали в отряды на территории Югославии, Франции, Италии, Польши и Чехословакии. В советских публикациях этот опыт понимался как продолжение Великой Отечественной войны за пределами страны. Авторы подчеркивали, что советские бойцы приносили в подполье фронтовые навыки, дисциплину и опыт конспирации. Такое толкование связывало их действия с борьбой Красной армии и одновременно показывало международный масштаб сопротивления нацизму [14, с. 17-326; 15, с. 30-41].

Расширение канона не устранило прежней иерархии. Его главной фигурой оставался партизан, сражавшийся на оккупированной советской территории. Образ участника европейского Сопротивления появлялся в печати как доказательство международного значения советской борьбы. Образ лагерного подпольщика входил в общественную память труднее всего, поскольку само пребывание в плену еще долго вызывало подозрение. Неодинаковыми были и требования к доказательствам. Для известного партизанского отряда было достаточно уже сложившейся официальной истории, тогда как биография бывшего узника нуждалась в дополнительном подтверждении документами и свидетельствами.

В 1970-е и первой половине 1980-х гг. память о войне стала одной из важнейших основ советской публичной культуры. Юбилеи Победы, мемориальные комплексы, школьные музеи, поисковые отряды, встречи ветеранов и труды по истории партизанского движения создали разветвленную инфраструктуру памяти о сопротивлении советских граждан [1, р. 125-153; 2, р. 350-390].

В советском мемориальном пространстве партизаны и городские подпольщики были несравненно заметнее участников сопротивления в плену. Их именами называли улицы и школы, на местах боев и казней создавали музеи, ставили памятники, проводили памятные церемонии. Лагерное подполье обычно оставалось темой отдельных книг, авторских исследований и семейных архивов. Эта разница особенно отчетливо видна в школьных учебниках. В изданиях под редакцией А.М. Панкратовой героизм народа раскрывался через ряд образцовых биографий, но плен почти не обсуждался. В 1960-е гг. школьники уже читали о Майданеке и Освенциме, однако узники этих лагерей представляли прежде всего жертвами террора. Даже поздние советские учебники упоминали лагерное сопротивление лишь эпизодически и чаще всего через судьбы нескольких известных имен [11, с. 230-302; 16, с. 511-528].

Советская культура памяти сохраняла отдельные подвиги, но одновременно упрощала сложное явление до нескольких понятных сюжетов. В учебнике или фильме легче воспроизводилась история, построенная вокруг одного драматического события и общеизвестного героя. Многомесячная подготовка побега, передача сведений между бараками, тайная помощь больным или мелкий производственный саботаж не давали столь завершеного повествования. Поэтому несколько известных узников фактически представляли в публичном пространстве тысячи участников сопротивления, чьи имена оставались неизвестными. Героический пантеон существовал рядом с почти полным молчанием о реальном масштабе лагерного подполья [11, с. 230-302].

Когда лагерное сопротивление все же становилось частью позднесоветского рассказа, его описывали по уже известной модели организованной борьбы. Небольшие и не связанные между собой группы могли предстать звеньями единого движения, а роль коммунистов нередко выдвигалась на первый план независимо от подтверждения этого факта документами. Авторы стремились придать разрозненным свидетельствам цельность, необходимую для книги или музейной экспозиции. Это помогало признанию бывших узников, но создавало другую проблему. Позднейшему исследователю приходилось заново отделять подтвержденные сведения от предположений и литературных реконструкций.

Перестройка и распад СССР разрушили многие связи, на которых держалась прежняя система памяти. Архивы, издательства, музеи и ветеранские организации оказались в разных государствах и начали рабо-

тать в новых политических условиях. Общая история сопротивления советских граждан постепенно распалась на национальные версии. То, что прежде воспринималось как единый вклад граждан СССР в европейскую борьбу, все чаще представлялось набором отдельных биографий [11, с. 230-302; 14, с. 154-326].

Новая ситуация открывала возможности и одновременно создавала вызовы. Историки получили право обращаться к судьбам военнопленных, принудительных работников и лагерных узников без прежних идеологических ограничений. Но местные музеи и ветеранские объединения лишались поддержки, издательские серии закрывались, а памятные даты теряли свою значимость. Критическое переосмысление советской мемориальной схемы не сопровождалось столь же быстрым возникновением новой.

С начала 2000-х гг. память о Великой Отечественной войне вновь стала одним из важнейших средств общественного объединения. Ее центральным содержанием оставалась Победа, однако формы участия общества в сохранении памяти заметно изменились. Наряду с государственными юбилейными мероприятиями широкое распространение получили семейные и общественные инициативы. Самой заметной из них стал «Бессмертный полк», прошедший в современном формате в Томске в 2012 г. Портрет родственника, позволял человеку вынести семейную историю в публичное пространство и показать, что война присутствует в биографии его собственной семьи [18].

Эта форма коммеморации создавала новые возможности для сохранения памяти о сопротивлении. В шествиях могли быть представлены партизаны, подпольщики, военнопленные и бывшие узники лагерей. Вместе с тем портретный формат был сосредоточен прежде всего на судьбе отдельного человека и редко позволял показать деятельность подпольной организации или обстоятельства коллективной борьбы. Наиболее понятным и узнаваемым оставался образ фронтовика. Истории сопротивления в плену или на принудительных работах нуждались в подробном пояснении и поэтому значительно труднее включались в краткие формы публичной памяти.

Особенно заметно изменили мемориальную инфраструктуру электронные архивы. ОБД «Мемориал», созданный в 2007 г., и портал «Память народа», действующий с 2015 г., дали гражданам доступ к миллионам карточек, донесений и наградных документов. По ним стало возможно уточнять судьбы родственников, места службы и обстоятельства гибели. Однако организация этих электронных систем отражает прежде всего логику военного учета. Участие в лагерном подполье и сопротивлении на принудительных работах фиксируется лишь изредка, поэтому такие факты биографии приходится собирать из нескольких разнородных документов и внешних свидетельств [19; 20].

В 2020 г. положение о защите исторической правды и сохранении памяти о защитниках Отечества было закреплено в статье 67.1 Конституции Российской Федерации. Важным направлением государственной политики памяти стал проект «Без срока давности», объединивший архивные исследования, образовательные программы и памятные мероприятия, посвященные преступлениям нацистов и их пособников против мирного населения СССР. Реализация этих инициатив расширяет документальную базу исследований и усиливает внимание общества к последствиям нацистской оккупации [21; 22].

Государственная поддержка исторической памяти соответствует общественному запросу на сохранение правды о Великой Отечественной войне. Она подчеркивает преемственность поколений, общенародный характер Победы и ответственность современного общества за сохранение имен защитников Отечества. Одной из актуальных задач исторической науки становится создание сводного перечня советских граждан, участвовавших в европейском Сопротивлении. Для ее решения необходимо объединить сведения российских и зарубежных архивов и подготовить многоязычные публикации документов.

В 2020-е гг. память о сопротивлении существует одновременно в национальном, международном и цифровом пространствах. Анализ современных экспозиций Заксенхаузена, Бухенвальда, Равенсбрюка, Маутхаузена и Освенцима показывает, что внимание музейных учреждений все чаще сосредоточивается на страданиях и судьбах различных групп жертв нацизма. Такое изменение позволило полнее представить масштабы преследований и способствовало развитию культуры сочувствия. Вместе с тем организованное сопротивление узников стало занимать в музейном повествовании менее заметное место. На официальных ресурсах Заксенхаузена и Бухенвальда советские заключенные представлены главным образом как жертвы нацистского террора. В кратком путеводителе по Маутхаузену не упоминается восстание узников блока № 20. В мемориальном рассказе о Собиборе длительное время почти отсутствовали сведения об Александре Печерском и советских военнопленных, сыгравших ключевую роль в организации восстания [11, с. 230–302].

За прошедшие восемь десятилетий в коллективной памяти сформировались определенные механизмы селекции исторических фактов. Наибольшую коммеморативную репрезентацию получали дискретные события, жестко локализованные в пространстве, связанные с верифицируемыми лидерами и имевшие оче-

видный оперативно-тактический результат. Вооруженная акция или массовый побег формировали завершенную фабулу, оптимально соответствующую нарративным канонам прессы, кинематографа или мону-ментального искусства. Структура повседневного подполья носила принципиально иной характер. Ее составляли дискретные конспиративные контакты, практики взаимной поддержки, акты локального саботажа и пассивного неповиновения. Подобная деятельность редко аккумулировала репрезентативный комплекс документальных источников и практически не приводила к единовременным резонансным событиям. Несмотря на то, что их историческое значение остается константным, процесс интеграции таких практик в публичную память существенно затруднен.

Существенным фактором является и пространственная локализация коммеморативных практик. Партизанское движение и городское подполье, действовавшие на оккупированной территории СССР, органично инкорпорировались в советский макронарратив о Великой Отечественной войне. Иная ситуация складывалась вокруг советских граждан, воевавших в рядах движений Сопротивления во Франции, Италии, Югославии, Польше и других европейских государствах. Их комбатантский и конспиративный опыт одновременно принадлежал двум историографическим полям: советскому и национальному контексту стран пребывания. В отечественном дискурсе эти группы оказывались на периферии привычного пространства боевых действий, а для зарубежных музейных пространств и мемориалов они оставались иностранным контингентом. Данная дуальность идентичности не девальвировала масштаб их деятельности, однако препятствовала формированию унифицированного и устойчивого мемориального сюжета.

Реконструкция биографических данных этой категории лиц сопряжена со значительными источниковедческими трудностями. Условия конспирации требовали сокрытия подлинных личных данных, регулярной смены псевдонимов и документов, частых перемещений между концентрационными и рабочими лагерями, а после совершения побегов – интеграции в различные по партийно-политическому составу партизанские формирования. Вследствие этого одно и то же лицо могло фигурировать в делопроизводственной документации на нескольких языках и в различных орфографических вариантах фамилий. Дополнительным препятствием выступает архивная раздробленность: релевантные фонды рассредоточены между российскими и зарубежными (французскими, немецкими, итальянскими, балканскими) архивохранилищами, при этом корпус эго-документов крайне ограничен в силу гибели большинства непосредственных участников событий. Исследователь вынужден осуществлять кросс-верификацию документов лагерных администраций, послевоенных фильтрационно-проверочных анкет, мемуарного наследия, эпистолярных источников и материалов устной истории. До тех пор, пока данные изыскания носили фрагментарный характер, системный масштаб советского участия в европейском Сопротивлении оставался латентным.

После 1991 года к фактору архивной дезинтеграции добавилась суверенизация общего исторического нарратива новыми независимыми государствами. В национальных историографиях идентичность советского подпольщика подверглась ретроспективной этнизации К с акцентом на его принадлежность к русскому, украинскому, белорусскому, латышскому, грузинскому или иным народам. Это способствовало возвращению имен в региональный исторический контекст, однако нивелировало общегосударственную, гражданскую идентичность, актуальную для самих акторов в период Второй мировой войны. Участники подполья действовали в правовом и ментальном поле граждан СССР, эксплицитно связывая свою борьбу с освобождением всего советского государства. Устранение этого макроуровня идентичности приводит к деструкции системного мемориального ландшафта и распаду общего исторического феномена на совокупность изолированных национальных биографий.

Определенное влияние на статус советских комбатантов оказала и трансформация языка музейной репрезентации. Начиная с последних десятилетий XX века в европейских мемориальных комплексах произошел парадигмальный сдвиг в сторону виктимологического дискурса, сфокусированного на различных категориях жертв нацистской репрессивной политики. Данный поворот являлся методологически необходимым, поскольку позволил включить в экспозиционное пространство группы, ранее находившиеся на периферии научных исследований. Однако оборотной стороной этого процесса стало то, что образ советского военнопленного или интернированного гражданского лица (остарбайтера) стал редуцироваться исключительно до статуса пассивной жертвы преследований. Сведения о функционировании подпольных ячеек, актах саботажа, побегах и вооруженном сопротивлении оказались деактуализированы. В результате экспозиционный нарратив демонстрирует масштаб функционирования нацистского репрессивного аппарата, но лакунизирует тот факт, что значительная часть узников сохраняла субъектность и оказывала активное противодействие режиму внутри лагерной системы.

Источники личного происхождения, созданные на поздних этапах, требуют применения строгих методов исторической критики, однако дефицит синхронных официальных документов не является детермини-

рующим доказательством недостоверности нарратива. Конспиративная деятельность по своей природе была направлена на минимизацию документальных следов. Воспоминания, зафиксированные спустя десятилетия, неизбежно содержат хронологические абберрации, контаминацию различных эпизодов или кумуляцию коллективных действий вокруг одной фигуры. Следовательно, исследовательская задача заключается не в безусловной верификации или тотальной девальвации эго-документа, а в проведении процедуры его деконструкции. Необходимо четко разграничить факты, подтверждаемые независимыми источниками, данные, имеющие косвенную аргументацию, и позднейшие нарративные наслоения. В таком случае свидетельство сохраняет статус исторического источника в контексте истории памяти, но его содержание не экстраполируется автоматически на объективную хронологию событий.

Таким образом, слабая репрезентативность советских граждан в общеевропейской исторической памяти детерминирована комплексом факторов: спецификой массового коммеморативного нарратива, архивной дезинтеграцией, трансграничным характером биографий, распадом СССР и последующей сменой методологических концепций в европейском музейном деле. Преодоление этой лакуны возможно исключительно путем системной источниковедческой работы. Необходима разработка сопоставимых и синхронизированных баз данных российских и зарубежных архивных документов, составление верифицированных биобиблиографических справочников и учет дуальной идентичности участников, сочетавшей национальный контекст с советской гражданской принадлежностью. Формирование подобного источникового корпуса позволит интерпретировать их деятельность не в качестве гетерогенного элемента национальных движений, а как органическую и значимую составляющую общеевропейского контекста борьбы против национализма.

Выводы

Процесс формирования исторической памяти о сопротивлении советских граждан отличался существенной гетерогенностью. Официальный нарратив всенародной борьбы, сконструированный средствами массовой информации еще в годы войны, впоследствии был жестко институционализирован посредством историографии, системы образования и монументальной пропаганды. Его смысловым ядром закономерно стало партизанское и подпольное движение на оккупированной территории СССР – феномен с четкой географической локализацией, легитимным пантеоном героев и мощной государственной поддержкой. В то же время конспиративный и боевой опыт военнопленных, остарбайтеров и участников европейского Сопротивления оказался вытеснен на периферию. Долгое время он функционировал преимущественно в поле коммуникативной памяти – в форме эго-документов, семейных преданий и лимитированного числа публикаций, – крайне медленно интегрируясь в академический дискурс и публичное мемориальное пространство.

Геополитические трансформации рубежа 1980-1990-х годов привели к деконструкции единого советского макронарратива. Биографии участников Сопротивления оказались дисперсно распределены по новым национальным историографиям, что повлекло за собой разрыв системных связей между отдельными акторами. Параллельно в западноевропейской культуре памяти советские военнопленные и принудительные рабочие стали рассматриваться преимущественно сквозь призму виктимологического дискурса. Безусловно, это способствовало расширению фактографической базы о преступлениях нацизма, однако привело к редукции субъектности самих узников: их подпольная деятельность, акты саботажа, подготовка побегов и участие в партизанских формированиях вновь оказались затушеваны.

Современный этап развития исторической науки открывает качественно иные эвристические перспективы. Рассекречивание архивных фондов и внедрение цифровых баз данных позволяют осуществлять кросс-верификацию источников, ранее изолированных в рамках национальных и ведомственных хранилищ. Однако сугубо технического доступа к массивам документов недостаточно. На первый план выходят задачи критического источниковедческого анализа, деконструкции устойчивых мифологем и скрупулезной просопографической работы по восстановлению биографий. Фундаментальным условием здесь выступает сохранение в фокусе исследования советской гражданской идентичности комбатантов. Именно эта принадлежность детерминировала для большинства из них систему координат – понимание патриотизма, целей войны и смысла Победы, даже когда антифашистская борьба велась за тысячи километров от государственных границ СССР.

Место советского народа в историографии освобождения Европы должно строго коррелировать с его фактическим вкладом. Совокупный масштаб антинацистского противостояния не исчерпывается стратегическими операциями Красной армии; он включает в себя многоуровневое партизанское движение на оккупированных территориях, городское и лагерное подполье, а также массовое участие советских граждан в национальных движениях Сопротивления за рубежом. Актуализация этих сюжетов в научном обороте не

имеет целью девальвировать заслуги других наций. Напротив, она направлена на восстановление объективной исторической пропорции, доказывая, что разгром национал-социализма стал возможен благодаря решающей роли Советского Союза и активной, непрерывной борьбе его граждан на всем европейском театре военных действий.

Список источников

1. Tumarkin N. *The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994. 256 p.
2. Weiner A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 416 p.
3. Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне. Эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23 – 34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
6. Nora P. *Between Memory and History. Les Lieux de Mémoire* // *Representations*. 1989. No. 26. P. 7 – 24. DOI: 10.2307/2928520.
7. Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941-1944. М.: Наука, 1986. 440 с.
8. Slepian K. *Stalin's Guerrillas. Soviet Partisans in World War II*. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 409 p.
9. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1946. 457 с.
10. Бродский Е.А. Они не пропали без вести. Не сломленные фашистской неволей. М.: Мысль, 1987. 461 с.
11. Аристов С.В., Васильев И.Ю., Мацкевич М.Г., Эдельштейн М.Ю. Сопротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения. История и память. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 303 с.
12. Бродский Е.А. Живые борются. М.: Воениздат, 1965. 240 с.
13. Бродский Е.А. Об антифашистской борьбе в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 49 – 68.
14. Семиряга М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М.: Наука, 1970. 351 с.
15. Андрианов В. Советские партизаны за рубежом // Военно-исторический журнал. 1961. № 9. С. 30 – 41.
16. Тихонов В.В. Образы Великой Отечественной войны в советских и российских школьных учебниках // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 511 – 528.
17. Heusler A. *Ausländereinsatz. Zwangsarbeit für die Münchner Kriegswirtschaft 1939-1945*. München: Hugendubel, 1996. 474 p.
18. История и правила акции «Бессмертный полк» // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/11326629> (дата обращения: 18.06.2026)
19. ОБД «Мемориал». О проекте. [Электронный ресурс]. URL: <https://obd-memorial.ru/memorial/about.htm> (дата обращения: 18.06.2026)
20. Государственная информационная система «Память народа». [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 18.06.2026)
21. Конституция Российской Федерации. Ст. 67.1, ч. 3 // Государственная Дума. [Электронный ресурс]. URL: <https://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 18.06.2026)
22. Без срока давности. Официальный портал проекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://memory45.su/> (дата обращения: 18.06.2026)

References

1. Tumarkin N. *The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994. 256 p.
2. Weiner A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 416 p.

3. Malinkin A.N. Historical Memory of the Great Patriotic War. Epistemological and Genealogical Aspects. Sociological Studies. 2020. No. 5. P. 23 – 34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2
4. Halbwachs M. Social Framework of Memory. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2007. 346 p.
5. Assman J. Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 363 p.
6. Nora P. Between Memory and History. Les Lieux de Mémoire. Representations. 1989. No. 26. P. 7 – 24. DOI: 10.2307/2928520.
7. Ponomarenko P.K. The Popular Struggle in the Rear of the Nazi Invaders. 1941-1944. Moscow: Nauka, 1986. 440 p.
8. Slepian K. Stalin's Guerrillas. Soviet Partisans in World War II. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 409 p.
9. Collection of reports of the Extraordinary State Commission on the atrocities of the Nazi invaders. Moscow: Gospolitizdat, 1946. 457 p.
10. Brodsky, E.A. They did not disappear without a trace. Not broken by fascist captivity. Moscow: Mysl', 1987. 461 p.
11. Aristov S.V., Vasiliev I.Yu., Matskevich M.G., Edelshtein M.Yu. Resistance of Soviet prisoners of war in Nazi concentration camps and extermination centers. History and memory. Moscow: Political Encyclopedia, 2022. 303 p.
12. Brodsky E.A. The living fight. Moscow: Voenizdat, 1965. 240 p.
13. Brodsky E.A. On the Anti-Fascist Struggle in Germany During World War II. Questions of History. 1959. No. 7. P. 49 – 68.
14. Semiryaga M.I. Soviet People in the European Resistance. Moscow: Nauka, 1970. 351 p.
15. Andrianov V. Soviet Partisans Abroad. Military History Journal. 1961. No. 9. P. 30 – 41.
16. Tikhonov V.V. Images of the Great Patriotic War in Soviet and Russian School Textbooks. Modern History of Russia. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 511 – 528.
17. Heusler A. Ausländereinsatz. History of the Munich Kriegswirtschaft 1939-1945. Munich: Hugendubel, 1996. 474 p.
18. History and Rules of the "Immortal Regiment" Action. TASS. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/info/11326629> (date of access: 18.06.2026)
19. OBD "Memorial". About the Project. [Electronic resource]. URL: <https://obd-memorial.ru/memorial/about.htm> (accessed: 18.06.2026)
20. State Information System "Memory of the People". [Electronic resource]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (date of access: 18.06.2026)
21. Constitution of the Russian Federation. Art. 67.1, Part 3. State Duma. [Electronic resource]. URL: <https://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (date of access: 18.06.2026)
22. No statute of limitations. Official project portal. [Electronic resource]. URL: <https://memory45.su/> (date of access: 18.06.2026)

Информация об авторе

Аристов С.В., доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культурологии, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-3848>, Национальный исследовательский университет «МЭИ», 111250, г. ул. Красноказарменная, д. 14, корп. 3, каб. 211, AristovSV@mpei.ru

© Аристов С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 9.908

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-15-21

Краснодарский хлопчатобумажный комбинат в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х годов

¹ Лаврентьева М.А.,

¹ Дубиненко Н.А.,

¹ Кубанский государственный технологический университет

Аннотация: в рамках данной статьи представлены результаты исследования истории функционирования Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг., до момента закрытия предприятия.

В процессе исследования рассмотрена деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината на завершающем этапе его истории. Представлен анализ ключевых факторов, оказывавших влияние на функционирование данного предприятия, и причин, приведших к его закрытию. Цель исследования – выявление роли хлопчатобумажного комбината в истории города Краснодара: его влияние на становление облика города и развитие инфраструктуры, на жизни и судьбы краснодарцев, которые были связаны с предприятием. Для достижения поставленной цели были реализованы следующие задачи: изучены фактические данные из открытых источников о предмете исследования; составлено описание ключевых моментов истории Краснодарского хлопчатобумажного комбината; произведён анализ материала с учётом исторического контекста.

Среди основных научных источников, использованных в процессе исследования, можно выделить следующие: архивные материалы, находящиеся в открытом доступе; нормативно-правовые документы; факты из личных и семейных архивов работников предприятия; информация из журналов и газет за период 1985–1995 гг.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для анализа состояния экономики страны в исторический период 1985–1995 гг. в целом, и текстильной отрасли промышленности в частности. Также, полученные материалы могут применяться для изучения местных аспектов истории Краснодарского края и города Краснодара.

Научная новизна представлена систематическим подходом к исследованию истории конкретного предприятия на заключительном этапе его функционирования, в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. Проведён анализ различных факторов периода перестройки и первых лет после распада СССР, повлиявших на ход развития Краснодарского хлопчатобумажного комбината в указанные хронологические рамки и формирование причин его закрытия. Сделан вывод о том, что комбинат сыграл свою роль в развитии отечественной лёгкой промышленности, в развитии города Краснодара, но под влиянием нового времени и обстоятельств промышленная территория и бывшие производственные цеха были адаптированы к современным историческим реалиям.

Ключевые слова: Краснодарский край, Краснодарский хлопчатобумажный комбинат, хлопчатобумажная промышленность, развитие городской инфраструктуры, история предприятия

Для цитирования: Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А. Краснодарский хлопчатобумажный комбинат в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х годов // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 15 – 21. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-15-21

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Krasnodar Cotton Mill in the second half of the 1980s and the first half of the 1990s

¹ Lavrentieva M.A.,

¹ Dubinenko N.A.,

¹ Kuban State Technological University

Abstract: this article presents the results of a study of the history of the Krasnodar Cotton Mill's operation during the second half of the 1980s and the first half of the 1990s, until the plant's closure.

In the course of the research, the activity of the Krasnodar cotton Mill at the final stage of its history is considered. An analysis of the key factors that influenced the operation of this enterprise and the reasons that led to its closure is presented. The purpose of the study is to identify the role of the cotton mill in the history of the city of Krasnodar: its influence on the formation of the appearance of the city and the development of infrastructure, on the lives and destinies of Krasnodar residents who were associated with the enterprise. To achieve this goal, the following tasks were implemented: factual data from open sources on the subject of research were studied; a description of key moments in the history of the Krasnodar Cotton Mill was compiled; the material was analyzed taking into account the historical context.

Among the main scientific sources used in the research process, the following can be distinguished: archival materials in the public domain; regulatory documents; facts from personal and family archives of employees of the enterprise; information from magazines and newspapers for the period 1985-1995.

The practical significance of the research lies in the possibility of using the results obtained to analyze the state of the country's economy in the historical period 1985-1995 in general, and the textile industry in particular. Also, the obtained materials can be used to study local aspects of the history of the Krasnodar Territory and the city of Krasnodar.

The scientific novelty is represented by a systematic approach to the study of the history of a particular enterprise at the final stage of its operation, in the period of the second half of the 1980s – the first half of the 1990s. The analysis of various factors of the period of perestroika and the first years after the collapse of the USSR, which influenced the development of the Krasnodar cotton combine in the specified chronological framework and the formation of the reasons for its closure, is carried out. It is concluded that the plant played a role in the development of the domestic light industry, in the development of the city of Krasnodar, but under the influence of modern times and circumstances, the industrial area and former production workshops were adapted to modern historical realities.

Keywords: Krasnodar Territory, Krasnodar Cotton Mill, cotton industry, development of urban infrastructure, the history of the enterprise

For citation: Lavrentieva M.A., Dubinenko N.A. Krasnodar Cotton Mill in the second half of the 1980s and the first half of the 1990s. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 15 – 21. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-15-21

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 1, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Изучение отечественной истории невозможно без детального исследования определённых частных явлений и процессов, происходивших с государством. Именно благодаря рассмотрению конкретных проблематик можно судить о таких актуальных вопросах, как: роль личности в истории или влияние масштабных преобразований и процессов на судьбу конкретного человека и гражданина, государства и мира в целом.

В настоящий момент весьма дискуссионными темами являются тема перестройки и тема распада СССР, представленные в обширном ряде научных работ и публикаций. При этом, не существует какого-либо однозначного мнения касательно роли политики перестройки в истории России или единого трактования событий первых лет после распада СССР.

Ряд исследователей занимаются изучением данных проблем, анализируя состояние общества и государства в целом [1]. В некоторых работах рассматриваются экономические, правовые и социальные аспекты процесса перестройки в СССР [2]. При этом достаточно редко встречаются исследования истории конкретных объектов (в роли которых чаще всего выступают промышленные предприятия), хотя именно изучение предприятия и его влияния на судьбы людей в контексте глобальных общественно-политических преобразований (коими и являются перестройка и распад СССР) позволяют делать выводы о развитии общества,

государства, конкретного региона с наибольшей объективностью. Именно в этом случае можно относительно детально рассмотреть роль того или иного события в истории страны, исследуя не жизненный путь конкретного человека, а некоторую группу людей, объединённую по общему признаку (как правило, по профессиональному).

В рамках данной статьи, являющейся завершающей частью большого исторического исследования, представлен анализ функционирования реального предприятия в г. Краснодаре (Краснодарского хлопчатобумажного комбината) в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. Актуальность исследования состоит в том, что данный комбинат является весьма характерным примером существования и развития промышленного объекта в контексте периода перестройки и распада СССР: большое предприятие, объединявшее тысячи человек, исправно функционировавшее многие годы, начинает постепенно деградировать и, в конечном итоге, перестаёт существовать вслед за страной, сыграв свою роль на исторической арене. Похожие случаи также можно найти в истории многих других городов России. Краснодарский хлопчатобумажный комбинат являлся одним из крупнейших в отрасли, объединял свыше 11 тысяч человек, которые были его непосредственными сотрудниками (без учёта людей, косвенно связанных с работой комбината).

Научная новизна представлена систематическим подходом к исследованию истории конкретного предприятия на заключительном этапе его функционирования, в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг.

В статье приводится анализ ряда факторов, повлиявших на функционирование предприятия и сказавшихся на его закрытии. Также представлены выводы о работе Краснодарского хлопчатобумажного комбината и вкладе данного предприятия в становление современного облика г. Краснодара.

Материалы и методы исследований

В настоящий момент существуют научные исследования, посвящённые теме развития и функционирования объектов промышленности на территории Краснодарского края [3]. В ряде публикаций описывается ущерб, нанесённый промышленности Кубани в годы Великой Отечественной войны, и история предприятий в условиях восстановления народного хозяйства в первые послевоенные годы (в особенности это касается регионального центра, г. Краснодара, но также распространяется и на другие города региона) [4-6].

Данная статья является завершающей в рамках обширного авторского исследования истории Краснодарского хлопчатобумажного комбината (ХБК) и его вклада в становление современного облика г. Краснодара [7, 8]. Ранее были представлены результаты анализа функционирования предприятия за периоды: начала 60-х – первой половины 70-х гг. XX века; второй половины 70-х – первой половины 80-х гг. XX века. В этом исследовании в качестве исторических рамок выбран период второй половины 80-х – первой половины 90-х гг. XX века. Повествование разделено на два этапа в зависимости от изменения общественно-политической обстановки в стране: 1-й этап – годы перестройки в СССР; 2-й этап – распад СССР и первые годы после этого события.

В качестве источниковой базы для исследования применялись архивные документы Краснодарского хлопчатобумажного комбината, находящиеся в открытом доступе [9]. Кроме того, были использованы материалы газеты «За коммунистический труд», издаваемой при комбинате, и фактические данные из архивов семей работников предприятия [10].

Результаты и обсуждения

Хронология развития предприятия. Хлопчатобумажное производство в Краснодарском крае было запущено в период начала 1960-х гг., когда на восточной окраине г. Краснодара появились цеха нового предприятия [7]. Установлено, что период расцвета комбината пришёлся на период середины 1970-х гг., когда при действовала обширная система социального обеспечения для сотрудников предприятия. Численный состав персонала, работавшего на ХБК, составлял более 11 тыс. чел., комбинат выпускал разнообразные виды тканей (среди них: саржа, сатин, вельвет, бархат, вельвет-корд, бязь, полубархат, джинсовая ткань).

К концу 70-х гг. XX века на Краснодарском хлопчатобумажном комбинате стали наблюдаться некоторые кризисные явления, характерные для периода «застоя» в СССР: падение качества тканей, отсутствие заинтересованности работников в результатах своего труда, отсутствие модернизации производства [8]. Таким образом, на ХБК постепенно нарастали экономические трудности, а сотрудники предприятия стали всё чаще сталкиваться с дефицитом ряда товаров народного потребления.

Период перестройки. В качестве ответа на серьёзные проблемы и вызовы правительство СССР под руководством генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в 1985 г. инициировало программу «ускоре-

ния», направленную на модернизацию экономики государства в целом и промышленного сектора в частности. А вслед за этим было объявлено о политике гласности и начале перестройки.

В таких условиях функционировал и Краснодарский хлопчатобумажный комбинат. Обстановка перемен поначалу положительно сказывалась на работоспособности текстильщиков: люди работали с энтузиазмом, выполняли поставленный план. Стимулирующим средством были премии за перевыполнение плана, выплачиваемые в обязательном порядке (их размер составлял более 14 % от средней заработной платы на предприятии).

В сфере жилищной политики Краснодарского ХБК стали наблюдаться изменения: после реализации программы уплотнения застройки в микрорайоне при комбинате, проводимой директором А.И. Крымовым, масштабного строительства нового жилья для сотрудников не проводилось [8]. При этом инфраструктура микрорайона поддерживалась в хорошем состоянии. По словам местных жителей, жилой массив представлял собой уютное место с благоустроенными дворами. В квартирах бесперебойно функционировало водо-, газо- и электроснабжение, а за состоянием зданий следил жилищно-коммунальный отдел (ЖКО).

К концу 80-х гг. XX века экономическая и политическая обстановка в стране стала обостряться, что, безусловно, сказалось и на Краснодарском ХБК. Политика перестройки не оправдала ожидания сотрудников предприятия: обстановка с продовольственными и непродовольственными товарами усугубилась, в обществе стали заметны проявления коррупции. Постепенно снижался объём выпускаемой на комбинате продукции, что, в сочетании с начавшимся ранее падением качества тканей, привело к весьма кризисному положению на производстве.

В самом начале 1990-го г. под руководством последнего директор комбината, А.П. Семькина, были проведены юридические преобразования [9]. Так, в духе того времени, Краснодарский ХБК был реорганизован в акционерное общество (АО) «Югтекс». Такое название получилось путём сочетания двух слов: «южный» и «текстиль».

Период после распада СССР. В декабре 1991 г. СССР прекратил своё существование, пятнадцать бывших союзных республик получили независимость и стали строить свою государственность. Последствия от этого события напрямую отразились на работе и без того ослабшего за годы перестройки хлопчатобумажного комбината в г. Краснодаре, т.к. были разорваны сложившиеся экономические связи и потеряны рынки сбыта.

С распадом страны продукция хлопчатобумажного комбината перестала пользоваться прежним спросом, ведь более 60 % краснодарских тканей поставлялось на швейные фабрики Прибалтийских республик, которые одними из первых вышли из состава СССР. Теперь АО «Югтекс» переориентировался на внутренний рынок, где найти покупателя тканей было невероятно сложно, т.к. приходилось конкурировать с отечественными текстильными предприятиями из городов Иваново, Камышина, Ногинска и т.д. Проблемы вызывали и поставки сырья на предприятие: ранее хлопок привозили из Узбекистана, который тоже стал независимой страной (теперь закупать хлопок стало дорого и сложно). Таким образом, комбинат остался в незавидном положении, когда рухнули линии поставок и рынки сбыта [11].

Несмотря на все вызовы извне, все цеха на АО «Югтекс» продолжали функционировать. Проблему рынков сбыта руководство предприятия пыталось решить созданием собственного швейного производства: в 1991 г. был открыт новый швейный цех, в качестве сырья он использовал ткани, произведённые на комбинате, а в роли его продукции выступал домашний текстиль (детская одежда, покрывала, наволочки и т.д.).

Решить проблему дефицита сырья директор А.П. Семькин пытался путём возрождения хлопкового дела, которое ранее внедрялось на Кубани [12]. Планировалось, что новые технологии в сфере сельского хозяйства помогут приспособить эту культуру к климату Краснодарского края, но надежды не оправдались. Как и в 1950-е гг. хлопковое дело в кубанском климате не пошло, урожайность культуры была на очень низком уровне из-за обилия дождей и туманов в регионе (в сравнении с Узбекистаном), отсутствия автоматизации при сборе и низкой квалификации кадров, которые не обладали достаточными компетенциями в вопросе возделывания хлопковых сельскохозяйственных культур [11]. Результатом вышеописанных трудностей стало уменьшение объёмов производства и значительное снижение доходов. Возникла ситуация, при которой предприятие просто не могло исправно платить сотрудникам заработную плату. Начались задержки по оплате труда, а некоторым текстильщикам в качестве платы за труд выдавали сделанную ими же продукцию (ткани или бельё со швейного цеха).

Все эти тенденции не могли долго продолжаться, предприятие пребывало в глубоком кризисе. На АО «Югтекс» начались сокращения, стали закрываться цеха, а в последний год на предприятии действовал лишь экспериментальный цех, выпускавший уникальные ткани. Местные власти г. Краснодара под руководством главы города В.А. Самойленко оказывали предприятию некоторые меры поддержки, но они лишь

незначительно отсрочили закрытие хлопчатобумажного производства. В 1993 г. под натиском многочисленных внешних и внутренних проблем комбинат развалился [11].

В течение 1993 г. появлялись попытки возобновления хлопчатобумажного производства в г. Краснодаре. Так, закрытый АО «Югтекс» временно возродили под другим названием: на остатках производственных мощностей было создано новое текстильное предприятие с юридическим названием АО «Кубаньтекс» (название получилось путём сочетания слов «Кубань» и «текстиль»). В сравнении со старым комбинатом АО «Кубаньтекс» сжался до нескольких цехов с количеством сотрудников в несколько сотен человек (против 11 тыс. чел. на ХБК). Ткани, производимые АО «Кубаньтекс» имели низкое качество, были грубыми [11]. Объём выпускаемой продукции составлял 7 % от того количества тканей, которые производил ХБК в докризисные годы (т.е. спад производственных мощностей составил более чем на 93 %) [13].

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях экономической и политической обстановки на момент середины 1990-х гг. Краснодарский хлопчатобумажный комбинат больше не мог функционировать даже с учётом юридических преобразований (сначала в АО «Югтекс», затем в АО «Кубаньтекс»). За более чем 30 лет своей работы (с 1963 г. по 1993 г.) ХБК значительно повлиял на облик г. Краснодара: при производстве строились жилые дома (и даже целый микрорайон для текстильщиков), позитивно развивались транспортная инфраструктура, коммунальные сети, социальная инфраструктура и т.д. Но особенно сильное влияние предприятие оказало на судьбы десятков тысяч краснодарцев, непосредственно трудившихся на комбинате или косвенно связанных с ним.

Вслед за остановкой хлопчатобумажного производства в г. Краснодаре остановилось и текстильное производство в целом, т.к. второй крупный производитель тканей – Краснодарский камвольно-суконный комбинат, тоже прекратил работу из-за развала экономики. Среди основных причин, которые привели к закрытию Краснодарского ХБК, можно выделить:

1. Нарушение экономических связей, сложившихся в 1970-е гг. и просуществовавших вплоть до распада СССР;
2. Отсутствие модернизации на производстве в период 1980-х гг., вследствие чего ткани уступали аналогам по соотношению цены и качества;
3. Малая заинтересованность работников в результатах своего труда (если на момент начала 1980-х гг. наблюдались лишь некоторые сбои в поставках товаров народного потребления, то к моменту начала 1990-х гг. людям могли даже не выплачивать заработную плату).

В исторических реалиях тех лет особенно незавидна судьба текстильщиков, которые полностью лишились рабочих мест в очень сложный для страны период. Тяжёлое время настало и для микрорайона при комбинате, где происходило заметное снижение уровня жизни (т.к. практически все его жители лишились работы, и, как следствие, средств на существование), что было характерно как для г. Краснодара, так и для всей страны в целом. Следствием всего описанного стала сильная криминализация микрорайона, рост числа преступлений, совершённых здесь. Характерной чертой эпохи стали решётки на окнах в многоквартирных домах: жители первых, вторых, третьих и даже четвёртых этажей старались таким образом защитить свои квартиры от ограблений.

С течением времени экономическая ситуация в стране налаживалась. Многие текстильщики вынужденно прошли курсы профессиональной переквалификации и нашли другую работу. Промышленная территория и бывшие производственные цеха были адаптированы к современным условиям. Но память о Краснодарском хлопчатобумажном комбинате жива по сей день даже спустя более чем 30 лет с момента его закрытия.

Список источников

1. Шех А.В. Власть и общество в условиях перестройки в СССР // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6 (25). С. 154 – 160.
2. Чангли И.Д. Реформирование государственного механизма Советского государства в 1985-1991 гг.: экономический, социальный и правовой аспекты // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 383 – 390.
3. Салфетников Д.А. Региональные условия развития кубанских и ставропольских промышленных предприятий к концу нэпа // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 9. С. 30 – 34.
4. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А. Кубань в годы Великой Отечественной войны // Вектор гуманитарной мысли. 2023. № 3. С. 9 – 24.
5. Сокольская О.Н., Дубиненко Н.А. Послевоенное восстановление Краснодара // Градостроительство. Инфраструктура. Коммуникации. 2024. № 2 (35). С. 11 – 15.

6. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А. История становления современного архитектурно-планировочного облика города Тимашевска // Вектор гуманитарной мысли. 2025. № 2. С. 43 – 59.
7. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В. Деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века и его вклад в развитие инфраструктуры города Краснодара // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 6. С. 202 – 210.
8. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н. А. Функционирование Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и его влияние на формирование городской инфраструктуры // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 8. С. 70 – 75.
9. Краснодарский хлопчатобумажный комбинат (ХБК) Министерства легкой промышленности РСФСР г. Краснодар. Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края» / Фонд № Р-1653 [Электронный ресурс]. URL: <https://alertino.com/ru/322347> (дата обращения: 03.09.2024)
10. За коммунистический труд: орган парткома, фабкома, комитета ВЛКСМ и дирекции объединения «Краснодарский ХБК» / Национальная электронная библиотека : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004502601/
11. Татарникова О.А. Краснодар 60 лет спустя: Раньше мы производили, а теперь мы все покупаем и потребляем // Родная Кубань. Краснодар, 2022. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/polemika/polemika_14454.html (дата обращения: 24.07.2024)
12. Хронова И.А. Развитие хлопковой отрасли в колхозах Северного Кавказа в годы первой пятилетки // Современные социально-гуманитарные науки: вопросы теории и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 25 сентября 2025 года. Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен", 2025. С. 42 – 46.
13. Летопись краснодарских предприятий. МК на Кубани [Электронный ресурс]. URL: <https://kuban.mk.ru/> (дата обращения: 03.09.2024)

References

1. Shekh A.V. Power and Society in the Context of Perestroika in the USSR. Transactions of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 6 (25). P. 154 – 160.
2. Changli I.D. Reforming the State Mechanism of the Soviet State in 1985-1991: Economic, Social, and Legal Aspects. Sociology and Law. 2022. Vol. 14. No. 3. P. 383 – 390.
3. Salfetnikov D.A. Regional Conditions for the Development of Kuban and Stavropol Industrial Enterprises by the End of the NEP. Manuscript. 2020. Vol. 13. No. 9. P. 30 – 34.
4. Lavrentyeva M.A., Dubinenko N.A. Kuban during the Great Patriotic War. Vector of Humanitarian Thought. 2023. No. 3. P. 9 – 24.
5. Sokolskaya O.N., Dubinenko N.A. Post-war reconstruction of Krasnodar. Urban development. Infrastructure. Communications. 2024. No. 2 (35). P. 11 – 15.
6. Lavrenteva M.A., Dubinenko N.A. History of the formation of the modern architectural and planning appearance of the city of Timashevsk. Vector of Humanitarian Thought. 2025. No. 2. P. 43 – 59.
7. Lavrenteva M.A., Dubinenko N.A., Gaevskaya I.I., Kostenko R.V. The activities of the Krasnodar Cotton Mill in the 1960s-1970s and its contribution to the development of the infrastructure of the city of Krasnodar. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 202 – 210.
8. Lavrentyeva M.A., Dubinenko N.A. The functioning of the Krasnodar Cotton Mill in the late 1970s – first half of the 1980s and its impact on the formation of urban infrastructure. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 8. P. 70 – 75.
9. Krasnodar Cotton Mill (KhBK) of the Ministry of Light Industry of the RSFSR, Krasnodar. State Budgetary Institution of Krasnodar Krai "State Archives of Krasnodar Krai". Collection No. R-1653 [Electronic resource]. URL: <https://alertino.com/ru/322347> (date of access: 03.09.2024)
10. For Communist Labor: organ of the party committee, factory committee, Komsomol committee and the directorate of the Krasnodar Cotton Mill association. National Electronic Library: official website [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004502601/
11. Tatarinova O.A. Krasnodar 60 Years Later: We Used to Produce, But Now We Buy and Consume Everything. Rodnaya Kuban. Krasnodar, 2022. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/polemika/polemika_14454.html (date of access: 24.07.2024)

12. Khronova I.A. Development of the cotton industry on collective farms in the North Caucasus during the first five-year plan. Modern social and humanitarian sciences: issues of theory and practice: Proceedings of the International scientific and practical conference, Krasnodar, September 25, 2025. Krasnodar: Limited Liability Company "Epomen", 2025. P. 42 – 46.

13. Chronicle of Krasnodar enterprises. MK in Kuban [Electronic resource]. URL: <https://kuban.mk.ru/> (date accessed: 03.09.2024)

Информация об авторах

Лаврентьева М.А., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, tabar1@rambler.ru

Дубиненко Н.А., лаборант, Кубанский государственный технологический университет, nikita-dubinenko@yandex.com

© Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(476)“1941/1942”

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-22-28

Преступления нацистов против детства: документальные свидетельства из архивов Липецкой области

¹ Некрылова О.Г.,

¹ Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Аннотация: политика геноцида немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны носила плановый и целенаправленный характер, касаясь всех групп населения, в том числе и самых незащищенных, детей. В статье автором рассматриваются преступления нацистов в отношении детей и подростков в период ВОВ на территориях, которые вошли в 1954 г. состав современной Липецкой области. Несмотря на разные периоды оккупации районов, вошедших в состав Липецкой области, нацисты совершили многочисленные преступления в городах и селах, среди которых особое место по своей трагичности занимают преступления против несовершеннолетних. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью проблематики политики геноцида, направленной против детей и подростков в период оккупации районов современной Липецкой области. В статье автором предпринята попытка объективного анализа и детального рассмотрения преступной политики нацистов, показаны формы и методы ее реализации в отношении несовершеннолетних граждан, которых убивали, сжигали заживо, морили голодом, использовали в качестве бесплатной рабочей силы. Введение в научный оборот документальных источников дает возможность значительно расширить фактологическую базу по данной проблематике. Результаты исследования будут способствовать углублению научных представлений о геноциде немецко-фашистских захватчиков в отношении детей, и послужат основой для последующих региональных исследований, посвященных истории детства в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: геноцид, Великая Отечественная война, Липецкая область, немецко-фашистские захватчики, оккупация, дети

Для цитирования: Некрылова О.Г. Преступления нацистов против детства: документальные свидетельства из архивов Липецкой области // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 22 – 28. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-22-28

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Nazi crimes against childhood: documentary evidence from the archives of the Lipetsk region

¹ Nekrylova O.G.,

¹ Bunin Yelets State University

Abstract: the policy of genocide by the German fascist invaders in the occupied territory of the USSR during the Great Patriotic War was planned and purposeful, affecting all groups of the population, including the most vulnerable, children. In this article, the author examines the crimes committed by the Nazis against children and adolescents during the Great Patriotic War in the territories that became part of the modern Lipetsk Region in 1954.

Despite the different periods of occupation of the areas that became part of the Lipetsk Region, the Nazis committed numerous crimes in the cities and villages, among which crimes against minors take a special place due to their tragic nature. The relevance of this study is due to the lack of research on the policy of genocide directed against children and adolescents during the occupation of the areas of modern Lipetsk Region. In this article, the author attempts to provide an objective analysis and detailed examination of the Nazi regime's criminal policies, highlighting the forms and methods used to target and exploit minors, including murder, burning alive, starvation, and forced labor. By introducing documentary sources into the scientific discourse, this article significantly expands the existing knowledge base on this subject. The findings of this research will contribute to a deeper understanding of the Nazi genocide against children and serve as a foundation for future regional studies on the history of childhood during the Great Patriotic War.

Keywords: genocide, Great Patriotic War, Lipetsk Region, German fascist invaders, occupation, children

For citation: Nekrylova O.G. Nazi crimes against childhood: documentary evidence from the archives of the Lipetsk region. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 22 – 28. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-22-28

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Развязав агрессию против Советского союза, нацистская Германия установила оккупационный режим на общей площади примерно в 2 млн. км²., на которых проживало около 88 млн. советских граждан. При этом только 15 млн. человек было мобилизовано в Красную Армию или эвакуировано в тыловые районы страны. Таким образом, под властью немецко-фашистских захватчиков оказалось около 37% населения страны [17, с. 229, 231].

Потери гражданского населения на оккупированных территориях, а также среди лиц, насильственно угнанных на принудительные работы в Германию, составили 13,7 млн. человек из 26,6 млн., т.е. более половины от общих демографических потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Количество детей, рожденных в годы ВОВ, и умерших в этот же период составило 1,3 млн. человек [9, с. 25]. На оккупированных территориях нашей страны немецко-фашистские преступники совершили массовые преступления в отношении детей, а количество жертв идет на сотни тысяч. Официальная статистика, приводит цифру в 7,4 млн. жертв среди мирного населения на оккупированных территориях, среди которых только 216 431 дети. Однако точное количество детей, пострадавших от бесчеловечных деяний и преступлений нацистских захватчиков, до сих пор не установлено, а реальные масштабы трагедии значительно превышают официальные данные. Анализ архивных документов, подтверждает, что зачастую детей уничтожали вместе с родными, в большинстве случаев с матерями, поэтому в официальной статистике, используется формулировка «в том числе и дети», подразумевающая гибель целых семей в условиях оккупационного террора.

Для идеологов нацистов, в том числе и лидера Третьего Рейха А.Гитлера, понятие «раса», носило исключительно биологическое значение, исключая культурную составляющую, поэтому уничтожение, подрастающего поколения СССР, было частью плана по уничтожению всего Советского государства. «Для нацистов уничтожить наше государство можно было, только уничтожая его будущее – детей. Дети с исторической самоидентификацией, помнящие своих родителей, дом, страну, – вот что было самым опасным для врага» – в интервью РИА Новости, отмечает историк, руководитель Национального центра исторической памяти при Президенте РФ Елена Малышева [10]. Именно поэтому, сегодня важным инструментом уточнения данных и реконструкции обстоятельств преступлений, является детальное изучение архивных документов, что позволит скорректировать ранее опубликованные сведения и сформировать более полную картину совершённых нацистами злодеяний.

Материалы и методы исследований

В ходе наступления на Москву, осенью 1941 г. немецко-фашистские войска установили контроль практически над всеми территориями современной Липецкой области, при этом борьба за отдельные населенные пункты отличалась исключительной жестокостью, так как они имели важное стратегическое значение в продвижении к Москве. В ходе битвы за Москву и дальнейшей наступательной операции Красной Армии, в течение нескольких месяцев 1941-1942 гг., удалось освободить значительную часть оккупированных территорий. Однако отдельные районы, входившие в период войны, в Орловскую, Курскую и Воронежскую области, оставались под властью немецко-фашистских оккупантов на протяжении длительного вре-

мени. Главным проявлением преступной и бесчеловечной политики геноцида нацистов в отношении мирного населения оккупированных территориях, включая детей и подростков, выступали систематические убийства, издевательства и само существование в нечеловеческих условиях. Так, за период оккупации (6 июля 1942 – 27 января 1943 гг.) Больше-Полянского района (современный Тербунский район Липецкой области) немецко-фашистские захватчики расстреляли 91 мирного жителя, среди которых было 33 ребенка. На работу в Германию были увезены 128 подростка. Девятилетний Доханов Виталий стал жертвой чудовищной жестокости, после трех дней мучительных пыток и содержания в ледяном помещении мальчик был расстрелян, только за то, что без спроса взял папиросную коробку [5, Л. 10-10об].

Воловский район пережил две волны нацистской оккупации. Первая продлилась с ноября по декабрь 1941 г., вторая с июля 1942 г. по январь 1943 г. Ни один населенный пункт района не избежал разрушительной политики «выжженной земли» нацистских захватчиков. Действия фашистов носили тотальный характер, они не только массово убивали местных жителей, но и целенаправленно уничтожали инфраструктуру, сжигая целые поселения. Данные о масштабах трагедии зафиксированы в актах о материальном ущербе, причиненном фашистами по Воловскому району от 30 апреля 1943 г. Согласно документу жертвами оккупантов стали 239 человек – их расстреливали, вешали, сжигали заживо и среди погибших 71 женщина и 61 ребенок [8, Л. 4].

Масштаб и характер данных преступлений обусловлены не только фактом целенаправленного лишения жизни невинных несовершеннолетних, но и их повсеместным распространением, так как они носили массовый и организационный характер. Акты только Волынской комиссии по ущербу от злодеяний немецко-фашистских войск в период оккупации Волынского района Орловской области (современный Становлянский район) свидетельствуют о политике геноцида в отношении мирного гражданского населения в условиях суровой зимы 1941-1942 гг. В период оккупации колхозов Волынского района Орловской области нацистские захватчики систематически совершали акты насилия в отношении мирного населения, в том числе женщин и детей. В колхозе «Новая жизнь» Дарищенского сельсовета (период оккупации с 26 января по 8 декабря 1942 г.) были зафиксированы чудовищные преступления: работница колхоза Лунева Е.В. вместе с детьми в возрасте от 1 года до 5 лет подверглась зверскому избиению, колхозницу Стаброву Анну с шестью детьми (в возрасте от 2 до 16 лет) насильно выгнали на 20-ти градусный мороз [7, Л. 122]. Аналогичные преступления имели место в колхозе «Советская Коммуна» Ключинского сельсовета, где на мороз выгнали Гуськову А.Н. с малолетними детьми и Володину М. с грудной дочерью, девочка скончалась на руках у матери. В селе Никольское, Ефремову М.П. с пятью детьми выгнали из дома, расстреляли на окраине населенного пункта, а тела погибших сбросили в яму [5, Л. 10-10об].

В колхозах Глебовского сельсовета оккупанты также практиковали бесчеловечное обращение с местным населением: «[...] фашистские изверги всячески издевались над мирным населением, а именно: выгнали из дома колхозницу Котагову В.Т. на мороз с тремя малолетними детьми. Тарасову М.И., Шарынину Н.А. с пятью малолетними детьми на мороз, в результате чего получилось 2 детей заморозили» [7, Л. 46-46об]. Анализ документальных источников, свидетельствует, о систематическом характере репрессивных мер оккупантов, направленных против наиболее уязвимых категорий гражданского населения, и отражают масштаб гуманитарных последствий нацистской оккупационной политики. Территория Воловского района, в период войны относящегося к Курской области, также подверглась длительному периоду оккупации. В статье приведен небольшой фрагмент списка детей раненных в период оккупации, большинству из которых на момент ведения боевых действий было чуть больше десяти лет. В результате преступных действий только в этом районе от рук нацистских оккупантов погиб 61 ребенок.

Список детей, раненных в результате боевых действий немецко-фашистских войск в период оккупации Липовского сельского совета Воловского района Курской области 26 ноября 1943 г. [6, Л. 292].

Таблица 1
Table 1

Фамилия, имя и отчество	Место жительства	Год рождения	Примечания
[Х]мелев Петр Иван[ович]	Колхоз им. Ленина	1930	
[Д]раздов Павел Мака[ович]	Колхоз «Новый Мир»	1927	
[...]тариков Николай Иван[ович]	Колхоз К[арла] Маркса	1930	
[Г]оловин Николай Никит[ич]	Колхоз имени Кирова	1930	
[...]ушков Михаил Павл[ович]	Колхоз имени Кирова	1930	
[Г]оловин Иван Иван[ович]	Колхоз имени Кирова	-	
[...]кянчиков Василий Иван[ович]	Колхоз имени Кирова	1935	

С первых дней войны территория современной Липецкой области, подвергалась массовым бомбардировкам со стороны противника. Жертвами ковровых бомбардировок зачастую становились ни в чем не повинные дети, которые заживо сгорали в своих домах, погибали от осколков разорвавшихся снарядов. Согласно акту Верхне-Колыбельского сельсовета Хлебенского района Воронежской области, в ходе проверки последствий авианалета были установлены масштабы разрушений, вызванных бомбардировкой населенного пункта 29 сентября 1942 г. В налете участвовало 18 немецких самолетов, которые сбросили на мирных граждан 500 фугасных и зажигательных бомб. Огнем было уничтожено 92 крестьянских дома, в одной из хат, красноармейца Журавлева С.К. от удущья погибла вся его семья, жена и 4 сыновей, в возрасте от 2 до 12 лет [4, Л. 6]. Таким образом, документы фиксируют не только материальный ущерб, но и тяжелейшие человеческие потери, в том числе и среди малолетних детей.

В период оккупации тех или иных районов современной Липецкой области, все население, в том числе и дети в возрасте от 11 лет, обязаны были трудиться на благо нацистской Германии. Подростки работали наравне со взрослыми, а за любой проступок, например, за опоздание, детей избивали палками, так был искалечен 12-летний Пономарева Н. за то, что он не понимал, что заставляли немцы его делать.

Оккупационная политика нацистских властей была в значительной степени подчинена решению утилитарных задач – прежде всего, обеспечению боеспособности частей вермахта. Несомненно, что основные усилия оккупантов концентрировались на снабжении армии продовольствием, обустройстве жилых помещений и создании комфортных условий для немецких солдат. В этой системе приоритетов любые социальные группы, не представлявшие экономической или военной ценности, оказывались лишены права на само существование. Дети, женщины и пожилые люди, отнесенные оккупантами к категории «невыгодных» с хозяйственной точки зрения, систематически подвергались тотальному уничтожению. Таким образом, подобная установка не просто способствовала маргинализации уязвимых слоев населения, она прямо создавала условия для их физического уничтожения, что подтверждает политику геноцида, проводимую немецко-фашистскими захватчиками.

В статье использовались историко-генетический метод, метод реконструкции и системно-функционального анализа, при изучении и анализе архивных материалов и других источников.

Результаты и обсуждения

Преступления нацистов против мирного населения на оккупированных территориях, в том числе детей и подростков, отличались особой жестокостью и носили характер целенаправленной государственной политики «очищения жизненного пространства». Ее наиболее трагичным проявлением стали не единоличные акты насилия, а широкомасштабные, тщательно подготовленные и хорошо организованные расправы, в рамках которых убийства и издевательства над беззащитными детьми, женщинами, стариками превращались в систему. Особую тяжесть этим преступлениям придает то, что жертвами становились несовершеннолетние, то есть те, кто в силу возраста был абсолютно лишен возможности противостоять насилию. При этом подобные преступления фиксировались повсеместно, что свидетельствует об их плановом и санкционированном характере.

Проблематика оккупационной политики немецко-фашистских захватчиков в российской историографии вызывает все больший научный интерес, вызванный геополитическими реалиями и рассекречиванием государственных архивов. Однако первые работы были изданы еще в военный период [3]. Современная историография уделяет значительное внимание разным сторонам реализации оккупационного режима [12]. Архивные документы о геноциде гражданского населения России, в том числе и в отношении детей и подростков представлены в работах В.Г. Кикнадзе, И.А.Кулакова, Е.Е. Красноженова [11; 13; 14]. Статьи Некрыловой О.Г. [15-16], Щукиной Е.П. [17] дают возможность ввести в научный оборот архивные материалы о политике геноцида на оккупированных территориях современной Липецкой области, что, дает возможность более детально изучать региональную историю периода Великой Отечественной войны.

Исследование базируется на анализе архивных материалов, фиксирующих противоправные действия немецко-фашистских захватчиков в отношении несовершеннолетнего населения на территории современной Липецкой области. Привлечение материалов региональных архивов даёт возможность конкретизировать данные о масштабах трагедии и воссоздать детали совершённых преступлений.

Выводы

В заключение, необходимо отметить, что анализ комплекса архивных материалов, с одной стороны, позволяет говорить о масштабах политики геноцида в отношении детей на региональном уровне, с другой, сохраняя историческую правду о преступной сущности нацизма в современных реалиях. Однако архивные материалы отражают не все случаи гибели несовершеннолетних, многие факты просто нигде не были зафиксированы. Сегодня уже невозможно определить количество детей, не появившихся на свет из-за физических нагрузок и других лишений, которые переносили советские женщины, как на оккупированных территориях, так и в зоне боевых действий или в тылу. Так, в колхозе «Искра» Дмитриевского сельсовета Волынского района, фашисты силой стащили с печки Ханину М.А. во время родов, в результате чего ребенок погиб. Невозможно определить, сколько искалеченных нацистами детей впоследствии стали инвалидами, получив не только физические, но и психологические увечья. Однако современный подход к проблематике геноцида в отношении не только детей, но и всего мирного населения, исходит из главного, что преступления нацистов были заранее спланированы и проводились в соответствии с идеологическими нацистскими установками в отношении местного населения, а результатом «похода на Восток», стали колоссальные человеческие жертвы.

Список источников

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Липецкая область // Сборник архивных документов / сост. Е.В. Герчу, О.И. Орлова, Е.А. Панова, И.В. Перова, В.Б. Поляков, О.И. Сладких, Е.П. Щукина. М.: Фонд «Связь Эпох» : Издательство «Кучково поле», 2020. 480 с.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область // Сборник документов / сост. О.Н. Аргунов; авт. науч. ст. С.А. Никифоров; авт. археогр. предисл. О.Н. Аргунов, Л.С. Ласочко. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 488 с.
3. Вагин П.И., Никитин М.Н. Под игом гитлеровских палачей. М.: Госполитиздат, 1943. 48 с.
4. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 5. Л.6
5. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 237. Л. 10-10об
6. ГАЛО Ф. Р-856. Оп. 1. Д. 14. Л. 202
7. ГАЛО. Ф. Р-2491. Оп. 1. Д. 5. Л. 46-46 об; Л. 55-55 об.; Л. 122
8. ГАЛО. Ф. Р-856. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.
9. Знать и помнить. Преступления фашизма в годы Великой Отечественной войны / отв. сост. Н.К. Петрова. М.: Вече, 2012. 576 с.
10. Интервью руководителя Национального центра исторической памяти при Президенте РФ Елены Малышевой URL: <https://russian.rt.com/russia/news/751245-arhiv-istoriya-ekspert> (дата обращения: 06.05.2026)
11. Кикнадзе В.Г. Без срока давности: преступления нацистской Германии, ее союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 16 – 41.

12. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. М.: АСТ, 2004. 483 с.
13. Красноженова Е.Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941-1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4 (69). С. 51 – 57. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057
14. Кулаков И. Преступления оккупантов против детей и подростков на территории Московской области в 1941-1942 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. С. 239 – 153.
15. Некрылова О.Г. «Воловская Хатынь» и другие преступления немецко-фашистских захватчиков на территории Воловского района современной Липецкой области // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 8. С. 12 – 17.
16. Некрылова О.Г. Экономические преступления немецко-фашистских захватчиков как фактор политики геноцида (по материалам современной Липецкой области) // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7 № 6. С. 279 – 285.
17. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. 607 с. ISBN 5-224-01515-4
18. Щукина Е.П. О военных преступлениях нацистов против мирного населения на территории Липецкой области в 1941-1943 гг. // Геноцид советского народа. План рейха. Жестокие уроки истории: сборник докладов и статей Международной научно-практической конференции. Брянск: Издательство Брянского филиала РАНХиГС, 2022. С. 251 – 267.

References

1. No Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Collaborators Against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR During the Great Patriotic War. Lipetsk Region. Collection of archival documents. compiled by E.V. Gerchu, O.I. Orlova, E.A. Panova, I.V. Perova, V.B. Polyakov, O.I. Sladkikh, E.P. Shchukina. Moscow: Link of Epochs Foundation: Kuchkovo Pole Publishing House, 2020. 480 p.
2. No Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Collaborators Against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR During the Great Patriotic War. Kursk Region. Collection of documents. compiled by O.N. Argunov; author of scientific article S.A. Nikiforov; author of archaeological foreword O.N. Argunov, L.S. Lasochko. Moscow: Link of Epochs Foundation, 2020. 488 p.
3. Vagin P.I., Nikitin, M.N. Under the Yoke of Hitler's Executioners. Moscow: Gospolitizdat, 1943. 48 p.
4. GAVO. F. R-1784. Op. 1. D. 5. L. 6
5. GAKO. F. R-3605. Op. 1. D. 237. L. 10-10ob
6. GALO F. R-856. Op. 1. D. 14. L. 202
7. GALO. F. R-2491. Op. 1. D. 5. L. 46-46 ob ; L. 55-55 ob; L. 122
8. GALO. F. R-856. Op. 1. D. 13. L. 4.
9. Know and Remember. Crimes of Fascism during the Great Patriotic War. compiled by N.K. Petrova. Moscow: Veche, 2012. 576 p.
10. Interview with Elena Malysheva, Head of the National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/751245-arhiv-istoriya-ekspert> (date of accessed: 06.05.2026)
11. Kiknadze V.G. No Statute of Limitations: Crimes of Nazi Germany, Its Allies and Collaborators against the Civilian Population and Prisoners of War in the Occupied Territory of the USSR. Questions of History. 2020. No. 5. P. 16 – 41.
12. Kovalev B.N. Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941-1944. Moscow: AST, 2004. 483 p.
13. Krasnozhенова Е.Е. "There Was No More Childhood": Children's Everyday Life during the Occupation of Northwest Russia (1941-1944). Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2021. No. 4 (69). P. 51 – 57. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057
14. Kulakov I. Crimes of the occupiers against children and adolescents in the Moscow region in 1941-1942. Journal of Russian and East European Historical Studies. 2021. P. 239 – 153.
15. Nekrylova O.G. "Volovskaya Khatyn" and other crimes of the Nazi invaders in the Volovsky district of today's Lipetsk region. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 8. P. 12 – 17.
16. Nekrylova O.G. Economic crimes of the Nazi invaders as a factor in the policy of genocide (based on materials from today's Lipetsk region). Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 6. P. 279 – 285.

17. Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces: A Statistical Study. edited by G.F. Krivosheev. Moscow: Olma-Press, 2001. 607 p. ISBN 5-224-01515-4

18. Shchukina E.P. On the War Crimes of the Nazis against the Civilian Population in the Lipetsk Region in 1941-1943. Genocide of the Soviet People. The Reich Plan. Cruel Lessons of History: A Collection of Reports and Articles from the International Scientific and Practical Conference. Bryansk: Publishing House of the Bryansk Branch of RANEPa, 2022. P. 251 – 267.

Информация об авторе

Некрылова О.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0594-9907>, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, nekrylova_80@mail.ru

© Некрылова О.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94 (47).084.5

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-29-35

Реализация НЭПа на региональном уровне: аграрные преобразования и социальные эффекты в Орловской губернии

¹ Перцева В.О.,

¹ Рябова А.А.,

¹ Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Аннотация: статья посвящена анализу аспектов реализации новой экономической политики в аграрном секторе Орловской губернии 1921-1928 гг. На основе архивных материалов, статистических сборников и региональной периодической печати исследуются ключевые моменты аграрной политики правительства большевиков на примере одного из типичных земледельческих регионов Центрального Черноземья. Показано, что, несмотря на начальный экономический подъем, непоследовательность государственной политики и нарастающий административный прессинг в конце 1920-х гг. привели к кризису и последующему свертыванию рыночных механизмов в деревне. Авторы статьи уделяют внимание климатическим и социально-демографическим факторам, которые оказывали значительное влияние на специфику проведения НЭПа в Орловской губернии. В работе выявляются противоречия между декларируемыми целями НЭПа и практикой его проведения на местах, в частности, анализируется эволюция системы налогообложения и как ее механизмы использовались в качестве инструмента социального расслоения крестьянства, что приводит к усилению политико-социальной направленности налоговой политики к концу 1920-х годов.

В заключение авторы приходят к выводу, что изучение регионального аспекта проведения НЭПа позволяет рассмотреть социально-экономическое развитие Орловской губернии, выявить новые аспекты и процессы, происходившие на данной территории в анализируемый период, что дает возможность сделать выводы об успехах и просчетах новой экономической политики.

Ключевые слова: история России, новая экономическая политика, Орловская губерния, Елецкий уезд, аграрная политика, продналог, социальная дифференциация

Для цитирования: Перцева В.О., Рябова А.А. Реализация НЭПа на региональном уровне: аграрные преобразования и социальные эффекты в Орловской губернии // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 29 – 35. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-29-35

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Implementation of the new economic policy at the regional level: agrarian transformations and social effects in the Oryol province

¹ Pertseva V.O.,

¹ Ryabova A.A.,

¹ Bunin Yelets State University

Abstract: the article analyzes the aspects of the implementation of the new economic policy in the agricultural sector of the Oryol province in 1921-1928. Based on archival materials, statistical compilations, and regional periodicals, the article examines the key aspects of the Bolshevik government's agricultural policy in one of the typical agricultural regions of the Central Chernozem region. It shows that despite the initial economic growth, the inconsistency of government policies and the increasing administrative pressure in the late 1920s led to a crisis and the subsequent dismantling of market mechanisms in the countryside. The authors of the article pay attention to the climatic and socio-demographic factors that had a significant impact on the specifics of the NEP in the Oryol province. The paper reveals contradictions between the declared goals of the New Economic Policy and its implementation on the ground. In particular, it analyzes the evolution of the taxation system and how its mechanisms were used as a tool for social stratification among the peasantry, leading to an increased political and social focus of tax policy by the end of the 1920s.

In conclusion, the authors conclude that studying the regional aspect of the New Economic Policy allows us to examine the socio-economic development of the Oryol province, identify new aspects and processes that occurred in this territory during the analyzed period, and draw conclusions about the successes and failures of the new economic policy.

Keywords: Russian history, new economic policy, Oryol province, Yelets district, agrarian policy, prodnalog, social differentiation

For citation: Pertseva V.O., Ryabova A.A. *Implementation of the new economic policy at the regional level: agrarian transformations and social effects in the Oryol province. Historical Bulletin.* 2026. 9 (6). P. 29 – 35. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-29-35

The article was submitted: July 5, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

История России XX века богата переломными моментами, осмысление которых, необходимо для понимания современных социально-экономических процессов, среди которых, особое место занимает период 1920-х гг. Актуальность обращения к проблематике реализации новой экономической политики в современной исторической науке, обусловлена не только научным интересом, но и запросом на анализ эффективности рыночных реформ и поиском альтернативных путей развития, что приобретает особое значение в современных условиях модернизации экономики. Региональный аспект позволяет выявить, каким образом осуществлялась новая экономическая политика, какой была реакция населения на ее проведение, и насколько она была адаптирована к местным условиям.

Орловская губерния в 1920-е гг. представляла собой аграрный регион Центрального Черноземья, сочетая в себе общие черты, присущие всей черноземной полосе (преобладание сельского хозяйства, острая проблема малоземелья), но и отличительную специфику (крупный железнодорожный узел, доминирование кустарной промышленности). Особого внимания в аспекте изучаемой проблематики, занимает Елецкий уезд, один из наиболее развитых промышленно-торговых центров губернии, что позволяет проследить взаимодействие аграрного и промышленного секторов в условиях реализации НЭПа.

Вопреки распространенному мнению об успешности НЭПа как «золотого века» советской экономики, его реализация на местах была сопряжена с трудностями и противоречиями. Несмотря на то, что общие черты аграрной политики этого периода достаточно хорошо изучены в историографии [3; 6; 10; 12], работ, посвященных изучению Орловской губернии в целом и Елецкого уезда в частности, явно недостаточно, что и определило необходимость изучения проблемы [4-5; 9].

Материалы и методы исследований

Аграрная политика большевиков в годы НЭПа в Орловской губернии прошла в своем развитии несколько этапов, каждый из которых характеризовался своими задачами, методами их решения и результатами. Для понимания происходивших процессов необходимо охарактеризовать природно-географические и социально-демографические условия региона, которые во многом определили специфику проведения НЭПа.

В 1920-е гг. в состав Орловской губернии входило 7 уездов, наиболее крупными из которых были Елецкий, Новосильский, Ливенский и Орловский. Число волостей за десятилетие 1917-1927 гг. сократилось на 60,5%, что привело к их значительному укрупнению. Например, если в 1917 г. средний показатель населения одной из волостей Орловского уезда составлял 6.590 человек, то в 1926 г. он увеличился до 22.330. Волости Елецкого уезда являлись крупнейшими по количеству населения в губернии, составляя в среднем 31.046 жителей на 1 волость [13, с. 6-8]. Плотность населения была выше в восточных уездах (Елецком и Ливенском), что объяснялось более благоприятными природно-климатическими условиями для сельскохозяйственного производства [13, с. 14-15].

Первая мировая и Гражданская войны нанесли значительный ущерб демографическому положению в Орловской губернии, согласно данным переписи 1926 г., сельское население составило 1.695.358 человек, из которых 46,8% мужчин и 53,2% женщин. Таким образом, на каждую 1000 мужчин приходилось 1138 женщин, однако, данная тенденция была характерна для всех губерний Центрально-Черноземного региона [13, с. 22-24]. В 1920-е гг. удары по демографии нанесли продовольственный кризис и голод 1921 г., а также эпидемические заболевания, продолжавшиеся в регионе до 1926 г.

Методологическая база исследования построена на принципах историзма, объективности и системности, что позволило рассмотреть аграрную политику как часть сложной системы социально-экономических отношений в регионе. Использование системного подхода дало возможность изучить взаимосвязь климатических, демографических, экономических и политических факторов, влиявших на реализацию НЭПа. В работе применяются историко-сравнительный (для сопоставления данных по разным уездам губернии) и статистический (для обработки данных переписей и показателей налоговых данных) методы исследования.

Источниковая база исследования представлена опубликованными законодательными актами, решениями съездов РКП(б) и директивами правительства, которые определяли правовое поле аграрной политики [7]. Для анализа регионального аспекта рассматривались статистические материалы Орловского Губстатбюро, которые содержат уникальную информацию о динамике посевных площадей, поголовья скота, размерах крестьянских хозяйств, дифференциации доходов, состоянии промышленности [11; 13-17]. Анализ источников позволяет сопоставить декларативность партийных решений с реальными результатами их проведения в Орловской губернии.

Результаты и обсуждения

Отмена продразверстки и введение продналога стали главным событием для орловской деревни в начале 1920-х гг. Однако, вопреки ожиданиям, первый год НЭПа обернулся для крестьян губернии не облегчением, а усилением налогового бремени. Как показал анализ отчетов Орловского губкома, размер продналога в 1921 г. оказался выше показателей продразверстки. Согласно «Вестнику Орловского Губкома» по продразверстке в 1920-1921 г. было изъято 4 985 128 пуд. хлебных злаков, по продналогу намечалось со брать 6 875 723 пуд [1, с. 5]. Замена была проведена таким образом, что большая часть налогового бремени падала на зажиточные и середняцкие хозяйства, которые рассматривались как основной источник продовольствия для голодающего Поволжья. Массового недовольства крестьян удалось избежать во многом благодаря тому, что сам факт отмены разверстки был психологически воспринят, среди населения, как послабление и определенная экономическая стабилизация.

Анализируя промышленное производство Орловской губернии в 1920-е гг., необходимо отметить, что большую долю в его развитии занимала кустарная промышленность. Промышленность была сосредоточена преимущественно в городах, а из общего числа рабочих (27.919 чел.) по данным на 1-е января 1927 г. на городскую промышленность приходилось 78,6%, на сельскую только 21,4% представителей пролетариата. По количеству рабочих первое место занимал г. Орел (50%), далее шли Елец (32,7%), Болхов (10,9%), Ливны (5,2%) и Дмитровск (1,1%). В провинции по численности рабочего класса на первом месте стоял Елецкий уезд (62,8%), второе место занимал Орловский (17,2%) [15, с. 7-8]. Интерес вызывает тот факт, что выступая на XII губернской партконференции в г. Орле в декабре 1922 г. Л.М. Каганович заявил, что «с точки зрения руководства в Орловской губернии нужно более чем где-либо выделить промышленность, ибо здесь это редкость, жемчужина, что Елец и Орел для Орловской губернии тоже, что Питер и Москва для России» [2, Л. 125].

Елецкий уезд являлся одним из крупнейших центров Орловской губернии, и зачастую по многим показателям занимал первое или второе место. Промышленные предприятия Елецкого уезда, за малым исключением, относились к числу перерабатывающих сельхозпродукцию и работали на местном сырье. В Елецком уезде на момент 1924г. существовало 4.468 хозяйств, основывающихся на кустарном промысле, что и определяло облик промышленного производства. Из них 95% приходилось на кружевной промысел (4219 хозяйств), остальные на овчинный (115), деревообделочный (61), гончарный (52) и кожевенный (21). Число ремесленников в волостях составило 2.631 человек [11, с. 19].

Второй этап НЭПа, начавшийся с 1924 г., был ознаменован серьезным социально-экономическим кризисом. После относительно урожайных 1922-1923 гг., 1924 г. для Орловской губернии стал катастрофическим. Посевная площадь в уезде, преодолев сокращение 1920г. (174 тыс. десятин) и 1921 г. (156 тыс. десятин), возросла к 1924 г. до 231 тыс. десятин земли. Однако неурожай яровых 1924г. ударил по экономике, а сбор зерновых сократился в 2-3 раза по сравнению с предыдущими годами. Цены на хлеб резко выросли, что привело к голоду в самом регионе, который ранее был крупным поставщиком зерна. Крестьяне были вынуждены продавать сельскохозяйственный инвентарь и домашний скот по заниженным ценам. Чистая доходность орловского сельского хозяйства уменьшилась в 1924г. на 38% в сравнении с 1923 г. с 5.460.000 до 3.360.000 рублей [16, с. 156].

Одним из ключевых аспектов реализации НЭПа на региональном уровне являлось соотношение государственного и частного капитала. Как отмечалось в резолюции XIII конференции РКП(б) (январь 1924 г.), «участие частного капитала относительно ничтожно» в промышленности, однако в торговле его роль более значительна [7, с. 168]. Партия большевиков поставила задачу вытеснения частного капитала через усиление кооперации и государственной торговли, а также посредством политики цен и налогового регулирования.

«В нэпе было много пережитков военного коммунизма: сохраняющийся до 1924г. натуральный налог; огосударствление кооперации; децентрализация управления промышленностью только на уровне трестовского хозрасчета», отмечает в своей статье Орлов И.Б. [10, с. 11]. Своеобразие экономики заключалось не столько в борьбе плана и рынка, сколько в том, что в этот период не сложились ни рыночные, ни плановые механизмы регулирования. «В этих условиях широкомасштабное вмешательство государства носило характер прямого администрирования, что и рождало острые противоречия» [6, с. 101].

В Орловской губернии эти установки нашли конкретное воплощение. Как свидетельствуют материалы Елецкого уисполкома, в 1923-1924гг. обороты местного рынка значительно возросли: по городу – в 4 раза, по уезду – в 5,5 раза. При этом в городе доля частной торговли увеличилась с 36% до 54%, тогда как в деревне доминировала кооперация, а ее участие возросло с 40% до 60% [11, с. 14-15]. Региональная специфика заключалась в том, что слабость крупной промышленности и дефицит товаров массового потребления объективно создавали для частного капитала нишу, которую государство не могло заполнить. В результате, несмотря на усиление налогового давления на частника, его полное вытеснение из торговли стало возможным лишь на следующем этапе, с переходом к командно-административной системе.

Во второй половине 1920-х гг. политика низких закупочных цен на сельхозсырьё ради интересов промышленности привела к обратному эффекту – сократились посевы технических культур (подсолнечника на 16,4%), возник сырьевой голод на фабриках, а «ножницы цен» (промтовары дорожали быстрее, чем продавалась продукция села) подорвали товарность и накопления крестьянских хозяйств. Особенно страдали бедняки и середняки, тогда как зажиточные хозяйства из-за более низкой себестоимости ещё могли содержать свои хозяйства. Однако государство с весны 1926 г. ужесточило против них налоговый пресс. Налог вырос с 12% до 20-21% облагаемого дохода, причём первоначально планировали лишь 14-15%. Под давлением сверху ставки повысили, вопреки возражениям Наркомзема и Госплана, опасавшихся подрыва экспорта зерновых [3, с. 37]. Это означало переход от экономических методов стимулирования к административному сдерживанию крепких хозяйств и началу свёртывания рыночных механизмов НЭПа в деревне.

Кризис усугублялся политикой местных властей. Вместо оказания реальной помощи, Орловский Губком усилил административный нажим на деревню, добиваясь выполнения плана по сбору единого сельхозналога. Массовое применение мер принуждения (описи имущества, аресты) привело к окончательному отчуждению крестьянства от советской власти. В документах ЦК ВКП(б) отмечается, что в Орловской губернии сложилась ситуация, когда крестьяне воспринимали власть как чуждую силу, действующую методом «дай налог». В итоге это сопровождалось ростом социальной напряженности.

Результатом кризиса стала глубокая дифференциация деревни. Процесс обнищания затронул значительную часть середняков, которые опустились до уровня бедняков. Численность рабочего скота, являвшегося показателем зажиточности крестьянских хозяйств, по сравнению с 1916г. сократилась на 50.000 голов. Без

рабочего скота оказалось 111.000 крестьянских семей, общее число безлошадных хозяйств после кризиса составило 121.000. Разорившиеся крестьяне подавались в сроковые батраки, широкое развитие получили кабальные сделки [17, с. 132]. Одновременно с этим, в условиях разорения, зажиточные крестьяне скупали земли и инвентарь разорившихся соседей, концентрируя в своих руках средства производства.

К 1925-1926 гг. правительство, осознав масштабы бедствия в Черноземье, предприняло ряд восстановительных мер. Орловская губерния была включена в программу помощи, согласно которой для восстановления орловского сельского хозяйства только за 1926 г. было распределено кредитов на сумму 3.195.000 рублей.

Однако меры носили двойственный характер. С одной стороны, правительство выделяло кредиты на покупку скота и инвентаря, для бедных хозяйств. С другой – нарастал классовый подход в налогообложении и кредитной политике. Основной задачей стало не стимулирование роста производства в целом, а искусственное сдерживание «кулацких» хозяйств за счет поддержки бедноты [16, с. 178].

В то время как государство вкладывало финансовые средства в восстановление сельского хозяйства, на местах процветали коррупция и бюрократическая волокита. Кредиты оседали в руках тех, кто имел связи с председателями сельсоветов, а не у тех, кто в них действительно нуждался. Крестьяне зачастую не могли использовать полученные ссуды по назначению из-за их мизерных размеров (в Орловском уезде 21,5% ссуд составляли 5-10 рублей). К тому же, налоговое бремя вновь начало расти и уже в 1926-1927 гг. крестьянам предстояло уплатить на 95% больше, чем в предыдущем. [15, с. 113].

К концу 1920-х гг. в аграрном секторе Орловской губернии сложилась следующая картина. Несмотря на восстановление посевных площадей до довоенного уровня (превышение составило 6%), глубина кризисных явлений оставалась высокой. Главной проблемой было малоземелье (преобладание трехпольной системы, слабое использование удобрений) и техническая отсталость. Уравнительная система землепользования, закрепленная Земельным кодексом 1922г., и жесткая налоговая политика лишали крестьян стимулов для наращивания производства. Основной фигурой в деревне стал середняк, но его хозяйство было крайне неустойчивым. Процесс дробления крестьянских дворов, поощряемый законодательством о равном праве на землю, вел к измельчанию хозяйств и, в конечном счете, к их пролетаризации.

Характер и уровень развития производственного процесса в крестьянском хозяйстве Орловской губернии в период НЭПа определялся естественно-природными, а не индустриальными производственными силами. Соотношение структурных элементов производственных сил крестьянского двора показывает, что это были, прежде всего, естественно-производительные силы – земля, скот, семена, а также рабочая сила крестьянина. Как и в средние века, процесс производства определяла мускульная сила человека и животного.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что аграрная политика большевиков в Орловской губернии в годы НЭПа была противоречивой и непоследовательной. Начавшись с обещания освободить крестьянин, и дать стимулы для развития хозяйства, она к концу 1920-х гг. полностью превратилась в механизм изъятия ресурсов из деревни для форсированного строительства социалистической промышленности.

Главным выводом является то, что НЭП в аграрном секторе Орловской губернии потерпел поражение не только из-за природно-климатических условий или объективной отсталости региона, сколько из-за фундаментального противоречия самой политики. Государство не могло допустить развития полноценных рыночных отношений в деревне, видя в них угрозу своему политическому господству. Оно постоянно переходило от экономических методов регулирования (налоги, кредиты) к административным и репрессивным (конфискации, ограничения).

Региональный анализ, проведенный на материалах Орловской губернии, подтверждает, что успехи НЭПа были временными и достигнуты за счет использования дореволюционного потенциала. Как только этот потенциал был исчерпан, а для дальнейшего роста потребовались структурные изменения, которые и предопределили будущий переход к политике сплошной коллективизации. Неспособность промышленности удовлетворить потребности сельского хозяйства значительно замедляла развитие региона. Региональные проблемы, а также ряд кризисов НЭПа 1920-х гг. привели к постепенному сворачиванию, а затем полной ликвидации данной политики.

Список источников

1. Вестник Орловского Губкома. Орел. 1922. № 7-8. С. 5.
2. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф.П (фонд Партии). 1. Оп. 1. Д. 458.
3. Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: Международный НИИ проблем управления, 1991. 98 с.
4. Гончарова И.В. Орловская промышленность в начале новой экономической политики большевиков: условия восстановления и пределы возможностей // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2. С. 24 – 27.
5. Гончарова И.В. Противопоставление крестьянства власти... чувствуется довольно сильно»: региональные аспекты налоговой политики в деревне в 1920-е гг. на материале Орловской губернии // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2010. № 2. С. 65 – 78
6. Киселев А.Ф., Чураков Д.О. Бюрократия и НЭП // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М.: Издательство: «НВ Магистр», 1993. С. 120 – 139.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК: сборник документов. Т. 3: 1922-1925. М.: Издательство политической литературы, 1984. 494 с.
8. Кутепов В.А. От военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП) 1921-1928 гг. // Омские социально-гуманитарные чтения. Омск: Омский государственный технический университет, 2018. С. 240 – 244.
9. Малютин А.Б. Орловская губерния в 1920-е гг.: социально-демографический анализ // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 4. С. 75 – 80.
10. Орлов И.Б. НЭП как антикризисная политика // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 9 – 12.
11. Отчет Елецкого Уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов XIII-го созыва за 1923-24 г. Елец: Гостипография, 1925. 48 с.
12. Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.
13. Статистический сборник Орловской губернии: статистический сборник 1920-1923 / Центральное статистическое управление. Орловское Губстатбюро. Орел: Издание Орловского Губстатбюро, 1924. Вып. 1. 1924. 449 с.
14. Статистический сборник Орловской губернии: статистический сборник 1924-1926 / Центральное статистическое управление. Орловский Губстатотдел. Орел: Издание Орловского губстатотдела. Вып. 1. 1927. 282 с.
15. Статистический сборник Орловской губернии: статистический сборник 1924-1926 / Центральное статистическое управление. Орловский Губстатотдел. Орел: Издание Орловского губстатотдела, Вып. 2. 1927. 154 с.
16. Статистический сборник Орловской губернии: статистический сборник 1924-1926 / Центральное статистическое управление. Орловский Губстатотдел. Орел: Издание Орловского губстатотдела, Вып. 3. 1927. 217 с.
17. Статистический сборник Орловской губернии: статистический сборник 1924-1926 / Центральное статистическое управление. Орловский Губстатотдел. Орел: Издание Орловского губстатотдела, Вып. 4. 1928. 228 с.

References

1. Bulletin of the Oryol Provincial Committee. Oryol. 1922. No. 7-8. P. 5.
2. GAOO (State Archives of the Oryol Region). F.P. (Party Fund). 1. Op. 1.D.458.
3. Goland Yu.M. Crises that Destroyed the NEP. Moscow: International Research Institute of Management Problems, 1991. 98 p.
4. Goncharova I.V. Oryol Industry at the Beginning of the Bolsheviks' New Economic Policy: Conditions for Recovery and Limits of Possibilities. Scientific Notes of Oryol State University. 2019. No. 2. P. 24 – 27.
5. Goncharova I.V. "The Opposition of the Peasantry to the Authorities... Is Felt Quite Strongly": Regional Aspects of Tax Policy in the Village in the 1920s Based on the Oryol Province. Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia. 2010. No. 2. P. 65 – 78
6. Kiselev A.F., Churakov D.O. Bureaucracy and the NEP. Power and public organizations in Russia in the first third of the twentieth century. Moscow: NB Magistr Publishing House, 1993. P. 120 – 139.

7. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and Plenums of the Central Committee: a collection of documents. Vol. 3: 1922-1925. Moscow: Political Literature Publishing House, 1984. 494 p.
8. Kutepov V.A. From War Communism to the New Economic Policy (NEP) of 1921-1928. Omsk Social and Humanitarian Readings. Omsk: Omsk State Technical University, 2018. P. 240 – 244.
9. Malyutin A.B. Oryol Province in the 1920s: A Socio-Demographic Analysis. Problems of Social and Humanitarian Sciences. 2021. No. 4. P. 75 – 80.
10. Orlov I.B. NEP as an Anti-Crisis Policy. Bulletin of Moscow State Regional University. 2021. No. 2. P. 9 – 12.
11. Report of the Yelets District Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants', and Red Army Deputies of the 13th Convocation for 1923-24. Yelets: Gospitography, 1925. 48 pp.
12. Polyakov Yu.A. Transition to the NEP and the Soviet Peasantry. Moscow: Nauka, 1967. 511 p.
13. Statistical Digest of Oryol Province: Statistical Digest for 1920-1923. Central Statistical Office. Oryol Provincial Statistical Bureau. Oryol: Publication of the Oryol Provincial Statistical Bureau, 1924. Issue 1. 1924. 449 p.
14. Statistical Digest of Oryol Province: Statistical Digest for 1924-1926. Central Statistical Office. Oryol Provincial Statistical Department. Oryol: Publication of the Oryol Provincial Statistical Department. Issue 1. 1927. 282 p.
15. Statistical Digest of Oryol Province: Statistical Digest for 1924-1926. Central Statistical Office. Oryol Provincial Statistical Department. Oryol: Publication of the Oryol Provincial Statistical Department, Issue 2. 1927. 154 p.
16. Statistical Digest of Oryol Province: Statistical Digest 1924-1926. Central Statistical Office. Oryol Provincial Statistical Office. Oryol: Publication of the Oryol Provincial Statistical Office, Issue 3. 1927. 217 p.
17. Statistical Digest of Oryol Province: Statistical Digest 1924-1926. Central Statistical Office. Oryol Provincial Statistical Office. Oryol: Publication of the Oryol Provincial Statistical Office, Issue 4. 1928. 228 p.

Информация об авторах

Перцева В.О., Институт культуры, истории и права, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, vasilisapertseva@yandex.ru

Рябова А.А., Институт культуры, истории и права, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, alina.riabova.05.18@yandex.ru

Некрылова О.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0594-9907>, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, nekrylova_80@mail.ru

© Перцева В.О., Рябова А.А., Некрылова О.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 94(47:234.853)

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-36-41

Этнографические особенности тюркского военно-служилого населения Оренбургской губернии на примере мещеряков в «Путешествии по разным местам Российского государства...» П.С. Палласа

¹ Кильмаматов Р.Р.,

¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева,

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Аннотация: настоящая статья посвящена выявлению и осмыслению данных о служилых мещеряках Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии, скрупулезно запечатленных выдающимся ученым-энциклопедистом XVIII в. академиком П.С. Палласом во второй части первой книги его фундаментального трехтомного труда «Путешествие по разным провинциям Российского государства» в ходе работы Оренбургской академической экспедиции. Наблюдения за жизнедеятельностью служилых мещеряков края, зафиксированные Петром Симоном Палласом, представляются ценным источником по этнографии, хозяйственной деятельности и образу жизни данной этносословной группы. Важно отметить, что наряду с экспедиционными непосредственными наблюдениями очевидца за жизнью мещеряков П.С. Паллас опирался на сведения, почерпнутые из трудов предшественников, в частности П.И. Рычкова, а также из документальных источников, которые он изучил в ходе подготовки экспедиции.

Актуально обратить внимание на то, что 22 сентября 2026 г. исполняется 285 лет со дня рождения Петра Симона (Петра Семёновича) Палласа, выдающегося ученого, автора первого энциклопедического описания Российского государства, внесшего значительный вклад в изучение не только природных ресурсов провинций Российского государства, но и истории и обычаев народов, проживающих на их территориях, и развитие многих научных направлений.

Проведенный в данной статье анализ сведений о мещеряках, запечатленных П.С. Палласом, представляет интерес для тех, кто занимается изучением этнической истории и этнографии мещеряков / мишарей и способствует популяризации знаний о служилых мещеряках Оренбургского края в XVIII в.

Ключевые слова: служилые мещеряки, Оренбургская губерния, академическая экспедиция, П.С. Паллас, мещеряцкие деревни, историко-этнографические материалы

Для цитирования: Кильмаматов Р.Р. Этнографические особенности тюркского военно-служилого населения Оренбургской губернии на примере мещеряков в «Путешествии по разным местам Российского государства...» П.С. Палласа // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 36 – 41. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-36-41

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Ethnographic features of the Turkic military-serving population of the Orenburg governorate on the example of the Mescheryaks in «Journey through various provinces of the Russian Empire...» P.S. Pallas

¹ Kilmatov R.R.,

¹ R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: this article is devoted to the identification and understanding of data on the service people of the Ufa and Iset provinces of the Orenburg governorate, scrupulously recorded by the outstanding scientist-encyclopediaist of the XVIII century, academician P.S. Pallas in the second part of the first book of his fundamental three-volume work. "Journey through different provinces of the Russian Empire" during the work of the Orenburg academic expedition. Peter Simon Pallas's observations of the life of the region's serving Mescheryaks (Mishars) are a valuable source of data on the ethnography, economic activity, and lifestyle of this ethno-estate group. It is important to note that along with the expedition's direct eyewitness observations of the life of the Mescheryaks, P.S. Pallas relied on information gleaned from the works of his predecessors, in particular P.I. Rychkov, as well as from documentary sources that he managed to familiarize himself with during the preparation of the expedition.

It is important to pay attention to the fact that September 22, 2026 marks the 285th anniversary of the birth of Peter Simon (Peter Semenovich) Pallas, an outstanding scientist, author of the first encyclopedic description of the Russian state, who made a significant contribution to the study of not only the natural resources of the provinces of the Russian state, but also the history and customs of the peoples living on their territories, and the development of many scientific fields.

The analysis of information about the Mescheryaks captured by P.S. Pallas in this article is of interest to those who study the ethnic history and ethnography of the Mescheryaks / Mishars and promotes the popularization of knowledge about the military Mescheryaks of the Orenburg Region in the XVIII century.

Keywords: serving Mescheryaks, Orenburg governorate, academic expedition, Peter Simon Pallas, Mescheryak villages, historical and ethnographic materials

For citation: Kilmatov R.R. *Ethnographic features of the Turkic military-serving population of the Orenburg governorate on the example of the Mescheryaks in «Journey through various provinces of the Russian Empire...»* P.S. Pallas. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 36 – 41. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-36-41

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Весной 1767 г. известный немецкий ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, основоположник многих направлений естествознания, специалист по натуральной истории Петер Симон Паллас прибывает в Россию из Берлина по приглашению, сделанному ему по инициативе Екатерины II главой Академии наук с целью подготовки и проведения масштабной научной экспедиции. В декабре 1767 г. Петербургская Академия наук и художеств избрала П.С. Палласа ординарным членом и профессором натуральной истории. В 1768 г. он возглавляет основной отряд Оренбургской академической экспедиции. Им осуществляется предварительная разработка маршрутов, инструкций и общее руководство отрядами. Экспедиции, выдвинувшейся в путь из Петербурга через Москву, предстояло масштабное исследование Поволжья, Урала и Сибири.

Результатом выполнения возложенной на академика П.С. Палласа миссии стало фундаментальное трехтомное исследование в пяти частях «Путешествие по разным провинциям Российского государства», не только выполнившее научное описание природных ресурсов огромной страны, но и многочисленных народов, проживающих на ее территориях. Подробный путевой журнал, который П.С. Паллас вел, путешествуя по Оренбургской губернии в 1769-1770 г., впоследствии был опубликован во второй части первой книги «Путешествия по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Академии наук» [8]. Из массива грандиозного объема выполненных разнообразных задач выделим важный вклад, внесенный известным и авторитетным ученым XVIII в. в развитие российской этнографии. Без преувели-

чения, труд П.С. Палласа – это важный источник уникальных сведений, в том числе по Оренбургской губернии и народам, проживающим на ее территории, их быте, хозяйстве, обычаях, верованиях.

Материалы и методы исследований

Данное исследование носит теоретико-аналитический характер, основанный на объективном анализе источников и историографии, систематизации, обобщении, при опоре на сравнительно-исторический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы. С целью формирования более полных представлений о служилых мещеряках региона, их поселениях, традиционных занятиях, костюме, вероисповедании автор статьи анализирует не только сведения П.С. Палласа, но и публикации, непосредственно связанные с исследуемой тематикой.

Результаты и обсуждения

Осенью 1768 г. П.С. Паллас несколько дней плодотворно общался с П.И. Рычковым, первым историком Оренбургского края, очевидцем возведения города-крепости Оренбурга, когда гостил в его имении Спасское под Бугульмой (ныне Бугульминский район Республики Татарстан). Следует отметить, что еще в ходе подготовки к Оренбургской академической экспедиции П.С. Паллас тщательно изучил и высоко оценил труд Петра Ивановича Рычкова «Топография Оренбургская», поэтому вдумчиво внимал его советам. В дальнейшем он неоднократно упоминал на страницах своего «Путешествия...» «статского советника, ученого мужа и патриота» П.И. Рычкова [8, с. 83].

После нескольких зимних месяцев, проведенных в Уфе (в современной Уфе есть улица, носящая имя П.С. Палласа), с мая 1770 г. экспедиция П.С. Палласа продвигалась по территории Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии. Во второй части первой книги «Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской Академии наук» ученый-исследователь, описывая народы Оренбургской губернии, уделяет внимание и служилым мещерякам, посещает мещеряцкие деревни. Так на территории Уфимской провинции экспедиционный отряд П.С. Палласа заезжает в мещеряцкую деревню Залихаул «или по речке, над которою она стоит, Ниссебаш именуемую» [8, с. 65]. (В XIX в. указывалась как д. Насибашева; современное название – д. Насибаш; находится в Салаватском районе Республики Башкортостан). Путешественник уточняет, что это селение находится «в восьми верстах» от реки «Юрьюзень».

Отметим, что в Уфимской провинции мещеряки проживали издавна, правительство их «накликало» из Среднего Поволжья в конце XVI в. для защиты построенной Уфимской крепости и пограничья [6, с. 581]. П.С. Паллас в ходе непосредственного общения с мещеряками д. Ниссебаш зафиксировал, что они поселились здесь восемь лет назад и живут на землях, которые были взяты в аренду / кортому у собственников башкир из поселения Каратавль-аул, что находится неподалеку от Твердышевской пристани. Исследователем уточняется размер годовой арендной платы: «от каждого двора двадцать пять копеек за столько земли, сколько они могут или хотят обработать, и за столько дров и лугов, сколько им надобно» [8, с. 66]. Можно сделать вывод, что мещерякам выгодна такая аренда неограниченных земельных угодий «на тучных полях при Юрьюзени между гор», и их там живет «изрядно». Примечательно, что по данным первой половины XIX в., мещеряки д. Насибашева уже имеют в собственности «землю, купленную у башкир по договору и в общем владении с ними» [2, с. 325]. П.С. Паллас обозначает сословное положение «здешних мещеряков» так: служилые, поскольку «отправляют в случае надобности козацкую службу» [8, с. 65].

Мещеряки поведали П.С. Палласу, что переселились в эту деревню в 1762 г. «из Ельдядской крепости», «лежащей на реке Уфе» [8, с. 65], то есть произошла внутренняя миграция. Известно, что «Ельдядская крепость в Башкирии» была «построена при статском советнике Кирилове в 1735 г.» [11, с. 212]. (Отметим, что в настоящее время территория, на которой располагалась указанная крепость, относится к Караидельскому району Республики Башкортостан). Проживающие в ней «мещеряки с 1735 г. служили при искоренении бунтовавших» башкир, недовольных нарушением их земельных прав [10, с. 11]. Причиной переселения становилось то, что вместе со строительством новых крепостей и укрепленных линий, нуждающихся в охране, часть мещеряков продвигалась вглубь территории.

П.С. Паллас пишет, что не может покинуть жителей д. Ниссебаш, «не объявив особливо о наряде их женщин». Здесь была сделана зарисовка костюма мещерячки и его описание. Ученый фиксирует: «усаживание шапки спереди маленькими серебряными деньгами и корольками, такое ж как и у Уфимских Татарок; но косынка, от затылка свешенная, и широкие рукава составляют главнейшую отменность» [8, с. 68]. Автор при этом ссылается на рисунок костюма мещерячки, который удалось запечатлеть в этом селении [9]. Современный исследователь Е.Е. Нечвалода, изучив описание и гравюры с изображением костюма ме-

щерячки, сделанные в труде П.С. Палласа, выделяет отличительную деталь головного убора – «мысовидный выступ в налобной части» [7, с. 149]. По мнению Р.Г. Кузеева: «Процессы многовекового взаимодействия народов Среднего Поволжья и Южного Урала привели к формированию у них общего, регионально-го слоя культуры, который в разной степени захватил хозяйство, сферы материальной и духовной культуры. В то же время этот процесс не привел к разрушению этносов и особенностей их национальных культур» [5, с. 7]. Выявленные П.С. Палласом особенности не только традиционной женской одежды, но и способов ведения хозяйства и образа жизни служилых мещераков свидетельствуют о том, что они сохраняли этносословную самобытность.

Опытный исследователь-натуралист П.С. Паллас характеризует тип почвы на арендуемых мещераками землях как «самый изряднейший чернозем», не нуждающийся в удобрении [8, с. 66]. Интересно обратить внимание на то, что А.З. Асфандияров, анализируя особенности земледелия мишарей этого населенного пункта в конце XIX в., также фиксирует, что чернозем не нуждается в удобрении [1, с. 526]. При описании рачительного хозяйства мещераков, Паллас указывает, что они «огораживают пахотные свои поля плетнем, а скот гоняют на паровое поле». Сеют пшеницу, пеньку и полбу, которые здесь «хорошо родятся». Так же отмечается, что излишки хорошего урожая пшеницы мещераки выгодно реализуют населению расположенных по соседству «железных заводов» [8, с. 66].

Среди хозяйственных занятий мещераков П.С. Паллас отмечает скотоводство, пчеловодство и охоту на лисиц и куниц, которых в этих местах в избытке [8, с. 67]. Причем автор «Путешествия...» детально и поэтапно воссоздает способ ведения мещераками зимней охоты на тетеревов, свидетелем которой ему довелось стать, называя ее «особливым искусством». По его мнению, секрет удачной охоты заключается в использовании необычных ловушек, которые устанавливают «в редких березовых рощах, где водятся сии птицы». В качестве приманки на воткнутые в землю вилы «кладут поперечный шест и к нему привязывают несколько хлебных снопов». Поблизости вколачивают в землю березовые колья «рядом друг с другом». Затем охотники сооружают «пространный кузов», в отверстие которого устанавливают на оси вертушку, а обручи маскируют хлебной соломой. При этом «и место оставлено меж обручами и кольцом короба». Вертушка из двух крест-накрест положенных обручей свободно вращается. Появляющиеся птицы садятся на поперечный шест, затем перелетают «к находящимся у обручей колосьям» и вынужденно оказываются на загнута стороне; при обороте «падают в кузов головою», откуда не могут выбраться, поскольку оставленное отверстие узкое. В результате кузов наполняется множеством попавших туда тетеревов [8, с. 67]. Паллас счел важным сделать зарисовку ловушки для тетеревов [9].

После посещения Каменского завода отряд П.С. Палласа, продвигаясь по Исетской провинции к Троицкой крепости, посещает «воздвигнутую киргизцами и башкирцами свято обожаемую татарскую молитвенницу Кошена» [8, с. 384]. (В настоящее время данная мусульманская святыня именуется мавзолеем Кесене; находится в Варненском районе Челябинской области). В поездке к почитаемой мусульманской святыне, которая располагалась рядом с беспокойным пограничьем, П.С. Палласа в целях безопасности сопровождал целый отряд – «двадцать уйских козаков и восемьдесят башкирцев, мещераков и татар». Ученый в мельчайших подробностях описывает и зарисовывает «молитвенный дом, коего ради сюда и ехал», пока сопровождающие его мусульмане совершали обряд моления и возлагали на уступ стены медные деньги и другие дары [8, с. 388-393].

В конце августа отряд Палласа прибыл «в мещерацкую деревню Ачулы, оселенную по берегам реки такого же имени». Селение состоит из двадцати пяти дворов [8, с. 407]. (Ачулы значит «сердитый»; в настоящее время это с. Учалы, расположено на территории Учалинского района Республики Башкортостан). Путешественник сообщает, что в этих местах много рыбы, а неподалеку в горах можно удачно поохотиться. «Мещераки, обитая сию благословенную и плодоносную страну, упражняются по своей склонности более в хлебопашестве и скотоводстве» [8, с. 408].

П.С. Палласа в качестве проводника сопровождает мещерак из мещерацкой деревни Ургун-аул (современное название – с. Ургуново / Мулдашево, Учалинский район Республики Башкортостан). Указывается, что данная деревня находится у озера Ургун, которое «изобилует рыбою». При описании хозяйственной деятельности жителей Ургун-аула П.С. Паллас выделил важную особенность – полукочевой способ ведения скотоводства, органично сочетающийся с природными условиями данной территории. Фиксируется, что «окрестные места весьма выгодны для скотоводства, в чем живущие здесь мещераки, наиболее упражняясь летом, в подвижных, равно как и башкирцы, живут кибитках» [8, с. 409]. Покинув Ургун-аул, отряд академической экспедиции заночевал в мещерацкой деревне Калкан-аул, в которой «проживает старшина Кочербай». Отмечается, что название деревни «заимствовано от лежащей вверху над Яиком высокой горы Калкан-тау». По свидетельству мещераков, «близ деревни ламывали бледно-зеленую яшму» [8, с. 412]. (В

настоящее время название деревни – Калканово; находится она в Учалинском районе Республики Башкортостан).

Экспедицией также посещается мешерякская деревня Крентик-аул, «близ коея влево лежит такого же имени гора и в переезде ручей Крентик» [8, с. 413]. (Позднее деревня стала называться Мансурово, ныне она располагается в Учалинском районе Республики Башкортостан). Отметим, что в 1841 г. в официальном отчете правительству обращается внимание на то, что «некоторые мешеряки» д. Мансурова «в летнее время кочуют, а прочие постоянно живут в своих домах»; «собственной земли не имеют, а живут на казенной земле» [2, с. 308].

Выводы

В.И. Вернадский, подчеркивая значимость трудов П.С. Палласа, отмечал: «Они лежат до сих пор в основании наших знаний о природе и людях России. И к ним неизбежно, как к живому источнику, обращается географ и этнограф, зоолог и биолог, геолог и минералог, статистик, археолог и языковед [3, с. 223-224]. А.В. Головнёв и Т.С. Киссер считают, что П.С. Паллас и И.Г. Георги создали «этнопортрет Империи» и «применили методы естественнонаучной систематизации для описания народов, разглядев в них такое же естество и многообразие, какие видели в природе» [4, с. 67].

П.С. Паллас внес заметный вклад в фиксацию материала о жизнедеятельности служилых мешеряков Оренбургской губернии, а именно: останавливаясь и проживая в мешерякских селениях, наблюдая несение охранной службы (когда мешеряки в составе отряда охраны сопровождали академический отряд путешественников в приграничье), особенности ведения хозяйственной деятельности (земледелия, охоты, полукочевого скотоводства), проведение молитвенного обряда и принесение даров / пожертвований у известной мусульманской святыни, а также выявляя детали костюма мешерячек. Большой интерес вызывают сведения П.С. Палласа о мешеряках, которые были им собраны непосредственно в ходе «полевых» наблюдений в среде изучения, зафиксированные прежде всего в деревне Ниссебаш, а также при общении с другими «информантами» мешеряками (проводником, старшинами, членами отряда, сопровождавшего и охранявшего его в поездке к мусульманской святыне, находящейся поблизости от беспокойной границы).

Примечательно, что служилые мешеряки, с которыми исследователю довелось контактировать, проживают в населенных пунктах, расположенных недалеко от крепостей и укрепленных линий, при которых они служили, сооруженных для защиты рубежей. Описывая уральские заводы, П.С. Паллас отмечает, что их стабильная работа зависит от надежной охраны, в которой принимают активное участие служилые мешеряки, поскольку необходима защита от «воинственно настроенных башкир». Близкое общение с мешеряками вызывает у Палласа расположение, он с теплотой воспроизводит их образ жизни и занятия. Колоритны и достаточно информативны описания и рисунки костюма мешерячек и охоты мешеряков на тетеревов с помощью хитроумной ловушки.

Следует подчеркнуть, что сведения о служилых мешеряках, зафиксированные П.С. Палласом в 1770 году, не утратили научной актуальности и в настоящее время, являясь важным историко-этнографическим источником.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500512-4-6.1.1

Список источников

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. / подг. к публ. А.З. Асфандияров // Южноуральский археографический сборник. БФАН СССР. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 196 – 342.
3. Вернадский В.И. Очерки по истории Академии наук // Труды по истории науки в России / сост. Ба-стракова М.С., Неаполитанская В.С., Фирсова Г.А. М.: Наука, 1988. 404 с.
4. Головнёв А.В., Киссер Т.С. Этнопортрет Империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 59 – 70.
5. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю // Собр. науч. трудов: в 7 т. Т. 6 / ИЭИ УНЦ РАН. Уфа: Китап, 2016. 444 с.
6. Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 5. 784 с.

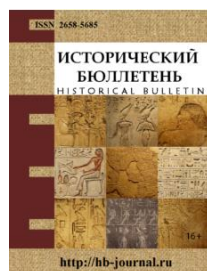
7. Нечвалода Е.Е. Головной убор и украшение-перевязь из коллекции П.С. Палласа: вопросы атрибуции // Кунсткамера. 2025. № 4 (30). С. 145 – 158.
8. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук: в 3 ч., в 5 кн. / пер. с нем. Ф. Томанского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1786. Ч. 2. Кн. 1: 1770 г. 476 с.
9. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Атлас. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1788. 112 с.
10. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1762. Ч. 1. 331 с.
11. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1762. Ч. 2. 262 с.

References

1. Asfandiyarov A.Z. History of Villages and Settlements of Bashkortostan and Adjacent Territories. Ufa: Kitap, 2009. 744 p.
2. Statements by Bashkir and Mishar Canton Chiefs on the Size and Socioeconomic Status of the Population by Villages in the Mid-19th Century. prepared for publication by A.Z. Asfandiyarov. South Ural Archaeographic Collection. Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 2. Ufa, 1976. P. 196 – 342.
3. Vernadsky V.I. Essays on the History of the Academy of Sciences. Works on the History of Science in Russia. compiled by M.S. Bastrakova, V.S. Neapolitanskaya, G.A. Firsova. Moscow: Nauka, 1988. 404 p.
4. Golovnev A.V., Kisser T.S. Ethnoportrait of the Empire in the Works of P.S. Pallas and I.G. Georgi. Ural. hist. vestn. 2015. No. 3 (48). P. 59 – 70.
5. Kuzeev RG. Peoples of the Middle Volga and Southern Urals. An Ethnogenetic View of History. Coll. scientific works: in 7 volumes. Vol. 6. IEI Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Ufa: Kitap, 2016. 444 p.
6. Materials on the history of the Bashkir ASSR. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 5. 784 p.
7. Nechvaloda EE. Headdress and ornamental baldric from the collection of P.S. Pallas: Attribution Issues. Kunstkamera. 2025. No. 4 (30). P. 145 – 158.
8. Pallas P.S. Journey through Various Provinces of the Russian State by Order of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences: in 3 Parts, in 5 Books. Translated from German by F. Tomansky. St. Petersburg: Type of Imperial Academy of Sciences, 1786. Part 2. Book 1: 1770. 476 p.
9. Pallas P.S. Journey through Various Places of the Russian State by Order of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Atlas. St. Petersburg: Type of Imperial Academy of Sciences, 1788. 112 p.
10. Rychkov P.I. Orenburg Topography, That Is: A Detailed Description of the Orenburg Province, Written by Collegiate Councilor and Correspondent of the Imperial Academy of Sciences Pyotr Rychkov: in 2 Parts. St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1762. Part 1. 331 p.
11. Rychkov P.I. Orenburg Topography, That Is: A Detailed Description of the Orenburg Province, Written by Collegiate Councilor and Correspondent of the Imperial Academy of Sciences Pyotr Rychkov: in 2 Parts. St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1762. Part 2. 262 p.

Информация об авторе

Кильмаматов Р.Р., старший лаборант, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, kilmamatov94@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470) "18"

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-42-48

Канцлер Нессельроде: оценки отечественной историографии как основа для проблемного метода изучения внешней политики России в XIX веке

¹ Курков В.В.,

¹ Сильченко Д.И.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье раскрывается образовательный потенциал применения противоречивых историографических оценок личности и деятельности канцлера Нессельроде в качестве основы для проблемного метода изучения внешней политики России в XIX веке. Авторы рассматривают процесс развития в отечественной историографии образа Нессельроде от крайне упрощенных и негативных оценок до первой исторической биографии, уже объективно представляющей данную личность как фигуру сложную и неоднозначную. В заключении авторами делается вывод о необходимости использования по данной теме таких организационных форм учебных занятий как: урок-суд, позволяющий органично сочетать плодотворное дискуссионное обсуждение актуальной проблемы с элементами деловой игры и проблемная лекция, активизирующая внимание и познавательную активность аудитории и повышающая продуктивность усвоения сложного историографического материала.

Ключевые слова: К.В. Нессельроде, внешняя политика, историография, проблемный метод обучения, урок-суд, проблемная лекция

Для цитирования: Курков В.В., Сильченко Д.И. Канцлер Нессельроде: оценки отечественной историографии как основа для проблемного метода изучения внешней политики России в XIX веке // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 42 – 48. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-42-48

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Chancellor Nesselrode: assessments of domestic historiography as a basis for a problem-based method of studying Russia's foreign policy in the 19th century

¹ Kurkov V.V.,

¹ Silchenko D.I.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article explores the educational potential of using conflicting historiographic assessments of Chancellor Nesselrode's personality and activities as the basis for a problem-based method for studying Russian foreign policy in the 19th century. The authors examine the development of Nesselrode's image in Russian historiography, from highly simplified and negative assessments to the first historical biography that objectively presents him as a complex and ambiguous figure. In conclusion, the authors recommend using such organizational forms of teaching on this topic as a trial lesson, which seamlessly combines fruitful discussion of a topical issue with elements of a business game, and a problem-based lecture, which engages the audience's attention and cognitive activity and improves the productivity of complex historiographic material.

Keywords: K.V. Nesselrode, foreign policy, historiography, problem-based teaching method, lesson-trial, problem-based lecture

For citation: Kurkov V.V., Silchenko D.I. Chancellor Nesselrode: assessments of domestic historiography as a basis for a problem-based method of studying Russia's foreign policy in the 19th century. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 42 – 48. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-42-48

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Карл Васильевич Нессельроде является одной из самых недооценённых фигур в отечественной и зарубежной историографии. Человек, занимавший пост министра иностранных дел Российской империи сорок лет, находившийся в центре ключевых событий своей эпохи, оказался крайне непопулярной фигурой как у современников, так и у историков. В советской историографии, Нессельроде ассоциировался с поражением России в Крымской войне. В итоге, в советское время К.В. Нессельроде стал буквально символом безвольного бюрократа, который не смел перечить воли властного монарха. И только в современных публикациях стали четко утверждаться обоснованные идеи о неоднозначности этой исторической личности [18; 19]. Как показывает опыт, именно такие фигуры, балансирующие на грани безусловного осуждения или оправдания, и вызывают активный интерес и споры в учебной аудитории – вне зависимости от эпохи и страны [8, с. 177-178, 181]. Поэтому в этом плане сложные и противоречивые историографические оценки личности и деятельности знаменитого канцлера Российской империи могут послужить прекрасной основой для использования в учебном процессе проблемного метода обучения, растущая потребность в котором продиктована необходимостью активизации познавательной активности студентов в условиях увеличения объема курсов отечественной истории в системе вузовского образования, когда только лишь большее количество учебных часов не гарантирует нарастающего интереса к родной истории. В то же время, проблемный подход основанный на сравнении историографических оценок будет востребован и в рамках школьного образования – например, когда в условиях региональных олимпиад по истории есть обязательное требование к эссе старшеклассников предполагающее знание различных подходов в историографии к оценкам исторических событий, процессов и личностей.

Материалы и методы исследований

В основу статьи положен принцип историзма диктующий анализ сложного процесса развития образа канцлера Нессельроде в отечественной историографии – от упрощенной уничижительной характеристики, представляющей руководителя внешней политики Российской империи в качестве слабого и пассивного исполнителя монаршей воли, приведшего страну к поражению в Крымской войне до объективной оценки как великого дипломата, сыгравшего неоднозначную роль в отечественной истории. Таким образом, выявление и сопоставление полярных оценок данной исторической личности, формирует плодотворную основу для применения проблемного подхода в изучении внешней политики России в XIX веке, в то время как метод педагогического эксперимента, предполагающий практическую апробацию в ходе преподавательской деятельности авторов (как в школьной, так и в вузовской системе исторического образования) подкрепляет итоговый вывод о возможной реализации в нашем случае проблемного метода обучения через такие организационные формы как урок-суд и проблемная лекция.

Результаты и обсуждения

Использование проблемного метода при изучении внешней политики России в XIX веке на основе историографических оценок личности и деятельности К.В. Нессельроде, прежде всего предполагает аналитический разбор для учебной аудитории общего вектора развития представлений о данной исторической фигуре в отечественной науке. Так, если в официальной дореволюционной историографии четко проявлялось стремление возложить лично на Нессельроде ответственность за все внешнеполитические просчеты и неудачи империи (и в первую очередь – за поражение в Крымской войне) и тем самым вывести из под огня критики императора Николая I и самодержавие [2], то уже в советской исторической науке, начиная с трудов такого ее видного представителя как Е.В. Тарле, исключительно негативная оценка знаменитого канцлера, наоборот стала удобным инструментом для убедительной критики царизма и превратилась в домини-

рующий подход [4; 11, с. 212]. Поэтому Нессельроде неизменно продолжал оставаться в тени других деятелей своего времени.

На этом фоне, на наш взгляд, крайне важно на основе современных исследований обратить внимание учебной аудитории и на причины того, почему и у современников, утвердилось негативное отношение к этой личности: возможно, что по количеству уничижительных характеристик от своих соотечественников Карл Васильевич просто поставил печальный рекорд в истории – от «награждения» Н.П. Лесковым прозвищем «Кисельроде» до убийственных стихотворных строк Ф.И. Тютчева, в которых поэт в 1850 году называл канцлера и «карликом» и «беспримерным трусом» [16, с. 446]. В этом плане полезно обратить внимание аудитории на негативную оценку Нессельроде со стороны саксонского дипломата Фитцум фон Экштеда, которую известный советский историк Е.В. Тарле использовал фрагментарно – выбирая из источника лишь то, что подходило для критики имперского канцлера [16, с. 447-448]. В то время как детерминантами неприятия со стороны современников объективно выступали зависть, личная обида, конкуренция по службе, выливавшиеся в критику «немца» и его политического курса, и конечно провальный финал политической карьеры Карла Васильевича – поражение в Крымской войне, обвинять в котором собственно монархию было невозможно и обществу явно требовался козел отпущения [16, с. 453-454, 455].

С другой стороны, для того чтобы четко обозначить проблемную ситуацию на основе историографических оценок личности и деятельности К.В. Нессельроде, необходимо наглядно представить сложный процесс утверждения в отечественной науке объективного подхода к этой исторической фигуре. После распада СССР начался пересмотр множества спорных исторических вопросов и ряд политических деятелей прошлого получили своеобразную историческую амнистию и были представлены гораздо более полно и целостно, чем в советские годы. Примечательно, что этой участи Карл Васильевич Нессельроде фактически снова избежал. Казалось, что настолько масштабная фигура вызовет интерес у историков, однако же он долгое время продолжал оставаться в тени своего приемника А.М. Горчакова и конечно же героев Крымской войны В.А. Корнилова, П.С. Нахимова и многих других. Большинство работ, касавшихся личности Нессельроде были посвящены не ему, а событиям в которых он так или иначе принимал участие.

Только в 2000-е годы расстановка акцентов в характеристике знаменитого канцлера начинает меняться. Так, в 2002 году выходит фундаментальный трехтомный труд посвященный истории министерства иностранных дел России, в рамках которого В.Б. Михайлов, возможно, впервые в отечественной историографии оценивает деятельность Нессельроде в позитивном ключе. Он отмечает достоинства канцлера, как дипломата и отдаёт ему должное в успешном разрешении ряда международных кризисов, постигших Европу, отмечая, что упреки Нессельроде в его постоянной ориентации на Австрию сильно преувеличены, так как граф никогда не был противником сближения с Англией и Францией, одновременно подчеркивая, что Николай I был гораздо большим сторонником «системы Меттерниха» – в особенно после событий 1830-1831 гг. – в отличие от Нессельроде, который в этом вопросе проявлял свойственную себе умеренность и сдержанность [12, с. 109-110]. К сожалению, в данной работе очень мало информации о взаимоотношениях императора и его канцлера, что являлось важной детерминантой деятельности последнего.

Показательна и масштабная работа, посвящённая внешней политике России в первой половине XIX века [5]. Работа носила скорее обобщающий характер, но всё-таки в некоторых главах Карл Васильевич Нессельроде был важным действующим лицом и получил не только очередную порцию критики, но и большую степень объективности, хотя в целом в список пересмотренных советских нарративов не попал. Например, новым стал акцент на то, что влияние Меттерниха на русского политика сильно преувеличено и чрезмерная проавстрийская ориентация Нессельроде в целом не соответствует действительности [5, с. 205]. Однако, в данной работе он всё же предстаёт «маленьким» человеком при большом правителе: отношения канцлера и Николая I упрощены и сведены к слабости Нессельроде в отстаивании своих позиций. Особенно показательно это продемонстрировано в главах посвящённых Крымской войне [5, с. 382, 387]: Нессельроде представлен осторожным, умным, но лишенным собственной точки зрения человеком – именно на него возлагается вина в том, что война всё-таки случилась в крайне неудачной для России обстановке. При этом указывается, что Нессельроде был человеком умным и пытался «склонить царя к проведению более разумной линии», но его внутренняя слабость и неспособность, занимая столь высокий пост, проявлять твёрдость ему соответствующую, не дали нужного результата и царь мнение своего министра просто проигнорировал [5, с. 377]. Интерес представляет ситуация, когда император предложил наметить новый курс русской политике, касающийся освобождения балканских народов от владычества Турции, Нессельроде выступил против этого, считая, что европейские державы подобного исхода событий не допустят. В итоге император прислушался к словам Нессельроде и не стал активно развивать эти идеи в тот момент. Примечательно, что данная ситуация приводится как пример невероятного исключения, когда Карл Васильевич

смог «продать» свою точку зрения и что подобный итог споров канцлера и императора был крайне редким явлением [5, с. 385]. Наконец, завершающим звеном в изображении фигуры Нессельроде является достаточно типичное противопоставление приемнику – Александру Михайловичу Горчакову: в привычных рамках указывается, что Горчаков умён, талантлив и в будущем сыграет очень важную роль в истории России, а Нессельроде Горчакова не любит и выступает против назначения того главой российской миссии в Вене [5, с. 393]. В итоге можно сделать вывод, о том, что даже в нынешнем столетии масштабная обобщающая работа по истории внешней политики России в вопросах, касающихся деятельности К.В. Нессельроде практически оставалась на уровне оценок советской историографии. Хотя в историографических публикациях можно встретить мнение, что в данной этапной работе Нессельроде представлен как фигура сложная, отметившаяся успехами и неудачами [14, с. 593] – с этим сложно согласиться: фокус авторов работы в контексте канцлера всё равно сосредоточен больше на его провалах, нежели на его успехах.

Даже в вышедшей в 2010 году и посвященной юбилею со дня рождения знаменитого канцлера статье Г.А. Гребенщиковой мы можем представить для учебной аудитории все тот же привычный нарратив – подчеркивается ум, опыт и осторожность Нессельроде и в то же время делается вывод о его неспособности защитить государственные интересы России – в качестве постскриптума автор даже приводит мнение отца Карла Васильевича, полагавшего что сыну лучше бы вообще не избирать для себя профессию дипломата [3, с. 106-107].

Одной из ключевых проблемных сторон изучения деятельности К.В. Нессельроде, по ходу учебного процесса может стать критический анализ укоренившегося стереотипа о проавстрийских взглядах канцлера, и конечно, о его невероятно тесных отношениях с Меттернихом, как одним из главных австрийских политических деятелей той эпохи. В 2019 году вышла статья Е.П. Кудрявцевой, посвящённая двум канцлерам: Нессельроде и Меттерниху: автор отмечает то большое влияние, которым пользовался Меттерних, подчеркивая, что венскую систему международных отношений, обоснованно называют «системой Меттерниха» [6, с. 47]. Отношения Нессельроде и Меттерниха действительно были крепкими как в личном плане, так и в политическом – они походили на отношения отца с сыном, что сказывалось и на политической арене. Кудрявцева указывает, что было немало случаев, когда Нессельроде шёл по пути, предложенном Меттернихом. Например, в 1821 году, когда Россия отказалась поддержать Грецию в борьбе с Турцией, но при этом не раз были ситуации, когда наоборот, Нессельроде выходил из-под влияния Меттерниха: так было в 1830 году, когда русский канцлер отказался признавать Орлеанскую монархию [6, с. 52-53]. Интересен и взгляд в данной работе на Николая I, как на человека, который лично Меттерниха совершенно не любил, но при этом иногда предлагал идеи даже более радикальные, чем Меттерних, которые, безусловно, были выгодны больше Австрии, нежели России, что в какой-то степени делает императора последователем идей Меттерниха [6, с. 54]. В итоге Николай I мог допустить большое количество импульсивных действий, явно не выгодных России, но вполне устраивающих Австрии. Поэтому при таком монархе должен быть министр, который сможет не допустить подобных действий. Таким человеком как раз и был К.В. Нессельроде: даже его недоброжелатели отмечали, что как политик он был весьма умный и осторожный, возможно, даже слишком осторожный, но тем не менее, именно такой человек был нужен императору. Е.П. Кудрявцева справедливо отмечает, что граф был неким «буфером», защищающим своего императора, что без серьёзного проникновения в тему можно принять за страх Нессельроде перед монархом [6, с. 55]. В этой связи для аудитории может быть показательной оценка английского посла в России Дж. Дюргама, который сообщает Г.Дж. Пальмерстону, что император по вопросам внешней политики прислушивается исключительно к К.В. Нессельроде и к А.Ф. Орлову [16, с. 449].

Анализ приведенных выше публикаций позволяет подвести аудиторию к пониманию кардинального изменения ситуации с оценкой личности и деятельности Нессельроде в 2020-е годы, когда благодаря работам Н.П. Таньшиной, впервые в отечественной историографии образ канцлера предстаёт как фигура сложная и неоднозначная [11, с. 220].

В плане применения проблемного метода при изучении внешней политики России в XIX веке на наш взгляд полезным представляется использование статьи Н.П. Таньшиной, посвященной дипломатическому тандему К.В. Нессельроде и Ш.-А. Поццо ди Борго: на основе их переписки как частной, так и официальной как главы внешнеполитического ведомства и посла, для учебной аудитории можно представить анализ их взаимоотношений, а также роль этих отношений в политике России и сформировать новый и неоднозначный подход к оценке личности Нессельроде. Автор выделяет такие общие черты характера исследуемых персонажей как прагматизм и рационализм, а также, общую умеренность взглядов, в силу чего образ Нессельроде как правило упрощали и объявляли «немца» консерватором, а Поццо ди Борго, наоборот, зачисляли в либералы [17, с. 73]. Н.П. Таньшина отказывается от традиционной оценки Нессельроде как че-

ловека слабого и не способного противостоять мнению своего государя, приводя пример, когда на Венском конгрессе были серьёзные разногласия между императором Александром I и К.В. Нессельроде по польскому вопросу [17, с. 74]. Весьма показателен и другой эпизод, на который обращает внимание автор статьи: когда угроза Нессельроде уйти в отставку, вынудила Николая I отказаться от решения избавиться от Поццоди Борго, что позволило последнему сохранить свой пост [17, с. 77]. При этом Н.П. Таньшина отмечает, что Нессельроде в 1856 году на Парижском конгрессе пережил фактически крах внешнеполитической системы России, что сам впоследствии признавал в своём своеобразном политическом завещании «Записке о политических сношениях России» [13; 17, с. 79-80].

Несомненно, что проблеме деятельности Нессельроде в годы Крымской войны и его ответственности за события очередного восточного кризиса и поражение России в этой войне, следует уделить главное внимание в рамках учебного процесса, нацелив работу аудитории на ещё одна статью Н.П. Таньшиной, уже название которой может быть использовано как тема для плодотворной дискуссии или проблемного занятия [18]. По мнению автора, Нессельроде сделал всё, чтобы данный конфликт предотвратить, также как и в случае других серьёзных политических кризисов: при этом Н.П. Таньшина обоснованно критикует традиционные оценки Нессельроде со стороны Е.В. Тарле, отмечая, что граф был всячески против войны и предупреждал, что события могут привести к новому большому европейскому конфликту, опасному для России. При этом Таньшина согласна с мнением многих историков, что Нессельроде отстаивал свои позиции не слишком решительно, но важное уточнение: речь здесь идёт именно про данный политический кризис. Исходя из чего не следует делать вывод, что Нессельроде всегда был пассивен и слаб в отстаивании своих позиций. Оценивая его знаменитое «политическое завещание», исследователь считает, что данный документ является ярким подтверждением того, что Карл Васильевич прекрасно понимал, чем обернулась Крымская война и в то же время отчасти признавал ошибочность политического курса на укрепление стабильности в Европе, которому иногда приносились в жертву интересы России [18, с. 274-275].

Наконец, невозможно не использовать в нашей работе и первую биографию К.В. Нессельроде, опубликованную Н.П. Таньшиной в 2021 году. В этой монографии подробно раскрыты все сложные аспекты взаимоотношений Нессельроде и Меттерниха: Меттерниха как наставник, а Нессельроде ученик, но при этом ученик, имеющий свой взгляд на ключевые вопросы [19, с. 170-172, 174-175]. Особое внимание аудитории при работе с этой книгой следует обратить на то, как представлена личность графа: его увлечения, друзья, а также черты характера. Здесь отсутствуют привычные упрощение и шаблонность во взгляде на канцлера. Он предстаёт человеком живым и действительно разным. Ему свойственна скрытность, но есть люди, которым он доверяет, он довольно рассудителен и рационален, но может, как и любой другой человек, погружаться в любимое дело часами напролёт. Впервые мы можем погрузиться так глубоко в жизнь этого исторического деятеля [19, с. 56-57, 120-121]. Хотя пробелы в биографии знаменитого канцлера по-прежнему остаются: так, одним из слабых мест рассматриваемой монографии является отсутствие информации об отношениях К.В. Нессельроде и И.Ф. Паскевича (наиболее влиятельного военачальника империи) в период восточного кризиса, приведшего к Крымской войне [11, с. 218]. Тем не менее, монография Н.П. Таньшиной стала рубежным событием в изучение личности Нессельроде: наконец-то получилось сформировать образ живого человека, который действительно служил своей стране, конечно, он совершал ошибки, но и был способен их признавать. В итоге незаслуженно обделённый вниманием достойный дипломат получил своё признание в виде полноценной научной биографии.

Выводы

В заключении необходимо обратить внимание на факт успешного внедрения проблемного метода обучения в систему отечественного исторического образования, равно как и на устойчивый интерес современных исследователей к разнообразной методике применения данного прогрессивного инструментария [1; 15]. Поэтому, применительно к использованию проблемной методики при изучении внешней политики России в XIX веке на основе анализа историографических оценок личности и деятельности К.В. Нессельроде, на основе собственного практического опыта представляется возможным сделать вывод о необходимости использовать прежде всего такие организационные формы учебных занятий как: урок-суд, позволяющий органично сочетать плодотворное дискуссионное обсуждение актуальной проблемы с элементами деловой игры [9; 10] и проблемную лекцию, активизирующую внимание и познавательную активность аудитории и повышающую продуктивность усвоения даже достаточно сложного историографического материала [7].

Список источников

1. Александров Е.Л. Использование проблемного метода в процессе преподавания отечественной истории // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 5 – 7.
2. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1876.
3. Гребенщикова Г.А. Карл Роберт Нессельроде: к 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // Клио. 2010. № 2 (49). С. 98 – 108.
4. Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 567 с.
5. История внешней политики России: в 5 т. Т. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) // Ред. О.В. Орлик и др. М.: «Академический проект», «Парадигма», 2018. 441 с.
6. Кудрявцева Е.П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1 (64). С. 45 – 58.
7. Курков В.В. Актуальность лекции как активной формы обучения в современном школьном историческом образовании // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Сер.: «Гуманитарные науки». Калуга, Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2020. С. 58 – 62.
8. Курков В.В., Амочкина В.М. Историческая роль К.Г. Маннергейма: проблемные аспекты интерпретации в учебном процессе // Исторический бюллетень. 2026. Т. 9. № 3. С. 177 – 183.
9. Курков В.В., Новикова М.В. Методический потенциал деловых игр в изучении национальных конфликтов: урок-суд как способ осмысления проблемных аспектов курдского вопроса // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 10. С. 99 – 105.
10. Курков В.В., Сайкина В.М. Образовательный потенциал деловых игр при изучении причинно-следственных связей на примере русско-японской войны: урок-суд по делу о сдаче Порт-Артура // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 5. С. 193 – 198.
11. Мамонов А.В. Первая русская биография графа К.В. Нессельроде // Российская история. 2022. № 5. С. 211 – 221.
12. Михайлов В.Б. Нессельроде Карл Васильевич // Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002: в 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 3. С. 100 – 113.
13. Нессельроде К.В. Записка канцлера графа К.В. Нессельрода о политических сношениях России (писана 11 февраля 1856 г., перед заключением Парижского мира и выходом графа Нессельрода в отставку) // Русский архив. 1872. № 2. Стб. 337 – 344.
14. Размахнина А.А. К.В. Нессельроде в фокусе отечественной историографии // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А.Н. Косыгина: Материалы XXX международной научной конференции: в 3-х т. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 588 – 595.
15. Саплина Е.В. Инновационные методы преподавания истории в современном вузе // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 3. С. 113 – 118.
16. Таньшина Н.П. Граф К.В. Нессельроде в восприятии современников: причины непопулярности // Ключевские чтения. 2020. Народ и власть: Материалы Международной научной конференции. М.: МПГУ, 2020. С. 446 – 452.
17. Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде и Ш.-А. Поццо ди Борго: дипломатический тандем. // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 71 – 82.
18. Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде и Крымская война: изменник или защитник национальных интересов России? // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М.: ИВ РАН, 2021. С. 273 – 275.
19. Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021. 352 с.

References

1. Aleksandrov E.L. Using the Problem-Based Method in Teaching Russian History. Bulletin of the Educational Consortium of the Central Russian University. Series: Humanities. 2018. No. 12. P. 5 – 7.
2. Bogdanovich M.I. The Eastern War of 1853-1856. St. Petersburg: F. Sushchinsky Press, 1876.
3. Grebenshchikova G.A. Karl Robert Nesselrode: On the 230th Anniversary of His Birth. Strokes to a Portrait. Clio. 2010. No. 2 (49). P. 98 – 108.

4. Tarle E.V. Crimean War: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 567 p.
5. History of Russia's Foreign Policy: in 5 volumes. Vol. 3. The First Half of the 19th Century (From Russia's Wars against Napoleon to the Paris Peace of 1856). Ed. O.V. Orlik et al. Moscow: "Akademichesky Proekt", "Paradigma", 2018. 441 p.
6. Kudryavtseva E.P. Two Chancellors: Metternich and Nesselrode. Bulletin of MGIMO-University. 2019. No. 1 (64). P. 45 – 58.
7. Kurkov V.V. Relevance of Lectures as an Active Form of Learning in Modern School History Education. Scientific Works of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. Series: "Humanities". Kaluga, Publishing House of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, 2020. P. 58 – 62.
8. Kurkov V.V., Amochkina V.M. The Historical Role of K.G. Mannerheim: Problematic Aspects of Interpretation in the Educational Process. Historical Bulletin. 2026. Vol. 9. No. 3. P. 177 – 183.
9. Kurkov V.V., Novikova M.V. Methodological Potential of Business Games in the Study of National Conflicts: Lesson-Court as a Way of Understanding the Problematic Aspects of the Kurdish Issue. Pedagogical Education. 2022. Vol. 3. No. 10. P. 99 – 105.
10. Kurkov V.V., Saykina V.M. Educational Potential of Business Games in the Study of Cause-Effect Relationships Using the Example of the Russo-Japanese War: Lesson-Court on the Case of the Surrender of Port Arthur. Pedagogical Education. 2023. Vol. 4. No. 5. P. 193 – 198.
11. Mamonov A.V. The First Russian Biography of Count K.V. Nesselrode. Russian History. 2022. No. 5. P. 211 – 221.
12. Mikhailov V.B. Nesselrode Karl Vasilievich. Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 1802-2002: in 3 volumes. Moscow: OLMA-PRESS, 2002. Vol. 3. P. 100 – 113.
13. Nesselrode K.V. Memorandum by Chancellor Count K.V. Nesselrode on Russia's Political Relations (written on February 11, 1856, before the conclusion of the Treaty of Paris and Count Nesselrode's retirement). Russian Archive. 1872. No. 2. P. 337 – 344.
14. Razmakhnina A.A. K.V. Nesselrode in the Focus of Russian Historiography. Russia and the World in Historical Retrospect. On the 120th Anniversary of the Birth of the Outstanding Statesman A.N. Kosygin: Proceedings of the XXX International Scientific Conference: in 3 volumes. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, 2024. P. 588 – 595.
15. Saplina E.V. Innovative Methods of Teaching History in a Modern University. Historical Bulletin. 2023. Vol. 6. No. 3. P. 113 – 118.
16. Tanshina N.P. Count K.V. Nesselrode in the Perception of Contemporaries: Reasons for His Unpopularity. Klyuchevsky Readings. 2020. People and Power: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2020. P. 446 – 452.
17. Tanyshina N.P. K.V. Nesselrode and Sh.-A. Pozzo di Borgo: A Diplomatic Tandem. New and Contemporary History. 2021. No. 5. P. 71 – 82.
18. Tanyshina N.P. K.V. Nesselrode and the Crimean War: A Traitor or a Defender of Russia's National Interests? Historical, Cultural, Interethnic, Religious, and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 273 – 275.
19. Tanyshina N.P. K.V. Nesselrode: The Art of Being a Diplomat. St. Petersburg: Eurasia, 2021. 352 p.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Сильченко Д.И., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Сильченко Д.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94 (470)

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-49-59

Влияние социокультурной трансформации западного общества на эффективность советской культурной дипломатии (1970-1980-е гг.)

¹ Пенькова Т.А.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в работе представлен комплексный анализ влияния социокультурных изменений, происходивших в западных обществах в конце 1970-х – 1980-е годы, на результативность советской культурной дипломатии на позднем этапе. Исследование охватывает хронологический период от конца 1970-х годов до начала перестройки (1985 год), когда в странах Запада происходили глубинные трансформации ценностных ориентаций, коммуникационных практик и моделей культурного потребления. Актуальность темы определяется необходимостью переосмысления исторического опыта применения достижений культуры во внешнеполитической деятельности в условиях идеологического противостояния, а также возможностью экстраполяции выявленных закономерностей на современные внешнеполитические практики. Результаты исследования, представленные в настоящей работе были достигнуты за счет применения системно-исторического подхода, сочетающего институциональный и социокультурный анализ, а также компаративистского подхода. Таким образом, по итогам исследования были выявлены ключевые противоречия между сложившейся в конце 1950-х – первой половине 1970-х годов моделью советской культурной дипломатии и новой социокультурной реальностью западных обществ, что привело к снижению эффективности традиционных форм культурного взаимодействия между СССР и странами Запада. Автор приходит к выводу, что к середине 1980-х годов советская культурная дипломатия столкнулась с системным кризисом, обусловленным не только внешнеполитическими факторами, но и неспособностью адаптироваться к произошедшим социокультурным изменениям на Западе.

Ключевые слова: культурная дипломатия, СССР, холодная война, социокультурная трансформация, мягкая сила, культурный обмен, массовая культура

Для цитирования: Пенькова Т.А. Влияние социокультурной трансформации западного общества на эффективность советской культурной дипломатии (1970-1980-е гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 49 – 59. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-49-59

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The impact of socio-cultural transformation of western society on the effectiveness of Soviet cultural diplomacy (1970-1980)

¹ Penkova T.A.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: this paper presents a comprehensive analysis of the impact that sociocultural changes occurring in Western societies in the late 1970s and 1980s had on the effectiveness of Soviet cultural diplomacy in its later stage. The study covers the chronological period from the late 1970s to the beginning of perestroika (1985), a time

when profound transformations in value orientations, communication practices, and models of cultural consumption were taking place in Western countries. The relevance of the topic is determined by the need to reconsider the historical experience of harnessing cultural achievements in foreign policy under conditions of ideological confrontation, as well as by the possibility of extrapolating the identified patterns to contemporary foreign policy practices. The research results presented in this work were achieved through the application of a systemic-historical approach that combines institutional and sociocultural analysis with a comparative approach. Thus, the study reveals key contradictions between the model of Soviet cultural diplomacy that had taken shape between the late 1950s and the first half of the 1970s and the new sociocultural reality of Western societies, which led to a decline in the effectiveness of traditional forms of cultural interaction between the USSR and Western countries. The author concludes that by the mid-1980s, Soviet cultural diplomacy was facing a systemic crisis caused not only by foreign policy factors but also by its inability to adapt to the sociocultural changes that had occurred in the West.

Keywords: cultural diplomacy, USSR, Cold War, socio-cultural transformation, soft power, cultural exchange, mass culture

For citation: Penkova T.A. *The impact of socio-cultural transformation of western society on the effectiveness of Soviet cultural diplomacy (1970-1980)*. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 49 – 59. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-49-59

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Сегодня в отечественной исторической науке значительное место занимает изучение специфики советской культурной дипломатии в период холодной войны. В первую очередь, академический интерес к данному вопросу обусловлен процессом переосмысления истории холодной войны. Не только в отечественной, но и в зарубежной историографии можно наблюдать смену фокуса с холодной войны как череды международных кризисов, гонки вооружений, экономического противостояния на неё как не менее ожесточённую борьбу за «сердца и умы». Во-вторых, советская культурная дипломатия представляла собой сложную, полную внутренних противоречий систему. С одной стороны, для неё были характерны закрытость и идеологическая зарегулированность, но в то же время культурная дипломатия была одним из немногих каналов взаимодействия с внешним миром. В-третьих, изучение феномена советской культурной дипломатии является попыткой понять природу и возможности политики «мягкой силы». Несмотря на то что концепция «мягкой силы» была представлена Дж.С. Най лишь в 1990-е годы, советская культурная дипломатия рассматривалась самим автором как эталонный пример данной политики. Наконец, растущее внимание исследователей к специфике культурной дипломатии СССР вызвано релевантностью советского опыта и нынешним международным положением России.

Однако большинство исследований сфокусированы либо на организационно-институциональных аспектах деятельности внешнеполитических ведомств, либо на конкретных формах культурного обмена. Проблема эффективности советской культурной дипломатии как системного феномена, зависящего не только от внутренних организационных параметров, но и от внешнего социокультурного контекста, остается недостаточно разработанной. Особый интерес представляет заключительный период холодной войны, когда западное общество вступило в фазу глубинной трансформации, затронувшей все сферы социальной жизни – от системы ценностей до способов коммуникации и потребления культурных благ.

Конец 1970-х – первая половина 1980-х годов стали временем принципиальных изменений в западном культурном ландшафте. В конце 1950-х и первой половине 1970-х годов советская культурная дипломатия, опиравшаяся на классические и авангардные формы искусства, находила относительно благоприятную почву в среде западной интеллигенции, сохранявшей интерес к социалистическому эксперименту. К концу 1970-х годов данная социальная база значительно сократилась. Победа неоконсервативных политических сил в США и Великобритании, распространение постмодернистских эстетических практик, размывание границ между высокой и массовой культурой, стремительное развитие электронных средств коммуникации – перечисленные факторы кардинально изменили условия, в которых приходилось действовать советской культурной дипломатии.

Таким образом в настоящей работе поставлена цель выявить и проанализировать основные факторы социокультурной трансформации западного общества конца 1970-х-1980-х годов, которые оказали наиболее существенное влияние на снижение эффективности советской культурной дипломатии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1970-х годов, когда начали отчетливо проявляться признаки нового этапа идеологического противостояния в рамках холодной войны, до 1985 года, когда приход к власти М.С. Горбачева и начало политики перестройки ознаменовали переход к качественно иной модели внешнеполитической коммуникации. Географические рамки ограничены странами Западной Европы и Северной Америки как основными адресатами советских культурных инициатив.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе влияния социокультурных изменений на Западе на эффективность советской культурной дипломатии, что позволяет по-новому взглянуть на причины кризиса традиционных форм культурного взаимодействия в конце холодной войны. В отличие от работ, рассматривающих исключительно внутренние проблемы советской культурной политики, в настоящем исследовании акцент сделан на внешние факторы, определявшие степень востребованности советских культурных практик за рубежом.

Материалы и методы исследований

Методологический аппарат настоящего исследования строится на сочетании нескольких подходов, позволяющих комплексно рассмотреть проблему влияния социокультурных изменений на эффективность советской культурной дипломатии. Основным является системно-исторический подход, в рамках которого советская культурная дипломатия рассматривается как сложная система, функционирующая в определенных внешних условиях и состоящая из взаимосвязанных институциональных, организационных и коммуникативных элементов. Эффективность данной системы определяется не только внутренними факторами, но и степенью соответствия внешнему социокультурному контексту.

В качестве вспомогательного метода применяется институциональный анализ, позволяющий исследовать структуру и механизмы функционирования основных институтов советской культурной дипломатии: Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД), Государственного концертного объединения СССР (Госконцерт СССР). Данный метод позволяет выявить внутренние ограничения, препятствовавшие адаптации культурной дипломатии в конце 1970-х – 1980-е годы к меняющимся условиям.

Метод компаративистики используется для сопоставления состояния советской культурной дипломатии в различные хронологические периоды, а также для сравнения советского и американского подходов к международной культурной деятельности. Сравнительный анализ позволяет выявить факторы, определявшие конкурентоспособность советской культурной дипломатии в странах Запада.

Методы источниковедческого анализа применяются при работе с архивными документами, делопроизводственной документацией. Критический анализ источников позволяет реконструировать механизмы принятия решений в сфере культурной дипломатии, выявить количественные показатели культурных обменов и оценить восприятие советской культурной деятельности зарубежной аудиторией.

Эмпирическую базу исследования главным образом составляют материалы Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-5283 – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, фонд Р-9576 – Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами), материалы Российского государственного архива новейшей истории (фонд 5 – документы структурных подразделений Аппарата ЦК КПСС), а также Российского государственного архива литературы и искусства (фонд 2329 – Министерства культуры СССР, фонд 3162 – Государственного концертного объединения СССР). Указанные архивные материалы позволяют реконструировать организационные механизмы планирования и реализации культурных обменов, выявить количественные показатели и проблемы, возникавшие при осуществлении культурных программ. Применение совокупности перечисленных методов и источников позволяет обеспечить репрезентативность исследования и обоснованность выводов.

Результаты и обсуждения

К концу 1970-х годов советская культурная дипломатия представляла собой сложную и разветвленную систему, сформированную в течение нескольких десятилетий и включавшую институциональные, организационные и коммуникативные компоненты. Для понимания того, каким образом происходившие на Западе социокультурные изменения влияли на эффективность советских культурных инициатив, необходимо охарактеризовать состояние данной системы накануне этих трансформаций.

Институциональную основу советской культурной дипломатии составляли несколько взаимосвязанных структур. Центральным органом в 1957-1967 годах являлся Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами (ГККС) при Совете Министров СССР, который координировал деятельность всех учреждений, так или иначе связанных с международным культурным обменом. В 1967 году Государ-

ственный комитет по культурным связям с зарубежными странами был преобразован в Комиссию по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР, что, однако, не привело к существенным изменениям в организационной структуре [7, с. 49, 55]. Важнейшей общественной организацией, фактически выполнявшей функции главного оператора культурной дипломатии, являлся Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) [4, л. 187-200], созданный в 1958 году на базе Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. К концу 1970-х годов ССОД объединял более 60 обществ дружбы с отдельными странами и регионами, имел представительства в 70 странах мира и поддерживал контакты с тысячами зарубежных организаций [3, л. 51-55]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на официальный общественный характер, ССОД полностью контролировался партийными органами. Его руководство утверждалось Отделом культуры Центрального комитета КПСС, а планы работы согласовывались с Министерством иностранных дел СССР [23, с. 62-63]. Параллельно с ССОД деятельностью в сфере культурной дипломатии занимались Министерство иностранных дел СССР (через посольства и консульства), Министерство культуры СССР, Государственный комитет по кинематографии, Государственное концертное объединение СССР, Агентство печати Новости и другие ведомства. Координация между ними была недостаточной, что периодически приводило к дублированию функций и ведомственным конфликтам.

Особый интерес представляет деятельность Государственного концертного объединения СССР (Госконцерт), которое занималось организацией гастролей советских артистов за рубежом и зарубежных артистов в СССР. Госконцерт СССР являлся одной из наиболее влиятельных структур в системе советской культурной дипломатии. Здесь отбирали артистов и коллективы для зарубежных гастролей, составляли репертуар и отвечали за формы и методы трансляции социалистических идей для мировой аудитории. Данные архивных материалов Министерства культуры СССР свидетельствуют о том, в период второй половины 1960-х - первой половины 1980-х годов советская культурная дипломатия наиболее интенсивно развивалась именно по линии артистического обмена, который являлся интенсивно развивающейся формой культурной дипломатии [16; 17; 18].

Государственное концертное объединение СССР, созданное в 1956 году как концертное объединение на началах хозрасчета, к 1970-м годам превратилось в сложную бюрократическую структуру. Его деятельность регламентировалась не столько соображениями художественной ценности, сколько требованиями государственного контроля. Любое гастрольное соглашение с западными импресарио проходило многоступенчатое согласование в Управлении внешних сношений Министерства культуры, в партийных инстанциях, а в отдельных случаях – и в Комитете государственной безопасности. Н.В. Белошапка на основе анализа документов Госконцерта СССР показывает, что главной проблемой в организации артистического обмена являлся не столько поиск партнеров, сколько бесконечные бюрократические процедуры, из-за которых далеко не все запланированные гастроли удавалось реализовать [2, с. 1130-1131].

Важной особенностью советской модели культурной дипломатии в 1970-е годы была её ярко выраженная асимметрия. В отношениях с социалистическими странами культурный обмен строился на основе строгой взаимности [20, л. 3-9]. В отношениях с капиталистическими странами такого баланса не соблюдалось. Количество советских делегаций, гастрольных коллективов и культурных мероприятий в странах Запада существенно превышало встречный поток. Как отмечают исследователи и подтверждает анализ архивных материалов [5, л. 4], данная асимметрия формировалась с самого начала и была связана не столько с потребностями культурного обмена как такового, сколько с острой необходимостью исправления и улучшения имиджа Советского Союза в сознании западного обывателя [13, с. 267-268]. Показательны в данном отношении цифры культурного обмена с Италией в 1975 году, приводимые в отчетах Управления внешних сношений Министерства культуры СССР [19, л. 2-4].

Содержательный аспект советской культурной дипломатии также имел свою специфику. Советский Союз предлагал западному зрителю преимущественно классические или традиционные формы искусства: балет, классическая музыка, драматический театр, народные танцы, изобразительное искусство социалистического реализма. Данный выбор был обусловлен двумя факторами: именно эти жанры традиционно высоко ценились в международной культурной иерархии; кроме того, они были наименее идеологически нагружены, что позволяло представлять их как проявление общечеловеческих ценностей [13, с. 265].

Важную роль в культурной дипломатии играло кино. Кинематограф позволял культурной дипломатии преодолевать географические барьеры, проникать в труднодоступные для советских артистов уголки стран «третьего мира», оказывать долгосрочное влияние, а также он был наиболее доступен для массовой аудитории, являлся экономически рентабельным и создавал площадку для представления советских идей на международной арене за счёт международных кинофестивалей. Эти уникальные свойства кино делали его

одним из самых мощных орудий холодной войны. В 1960-1970-е годы советские фильмы неоднократно получали международное признание. В 1968 году фильм С.Ф. Бондарчука «Война и мир» был удостоен премии Оскар как лучший фильм на иностранном языке. В 1976 году данной награды удостоился фильм А. Куросавы «Дерсу Узала», снятый при участии советских кинематографистов. Успех «Война и мир» в прокате Соединенных Штатов Америки и Великобритании продемонстрировал потенциал кинематографа как инструмента культурного влияния [1, с. 345-350]. Однако, как отмечает О.С. Нагорная, кинематограф был едва ли не единственной областью, где советская культурная дипломатия могла конкурировать с западной на равных [11, с. 166].

Таким образом, к концу 1970-х годов советская культурная дипломатия представляла собой хорошо отлаженную, но консервативную систему, ориентированную на проверенные временем формы и каналы взаимодействия. Основными достоинствами данной системы были институциональная устойчивость, разветвленная организационная сеть и высокий художественный уровень предлагаемых культурных программ. Главными недостатками – чрезмерная бюрократизация, формализация и рутинизация практик пропаганды [22, с. 187], а также идеологическая зарегулированность и неспособность быстро реагировать на изменения во внешней культурной среде.

Последняя четверть XX века стала временем глубоких социокультурных изменений в западных обществах, затронувших все уровни социальной организации: от системы ценностей до повседневных моделей потребления. В рамках настоящего исследования важно выделить те аспекты данных изменений, которые непосредственно влияли на восприятие советской культуры и эффективность советской культурной дипломатии.

Первым и наиболее значимым фактором стала трансформация ценностных ориентаций западных обществ в сторону постматериализма. В 1950-1960-е годы, в период экономического бума и утверждения модели общества потребления, доминирующими были материалистические ценности: безопасность, экономический рост, технологический прогресс. К концу 1970-х годов на передний план вышли постматериалистические ценности: самореализация, защита окружающей среды, права меньшинств, качество жизни. Данные изменения, описанные в работах американского социолога и политолога Рональда Инглхарта, имели глубокие последствия для восприятия культуры [6, с. 86, 95]. Советская культура, традиционно ассоциировавшаяся с индустриальным прогрессом и социальной справедливостью, оказывалась все менее созвучной новым ценностным ориентирам западной аудитории. Одним из важнейших проявлений перехода в эпоху постматериализма стал подъем экологического движения. В 1970-е годы экологическая проблематика постепенно занимала центральное место в общественном дискурсе западных стран. Доклад Римскому клубу «Пределы роста» (1972 г.), Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде (1972 г.), создание зеленых партий в Западной Европе – все это свидетельствовало о новом отношении к природе, которое плохо сочеталось с советским акцентом на индустриальную мощь и покорение природы.

Второй существенный фактор связан с развитием цифровых средств коммуникации. В 1960-е годы телевидение уже играло значительную роль, но к 1980-м годам оно стало абсолютно доминирующим каналом коммуникации и постепенно трансформировало характер восприятия информации, передающейся по линии культуры. Советская культурная дипломатия, опиравшаяся на такие традиционные формы как книги, журналы, гастроли, выставки, оказалась не готова к работе в новом медиапространстве. Спутниковое телевидение, распространение видеомagnetофонов, рост числа телеканалов – все это делало культурный рынок Запада более фрагментированным и усложняло для СССР контроль над информацией.

Третьим фактором стало изменение культурного ландшафта самого Запада, связанное с утверждением постмодернистской эстетики и размыванием границ между высокой и массовой культурой. Постмодернизм, с его иронией, релятивизмом и игровым началом, был плохо совместим с серьезной, подчас пафосной, культурой социалистического реализма. Предложение советской культурной дипломатии казалось анахроничным, не соответствующим новым художественным вкусам и эстетическим предпочтениям. Автор концепции «мягкой силы» Дж.С. Най отмечал, что к 1980-м годам мир захватила поп-культура, в то время как спрос на классическую культуру упал. Произошедший сдвиг означал потерю аудитории советской культурной дипломатии [8, с. 13]. Данное обстоятельство особенно остро проявилось в музыке. В 1960-е годы советская классическая музыка и даже некоторые джазовые исполнители находили отклик у западной аудитории. В 1980-е годы на первый план вышли такие жанры, как панк-рок, хип-хоп, которые были абсолютно чужды советской культурной традиции.

Четвертым фактором следует назвать идеологический поворот на Западе, связанный с приходом к власти в Соединенных Штатах Америки администрации Рональда Рейгана (1981 г.), а в Великобритании правительства Маргарет Тэтчер (1979 г.). Приход неоконсервативных сил к власти ознаменовал отказ от поли-

тики разрядки и возврат к жесткому идеологическому противостоянию с СССР. Данный политический сдвиг имел и культурное измерение. Как отмечает один из послов советской культурной дипломатии в США 1950-1960-х годов Э.А. Иванян – события второй половины 1970-х годов сделали область культурного сотрудничества предельно политизированной [9, с. 393]. В западных медиа и академическом дискурсе активно конструировался образ советской угрозы, что делало любые попытки культурного сближения крайне затруднительными.

Пятый фактор связан с изменениями в структуре потребления культурных благ. В 1980-е годы в западных странах происходила коммерциализация культуры, ее все более глубокая интеграция в рыночную экономику. Традиционная модель культурного обмена, основанная на государственной поддержке и некоммерческих принципах, уступала место рыночной модели, где успех определялся не художественным качеством или идеологической значимостью, а коммерческой привлекательностью и маркетинговыми усилиями. Советская культура, существовавшая в принципиально иной системе, оказывалась на данном рынке неконкурентоспособной [21, л. 2-27].

Шестым фактором следует назвать изменение отношения к Советскому Союзу в западной интеллектуальной среде. В 1920-1930-е годы и 1960-е годы, особенно в период хрущевской оттепели, советский культурный эксперимент вызывал интерес и даже энтузиазм у значительной части западной интеллигенции [7, с. 21-24]. Более того западный мир открывал для себя новый Советский Союз, который производил впечатление оплота гуманистических ценностей и научно-технического прогресса. К концу 1970-х годов данный интерес уступил место разочарованию и критицизму. Этому процессу поспособствовали события Пражской весны (1968 г.), ввод советских войск в Афганистан (1979 г.), преследование диссидентов, ограничение свободы творчества. Западные интеллектуалы, даже те, кто ранее симпатизировал советскому проекту, все более критически оценивали советскую культурную политику и воспринимали официальную культуру как инструмент идеологического контроля и пропаганды.

Таким образом, к началу 1980-х годов западное общество представляло собой качественно иную социокультурную среду по сравнению с 1960-ми годами. Данная среда характеризовалась новыми ценностными ориентациями, доминированием цифровых средств коммуникации, постмодернистской эстетикой, неоконсервативной идеологией, коммерциализацией культуры и критическим отношением к советскому культурному проекту. Советская культурная дипломатия, сохранявшая институциональные и содержательные характеристики, сложившиеся в 1950-1960-е годы, оказалась перед лицом принципиально новых вызовов, с которыми она не могла справиться в рамках сложившейся модели.

Обозначив основные аспекты трансформационных процессов на Западе, стоит перейти к оценке их последствий для отдельных направлений культурного взаимодействия. Наиболее показательным является пример артистического обмена, который в 1960-1970-е годы являлся одной из самых успешных форм советского культурного присутствия на Западе. Как отмечает Н.В. Белошапка, в 1970-е годы механизм организации гастролей представлял собой сложную систему взаимодействия Государственного концертного объединения СССР, Министерства культуры и зарубежных концертных агентств. Срывы запланированных выступлений часто происходили по вине наиболее востребованных исполнителей, чей гастрольный график был очень плотным [2, с. 1130-1131].

К началу 1980-х годов характер проблем, возникавших при реализации соглашений об артистическом обмене, существенно изменился. Если ранее основными препятствиями были бюрократические процедуры и конфликты между Государственным концертным объединением СССР и творческими коллективами, то теперь все более значимой становилась политическая составляющая. Ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 года привел к резкому ухудшению имиджа СССР на Западе, что немедленно отразилось на культурных контактах. В 1980 году многие западные импресарио, ранее активно приглашавшие советских артистов, стали отказываться от уже согласованных гастролей либо ставили условия, неприемлемые для советской стороны. Особенно болезненным ударом для советской культурной дипломатии стал бойкот московской Олимпиады 1980 года. Как показано в исследовании Р.В. Миловановой, Олимпийские игры рассматривались советским руководством как возможность продемонстрировать миру достижения социалистической системы, подтвердить статус СССР как великой державы и показать открытость советского общества [10, с. 49-50]. Бойкот Олимпиады значительным числом западных стран, в первую очередь Соединенными Штатами Америки, нанес серьезный урон имиджу страны. Масштабная пропагандистская кампания, развернутая западными средствами массовой информации вокруг событий в Афганистане, фактически свела на нет усилия советской культурной дипломатии по созданию позитивного образа СССР. Проблема заключалась не только в политическом давлении, так как даже в тех случаях, когда политические препятствия отсутствовали, советская культурная дипломатия все чаще встречала равнодушие или оттор-

жение. Данное обстоятельство было связано с изменением культурных вкусов и предпочтений западной аудитории. В конце 1950-х - 1960-е годы гастроли Большого театра, выступления Д.Ф. Ойстраха или С.Т. Рихтера были событиями мирового масштаба, привлекавшими огромное внимание западной аудитории. В 1980-е годы интерес к советской классической культуре постепенно снижался.

Снижение интереса было обусловлено несколькими факторами. Многие советские исполнители, особенно ведущие солисты Большого театра, неоднократно гастролировали на Западе, и эффект новизны был утрачен [9, с. 382]. Формировалось новое поколение западной аудитории, для которого классическая музыка и балет не являлись центральными культурными формами. Менялась сама структура культурной среды на Западе – классическим концертным залам все чаще предпочитали рок-арены и дискотеки. Как отмечает А.Д. Попов, исследование Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года показывает контраст между золотым веком советской культурной дипломатии и ситуацией 1980-х годов, когда проведение аналогичных фестивалей уже не вызывало такого резонанса [15, с. 726-736].

Вторым важным каналом культурной дипломатии было кино. Успехи советского кино на международных фестивалях и в прокате продолжались до начала 1980-х годов. Однако и здесь нарастали проблемы. Советская киноиндустрия все больше отставала от западной в техническом отношении – использование новых технологий, форматов, спецэффектов было ограничено. Идеологические требования ограничивали тематический и жанровый диапазон советского кино, что снижало его конкурентоспособность. На западный рынок активно вторгались голливудские студии с все более дорогостоящими блокбастерами, которые оттесняли менее коммерчески привлекательное европейское и советское кино. Кроме того, советский кинематограф проигрывал в маркетинге, который приобрел колоссальное значение в эпоху цифровых средств массовой информации. Чрезмерная бюрократизация киноискусства приводила к тому, что отклик СССР на значимые события мира кино зачастую запаздывал. Советский кинематограф не был лишен талантов, способных привлечь внимание величайших мировых кинорежиссеров и зарубежную аудиторию, но к 1980-м годам в мировом масштабе уступал американскому в области распространения идеологии. Строгие рамки идеологического контроля, бюрократизация, отсутствие гибкости управленческих структур и нехватка компетентных кадров, способных принимать решения на государственном уровне, а также оценить смену парадигм и социо-культурных тенденций – все это снижало конкурентоспособность советского кино и лишало культурную дипломатию одного из самых эффективных инструментов влияния в эпоху популярной массовой культуры [21, л. 2-27].

Третья проблема касалась работы с целевыми аудиториями. В 1960-1970-е годы основными адресатами советской культурной дипломатии выступали представители западной интеллигенции – писатели, художники, музыканты, ученые, общественные деятели. Данный выбор был стратегически оправдан. Именно интеллигенция формировала общественное мнение, выступала в роли лидеров мнений, ее поддержка открывала доступ к более широким кругам западной аудитории. К концу 1970-х годов западная интеллигенция претерпела существенные изменения. Ее состав омолодился, культурные предпочтения сместились в сторону ранее упомянутых постмодернистских практик, а отношение к Советскому Союзу стало более критическим. Сыграла свою роль и трансформация самой структуры интеллигенции. В традиционном понимании интеллигенция как носитель гуманитарных ценностей и критического мышления постепенно уступала место технической интеллигенции и специалистам в сфере новых медиа. Для данной новой категории западного общества советский культурный опыт оказывался менее актуальным, чем для их предшественников.

Четвертым механизмом снижения эффективности можно назвать несоответствие советских культурных институций новой коммуникационной среде. Культурная дипломатия СССР опиралась преимущественно на традиционные каналы: книги, журналы, кинопоказы, концерты, выставки. На Западе происходила стремительная трансформация медиасреды: телевидение становилось тотальным, развивались кабельное и спутниковое вещание, зарождались новые цифровые медиа. Советские культурные институции не имели ни ресурсов, ни компетенций для работы в данной новой среде. Особенно показательным является контраст с американской публичной дипломатией. В 1980-е годы Соединенные Штаты Америки активно использовали новые медиа для продвижения своей культуры и ценностей. Информационное агентство США, созданное в 1953 году, к 1980-м годам располагало мощной сетью теле- и радиовещания, издательскими программами, образовательными обзорами. Важную роль играл канал Голос Америки, который вещал на многих языках мира и охватывал огромную аудиторию. Советские программы, напротив, оставались в значительной степени элитарными, ориентированными на сравнительно узкий круг интеллектуалов.

Артистический обмен в конце 1970-х – начале 1980-х годов по-прежнему характеризовался асимметрией и дисбалансом между СССР и отдельными западными странами в пользу советской стороны. В данном случае показательны данные представленные Управлением внешних сношений при Министерстве культу-

ры СССР в Отчетах о культурном сотрудничестве с зарубежными странами. Так в 1975 году советских исполнителей, выехавших в Италию, было почти в 17 раз больше, чем итальянских, приехавших в СССР (607 против 35). К 1979 году разрыв несколько сократился, но оставался значительным (633 против 53) [19, л. 2-4]. Такая асимметрия может являться свидетельством того, что советская сторона рассматривала культурный обмен прежде всего, как инструмент пропаганды и создания позитивного имиджа, а не как равноправное сотрудничество. При этом финансовое бремя ложилось на советский бюджет, поскольку организация массовых гастролей требовала значительных затрат, которые не компенсировались встречными выступлениями.

Сравнение с данными 1920-х годов показывает, что проблема дефицита ресурсов и ограниченных тиражей изданий была характерна для советской культурной дипломатии с самого начала. Однако в 1920-е годы это объяснялось становлением новой системы и экономической разрухой [14, с. 184]. В 1970-1980-е годы, при несравненно большем экономическом потенциале СССР, сохранялась та же модель – количественные показатели роста были впечатляющими, но качественное воздействие оставалось ограниченным. Миллионные аудитории, охваченные кинопоказами и концертами, не становились автоматическими сторонниками социалистического строя, поскольку культурные мероприятия часто воспринимались как источник развлечения или эстетического впечатления, оторванные от политического контекста.

Представленные количественные показатели также демонстрируют, что в 1980-е годы, несмотря на политическое обострение, культурные обмены продолжались, но их эффективность как инструмента мягкой силы снижалась. Помимо того, что для западной публики гастроли советских артистов утратили эффект новизны, коммерциализация культурного рынка делала невыгодным приглашение целых коллективов, и западные импресарио предпочитали сольные выступления, что также отражалось на структуре обменов. Таким образом, количественные показатели, которыми гордилась советская культурная дипломатия, не сопровождались качественным ростом влияния, а в новых социокультурных условиях даже начинали работать против задачи формирования устойчивого позитивного образа.

Обсуждение полученных результатов позволяет сформулировать несколько выводов теоретического и практического характера. Во-первых, эффективность культурной дипломатии не может быть сведена к количественным показателям. Советская практика планирования культурных обменов, ориентированная на выполнение контрольных цифр, не учитывала качественные изменения в восприятии культуры. Социокультурная трансформация западного общества носила системный характер и затронула все уровни культурной жизни – от ценностных ориентаций до коммуникационных практик, что потребовало от советской культурной дипломатии не просто увеличения количества мероприятий, но принципиальной перестройки подходов, что оказалось невозможно в условиях идеологической зарегулированности. Кризис советской культурной дипломатии в 1980-е годы носил не конъюнктурный, а структурный характер и был обусловлен глубинным несоответствием между моделью культурной дипломатии, сформировавшейся в 1950-1960-е годы, и новыми социокультурными условиями.

Следует также отметить, что региональный анализ показывает глобальный характер описываемых процессов. В странах Латинской Америки и Ближнего Востока социокультурные трансформации проявлялись с определенной спецификой, но общая тенденция сохранялась – советская культурная дипломатия оказывалась неспособной адаптироваться к изменяющемуся культурному ландшафту, теряла свою привлекательность и уступала позиции американской культурной экспансии.

Таким образом, можно говорить о том, что к середине 1980-х годов советская культурная дипломатия столкнулась с системным кризисом, обусловленным не только внешнеполитическими факторами (ввод войск в Афганистан, бойкот Олимпиады-80, эскалация холодной войны), но и фундаментальным несоответствием между сложившейся моделью культурной дипломатии и новой социокультурной реальностью западных обществ. Данное несоответствие проявлялось в ценностном, эстетическом и коммуникационном аспектах, что сделало кризис советской культурной дипломатии не просто временным явлением, а закономерным следствием развития международных культурных процессов.

Выводы

На основании представленного анализа можно сформулировать несколько обобщающих выводов о влиянии социокультурной трансформации западного общества на эффективность советской культурной дипломатии в конце 1970-х – 1980-е годы. К середине 1980-х годов советская культурная дипломатия столкнулась с системным кризисом, обусловленным не только внешнеполитическими факторами (ввод войск в Афганистан, бойкот Олимпиады-80, эскалация холодной войны), но и фундаментальным несоответствием между сложившейся моделью культурной дипломатии и новой социокультурной реальностью западных

обществ. Данное несоответствие проявлялось в нескольких аспектах. В ценностном аспекте советская культура, ассоциировавшаяся с индустриальным прогрессом и социальной справедливостью, оказалась мало созвучна постматериалистическим ценностям, утверждавшимся на Западе. В эстетическом аспекте классическая советская культура, ориентированная на традиционные художественные формы, потеряла свою привлекательность для западной аудитории в эпоху постмодернизма и массовой культуры. Наконец, в коммуникационном аспекте советские институты культурной дипломатии не смогли адаптироваться к новому информационному пространству, оставаясь в значительной степени элитарными, в то время как западная культурная среда активно использовала потенциал цифровых средств коммуникации.

Эволюция советской культурной дипломатии в 1970-1980-е годы показывает, что культура как инструмент внешней политики может быть эффективной только при условии постоянного многоаспектного мониторинга изменений в принимающей среде и готовности к быстрой адаптации стратегий и практик к новым условиям. Консервация организационных структур и концептуальных подходов, имевших успех в конце 1950-х – 1960-е годы, привела к тому, что советская культурная дипломатия утратила способность эффективно воздействовать на зарубежную аудиторию и стала восприниматься как архаичный и политически ангажированный институт.

Важно учитывать, что кризис советской культурной дипломатии не означал кризиса советской культуры как таковой. Художественная ценность советской музыки, балета, литературы, кино по-прежнему признавалась на Западе. Однако данная культурная ценность не могла быть эффективно использована для внешнеполитических целей, поскольку культурная дипломатия как механизм продвижения и интерпретации советской культуры утратила свою эффективность.

Представленные результаты исследования позволяют сформулировать ряд теоретических положений, имеющих значение для изучения культурной дипломатии как исторического феномена. Полученные результаты лишь подтверждают, что культурная дипломатия не является автономной сферой, а находится в тесной зависимости от общего внешнеполитического и социокультурного контекста. Следовательно эффективность культурной дипломатии в позднесоветский период конца 1970-х – середины 1980-х годов следует оценивать не столько количественными показателями (числом делегаций, концертов, выставок), сколько качественным соответствием советских культурных практик запросам и ценностным установкам принимающей аудитории. Культурная дипломатия требует постоянной адаптации к изменяющимся социокультурным условиям, что предполагает наличие гибких институциональных структур и способности к быстрому обновлению ценностно-смысловых ориентиров.

Таким образом, изучение влияния социокультурной трансформации западного общества на эффективность советской культурной дипломатии не только восполняет пробел в историографии холодной войны, но и имеет практическое значение для понимания механизмов культурного взаимодействия в современном мире.

Список источников

1. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965-1972 / Сборник документов. М.: РОССПЕН, 2009. 1247 с.
2. Белошанка Н.В. Парадоксы культурной дипломатии в позднесоветский период (на примере артистического обмена) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34. Вып. 5. С. 1126-1133.
3. ГА РФ. Ф. Р- 9576. Оп. 20. Д. 1.
4. ГА РФ. Ф. Р-9576. Оп. 1. Д. 324 (2).
5. ГА РФ. Р.5283. Оп. 1. Д. 454.
6. Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Антиномии. 2018. № 3. С. 86 – 102.
7. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 568.
8. Джозеф С. Най. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике: пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.
9. Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. 500 с.
10. Милованова Р.В. Мегасобытие «Олимпиада-80»: информационно-пропагандистский инструментарий советской инвент-дипломатии // Управление в современных системах. 2016. № 3(10). С. 49 – 57.
11. Нагорная О.С. Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома» // Российская история. 2017. № 3. С. 164 – 167.

12. Нагорная О.С., Никонова О.Ю., Попов А.Д., Раева Т.В., Трегубов Н.А. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945-1989: коллективная монография. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.
13. Новиков М.В., Морозов А.С. Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы холодной войны // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 264 – 270.
14. Перенижко Д.К. Деятельность ВОКСа по формированию позитивного облика СССР в рамках советских командировок западной интеллигенции. 1925-1929 гг. // История. Культурология. Политология. 2024. № 3. С. 59 – 63.
15. Попов А.Д. Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года и формирование «культурной матрицы» советского мегасобытия // Культура и власть в СССР. 1920-1950-е годы: материалы IX международной научной конференции. М., 2017. С. 726-736.
16. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 194.
17. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 1699.
18. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 1862.
19. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 96.
20. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 100.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 294.
22. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны (1945-1989): сборник документов / редакционная коллегия: О. С. Нагорная [и др.]. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2017. 339 с.
23. Трегубов Н.А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957-1967 гг.) // Управление в современных системах. 2016. № 4 (11). С. 61 – 67.

References

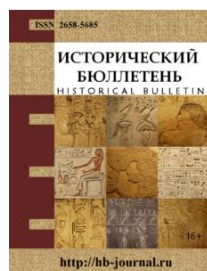
1. The Apparatus of the Central Committee of the CPSU and Culture. 1965-1972. Collection of documents. Moscow: ROSSPEN, 2009. 1247 p.
2. Beloshapka N.V. Paradoxes of Cultural Diplomacy in the Late Soviet Period (Based on the Example of Artistic Exchange). Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2024. Vol. 34. Issue 5. P. 1126 – 1133.
3. State Archives of the Russian Federation. F. R-9576. Op. 20. D. 1.
4. State Archives of the Russian Federation. F. R-9576. Op. 1. D. 324 (2).
5. State Archives of the Russian Federation. R. 5283. Op. 1. D. 454.
6. Davydov D.A. Ronald Inglehart's Concept of Postmaterialism in Critical Perspective. Anti-nomies. 2018. No. 3. P. 86 – 102.
7. David-Fox M. Windows of the Great Experiment. Cultural Diplomacy of the Soviet Union and Its Western Guests, 1921-1941. Moscow: New Literary Review, 2015. P. 568.
8. Joseph S. Nye. Flexible Power: How to Succeed in World Politics: Trans. from English by V.I. Suprun. Novosibirsk; Moscow: Foundation for Socio-Prognostic Research "Trends", 2006. 221 p.
9. Ivanyan E.A. When the Muses Speak. History of Russian-American Cultural Ties. Moscow: International Relations, 2007. 500 p.
10. Milovanova R.V. The Mega-Event "The 1980 Olympics": Information and Propaganda Tools of Soviet Event Diplomacy. Management in Modern Systems. 2016. No. 3(10). P. 49 – 57.
11. Nagornaya O.S. Through the Looking Glass of Soviet Modernity: Foreign Policy Presentations of the USSR in the Era of the "Great Turning Point". Russian History. 2017. No. 3. P. 164 – 167.
12. Nagornaya O.S., Nikonova O.Yu., Popov A.D., Raeva T.V., Tregubov N.A. Soviet Cultural Diplomacy in the Conditions of the Cold War. 1945-1989: Collective Monograph. Moscow: Political Encyclopedia, 2018. 446 p.
13. Novikov M.V., Morozov A.S. Cultural Diplomacy of the USSR in Western Countries During the Cold War. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 2 (21). P. 264 – 270.
14. Perenizko D.K. The Activities of VOKS to Form a Positive Image of the USSR within the Framework of Soviet Business Trips of Western Intelligentsia. 1925-1929. History. Cultural Studies. Political Science. 2024. No. 3. P. 59 – 63.
15. Popov A.D. The 1957 World Festival of Youth and Students and the Formation of the "Cultural Matrix" of the Soviet Mega-Event. Culture and Power in the USSR. 1920-1950s: Proceedings of the IX International Scientific Conference. Moscow, 2017. P. 726 – 736.
16. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 194.

17. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 1699.
18. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 1862.
19. RGALI. F. 2329. Op. 35. D. 96.
20. RGALI. F. 2329. Op. 35. D. 100.
21. RGALI. F. 5. Op. 76. D. 294.
22. Soviet cultural diplomacy in the context of the Cold War (1945-1989): collection of documents. editorial board: O. S. Nagornaya [et al.]. Chelyabinsk: South Ural State University, 2017. 339 p.
23. Tregubov N.A. State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries as an Organ of Soviet Cultural Diplomacy (1957-1967). Management in Modern Systems. 2016. No. 4 (11). P. 61 – 67.

Информация об авторе

Пенькова Т.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-2247-9504>, Государственный университет просвещения, tanya.penkova.57@gmail.com

© Пенькова Т.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК) 930.1

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-60-66

Историческая школа русского уголовного права как научный феномен: формирование, структура и представители

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: в статье исследуется историческая школа русского уголовного права как целостный научный феномен, сложившийся в отечественной юриспруденции в XIX – начале XX века. На основе анализа широкого круга историографических источников и трудов представителей школы автором обосновывается тезис о том, что историческая школа русского уголовного права представляет собой не эклектичное заимствование западноевропейских идей, а самобытное научное направление, органически впитавшее как традиции отечественного историко-правового изучения, восходящие к XVIII веку, так и методологические принципы немецкой исторической школы права. В работе раскрываются предпосылки формирования школы, прослеживается ее генезис от отдельных попыток исторического истолкования правовых памятников до создания развернутых историко-философских и историко-сравнительных концепций. Выделяются и характеризуются три основных направления внутри школы: историко-догматическое, историко-сравнительное и историко-философское. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам о месте истории уголовного права в системе юридических наук, о соотношении исторического и философского методов. Делается вывод о том, что историческая школа русского уголовного права сыграла ключевую роль в становлении отечественной научной традиции, создав источниковедческую и методологическую базу.

Ключевые слова: историческая школа права, русское уголовное право, историко-сравнительное направление, историко-философское направление, диахронная компаративистика, народный дух, историография уголовного права

Для цитирования: Серeda С.П. Историческая школа русского уголовного права как научный феномен: формирование, структура и представители // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 60 – 66. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-60-66

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The historical school of Russian criminal law as a scientific phenomenon: formation, structure and representatives

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the article examines the historical school of Russian criminal law as an integral scientific phenomenon that developed in Russian jurisprudence in the 19th and early 20th centuries. Based on the analysis of a wide range of historiographical sources and the works of the school's representatives, the author substantiates the thesis that the historical school of Russian criminal law is not an eclectic borrowing of Western European ideas, but an

original scientific trend that organically absorbed both the traditions of Russian historical and legal studies dating back to the XVIII century and the methodological principles of the German historical school. rights. The paper reveals the prerequisites for the formation of the school, traces its genesis from individual attempts at historical interpretation of legal monuments to the creation of detailed historical, philosophical and historical-comparative concepts. Three main directions within the school are distinguished and characterized: historical-dogmatic, historical-comparative and historical-philosophical. Special attention is paid to debatable issues about the place of the history of criminal law in the system of legal sciences, about the relationship between historical and philosophical methods. The conclusion is drawn that the historical school of Russian criminal law played a key role in the formation of the Russian scientific tradition, creating a source and methodological base.

Keywords: historical school of law, Russian criminal law, historical and comparative direction, historical and philosophical direction, diachronic comparative studies, folk spirit, historiography of criminal law

For citation: Sereda S.P. *The historical school of Russian criminal law as a scientific phenomenon: formation, structure and representatives. Historical Bulletin.* 2026. 9 (6). P. 60 – 66. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-60-66

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

В российской уголовно-правовой доктрине традиционно выделяются классическая, антропологическая и социологическая школы, имеющие внутри себя ряд модификаций. Однако, как справедливо отмечают современные исследователи, «выделяемые направления в уголовном праве не охватывают весь спектр сложившихся на протяжении последних двух веков школ - вне этого перечня остается историческая школа русского уголовного права» [1, с. 133]. Это обстоятельство обуславливает актуальность обращения к исторической школе как к самостоятельному научному феномену, нуждающемуся в систематическом изучении.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении сущностных характеристик исторической школы русского уголовного права как научного феномена, определении этапов ее формирования, внутренней структуры и ключевых представителей.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации историографических сведений об исторической школе русского уголовного права и в создании целостной картины ее развития. Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при подготовке курсов по истории отечественного государства и права, истории уголовного права, а также в дальнейших историко-правовых исследованиях.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу исследования составили труды представителей исторической школы русского уголовного права, их современников и критиков, а также историографические работы, посвященные анализу развития отечественной уголовно-правовой науки. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания: диалектический метод, историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, системный метод.

Результаты и обсуждения

Формирование исторической школы русского уголовного права было подготовлено длительным процессом развития отечественного правоведения. Как отмечает В.Н. Жуков, становление научного подхода в российском правоведении напрямую связано с воздействием идей исторической школы права, а именно – с переориентацией исследователей на изучение эволюции государственно-правовых институтов и последовательным применением исторического метода [7, с. 103-104]. Однако корни этого поворота уходят в XVIII столетие.

Первые шаги к историческому изучению русского права были сделаны «любителями русской старины» – В.Н. Татищевым, И.Н. Болтиным и М.М. Щербатовым. Они занимались собиранием, публикацией и толкованием памятников древнерусского законодательства – Русской Правды, Судебников, Соборного уложения 1649 года. Как подчеркивал Г.С. Фельдштейн, указанные ученые не только обеспечили научную аутентичность текстов древних законодательных актов и открыли доступ к источникам древнерусского уголовного права, но и стали первыми их систематическими толкователями [8, с. 19-20].

Особое место среди предшественников исторической школы занимает Ф.Г. Штрубе-де-Пирмонт. Его «Краткое руководство к российским правам» (1750) представляло собой первую попытку не просто систематизировать действующее право, но и объяснить его через историческое толкование. Ф.Г. Штрубе исходил из того, что историческое знание необходимо юриспруденции для познания не только быта и обычаев народов – адресатов законодательства, но и генезиса самих законов, а также факторов, обуславливающих их эволюцию [8, с. 16]. Эта установка стала методологическим ориентиром для последующих поколений историков права.

Однако подлинным предвестником историко-сравнительного направления выступил А.Я. Поленов. Разрабатывая в 1765 году план систематизации русского законодательства, он предлагал сопровождать каждый тематический раздел сопоставительным анализом российских, французских и немецких правовых норм с целью выявления их сходств и различий, непременно учитывая исторические и политические предпосылки их возникновения [2, с. 144]. Поленов был убежден, что право каждого народа носит своеобразный отпечаток, но что особенности эти должны быть возведены к определенным условиям, а потому он категорически выступал против непосредственного перенесения чуждых форм [2, с. 144].

Наиболее ярким выразителем историко-сравнительного метода в XVIII веке стал С.Е. Десницкий. Он требовал применения к изучению права «исторического, метафизического и политического» метода [2, с. 148]. Исторический метод С.Е. Десницкий понимал как исследование истории отдельных институтов права у разных народов для «выяснения законов их смены» [2, с. 148]. В своем «Слове о причинах смертных казней по делам криминальным» (1770) он продемонстрировал, как исторический анализ смены форм реакции на преступление – от частной мести к государственному наказанию – позволяет обосновать выводы о природе наказания. С.Е. Десницкий высказал ряд прогрессивных идей, перекликавшихся с воззрениями Ч. Беккариа и А. Смита: о причинах преступного поведения, о равенстве перед уголовным законом, о соразмерности наказания [2, с. 140].

Таким образом, к началу XIX века в русской юриспруденции уже сложились определенные традиции исторического изучения права. Однако они носили разрозненный характер и не были объединены в целостную научную школу. Этот синтез был осуществлен в первой половине XIX века под влиянием немецкой исторической школы права.

Возникновение исторической школы права в Германии обычно связывают с именем Густава Гуго, а ее наиболее яркими представителями были Фридрих Карл фон Савиньи и Георг Фридрих Пухта [1, с. 136]. Ключевым понятием школы стал «народный дух» – народное правосознание нации. Важнейшим источником права признавался обычай, а кодификация рассматривалась как чуждая природе права [1].

Как отмечают О.А. Корчагина и Е.П. Лезина, теоретические воззрения Ф.К. Савиньи на природу права, его сущностные характеристики и закономерности эволюции сложились преимущественно на основе изучения и систематизации частноправовых источников, в первую очередь римского гражданского права [9, с. 21]. Ф.К. Савиньи считал, что право каждого народа – это исторический продукт его развития, который не может быть отменен по чьей-либо воле. Оно формируется в ходе объективной эволюции народной жизни, а не является результатом субъективного законодательного усмотрения [9, с. 21].

Немецкая историческая школа оказала достаточно большое влияние на русскую юриспруденцию, что признается специалистами [1, с. 142]. Под ее влиянием у российских ученых проявился интерес к изучению памятников права в университетах стала преподаваться история права.

Однако было бы упрощением рассматривать русскую историческую школу как простое заимствование немецких идей. Как отмечают С.В. Маликов и А.И. Чучаев, историко-сравнительное направление в русском уголовном праве, генетически связанное с учением Ф.К. Савиньи, характеризовалось самобытностью теоретических оснований, аккумулировало как отечественные традиции историко-правовых исследований, так и научное творчество А.Я. Поленова и С.Е. Десницкого [2, с. 4].

Решающую роль в институционализации исторической школы в России сыграл И.Е. Нейман, что признается специалистами [11, с. 210], [4, с. 196]. И.Е. Нейман не только провозгласил принципы исторического изучения права, но и создал систему подготовки научных кадров. В Казанском университете он подготовил Н.М. Алехина, Е.П. Манасеина и Е.В. Врангеля. В Дерптском университете он создал научный кружок из слушателей, вместе с которыми систематизировал нормативные акты, готовил комментарии и активно внедрял историко-правовой материал в учебный процесс [5, с. 156].

Преемником И.Е. Неймана в Дерптском университете стал А.М.Ф. фон Рейц, который. Его труд «Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats und Rechtsverfassung» (1829) ознаменовал собой качественно новый этап в изучении истории русского уголовного права [5, с. 159-160]. Рейц предложил периодизацию истории законодательства, выделив три периода: от основания государства до первого

закона (IX-XI вв.), от образования княжеств до введения монархии (XI-XVI вв.) и от образования монархии до царства Московского (1550-1649). Для каждого периода он дал характеристику развития уголовного права, показав его эволюцию от слияния с частным правом до выделения в самостоятельную отрасль [5].

Как отмечают С.В. Маликов и А.И. Чучаев, отечественная историческая школа права отнюдь не отличалась единообразием: в ее рамках четко прослеживались историко-догматическое, историко-философское и историко-сравнительное течения [1, с. 154]. Эта структура была впервые обоснована Г.С. Фельдштейном [6, с. 48].

Историко-догматическое направление ставило своей целью уяснение догмы действующего права через изучение его истории. Представителями этого направления были Ф.Г. Штрубе-де-Пирмонт и Г.Ф. Федорович. Историко-сравнительное направление избирает историко-сравнительный прием изложения. Наиболее яркими представителями этого направления были А.Я. Поленов, К.Г. Лангер, А.А. Артемьев и С.Е. Десницкий, а в XIX веке – Н.Д. Иванишев, Н.И. Ланге, А.Н. Попов, В.А. Линовский. Историко-философское направление сложилось в середине XIX века под влиянием немецкой философии, прежде всего гегельянства. Его сторонники стремились соединить философское осмысление права с историческим анализом. Представителями этого направления были Г.С. Гордеенко, Д.М. Семеновский, А.С. Жиряев, П.Д. Колосовский, А.П. Чебышев-Дмитриев.

Важно отметить, что эти направления не были изолированы друг от друга. Многие ученые сочетали элементы разных подходов. Так, Н.В. Калачов, будучи «последовательным сторонником исторической школы права», одновременно разрабатывал методы комплексного анализа юридических памятников, включая филологический метод, и занимался собиранием и публикацией источников [3, с. 185].

С.Е. Десницкий (ок. 1740-1789), по определению Н.С. Таганцева, «отец русской юриспруденции» [6, с. 48], заложил теоретико-методологические основы сравнительного правоведения. Он разработал учение о «натуральной юриспруденции», которое должно было выявлять универсальные причины, лежащие в основе законодательства и политического устройства всех государств [2, с. 137-138].

И.Е. Нейман (1780-1855) стал основоположником исторической школы как системного направления. Его «План преподавания российского права» включал изучение истории русского права как необходимый элемент юридического образования [4, с. 194-195]. И.Е. Нейман подготовил целую плеяду учеников, среди которых особенно выделялся Е.В. Врангель [4, с. 203].

Н.Д. Иванишев (1811-1874) стал первым исследователем, который систематически применил сравнительно-исторический метод к изучению русского уголовного права в контексте славянских законодательств. Его труд «О плате за убийство» показал принципиальные различия между славянской и германской системами возмездия [3, с. 165].

Н.И. Ланге (1821-1894) развил идеи Иванишева и впервые в уголовно-правовой литературе поставил проблему личности потерпевшего. Он также активно участвовал в дискуссии о происхождении Русской Правды, решительно отвергая норманнскую теорию и настаивая на ее славянском происхождении [3, с. 167-168].

А.П. Чебышев-Дмитриев (1835-1877) стал одним из самых ярких представителей историко-философского направления. Он одним из первых обратил внимание на связь преступности с общественными условиями [8, с. 23].

Н.В. Калачов (1819-1885) внес наибольший вклад в создание источниковой базы исторических исследований. Его издания памятников русского права, судебной практики и юридических обычаев создали фундамент для работы нескольких поколений историков права. Он разработал методику комплексного анализа юридических памятников, включая филологический метод, и фактически заложил основы законодательной текстологии [3, с. 186-187].

Историческая школа русского уголовного права не была единодушно принята научным сообществом. Вокруг ее методологии и места в системе юридических наук велись оживленные дискуссии. Одна из центральных дискуссий касалась вопроса о том, должна ли история уголовного права входить в предмет науки уголовного права или относиться к историко-юридическим наукам. Как отмечает Е.А. Шаталов, в дореволюционной доктрине сложилось несколько подходов к этому вопросу [10, с. 4-8]. Практико-ориентированный взгляд, представленный П.А. Фейербахом и Н.С. Таганцевым, исключал историко-юридические исследования из круга задач науки уголовного права [10, с. 4]. Противоположный, ретроспективный подход, напротив, признавал необходимость исторических исследований в рамках науки уголовного права [10, с. 6].

Другой важной дискуссией была полемика между исторической и философской школами права. Представители философской школы (Э. Ганс) и исторической школы (Ф.К. Савиньи) расходились в понимании

роли нации в формировании права, в подходе к сравнению правовых систем, в оценке римского права [1, с. 152]. В России эту дискуссию продолжили П.И. Новгородцев и С.А. Муромцев. П.И. Новгородцев упрекал Ф.К. Савиньи в непоследовательности: противопоставляя невидимо действующие правообразующие силы и сознательную личную деятельность, Ф.К. Савиньи, вопреки собственным утверждениям, допускал необходимость личного вмешательства [1, с. 144]. С.А. Муромцев, признавая заслуги исторической школы, критиковал Ф.К. Савиньи за то, что тот «не осуществил правильную научную реализацию своих основных идей, ничего не сделал для дальнейшего углубления и расширения положений исторической школы» [1, с. 145].

С критикой исторической школы выступали и сами историки. Н.И. Кареев усматривал в доктрине исторической школы «одно из частных применений к истории принципа безличной эволюции» и отмечал, что Савиньи «намечает только общие контуры доктрины», не определяя используемые им понятия [1, с. 151-152]. И.И. Кёниг, напротив, защищал Ф.К. Савиньи, утверждая, что его последователи «обеднили его концепцию», посчитав, что историческая школа исключает любые философские воззрения на происхождение и развитие права [1, с. 151-152].

Современные исследователи, такие как С.В. Маликов и А.И. Чучаев, восполняют пробелы в рассматриваемой области. Они не только вводят в научный оборот новые материалы, но и предлагают системный анализ исторической школы, выделяя ее внутреннюю структуру и показывая эволюцию взглядов отдельных представителей. В их работах историческая школа русского уголовного права предстает не как эклектичное заимствование, а как самобытное научное направление, органически связанное с отечественной традицией историко-правового изучения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Формирование исторической школы русского уголовного права было подготовлено длительным процессом развития отечественного правоведения, восходящим к XVIII веку. Первые шаги к историческому изучению права были сделаны В.Н. Татищевым, И.Н. Болтиным и М.М. Щербатовым, а затем продолжены Ф.Г. Штрубе-де-Пирмонтом, А.Я. Поленовым и С.Е. Десницким. Однако институциональное оформление школы произошло в первой половине XIX века, в том числе под влиянием немецкой исторической школы права (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта) и благодаря деятельности И.Е. Неймана, который создал систему подготовки научных кадров и заложил основы исторического метода в исследовании русского права.

Внутренняя структура исторической школы не была однородной. В ней отчетливо выделялись три основных направления: историко-догматическое, историко-сравнительное и историко-философское. Эти направления не были изолированы, многие ученые сочетали элементы разных подходов.

Ключевыми представителями школы являлись: С.Е. Десницкий, заложивший теоретико-методологические основы сравнительного правоведения; И.Е. Нейман, создавший систему подготовки научных кадров; А.Ф. Рейц, разработавший периодизацию истории русского права; Н.Д. Иванишев, применивший сравнительно-исторический метод к изучению славянских законодательств; Н.И. Ланге, поставивший проблему личности в уголовном праве; А.П. Чебышев-Дмитриев, соединивший исторический и философский подходы; Н.В. Калачов, создавший источниковую базу для исторических исследований.

Вклад исторической школы в развитие юридической науки заключается, во-первых, в создании и публикации источниковой базы (сборники законов, правовых обычаев, судебной практики); во-вторых, в разработке методологии историко-правового исследования (включая филологический метод анализа законодательных текстов); в-третьих, в обосновании тезиса о национальной самобытности русского права и необходимости его изучения в связи с историческими условиями его развития; в-четвертых, в создании предпосылок для последующей догматической разработки уголовного законодательства.

Дискуссионные вопросы, связанные с исторической школой, касались прежде всего места истории уголовного права в системе юридических наук. Ряд ученых (П.А. Фейербах, Н.С. Таганцев) исключали историко-юридические исследования из предмета науки уголовного права, другие, напротив, признавали их необходимость. Полемика между исторической и философской школами, продолженная в России П.И. Новгородцевым и С.А. Муромцевым, выявила как сильные стороны исторического подхода (внимание к национальной специфике, к эволюции правовых институтов), так и его слабости (недостаточная теоретическая рефлексия, тенденция к абсолютизации исторически сложившихся форм).

Историческая школа русского уголовного права представляет собой не просто эпизод в истории отечественной юриспруденции, а целостный научный феномен, оказавший определяющее влияние на становление российской научной традиции. Ее идеи о национальной самобытности права, о необходимости истори-

ческого подхода к пониманию правовых институтов, о связи права с социальными и культурными условиями его развития сохраняют свою актуальность и в современной юридической науке. Дальнейшее изучение наследия исторической школы, введение в научный оборот новых архивных материалов и переосмысление ее вклада в развитие отечественной правовой мысли является важной задачей историко-правовой науки.

Список источников

1. Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья первая) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 128 – 158. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_1_128
2. Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 138 – 158. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_2_138
3. Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья третья) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 157 – 189. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_4_157
4. Маликов С.В., Чучаев А.И. Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет) // Государство и право. 2025. № 1. С. 192 – 206. DOI: 10.31857/S1026945225010173
5. Маликов С.В., Чучаев А.И. Нейман и его школа русского уголовного права (Статья вторая: Дерптский университет) // Государство и право. 2025. № 2. С. 154 – 166. DOI: 10.31857/S1026945225020155
6. Наумов А.В. Книга Г.С. Фельдштейна «Главные течения в истории науки уголовного права в России» - основной источник по истории российской уголовно-правовой доктрины // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2019. № 8. С. 34 – 53.
7. Жуков В.Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. 2015. № 2. С. 96 – 114.
8. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909. XIV. 668 с.
9. Корчагина О.А., Лезина Е.П. Историческая школа права в учениях Ф.К. Савиньи и Г.Ф. Пухты // Контентус. 2018. № 4 (69). С. 37 – 44.
10. Шаталов Е.А. История уголовного права как область знания юридической науки: теоретико-методологические аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19. № 1. С. 4 – 26. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.1.4.26
11. Талан М.В. Первые юристы Казанского университета // Lex Russica. 2017. № 3 (124). С. 206 – 213. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.206-213

References

1. Malikov S.V., Chuchaev A.I. Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Article One). Antinomies. 2025. Vol. 25, issue 1. P. 128 – 158. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_1_128
2. Malikov S.V., Chuchaev A.I. Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Article Two). Antinomies. 2025. Vol. 25, issue 2. P. 138 – 158. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_2_138
3. Malikov S.V., Chuchaev A.I. Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Article Three). Antinomies. 2025. Vol. 25. Issue 4. P. 157 – 189. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_4_157
4. Malikov S.V., Chuchaev A.I. Neiman and His School of Russian Criminal Law (Article One: Kazan University). State and Law. 2025. No. 1. P. 192 – 206. DOI: 10.31857/S1026945225010173
5. Malikov S.V., Chuchaev A.I. Neiman and His School of Russian Criminal Law (Article Two: Dorpat University). State and Law. 2025. No. 2. P. 154 – 166. DOI: 10.31857/S1026945225020155
6. Naumov A.V. The book by G.S. Feldshtein “The Main Currents in the History of Criminal Law in Russia” is the main source on the history of Russian criminal law doctrine. Actual problems of criminal law and procedure at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique). 2019. No. 8. P. 34 – 53.
7. Zhukov V.N. Legal science in pre-revolutionary Russia: formation and relationship between dogmatic and fundamental jurisprudence. State and Law. 2015. No. 2. P. 96 – 114.
8. Feldshtein G.S. Main Currents in the History of Criminal Law in Russia. Yaroslavl: Provincial Government Type, 1909. XIV. 668 p.
9. Korchagina O.A., Lezina E.P. Historical School of Law in the Teachings of F.K. Savigny and G. F. Pukhta. Contentus. 2018. No. 4 (69). P. 37 – 44.

10. Shatalov E.A. History of Criminal Law as a Field of Knowledge of Legal Science: Theoretical and Methodological Aspects. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 19. No. 1. P. 4– 26. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.1.4.26

11. Talan M. V. The First Lawyers of Kazan University. Lex Russica. 2017. No. 3 (124). P. 206 – 213. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.206-213

Информация об авторе

Серёда С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Серёда С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(47) «18/19»

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-67-72

Концепция русского государства в славянофильской парадигме: к истории российской интеллектуальной мысли

¹ Скопа В.А.,

¹ Баранов К.Ю.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: славянофильское движение XIX века разработало собственное видение русского государства, отличное от западноевропейских моделей развития. Мыслители этого направления предложили уникальную интерпретацию исторического пути Российской империи. Идеологи славянофильства противопоставляли Россию как Западной Европе, так и восточным деспотиям. Они утверждали о самобытности русского цивилизационного развития, несводимости его ни к западной рациональности, ни к восточному деспотизму. В центре славянофильского учения находилась роль православной веры как определяющей силы русской истории. Религиозность выступала основой национальной идентичности и политического устройства. Мировоззренческие установки славянофильства выдвинули концепцию соборности – органического единства народа, основанного на духовной общности и взаимном согласии, а не на формальных административных структурах. Славянофильская традиция создала влиятельный образ России как цивилизации с собственной логикой развития, религиозным основанием и духовной миссией, противостоящей европеизации и материализму. Интерес к славянофильской парадигме определяется несколькими факторами: прежде всего, это историческая значимость самого течения, а также его роль в развитии последующей русской историософской мысли, консервативных доктрин и формировании национального сознания. Обращение к славянофильским воззрениям необходимо для того, чтобы разобраться в духовных устремлениях России, её месте в мировой цивилизации и способе самоопределения.

Ключевые слова: история, славянофильская парадигма, концепция русского государства, просвещение, империя

Для цитирования: Скопа В.А., Баранов К.Ю. Концепция русского государства в славянофильской парадигме: к истории российской интеллектуальной мысли // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 67 – 72. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-67-72

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The concept of the Russian state in the Slavophile paradigm: towards the history of Russian intellectual thought

¹ Skopa V.A.,

¹ Baranov K.Yu.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: the 19th-century Slavophile movement developed its own vision of the Russian state, distinct from Western European models of development. Thinkers of this school offered a unique interpretation of the historical path of the Russian Empire. Slavophile ideologists contrasted Russia with both Western Europe and Eastern despotisms. They asserted the uniqueness of Russian civilizational development, its irreducibility to either Western rationality or Eastern despotism. At the center of Slavophile doctrine was the role of the Orthodox faith as the defining force of Russian history. Religiosity served as the foundation of national identity and political structure. The Slavophile worldview advanced the concept of sobornost – the organic unity of the people based on spiritual community and mutual consent, rather than on formal administrative structures. The Slavophile tradition created an influential image of Russia as a civilization with its own developmental logic, religious foundation, and spiritual mission, resisting Europeanization and materialism. Interest in the Slavophile paradigm is determined by several factors: first and foremost, the historical significance of the movement itself, as well as its role in the development of subsequent Russian historiographical thought, conservative doctrines, and the formation of national consciousness. An appeal to Slavophile views is necessary for understanding Russia's spiritual aspirations, its place in world civilization, and its method of self-determination.

Keywords: history, Slavophile paradigm, concept of the Russian state, enlightenment, empire

For citation: Skopa V.A., Baranov K.Yu. *The concept of the Russian state in the Slavophile paradigm: towards the history of Russian intellectual thought. Historical Bulletin.* 2026. 9 (6). P. 67 – 72. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-67-72

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Одна из актуальнейших проблем исторической науки наших дней – выяснение механизмов становления российской национальной самоидентификации и развития коллективного самопознания. Данный вопрос неизбежно приводит нас к периоду конца 1830-х и всего последующего десятилетия, когда на политико-культурной арене появилось славянофильское течение. Наиболее значительные фигуры этого движения справедливо рассматриваются учёными как создатели оригинальной отечественной философско-идеологической школы [6].

В сороковых годах XIX столетия в российском обществе оформилось оригинальное идейное течение, адепты которого обосновывали самобытность России и её цивилизационную несоизмеримость с западно-европейской парадигмой. Мыслители этого направления создали собственную концепцию исторического развития Российской империи, отличную от традиционных европейских схем. Славянофилы настаивали на самостоятельности русского исторического маршрута, решительно отвергая как механическое заимствование западных инноваций, так и влияние восточного завоевания [13]. Центральным тезисом их учения являлось утверждение об исключительной роли православия – не просто как вероучения, но и как стержня национального бытия и государственного устройства. Духовная компонента трактовалась ими в качестве главного залога социальной упорядоченности и политической стабильности [2]. Славянофильская мысль была сосредоточена на концепции соборности – органичного единения различных общественных слоёв через религиозное единомыслие и нравственную общность, вместо рационального аппарата административного контроля.

Любопытный парадокс заключается в том, что идеологи славянофильства в середине XIX века, вопреки звучанию собственного названия, занимались исследованием славянских народов минимально – учёные неоднократно обращали внимание на это противоречие. Тем не менее история термина проясняет ситуацию: в начальный период XIX столетия российские интеллектуальные круги вели полемику по поводу эволюции русского языка – следует ли ему впитывать иностранные лексические заимствования либо культи-

вировать исконно славянский словарный фонд [9]. Сторонников последней позиции называли «славянофилами». Когда же это обозначение проникло в идейную жизнь сороковых годов, его семантика трансформировалась: теперь оно применялось к консервативно настроенным философам и общественным деятелям. Их принципиальными оппонентами выступали западники – среди них критик Виссарион Белинский и публицист Александр Герцен, которые использовали этот термин в качестве обозначения враждебной европеизму культурной позиции, характерной для авторов журнала «Московитянин» и им подобных. Позже Иван Киреевский, Алексей Хомяков и Константин Аксаков взяли это определение на вооружение. Их труды положили начало классической славянофильской философско-идеологической системе [7, 8, 11].

Необходимость изучения славянофильского наследия определяется не только историческим весом данного направления, но и его долгосрочным воздействием на становление русской историософской мысли, развитие консервативной идеологии и формирование национального сознания. Для проникновения в суть российских духовных исканий и выявления её цивилизационной самоидентификации необходимо разобратся в славянофильских построениях.

С момента оформления славянофильского течения в российской философской среде разгораются непрекращающиеся споры о характере их доктрины. Причина кроется прежде всего в амбивалентности их взглядов, которые ускользают от привычных классификационных категорий. Перед исследователями встаёт сложная задача: причислить ли мыслителей к сторонникам прогресса, принимая во внимание их активную позицию в отношении упразднения крепостного права, или расценить их как охранителей традиции ввиду их убеждённости в незыблемости монархии и стремления к объединению славянских земель под российским главенством. Даже в среде их современников возникали диаметрально противоположные интерпретации их идеологического завещания.

Материалы и методы исследований

Представленное исследование опирается на теорию модернизации как фундаментальную историософскую парадигму и цивилизационный подход, интегрирующий комплексное понимание социальных трансформаций. В основу работы положены следующие исследовательские подходы:

- принципы историко-научного анализа – опора на хронологическую объективность и верификацию фактов при изучении развития идейных систем славянофильства;
- компаративный подход – сопоставление различных философских и общественных течений для выявления их специфики и взаимосвязей;
- холистический подход – рассмотрение социально-культурных изменений как единого органичного процесса, а не набора изолированных явлений;
- диалектическая парадигма – признание двусторонней циркуляции идей в общественном сознании и их взаимной трансформации;
- функционально-структурный анализ – раскрытие внутреннего устройства исторических явлений через выявление их роли в социальной системе.

Результаты и обсуждения

Славянофильское движение сформировалось в московских салонах и интеллектуальных кругах 1840-х годов. Его основатели – Алексей Хомяков, братья Иван и Константин Аксаковы, Юрий Самарин и Петр Киреевский объединены были общей идеей о необходимости переосмысления российской истории и культуры на основе её собственных традиций. Ещё критики Белинский и Герцен заметили, что славянофилы прилагали усилия к выстраиванию чётких разграничений между Россией и западноевропейским миром – другими словами, они производили расслоение собственного культурного наследия и иного, чужого. В глубинном смысле славянофильство представляло собой механизм конституирования национальной самоидентификации. Применяв категориальный арсенал антрополога Фредерика Барта, можно интерпретировать этот феномен как конструирование маркеров различия, посредством которых адепты движения закрепляли определённые культурные атрибуты, игнорируя при этом внутреннюю полиморфность нации [1]. Подобные граничные операции закономерно вызывают генерирование стереотипных представлений как о собственном сообществе, так и о соседях. Иллюстрацией служит позиция Хомякова, постулировавшего господство духовно-религиозного элемента в русской истории. Следовательно, религиозность – и в конкретизированном виде православная вера обретала у славянофилов статус центрального дифференцирующего признака [12]. Тем самым славянофильское течение подтверждает одну из фундаментальных идей Барта: набор культурных маркеров всегда обусловлен обстоятельствами и контекстуальными факторами. Это ни в коей мере не означает историческую условность русского православия или его полную сконструирован-

ность; скорее, само по себе вероисповедание не способно исчерпывающе определить специфику русской культуры в сравнении с другими. Требуется некий внешний ориентир для самоидентификации. По отношению к европейскому западу этот маркер приобретал значимость именно потому, что позволял артикулировать отличия между Россией и Европой. Необходимо добавить, что славянофильство следует рассматривать как проявление культурософии – особого подхода к анализу культуры, опирающегося на бинарные оппозиции и аксиологические противопоставления («свой против чужого», «древний против современного», «восток против запада») [3]. Вместе с тем славянофильское учение содержит ещё одно противопоставление, менее явное, но не менее значимое – дихотомию «интимного» и «поверхностного». В славянофильских произведениях русская религиозность и духовная жизнь характеризуются как сущностные, тогда как западноевропейское христианство и образ мышления определяются через категорию поверхностности.

По мнению Киреевского, расхождение между российской и европейской культурными системами не было изначальным явлением. Исторический разрыв произошёл в момент, когда европейское сообщество через институт «Римской церкви» отстранилось от церкви «Вселенской». Таким образом, для Киреевского цивилизации предстают явлениями, укоренёнными в религиозных основаниях [7]. Мыслитель конструирует нарратив о единственном источнике, из которого затем развился деформированный западноевропейский вариант цивилизации. Следуя этой логике, траектория развития латинского христианства приобретает черты метафорического повествования о первородном грехе. Отсюда логично вытекает вопрос: может ли деградирующий Запад рассчитывать на спасение? Позиция Киреевского в этом отношении весьма пессимистична: мыслитель считает восстановление европейской цивилизации в её первозданном виде делом практически неосуществимым [7].

Совершенно иной тон появляется в рассуждениях Киреевского о православии, вселенской и восточной церкви – он оперирует этими категориями как синонимичными, хотя в исторической реальности вселенское и восточное христианство первоначально не совпадали. В киреевском понимании именно русский народ становится в современную эпоху носителем и выразителем вселенско-православной традиции. В киреевском дискурсе Европа предстаёт как совокупность католического вероисповедания, классической и языческой античной наследственности, а также специфического государственного устройства, сформировавшегося в эпоху Великого переселения народов [7]. Такое изображение европейского континента несёт явно негативную окраску, что позволяет Киреевскому развернуть контрастный, позитивный образ России – антагонистические черты Запада трансформируются в достоинства Востока [7]. Мыслитель обильно иллюстрирует своё видение примерами из античного и римского наследия, превращая их в символическое воплощение как исторической, так и современной Европы. Христианство же выступает полной противоположностью описанному – его сущность усматривается в торжестве гармонии, целостности духовного бытия. Киреевский признаёт, что западное христианство испытало значительные трудности в освобождении от латинской логики. Однако он убеждён, что на первоначальных этапах своего развития западное вероисповедание также провозглашало идеал целостного бытия в качестве центральной ценности [7].

Как и труды Киреевского, произведения Хомякова строятся на антитетическом принципе. Он противопоставляет западным деноминациям образ демократической, соборной церковной организации. «С момента своего учреждения апостолами Церковь обладала единством», – утверждает он [12]. Такое единство сохраняется не только в историческом континууме непрерывной традиции, устойчивой к расколам и реформациям, но и в географическом распространении: поскольку православие отвергает иерархический авторитет, в нём стирается граница между священнослужителями и паствой – каждый становится учителем. Вместе с тем примечательно, что концепция церкви у Хомякова выстраивается посредством критического образа Запада, через отрицание его чужеродности. Сам мыслитель это косвенно признаёт.

Обсуждая раскол на учащую и учимую церковь, он пишет, что эта особенность присуща обоим западным конфессиям, и именно её отсутствие в православии наиболее ярко определяет его сущность. Подобным образом Хомяков объявляет отсутствие рационализма конституирующей особенностью православной традиции. Попытавшись дать более самостоятельную характеристику православия, он вновь апеллирует к антирациональной парадигме: «Божественный Дух, говорящий посредством Священного Писания, наставляющий и просвещающий через Священное Предание Вселенской Церкви, не подлежит постижению одним рассудком. Он открывается лишь целостности человеческого духа, озарённой благодатью» [11, 12]. Исходя из этого, Хомяков приходит к выводу, что православное вероучение не содержит в себе никакого рационального основания. Хотя он не отрицает полностью роль рациональности и логики, он подчёркивает их вспомогательный статус – это одна из духовных способностей человека, которая самостоятельно неспособна достичь божественного.

Равноценное значение имеет и тот факт, что славянофилы возвышали крестьянскую общину, рассматривая её как естественно сложившуюся форму социального устройства, коренящуюся в самобытности русского народа. По их мнению, община являлась воплощением соборного принципа в общественной жизни – пространством, где коллективное решение приоритизируется, а индивидуальные стремления подчиняются интересам целого [10, 12]. Такой идеализированный образ резко контрастировал с западным обществом, где доминировали индивидуалистические установки.

Острая дискуссия с западниками как главными идейными антагонистами во многом сформировала специфику славянофильской аргументации. Славянофилы направляли критику в адрес отвлечённого рационализма французского Просвещения, усматривая в нём корень европейских потрясений и духовного разложения общества. По убеждению славянофилов, России надлежит выбрать иной путь, опираясь на своё органическое историческое наследие и отвергая соблазны чужеземных доктрин [4].

Идеологические установки славянофилов существенно повлияли на их интерпретацию русского исторического пути. Петровские преобразования они осмыслили как насильственный раскол с исконными устоями, принудительное введение инородных западных институтов. Согласно такому пониманию, эпоха Петра I характеризуется как национальное бедствие, в то время как либеральные мыслители видели в ней торжество просветительских идей [5]. Предшествующая Москве эра, напротив, получала в их трудах статус периода самобытного и гармоничного исторического становления.

В основе славянофильского видения России лежит глубокий пласт религиозно-философских убеждений. Хомяков постулировал, что исторические процессы детерминированы не хозяйственно-материальными условиями, а метафизическими и нравственными началами [6]. Русской нации усваивалась миссия хранильницы подлинного православия и её проповедницы, а также роль противовеса западной секуляризации с её культом рационального мышления. Для славянофильской философии характерна также эсхатологическая направленность – убеждение в том, что России отведена исключительная роль в финале всемирной истории [13]. Подобные концепции становились влиятельным фактором развития отечественной интеллектуальной традиции и сохраняли актуальность на протяжении всего XX столетия.

Выводы

Славянофильское движение 1840-х годов представляло собой процесс формирования русской национальной идентичности, основанный на противопоставлении России и Европы через призму религии, в первую очередь православия. Ведущие идеологи (Хомяков, Киреевский, Аксаковы) конструировали образ России как хранильницы подлинной христианской духовности и соборного единства в противовес рационализму и индивидуализму Запада, используя бинарные культурные маркеры. Несмотря на парадоксальность и внутренние противоречия славянофильских позиций – сочетание консервативности с критикой крепостничества, их учение оказало значительное влияние на развитие русской философии и национального самосознания, сохраняя актуальность вплоть до XX века.

Список источников

1. Barth F. Manifestasjon og prosess. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 209 p.
2. Blumenberg H. Tenkning og metafor / Oms. E. Lilleskjæret og T. I. Østmoe. Oslo: Cappelen, 1998. 239 p.
3. Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 239 p.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 24 – 42.
5. Володин А.И. Утопия и история. М., 1976. 295 с.
6. Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство. Из истории русской общественной мысли середины XIX в. // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85 – 97.
7. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. М.: Типогр. Император. Моск. ун-та, 1911. 408 с.
8. Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года. М.: Современник, 1984. – С. 40-61.
9. Париков О.В. Педагогические воззрения славянофилов и современная реформа российского высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327> (дата обращения: 14.05.2026)
10. Попов А.А. Социально-политические воззрения А.С. Хомякова // Социально-политические науки. 1992. № 4-5. С. 73.

11. Хомяков А.С. Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie. Paris: Meyrueis, 1853. 63 p.
12. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. М.: Медиум, 1994. С. 25 – 71.
13. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 272 с.

References

1. Barth F. Manifestasjon og prosess. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 209 p.
2. Blumenberg H. Tenkning og metaphor. Oms. E. Lilleskjæret og T.I. Østmoe. Oslo: Cappelen, 1998. 239 p.
3. Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 239 p.
4. Berdyaev H.A. Philosophical Truth and Intelligentsia Truth. Vekhi. The Intelligentsia in Russia. Moscow, 1991. P. 24 – 42.
5. Volodin A.I. Utopia and History. Moscow, 1976. 295 p.
6. Dmitriev S.S. Slavophiles and Slavophilism. From the History of Russian Social Thought of the Mid-19th Century. Marxist Historian. 1941. No. 1. P. 85 – 97.
7. Kireevsky I.V. On the Character of European Enlightenment and Its Relation to Russian Enlightenment. Moscow: Emperor Printing House. Moscow University, 1911. 408 p.
8. Kireevsky I.V. Review of Russian Literature of 1829. Moscow: Sovremennik, 1984. P. 40 – 61.
9. Parilov O.V. Pedagogical Views of the Slavophiles and the Contemporary Reform of Russian Higher Education. Contemporary Problems of Science and Education. 2015. No. 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327> (date of access: 14.05.2026)
10. Popov A.A. Socio-political views of A.S. Khomyakov. Socio-political sciences. 1992. No. 4-5. P. 73.
11. Khomyakov A.S. What an Orthodox Christian says about occidental communities in the occasion of a brochure by M. Laurentie. Paris: Meyrueis, 1853. 63 p.
12. Khomyakov A.S. A few words from an Orthodox Christian about Western religions. M.: Medium, 1994. P. 25 – 71.
13. Tsimbaev N.I. Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought of the 19th century. M.: Publishing house Mosk. Univ., 1986. 272 p.

Информация об авторах

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

Баранов К.Ю., Алтайский государственный педагогический университет

© Скопа В.А., Баранов К.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94 (497.1) : 72.035

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-73-80

Первые конкурсные проекты храма св. Саввы в Белграде глазами русских академиков архитектуры (1906)

¹ Хошев А.Ю.,

¹ *Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноап. Кирилла и Мефодия*

Аннотация: в статье проанализированы отложившиеся в РГИА документы первого конкурса на лучшее архитектурное решение храма св. Саввы в Белграде, проводившегося в 1905-1906 гг. с привлечением Императорской академии художеств (ИАХ). Ни одна из работ не была рекомендована ИАХ к практической реализации даже при условии возможной доработки. Исход конкурса вызывает недоумение, учитывая, что в самой Сербии в 1900 г. проект создания святосаввского храма обрёл статус общенационального и обладал престижем также и для самой ИАХ как её крупнейший международный проект в 1906 г.

В условиях утраты самих конкурсных работ материалы РГИА имеют особое значение, поскольку позволяют на основании пояснительных записок авторов и критических отзывов академиков ИАХ прояснить особенности и изъяны предложений, которые предопределили их итоговую низкую оценку.

В статье показано, что главными недостатками конкурсных предложений стали недостаточное соответствие условиям конкурса и весомые архитектурные ошибки, которые можно классифицировать как недостаточное соответствие образцам византийского зодчества, значительное влияние итальянской и в целом неправославной архитектуры, слабость художественного оформления и нехватка монументальности, а также неудачная организация внутреннего пространства, обусловившая в конечном итоге низкую практическую ценность проектов.

Ключевые слова: русско-сербские отношения, храм святого Саввы в Белграде, Императорская академия художеств, монументальная архитектура, история архитектуры, византийский стиль, сербско-византийский стиль, Владимир Суслов, Михаил Преображенский, Николай Султанов, Григорий Котов

Для цитирования: Хошев А.Ю. Первые конкурсные проекты храма св. Саввы в Белграде глазами русских академиков архитектуры (1906) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 73 – 80. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-73-80

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The first competition designs for the St. Sava Church in Belgrade through the eyes of Russian architectural academicians (1906)

¹ Khoshev A.Yu.,

¹ *The All-Church Postgraduate and Doctoral Studies Program named after St. equalap. Cyril and Methodius*

Abstract: this article analyzes the documents filed by the Russian State Historical Archives (RGIA) for the first competition for the best architectural design for the Church of St. Sava in Belgrade (1905-1906) with the participation of the Imperial Academy of Arts in St. Petersburg (IAA).

None of the projects were recommended for implementation by the IAA, even with further possible revision. The competition's outcome is puzzling, given that in Serbia itself, the project to build a great cathedral dedicated to Saint Sava had achieved national status in 1900, and enjoyed prestige for the Imperial Academy of Arts itself as its largest international project in 1906.

Given the loss of the competition drawings themselves, the RGIA materials are particularly significant, allowing us to clarify, based on the explanatory notes of their authors and the reviews of the academicians, the features and shortcomings of the proposals that led to their final low score.

The article demonstrates that the main shortcomings of the competition entries were their insufficient compliance with the competition requirements and significant architectural errors, which can be classified as insufficient adherence to Byzantine architectural models, significant influence from Italian and generally non-Orthodox architecture, weak artistic design and a lack of monumentality, as well as poor organization of the interior space, which resulted in the projects' low practical value.

Keywords: Russian-Serbian relations, Church of Saint Sava in Belgrade, Imperial Academy of Arts, monumental architecture, history of architecture, Byzantine style, Serbian-Byzantine style, Vladimir Suslov, Mikhail Preobrazhensky, Nikolay Sultanov, Grigory Kotov

For citation: Khoshev A.Yu. *The first competition designs for the St. Sava Church in Belgrade through the eyes of Russian architectural academicians (1906). Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 73 – 80. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-73-80*

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Храм св. Саввы в Белграде является одним из крупнейших православных храмов Европы. Возведение этого собора, посвящённого первому Архиепископу Сербскому Савве (Неманичу, † 1236), просветителю и наиболее почитаемому сербскому национальному святому, велось с длительными перерывами с 1935 г. по 2004 г. на основе проекта, который был выработан по итогам второго конкурса на его лучшее архитектурное решение, проводившегося в 1926 г. [18]

Первый же конкурс прошёл в 1905-1906 гг. с привлечением Императорской академии художеств (ИАХ) в Санкт-Петербурге, которая, откликаясь на просьбу Общества по строительству храма св. Саввы (далее – Общество), в 1904 г. приняла участие в выработке условий конкурса, а в 1906 г. произвела авторитетную оценку и сравнение выдвинутых на него проектов [17].

Конкурс потерпел провал. Ни одна из представленных работ не была рекомендована к практической реализации, даже при условии возможной последующей доработки. Данное обстоятельство выглядит странным, ведь в 1900 г. Король Сербии Александр Обренович придал созданию храма общенациональный статус, а потому в его проектировании логично было бы ожидать участие по-настоящему видных фигур в сербской архитектуре. Для самой ИАХ участие в конкурсе, обусловленное, к тому же, приглашением Общества, стало крупнейшим международным проектом в 1906 г. [16], и строгость в оценке конкурсных работ может показаться чрезмерной.

Рассматриваемый эпизод важен для осмысления роли русского творческого сообщества в оформлении замысла святосаввского храма, а также примечателен в контексте русско-сербских отношений в первые годы по возвращении в 1903 г. на Сербский королевский престол династии Карагеоргиевичей.

В указанной связи представляет интерес, какие именно недостатки представленных работ в реальности послужили причиной столь низкой их оценки со стороны специально созданной комиссии ИАХ. Данное исследование, до сих пор никем не проводившееся, является целью настоящей статьи.

Материалы и методы исследований

Несмотря на неудачу, конкурс стал значимым событием для архитектурного сообщества Сербии и упоминается в трудах по истории сербской архитектуры [21, с. 124-125; 22, с. 516], однако без предметного описания и без ссылок на источники. Сами конкурсные работы – предписанные п. 7 конкурса чертежи в масштабе 1:200, охватывающие фундамент и первый этаж, план на высоте эмпор, разрез в длину, фасад и южную стену [2, Л. 27] – считаются утраченными. О снятии с них копий ни единым словом не упоминается, а все оригиналы по завершении работы комиссии были тотчас возвращены в Сербию [14], где три проекта были выкуплены Обществом [20, с. 22-23]. При этом, в отличие от других периодов, место хранения

фондов Общества как конкретно за 1906 г., так и в целом за первые годы Карагеоргиевичей, также остаётся неизвестным. Следы невыкупленных проектов также теряются, хотя при жизни авторов они и могли представляться ими на какие-либо престижные выставки [21, с. 125].

Приблизиться к осмыслению вопроса позволяет анализ конкурсных работ в материалах Фонда ИАХ (Ф. 789) в РГИА, а именно – начатое в 1904 г. Дело 156 [1], в котором собрана переписка ИАХ с Обществом и все материалы работы специально учреждённой комиссии ИАХ во главе с академиком Л.Н. Бенуа (1856-1928) [17, с. 226-229], включая описание собственно конкурсных эскизов: а) требовавшиеся по условиям конкурса пояснительные записки авторов [3; 4; 5; 6; 7] и б) подготовленные членами комиссии ИАХ отзывы [8; 9; 10; 11; 12].

Метод сравнительного анализа использован в сопоставлении условий конкурса, пояснительных записок и отзывов для отбора сведений о конкретных особенностях конкурсных работ – с последующей типологической группировкой выявленных особенностей.

Результаты и обсуждения

Причины, по которым ни один из конкурсных проектов не был рекомендован к реализации на практике, в заключении ИАХ обозначены обобщённо как «крупные архитектурные недостатки» – недопустимые с точки зрения того важного значения храма, которое намечалось конкурсной программой.

В статье выделены четыре основные группы замечаний:

- недостаточное соответствие образцам византийского зодчества;
- значительное влияние итальянской и видимо, в целом современной западной архитектуры, включая эклектику, а также вольные и невольные аллюзии на минареты мечетей;
- слабость художественного оформления и нехватка монументальности;
- неудачная организация внутреннего пространства и обусловленные ею издержки.

Сюда относятся не только ошибки узко профессионального характера, допущенные при разработке конструктивной части зданий, их фасадов, интерьеров и проч., но также, что намного важнее, – особенности, обусловленные личным видением авторами рамок сербско-византийского стиля, и спецификой восприятия ими поставленной перед ними задачи.

Место храма-памятника в честь святого византийской эпохи, призванного послужить символическим выражением величия многовековой святосаввской традиции, не должна была занять постройка во вкусе преходящей и в целом далёкой от Православия архитектурной моды.

Критика проектов конкурса 1905-1906 гг. косвенно предопределила направление выработки на основе результатов второго конкурса 1926 г. итогового проекта храма св. Саввы, противоположного по своим характеристикам комплексу ранее выявленных ИАХ недостатков.

1. Особенности конкурсного задания

Конкурсная программа, принятая в 1904 г. Главным советом Общества, была в том же году доработана с участием ИАХ и опубликована 13 мая 1905 г. [2]. Главными её требованиями к проектам храма св. Саввы были монументальность и сербско-византийский стиль (п. 2).

Здание должно было занимать 2 000 - 2 500 кв. м (п. 3), т. е. в три раза меньше известного сегодня (7 570 кв. м.). Другим отличием была башня-колокольня, планировавшаяся отдельно от храма (п. 4). Конкурсантам предписывалось ориентироваться на возведение храма из камня и кирпича, а также на облицовку фасада просто тесаным камнем (п. 5) – без использования бетона и мрамора.

2. Шифры работ и их распределение между академиками ИАХ

По условиям (п. 9), конкурсанты подавали работы анонимно, маркируя их шифром (знаком или словом), с указанием авторства в конверте, не подлежавшем вскрытию до объявления итогов конкурса. Поэтому все пять поступивших проектов упоминаются в документах ИАХ исключительно под своими шифрами: «Просветитель», «Айя-София», «Альфа», «Три круга» и «Омега». Стоит отметить, что наименование «Три круга» дано в ИАХ условно – данный проект его автор маркировал знаком в виде трёх пересекающихся окружностей.

Н.В. Султанов (1850-1908) подготовил отзыв на проект под шифром «Айя-София» (или «Айя-София – Грачаница»), Г.И. Котов (1859-1942) – под шифром «Три круга», В.В. Суслов (1857-1921) – на проект «Просветитель», а М.Т. Преображенский (1854-1930) сразу на два: «Альфа», и «Омега» [17, с. 230].

3. Краткая обзорная характеристика конкурсных работ

Проекты обладают некоторым сходством, предполагая наличие нескольких приделов и просторных эмпор с алтарями. Внутреннее пространство имеет избыточно сложное членение; колокольня чаще соединена с храмом галереями, хотя авторы и готовы её отделить полностью.

Эскизы «Альфа» и «Омега» представляли храмы центрического, а «Айя-София» (или «Айя-София – Грачаница»), представлявшая собой попытку соединить в одном проекте достоинства Св. Софии Константинопольской и Успенского собора Грачаницы [5, Л. 30], – крестово-купольного типа.

Хотя у каждого из эскизов отмечены те или иные свои достоинства, ни один из них не был рекомендован к практической реализации в силу «значительных архитектурных недостатков» [13, с. 22; 15, с. 76], что и выступает их решающей характеристикой. Поэтому для осмысления итогов конкурса следует рассмотреть, прежде всего, особенности, отнесённые к числу изъянов. Выявленные у проектов недостатки тоже демонстрируют сходство и, за вычетом второстепенных деталей, могли бы быть для наглядности объединены в четыре крупные группы.

4. Обзор недостатков проектов в свете отзывов членов комиссии ИАХ

4-а. Недостаточное соответствие образцам византийского зодчества

Преображенский в отношении обоих изученных им проектов («Альфа» и «Омега») отмечает, что центральный тип построения храма не был в них использован во всей полноте, будучи, между тем, наиболее богат в византийской архитектуре и довольно разнообразен в своих решениях [9, Л. 45об; 13, С. 9] и представляя «прекрасные образцы» [12, Л. 55об; 13, с. 20-21], которые, к сожалению, не были автором востребованы и в должной мере использованы.

Общий недостаток проектов «Альфа» и «Омега» Преображенский усматривал в дефиците историзма и ощутимой дистанции от образцов (сербско)-византийской архитектуры, что в контексте поставленной задачи не вполне компенсировалось достоинствами работ.

Привлекательность «Альфы» повышал простой и открытый план, а снижало то, что «общія пропорціи внутри храма» мало отвечали наиболее характерным формам византийской архитектуры – в частности, «переходъ съ четверика къ цилиндрической части (паруса)» был показан на чертеже «не только нестильно, но даже и неконструктивно» [9, Л. 46об; 13, с. 10]. Преображенский подчеркнул, что все внутреннее убранство храма, показанное на чертежахъ, было бы желательно видеть «болѣе типичнымъ и ближе» к древним византийским образцам [9, Л. 45об; 13, с. 9]; аналогично и в отношении храма «Омега» сказано, что снаружи он «по общему очертанію своихъ формъ хотя и носить византийскій характеръ», но было бы желательно «видѣть оный еще ближе къ византийско-сербскимъ памятникамъ церковной архитектуры» [12, Л. 56об; 13, с. 22].

У проекта «Три круга» Котовым также обнаружено, что «обрисовка фасадовъ... не типична» для сербско-византийского стиля [11, Л. 53об; 13, с. 19].

Слабая стильность фасадов так или иначе подмечена каждым из русских академиков: и Сусловым [8, Л. 43; 13, с. 7], и Преображенским, который указывал, что «главные входы» было бы желательно видеть «болѣе богато и представительно обработанными», что больше отвечало бы избранному стилю [12, Л. 57; 13, с. 22]¹ а также, например, Султановым – особенно в части карнизов, тяг и декоративных рёбер кровли [10, Л. 51об; 13, с. 17].

4-б. Влияние итальянской и мусульманской архитектуры

Колокольни в проектах «Просветитель» и «Три круга» найдены похожими на минареты. Суслов указывает, что у колокольни «Просветителя» «узкость отверстій ея не отвѣчаетъ цѣлямъ колокольни», что она «слишкомъ вытянута и со своими балконами имѣетъ видъ минарета», причём два верхних этажа совершенно избыточны (п. 4) [8, Л. 43; 13, С. 8]. Примечательно, что тот же самый недостаток и Котов усматривает² сложности членения колокольни проекта «Три круга», и в незначительности «разрѣзовъ отверстій» и помещений для колоколов, а также в наличии, сверх предписанной заданием, ещё одной аналогичной колокольни, которая в плане фасада усиливает нежелательное сходство с минаретами, фланкирующими мечеть [11, Л. 54; 13, с. 19].

В проектах «Альфа» и «Омега», по отзыву Преображенского, колокольни были решены не в мусульманском, а на сей раз – в венецианском стиле. В отношении храма «Альфа» отмечено, что силуэт его колокольни «представляетъ почти копію съ бывшей башни Св. Марка въ Венеціи», вопреки требованиям конкурса [9, Л. 47; 13, с. 10-11], как и у «Омеги», где колокольня отмечена тем же недостатком, «напоминая собою Венеціанскія башни» [12, Л. 57; 13, с. 22].

Колокольня в «Айя-София» не подверглась критике по той не вполне благовидной причине её отсутствия – автор эксплицитно отказался «мимоходом и для вида исполнить этот пункт конкурсной программы» [5, Л. 30об].

У большинства проектов прямо указана близость итальянскому зодчеству.

По оценкам Преображенского, проект «Альфа», особенно в части фасадов, «как по своимъ формамъ, такъ равно и по деталямъ, ближе подходитъ къ итальянскимъ образцамъ ломбардской архитектуры» [9, Л.

46об-47; 13, с. 10-11] а у «Омеги» колокольня «ближе подходит к памятникам италийской архитектуры эпохи возрождения, чѣмъ къ византійскимъ образцамъ» [12, Л. 57; 13, с. 22]. Даже у храма «Айя-София», чьи очертания напоминали увеличенную в размерах Грачаницу, отмечено, что «кресты и ихъ подножія имѣють скорѣе итальянскій, нежели византійскій характеръ» [10, Л. 51об; 13, с. 17].

4-в. Слабость художественного оформления

Отдавая должное конструктивным достоинствам «Просветителя», а также удобству и размерам необходимых помещений, Суслов отмечает, вместе с тем, что фасады «разработаны довольно слабо» [8, Л. 43; 13, с. 7], да и вся художественная разработка «очень мало отвѣчаетъ тому важному значенію постройки, какое намѣчено конкурсомъ» [8, Л. 43об; 13, с. 8].

Султанов хвалит эскизы «Айя-София» за стильный вид храма и живописность фасадов, но вынужден указать, что в интерьере «слѣдовъ художественной разработки нѣтъ никакихъ» [10, Л. 52; 13, с. 17], а техническое исполнение фасадов «довольно слабо и не художественно», «фасадъ парусовъ и ихъ геометрическая форма не выяснена вовсе», а проект отягощён грубыми ошибками и оказывается много ниже среднего в части деталей: «карнизы и тяги слабы и не характерны, силуэты куполовъ не выисканы», слаба обработка западных боковых входных дверей и других частей храма [10, Л. 51об; 13, с. 17].

Русские академики обратили внимание также на диспропорции. Суслов находит яблоки под крестами гипертрофированными (п. 3) [8, Л. 43; 13, с. 7], входные двери по отношению к порталам – слишком малыми, а сами порталы – излишне вытянутыми (п. 2) [8, Л. 43; 13, с. 7]. В «Омеге» мелкость выразилась в «узкихъ щелеобразныхъ окнахъ въ главномъ куполѣ и въ миниатюрныхъ входахъ» [12, Л. 57; 13, с. 22]. Единодушной критике подверглись излишне тонкие колонки, задействованные в окнах, порталах и галереях. Котов останавливается на излишнем членении малых куполов по сравнению с главным, сжатости по бокам выступов под ними и общей вытянутости форм [11, Л. 53об; 13, с. 19].

Суслов отмечает, что мелкость архитектурной обработки колокольни (п. 4) портит её облик вплоть до необходимости полного пересоставления в проекте (п. 4) [8, Л. 43об; 13, с. 8]. В «Омеге» Преображенский находит обработку верхней части башни (т. е. колокольни) также мелкой и притом диссонирующей с характером самой башни [12, Л. 57; 13, с. 22].

Признан неудачным и выбор характерных для классицизма и необарокко декоративных элементов, чуждых (сербско)-неовизантийскому стилю. Суслов критикует «крайне грубые и неконструктивныя» накладки на замковые части арок, неуместные маленькие декоративные ниши (п. 3) [8, Л. 43; 13, с. 7-8] и др., Султанов находит весьма некрасивыми филенки над арками хоров, которые не украшали, а, наоборот, портили интерьер храма [10, Л. 52; 13, с. 17].

4-г. Неудачная организация внутреннего пространства

У всех конкурсных работ, кроме «Просветителя», отмечена недостаточность размеров второстепенных алтарей, а в проекте «Три круга» – и главного алтаря [11, Л. 53об; 13, с. 19].

В «Альфѣ» из-за мелкой обработки алтарных преград избыточными мелкими двойными колоннами не хватало места для икон и отсутствовали боковые двери [9, Л. 46; 13, с. 10]. В «Омеге» ни у одного из алтарей не были проработаны иконостасы, а алтари боковые и на хорах имели ширину всего-навсего 3,65 м. Преображенский отметил, что такие алтари, по своей тесноте да еще в соборе на 5000 человек, нельзя признать удобными, что было отнесено к существенным недостаткам проекта [12, Л. 56; 13, с. 21]. У «Айя-Софии – Грачаницы» алтари в приделах были «непомѣрно малые и тѣсные», глубиной около 3,4 м и шириной 3 м; Султанов в данной связи специально указывает, что алтарь должен быть по глубине и ширине не менее 5 м – как это принято в России – иначе в нём фактически нельзя будет служить [10, Л. 50об; 13, с. 15].

Внутреннее пространство в проекте «Айя-София» было отягощено «глухими стенами и ненужными перегородками», отрезавшими приделы от остального храма, ограничив тем самым их вместимость [10, Л. 50об; 13, с. 15] при совершении в них богослужений. В «Омеге» из-за «измѣльченнаго плана» внутренние поверхности вышли слишком незначительными по площади и «неблагодарными для росписи священныхъ изображеній» [12, Л. 56; 13, с. 21].

В оценках проектов неоднократно отмечается проблема мертвого пространства, к которому в «Омеге», например, была отнесена внешняя галерея для крестных ходов, изолированная глухой стеной и бесполезная в ходе богослужения – притом, что в самом храме было тесно из-за многочисленных опорных конструкций [12, Л. 56-56об; 13, с. 21].

Из-за стен и перегородок храмы в целом страдали ощутимой нехваткой освещённости, а некоторые – и обзорности. Так, в «Омеге» вся площадь нефа «заставлена столбами и колоннами», закрывающих алтари от людей на хорах с северной и южной сторон, делая их бесполезными [12, Л. 55об-56, 56об; 13, с. 21-22]. В

проекте «Три круга» средняя квадратная часть храма окружена галереями со столбами, несущими хоры и малые купола; Котов подчёркивает нежелательность и «особое неудобство» этих столбов, заслоняющих вид на иконостас. Вероятно, сознавая данный изъян, автор попытался придать столбам узкие размеры в сечении, что, в свою очередь, повредило уже архитектурной разработке интерьера, потому что столбы, на вид «вытянутые и слабые», напрашивались на изготовление из металла, а не из камня [11, Л. 53; 13, с. 18].

В отзывах отмечается и проблема связности внутреннего пространства храма. В «Айя-Софии» не были выделены предусмотренные конкурсом помещения под крестильню, кладовые, ризницу, библиотеку, отопительное и вентиляционное оборудование [2]. Пытаясь угадать логику автора и спасти понравившийся проект, Султанов пытается мысленно приспособить под указанные нужды напрашивающиеся зоны храма, относительно изолированные и невостребованные при богослужении, однако внутреннее пространство храма при этом эксперименте окончательно утрачивает остатки целостности – вплоть до прекращения сообщения между боковыми частями. Сознавая нехватку связности и пытаясь скомпенсировать этот недостаток, автор проекта предусмотрел в пилоне коридор, который притом, однако, до такой степени его ослаблял, что часть его угрожала обрушиться [10, Л. 50-50об; 13, с. 14-15].

Не были обозначены в «Айя-Софии» приделы на хорах – ни солеи, ни иконостасы, ни престолы [10, Л. 51; 13, с. 16]. Изучение же возможных вариантов привело Султанова к выводу, что алтари, будь они визуализированы, вышли бы либо слишком малы (около 3,5 м), либо чересчур велики, а иконостас утратил бы симметрию расположения относительно других частей интерьера, либо его заслонили бы опоры арочных перекрытий [10, Л. 51; 13, с. 16].

Выводы

Достоинства представленных на конкурс 1905-1906 гг. проектов, отмеченные в отзывах членов комиссии ИАХ, отступали на второй план рядом с выявленными у них недостатками.

Среди обнаруженных изъянов, во-первых, – ошибки узко архитектурного характера, обусловленные, по-видимому, отсутствием у авторов опыта проектирования крупных храмов.

Во-вторых, что намного важнее, подмечены стилистические особенности, не отвечавшие задаче увековечения величайшего национального святого и поборника Православия, чей образ должен был служить незыблемой константой, не подлежащей переосмыслению под влиянием ни инославной культуры, ни новых архитектурных течений конца XIX в. и начала XX в.

Таким образом, главная причина низкой оценки конкурсных предложений, сформулированная членом комиссии ИАХ В.В. Суловым, заключалась в том, что их стилистическая, идейно-образная сторона «очень мало отвѣчает тому важному значению постройки, какое намѣчено конкурсом» [8, Л. 43об; 13, с. 8]. Формулировка удачно выразила общее мнение русских академиков, перекочевав затем в итоговое заключение Императорской академии художеств, которая, как было в нём сказано, «считает долгомъ заявить», что в виду того важного значения храма, которое придаётся его постройке программой конкурса, ни один из проектов не рекомендуется реализации на практике [13, с. 22-23; 15, с. 76].

О том, что критика ИАХ была услышана, косвенно свидетельствуют результаты второго конкурса 1926 г., по итогам которого выработан проект ныне известного нам храма св. Саввы – вполне византийского по своим формам, просторного, наделённого ясной, связной и практически целесообразной организацией внутреннего пространства, обеспечивающей прекрасный обзор, чуждого влияния западной архитектуры и двусмысленной эклектики. Эти характеристики буквально противоположны типичным недостаткам, которые были выявлены в 1906 г. у первых проектов русскими академиками архитектуры, в чём усматривается их исторический вклад в будущее святосаввского храма.

Список источников

1. РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. «Дело Академии художеств о конкурсе на составление проекта храма Святого Саввы в Белгороде столице Сербии».
2. Конкурсъ // Српске Новине. № 106. 13 мая 1905 г.: пер. на рус. яз. Машинопись // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 27, 27 об.
3. Просветител. Докладъ. Машинопись: пер. на рус. яз. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 28, 28 об.
4. Алфа. Докладъ. Машинопись: пер. на рус. яз. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 29, 29 об.
5. Aia София – Грачаница. Докладъ. Машинопись: пер. на рус. яз. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 30, 30 об.

6. Докладъ [о проекте «Три круга»]. Машинопись: пер. на рус. яз. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 31.
7. Объясненіе наброска [проекта «Омега»]. Машинопись: пер. на рус. яз. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 32.
8. Суслов В.В. Отзывъ о проэктѣ подѣ девизомъ «Просвѣтитель». В Комиссію по разсмотрѣнію конкурсныхъ проэктмовъ храма Св. Саввы в Бѣлградѣ. 6 апреля 1906 г. Машинопись. Автограф. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 43, 43 об.
9. Преображенский М.Т. Проектъ подѣ девизомъ «Алфа». 8 апреля 1906 г. Рукопись. Автограф. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 45-47.
10. Султанов Н.В. Проектъ подѣ девизомъ «Аіа-Софія – Грачаница». Бланк «Предсѣдатель Техническо-Строительнаго комитета Министерства внутреннихъ дѣлъ». 19 апреля 1906 г. Без номера. Машинопись. Автограф. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 48-52.
11. Котов Г.И. [Без названия; отзыв на проект «Три круга»] 6 апреля 1906 г. Рукопись. Автограф. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 53-54.
12. Преображенский М.Т. Проектъ подѣ девизомъ «Омега». 9 апреля 1906 г. Рукопись. Автограф. // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 55-57 об.
13. О разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсѣ проектовъ храма Св. Саввы в Бѣлградѣ (п. 3) // Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ на 24 апрѣля 1906 года. Типографское издание. С. 5 – 23 // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 59.
14. Квитанция № 3968/6545 пересылки ИАХ в Императорскую Российскую Миссию в Белграде. «Одинъ ящикъ архит. чертежей». Санкт-Петербург. 29 апреля 1906 г. АО «Гергардъ и Гей». // РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 156. Л. 63.
15. Журналь 103-го собранія Императорской Академіи Художествъ, 24 апрѣля 1906 года // Журналы Императорской Академіи Художествъ въ 1906 году. СПб: Тип. Спб. Градоначальства, 1907. С. 74 – 76.
16. Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи художествъ въ 1906 году. СПб: Типографія Спб. Градоначальства, 1908. 65 с.
17. Хошев А.Ю. Императорская академия художеств и первый конкурс на лучшее архитектурное решение храма св. Саввы в Белграде: 1904-1906 гг. // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 224 – 234.
18. Хошев А.Ю. Строительство храма св. Саввы в Белграде: опыт взаимодействия Церкви и общества в рамках одного проекта общенационального значения // Власть. 2024. Т. 32. № 2. С. 203 – 211.
19. Хошев А.Ю. Об исторической роли русской творческой мысли в оформлении концепции храма св. Саввы в Белграде и его внутреннего мозаичного благоуукрашения // Исторический бюллетень. 2026. № 5.
20. Храм Святого Саввы / сост.: В. Роганович, М. Стефанович-Банович; пер. М. Тодич, Д. Плодник. Белград: Изд. Храма Святого Саввы, 2021. 235 с.
21. Кадичевић А. Један век тражења националног стила у српској архитектури. Београд: Грађевинска књига, 2007. 387 с.
22. Несторовић Б. Архитектура Србије у XIX веку. Београд: Art press. 2006. 558 с.

References

1. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. "File of the Academy of Arts on the competition for the design of the Church of St. Sava in Belgorod, the capital of Serbia."
2. Competition. Srpske Novine. No. 106. May 13, 1905: translation into Russian. Typescript. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 27, 27 rev.
3. Educational Report. Typescript: translation into Russian. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 28, 28 rev.
4. Alphabet. Report. Typescript. Trans. in Russian language. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904 D. 156. L. 29, 29 vol.
5. Aia Sofia – Gracanica. Report. Typescript: trans. in Russian language. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904 D. 156. L. 30, 30 vol.
6. Report [on the "Three Circles" project]. Typescript. Per. in Russian language. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904 D. 156. L. 31.
7. Explanation of the [Omega Project] sketch. Typescript. Per. in Russian language. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 32.
8. Suslov V.V. Review of the project under the motto "Educator". To the Commission for Review of Competition Projects for the Church of St. Sava in Belgrade. April 6, 1906. Typescript. Autograph. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 43, 43 rev.

9. Preobrazhensky M.T. Project under the motto "Alpha". April 8, 1906. Manuscript. Autograph. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 45-47.
10. Sultanov N.V. Project under the motto "Aia-Sofia – Gracanica". Form of the "Chairman of the Technical Construction Committee of the Ministry of Internal Affairs". April 19, 1906. Unnumbered. Typescript. Autograph. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 48-52.
11. G.I. Kotov [Untitled; review of the project "Three Circles"] April 6, 1906. Manuscript. Autograph. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 53-54.
12. M.T. Preobrazhensky Project under the motto "Omega". April 9, 1906. Manuscript. Autograph. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. P. 55-57 rev.
13. On the examination of the designs for the Church of St. Sava in Belgrade submitted to the competition (item 3). List of cases scheduled for hearing at the meeting of the IMPERIAL Academy of Arts on April 24, 1906. Printed edition. P. 5 – 23. RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 59.
14. Receipt No. 3968/6545 for shipment from the Imperial Academy of Arts to the Imperial Russian Mission in Belgrade. "One box of architectural drawings." St. Petersburg. April 29, 1906. JSC "Gerhard and Gay". RGIA. F. 789. Op. 13. 1904. D. 156. L. 63.
15. Journal of the 103rd meeting of the Imperial Academy of Arts, April 24, 1906. Journals of the Imperial Academy of Arts in 1906. St. Petersburg: Type. St. Petersburg City Administration, 1907. P. 74 – 76.
16. Report on the Activities of the Imperial Academy of Arts in 1906. St. Petersburg: Printing House of St. Petersburg. City Administration, 1908. 65 p.
17. Khoshev A.Yu. The Imperial Academy of Arts and the First Competition for the Best Architectural Design of the Church of St. Sava in Belgrade: 1904-1906. Vlast. 2024. Vol. 32. No. 4. P. 224 – 234.
18. Khoshev A.Yu. Construction of the Church of St. Sava in Belgrade: An Experience of Interaction between the Church and Society within the Framework of a Single Project of National Significance. Vlast. 2024. Vol. 32. No. 2. P. 203 – 211.
19. Khoshev A.Yu. On the Historical Role of Russian Creative Thought in the Formulation of the Concept of the Church of St. Sava in Belgrade and its internal mosaic decoration. Historical Bulletin. 2026. No. 5.
20. Church of St. Sava. comp.: V. Roganovich, M. Stefanovich-Banovich; lane M. Todic, D. Plodnik. Belgrade: Ed. Church of St. Sava, 2021. 235 p.
21. Kadijević A. The edan century of the traditional national style in Srp architecture. Beograd: Grajevska kigga, 2007. 387 p.
22. Nestorovic B. Architecture of Srbije in the 19th century. Beograd: Art press. 2006. 558 p.

Информация об авторе

Хошев А.Ю., кандидат технических наук, доцент, Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноап. Кирилла и Мефодия, ocad.khoshev@patriarchia.ru

© Хошев А.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(47.084)

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-81-88

Советское искусство первой половины 1920-х гг.: рождение политического мифа

¹ Шалаева Н.В.,

¹ Саратовский государственный университет генетики,
биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова

Аннотация: в статье на основе методологического синтеза новой интеллектуальной истории, имагологического анализа и концепции идеологической функции искусства рассматривается процесс формирования политического мифа в советском изобразительном искусстве первой половины 1920-х гг. Автор ставит целью реконструировать механизмы конструирования новой политической реальности и советской идентичности посредством визуальных репрезентаций – прежде всего политического плаката, а также монументальной скульптуры и станковой живописи. Исследование опирается на широкий круг источников: архивные документы, журналы 1920-х гг., произведения искусства, плакаты, поэзию и публицистику.

В работе показано, что молодая советская власть не имела собственной длительной истории. Молодая власть нуждалась в поддержке широких масс и с этой целью активно использовала культурные инструменты для собственной легитимации. Автор анализирует базовые мифологемы, закреплённые в визуальных кодах: мессианская роль пролетариата, бинарная оппозиция «свой-чужой», обращение к религиозным и фольклорным архетипам (иконописные образы, былинный богатырь), персонификация власти в образе В.И. Ленина и миф о «светлом будущем» как трансформированном «золотом веке». Отдельное внимание уделено «Окнам РОСТА» как механизму агитации, оперативно реагирующему на текущие события в моменте, цветовой символике и приёмам народной сатиры. Делается вывод, что советское искусство 1920-х гг. выступило не только средством пропаганды, но и активным агентом мифотворчества, формирующим новую социальную реальность и коллективную идентичность через доступные массовому сознанию образы и символы.

Ключевые слова: советская власть, большевики, советское искусство, плакат, Гражданская война, политический миф, политическая мифология

Для цитирования: Шалаева Н.В. Советское искусство первой половины 1920-х гг.: рождение политического мифа // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 81 – 88. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-81-88

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Soviet art of the first half of the 1920s: the birth of a political myth

¹ Shalaeva N.V.,

¹ Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov

Abstract: based on the methodological synthesis of new intellectual history, imagological analysis, and the concept of the ideological function of art, the article examines the process of political myth formation in Soviet visual art in the first half of the 1920s. The author aims to reconstruct the mechanisms of constructing a new politi-

cal reality and Soviet identity through visual representations – primarily a political poster, as well as monumental sculpture and easel painting. The research is based on a wide range of sources: archival documents, magazines from the 1920s, works of art, posters, poetry and journalism.

The paper shows that the young Soviet government did not have its own long history. The young government needed the support of the broad masses and, to this end, actively used cultural tools for its own legitimization. The author analyzes the basic mythologems fixed in visual codes: the messianic role of the proletariat, the binary opposition of «friend and foe», the appeal to religious and folklore archetypes (iconographic images, epic hero), the personification of power in the image of V.I. Lenin and the myth of the «bright future» as a transformed «golden age». Special attention is paid to the «Windows of Growth» as an agitation mechanism that quickly responds to current events in the moment, color symbols and techniques of folk satire. It is concluded that Soviet art of the 1920s acted not only as a means of propaganda, but also as an active agent of myth-making, forming a new social reality and collective identity through images and symbols accessible to the mass consciousness.

Keywords: Soviet government, Bolsheviks, Soviet art, poster, Civil War, political myth, political mythology

For citation: Shalaeva N.V. Soviet art of the first half of the 1920s: the birth of a political myth. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 81 – 88. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-81-88

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

1920-е гг. в развитие культуры характеризовались новаторством и стремлением к экспериментам с цветом и формой. В это время шел процесс формирования новой культурной парадигмы, вызванной революционными процессами 1917 г. «Слушать музыку революции», по выражению А. Блока, – тенденция художественного творчества, обозначенная «Театральным Октябрем» В.Э. Мейерхольда и подхваченная многими художниками и творческими объединениями 1920-х гг. Революционные процессы в культуре активно использовались советской властью для формирования позитивного образа нового государства в общественном сознании. В результате в советской культуре 1920-х гг. были заложены основы советского политического мифа.

Все вышесказанное в последние десятилетия привлекало активное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей в рамках новой интеллектуальной истории и визуальных исследований в области истории, философии, культурологии, искусствоведения. Для отечественной историографии все еще сохраняется классический подход к изучению культуры 1920-х гг. с позиции институциональных практик, требующих изучения документов партийного и ведомственного характера. В тоже время лингвистический поворот 1990-х гг. и утверждение парадигмы интеллектуальной истории сегодня все большее внимание уделяется анализу дискурсивных практик, символических кодов и механизмов репрезентации и конструирования социальной реальности, с помощью которых создавала основы собственной легитимации и формировала новые модели социального поведения.

Материалы и методы исследований

Материалами для исследования, наравне с традиционными историческими источниками (документы государственного характера, источники личного происхождения), послужили визуальные (архитектура, живопись и плакаты 1920-х гг.) и литературные (художественные произведения и поэзия 1920-х гг.) источники, что характерно для интеллектуальной истории.

В основе методологии исследования лежат ряд тенденций, оказавшие влияние на формирование научной парадигмы современной исторической науки.

Во-первых, влияние школы Анналов (М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф) и интеллектуальной истории (М. Фуко). В исторических исследованиях стал активно применяться междисциплинарный подход, все больший интерес вызывает изучение дискурсивных практик, разрабатывается понятийный аппарат.

Во-вторых, в 2000-х гг. большую роль в развитие отечественной исторической науки и методологии сыграли исследования американского историка С. Смита, который обозначил поворот в отечественной историографии [5 с. 261-282]. Он очертил круг проблем – идентичности, власти, культурного развития, экономических вопросов, которые, по его мнению, станут не только наиболее дискутируемыми. С. Смит, по мнению В.М. Шевырина определила векторы исторических исследований и дискуссий в отечественной ис-

ториографии, получившие название «лингвистический поворот», вызванный активным обращением к «новой истории» и истории ментальности [14, с. 56].

Еще одна работа рубежа XX-XIX вв., которая вызывает методологический интерес и способствует выявлению механизмов визуального конструирования власти – исследование В. Бонелл «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin», опубликованное в 1997 г. Она одна из европейских авторов, применив метод социологического анализа и имагологического подхода, исследовала функции и образы политического плаката в контексте бинарной позиции «свой-чужой» [2]. В центре её профессионального интереса – иконография рабочего, советской женщины и советского вождя, т. е. ключевые образы, составляющие ядро имагосферы политического плаката [4].

Автор данной статьи рассматривает политический плакат как один из механизмов формирования образов власти посредством обращения к культурным архетипам – друг, защитник, мать, отец. Использование приемов иконографии в политическом плакате – понятный и привычный для понимания простого человека язык [12].

В-третьих, методологический подход Б. Гройса. В работе «Art Power», вышедшей в 2008 г., он рассматривал искусство в контексте идеологической функции, что соответствовало тем задачам, которые ставили перед представителями культуры большевики после прихода к власти в октябре 1917 г. Б. Гройс рассматривает тоталитарное как искусство товар и как средство политической пропаганды. Двойственность искусства, по его мнению, одновременно отражает идеологию и является полем ее формирования и воспроизводства [3].

В своих предыдущих исследованиях автор настоящей статьи анализировал культуру не столько как инструмент пропаганды, хотя отрицать эту функцию не имеет смысла, сколько как механизм репрезентации и легитимации власти, как механизм формирования новых социальных практик [13]. Б. Гройс же рассматривает только искусство, тогда как имеет смысл говорить о более широкой составляющей – культуре в целом, где искусство является только одним из инструментариев.

Следовательно, методологической основой статьи является синтез теоретической установки новой интеллектуальной истории, сосредоточенной на изучении дискурсивных практик и механизмов конструирования смыслов, имагологический анализ визуальных репрезентаций и концепцию идеологической функции искусства. Методологический синтез визуальные и литературные источники позволяют реконструировать механизмы формирования новой политической реальности и советской идентичности посредством политической мифологии, что и является целью данной статьи.

Результаты и обсуждения

Становление советской культурной традиции в 1920-е гг. было связано со сложными, внутренними противоречивыми процессами, направленными на конструирование репрезентации новой власти, призванной обеспечить ее легитимацию. Решение этой задачи было реализовано в нескольких направлениях.

Во-первых, культурные практики большевиков (праздники) отражали новый сценарий власти, в котором реализовывался властный дискурс, шел процесс создания

сакрализованных смыслов, где марксистская идеология постепенно обретала черты светской религии. В этой парадигме пролетариат рассматривался как коллективный носитель мессианской миссии социалистической эпохи. Сама категория «пролетариат» приобретала символическую избыточность: она одновременно отождествлялась с «народом» (что фиксировало её социально-политическое лидерство по отношению к крестьянству и интеллигенции) и наделялась качествами, обеспечивающими поступательное движение к «высшему типу жизни» – коммунистическому «царству свободы». Марксизм, таким образом, представал как предельная форма антропологического сознания, в которой преобразующая деятельность пролетариата обретала онтологический статус.

Во-вторых, шел процесс формирования новой ментальности, где конституирующими элементами были процессы идентификации и рефлексии политической конструкции «советская власть» и «советский народ». Однако реализация этой задачи наталкивалась на существенное противоречие: экстремальная временная сжатость исторического процесса, отсутствие глубинной исторической преемственности и неопределённость культурного архетипа вынуждали власть искать опору в событийном ряду революции и Гражданской войны, которые становились точкой отсчёта новой исторической темпоральности. В этих условиях советская культура оказалась перед необходимостью одновременного формирования нескольких идентичных пластов культурного сознания. С одной стороны, складывалась «эталонная» (официальная) культура, закреплённая в национальных образцах; с другой – происходило размывание этнонациональных особенностей и конструирование надэтнического социокультурного образования, в котором советская идентичность

представала как универсальный интегратор. Именно эта двойственность порождала активное мифотворчество: власть, обращаясь к культуре и наделяя её инструментальными задачами, неизбежно инициировала в массовом сознании политические и социальные мифы, выполнявшие функции историко-культурного и политического целеполагания.

В-третьих, в культуре шел процесс конструирования образов власти в обобщённо-символической (образ красноармейца-защитника или достижений власти) и персонифицированных формах (образы вождей, в том числе В.И. Ленина). Важнейшим элементом конструирования стало противопоставление советской власти имперскому прошлому. Эта дихотомия реализовывалась через систему знаков и символов, создание героического нарратива о революционном прошлом. Репрезентативная стратегия, воплощенная в визуальных (плакат, живопись, архитектура) и вербальных кодах, была направлена на формирование, с одной стороны, линейного понимания исторического процесса, в основе которого лежит борьба угнетенных за свое освобождение и права. С другой – культура формировала нелинейное время, в основе которого эмоциональное восприятие исторического процесса, способствовавшее укоренению в массовом сознании новых идейных установок.

Отсутствие у молодой советской власти собственной исторической глубины, обусловленное спресованностью и высокой интенсивностью протекавших процессов, делало обращение к политико-историческому мифотворчеству не просто желательным, но неизбежным. Однако для понимания конкретных механизмов этого процесса и форм его культурной объективации необходимо обратиться к феномену политического мифа как такового.

Политический миф выступает как особая форма коллективного опыта, аккумулирующая социальную память и транслирующая императивы духовно-нравственного регулирования социокультурных процессов. Обращаясь к логике политического мифа, власть стремилась восстановить разорванную революцией историческую связь времён посредством логики генезиса и эволюции революционной борьбы. Истоки революции при выстраивании линейного времени и включение их в мировоззренческую систему сознательно удрежнялись, трансформируясь при помощи культурных методов воздействия в политическую реальность.

Политический миф несёт в себе поисковую интенцию, функционирующую в условиях дефицита как исторических, так и актуальных данных. Его культурная значимость состоит в способности актуализировать те глубинные архетипы, которые задают нормативную мотивацию социального действия. Через архетип осуществляется соединение желаемого и действительного – сначала на уровне лозунгов, а затем в политической практике. Одновременно политико-культурный миф становится инструментом формирования коллективного сознания и советской идентичности. Перед властью стояла задача выработки макросоциальной идентичности, которая задавала бы поведенческие стереотипы, ценностные ориентации и институциональные нормы, выступая регулятором социального поведения и маркером культурно-ценностной принадлежности. При этом советский политический миф не ограничивался социально-интегративной функцией – он определял место и роль пролетариата как исторически избранного субъекта, вытесняя тем самым религиозный образ народа-мессии и замещая его социально-политическим содержанием.

Формирование советской идентичности, опиравшееся на надэтнические символы и актуализированное Гражданской войной, создавало иллюзию сопричастности к революционным процессам и преобразования, включая человека в них как активного субъекта. В новых культурных ценностях, конструировавших макросоциальную идентичность и гомогенное общество, простой рабочий или крестьянин должен был увидеть совершенство коллектива и репрезентуемое будущее, собственную включённость в общие социокультурные процессы. Обращение в культуре к архетипам должно было способствовать рождению новых коллективных образов. Учитывая то, что большая часть общества, к которой были обращены эти образы, была неграмотной, власть стремилась использовать знакомый для них язык и символы религии, что способствовало формированию новых социальных связей, инициировать ощущение движения к идеалу в реальных условиях, порождая собственное мифотворчество.

Этот процесс разворачивался в трёх направлениях: станковая живопись, монументальная скульптура и политический плакат. Живопись, ориентированная на традицию критического реализма, которую лидеры большевизма рассматривали как основной художественный метод культуры, утвердилась только после 1925 г., а в начале 1930-х гг. трансформировалась в метод социалистического реализма. В первые годы советской власти в творческой среде доминировал поиск новых форм выражения и художественных методов, вызванных революцией.

Власть, однако, была заинтересована в искусстве максимально доступном, понятном любому члену общества. Это определило появление декрета СНК «О памятниках республики» (1918), положившего начало

плану монументальной пропаганды, основанному на идеях Т. Кампанеллы «Город солнца» и инициированном В.И. Лениным [13]. Памятники и памятные доски, барельефы на стенах зданий должны были стать страницами открытой книги, которая знакомит своих читателей-прохожих с историей революционной классовой борьбы.

Новые монументы, обелиски и барельефы, как театр и литература несли пропагандистский заряд, но при этом должны были быть «доступны для масс, бросаться в глаза». Показательно, что в декрете в один ряд с революционерами были поставлены фигуры, никогда не призывавшие к революции в большевистском понимании: Спартак и Грахх Бебеф, Робеспьер и Степан Разин, Сен-Симон и Пушкин. Это кажущееся эклектичным сочетание имело глубокий мифотворческий смысл – все эти персонажи были интерпретированы как предтечи борьбы обездоленных за свои права. Семантическое соединение прошлого и настоящего создавало условия для мифотворчества, в котором разрозненные исторические фигуры включались в единую телеологию классовой борьбы.

Создание образа власти-мифа в Советской России 1920-х гг. протекало как напряжённый и противоречивый процесс, отмеченный столкновением различных культурных традиций и концепций. Миф о пролетарской культуре, порождённый революцией и воплощённый в деятельности Пролеткульта и Лефа, вполне корреспондировал с ленинской концепцией двух культур. Однако дискуссии о Пролеткульте, развернувшиеся на разных уровнях, по сути сводились к вопросу о культурно-политической иерархии. Пролеткульт, благодаря своим лидерам, претендовал не просто на лидерство в творческой среде, но на статус носителя культурного абсолюта, что неизбежно вело к конфликту с партией, уже первыми декретами определившей институциональные рамки взаимодействия культуры и власти. Деятельность Пролеткульта вступала в противоречие с ленинским принципом партийности литературы, что делало культуру одновременно и подчинённой партии, и её составной частью.

Массовое сознание [1] требовало визуального упрощения, вплоть до символизации сложных умозаключений. Эта необходимость коренилась в низком уровне грамотности не только крестьянства, но и пролетариата, для которого многие канонизированные имена оставались пустыми звуками. Поэтому в культуре на интуитивном уровне разворачивался процесс создания и использования символов-знаков, символов-идей, символов-талисманов, наиболее ёмко аккумулированные в политическом плакате [7, 271].

Политический плакат выступал как один из ключевых механизмов формирования культурно-политического мифа. Он должен был выполнять функцию и агитации и «живой газеты» одновременно, которые знакомят прохожих с событиями на фронтах гражданской войны, действиями советской власти. Постановка памятников по плану монументальной пропаганды требовала финансовых, материальных, людских ресурсов, которые были сильно ограничены у советской власти, плакат, благодаря Окнам РОСТА, стал более доступным средством донесения идей власти. В тоже время плакат, по мнению В. Полонского [8, с. 3], воспринимался как простой способ внедрения революционного искусства в массы.

Художники-плакатысты первых лет советской власти активно использовали понятные для рабочих и крестьян художественные приемы и методы (цветовая гамма, трехчастное построение плаката), обращаясь с их помощью к архаичным образам – Богородицы («Петроградская мадонна» К. Петрова-Водкина) архангела Михаила или Георгия Победоносца (Красноармеец) и т.д. Художники сознательно заимствовали из иконописной традиции приемы выразительности, понятные малограмотной аудитории. Икона для религиозного человека всегда была иллюстрацией священной истории, поэтому обращение к иконописным культурным кодам и символике стало формой создания собственной истории в доступных образах.

Еще одним типичным для того времени обращением стал образ былинного богатыря (архетип друга и заступника), трансформированного в образе красноармейца – защитника революции и угнетенных масс. Квинтэссенцией этого образа стал плакат А. Моора 1920 г. «Ты записался добровольцем?» [10, с. 72]. Семантике плаката в истории культуры и искусствоведении уделялось много внимания. В то же время хочется добавить, что мифологеме плаката заключается в соединении революционной романтики, народности и идеи-символа – защита от врага.

Для российского общества первой четверти XX в. Первая мировая война, революционные процессы 1917 г., а также Гражданская война стали своего рода апокалипсисом. В художественной культуре, особенно в плакатном искусстве эти процессы нашли отражение в теме борьбы старого и нового (К. Юон «Новая планета», 1920 г.), в которой рождался новый мир. Борьба старого и нового содержала в себе еще один архетип, связанный с темой добра и зла, где роли героев распределялись в соответствии с классовым принципом. Антитеза добра и зла в ранних советских плакатах нашла отражение в цветовом решении, где красный цвет (в сакральном искусстве цвет жизни и победы) – символ пролитой крови за новую жизнь, черный –

символ зла. Особенно ярко эта антитеза просматривается в плакатах «Окон РОСТА», в частности в работах В. Маяковского, М. Черемных, И. Малютина и других плакатистов этого времени [9, д. 29, 49, 76-Р, 79].

Плакат первой половины 1920-х гг. так же решал и компенсаторную задачу, рассказывая о крушении старого мифа о сакральном единстве царя и народа, что составляло суть теории официальной народности графа С. Уварова. Деструкция образа царя вела к кризису традиционной картины мира. Плакат издательства ВЦИК «Царь, поп и кулак» (1918 г.) объединил в образе врага тех, кто ещё недавно составлял это единство, был стержнем в триаде С. Уварова, переформатируя его в негативном ключе. Используя приёмы народной сатиры, плакатисты охотно обращались к изобразительной метафоре. Так, в раннем плакате «Капитал» (1919) В. Дени выводит образ паука-капиталиста и кулака. Этот образ-символ ярко и эмоционально отражал семантику паразитирования капиталиста на жизни рабочего.

С периодом завершения основных боевых действий в Гражданской войне в 1920 г. начинается процесс персонификации власти в политическом плакате, связанное с распространением образа В. Ленина, что совпадает с его 50-летием. Образ В. Ленина на плакатах, а в последствие и в живописи, соединил в себе основные архетипы – отца, заступника, друга. Постепенно в 1920-е гг. формировались основные иконографические образы В. Ленина – вождь и «человечный человек». В дальнейшем в детской литературе формируется еще и образ «добротного дедушки».

В 1926 г. в журнале «Искусство трудящихся» была опубликована статья «К проблеме ленинского портрета», в которой автор утверждал, что «тайна Ленинского облика» ещё не разгадана: «Проблема Ленинского портрета приобретает свою подлинную глубину лишь в таком подходе к изобразительному заданию, который связывается с установкой на раскрытие в чувственном образе исторически отлагающихся черт массового представления о личности, претворяемой в красочно-ослепительную легенду» [11, с. 3.]. Таким образом, власть практически открыто заявляла о необходимости создания образа-легенды, который максимально отражал бы «привычное представление о Ленине масс».

Еще одной мифологемой в ранней советской культуре стал миф о светлом будущем – золотом веке. Этот миф потребовался для утверждения истоков советской истории через отрицание мира зла и хаоса (имперский период) к миру добра и светлого будущего – коммунизму. Это была своеобразная трансформация мифа о «золотом веке». Но, если в античной или средневековой миф рассказывал об утраченном (например, сад Эдем), то в прочтение искусства 1920-х гг. – это мир, который надо завоевать и построить, а своеобразной точкой отсчета нового мир стал 1917 г., благодаря которому земное время погружалось в сакральное время вечности – «шагов истории самой».

Миф о «золотом веке» породил в 1920-е гг. множество проектов светлого будущего в творчестве художников начала века: В. Хлебникова, К. Малевича, В. Кандинского. Но здесь образ будущего не был столь ясен и понятен, как в иконографии Гражданской войны. Совершенно иначе воспринимались работы, написанные в реалистической манере, восходящей к передвижникам. В картине А. Рылова «В голубом небе» (1918 г.) светлое будущее ассоциируется с лермонтовским «Парусом», но в отличие от лермонтовского образа – это не символ одиночества, а символ свободы, уносящей людей к прекрасным далям. Специфика развития советской архитектуры этих лет определялась социально экономическими причинами: – отменой частной собственности на землю, экспроприацией дворцов, парков, садов царской фамилии и знати, – и формированием новых целей архитектуры: создание достойной пространственной среды для нового общества. Потребность в формировании нового пространственного образа также исходила из задач мифологизации власти и создания мифа о «сотворении мира». В культуре соединялись миф о «светлом будущем» как «золотом веке» и «сотворении мира», трансформированных в искусстве будущего. Так, образ международной пролетарской организации III Интернационала как единения пролетариев всего мира нашёл воплощение в сложной металлической конструкции, напоминающей винтовую лестницу, символизировавшую восхождение к светлостому будущему и одновременно служившую местом единения мирового пролетариата. Поиск доступности в понимании идеи-мифа требовал простоты и отточенности художественных средств, которым наиболее полно отвечал принцип реалистического искусства, обоснованный передвижниками. Если в начале 1920-х гг. культурное многообразие было характерно для русской художественной жизни, то к концу 1920 х гг. принцип критического реализма был возведён в ранг единственно возможного способа передачи действительности.

Выводы

Советское государство, стремящееся к устойчивости и преодолению кризиса, вызванного революционными процессами и Гражданской войной, как актер активно обращалось к искусству как механизму политического мифотворчества. В условиях отсутствия у новой власти исторической глубины и легитимной

традиции именно визуальные репрезентации – плакат, монументальная пропаганда, живопись становились основным каналом дискурса и конструирования сакрализованных смыслов. Искусство выполняло не только агитационно-пропагандистскую функцию, но и онтологическую: оно создавало новую политическую реальность, в которой марксистская идеология обретала черты светской религии, а пролетариат статус мессианского субъекта.

Таким образом, советское искусство первой половины 1920-х гг. выступило не просто зеркалом революционных преобразований, но активным творцом новой политической реальности, в которой мифологизированные образы, архетипические символы и доступные художественные средства обеспечивали массовое признание власти и формирование советской идентичности. Предложенный методологический синтез доказал свою исследовательскую продуктивность для реконструкции механизмов культурного конструирования власти в период становления советской власти.

Список источников

1. Аблеев С.Р., Марченя П.П. и др. Массовое сознание в системе взаимодействия власти и общества: материалы всероссийского круглого стола // *Философские исследования и современность*. 2017. Вып. 8. С. 352 – 378.
2. Bonnell V.E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997. 363 p.
3. Groys B. *Art Power*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2008. 192 p.
4. Emelianova O.V. The Imagosphere of the Soviet Poster (Based on Victoria Bonnell's «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin») // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Translation*. 2021. P. 502 – 514.
5. Smith S. Writing the history of the Russian revolution after the fall of communism // *The Russian revolution: The Essential readings*. L.; Toronto, 2001. P. 259 – 282.
6. Plamper J. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2012. 52 p.
7. Плаггенборг, Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журн. «Нева», 2000. 416 с
8. Полонский В. Русский революционный плакат. М.: Государственное издательство, 1925. 192 с.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 336. Оп. 1. Д. 29, 49, 76-Р, 79
10. Советское искусство 1920-1930-х гг. М.: Советский художник, 1977. 343 с.
11. Хвойник И. К проблеме ленинского портрета // *Искусство трудящимся*. 1926. № 3. С. 3.
12. Шалаева Н.В. «Свой-чужой»: образ врага в политическом плакате 1918 – начала 1920-х гг. // *Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания: Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2016. С. 62 – 67.
13. Шалаева Н.В., Марченя П.П., Маслов Д.В., Романченко В.Я., Анфертьев И.А и др. Образ советской власти: конструируя новую социальную реальность // *Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР*. Саратов: ООО «ЦеСАин», 2023. С. 231 – 253.
14. Шевырин В.М. Революции 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // *Россия и современный мир*. № 1. 2007. С. 53 – 77.

References

1. Ableev S.R., Marchenya P.P. et al. Mass Consciousness in the System of Interaction between Power and Society: Proceedings of the All-Russian Round Table. *Philosophical Studies and Modernity*. 2017. Issue 8. P. 352 – 378.
2. Bonnell V.E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997. 363 p.
3. Groys B. *Art Power*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2008. 192 p.
4. Emelianova O.V. The Imagosphere of the Soviet Poster (Based on Victoria Bonnell's "Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin"). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Translation*. 2021. P. 502 – 514.
5. Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism. *The Russian Revolution: The Essential Readings*. London; Toronto, 2001. P. 259 – 282.

6. Plamper J. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2012. 52 p.
7. Plaggenborg S. *Revolution and Culture: Cultural Landmarks in the Period Between the October Revolution and the Era of Stalinism*. St. Petersburg: Neva Magazine, 2000. 416 p.
8. Polonsky V. *Russian Revolutionary Poster*. Moscow: State Publishing House, 1925. 192 p.
9. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 336. Op. 1. D. 29, 49, 76-R, 79
10. *Soviet Art of the 1920s-1930s*. Moscow: Sovetsky Khudozhnik, 1977. 343 p.
11. Khvoynik, I. On the Problem of Lenin's Portrait. *Art for the Workers*. 1926. No. 3. P. 3.
12. Shalaeva N.V. "Friend or Foe": The Image of the Enemy in Political Posters of 1918 – Early 1920s. *Actual Problems of Contemporary Social and Humanitarian Knowledge: Interuniversity Collection of Scientific Papers*. Saratov: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2016. P. 62 – 67.
13. Shalaeva N.V., Marchenya P.P., Maslov D.V., Romanchenko V.Ya., Anfertyev I.A., et al. *The Image of Soviet Power: Constructing a New Social Reality. Turning the Pages of History... On the 100th Anniversary of the USSR*. Saratov: OOO TseSAin, 2023. P. 231 – 253.
14. Shevyrin V.M. *The Revolutions of 1917: Rethinking in Foreign Historiography. Russia and the Modern World*. No. 1. 2007. P. 53 – 77.

Информация об авторе

Шалаева Н.В., доктор исторических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8536-4564>, Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова, г. Саратов, пр-кт им. Петра Столыпина зд. 4, стр. 3.

© Шалаева Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 327.2

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-89-95

Перспективы развития производственных центров КНР (Шэньчжэнь, Чунцин, Гуанчжоу) в условиях международной напряженности в XXI веке

¹ Шарапова А.Р.,

¹ Галиуллин М.З.,

¹ Кадыров Р.Р.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: введение: в статье исследуются перспективы развития ключевых производственных центров Китая, а именно Шэньчжэня, Чунцина и Гуанчжоу в условиях усиления международной напряженности и технологических санкций в XXI веке. Основное внимание уделяется влиянию ограничений, введенных США с 2018 года на поставки передовых чипов и полупроводникового оборудования, дефицит которых напрямую угрожает технологической и промышленной модернизации этих регионов.

В исследовании анализируются стратегии КНР, включающие ускоренное развитие национальной полупроводниковой индустрии, перенос производства и открытие новых предприятий на территории других стран, переориентацию на выпуск продукции, менее зависимой от передовых технологий, а также укрепление международного сотрудничества в сфере производства.

Цель исследования – на основе анализа действующих стратегий выявить ключевые направления деятельности промышленных предприятий КНР. Результаты исследования подтверждают, что политическая напряженность в мире, связанная с наложением ограничений на промышленный сектор, показала обратный результат: на сегодняшний день отмечается рост объемов промышленного производства и прибыли предприятий КНР.

Материалы и методы исследования: в ходе исследования были применены следующие методы: анализ и синтез, с помощью которых было выявлено как предприятия КНР смогли адаптироваться к новым условиям путем трансформации производственных мощностей, а также сравнительный, позволяющий провести оценку состояния промышленного сектора на основе открытых статистических данных и опубликованных отчетов.

Результаты исследования: Введенные США ограничения на поставку полупроводников и литографов ASML, позволяющих создать чипы нового поколения, не привели к остановке производственных центров КНР. Напротив, санкции послужили импульсом для ускоренного развития собственной полупроводниковой индустрии, так, например, в 2024 г. китайские компании Huawei и SMIC совместно запатентовали технологию производства полупроводников, для которых ранее требовалось оборудование ASML. Отмечается рост конкурентоспособности компании SMIC, ставшей ключевым поставщиком для китайского автопрома: доля выручки от китайских заказчиков увеличилась до 89%.

Выводы: Адаптируясь к условиям внешних ограничений, китайские производственные центры смогли сохранить свой промышленный потенциал. В долгосрочной перспективе переориентация на внутренний рынок и диверсификация промышленности могут послужить формированию технологического суверенитета КНР.

Ключевые слова: производственные центры КНР, Шэньчжэнь, Чунцин, Гуанчжоу, промышленность, промышленная модернизация, полупроводники, санкции

Для цитирования: Шарапова А.Р., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р. Перспективы развития производственных центров КНР (Шэньчжэнь, Чунцин, Гуанчжоу) в условиях международной напряженности в XXI веке // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 89 – 95. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-89-95

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; *Одобрена после рецензирования:* 7 августа, 2026 г.; *Принята к публикации:* 26 сентября 2026 г.

Prospects for the development of manufacturing centres of the PRC (Shenzhen, Chongqing, Guangzhou) in the conditions of the international tensions in the 21st century

¹ Sharapova A.R.,

¹ Galiullin M.Z.,

¹ Kadyrov R.R.,

¹ Kazan (Volga region) Federal University

Abstract: introduction: the article explores the prospects for the development of China's key manufacturing centers, namely Shenzhen, Chongqing, and Guangzhou, in the context of increasing international tensions and technological sanctions in the 21st century. The focus is on the impact of the restrictions imposed by the United States since 2018 on the supply of advanced chips, and the importance of semiconductor equipment, which directly threaten the technological and industrial modernization of these regions.

The study analyzes China's strategies, which include the accelerated development of the national semiconductor industry, the relocation of production and the opening of new enterprises in other countries, a shift towards producing goods that are less dependent on advanced technologies, and the strengthening of international cooperation in the manufacturing sector.

The aim of the study is to identify the key areas of activity of China's industrial enterprises based on an analysis of existing strategies. The study's results confirm that the political tensions in the world, associated with the imposition of restrictions on the industrial sector, have had the opposite effect: today, there is an increase in the volume of industrial production and the profits of China's industrial enterprises.

Research materials and methods: the following methods were used in the course of the study: analysis and synthesis, which revealed how Chinese enterprises were able to adapt to new conditions by transforming production capacities, as well as comparative, which allows an assessment of the state of the industrial sector based on open statistical data and published reports.

Research results: The sanctions imposed by the United States on the supply of semiconductors and ASML lithographs, which make it possible to create new-generation chips, did not lead to the shutdown of China's manufacturing centers. On the contrary, the sanctions served as an impetus for the accelerated development of their own semiconductor industry, for example, in 2024, Chinese companies Huawei and SMIC jointly patented semiconductor manufacturing technology, which previously required ASML equipment. The competitiveness of SMIC, which has become a key supplier to the Chinese automotive industry, is growing: the share of revenue from Chinese customers has increased to 89%.

Discussions and conclusions: By adapting to external constraints, Chinese manufacturing centers have been able to maintain their industrial potential. In the long term, the reorientation to the domestic market and the diversification of industry can serve to form the technological sovereignty of the PRC.

Keywords: China's manufacturing centers, Shenzhen, Chongqing, Guangzhou, industry, industrial modernization, semiconductors, sanctions

For citation: Sharapova A.R., Galiullin M.Z., Kadyrov R.R. Prospects for the development of manufacturing centres of the PRC (Shenzhen, Chongqing, Guangzhou) in the conditions of the international tensions in the 21st century. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 89 – 95. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-89-95

The article was submitted: July 10, 2026; *Approved after reviewing:* August 7, 2026; *Accepted for publication:* September 26, 2026.

Введение

Активный экономический рост Китая начался в 1978 году с началом политики реформ и открытости, данный процесс был тесно связан с подъемом промышленного сектора страны. Соединенные Штаты, которые после распада СССР были могущественной державой с наиболее развитой экономикой, восприняли экономическое развитие КНР как угрозу глобальному доминированию на международной арене.

С приходом к власти 45-го президента США Вашингтон начал оказывать сильное давление на КНР, что вылилось в начало торговой войны в 2018 году. В ответ на усиление влияния Китая администрация Дональда Трампа с 2018 года реализовала ряд мер по сдерживанию развития экономического и технологического потенциала Пекина. Это нашло свое отражение в принятии протекционистских экономических мер, а именно в ограничении ввоза солнечных панелей, технологических компонентов, а также введении 25% пошлин на китайские товары уже с января 2018 года [1]. В ответ Пекин реализовал ответные импортные тарифы, а также ограничил ввоз редкоземельных металлов, которые требуются для разработки полупроводников и радаров.

Санкционная политика Соединенных Штатов продолжалась в период президентства Джо Байдена, администрация которого накладывала заградительные пошлины и ограничения на ввоз китайских электромобилей, стали и солнечных панелей. Подобная динамика двусторонних отношений сохраняется и на сегодняшний день с приходом к власти Дональда Трампа уже в качестве 47-го президента США и по-прежнему характеризуется введением различных импортных ограничений.

Под санкциями США оказались не только полупроводниковые системы и микросхемы, но и необходимые элементы для развития ИИ-технологий и телекоммуникаций. Под особым ударом оказалась отрасль автомобилестроения, для развития которого необходимы современные полупроводниковые системы и чипы, доступ к которым стал ограничен из-за последствий торговой войны.

С целью сохранения технологического прогресса и экономического влияния в мире Китай реализовывает новые меры по защите промышленной отрасли от внешнего санкционного воздействия. В рамках исследования на примере крупных производственных центров – Шэньчжэнь, Чунцин и Гуанчжоу – будут рассмотрены механизмы адаптации к условиям санкционного давления и новые пути сотрудничества предприятий КНР с отечественными и зарубежными корпорациями.

Материалы и методы исследований

В научно-исследовательской работе были использованы официальные годовые отчеты компаний SMIC, BYD и Huawei, которые позволили отследить динамику и провести анализ ключевых финансовых показателей до и после введения санкций. Новостные и отраслевые источники, в том числе иностранные, позволили получить актуальную информацию о состоянии полупроводниковой отрасли и реализованные меры по адаптации компаний к условиям санкционного давления. Примененный сравнительный метод исследования использовался для оценки различий отраслей производственных центров Шэньчжэня, Чунцина и Гуанчжоу.

Результаты и обсуждения

Ожидалось, что целенаправленное введение санкций на поставку передовых полупроводников и оборудования приведет к торможению технологической модернизации Китая. Так например, Шэньчжэнь является одним из крупнейших центров производства смартфонов, дронов, потребительской электроники, медицинского оборудования и оборудования, необходимого для развития мобильной связи 5G. Наиболее важными и необходимыми составляющими являются передовые полупроводники, которые отличаются от других тем, что сделаны по самой тонкой технологии. Как правило, такие чипы потребляют меньше энергии, они более компактные, что позволяет внедрить в устройство большее количество микросхем для повышения производительности того или иного электронного компонента. Говоря о микросхемах, техпроцесс определяется минимальной длиной затвора транзистора (переключателя) и измеряется в нанометрах (нм). Однако в случае с полупроводниками техпроцесс которых составляет 7 нм, 5 нм и 3 нм, речь идет о смене поколений микросхем, реальная же длина затвора транзистора будет составлять от 10 до 20 нм в зависимости от поколения [2].

Стоит отметить, что на сегодняшний день официальными лидерами по производству полупроводников нового поколения являются следующие компании: TSMC, техпроцесс которого составляет 3 нм и 2 нм; Samsung с текущим техпроцессом 3 нм и Intel – 3 нм [3]. Для производства полупроводников с техпроцессом 3 нм требуется специальное оборудование, а именно литографы ASML на основе работы EUV-систем (экстремальный ультрафиолет), которые производятся только в Нидерландах. В 2019 году против КНР был

введен пакет санкций, блокирующий поставки литографических машин, благодаря которым создаются полупроводники ниже 5 нм [4]. Тем самым, например, затрудняется производство телефонов флагманских моделей, что в дальнейшем ослабляет конкурентоспособность отечественных компаний, а также замедляется развитие в области ИИ-технологий, машиностроения и других сфер производства.

Производством полупроводников в Китае занимается корпорация SMIC, которая базируется в Шанхае [5]. Запрет на продажу необходимых технологий, наложенный в 2020 году США, замедлил производство полупроводникового оборудования, в связи с чем правительству КНР и промышленному сектору было необходимо пересмотреть стратегии развития производств [6].

Изначально корпорация SMIC производила полупроводники техпроцесс которых составлял 14 нм. Несмотря на то, что данная компания ведет международную деятельность, наибольший процент выручки приходится на китайских заказчиков (около 89%), что говорит о том, что компания в основном работает на отечественное производство [7]. После запрета на ввоз EUV-систем, корпорации стали разрабатывать прототипные модели и совершенствовать уже имеющиеся литографы с DUV-системой (глубокий ультрафиолет). Данная система уступает EUV по качеству и требует больших затрат на дополнительные компоненты, необходимые для производства микрочипов 5 нм [6]. Информационное издание «Коммерсантъ» со ссылкой на другие источники, сообщает: «В лаборатории в Шэньчжэне создан работающий прототип фотолитографической машины с экстремальным ультрафиолетовым излучением (EUV)» [8].

В 2024 году компания Huawei, штаб-квартира которой находится в Шэньчжэне, совместно с корпорацией SMIC запатентовали технологию производства полупроводников, техпроцесс которых составляет 3 нм [9]. Также отмечается рост финансовых показателей даже в условиях торговых войн с США. Согласно годовому отчету компании Huawei за 2025 год, доход составил 880,941 млн юаней, по сравнению с 2021 годом, где доход составил 636,807 млн юаней [10]. К одному из факторов, повлиявшему на рост финансовых показателей, можно отнести то, что значительные производственные мощности SMIC направлены на нужды Huawei [11].

В дальнейшем данные микрочипы техпроцессом 3 нм стали внедряться в новые модели смартфонов от компании Xiaomi [12], тем самым усилив конкурентоспособность по отношению к компании Apple и другим. Предприятия по производству техники Xiaomi находятся в Пекине, Шэньчжэне и за пределами Китая, в таких странах как: Бразилия, Индия, Вьетнам и Индонезия. Размещение предприятий на территории других государств позволяет не только расширить производство за счет дешевой рабочей силы, но и укрепить свое влияние на региональных рынках.

Помимо электроники, Шэньчжэнь также известен производством автомобилей марки BYD. В июле 2024 года ЕС ввел 18,8% пошлины против данной компании, что оказало негативное влияние на экспорт автомобилей [13]. В 2025 году BYD совместно с другими автомобильными компаниями обратились в Суд ЕС для обжалования тарифов, вместе с тем Китай предложил производить автомобили по более низкой цене. Однако ограничения, введенные США и ЕС не оказали ожидаемого эффекта: за 2024 выручка BYD составила 777 млрд юаней, что на 29% больше, чем в 2023 году. В 2025 году выручка компании составила 804 млрд юаней [14].

Промышленные центры города Чунцин в основном направлены на производство автомобилей, металлургию и электронику. Здесь находится одна из крупнейших автомобилестроительных компаний – Changan Automobile Group, которая тоже попала под санкции ЕС. Для снижения рисков и обходов ограничений Changan, а также BYD, Geely, SAIC и GAC (автомобильная компания Гуанчжоу) рассматривают возможность открыть совместное производство автомобилей в европейских странах, например, в Венгрии, Польше и Испании [15]. Стоит отметить, что перенос сборочных и конечных производственных мощностей осуществляется не только на территории других государств, но и в провинции. Крупные швейные компании Гуанчжоу переносят свои производства в Цинъюань из-за нехватки финансирования, вызванной санкциями и сокращениями поставок продукции.

Говоря о сотрудничестве с Россией, в частности с Республикой Татарстан, в 2024 году компания Chongqing Sanfeng Covanta Environmental Industry Co., LTD [16], специализирующаяся на разработке проектов по переработке мусора, заключила соглашение с «РТ-Инвест» о предоставлении современных технологий для строительства МСЗ в городе Казань [17]. Также в 2025 году между Татарстаном и городом Чунцин была подписана «дорожная карта» по развитию сотрудничества до 2027 года [18]. По данным Министерства промышленности и торговли РТ за 2024 год товарооборот между сторонами составил 3,3 млрд долларов [19].

Выводы

США путем введения санкций на поставку технологий для производства полупроводников, высоких импортных тарифов и прочих ограничений нанесли целенаправленный ущерб производственным центрам КНР. Однако данные меры дали обратный эффект.

Реализованные Китаем стратегии привели к усилению независимости производственных центров Китая от зарубежных поставок, что способствует смягчению негативных последствий, например, от дальнейших импортных ограничений или нестабильной политической обстановки на международной арене. Примером служит разработка полупроводников нового поколения с техпроцессом 5 и 3 нм, которые ранее не производились компанией SMIC.

Новые пути, включающие создания прототипного оборудования (прототипы EUV-систем) и открытия предприятий на территории дружественных стран в перспективе могут привести к развитию производственных мощностей, что в последующем может положительно повлиять на рост экономических показателей.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что производственные центры КНР смогли успешно адаптироваться в условиях санкционного давления.

Список источников

1. Хроника торговой войны США и Китая // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7642397> (дата обращения: 01.05.2026)
2. Техпроцесс и нанометры // Digital-razor URL: <https://digital-razor.ru/media/articles/hardware/what-is-technology-node/> (дата обращения: 01.05.2026)
3. Впервые за много лет процессоры Intel опережают Ryzen по современности техпроцесса. TSMC производит Arrow Lake по нормам 3 нм // IXBT.com URL: <https://www.ixbt.com/news/2024/10/10/intel-ryzen-tsmc-arrow-lake-3.html> (дата обращения: 02.05.2026)
4. Китайская компания SMIC освоила независимое от США производство современных процессоров // Газета.Ru URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/04/24/25631768.shtml> (дата обращения: 02.05.2026)
5. 中芯国际集成电路制造有限公司 // SMIC URL: <https://www.smics.com> (дата обращения: 02.05.2026)
6. США ввели самые масштабные санкции против Китая, начиная с девяностых // МК.Ru URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/08/ssha-vveli-samyie-masshtabnye-sankcii-protiv-kitaya-nachinaya-s-devyanostykh.html> (дата обращения: 05.05.2026)
7. О компании SMIC Semiconductor Manufacturing International Corporation // Tadviser URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 05.05.2026)
8. Китай собрал прототип EUV и это риск для монополии ASML // IT-World URL: <https://www.it-world.ru/it-news/bwykk6brqxc844kw44w0cok0osc0gg8.html> (дата обращения: 07.05.2026)
9. Китай запустил специальный проект с целью догнать Запад в сфере ИИ // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8295146> (дата обращения: 07.05.2026)
10. 2025 Annual Report // Huawei URL: <https://www.huawei.com/en/annual-report/2025> (дата обращения: 08.05.2026)
11. Huawei запатентовала технологию производства чипов 3 нм методом SAQP // Habr.com URL: <https://habr.com/ru/news/818159/> (дата обращения: 09.05.2026)
12. Xiaomi выпустила первый в Китае 3-нм процессор для смартфонов // Hi-tech URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/116331-xiaomi-vypustila-pervyj-v-kitae-3-nm-processor/> (дата обращения: 09.05.2026)
13. SANCTIONS: Charged Conflict // Asian Legal Business URL: <https://www.legalbusinessonline.com/features/sanctions-charged-conflict> (дата обращения: 09.05.2026)
14. Periodic Reports – BYD // BYD Global URL: <https://www.bydglobal.com/en/InvestorAnnals.html> (дата обращения: 10.05.2026)
15. 欧洲车企打不过就加入, 中企激活海外闲置产能 (Европейские автопроизводители, неспособные конкурировать, вступают в борьбу: китайские компании активируют производственные мощности за рубежом) // 观察者网 (Новостной портал «Обозреватель») URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1866052693128844340&wfr=spider&for=pc&searchword=西班牙汽车工厂开业> (дата обращения: 10.05.2026)
16. 重庆三峰环境集团股份有限公司 // CSEG URL: <http://www.cseg.cn/> (дата обращения: 10.05.2026)

17. «РТ-Инвест» подписал соглашение с Китаем о поставке оборудования для ЗЭУ в Казани // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/20706973> (дата обращения: 11.05.2026)

18. В Казанской Ратуше подписан План мероприятий по развитию сотрудничества между Республикой Татарстан и Народным Правительством города Чунцин (КНР) // Официальный Татарстан URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2417815.htm> (дата обращения: 11.05.2026)

19. Товарооборот между Китаем и Татарстаном увеличился на 9% // Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан URL: <https://mpt.tatarstan.ru/index.htm/news/2404047.htm> (дата обращения: 11.05.2026)

References

1. Chronicle of the US-China Trade War. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7642397> (date of access: 01.05.2026)

2. Process Technology and Nanometers. Digital-razor URL: <https://digital-razor.ru/media/articles/hardware/what-is-technology-node/> (date of access: 01.05.2026)

3. For the first time in many years, Intel processors are ahead of Ryzen in terms of process technology. TSMC produces Arrow Lake using 3 nm technology. IXBT.com URL: <https://www.ixbt.com/news/2024/10/10/intel-ryzen-tsmc-arrow-lake-3.html> (date of access: 02.05.2026)

4. Chinese company SMIC has mastered production of modern processors independent from the US. Gazeta.Ru URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/04/24/25631768.shtml> (date of access: 02.05.2026)

5. SMIC has mastered production of modern processors independent from the US. SMIC URL: <https://www.smics.com> (date of access: 02.05.2026)

6. USA imposed the most extensive sanctions against China since the nineties. MK.Ru URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/08/ssha-vveli-samye-masshtabnye-sankcii-protiv-kitaya-nachinaya-s-devyanostykh.html> (date of access: 05.05.2026)

7. About SMIC Semiconductor Manufacturing International Corporation. Tadviser URL: <https://www.tadviser.ru> (date of access: 05.05.2026)

8. China has assembled an EUV prototype and this is a risk for the ASML monopoly. IT-World URL: <https://www.it-world.ru/it-news/bwykk6brqxc844kw44w0cok0osc0gg8.html> (date of access: 07.05.2026)

9. China has launched a special project with aiming to catch up with the West in AI. Kommersant URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8295146> (date accessed: 07.05.2026)

10. 2025 Annual Report. Huawei URL: <https://www.huawei.com/en/annual-report/2025> (date of access: 08.05.2026)

11. Huawei patented a 3 nm chip production technology using the SAQP method. Habr.com URL: <https://habr.com/ru/news/818159/> (date accessed: 09.05.2026)

12. Xiaomi released China's first 3 nm processor for smartphones. Hi-tech URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/116331-xiaomi-vypustila-pervyj-v-kitae-3-nm-processor/> (date of access: 09.05.2026)

13. SANCTIONS: Charged Conflict. Asian Legal Business URL: <https://www.legalbusinessonline.com/features/sanctions-charged-conflict> (date of access: 09.05.2026)

14. Periodic Reports – BYD. BYD Global URL: <https://www.bydglobal.com/en/InvestorAnnals.html> (date of access: 09.05.2026)

15. European automakers, unable to compete, enter the fray: Chinese companies are activating production capacities abroad (European automakers, unable to compete, enter the fray: Chinese companies are activating production capacities abroad). Obozrevatel News Portal (Obozrevatel News Portal) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1866052693128844340&wfr=spider&for=pc&searchword=西班牙汽车工厂开业> (date of access: 10.05.2026)

16. RT-Invest signed an agreement with China to supply equipment for a hydroelectric power plant in Kazan. CSEG URL: <http://www.cseg.cn/> (date of access: 10.05.2026)

17. RT-Invest signed an agreement with China to supply equipment for a hydroelectric power plant in Kazan. TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/20706973> (date of access: 11.05.2026)

18. An action plan for developing cooperation between the Republic of Tatarstan and the People's Government of Chongqing (PRC) was signed in the Kazan City Hall. Official Tatarstan URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2417815.htm> (date of access: 11.05.2026)

19. Trade turnover between China and Tatarstan increased by 9%. Ministry of Industry and Trade of the Republic of Tatarstan URL: <https://mpt.tatarstan.ru/index.htm/news/2404047.htm> (date of access: 11.05.2026)

Информация об авторах

Шарапова А.Р., б/с, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-6872-1906>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420021, г. Казань, ул. Лево-Булачная 44, sharapova_alina03@mail.ru

Галиуллин М.З., доцент, заведующий кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3798-4328>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420021, г. Казань, ул. Лево-Булачная 44, maratscorpion@yandex.com

Кадыров Р.Р., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2996-8288>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420021, г. Казань, ул. Лево-Булачная 44, kadyrovramil@mail.ru

©Шарапова А.Р., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94:338.45(477.62)

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-96-104

Социально-экономические и политические факторы развития химической промышленности на Донбассе в 50-80-е гг. XX в.

¹ Пацула И.И.,

¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского

Аннотация: в статье рассматриваются социально-экономические и политические факторы, определившие развитие химической промышленности Донбасса в 1950-1980-х годах, периода, характеризовавшегося динамичным ростом отрасли. Автор анализирует механизмы советской индустриализации, включая плановую экономику, централизованное распределение ресурсов и государственные инвестиционные программы, которые способствовали ускоренному строительству и расширению ключевых предприятий – таких как Северодонецкий химический завод «Азот», Стахановский (Кадиевский) химический комбинат, химические заводы в Горловке и Макеевке. Особый акцент делается на взаимодействии экономических стимулов и политических решений, включая пятилетние планы, партийные директивы и кадровую политику, которые формировали приоритеты развития отрасли. Исследуется роль трудовой миграции, формирования рабочего класса и социальной инфраструктуры в поддержании производственного потенциала региона. Анализируются последствия индустриализации для уровня жизни населения, включая жилищное строительство, здравоохранение и образование, а также экологические и социальные издержки экстенсивного развития.

В фокусе исследования – влияние реформ Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева на химическую промышленность, включая освоение новых технологий, диверсификацию производства и интеграцию в общесоюзный хозяйственный комплекс. На основе архивных данных и статистического анализа автор выявляет ключевые тенденции и противоречия в развитии отрасли, а также вклад химической промышленности Донбасса в советскую экономику и её место в системе труда СССР.

Ключевые слова: Донбасс, химическая промышленность, социально-экономическое развитие, политические факторы, 1950-1980-е гг., плановая экономика, региональная политика, индустриализация

Для цитирования: Пацула И.И. Социально-экономические и политические факторы развития химической промышленности на Донбассе в 50-80-е гг. XX в. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 96 – 104. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-96-104

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Socio-economic and political factors of the development of the chemical industry in Donbass in the 50-80s of the 20th century

¹ Patsula I.I.,
¹ Lugansk State Pedagogical University

Abstract: this article examines the socioeconomic and political factors that shaped the development of the chemical industry in Donbas from the 1950s to the 1980s, a period characterized by dynamic growth. The author analyzes the mechanisms of Soviet industrialization, including the planned economy, centralized resource allocation, and state investment programs that facilitated the accelerated construction and expansion of key enterprises – such as the Severodonetsk Nitrogen Fertilizer Plant, the Stakhanov Chemical Plant, and the Horlivka and Makeyevka Chemical Plants. Particular attention is paid to the interaction of economic incentives and political decisions, including five-year plans, party directives, and personnel policies, which shaped the industry's development priorities. The role of labor migration, the formation of the working class, and social infrastructure in maintaining the region's productive potential is examined. The impact of industrialization on living standards, including housing, healthcare, and education, is analyzed, as well as the environmental and social costs of extensive development. The study focuses on the impact of the reforms of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev's vision of the chemical industry, including the development of new technologies, production diversification, and integration into the national economic complex. Using archival data and statistical analysis, the author identifies key trends and contradictions in the industry's development, as well as the contribution of the Donbas chemical industry to the Soviet economy and its place in the USSR's labor system.

Keywords: Donbas, chemical industry, socio-economic development, political factors, 1950s–1980s, planned economy, regional policy, industrialization

For citation: Patsula I.I. Socio-economic and political factors of the development of the chemical industry in Donbass in the 50-80s of the 20th century. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 96 – 104. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-96-104

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Период 1950-1980-х годов стал одним из определяющих в истории советской химической промышленности, а Донбасс занял в ней особое место как один из ключевых индустриальных регионов СССР. Развитие химического комплекса в этом индустриальном центре во многом определялось социально-экономическими и политическими условиями, которые формировались в условиях тоталитарной системы управления. Послевоенное восстановление и последующая индустриализация Донбасса потребовали создания мощной сырьевой базы для удовлетворения потребностей сельского хозяйства, тяжелой промышленности и оборонных отраслей. В этот период были заложены основы современной химической промышленности региона, включая крупные предприятия по производству азотных удобрений, синтетического каучука и пластмасс, которые стали важным фактором экономического роста и социальных преобразований.

Исследование социально-экономических и политических факторов, повлиявших на становление и развитие химической отрасли Донбасса, позволяет проанализировать роль централизованного планирования, инвестиционной политики КПСС и ресурсных возможностей региона в формировании промышленного потенциала. Особое внимание уделяется взаимодействию между государственными приоритетами и региональными особенностями, а также последствиям индустриализации для структуры занятости, уровня жизни населения и экологической обстановки.

Проблема, рассматриваемая в данной работе, обусловлена глубокими противоречиями между устоявшимися историческими представлениями о роли и месте химической промышленности в экономике Донбасса и насущной необходимостью расширения научных знаний о формировании и динамичном развитии этой отрасли в условиях послевоенного восстановления региона. С одной стороны, существуют устоявшиеся научные представления о вкладе химической промышленности в индустриальное развитие Донбасса, однако они зачастую ограничены фрагментарными исследованиями и не учитывают многоаспектный характер послевоенного восстановления, когда регион стал не только центром традиционной угольной и ме-

таллургической промышленности, но и ключевым полигоном для внедрения инновационных химических технологий. С другой стороны, современная историческая наука и общество испытывают острую потребность в комплексном анализе процессов становления и развития химической промышленности Донбасса, поскольку именно в этот период были заложены фундаментальные основы её долгосрочного роста. Без глубокого понимания этих процессов невозможно в полной мере оценить роль химической отрасли в экономической модернизации СССР, а также её вклад в технологическую независимость и промышленную безопасность страны в условиях холодной войны и глобальной конкуренции.

Таким образом, исследование актуально как с точки зрения исторической науки, так и с позиций практико-ориентированного подхода, поскольку позволяет восполнить пробелы в знаниях о региональных особенностях индустриализации и выявить механизмы ускоренного развития химической промышленности в контексте послевоенного восстановления.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено на основе комплексного анализа архивных документов, статистических данных и научной литературы, посвящённых развитию химической промышленности Донбасса в 1950-1980-е годы. В работе использованы официальные отчёты предприятий [10, 5], партийные и правительственные решения [13, 14], а также региональные и отраслевые статистические [4, 12].

Методологической основой стали историко – сравнительный и системный анализ, позволившие выявить взаимосвязь экономических, политических и социальных факторов в развитии отрасли. Применялись количественные методы (анализ производственных показателей, динамики капиталовложений) и качественные (изучение нормативных актов, партийных документов, воспоминаний современников). Для оценки социальных последствий использовались данные о демографических процессах и уровне жизни [1, 11].

Особое внимание уделено сопоставительному анализу советских и зарубежных источников [18, 19], что позволило выявить универсальные и специфические черты советской модели развития промышленности. В качестве дополнительных источников использованы учебные и справочные материалы [7, 8, 9], и региональные исследования [2, 15, 17].

Результаты и обсуждения

На протяжении всего периода существования СССР внешнеэкономические отношения занимали центральное место в стратегии экономического развития страны. Руководство КПСС и советского государства рассматривало их как важнейший инструмент для ускорения индустриализации, технологического обновления и укрепления позиций СССР в мировой экономике.

В довоенные годы (период первых пятилеток) внешние хозяйственные связи Советского Союза были ориентированы преимущественно на импорт промышленного оборудования и приобретение зарубежных технологий, что позволяло осваивать новые производственные мощности во всех индустриальных сферах. После Великой Отечественной войны химическая промышленность Советского Союза стала активно интегрироваться в мировую экономику: уже к середине 1970-х годов внешнеторговые операции охватывали более 60 стран, и география данных операций постоянно расширялась.

Согласно статистике внешней торговли, в 1975 году охват экспорта и импорта химической продукции вырос почти в 5 раз по сравнению с 1960-м годом. Расширилась номенклатура поставок: на мировой рынок поступали минеральные удобрения, полимерные материалы, химические волокна, реактивы, фотоматериалы, средства защиты растений и другие товары. Особое значение имело выход СССР на внешний рынок сложных удобрений, что ранее было недоступно для советской химической отрасли.

В десятой пятилетке (1976-1980 годы) внешнеэкономические связи в химической промышленности развивались ускоренными темпами, отличаясь широкой географией и многообразием форм сотрудничества – от межправительственных соглашений до прямых хозяйственных контактов с предприятиями.

За анализируемый период внешнеторговый оборот химической продукции вырос на 21%, при этом экспорт увеличился на 15,7%, а импорт – на 24,9%. Такие темпы свидетельствовали об активизации внешнеэкономических связей, что было особенно заметно на фоне структурных преобразований в советской экономике.

С момента своего основания, СЭВ стал ключевым институтом, стимулировавшим интеграцию стран социалистического лагеря. За три десятилетия существования организация реализовала целенаправленные программы, нацеленные на гармонизацию экономических процессов и ускорение научно-технического

прогресса. Особое значение для модернизации промышленности имели долгосрочные стратегии сотрудничества, включая комплексную программу углубленной экономической интеграции.

В рамках Комплексной программы социалистической экономической интеграции (КПСЭИ) страны-участницы Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) наделили химическую промышленность статусом приоритетной отрасли, что позволило достичь многогранных стратегических результатов:

1) Экспансия производственных мощностей благодаря системной координации усилий между странами-участницами, что обеспечило масштабный рост объемов выпуска химической продукции и снижение дефицита в ключевых сегментах народного хозяйства.

2) Ускоренное внедрение научно-технических достижений за счёт обмена передовой технологической информацией, что позволило сократить технологический разрыв и повысить конкурентоспособность химической продукции на внутреннем и внешнем рынках.

3) Оптимизация производственной структуры через гармонизацию экономических и технологических стандартов, что способствовало повышению производительности труда, снижению издержек и улучшению качества выпускаемой продукции.

4) Максимальное удовлетворение потребностей народного хозяйства в химических материалах, уменьшение зависимости от импортных поставок и укрепление сырьевой безопасности стран-участниц.

Практическая реализация программ СЭВ осуществлялась активным взаимодействием десятков научно-исследовательских институтов, заводов и промышленных предприятий, которые налаживали долгосрочные взаимовыгодные связи с коллегами из других стран блока. Это обеспечило высокий уровень кооперации на всех этапах – от научных исследований до промышленного внедрения:

1) Совместные разработки привели к созданию новых высокоэффективных производственных процессов, что позволило повысить технологический уровень отрасли и снизить себестоимость продукции.

2) Обмен опытом и ресурсами способствовал повышению уровня научных исследований, ускоренному внедрению инноваций и формированию единой технологической базы стран СЭВ.

Координация усилий в области стандартизации, сертификации и логистики обеспечила повышение прозрачности и эффективности производственных цепочек, что стало ключевым фактором устойчивого развития химической промышленности в рамках социалистического блока [12, с. 312].

На рубеже 1950–1960-х годов в советской химической промышленности произошла масштабная трансформация, инициированная программными решениями майского (1958 г.) и декабрьского (1963 г.) Пленумов ЦК КПСС. Эти стратегические шаги, закреплённые в решениях высшего партийного органа, не только перекроили отраслевую карту страны, но и заложили основы для системной химизации всего народного хозяйства, сделав химическую индустрию локомотивом структурных преобразований в ключевых сферах материального производства. Партийное руководство не ограничилось декларациями: реализация амбициозных планов потребовала форсированного строительства новых мощностей и кардинальной реконструкции действующих предприятий. В результате к 1970 году советский химический комплекс претерпел качественное обновление, а его география претерпела существенную перестройку – от сырьевой специализации отдельных регионов до создания вертикально интегрированных производственных цепочек, охватывающих весь цикл от добычи углеводородов до выпуска готовой продукции.

Ведущими факторами, определившими новые территориальные пропорции, стали технологическая революция в отрасли, переход на инновационные виды сырья, оптимизация ассортиментной структуры продукции – прежде всего за счёт стремительного роста выпуска полимерных материалов – а также неуклонное расширение номенклатуры химических продуктов и многократное увеличение объёмов их производства. Этот период стал переломным не только в масштабах, но и в качестве: советская химическая промышленность перешла от экстенсивной модели развития к интенсивной, опиравшейся на внедрение передовых технологий и диверсификацию ассортимента. В частности, особое внимание уделялось развитию производства синтетических смол и пластических масс, которые в дальнейшем стали основой для создания новых отраслей – от машиностроения до строительных материалов. Как отмечают исследователи, именно в этот период были заложены основы современной химической промышленности СССР, определившие её конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках на десятилетия вперёд [12, с. 39].

Особое значение имели изменения в сырьевой базе отрасли. Если ранее основным источником углеводородного сырья оставались продукты коксохимии и угольная промышленность, то с середины 1950-х годов начался активный переход на нефтегазовое сырьё, что потребовало перестройки всей логистической инфраструктуры. Создание разветвлённой сети трубопроводов, таких как газопровод «Дашава – Киев – Москва» (1948) и магистрали Средняя Азия – Центр, позволило обеспечить сырьём не только традиционно промышленные регионы, но и новые центры химического производства на востоке и севере страны. Это, в

свою очередь, способствовало формированию новых промышленных кластеров, таких как Урало-Поволжье и Западная Сибирь, которые в последующие десятилетия стали основными локомотивами химической индустрии Советского Союза.

Донбасс не просто занял ключевую позицию в советской химической индустрии, но и выступил в роли стратегического поставщика углеводородного сырья, обеспечивая ресурсами целые экономические регионы, лишённые собственных запасов. Строительство разветвлённой сети трубопроводов позволило интегрировать отсталые в сырьевом отношении территории – такие как Центральная Россия или Белорусский экономический район – в единую производственную систему, соединив их мощными магистралями с крупнейшими месторождениями нефти и газа. Это создало объективные предпосылки для ускоренного развития нефтехимических и химических мощностей на периферийных территориях, ранее не имевших доступа к сырью, и тем самым изменило географию советской химической промышленности.

За десятилетия такого целенаправленного хозяйственного обустройства в стране появились сотни новых промышленных объектов: было введено в строй более ста химических заводов и свыше тысячи крупных производственных цехов. Подобная сырьевая логика размещения химических предприятий не только укрепила позиции Донбасса как одного из флагманов отрасли, но и вывела его в число ведущих регионов по выпуску стратегически значимой продукции. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в азотной промышленности, где советская экономика до середины 1950-х годов опиралась преимущественно на уголь, кокс и коксовый газ. В этих условиях основными центрами производства азотных удобрений становились районы с развитой коксохимией и значительными запасами коксового газа – и Донбасс, будучи одним из таких опорных регионов, занимал здесь не просто ведущее, а системообразующее положение [12, с. 40].

Период середины 1970-х – начала 1980-х стал лабораторией масштабных социально-экономических преобразований, где директивные установки XXVI съезда КПСС (1981) превращались в инструменты структурной перестройки отрасли. Экономический базис (ускоренный прирост ВВП на 8,7% в год в 1970-е) создавал «фундамент» для устранения дефицита сырья, введения новых технологий на производство и решения кадрового вопроса на местах. [12, с. 41].

В отличие от классической модели (где социальные льготы были придатком к основному производству), в химической промышленности социальная инженерия стала самостоятельным инструментом мотивации. Ключевые векторы изменений были следующие:

1) Дифференциация заработной платы – от отраслевых тарифных сеток до персональных надбавок за выслугу лет. Например, в 1975 году средняя зарплата химика составляла 166 рублей, но ведущие инженеры на передовых предприятиях (например, Северодонецкий Химкомбинат) получали до 300–350 рублей, то есть на 30–40 % выше среднеотраслевой [15, с. 78].

2) Создание параллельной инфраструктуры – детские сады, поликлиники, дома отдыха не просто дублировали государственные учреждения, но были моделью «корпоративного патронажа». К 1980 году, Министерство химической промышленности управляло сетью из более, чем 1100 детских садов, где 42% мест предоставлялись детям работников – рекордный показатель для советской экономики [12, с. 42].

Такая политика привела к положительным эффектам, а именно – к снижению текучести кадров на 12–15% в 1975–1980 годах (благодаря комплексу социальных гарантий), увеличению производительности труда на 8,2% в год (выше среднего по промышленности).

Таблица 1

Table 1

Индикатор	Химическая промышленность	Машиностроение	Тяжелая промышленность
Рост зарплаты (1970 г. – 1980 г.)	+ 38 %	+ 29%	+ 22%
Доля соц. инфраструктуры в бюджете	18%	12%	8%
Текучесть кадров	11%	14%	18%

Химическая индустрия предвосхищала советские социальные реформы, экспериментируя с моделями, которые позже будут спроецированы на другие отрасли.

Принятые ЦК КПСС и Советским правительством масштабные меры государственного регулирования, включая решения майского (1958 г.) и декабрьского (1963 г.) Пленумов ЦК, стали мощным катализатором для ускоренного развития химической промышленности, которая в послевоенные годы превратилась в стратегическую отрасль советской экономики. За период с 1940 по 1962 год общая производительность советской промышленности выросла в 6,3 раза, в то время как выпуск химической продукции увеличился в

10 раз, что наглядно демонстрирует опережающие темпы развития отрасли. Этот рывок стал возможен благодаря целенаправленной политике форсированной индустриализации, опиравшейся на комплексную модернизацию производственной базы, внедрение новейших технологий и создание новых производственных мощностей [7, с. 197].

Анализ динамики развития показывает, что в 1953-1962 годах среднегодовые темпы прироста химической промышленности составляли впечатляющие 14,7%, а в период 1959-1963 годов они ещё более ускорились, достигнув 17%, что существенно превышало среднегодовые темпы роста всего народного хозяйства (около 10%). Столь высокие показатели были обеспечены за счёт реализации масштабных инвестиционных программ, включавших строительство новых предприятий и расширение действующих мощностей. За этот период в строй было введено 35 крупных заводов и более 250 значимых химических производств, что создало прочную материально-техническую базу для дальнейшего роста отрасли.

Значительным шагом вперёд стало создание новых центров химической промышленности на базе более экономичных видов сырья, в частности на Донбассе. Этот регион, обладавший развитой инфраструктурой и доступом к углеводородному сырью, стал одним из ключевых локомотивов химизации советской экономики. В результате за анализируемый период выпуск химической продукции в стране увеличился на 89%, тогда как по всей промышленности СССР этот показатель составил 58%. Столь значительный прирост позволил Советскому Союзу занять второе место в мире по объёму химической продукции, уступая лишь США, что стало важнейшим достижением советской экономики того времени [7, с. 197].

Реализация амбициозных планов потребовала не только строительства новых предприятий, но и создания мощной научно-исследовательской базы. После декабрьского Пленума 1963 года особое внимание было уделено повышению эффективности научных исследований в области химии и ускоренному внедрению достижений химической науки в производство. В эти годы была расширена сеть научно-исследовательских учреждений: только за два года было организовано 8 новых НИИ, а на действующих предприятиях создано 34 филиала институтов и конструкторских бюро. Это позволило значительно сократить разрыв между научными разработками и их практическим применением, что стало ключевым фактором ускоренного технологического прогресса в отрасли.

После майского Пленума 1958 года произошёл стремительный рост объёма проектных работ. Если в 1957 году этот показатель был принят за базовый уровень, то уже в 1958 году объём проектных работ составил 125% от уровня предыдущего года, в 1959 году – 185%, а в 1960 году – 231%. К 1965 году объём проектных работ увеличился в 10 раз по сравнению с 1957 годом, что свидетельствует о масштабной перестройке проектной базы отрасли. Особое внимание при проектировании новых химических предприятий уделялось задачам территориальной оптимизации производства. Учитывая огромные размеры территории СССР и высокие транспортные издержки, проектировщики стремились максимально приблизить предприятия либо к источникам сырья, либо к местам потребления готовой продукции. Это позволяло не только снизить транспортные расходы, но и сократить сроки поставки продукции, что повышало конкурентоспособность советской химической промышленности на внутреннем и внешнем рынках.

В эти годы в химической промышленности активно развивались процессы межотраслевого комбинирования и кооперирования. Предприятия всё чаще интегрировались в комплексные производственные структуры, объединяя на одной площадке различные технологические переделы – от переработки сырья до выпуска готовой продукции. Это обеспечивало более рациональное использование ресурсов, снижение издержек и повышение эффективности производства. Особое значение приобрели общезаводские хозяйства – энергетика, водоснабжение, ремонтные цеха, которые обеспечивали бесперебойную работу предприятий и снижали зависимость от внешних поставок.

В этот период в советской промышленности получили развитие производственные объединения, или «фирмы», которые зарекомендовали себя как наиболее прогрессивная форма управления. Объединение родственных предприятий в рамках одной структуры позволяло не только оптимизировать производственные процессы, но и расширять ассортимент выпускаемой продукции, улучшать её качество и повышать конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках. Много было сделано и в части усовершенствования технологий: внедрение новых катализаторов, автоматизация производственных процессов, переход на более экономичные виды сырья – всё это способствовало росту эффективности химической промышленности и закреплению её позиций как одной из ведущих отраслей советской экономики [7, с. 199].

В отрасли большое внимание уделялось улучшению условий труда рабочих, повышению техники безопасности, механизации трудоемких процессов, создана материальная база для проведения культурно-массовой и спортивной работы. Почти все предприятия химической промышленности имели клубы и дворцы культуры. Построено много стадионов, плавательных бассейнов, спортзалов. И в одиннадцатой пяти-

летке, и на период до 1990 г. намечалась большая программа социально-экономического развития в химической промышленности [12, с. 43-44].

Выводы

Таким образом, проведенное исследование формирования и развития химической промышленности на Донбассе в 50-80-е годы XX века в контексте социально-экономических и политических факторов убедительно демонстрирует, что этот сложный и динамичный процесс был обусловлен комплексным взаимодействием различных, порой противоречивых, сил. На фоне общего вектора индустриализации и укрепления советской экономики, химическая отрасль Донбасса находилась под пристальным вниманием государственной политики, чьи решения фундаментально определяли ее траекторию развития.

Центральное место в системе факторов, влиявших на химическую промышленность региона, занимала политическая составляющая. В условиях командно-административной системы, всякое крупное промышленное развитие, особенно в стратегически важных отраслях, определялось сверху. Госплан СССР, директивные указания центральных органов, создание отраслевых министерств – всё это формировало жесткую, но, при этом, предсказуемую среду для предприятий. Решения о строительстве новых заводов, их специализации, объемах производства и инвестировании в модернизацию принимались на уровне союзного или республиканского руководства, зачастую исходя не только из чисто экономических, но и из военно-стратегических или идеологических соображений. Партийные органы также играли значительную роль, мобилизуя ресурсы, контролируя выполнение планов и решая кадровые вопросы.

Социально-экономические факторы были неразрывно связаны с политическими.

Государственное финансирование и инвестиционная политика в химической промышленности строились на принципах директивного управления, что подразумевало высокую степень централизации и прямого участия государства в развитии отрасли. Капиталовложения в основные фонды предприятий носили массированный характер: государство выделяло колоссальные ресурсы на строительство крупных химических комплексов, разработку новых месторождений сырья, а также создание базовой инфраструктуры – железнодорожных линий, энергетических сетей и трубопроводов. Все ключевые проекты финансировались централизованно за счёт государственного бюджета, отраслевых министерств.

Политика ценообразования также находилась под контролем государства. Это повышало доступность товаров для народного хозяйства, стимулировало рентабельность предприятий за счёт компенсации издержек из государственного бюджета. В результате директивное планирование обеспечивало высокую динамику развития химической промышленности.

Не менее важным аспектом стало социальное измерение. Развитие химической промышленности было напрямую связано с ростом занятости населения, формированием новых промышленных центров и городов. Государственная политика в области жилищного строительства, социального обеспечения, образования и здравоохранения была направлена на привлечение и удержание квалифицированной рабочей силы, создание благоприятных условий труда и быта. В то же время, вопросы охраны труда и экологии зачастую оставались на периферии внимания в условиях приоритета производственных задач, что впоследствии привело к ряду серьезных проблем.

Анализ 50-80-х годов XX века показывает, что успех или стагнация химической промышленности Донбасса определялись сложным сплавом директивных решений, инвестиционной политики, технологического развития и демографической ситуации. Период характеризовался как впечатляющими достижениями в плане увеличения производства, так и накоплением системных проблем, связанных с негибкостью плановой системы, недостаточной реакцией на меняющиеся рыночные условия (даже в условиях закрытой экономики), а также игнорированием экологических последствий.

Для более глубокого и всестороннего изучения социально-экономических и политических факторов развития химической промышленности на Донбассе в 1950-1980-е годы, можно рекомендовать следующие направления:

Детальный анализ роли областных и городских партийных комитетов, исполкомов в управлении химической промышленностью, выявление специфических региональных инициатив и их реализации.

Углубленное изучение положения рабочих, инженерно-технических работников: условия труда, уровень жизни, быт, социальная мобильность, участие в общественной жизни, мотивация к труду.

Анализ того, как политические установки и экономические приоритеты влияли на экологическую политику в химической отрасли, насколько последовательно принимались и реализовывались меры по снижению вредного воздействия на окружающую среду.

Таким образом, развитие химической промышленности на Донбассе в 50-80-е годы XX в. было ярким примером того, как социально-экономические и политические факторы, находясь в тесной взаимосвязи, формировали облик одной из ключевых отраслей региональной экономики. Выявленные закономерности и выявленные проблемы дают ценный материал для осмысления прошлого и могут служить ориентиром для анализа современных процессов трансформации промышленных регионов.

Список источников

1. Максимов А.М., Трифонов М.М., Бондаренко Я.И. и др. Книга о Донбассе: Природа. Люди. Дела / сост. С.П. Булкин, А.И. Лазоренко, М.Е. Миронов. 2-е изд., перераб. и доп. Донецк: Донбасс, 1977. 319 с.
2. Ковальчук В.М. Промышленный потенциал Донбасса: история и перспективы. Донецк: ООО «Издательство «Новый мир», 2018. 380 с.
3. Кожевников А.О. Горно-химическая промышленность к 60-летию Советской власти // Горный журнал. 1977. № 11. 15 с.
4. Комплексная программа химизации народного хозяйства СССР на период до 2000 года / ред. Т.С. Хажилова. М.: Политиздат, 1985. 32 с.
5. Кушнер В.Ф. Комплексно-технологические бригады: Из опыта работы коллектива объединения «Азот» по улучшению условий труда и повышению культуры производства по внедрению бригадной формы организации и оплаты труда. Ворошиловград: Облполиграфиздат, 1983. 48 с.
6. Лапко М.В. Край угля и металла. К.: Советская школа, 1969. 160 с.
7. Лельчук В.С. Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической индустриализации. М.: Наука, 1964. 383 с.
8. Лукьянов П.М. Краткая история химической промышленности СССР. От возникновения химической промышленности в России до наших дней. М.: Издательство АН СССР, 1959. 464 с.
9. Мальцев Н.И. Подъем жизненного уровня трудящихся Донбасса в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. Киев: Высшая школа, 1987. 100 с.
10. Микуленко В.В., Севастьянов Л.А., Гриценко В.Н. Ордена Ленина Рубежанский химический комбинат: очерк. Донецк: Донбасс, 1973. 181 с.
11. Развитие химической промышленности в СССР (1917-1980): в 2 т. / редкол.: М.Г. Васильев и др.; под общ. ред. Л.А. Костандова, Н.М. Жаворонкова. Москва: Наука, 1984. Т. 1: Развитие научной и материально-технической базы химической промышленности. 367 с.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. Москва: Политиздат, 1968.: в 5 т. / под общ. ред. А.И. Прокопенко. Т. 3: 1941-1952 г.г. 244 с.
13. Химическая промышленность Луганской области: метод. указания к изучению курса химической технологии / сост.: З.И. Миквабия, Ю.Ф. Золотова, Е.В. Быкова, З.Ф. Ковалёва. Луганск: ЛГПИ, 1990. 22 с.
14. Химическая промышленность СССР: сборник статей / Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР, Академия наук СССР, Всесоюзный институт научной и технической информации; ред. кол.: А.П. Виноградов, А.Я. Рябенко. Москва: Госхимиздат, 1959. 458 с.
15. Черниченко Г.А. Взаимодействие углеэнергохимического и пирометаллургического циклов в Донбассе // Вестник Московского университета. 1977. № 4. С. 85 – 89.
16. Berdan N.V., Omelchenko O.Y. The chemical industry of the Kuzbass and Donbass in the 1950s–1980s: Technological innovations and geopolitical challenges [Электронный ресурс] // Canadian Slavonic Papers = Revue canadienne des slavistes. 2021. Vol. 63. № 1-2. P. 56 – 78. DOI: 10.1080/00085006.2021.1875432
17. D’Anieri P.R. The Soviet industrialization experience: Regional development and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 348 p. ISBN 978-0-521-65141-8.
18. Granville J.L. The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956. New York: Columbia University Press, 1995. 312 p. ISBN 978-0-231-08092-4.
19. Hosking G. Russia and the Russians: A history. Vol. 2: Into the Twentieth Century. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 456 – 489.

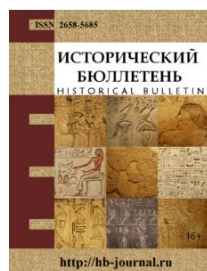
References

1. Maksimov A.M., Trifonov M.M., Bondarenko Ya.I., et al. A Book about Donbass: Nature. People. Affairs. compiled by S.P. Bulkin, A.I. Lazorenko, M.E. Mironov. 2nd ed., revised and enlarged. Donetsk: Donbass, 1977. 319 p.
2. Kovalchuk V.M. Industrial Potential of Donbass: History and Prospects. Donetsk: Novy Mir Publishing House, 2018. 380 p.
3. Kozhevnikov A.O. Mining and Chemical Industry for the 60th Anniversary of Soviet Power. Mining Journal. 1977. No. 11. 15 p.
4. Comprehensive Program for the Chemicalization of the National Economy of the USSR for the Period up to 2000. ed. T.S. Kha-zhilova. Moscow: Politizdat, 1985. 32 p.
5. Kushner V.F. Integrated Technological Brigades: From the Experience of the Azot Association's Team to Improve Working Conditions and Enhance the Production Culture by Introducing the Brigade Form of Organization and Remuneration. Voroshilovgrad: Oblpoligrafizdat, 1983. 48 p.
6. Lapko M.V. The Land of Coal and Metal. Kiev: Sovetskaya Shkola, 1969. 160 p.
7. Lelchuk V.S. The Creation of the Chemical Industry of the USSR. From the History of Socialist Industrialization. Moscow: Nauka, 1964. 383 p.
8. Lukyanov P.M. A Brief History of the Chemical Industry of the USSR. From the Emergence of the Chemical Industry in Russia to the Present Day. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 464 p.
9. Mal'tsev N.I. Rising Living Standards of Donbass Workers during the Years of Socialist Reconstruction of the National Economy. Kyiv: Vysshaya Shkola, 1987. 100 p.
10. Mikulenko V.V., Sevastyanov L.A., Gritsenko V.N. The Order of Lenin Rubezhansky Chemical Plant: An Essay. Donetsk: Donbass, 1973. 181 p.
11. Development of the Chemical Industry in the USSR (1917-1980): in 2 volumes. editorial board: M.G. Vasiliev et al.; under the general editorship of L.A. Kostandov, N.M. Zhavoronkov. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 1: Development of the Scientific and Material and Technical Base of the Chemical Industry. 367 p.
12. Decisions of the Party and Government on Economic Issues: A Collection of Documents. compiled by K.U. Chernenko, M.S. Smirtyukov. Moscow: Politizdat, 1968: in 5 volumes. edited by A.I. Prokopenko. Vol. 3: 1941-1952. 244 p.
13. Chemical Industry of Luhansk Oblast: A Methodological Guide to Studying a Course in Chemical Technology. compiled by Z.I. Mikvabia, Yu.F. Zolotova, E.V. Bykova, Z.F. Kovaleva. Luhansk: LGPI, 1990. 22 p.
14. Chemical Industry of the USSR: A Collection of Articles. State Scientific and Technical Committee of the Council of Ministers of the USSR, USSR Academy of Sciences, All-Union Institute of Scientific and Technical Information; ed. board: A.P. Vinogradov, A.Ya. Ryabenko. Moscow: Goskhimizdat, 1959. 458 p.
15. Chernichenko G.A. Interaction of the coal-energochemical and pyrometallurgical cycles in the Donbas. Bulletin of Moscow University. 1977. No. 4. P. 85 – 89.
16. Berdan N.V., Omelchenko O.Y. The chemical industry of the Kuzbass and Donbass in the 1950s–1980s: Technological innovations and geopolitical challenges [Electronic resource]. Canadian Slavonic Papers = Revue canadienne des slavistes. 2021. Vol. 63. Nos. 1-2. P. 56 – 78. DOI: 10.1080/00085006.2021.1875432
17. D'Anieri P.R. The Soviet industrialization experience: Regional development and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 348 p. ISBN 978-0-521-65141-8.
18. Granville J.L. The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956. New York: Columbia University Press, 1995. 312 p. ISBN 978-0-231-08092-4.
19. Hosking G. Russia and the Russians: A history. Vol. 2: Into the Twentieth Century. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. pp. 456 – 489.

Информация об авторе

Пацула И.И., аспирант, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, realivanpatsula@yandex.ru

© Пацула И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 39(=512.211)(571.620)+069

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-105-111

Коллекционные и демонстрационные материалы в сохранении этнокультурных ландшафтов нанайских сел

¹ Белая Е.Г.,

¹ *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук*

Аннотация: исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Этнокультурные ландшафты Северной Пасифики: развитие и трансформация», номер FWMU-2022-0004. Эти материалы рассматриваются как индикаторы трансформации воспитательных институтов и формирования этнической идентичности у современных нанайцев. На основе полевых исследований 2019-2025 гг. в селах Бельго, Кондон, Верхняя Эконь (Хабаровский край) в статье анализируются коллекционные (музейные собрания, семейные реликвии) и демонстрационные (экспозиции, арт-объекты, информационные стенды, школьные музеи) материалы как инструменты фиксации и трансляции знаний об этнокультурном ландшафте. Дана характеристика коллекций – одежда из рыбьей кожи и ткани, шаманская атрибутика, берестяная утварь, а также орнаментальные комплексы с их семантикой (природно-экологический, космологический, социально-родовой пласты). Проведен сравнительный анализ сёл Бельго, Кондон, Верхняя Эконь с привлечением кейса школьного музея Верхнего Нергена. Выявлен феномен вторичной сакрализации музейного пространства, когда коллекции начинают замещать разрушенные природные святыни, что вступает в противоречие с традиционными табу на публичную репрезентацию сакрального. Эффективность коллекционных и демонстрационных материалов определяется не количеством экспонатов, а сохранностью их ландшафтной и семантической привязки, а также включённостью старшего поколения и педагогов в музейную работу. Благодаря такой преемственности в регионе сохранилась живая технология выделки рыбьей кожи – несмотря на встречающиеся утверждения об исчезновении навыков выделки рыбьей кожи, наши полевые исследования зафиксировали традицию во всех трёх сёлах. Более того, в 2023 году искусство выделки рыбьей кожи коренных народов Хабаровского края включено в федеральный проект «Антология народной культуры».

Ключевые слова: нанайцы, этнокультурный ландшафт, коллекционные материалы, вторичная сакрализация, музей

Для цитирования: Белая Е.Г. Коллекционные и демонстрационные материалы в сохранении этнокультурных ландшафтов нанайских сел // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 105 – 111. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-105-111

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Collective and demonstration materials in the preservation of ethnocultural landscapes of the Nanai villages

¹ Belaya E.G.,

¹ Institute of History, archaeology and ethnography of the peoples
of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the research was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (IIAE FEB RAS) on the topic "Ethnocultural Landscapes of the North Pacific: Development and Transformation", project No. FWMU-2022-0004. These materials are considered as indicators of the transformation of educational institutions and the formation of ethnic identity among contemporary Nanais. Based on field research conducted in 2019-2025 in the villages of Belgo, Kondon, and Verkhnyaya Ekon (Khabarovsk Krai), the article analyzes collection materials (museum holdings, family heirlooms) and demonstration materials (exhibitions, art objects, information boards, school museums) as tools for recording and transmitting knowledge about the ethnocultural landscape. The collections are characterized-clothing made of fish skin and fabric, shamanic paraphernalia, birch-bark utensils, as well as ornamental complexes with their semantics (natural-ecological, cosmological, and social-clan layers). A comparative analysis of the villages of Belgo, Kondon, and Verkhnyaya Ekon was carried out, incorporating the case of the school museum in Verkhny Nergen. The phenomenon of secondary sacralization of museum space is revealed, whereby collections begin to replace destroyed natural sanctuaries, which comes into conflict with traditional taboos on public representation of the sacred. The effectiveness of collection and demonstration materials is determined not by the number of exhibits, but by the preservation of their landscape and semantic attachment, as well as by the involvement of the older generation and teachers in museum work. Owing to such continuity, a living technology of fish-skin processing has been preserved in the region-despite claims about the disappearance of fish-skin processing skills, our field studies have recorded the tradition in all three villages. Moreover, in 2023, the art of fish-skin processing of the indigenous peoples of Khabarovsk Krai was included in the federal project «Anthology of Folk Culture».

Keywords: Nanais, ethnocultural landscape, collection materials, secondary sacralization, museum

For citation: Belaya E.G. *Collective and demonstration materials in the preservation of ethnocultural landscapes of the Nanai villages*. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 105 – 111. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-105-111

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

За последние десятилетия этнокультурный ландшафт нанайских сел Нижнего Амура, формировавшийся веками в бассейне реки Амур и её притоков, подвергся глубоким изменениям под воздействием нескольких разнонаправленных факторов. Наводнение 2013 года, признанное крупнейшим за всю историю гидрометеорологических наблюдений в бассейне Амура, привело к физическому разрушению многих сел, вынужденному переселению жителей и деформации сложившейся пространственной структуры. Параллельно продолжается промышленное освоение территории: прокладка нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», лесозаготовки, строительство автодорог. Эти процессы вступают в противоречие с традиционным природопользованием, ведут к отчуждению родовых угодий и ограничивают доступ коренного населения к промысловым и сакральным местам [1, с. 187-1880].

Смена поколений носителей культуры и языковой сдвиг усугубляют положение, поскольку молодые нанайцы всё реже говорят на родном языке и хуже ориентируются в топографии сакральных мест, что ставит вопрос о механизмах передачи знаний о ландшафте – о привязке каждого предмета к конкретному месту на реке. В условиях урбанизированной среды ключевыми институтами, обеспечивающими сохранность, изучение и презентацию этнокультурного наследия коренных народов, выступают музеи. Как показывает практика музеев Комсомольска-на-Амуре, именно они становятся основными площадками, где материальные артефакты (предметы быта, орудия промыслов, культовая пластика) и нематериальные компо-

ненты (технологии обработки рыбьей кожи, орнаментальные традиции, обрядовые практики) получают возможность быть не только сохранёнными, но и транслированными широкой аудитории [2, с. 109].

Именно в этом контексте коллекционные материалы (музейные собрания, частные семейные реликвии) и демонстрационные формы (экспозиции, арт-объекты, информационные стенды, цифровые копии, а также школьные музеи, включённые в образовательный процесс) приобретают особую значимость. Уникальным собранием предметов материальной культуры народов Приамурья располагает Российский этнографический музей, где хранятся коллекции, собранные В.К. Арсеньевым в ходе экспедиций 1910-1911 гг. по рекам Амур, Анюй, Уссури, Бикин и другим территориям [3, с. 189]. В этих собраниях представлены орудия охоты и рыболовства, традиционная одежда, утварь, а также ритуальные предметы, связанные с шаманскими верованиями и промысловыми культами, что делает их ценнейшим источником для изучения этнокультурных особенностей нанайцев, удэгейцев и других народов региона [3, с. 189]. В современной гуманитарной науке утвердился семиотический подход к изучению материальных объектов, в рамках которого вещь рассматривается как «текст культуры», несущий семантическую и прагматическую нагрузку. Такой подход, предполагающий анализ иконографии, семантики и символической функции предметов, позволяет исследовать этнографические коллекции как источник информации о мировоззрении, мифологии и ценностных ориентациях этноса [3, с. 189].

Согласно определению С.В. Березницкого, этнокультурный ландшафт – это пространство, «в котором воплощены материальные и духовные особенности конкретного этноса», при этом исследователь подчёркивает обратное влияние ландшафта на идентичность. [4, с. 212]. Как верно замечает О.В. Мальцева, советская традиция «формирования этнокультурных обликов через атрибуцию материальных предметов» во многом задавала матрицу современных музейных практик [5, с. 1062]. Однако сегодня эти практики начинают работать по-новому, сталкиваясь с рисками как полной утраты ландшафтной привязки предметов, так и подмены живой традиции её музейной репрезентацией. Справедливость тезиса о необходимости включения предметов в живую среду подтверждается практикой кочевых лагерей у эвенов Якутии. Там этнопедагогические стратегии, предполагающие погружение детей в реальную хозяйственно-обрядовую деятельность (оленьеводство, промыслы, ритуалы), оказываются значительно результативнее формального обучения, а наработанный опыт, по заключению Ю.А. Слепцова, может транслироваться и на другие народы [6, с. 622 – 626].

Цель исследования – на основе полевых материалов 2019-2025 гг., собранных в сёлах Бельго, Кондон и Верхняя Эконь (с привлечением кейса школьного музея Верхнего Нергена), определить, каким образом коллекционные и демонстрационные материалы служат инструментами трансляции воспитательных норм и формирования этнической идентичности у современных нанайцев. Также необходимо выявить, как эти процессы соотносятся с сохранением и трансформацией этнокультурного ландшафта, какие противоречия при этом возникают и при каких условиях использование таких материалов наиболее эффективно.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составили данные, полученные в ходе этнографических экспедиций в указанные населённые пункты Хабаровского края. В работе применялись методы включённого наблюдения, глубинного интервью с носителями традиционной культуры, педагогами и музейными работниками, а также анализ музейных коллекций и экспозиций. Всего проанализировано более 1500 единиц хранения в четырёх сельских музеях, проведено 42 интервью с респондентами разных возрастных групп.

Сравнительный анализ сёл проводился по следующим параметрам: хронология создания музеев, состав коллекций, структура демонстрационных материалов, формы работы с посетителями, степень интеграции музея в образовательный процесс. Для теоретического осмысления материала привлекались работы по теории культурного ландшафта [1; 4], семиотике этнографических коллекций [11], музейной педагогике [5; 7; 12] и этнопедагогике [6].

Результаты и обсуждения

Различия между сёлами более многообразны, и именно они определяют специфику музея как инструмента сохранения этнокультурного ландшафта. Численность музейных фондов в поселениях Кондон, Бельго, Верхняя Эконь, Верхний Нерген действительно очень близка. Однако реальная специфика и роль музеев зависят от их исторического контекста, состава коллекций и сложившихся практик презентации наследия. Ключевым параметром для анализа выступает хронология создания музеев, отражающая разные этапы институционализации этнокультурного знания. Наиболее ранним является Национальный этнографический музей села Кондон, основанный в 1960 году по инициативе правления колхоза «Сикау Покто». Именно в

Кондоне, благодаря многолетним археологическим изысканиям, сформировалось уникальное археологическое собрание, включающее каменные орудия, керамику со сложным орнаментом («амурская плетенка») и знаменитую глиняную статуэтку «Кондонская Венера» возрастом около 4,5 тыс. лет [5, с. 1065-1066].

Школьный этнографический музей в Верхней Экони начал работу в 1994 году по инициативе преподавателя русского языка и литературы Светланы Ивановны Егоровой, которая остаётся его руководителем [8, с. 75-80]. Активная фаза комплектования фондов стартовала за два года до официального открытия музея [8]. По словам С.И. Егоровой в интервью 2021, основу собрания составили вещи, переданные односельчанами: предметы извлекали из чердаков и сундуков, расставались с дорогими сердцу семейными реликвиями, осознавая их значение для сохранения культуры для потомков. Сегодня музейное собрание превышает 700 единиц хранения [9]. В выставочных витринах представлены традиционные нанайские костюмы и славянская народная одежда, значительная коллекция культовой скульптуры сэвэнов, а также археологические находки - орудия из камня и керамические черепки различных эпох. Особое место в экспозиции занимает шаманское облачение, которое принадлежало С.П. Сайгору; здесь же демонстрируются изготовленные им икона-складень и сэвэны-помощники [5]. Значительную часть фонда составляют предметы промыслового быта: приспособления для выделки рыбьей кожи, образцы рыбьего клея, одежда из рыбьей кожи - всё то, что составляло материальную основу повседневной жизни нанайских семей [5].

Этнографический музей «Истоки» в селе Бельго работает с 2009 года [7, с. 77]. Его экспозиция охватывает как традиционную, так и современную материальную культуру нанайцев. Наряду со старинными предметами в музее представлены образцы одежды из привозных материалов (шёлка, сукна, бисера) - они отражают историю межкультурных связей региона [7, с. 77]. Как показали полевые исследования, проведённые в 2021 году, музейные коллекции систематически применяются в учебном процессе: на занятиях по нанайскому языку и во внеурочной деятельности дети изучают наименования предметов на родном языке, осваивают технологии их изготовления и пробуют себя в ремёслах. Одним из характерных примеров служит школьный музей в селе Верхний Нерген, где, по наблюдениям С.В. Березницкого, экспозиция, посвящённая творчеству нанайского писателя Григория Ходжер, выполняет не только мемориальную функцию, но и становится местом проведения ритуальных действий [4, с. 218-219]. Помимо хронологии, значимым отличием является сама структура демонстрационных материалов. Если в Бельго и Верхнем Нергене акцент сделан на интеграции музея в повседневную школьную жизнь и бытование языка (двуязычный этикетаж, мастер-классы), то в Кондоне исторически сильна научная составляющая (археологический профиль). А в Верхней Экони музеем презентуется сакрально-обрядовой сферы (сэвэны, предметы шаманского культа). Фонды музеев являются лишь количественным показателем, тогда как главная ценность заключается в культурной среде, специфике собираемых коллекций и людях, которые эту среду поддерживают.

Семантическая структура коллекций и её связь с этнокультурным ландшафтом

Этнокультурный ландшафт определяется как интегральное образование геокультурного порядка, базовыми детерминантами которого выступают традиционная культура этноса и неразрывно связанные с ней природные условия [10, с. 174-176]. Развивая это положение, С.В. Березницкий рассматривает его как особое культурное пространство, конструируемое этнической группой и воплощающее специфические черты её материального и духовного бытия [2, с. 213]. При этом сакральные объекты выступают важнейшими маркерами этнической идентичности, а их осмысление происходит через механизм этнокультурных проекций - перенесения свойств внешнего объекта на менталитет людей [2, с. 214-215]. В контексте нашего исследования музейные коллекции, особенно культовая скульптура и шаманская атрибутика, выполняют аналогичную функцию: они становятся теми сакральными объектами, на которые проецируются представления о родовой и этнической принадлежности.

Систематизация музейных экспонатов позволяет выделить несколько смысловых пластов, отражающих разные уровни этнокультурного ландшафта. Природно-экологический пласт представлен предметами, связанными с традиционными промыслами: орудия рыболовства и охоты, средства передвижения по воде (оморочки, лодки-долблёнки), приспособления для обработки рыбы и дичи. Эти предметы несут информацию о способах адаптации нанайцев к природной среде Амура, о сезонных циклах хозяйственной деятельности и о технологиях, обеспечивавших выживание в суровых климатических условиях.

Космологический пласт находит выражение в орнаментальных комплексах, культовой скульптуре и шаманской атрибутике. Т.Ю. Сем рассматривает орнаментальное искусство как визуальное воплощение культа плодородия: в узорах читаются зародыши растений, древо жизни и родовые линии, парные мужские и женские божества, хороводные сцены, а также фигуры змей, драконов, медведей и тигров [11, с. 210-216]. Наибольшее впечатление на посетителей музеев производят спирально-ленточные узоры, украшающие

праздничную одежду, берестяную утварь и деревянную посуду - именно они становятся визуальными маркерами этнической идентичности нанайцев.

Социально-родовой пласт проявляется в предметах, маркирующих социальный статус, половозрастную принадлежность и родовую идентификацию. Праздничная и свадебная одежда, украшения, предметы приданого несут информацию о семейных и родовых связях, о брачных стратегиях и о системе родства.

Феномен вторичной сакрализации музейного пространства

Одним из наиболее значимых наблюдений, сделанных в ходе полевых исследований, является феномен вторичной сакрализации музейного пространства. В условиях, когда традиционные природные святилища разрушаются или становятся недоступными, музейные коллекции начинают замещать их функции. Обращаясь к историческому контексту, О.В. Мальцева отмечает, что шаманские практики в советский период были фактически выведены за рамки легальной культуры, что не могло не сказаться на содержании сельских музейных экспозиций. В ряде случаев культовые объекты либо вовсе исключались из выставочного пространства, либо демонстрировались анонимно, без каких-либо пояснений [5, с. 1063-1064]. В среде сельских нанайцев сложилась устойчивая практика утаивания от сборщиков информации о ритуальных комплексах и их деталях. Такое поведение объяснялось не только сакральной закрытостью обрядов, но и давлением государственной атеистической пропаганды. Начиная со второй половины 1980-х годов ситуация начала меняться, и шаманская тематика стала постепенно возвращаться в публичное поле. В наши дни многие предметы вновь обретают сакральное значение, воспринимаясь как одушевлённые сущности внутри музейных стен. Они включаются в закрытые ритуальные действия и обретают новые смыслы в рамках возрождающихся шаманских нарративов. Как признавались пожилые жители нанайских сёл, активное обсуждение шаманских практик придаёт музейной среде мистический оттенок [5, с. 1064].

Этот феномен вступает в противоречие с традиционными табу на публичную репрезентацию сакрального. В традиционной культуре нанайцев многие ритуальные предметы и изображения не могли быть выставлены на всеобщее обозрение, они были доступны только посвящённым. Перенос этих предметов в музейное пространство, их демонстрация широкой публике создаёт напряжённость между необходимостью сохранения культурного наследия и соблюдением традиционных запретов.

Музей как инструмент трансляции этнокультурных норм в образовательном процессе

Музейные экспозиции в школах национальных сёл выступают действенным средством трансляции этнокультурных норм и воспитания этнического самосознания у детей. В Бельговской школе музей «Истоки» органично встроен в учебный процесс: занятия по родному языку проводятся здесь для всех возрастных групп - от дошкольников до старшеклассников [7, с. 77]. С 2014 года образовательное учреждение работает в рамках модели «Школа как музейное пространство»: на стенах коридоров развёрнуты тематические стенды, освещающие историю населённого пункта и советскую эпоху, а в учебных кабинетах демонстрируются работы школьников. Внутреннее устройство музейной экспозиции поделено на шесть разделов: традиционный наряд и аксессуары, народные ремёсла, бытовая утварь, религиозно-обрядовая сфера, археологические памятники Приамурья и исконные занятия местного населения – охота и рыболовство [7, с. 77]. Такая структура позволяет охватить все основные сферы традиционной культуры и использовать музейные предметы как наглядные пособия при изучении родного языка, истории и культуры.

В образовательном процессе используются различные форматы: экскурсионное сопровождение, исследовательские и проектные задания, уроки на базе музейной экспозиции, практические мастер-классы, театрализованные представления, национальные игры, танцевальные и спортивные состязания. Учителя школы включились в региональный инновационный проект «Модель взаимодействия школы, социокультурного центра и сельского сообщества по развитию языковой среды в месте компактного проживания малочисленных народов» [7, с. 78]. Его задача состояла в создании психолого-педагогических и социальных условий для вовлечения всех участников образовательного процесса – учащихся, педагогов, родителей и представителей местного социума – в активное общение на родном нанайском языке. Среди всех форм работы особо выделяются мастер-классы по традиционным ремёслам, которые играют ключевую роль в воспитательном процессе. На них детей обучают навыкам выделки рыбьей кожи, различать элементы растительного и геометрического нанайского орнамента, правильно их называть. Выставки национальных работ учеников проводятся на регулярной основе. В спортивном воспитании также используются элементы национальной культуры. В учебный план физкультуры включены такие виды упражнений, как лёгкая атлетика с элементами национальных видов спорта, подвижные и спортивные игры, северное многоборье. Например, зимняя игра «Туэри купин», прыжки по правилам «Томяя», игра с верёвкой «Топтоди» формируют национальное сознание ученика, воспитывая чувство уважения к национальным традициям [12, с. 80].

Факторы эффективности коллекционных и демонстрационных материалов

Эффективность коллекционных и демонстрационных материалов определяется не количеством экспонатов, а сохранностью их ландшафтной и семантической привязки, а также включённостью старшего поколения и педагогов в музейную работу. Как показывает анализ, наибольшей эффективностью обладают те музейные практики, которые сохраняют связь предметов с их исходным контекстом – с конкретными местами бытования, с семейными историями, с технологическими процессами. Когда предмет оказывается вырванным из этого контекста, он превращается в «мёртвый» экспонат, теряющий свою воспитательную и смыслообразующую функцию.

Важнейшим фактором эффективности является включённость старшего поколения в музейную работу. Носители традиционных знаний – старейшины, мастера, хранители семейных реликвий – выступают не только как информанты, но и как активные участники трансляции культурного опыта. Их рассказы, демонстрации навыков, личные истории оживляют музейные предметы, возвращая им утраченные смыслы. Благодаря такой преемственности в регионе сохранилась живая технология выделки рыбьей кожи – несмотря на встречающиеся утверждения об исчезновении навыков выделки рыбьей кожи, полевые исследования зафиксировали традицию во всех трёх сёлах. Более того, в 2023 году искусство выделки рыбьей кожи коренных народов Хабаровского края включено в федеральный проект «Антология народной культуры».

Выводы

Проведённое исследование показывает, что коллекционные и демонстрационные материалы в нанайских сёлах Хабаровского края выполняют многогранную функцию в сохранении и трансляции этнокультурного ландшафта. Они выступают не только как хранилища материальных артефактов, но также как активные инструменты воспитания, формирования этнической идентичности и сохранения культурной памяти. Выявлены существенные различия между сёлами в организации музейного пространства, обусловленные историей создания музеев, составом коллекций и сложившимися практиками презентации наследия. В Кондоне преобладает археологическая и научная составляющая, в Верхней Экони – сакрально-обрядовая, в Бельго – образовательно-интегративная. Зафиксирован феномен вторичной сакрализации музейного пространства, когда коллекции начинают замещать разрушенные природные святилища [4, с. 218-219], что вступает в противоречие с традиционными табу на публичную репрезентацию сакрального. Это противоречие требует осмысления и выработки новых подходов к презентации культовых предметов, учитывающих как необходимость сохранения культурного наследия, так и уважение к традиционным запретам. Эффективность коллекционных и демонстрационных материалов определяется не количеством экспонатов, а сохранностью их ландшафтной и семантической привязки, а также включённостью старшего поколения и педагогов в музейную работу. Наиболее успешные практики – это те, которые интегрируют музей в образовательный процесс, используют предметы как наглядные пособия при изучении родного языка и культуры и вовлекают носителей традиционных знаний в трансляцию культурного опыта. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением динамики восприятия музейных коллекций разными поколениями нанайцев, а также с разработкой методик использования музейных материалов в воспитательной работе, учитывающих как традиционные культурные нормы, так и современные образовательные потребности.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН по теме «Этнокультурные ландшафты Северной Пасифики: развитие и трансформация», номер FWMU-2022-0004

Список источников

1. Березницкий С.В. Этнографический музей как жилище: комплементарность объектов и новая материальность нанайской культуры // Кунсткамера. 2023. № 2 (20). С. 6 – 17.
2. Сесарева А.В. Наследие коренных народов Приамурья на территории современного Комсомольска-на-Амуре // Музей. Памятник. Наследие. 2025. № 2 (18). С. 108 – 117.
3. Сем Т.Ю. Семиотика этнографических коллекций народов Приамурья и Приморья В.К. Арсеньева начала XX в. по материалам Российского этнографического музея: этнокультурные особенности // Кунсткамера. 2022. № 4 (18). С. 187 – 200. DOI: 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-187-200
4. Березницкий С.В. Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 211 – 231. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-211-231
5. Мальцева О.В. Вербальная культура нанайцев в смысловом пространстве музея // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2024. Т. 30. С. 1062 – 1067.

6. Слепцов Ю.А. Образовательный ландшафт Севера: традиционные и современные стратегии // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней: материалы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14-16 сент. 2022 г.) / гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: СФУ, 2022. С. 622 – 626.
7. Дигор А.К. Музей как фактор сохранения родного (нанайского) языка и национальной культуры // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 75 – 80.
8. Этнографический музей с. Верхняя Эконь [Электронный ресурс] // Этноарт. 2010. URL: <https://etnoart.slovoart.ru/?q=node/4> (дата обращения: 10.06.2026)
9. Комсомольский НПЗ пополнил коллекцию этнографического музея [Электронный ресурс] // Роснефть. 2015. URL: <https://limited.rosneft.ru/press/subsidiaries/item/179537> (дата обращения: 13.06.2026)
10. Рагулина М.В. Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2013. № 1. С. 174 – 182.
11. Сем Т.Ю. Образы богов плодородия в орнаментах на праздничной одежде нанайцев // Орнаментика в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2016. С. 210 – 216.
12. Белая Е. Г. Этнические аспекты в системе современного воспитания нанайцев // Наука и инновации – современные концепции. 2023. С. 79 – 82.

References

1. Bereznitsky S.V. Ethnographic Museum as a Dwelling: Complementarity of Objects and the New Materiality of Nanai Culture. *Kunstkamera*. 2023. No. 2 (20). P. 6 – 17.
2. Sesareva A.V. Heritage of the Indigenous Peoples of the Amur Region on the Territory of Modern Komsomolsk-on-Amur. *Museum. Monument. Heritage*. 2025. No. 2 (18). P. 108 – 117.
3. Sem T.Yu. Semiotics of Ethnographic Collections of the Peoples of the Amur Region and V.K. Arsenyev's Primorye of the Early 20th Century Based on the Materials of the Russian Ethnographic Museum: Ethnocultural Features. *Kunstkamera*. 2022. No. 4 (18). P. 187 – 200. DOI: 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-187-200
4. Bereznitsky S.V. Ethnocultural projections of sacred landscapes among the indigenous peoples of Amur and Sakhalin. *Ethnography*. 2021. No. 4 (14). P. 211 – 231. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-211-231
5. Maltseva O.V. Verbal culture of the Nanai people in the semantic space of the museum. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*. 2024. Vol. 30. P. 1062 – 1067.
6. Sleptsov Yu.A. Educational landscape of the North: traditional and modern strategies. *Peoples of Siberia and the Far East from ancient times to the present day: Proceedings of the IX Siberian Historical Forum (Krasnoyarsk, September 14-16, 2022)*. ed. N. I. Drozdov. Krasnoyarsk: SFU, 2022. P. 622 – 626.
7. Digor A. K. Museum as a factor in preserving the native (Nanai) language and national culture. *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. 2021. P. 75 – 80.
8. Ethnographic museum of the village of Verkhnyaya Ekon [Electronic resource]. *Ethnoart*. 2010. URL: <https://etnoart.slovoart.ru/?q=node/4> (date of access: 10.06.2026)
9. Komsomolsk Oil Refinery added to the collection of the ethnographic museum [Electronic resource]. *Rosneft*. 2015. URL: <https://limited.rosneft.ru/press/subsidiaries/item/179537> (date of access: 13.06.2026)
10. Ragulina M.V. The classical concept of the cultural landscape of Carl Sauer: history and modernity. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Earth Sciences*. 2013. No. 1. P. 174 – 182.
11. Sem T.Yu. Images of Fertility Gods in Ornaments on the Festive Clothing of the Nanai People. *Ornamentation in Artifacts of Traditional Cultures: Proceedings of the Fifteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings*. SPb.: IPC SPbGUTD, 2016. P. 210 – 216.
12. Belaya E. G. Ethnic Aspects in the System of Modern Education of the Nanai People. *Science and Innovations – Modern Concepts*. 2023. P. 79 – 82.

Информация об авторе

Белая Е.Г., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Пушкинская, 89, belaya25@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.318)"1906/1917":271.2-788 + 271.2-726.3

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-112-123

Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: к вопросу об источниковой базе исследования

¹ Власов А.Е.,

¹ Филимонов Н.А.,

¹ Штепа А.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена характеристике источниковой базы для изучения истории Сергиева скита – мужской обители, основанной в 1906 г. Калужским отделом Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО) в память о Великом князе Сергее Александровиче, убитом террористом-эсером И. Каляевым в 1905 году. Авторы рассматривают широкий круг архивных документов, отложившихся в фондах Государственного архива Калужской области (в первую очередь – фонды Калужской духовной консистории и Калужского губернатора), материалы периодической печати («Калужские епархиальные ведомости», «Калужский церковно-общественный вестник», «Калужские губернские ведомости»), а также опубликованные источники и воспоминания паломников. Особое внимание уделяется Журналу заседания Калужского отдела ИППО от 4 февраля 1906 г., переписке с жертвователями, документам об открытии и освящении храма, устройстве инвалидного дома для увечных воинов, а также материалам о посещении обители Великой княгиней Елизаветой Федоровной и о деятельности настоятеля иеромонаха Герасима (Гаврилова). Делается вывод о том, что совокупность выявленных источников позволяет реконструировать историю возникновения, становления и функционирования Сергиева скита как уникального духовно-благотворительного учреждения, сочетавшего функции монастыря, богадельни и паломнического центра.

Ключевые слова: Сергиев скит, Калужский отдел Императорского Православного Палестинского Общества, Великий князь Сергей Александрович, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, иеромонах Герасим (Гаврилов), архивные источники, «Калужские епархиальные ведомости», Государственный архив Калужской области, источниковая база

Для цитирования: Власов А.Е., Филимонов Н.А., Штепа А.В. Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: к вопросу об источниковой базе исследования // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 112 – 123. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-112-123

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Sergiev skit of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society: on the question of the source base of the study

¹ Vlasov A.E.,
¹ Filimonov N.A.,
¹ Shtepa A.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article is devoted to the characteristics of the source base for studying the history of Sergiev Skit – a male monastery founded in 1906 by the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society (hereinafter – IOPS) in memory of Grand Duke Sergei Alexandrovich, assassinated by the Socialist-Revolutionary terrorist I. Kalyaev in 1905. The authors examine a wide range of archival documents preserved in the funds of the State Archive of the Kaluga Region (primarily the funds of the Kaluga Spiritual Consistory and the Kaluga Governor), periodical materials ("Kaluga Diocesan Gazette", "Kaluga Church and Public Herald", "Kaluga Provincial Gazette"), as well as published sources and memoirs of pilgrims. Special attention is paid to the Journal of the meeting of the Kaluga Department of the IOPS dated February 4, 1906, correspondence with donors, documents on the opening and consecration of the church, the establishment of a home for invalid warriors, as well as materials on the visit of the monastery by Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and on the activities of the prior, Hieromonk Gerasim (Gavrilov). It is concluded that the totality of the identified sources makes it possible to reconstruct the history of the emergence, formation, and functioning of Sergiev Skit as a unique spiritual and charitable institution that combined the functions of a monastery, an almshouse, and a pilgrimage center.

Keywords: Sergiev skit, Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Hieromonk Gerasim (Gavrilov), archival sources, Kaluga Diocesan Gazette, State Archive of the Kaluga Region, source base

For citation: Vlasov A.E., Filimonov N.A., Shtepa A.V. *Sergiev skit of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society: on the question of the source base of the study. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 112 – 123. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-112-123*

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

В 1905 году все православное население России было потрясено жестоким убийством Великого князя Сергея Александровича, которое совершил террорист-эсер И. Каляев. В Совет созданного в России ИППО сразу после убийства московского градоначальника его супруга Великая княгиня Елизавета Федоровна отправила телеграмму, в которой она уповала на то, что молитвами её дорогого мужа «Общество... также твёрдо будет преследовать своё святое назначение, так всегда утешавшее Вашего Председателя...» [Цит. по: 36, с. 5; 48, с. 7].

И Россия откликнулась, в частности, в Калужской губернии 4 февраля 1906 г. основали Сергиев скит в качестве своеобразного духовного памятника погибшему Великому Князю Сергею Александровичу, который опекал Калужский отдел ИППО. [19, с. 513-521; 35, с. 23].

Калужский отдел ИППО начал функционировать с 5 апреля в 1894 г., руководящие в его составили получили: епископ Калужский и Боровский Александр (Светлаков) – председатель и на тот момент вице-губернатор А.А. Офросимов как заместитель председателя Калужского отдела ИППО [14, с. 125-127; 54].

Известно, что за десять последующих лет благодаря усилиям членов Калужского отдела ИППО и сочувствующих целям Общества было собрано 36 560 руб., большую часть этой суммы (35 777 руб.) было переслано в Совет ИППО. Оставшиеся средства ушли на приобретение волшебного фонаря, туманных картин, канцелярских принадлежностей и т.п. [18, с. 546-551].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать и систематизировать источниковую базу для изучения истории Сергиева скита – мужской обители, учреждённой Калужским отделом ИППО в память о Великом князе Сергее Александровиче. Авторы стремятся показать, что совокупность выявленных архивных, периодических и опубликованных источников позволяет реконструировать историю воз-

никновения, становления и функционирования Скита как уникального духовно-благотворительного учреждения, сочетавшего функции монастыря, богадельни и паломнического центра.

Материалы и методы исследований

Ценным источником по изучению деятельности Калужского отдела ИППО остаётся региональная периодика – газета «Калужские епархиальные ведомости», а также принявший от неё эстафету «Калужский церковно-общественный вестник» (с 1907 г.). В этом печатном органе Калужской епархии периодически публиковались материалы, относящиеся к КО ИППО [34; 44; 45], в том числе годовые отчёты, некоторые из которых были опубликованы отдельными брошюрами [46; 47].

В тоже время наиболее ценными материалами для изучения истории Сергиева скита являются документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Калужской области (далее – ГАКО), в частности в фонде 33 «Калужская духовная консистория» [12, л. 23–26об.]. Нас интересует здесь «Прошение коллежского советника Мантейфеля о разборе старой церкви в с. Тихонова слобода и для постройки новой деревянной церкви в дер. Мстихино Калужского уезда 18 февраля 1906 г. – 27 июля 1907 гг.». В этом же фонде отложился Журнал заседания Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества от 4 февраля 1906 г., на котором было принято историческое решение об открытии Сергиева скита.

В статье использованы принципы – историзма, способствующего рассмотрению всех событий и документов в их хронологической последовательности и в контексте конкретно-исторических условий в России в 1906–1918 гг.; объективности, позволяющего с опорой на широкий круг разнородных источников (архивные дела, периодика, воспоминания) минимизировать субъективность в изложении исторического материала; системности, применявшегося для анализа источниковой базы как целостного комплекса, включающего делопроизводственную документацию, законодательные акты, публицистику и источники личного происхождения.

Кроме того, в работе применялись следующие методы: историко-генетический метод, позволивший проследить последовательность событий, связанных с открытием, становлением и деятельностью Сергиева скита (от убийства Великого князя в 1905 г. до разорения обители в 1918 г.); архивно-эвристический метод использовался для выявления, систематизации и первичного анализа архивных документов в фондах ГАКО (прежде всего, фонды Калужской духовной консистории и Калужского губернатора); биографический метод способствовал реконструкции ключевых вех деятельности калужских церковных иерархов (епископ Калужский и Боровский Преосвященный Вениамин (Муратовский)), благотворителей (Н.Э. Мантейфель, Е.Г. Оловянишникова и др.) и настоятелей (иеромонах Герасим (Гаврилов), в контексте истории обители; метод контент-анализа использовался при работе с периодическими изданиями («Калужские епархиальные ведомости», «Калужский церковно-общественный вестник») для выявления повторяющихся сюжетов, официальных оценок и динамики освещения событий.

Результаты и обсуждения

Как уже было сказано ранее, ключевым документом, раскрывающим начальный эпизод в открытии Сергиева Скита, является Журнал заседания Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества от 4 февраля 1906 г. Из журнала заседаний мы узнаем, что в заседании участвовал председатель Калужского отдела ИППО епископ Калужский и Боровский Вениамин (Муратовский), товарищ (заместитель – Авт.) председателя отдела калужский губернатор А.А. Офросимов и ещё 17 членов отдела, среди них: Калужский губернский предводитель дворянства в 1886–1905 гг., член Госсовета Российской империи Н.С. Яновский, калужский полицмейстер Е.И. Трояновский, игуменья Ангелина, священники Д.Ф. Соколов и А.А. Преображенский, иеромонах Герасим (Гаврилов), делопроизводитель А.Д. Лебедев и др.

Как нам теперь известно, для открытия Сергиева скита двое вкладчиков – калужская купчиха Серафима Фёдоровна Михайлова и калужский уездный исправник Николай Эрнестович Мантейфель, будущий действительный пожизненный член Калужского отдела ИППО, пожертвовали в общей сложности 110 дес. 2079 саж. земли в двух верстах от разъезда № 19 Московско-Киево-Воронежской железной дороги, и недалеко от святой обители преподобного Тихона Калужского.

В журнале прописаны и условия жертвователей, среди которых: постройка храма во имя преподобного Сергия Радонежского; открытие церковно-приходской школы; сооружение странноприимного дома для богомольцев с богадельней на 12 человек увечных воинов. Содержать социально-благотворительные учреждения обязывался Калужский отдел ИППО [13, с. 513–521; 35, с. 26].

15 февраля 1906 г. Н.Э. Мантейфель написал прошение епископу Калужскому и Боровскому с целью получить разрешение на приобретение старой церкви в с. Тихонова слобода, которую он планировал ис-

пользовать для устройства в дер. Мстихино нового храма во имя преподобного Сергия Радонежского. Это прошение было удовлетворено [5, л. 1].

12 марта 1906 г. епископ Калужский и Боровский Вениамин (Муратовский) уведомил Калужскую духовную консисторию о прошедшем ранее собрании Калужского отдела ИППО и обратился к ней с предложением исходатайствовать перед Св. Синодом об открытии скита с именованием «Сергиев скит Калужского отдела ИППО в память в Бозе почившего Великого князя Сергея Александровича» [51, л. 14–17об.].

14 марта 1906 г. последовало отношение ИППО епископу Калужскому и Боровскому, подписанное помощником председателя ИППО генералом М.П. Степановым и секретарем А. Беляевым, в котором сообщалось о «соизволении» Её императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны утвердить постановление об открытии Скита [31, л. 27–28].

1 июня 1906 г. благочинным 2-го округа Калужского уезда священником Михаилом Наумовым был составлен Акт осмотра места для постройки храма в учреждаемом Сергиевом скиту. В нём говорится о деревянных строениях – домах для увечных воинах, странноприимном доме и временных помещениях строителя скита о. Герасима (Гаврилова) [1, л. 10].

Храм в честь преподобного Сергия Радонежского было заложен калужским архиереем Вениамином (Муратовским) 5 июля 1906 г., в день тезоименитства Великого Князя Сергея Александровича, о чём писали подробно «Калужские епархиальные» и «Калужские губернские ведомости». Из материалов региональной прессы известно, что в закладке храма приняли участие не только священнослужители, насельники Тихоновой пустыни, члены Калужского отдела ИППО, но и высокие светские лица – калужский губернатор А.А. Офросимов, вице-губернатор, начальник 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.А. Орлов, командир 9-го пехотного Ингерманландского Императора Петра I полка Н.П. Зоценко, военный оркестр и др. Был отслужен молебен, а внутри храма установили крест, и заложили камень с доской и надписью: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето 1906, июля 5 дня» [13, с. 518–521; 16].

25 марта 1907 г. калужский архиерей Вениамин (Муратовский) направил свой рапорт в Св. Синод с ходатайством об открытии Сергиева скита [43, л. 19–20об.].

В ГАКО, в фонде 32 «Калужский губернатор» сохранилось дело 1411 «Об открытии Сергиева скита», в нём, в частности содержится переписка калужского губернатора А.А. Офросимова с представителем от Управления земледелия и государственных имуществ – старшим лесным ревизором В.П. Яньковым о присылке посадочного материала (от 10.10.1907 г.) [3, л. 1], Е.Г. Оловянишниковой о пожертвовании части утвари для храма [3, л. 2] и с о. И. Кронштадтским о благословении начатого дела [3, л. 4–5], чайным торговцем Николаем Семеновичем Перловым, который пожертвовал 30 фунтов чая [3, л. 13].

17 мая 1907 г. калужским владыкой Вениамином (Муратовским) был получен указ Святейшего Синода за № 2773 об открытии мужского скита с присвоением ему испрашиваемого ранее наименования [20, с. 10; 32, л. 22–22об.]. А 28 мая 1907 г. состоялось заседание Калужской духовной консистории, на котором было заслушано определение Св. Синода об открытии обители, и на журнале заседания наложена резолюция калужского архипастыря от 6 июня 1907 г. о назначении иеромонаха Тихоновой пустыни Герасима (Гаврилова) начальником Сергиева скита [30, л. 29–30]. 18 июня 1907 г. из канцелярии калужского губернатора вышло удостоверение об открытии Сергиева скита [57, л. 8–8об.].

Сохранилось прошение Н.Э. Мантейфеля об обустройстве придела храма преподобного Сергия Радонежского в подвальном помещении храма от 14 июня 1907 г. [5, л. 31–31об.].

В фонде 32 Государственного архива Калужской области в «Деле за 1907–1909 гг. об открытии и освящении храма» отражён эпизод освящения главного престола 5 июля 1907 г. во имя преподобного Сергия Радонежского (память 5/18 июля и 25 сентября/8 октября). На торжественном мероприятии присутствовали фактически те же лица, что и при закладке храма, были замечены также представители Калужского отдела Союза Русского Народа. Вполне естественно, что на чин освящения храма престола храма прибыли – Вениамин, епископ Калужский и Боровский, насельники Тихоновой и Оптиной пустынь, Боровского Пафнутиева монастыря, и представлявший Председателя ИППО Вел. Кн. Елизавету Фёдоровну, её помощник генерал-лейтенант М.П. Степанов [24, с. 35; 8, л. 11–12].

Также следует добавить, что первым призываемым в открывшемся при Сергиевом ските инвалидном доме, стал в мае 1908 г. слепой ветеран русско-японской войны 1904–1906 гг., отставной рядовой Прохор Волков, доставленный из Москвы [35, с. 36].

Сохранилась циркулярное письмо губернатора от 23 января 1908 г. полицмейстеру и уездным исправникам Калужской губернии о розыске нуждающихся в призрении воинских чинов [3, л. 20]. А 10 мая 1908 г. было получено ходатайство командира Гренадерского корпуса генерал-лейтенанта Эдуарда Владимировича Экка о помещении в Инвалидный дом рядового Прохора Волкова.

Однако были и случаи отказа со стороны губернатора в прошении о помещении в инвалидный дом. Так, было отказано в помещении в инвалидный дом согласно прошению генерала Экка от 27.05.1908 г. участнику русско-японской войны, добровольцу санитару Кириллу Рубину, работавшему в Либавском офицерском госпитале и центральном инфекционном лазарете, и совсем лишившегося зрения – гнойное воспаление глаз. Отказ был сформулирован губернатором на том основании, что К. Рубин не принимал непосредственного участия в боевых действиях, а «предпочтение отдаётся воинам, служившим в Московском военном округе» [58, л. 29-30].

В сентябре 1908 г. настоятель Сергиева скита иеромонах Герасим ходатайствовал к калужскому губернатору А.А. Офросимову о присвоении разъезду №19 названия «Сергиев скит»; о наличии в здании разъезда святых икон для пассажиров, кружки для сбора пожертвований и ящика для продажи свеч и т.д. [35, с. 39; 40, л. 31–31об.].

Однако ещё в марте 1908 г. калужский губернатор А.А. Офросимов с целью привлечения богомольцев делал соответствующий запрос на имя Управляющего Киево-Полтавской линией, инспектора Московско-Киево-Воронежской железной дороги Николая Константиновича Погорелко (1853 – после 1918) [50, л. 26-27]. 18 февраля 1909 г. калужский губернатор А.А. Офросимов в прошении на имя министра финансов Российской империи В.Н. Коковцова излагает трудности скита и вновь просит о помощи [3, л. 42-44; 48, с. 88].

В деле сохранилась переписка с управлением Московско-Киево-Воронежской ж.д. [41, л. 33-34], в частности ответ из службы движения дороги, в котором изъяснялось, что согласно п. I. Циркулярного распоряжения Управления железных дорог 25 февраля 1901 г. года за № 8941/35 постанова святых икон в пассажирских разрешена только в специальных часовнях, а для выгрузки пассажиров с багажом нужно строить особый тупик, примерная стоимость которого 1500 руб. Тем не менее известно, что после долгой бумажной волокиты в 1916 г. станция была переименована в Сергиев Скит.

Известно, что не раз обитатели Сергиева скита приглашали Вел. Кн. Елизавету Фёдоровну посетить их, и такая поездка в сопровождении игуменьи Московской Покровской общины Ювеналии (Марджановой) состоялась 19-20 октября 1911 года. В Сергиевом храме их встретил на паперти с крестом и святой водой настоятель скита иеромонах Герасим, сказавший душевные признательные слова благодарности за оказанную честь в посещении обители. Великая княгиня участвовала во всенощной, которая началась в шесть часов вечера, закончилась в одиннадцать вечера [17, с. 3]. Для Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, попечительницы Сергиева скита впоследствии был заложен небольшой деревянный дом, с возможностью краткого отдыха в нём [2, с. 89].

В ГАКО в фонде 32 сохранилась дело – «Переписка с епископом Калужским и Боровским уездными исправниками о приезде Вел. Кн. Елизаветы Федоровны по случаю кончины Лаврентия, чудотворца Калужского в 1915 г.», в котором содержится рапорт Калужского уездного исправника надворного советника Ивана Дмитриевича Леонутова о мерах обеспечения безопасности при посещении Великой Княгиней Сергиева Скита. В рапорте, в частности, говорилось: «...доношу Вашему Превосходительству, что... Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна посетит Сергиев скит... 9 августа в воскресенье (в сопровождении казначеи Марфо-Мариинской Обители милосердия В.С. Гордеевой и генерала от кавалерии М.П. Степанова). Почтовый поезд ... приходит в 7 часов 9 минут утра по Петроградскому времени... На разъезде № 19 заблаговременно до прихода поезда будут находиться два экипажа один для – Ея Императорского Высочества и второй для Свиты Ея Императорского Высочества, там же буду находиться лично сам, с своим экипажем и другим Приставом...» [4, л. 96–97об.]. Отметим, что предпринятые меры безопасности способствовали тому, что визит высокой особы прошел без происшествий.

В 1915 г. материально и духовно окрепший Сергиев скит при деятельной поддержке Калужского отдела ИППО начал возрождение Жиздринской Мельхиседековой пустыни. Как и всегда, отец Герасим (Гаврилов) быстро взялся за дело и вскоре в Мельхиседековой пустыни были заложены каменный дом для инвалидов войны, гостиница и храм. Сохранилась переписка о выяснении правового статуса обители. 26 июня 1915 г. Преосвященный Георгий (Ярошевский), епископ Калужский и Боровский, написал обстоятельное донесение в Совет Императорского Православного Палестинского Общества, в котором коснулся вопроса правового положения Сергиева скита [42, л. 48-49]. А 10 июня 1916 г. в Мельхиседековой пустыни провели освящение нового главного храма во имя Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Именно в новом храме Мельхиседековой пустыни иеромонах Герасим (Гаврилов) был возведён в сан игумена согласно постановления Святейшего Синода [26, с. 5-6; 48, с. 123-126].

В фонде Калужской духовной консистории (ГАКО. Ф. 33) сохранились послужные списки монашествующих и послушников Сергиева скита, в том числе – настоятеля о. Герасима (Гаврилова). На основании их

известно, что на 1 января 1915 г. в составе братии скита было 68 человек из разных губерний России, в том числе и Калужской [55].

Известно, что ещё в 5 апреля 1909 г. № 2389 калужский губернатор А.А. Офросимов, уходя с должности, ходатайствовал перед калужским епископом Вениамином (Муратовским) о награждении о. Герасима за труды по строительству и руководству обителью набедренником, «а если таковая имеется, то следующей высшей наградой» и независимо от этого орденом Св. Анны 3 степени по действовавшему в то время статуту [5, л. 35]. В обнаруженном нами журнале Калужской духовной консистории от 27.04.1909 г. к характеристике о. Герасима сказано, что он уже награждён набедренником, имеет благословение Св. Синода с грамотой (1904 г.), качества хорошего, к послушанию способен, но «... чрезвычайно любит выехать из скита без надлежащего разрешения выезжать в другие епархии и любит лгать и обманывать начальство» [5, лл. 36–38].

Нам удалось установить, что ответном письме епископа Вениамина в награждении наперсным крестом в 1909 г. отцу Герасиму было отказано, на основании того, что оно производится только Св. Синодом, а представление даётся раз в году, в январе месяце. В награждении орденом Св. Анны отказано на основании того, что в Калужской духовной консистории нет сведений, что Сергиев скит выстроен тщанием о. Герасима [5, лл. 39–39об.]. Тем не менее, согласно Указу Калужской духовной консистории от 20 мая 1913 г. за № 7984, иеромонаха Герасима (Гаврилова) наградили золотым наперсным крестом от Св. Синода и памятной медалью в честь 300-летия Дома Романовых [35, с. 43].

В мае 1916 г. иеромонах Герасим (Гаврилов) был отмечен ещё одной наградой за свои неутомимые труды. Ко дню рождения императора Николая II Святейший Синод удостоил награды многих священнослужителей Калужской епархии и среди них «...саном игумена – настоятель Калужского Сергиева скита иеромонах Герасим» [48, с. 123]. Скончался иеромонах Герасим (Гаврилов) в конце марта 1918 г., был погребён в нижней церкви Успения Пресвятой Богородицы [6, л. 3]. Резолюцией Преосвященного Феофана (Тулякова) от 7 апреля 1918 г. было предписано настоятелю Калужской Тихоновой пустыни архимандриту Плутону провести срочно выборы нового настоятеля Сергиева скита. Прошедшее собрание братии обители решило исход выборов в пользу иеромонаха Авксентия (Бунина) [48, с. 133].

Ценная информация о посещении Сергиева скита руководителями Калужской губернии и епархии отразилась в епархиальной прессе – «КЦОВ». На его страницах можно прочитать о посещении торжественной службы в Сергиевом ските 5 июля 1910 г. калужским губернатором С.Д. Горчаковым и его супругой А.Е. Горчаковой – действительными членами Калужского отдела ИППО при участии всех членов отдела во главе с его председателем епископом Вениамином (Муратовским) [22], отправившим об этом событии телеграмму Великой Княгине Елизавете Фёдоровне [48, с. 95]. А также о посещении Сергиева скита епископом Калужским и Боровским, Преосвященным Александром (Головиным) 14 июня 1911 г. [23, с. 6] и 5 июля 1911 г., когда в обители провели торжественную закладку храма во имя Божией Матери «Скоропослушница» при богадельне, при этом участвовали все члены Калужского отдела ИППО и масса богомольцев, прибывших на это торжество [7, л. 1; 24, с. 12; 48, с. 98–100]. 4 июля 1915 г. Сергиев скит посетил Преосвященный Георгий (Ярошевский): «В скиту, – писал «КЦОВ», – владыку встретил начальник скита, иеромонах Герасим с братией... Всех встречавших Его Преосвященство изволил благословить. На богослужении 5 июля был начальник губернии Н.С. Ченыкаев с супругой...» [25, с. 7]. В июле 1916 г. Преосвященный Георгий (Ярошевский), много сделавший для Сергиева скита, а также глубоко чтивший память Великого Князя Сергея Александровича, совершил свой последний визит в обитель, о чём подробно сообщалось в «КЦОВ» [27, с. 10–11]. «КЦОВ» писал о посещении Сергиева скита и последним епископом Калужским и Боровским имперского периода Феофаном (Туляковым) 16 августа 1916 г. и 25 сентября, в день памяти преподобного Сергия Радонежского [28, с. 8–9; 29, с. 10].

К источникам личного происхождения можно отнести заметки паломников о Сергиевом ските и его настоятеле. Так некто «Паломник» в 1909 г. в «Калужском церковно-общественном вестнике» очень уважительно написал о наставнике отца Герасима (Гаврилова) – старце иеросхимонахе Герасиме (Брагине): «Почивший – в мире Брагин – сын калужского рыболова.... Монах в полном смысле прошёл все монастырские послушания... Ещё тогда обращались к нему с больным и сокрушенным сердцем, веруя, что обитель пр. Тихона не оскудела такими подвижниками» [21, с. 11]. Юный послушник Миша, так звали в то время о. Герасима (Гаврилова), был другом и учеником Герасима. Духовный писатель В.П. Быков отмечал, что о. Герасим (Гаврилов), не получил никакого образования, однако он имел светлый ум, «приобрёл около старца великий духовный опыт и, несомненно, ... дар провидения» [2, с. 79–80]. Паломник Г. Тулин, посетивший Сергиев скит в 1914 г., указывал на подвижническую жизнь отца Герасима, его неустанный труд, пламенную веру [15, с. 597]. Паломница Мария Гурко в своих воспоминаниях свидетельствует, что отец Герасим

начал постройку скита по завещанию старца иеросхимонаха Герасима без всяких средств «...с тою ясною улыбкою, с какой преподобный Серафим говаривал: «Лавра у нас будет, храм какой, все у нас будет!» [33, с. 318].

Дальнейшая история святой обители весьма трагична. Имеющиеся источники из фонда 1267 «Калужский епархиальный совет при епископе Калужском и Боровском» Государственного архива Калужской области сообщают, что в июле 1918 г. скит подвергся разорению. От Калужского губернского комиссариата социального обеспечения в скит был прислан комиссар, объявивший о его реорганизации в трудовую коммуну, и производивший конфискацию имущества и продовольствия, изъявший монастырскую печать. 7 августа 1918 г. отдел соцобеспечения Калужского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в ответ на запрос епископа Калужского и Боровского Феофана (Тулякова) о действиях комиссаров в скиту уведомил Духовное правление при епископе о передаче Сергиева скита в ведение отдела соцобеспечения по постановлению губисполкома. Отдел социального обеспечения назначил «для заведования всеми учреждениями скита, в коем, между прочим, сосредоточен инвалидный дом для увечных воинов», служащего отдела М.Г. Талдыкина [35, с. 45].

Несмотря на тяжёлые новые условия жизни новый избранный настоятель Сергиева скита Авксентий общал епископу Калужскому и Боровскому что его насельники, несмотря на все притеснения со стороны коммунистами, остаются «верными сынами Церкви». После допроса настоятеля скита иеромонаха Авксентия, проведённого комиссаром Копыловым и комиссаром Калужской уездной чрезвычайной комиссии Долговым 16/29 ноября 1918 г., а затем и обыска, были конфискованы ценные бумаги неприкосновенного капитала на сумму 86 115 руб. [35, с. 19-20]. В сентябре 1919 г. имущество Сергиева скита было описано и принято Лев-Толстовским волостным исполкомом, и передано зарегистрированной при обители общине верующих, а полностью церковное имущество будет изъято в 1922 г. [37; 38]. По распоряжению Губисполкома в 1919 г. был ликвидирован храм во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница» в инвалидном доме Сергиева скита [11; 35, с. 46, 50].

После закрытия скита постройки передали санаторию ВМФ им. Фрунзе. Затем на территории бывшего санатория находился оздоровительный лагерь «Спутник».

До сих пор на этом святом месте (Мстихино, ул. Хвойная, д. 3) находится полигон (игровая площадка) лазертага «Партизан». Однако «всё возвращается на круги своя», поэтому рядом, в здании бывшей водонапорной башни – единственного сооружения, сохранившегося от монастырских построек начала XX в., 15 октября 2022 г. был торжественно открыт Музейно-выставочный центр «Сергиев Скит». А 12 октября 2024 г. открылась пешеходная туристическая тропа, часть её является исторической дорогой от железнодорожного разъезда № 19, на который прибывали паломники, чтобы отправиться в обитель Сергиев скит. Вдоль тропы расположены информационные стенды, повествующие о зарождении и расцвете монастыря Сергиев скит.

Выводы

Итак, по результатам проведённого исследования можно подвести следующие итоги. Выявленную источниковую базу для изучения Сергиева Скита ИППО можно считать многогранной и в достаточной степени репрезентативной, включающей в себя три основные группы: а) архивные документы из Государственного архива Калужской области (фонды «Калужской духовной консистории», «Калужского губернатора», «Калужского епархиального совета»); б) периодическую печать («Калужские епархиальные ведомости», «Калужский церковно-общественный вестник», «Калужские губернские ведомости»); в) источники личного происхождения (воспоминания паломников, заметки современников). Каждая группа источников обладает самостоятельной ценностью, а их сопоставление даёт максимально полную картину.

Наиболее значимым документом является Журнал заседания Калужского отдела ИППО от 4 февраля 1906 г., зафиксировавший решение об открытии Скита, а также переписка жертвователей (Н.Э. Мантейфель, С.Ф. Михайлова, Е.Г. Оловянишникова, Н.С. Перлов) и официальные акты об открытии и освящении храма. Эти материалы позволяют реконструировать как формально-правовую сторону учреждения обители, так и личную мотивацию её создателей.

Документы по устройству инвалидного дома для увечных воинов (циркулярные письма губернатора, ходатайства генерала Э.В. Эка, отказы в приёме) дают редкое представление о механизмах социальной помощи инвалидам русско-японской войны в регионе и о критериях отбора призреваемых.

Материалы о посещении обители Великой княгиней Елизаветой Федоровной (1911, 1915 гг.) и о деятельности иеромонаха Герасима (Гаврилова) – настоятеля и строителя Сергиева скита – позволяют просле-

дить личностное измерение истории обители: роль покровительства, личных связей и подвижничества в её становлении.

Совокупность выявленных источников даёт возможность не только восстановить внешнюю событийную канву, но и проанализировать повседневные практики, механизмы управления, благотворительную и социальную деятельность Сергиева скита.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Министерства образования и науки РФ и РАН «Деятельность Калужского отдела ИППО в конце XIX – начале XX века в контексте духовного и политического присутствия России на Ближнем Востоке», № 1025041400045-0-6.1.1.

Список источников

1. Акт осмотра места для постройки храма в Сергиевом скиту благочинным 2 округа Калужского уезда священником Михаилом Наумовым от 1 июня 1906 // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 10.
2. Быков В.П. Тихие приюты для отдыха страдающей души: Лекции-беседы. М., 1913. – 351 с.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411.
4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1879. 108 л.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. 34 л.
6. ГАКО. Ф. 1267. Оп. 2. Т.1. Д. 312. 3 л.
7. ГАКО. Ф. 1267. Оп. 2. Т.2. Д. 1263. 38 л.
8. Дело за 1907-1909 гг. об открытии и освящении храма // ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411. Л. 11–12.
9. Дело за 1918 г. Пострижение в великую схиму Николая Савельева // ГАКО. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 155. Л. 1-5.
10. Дело за 1918 г. Рапорт казначея Сергиева скита иеромонаха Амвросия о погребении иеромонаха Герасима // ГАКО. Ф. Р 1267. Оп. 2. Т. 1. Д. 312. Л. 1–3.
11. Дело за 1919 г. о ликвидации храма при инвалидном доме // ГАКО. Ф. 1267. Оп. 2. Т. 2. Д. 1263. Л. 1–15.
12. Журнал заседания Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества от 4 февраля 1906 г. // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 23–26об.
13. Закладка храма во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца в Сергиевском ските Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, в память в Бозе почившего Велико-го Князя Сергия Александровича // Калужские епархиальные ведомости. 1906. № 14. Неоф. ч. С. 513 – 521.
14. Известие об избрании уполномоченным Императорского Православного Палестинского Общества по г. Калуге калужского вице-губернатора А.А. Офросимова и о калужанах, желающих вступить в члены общества // Калужские епархиальные ведомости. 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125 – 127.
15. Историческая летопись. 1914. № 6. С. 597.
16. Калужские губернские ведомости. 1906. № 79. С. 4.
17. Калужские губернские ведомости. 1911. № 108. С. 5.
18. Калужские епархиальные ведомости. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 546 – 551.
19. Калужские епархиальные ведомости. 1906. № 14. Неоф. ч. С. 513 – 521.
20. Калужский церковно-общественный вестник. 1907. № 16. С. 10.
21. Калужский церковно-общественный вестник. 1909. № 1. С. 11.
22. Калужский церковно-общественный вестник. 1910. № 21. С. 10
23. Калужский церковно-общественный вестник. 1911. № 20. С. 11.
24. Калужский церковно-общественный вестник. 1912. № 21. С. 12.
25. Калужский церковно-общественный вестник. 1915. № 20. С. 13.
26. Калужский церковно-общественный вестник. 1916. № 17. С. 5 – 6.
27. Калужский церковно-общественный вестник. 1916. № 19-20. С. 10.
28. Калужский церковно-общественный вестник. 1916. № 24-25. С. 8 – 9.
29. Калужский церковно-общественный вестник. 1916. № 28-29. С. 10.
30. Копия журнала заседания Калужской духовной консистории от 28 мая 1907 г. // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 29–30.
31. Копия отношения Императорского Православного Палестинского Общества епископу Калужскому и Боровскому от 14 марта 1906 г. № 180 // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 27–28.

32. Копия Указа Святейшего Правительствующего Синода епископу Калужскому и Боровскому от 17 мая 1907 г. // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 22–22об.
33. Кормчий. 1911. № 27. С. 317 – 318.
34. Краткий Отчет Калужского ИППО с 10.04.1894 – 01.03.1904 // КЕВ. 1904. № 17. Неоф. ч. С. 546 – 551.
35. Легостаев В.В. Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в память в бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича. М.: Берлюковский Издательский Дом, 2010. 80 с.
36. Незабвенной памяти Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М.: Историко-Родословное о-во, 1905. 46 с.
37. Опись церковного имущества за 1922 г. // ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 714. 50 л.
38. Опись имущества за 1924 г. // ГАКО. Ф. Р-486. Оп. 2. Д. 199. 50 л.
39. Отношение Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в Калужскую духовную консисторию от 11 декабря 1915 г. № 188 с приложением копий отношения вице-председателя Императорского православного палестинского общества епископу Калужскому и Боровскому от 3 декабря 1915 г. № 840 с резолюцией епископа Калужского и Боровского и отношения Совета Императорского Православного Палестинского Общества епископу Калужскому и Боровскому от 26 июня 1915 г. № 127 // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 44–46, 48–49.
40. Отношение настоятеля Сергиева скита калужскому губернатору от 22 сентября 1908 г. // ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411. Л. 31–31об.
41. Отношение управляющего Московско-Киево-Воронежской ж.д. калужскому губернатору от 29 декабря 1908 г. № 10006/16812 // ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411. Л. 33–34.
42. Отношение Совета Императорского Православного Палестинского Общества епископу Калужскому и Боровскому от 26 июня 1915 г. № 127 // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 48–49.
43. Отпуск рапорта епископа Калужского и Боровского в Святейший Правительствующий Синод от 25 марта 1907 г. № 4083 // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 19–20об.
44. Отчет Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества 1903-1904 // Калужские епархиальные ведомости. 1904. № 13. Неоф. ч. С. 401 – 403.
45. Отчет Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества 1903-1904 // Калужские епархиальные ведомости. 1904. № 16. Неоф. ч. С. 488 – 494.
46. Отчет Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1898 г. по 1-е марта 1899 г. Калуга, 1899. 23 с.
47. Отчет Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. Калуга, 1902. 31 с.
48. Панин А.Н. Сергиев скит: Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в память в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича. Королев: Берлюковский Издательский Дом, 2012. 200 с.
49. Переименование прихода д. Мстихино в 1919 г. и опись церковного имущества Сергиева скита по трем престолом // ГАКО. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 1186.
50. Письмо калужского губернатора А.А. Офросимова в управление Московско-Киево-Воронежской железной дороги на имя Н.К. Погорелко // ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411. Л. 26–27.
51. Предложение епископа Калужского и Боровского Калужской духовной консистории от 12 марта 1907 г. № 1540 // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 14–17об.
52. Прошение коллежского советника Мантейфеля о разборе старой церкви в с. Тихонова слобода и для постройки новой деревянной церкви в дер. Мстихино Калужского уезда 18 февраля 1906 г. – 27 июля 1907 г. // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1634. Л. 1–30.
53. Рапорт настоятеля Сергиева скита иеромонаха Авксентия о порядках в скиту в 1918 г. // ГАКО. Ф. 1267. Оп. 2. Т. 1. Д. 10. Л. 1–3.
54. Речь действительного члена Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела общества в Вербное Воскресенье 10 апреля 1894 г. // Калужские епархиальные ведомости. 1894. № 12. Неоф. ч. С. 371 – 380; № 13. Неоф. ч. С. 394 – 402; № 14. Неоф. ч. С. 420 – 429.
55. Список монашествующих за 1914 г. // ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2159. Л. 250–270.
56. Список монашествующих за 1919 г. // ГАКО. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 467. Л. 1–7.

57. Удостоверение от калужского губернатора от 18 июня 1907 г. № 4469 об устройстве Сергиева скита // ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411. Л. 8–8об.

58. Ходатайство генерал-лейтенанта Э.В. Экка о помещении в Инвалидный дом санитара Кирилла Рубина и ответное письмо калужского губернатора А.А. Офросимова // ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1411. Л. 29–30.

References

1. Report on the inspection of the site for the construction of a church in the St. Sergius Skete by the Dean of the 2nd District of the Kaluga District, Priest Mikhail Naumov, dated June 1, 1906. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 10.
2. Bykov V.P. Quiet Shelters for the Rest of a Suffering Soul: Lectures and Discussions. Moscow, 1913. – 351 p.
3. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). F. 32. Op. 2. D. 1411.
4. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1879. 108 p.
5. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. 34 p.
6. GAKO. F. 1267. Op. 2. V. 1. D. 312. 3 p.
7. GAKO. F. 1267. Op. 2. V. 2. D. 1263. 38 p.
8. File for 1907-1909 on the opening and consecration of the church. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1411. Pp. 11-12.
9. File for 1918. The tonsure into the Great Schema of Nikolai Savelyev. GAKO. F. 1267. Op. 3. D. 155. P. 1 – 5.
10. File for 1918. Report of the treasurer of the Sergius Skete, Hieromonk Ambrose, on the burial of Hieromonk Gerasim. GAKO. F. R 1267. Op. 2. V. 1. D. 312. L. 1–3.
11. Case for 1919 on the liquidation of the church at the nursing home. GAKO. F. 1267. Op. 2. V. 2. D. 1263. L. 1–15.
12. Journal of the meeting of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society dated February 4, 1906. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 23–26rev.
13. Laying the foundation stone of the church in the name of St. Sergius of Radonezh the Wonderworker in the Sergius Skete of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society, in memory of the late Grand Duke Sergius Alexandrovich. Kaluga Diocesan Gazette. 1906. No. 14. Unofficial part. P. 513 – 521.
14. Announcement of the election of Kaluga Vice-Governor A.A. Ofrosimov as authorized representative of the Imperial Orthodox Palestine Society for the city of Kaluga and of Kaluga residents wishing to become members of the society. Kaluga Diocesan Gazette. 1894. No. 4. Unofficial part. P. 125 – 127.
15. Historical Chronicle. 1914. No. 6. P. 597.
16. Kaluga Provincial Gazette. 1906. No. 79. P. 4.
17. Kaluga Provincial Gazette. 1911. No. 108. P. 5.
18. Kaluga Diocesan Gazette. 1904. No. 17. Unofficial Part. P. 546 – 551.
19. Kaluga Diocesan Gazette. 1906. No. 14. Unofficial Part. P. 513 – 521.
20. Kaluga Church and Social Bulletin. 1907. No. 16. P. 10.
21. Kaluga Church and Social Bulletin. 1909. No. 1. P. 11.
22. Kaluga Church and Social Bulletin. 1910. No. 21. P. 10.
23. Kaluga Church and Social Bulletin. 1911. No. 20. P. 11.
24. Kaluga Church and Social Bulletin. 1912. No. 21. P. 12.
25. Kaluga Church and Social Bulletin. 1915. No. 20. P. 13.
26. Kaluga Church and Social Bulletin. 1916. No. 17. P. 5 – 6.
27. Kaluga Church and Social Bulletin. 1916. No. 19-20. P. 10.
28. Kaluga Church and Social Bulletin. 1916. No. 24-25. P. 8 – 9.
29. Kaluga Church and Social Bulletin. 1916. No. 28-29. P. 10.
30. Copy of the minutes of the meeting of the Kaluga Spiritual Consistory of May 28, 1907. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 29–30.
31. Copy of the letter of the Imperial Orthodox Palestine Society to the Bishop of Kaluga and Borovsk of March 14, 1906, No. 180. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 27–28.
32. Copy of the Decree of the Holy Governing Synod to the Bishop of Kaluga and Borovsk of May 17, 1907. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 22–22ob.
33. Helmsman. 1911. No. 27. P. 317 – 318.
34. Brief Report of the Kaluga Imperial Orthodox Palestine Society from April 10, 1894 to March 1, 1904. KEV. 1904. No. 17. Unofficial part. P. 546 – 551.

35. Legostaev V.V. Sergiev Skete of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society in Memory of the Late Grand Duke Sergei Alexandrovich. Moscow: Berlyukovsky Publishing House, 2010. 80 p.
36. In Unforgettable Memory of His Imperial Highness Grand Duke Sergei Alexandrovich. Moscow: Historical and Genealogical Society, 1905. 46 p.
37. Inventory of Church Property for 1922. GAKO. F. R-1498. Op. 1. D. 714. 50 p.
38. Inventory of Property for 1924. GAKO. F. R-486. Op. 2. D. 199. 50 p.
39. The letter of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society to the Kaluga Spiritual Consistory dated December 11, 1915, No. 188, with attached copies of the letter of the vice-chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society to the Bishop of Kaluga and Borovsk dated December 3, 1915, No. 840, with the resolution of the Bishop of Kaluga and Borovsk, and the letter of the Council of the Imperial Orthodox Palestine Society to the Bishop of Kaluga and Borovsk dated June 26, 1915, No. 127. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 44–46, 48–49.
40. The letter of the abbot of the Sergius Skete to the Kaluga governor dated September 22, 1908. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1411. L. 31–31ob.
41. Letter from the Manager of the Moscow–Kiev–Voronezh Railway to the Kaluga Governor dated December 29, 1908, No. 10006/16812. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1411. L. 33–34.
42. Letter from the Council of the Imperial Orthodox Palestine Society to the Bishop of Kaluga and Borovsk dated June 26, 1915, No. 127. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 48–49.
43. Submission of the report of the Bishop of Kaluga and Borovsk to the Holy Governing Synod dated March 25, 1907, No. 4083. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 19–20ob.
44. Report of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society 1903–1904. Kaluga Diocesan Gazette. 1904. No. 13. Unofficial. part. P. 401 – 403.
45. Report of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society 1903–1904. Kaluga Diocesan Gazette. 1904. No. 16. Unofficial. Part. P. 488 – 494.
46. Report of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society from March 1, 1898 to March 1, 1899. Kaluga, 1899. 23 p.
47. Report of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society from March 1, 1901 to March 1, 1902. Kaluga, 1902. 31 p.
48. Panin A.N. Sergiev Skete: of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society in memory of the late Grand Duke Sergei Alexandrovich. Korolev: Berlyukov Publishing House, 2012. 200 p.
49. Renaming the parish of the village of Mstikhino in 1919 and an inventory of the church property of the Sergius Skete by three altars. GAKO. F. 1267. Op. 2. D. 1186.
50. Letter from the Kaluga governor A.A. Ofrosimov to the administration of the Moscow-Kiev-Voronezh railway addressed to N.K. Pogorelko. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1411. L. 26–27.
51. Proposal of the Bishop of Kaluga and Borovsk to the Kaluga Spiritual Consistory dated March 12, 1907, No. 1540. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 14–17rev.
52. Petition of Collegiate Councilor Manteuffel for the dismantling of the old church in the village of Tikhonova Sloboda and for the construction of a new wooden church in the village of Mstikhino, Kaluga District, February 18, 1906 – July 27, 1907. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 1634. L. 1–30.
53. Report of the abbot of the St. Sergius Skete, Hieromonk Auxentius, on the order in the skete in 1918. GAKO. F. 1267. Op. 2. V. 1. D. 10. L. 1–3.
54. Speech of the full member of the Imperial Orthodox Palestine Society M.P. Solovyova at the ceremonial opening of the Kaluga department of the society on Palm Sunday, April 10, 1894. Kaluga Diocesan Gazette. 1894. No. 12. Unofficial part. P. 371 – 380; No. 13. Unofficial part. P. 394 – 402; No. 14. Unofficial part. P. 420 – 429.
55. List of monastics for 1914. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 2159. L. 250–270.
56. List of monastics for 1919. GAKO. F. 1267. Op. 3. D. 467. L. 1–7.
57. Certificate from the Kaluga Governor dated June 18, 1907, No. 4469, regarding the establishment of the St. Sergius Skete. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1411. L. 8–8ob.
58. Petition of Lieutenant General E.V. Ekk regarding the placement of orderly Kirill Rubin in the Nursing Home and the response letter of the Kaluga Governor A.A. Ofrosimov. GAKO. F. 32. Op. 2. D. 1411. L. 29–30.

Информация об авторах

Власов А.Е., старший преподаватель, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Филимонов Н.А., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Власов А.Е., Филимонов Н.А., Штепа А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 341.4

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-124-129

Сравнительный анализ Хабаровского и Токийского процессов в контексте судебного преследования японских военных преступников

¹ Лобанов Д.С.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: судебное преследование японских военнослужащих после 1945 г. велось двумя институтами разной правовой природы: международным трибуналом, учреждённым распоряжением командования союзных держав в Токио, и национальным военным судом, действовавшим в Хабаровске по внутреннему уголовному закону военного времени. Соотношение этих производств описывается преимущественно через иерархию значимости, из-за чего процессуальные различия подменяются суждением о политических мотивах. Цель работы – установить, чем задавалось расхождение двух дел по предмету доказывания и по санкционной модели. Применены сравнительно-исторический метод, историко-правовой анализ оснований юрисдикции, формально-юридическое толкование статьи 5 Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока и статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., хронологическое сопоставление стадий подготовки, контент-анализ пунктов обвинительного акта. Установлено, что предметное поле каждого суда определялось источником его компетенции: Устав ограничивал трибунал тремя классами деяний, среди которых состав, связанный с подготовкой и применением бактериологического оружия, отдельно не выделялся, и этот состав перешёл в предмет хабаровского обвинения. Разрыв в тяжести наказаний, от семи смертных приговоров до предельных 25 лет заключения, объясняется отменой смертной казни указом от 26 мая 1947 г. и не отражает оценку тяжести деяний. Различие двух производств является юрисдикционным по природе, а версия о неравнозначности судов опирается на смешение правового основания с политическим контекстом.

Ключевые слова: Хабаровский процесс, Токийский процесс, Международный военный трибунал для Дальнего Востока, японские военные преступники, отряд 731, бактериологическое оружие, послевоенное правосудие, уголовная юрисдикция

Для цитирования: Лобанов Д.С. Сравнительный анализ Хабаровского и Токийского процессов в контексте судебного преследования японских военных преступников // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 124 – 129. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-124-129

Поступила в редакцию: 13 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Comparative analysis of the Khabarovsk and Tokyo trials in the context of the prosecution of Japanese war criminals

¹ Lobanov D.S.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: the prosecution of Japanese servicemen after 1945 proceeded through two institutions of different legal nature: an international tribunal in Tokyo established by an order of the Allied command, and a national military court in Khabarovsk acting under domestic wartime criminal law. The relationship between them is usually described through a hierarchy of importance, so that procedural differences are replaced by judgements about political motives. The aim is to determine what produced the divergence of the two cases in the subject matter of proof and in the model of sanctions. The comparative-historical method, historical- legal analysis of the grounds of jurisdiction, formal-legal interpretation of Article 5 of the Charter of the International Military Tribunal for the Far East and of Article 1 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 19 April 1943, and content analysis of the counts of the indictment were applied. It is established that the subject field of each court was determined by the source of its competence: the Charter confined the tribunal to three classes of acts, among which the preparation and use of biological weapons was not singled out, and this element passed into the Khabarovsk indictment. The gap in severity of punishment, from seven death sentences to a maximum of 25 years of confinement, follows from the abolition of capital punishment by the decree of 26 May 1947 and does not reflect an assessment of the gravity of the acts. The difference between the two proceedings is jurisdictional, while the thesis of their unequal standing rests on a conflation of legal grounds with political context.

Keywords: Khabarovsk trial, Tokyo trial, International Military Tribunal for the Far East, Japanese war criminals, Unit 731, biological weapons, post-war justice, criminal jurisdiction

For citation: Lobanov D.S. *Comparative analysis of the Khabarovsk and Tokyo trials in the context of the prosecution of Japanese war criminals. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 124 – 129. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-124-129*

The article was submitted: July 13, 2026; Approved after reviewing: August 10, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

К моменту открытия заседаний в Хабаровске 25 декабря 1949 г. международное производство в Токио завершилось более года назад. Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока был объявлен 12 ноября 1948 г., казнь семи осуждённых состоялась 23 декабря того же года. Хронологическая близость двух событий закрепила в литературе рамку восприятия, при которой хабаровское разбирательство читается как приложение к токийскому. А.М. Егоров и Н.П. Никитина показали, что такая рамка удерживается прежде всего сюжетом о бактериологическом оружии, оставшимся в Токио нерассмотренным [9]. До сопоставления правовых оснований вопрос о преемственности при этом почти не доводится.

Расхождение в оценках сложилось рано. Обвинительный акт в Токио насчитывал 55 пунктов. Н.А. Петухов и Е.В. Рябцева, разбирая соотношение нюрнбергской и токийской моделей, фиксируют, что дальневосточный трибунал воспроизводил европейскую конструкцию с существенными процессуальными отклонениями [3]. В эту конструкцию хабаровское производство не встраивается вовсе, поскольку велось национальным судом по внутреннему уголовному закону военного времени.

Если рассматривать оба процесса как элементы единой послевоенной политики союзников, различие между ними сводится к разделению труда. Д.В. Кузнецов, систематизируя отечественную литературу о событии 1949 г., отмечает, что эта версия закрепились в советских работах 1950-1980-х гг. и почти не пересматривалась [7]. Зарубежная традиция двигалась в противоположном направлении: до середины 1980-х гг. хабаровские материалы отвергались как пропагандистские, и лишь публикация американских архивов заставила пересмотреть оценку. А.Е. Лестев, анализируя доказательственную практику токийского трибунала, обращает внимание на массовое использование аффидевитов, принимавшихся без перекрёстного допроса. Процессуальные упрёки, адресованные Хабаровску, при таком сопоставлении теряют исключительность.

Предметом сопоставления выступает соотношение правового основания и предмета доказывания в двух делах. Я.П. Фокин, прослеживая трактовку токийского приговора в японских общественных нарративах, показывает, что спор о легитимности трибунала не завершён и в 2020-е гг. [10]. Рабочее предположение состоит в следующем: различие предметов доказывания задано источником юрисдикции каждого суда, а расхождение в тяжести наказаний объясняется самостоятельно.

Материалы и методы исследований

Работа выполнена на учредительных и процессуальных документах обоих производств. В их числе Специальная прокламация главнокомандующего союзными державами от 19 января 1946 г. и Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока в редакции от 26 апреля 1946 г., обвинительный акт из 55 пунктов и приговор от 12 ноября 1948 г., указы Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 и от 26 мая 1947 г. об отмене смертной казни, стенографический отчёт заседаний военного трибунала Приморского военного округа, изданный Госполитиздатом в 1950 г. Привлечены документальные комплексы, размещённые Федеральным архивным агентством совместно с Центральным архивом ФСБ России в 2022 г.

Применены сравнительно-исторический метод, историко-правовой анализ оснований юрисдикции, формально-юридическое толкование статьи 5 Устава и статьи 1 Указа от 19 апреля 1943 г., хронологическое сопоставление стадий подготовки обоих дел, контент-анализ пунктов обвинительного акта. С.П. Ким, реконструируя ведомственный механизм поиска и преследования японских военнопленных в 1946-1950 гг., выделяет единый центр подготовки [4]. Такая реконструкция позволила соотнести стадии двух дел по датам ведомственных решений. Сопоставление велось по семи параметрам: источник юрисдикции, состав суда, субъектный состав обвиняемых, предмет доказывания, доказательственный режим, санкционная модель, порядок публикации материалов.

Хронологические рамки охватывают 1945-1956 гг., от Акта о капитуляции 2 сентября 1945 г. до репатриации осуждённых в Японию. А.И. Баstryкин при разборе подготовительной стадии хабаровского дела указывает на роль следственных материалов, накопленных к 1948 г. Эта датировка принята как нижняя граница подготовительного этапа.

Результаты и обсуждения

Юрисдикция трибунала в Токио выводилась из акта оккупационной администрации, минуя форму международного договора. Специальная прокламация от 19 января 1946 г. учредила суд властью главнокомандующего союзными державами, полученной по Акту о капитуляции 2 сентября 1945 г. и решению Московского совещания министров иностранных дел 26 декабря 1945 г. Статья 2 Устава в редакции 26 апреля 1946 г. определяла состав суда в пределах от 6 до 11 членов, назначаемых тем же главнокомандующим. Назначены были 11 судей от 11 государств; председателем стал У. Уэбб, судьёй от СССР – И.М. Зарянов, обвинителем от СССР – С.А. Голунский, с октября 1946 г. А.Н. Васильев. Пределы предметной компетенции оказывались производными от административного решения.

Компетенцию хабаровского суда задавал внутренний источник. Дела о преступлениях, предусмотренных статьёй 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39, рассматривались военными трибуналами; в декабре 1949 г. таким судом выступил военный трибунал Приморского военного округа под председательством генерал-майора юстиции Д.Д. Черткова при членах суда М.Л. Ильницком и И.Г. Воробьёве. Государственное обвинение поддерживал Л.Н. Смирнов, участник нюрнбергского и токийского производств; защиту вели восемь адвокатов. Гун Вэньцин, Юэ Жунъюань и Чжао Шицзянь квалифицируют это заседание как первый публичный суд, предметом которого стала военно-биологическая программа [1]. Различие источников юрисдикции предопределяло, какие деяния каждый суд был вправе исследовать.

Статья 5 Устава закрепляла три класса деяний: преступления против мира, обычные военные преступления, а также преступления против человечности, включая порабощение гражданского населения. Специального состава, охватывающего подготовку и применение бактериологического оружия, в ней не было.

В обвинительном акте 55 пунктов распределены по трём группам. Пункты 1-36 относились к преступлениям против мира, пункты 37-52 – к убийствам и заговору с целью убийства, пункты 53-55 – к обычным военным преступлениям и преступлениям против человечности. Трибунал оставил без рассмотрения 45 пунктов как избыточные. Из 28 подсудимых приговор был вынесен 25: Мацуока Ёсукэ и Нагано Осами умерли в ходе разбирательства, Окава Сюзуми признан неспособным предстать перед судом.

Тема бактериологического оружия осталась за пределами исследованного судом материала. Доклад межведомственной рабочей группы Национального архива США фиксирует, что руководитель отряда 731 Сиро Исии к ответственности не привлекался. Д.В. Кузнецов, разбирая зарубежную литературу о хабаровском деле, отмечает, что до середины 1980-х гг. этот сюжет оставался на периферии западных исследований [8]. Пересмотр начался после работ П. Уильямса и Д. Уоллеса 1989 г. и Ш. Харриса 1994 г. Сложившаяся лакуна и определила предметное поле хабаровского обвинения.

По статье 1 Указа от 19 апреля 1943 г. в Хабаровске были осуждены 12 человек, от главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямады Отодзо до практикантов филиалов отряда 731 Кикүти Норимицу и Курусимы Юдзи. Субъектный состав оказался иным по служебному уровню: в Токио на скамье находились министры и командующие армиями, в Хабаровске рядом с военачальником фронтового уровня судили офицеров среднего звена и унтер-офицеров – Митомо Кадзуо из отряда 100, Хирадзакуру Дзенсаку, начальника филиала № 643 Оноуэ Масао. Установленные судом характеристики программы доказывались через показания непосредственных исполнителей: 300 кг чумных бактерий в месяц, 4 500 инкубаторов для разведения чумных блох, около 3 000 научно-технических сотрудников.

Доказательственные режимы двух судов различались по природе материала. Токийский трибунал широко принимал аффидевиты, что позволяло вводить показания отсутствующих свидетелей без перекрёстного допроса. В Хабаровске опорой служили допросы обвиняемых, показания военнопленных и трофейная документация; следственное производство составило 26 томов, собиравшихся с 1946 г. Н.А. Петухов и Е.В. Рябцева отмечают, что советская сторона в обоих случаях опиралась на институт предварительного следствия, чуждый англо-американской процессуальной модели [2]. Продолжительность разбирательства, 6 дней против 30 месяцев, вытекала из этого различия: суд исследовал материал, уже собранный следствием, тогда как токийский трибунал формировал его в состязательной процедуре.

Как главный аргумент неравнозначности обычно приводится разрыв в тяжести наказаний. В Токио семеро подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение: Тодзио Хидэки, Итагаки Сэйсиро, Кимура Хэйтаро, Доихара Кэндзи, Мацуи Иванэ, Муто Акира, Хирота Коки. Шестнадцать человек получили пожизненное заключение, Того Сигэнори был осуждён на 20 лет, Сигэмицу Мамору – на 7 лет. В Хабаровске высшей применённой мерой стали 25 лет исправительно-трудовых лагерей, назначенные Ямаде Отодзо, Кадзицукэ Рюдзи, Такахаси Такаацу и Кавасиме Киёси; минимальный срок составил 2 года.

Объяснение разрыва лежит вне плоскости оценки деяний. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. отменил смертную казнь в мирное время и установил предельным наказанием заключение на 25 лет. Санкционная шкала Указа 1943 г., предусматривавшая по статье 1 смертную казнь через повешение, к декабрю 1949 г. оказалась усечена сверху.

Ни один советский суд в декабре 1949 г. не располагал санкцией, сопоставимой с той, которую применил токийский трибунал. Сравнение приговоров по абсолютной шкале уже поэтому лишено основания.

Публикационные стратегии разошлись столь же отчётливо. Стенографический отчёт хабаровского заседания вышел в Госполитиздате в 1950 г.; к 18 октября тираж переводов достиг 74 000 экземпляров на японском языке и 72 000 на корейском. Нота советского правительства от 3 февраля 1950 г. содержала требование о предании суду международного трибунала пятерых лиц, включая Сиро Исии. Около 40 000 страниц токийских стенограмм в полном виде долго оставались неопубликованными. Сопоставление послевоенных нарративов Японии и ФРГ обнаруживает расхождение в институционализации памяти о судебных решениях. Память о войне в отношениях Японии с соседними государствами работает как самостоятельный политический фактор. Доступность документов этот фактор поддерживала с 1950 г.

В японской общественной мысли оценка процессов менялась неравномерно. Е.А. Горячева прослеживает, как понятие ответственности за войну переопределялось в Японии на протяжении 1945-2024 гг. [6]. Различие в проработке итогов германского и японского случаев разобрано в работе А.Г. Звягинцева [5]. Ещё до 1946 г. на советском Дальнем Востоке проходили процессы над пособниками японской стороны. Хабаровское заседание завершало этот ряд.

Сведение параметров в единую сетку показывает, что расхождения группируются вокруг источника юрисдикции с регулярностью, достаточной для вывода о системном характере различия.

Параметры сетки распадаются на две неравные группы. В первую входят состав суда, число подсудимых, сроки разбирательства и доказательственный режим; все они производны от того, кто учредил суд. Вторую группу образуют предмет доказывания и высшая применённая санкция, где определяющим

оказывается содержание материального закона: статьи 5 Устава в одном случае и статьи 1 Указа 1943 г. в другом. Основная часть историографических споров приходится на вторую группу.

Состав, вменённый двенадцати подсудимым в Хабаровске, не мог стать предметом токийского приговора. Устав перечислял классы деяний исчерпывающе, и бактериологическая программа как самостоятельный состав в статье 5 не значилась; её материал пришлось бы вводить внутрь пунктов 53-55 об обычных военных преступлениях. Хабаровский трибунал такой конкуренции не знал. Статья 1 Указа 1943 г. сформулирована через результат деяния, без перечня квалифицирующих классов.

О разграничении по служебному уровню говорит и судьба осуждённых. Среди семи казнённых в Токио 23 декабря 1948 г. никто не занимал должности ниже министерской. Осуждённые в Хабаровске были репатриированы в Японию в 1956 г., причём Кикүти Норимицу и Курусима Юдзи вышли на свободу ещё в 1951 г. по отбытии назначенных 2 и 3 лет.

Сопоставление приводит к выводу, расходящемуся с распространённой трактовкой. Два производства не образуют иерархии главного и дополнительного: они разделены линией, проведённой текстом учредительных актов 1943 и 1946 гг. Переоценки требует и аргумент о мягкости хабаровских приговоров.

С 26 мая 1947 г. отмена смертной казни действовала для всех уголовных дел в СССР, безотносительно к их предмету. Приговор от 30 декабря 1949 г. был максимально строгим из юридически возможных.

В 2022 г. Федеральное архивное агентство и Центральный архив ФСБ России опубликовали документальные комплексы, позволяющие проверить эти положения на уровне делопроизводства. Датировки ведомственных решений 1946–1949 гг. показывают, что подготовка хабаровского дела шла параллельно токийскому разбирательству и, вероятно, велась без ожидания его исхода.

Выводы

Сопоставление по семи параметрам приводит к выводу о юрисдикционной природе различия между двумя производствами. Предметное поле каждого суда очерчено текстом его учредительного акта. Линия, отделившая бактериологическую программу от классических составов международного уголовного права, проведена статьёй 5 Устава и статьёй 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Токийский трибунал исследовал решения министров и командующих армиями, хабаровский – организацию и работу конкретных подразделений. Обе процедуры при этом квалифицировали деяния, завершившиеся к сентябрю 1945 г.

Отсюда следует пересмотр отношения между двумя делами. Хабаровское заседание не дополняло токийское и не дублировало его. Предметом заседания стал состав, для которого в дальневосточном трибунале процессуального места не предусматривалось. Историографическая привычка выстраивать производства 1948 и 1949 гг. по вертикали значимости смешивает правовое основание с политическим контекстом.

Что касается санкций, то предельная мера в 25 лет лагерей выражала состояние советского уголовного закона в декабре 1949 г., изменённого указом от 26 мая 1947 г. Аргумент о мягкости хабаровских приговоров, устойчиво воспроизводившийся в зарубежной литературе до 1980-х гг., опирается на сравнение по шкале, суду недоступной.

Различием в служебном уровне подсудимых объясняются и доказательственные стратегии. Там, где предметом выступают решения высшего командования, работают документы и письменные показания под присягой. Там, где доказывается работа конкретных подразделений, основным материалом становятся показания исполнителей и трофейное делопроизводство.

По датам ведомственных решений 1946-1949 гг. восстанавливается хронология подготовки, подтверждающая самостоятельность хабаровского дела. Его предмет был определён до оглашения токийского приговора 12 ноября 1948 г.

Список источников

1. Гун Вэньцзин, Юэ Жунъюань, Чжао Шицзянь Хабаровский процесс и наказание преступников военно-биологической программы Японии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 3. С. 673 – 700. DOI: 10.21638/spbu02.2025.307
2. Петухов Н.А., Рябцева Е.В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 75-летию события) // Правосудие. 2025. Т. 7. № 2. С. 34 – 50. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.34-50
3. Петухов Н.А., Рябцева Е.В. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками // Правосудие. 2024. Т. 6. № 4. С. 30 – 42. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.30-42

4. Ким С.П. Поиск и преследование японских военных преступников (1946-1950): цели, задачи, результаты // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2026. Т. 51. № 1. С. 104 – 120. DOI: 10.24412/2658-5960-2026-51-104-120
5. Звягинцев А.Г. Немецкий и японский рейхи: юридические и идеологические параллели. Вызовы современной памяти в зеркале 80-летия Великой Победы // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2026. Т. 51. № 1. С. 91 – 103. DOI: 10.24412/2658-5960-2026-51-91-103
6. Горячева Е.А. Ответственность за ведение Второй мировой войны: эволюция концептов и нарративов в Японии // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2026. Т. 51. № 1. С. 76 – 90. DOI: 10.24412/2658-5960-2026-51-76-90
7. Кузнецов Д.В. Хабаровский процесс 1949 г.: отечественная историография // Метаморфозы истории. 2025. Вып. 35. DOI: 10.37490/S241436770033711-2
8. Кузнецов Д.В. Хабаровский процесс 1949 г.: зарубежная историография // Метаморфозы истории. 2025. Вып. 36. DOI: 10.37490/S241436770033715-6
9. Егоров А.М., Никитина Н.П. Токийский и Хабаровский процессы в контексте проблемы «бактериологической войны» // Метаморфозы истории. 2022. Вып. 26. DOI: 10.37490/S230861810023663-9
10. Фокин Я.П. Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии // Японские исследования. 2025. № 3. С. 85 – 105. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-85-105

References

1. Gong Wenjing, Yue Rongyuan, Zhao Shijian. The Khabarovsk Trial and Punishment of Criminals of Japan's Military Biological Program. Bulletin of St. Petersburg University. History. 2025. Vol. 70. Issue 3. P. 673 – 700. DOI: 10.21638/spbu02.2025.307
2. Petukhov N.A., Ryabtseva E.V. Khabarovsk Trial of Japanese War Criminals (on the 75th Anniversary of the Event). Justice. 2025. Vol. 7. Issue 2. P. 34 – 50. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.34-50
3. Petukhov N.A., Ryabtseva E.V. Nuremberg in Tokyo: Trials of Japanese War Criminals. Justice. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 30 – 42. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.30-42
4. Kim S.P. Search and Prosecution of Japanese War Criminals (1946–1950): Goals, Objectives, and Results. Transactions of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2026. Vol. 51. No. 1. P. 104 – 120. DOI: 10.24412/2658-5960-2026-51-104-120
5. Zvyagintsev A.G. German and Japanese Reichs: Legal and Ideological Parallels. Challenges to Modern Memory in the Mirror of the 80th Anniversary of the Great Victory. Transactions of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2026. Vol. 51. No. 1. P. 91 – 103. DOI: 10.24412/2658-5960-2026-51-91-103
6. Goryacheva E.A. Responsibility for Waging World War II: The Evolution of Concepts and Narratives in Japan. Transactions of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2026. Vol. 51. No. 1. P. 76 – 90. DOI: 10.24412/2658-5960-2026-51-76-90
7. Kuznetsov D.V. The Khabarovsk Trial of 1949: Domestic Historiography. Metamorphoses of History. 2025. Issue 35. DOI: 10.37490/S241436770033711-2
8. Kuznetsov D.V. Khabarovsk Trial of 1949: Foreign Historiography. Metamorphoses of History. 2025. Issue 36. DOI: 10.37490/S241436770033715-6
9. Egorov A.M., Nikitina N.P. Tokyo and Khabarovsk Trials in the Context of the Problem of "Bacteriological Warfare". Metamorphoses of History. 2022. Issue 26. DOI: 10.37490/S230861810023663-9
10. Fokin Ya.P. Evolution of the Representation of the Tokyo Tribunal in the Historical Narratives of Right-Wing Conservative Non-Governmental Organizations in Japan. Japanese Studies. 2025. No. 3. P. 85 – 105. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-85-105

Информация об авторе

Лобанов Д.С., Российский государственный гуманитарный университет, dmitriy-lobanov1@mail.ru

© Лобанов Д.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 339.9

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-130-137

Энергетический фактор участия Республики Беларусь в евразийской интеграции (2004-2020 гг.)

¹ Шумаев А.Е.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: предметом рассмотрения является энергетическая составляющая участия Республики Беларусь в евразийской интеграции в 2004-2020 гг. Источниковую базу образуют межправительственные соглашения, Договор о Евразийском экономическом союзе, программные выступления руководителей двух государств и материалы деловой печати; по ним восстанавливается эволюция модели, при которой доступ к российским энергоносителям на льготных условиях обменивался на интеграционные обязательства Минска. Изложение подчинено проблемно-хронологическому принципу. Нижняя граница периода определяется газовым кризисом февраля 2004 г., верхняя – прекращением поставок российской нефти в январе 2020 г. Установлено, что энергетические конфликты 2004-2010 гг. сопровождали переход от безусловного субсидирования, унаследованного от 1990-х гг., к возмездной модели; в 2011-2015 гг. обмен «энергоресурсы в обмен на интеграцию» приобрел институциональные формы и достиг высшей точки с созданием ЕАЭС; в 2016-2020 гг. налоговый маневр в российской нефтяной отрасли и споры о компенсациях привели эту модель к исчерпанию. Разобраны спор о «Белтрансгазе», введение российской экспортной пошлины на нефть, пакетная договоренность декабря 2010 г., соглашения 25 ноября 2011 г. и заявление белорусской стороны, приложенное к Договору о ЕАЭС. Энергетика характеризуется как фактор двойственного действия: она служила главным стимулом белорусского участия в интеграционных проектах и одновременно оставалась основным источником напряженности внутри союза.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Россия, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, энергетический фактор, нефть, природный газ, налоговый маневр, российско-белорусские отношения

Для цитирования: Шумаев А.Е. Энергетический фактор участия Республики Беларусь в евразийской интеграции (2004-2020 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 130 – 137. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-130-137

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The energy factor of the Republic of Belarus' participation in the Eurasian integration (2004-2020)

¹ Shumaev A.E.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: the subject of the study is the energy dimension of the Republic of Belarus' participation in Eurasian integration in 2004-2020. The source base comprises intergovernmental agreements, the Treaty on the Eurasian Economic Union, policy statements by the leaders of the two states and business press reports; these materials

allow the reconstruction of a model in which access to Russian energy resources on preferential terms was exchanged for Minsk's integration commitments. The account follows a problem-chronological principle. The lower boundary of the period is set by the gas crisis of February 2004, the upper one by the halt of Russian oil supplies in January 2020. It is established that the energy conflicts of 2004-2010 accompanied the transition from the unconditional subsidies inherited from the 1990s to a compensatory model; in 2011-2015 the exchange of "energy resources in exchange for integration" acquired institutional form and reached its peak with the creation of the EAEU; in 2016-2020 the tax manoeuvre in the Russian oil industry and disputes over compensation brought this model to exhaustion. The dispute over Beltransgaz, the introduction of the Russian export duty on oil, the package agreement of December 2010, the agreements of 25 November 2011 and the statement of the Belarusian side attached to the Treaty on the EAEU are examined. Energy is characterised as a factor of dual action: it served as the principal incentive for Belarusian participation in integration projects and at the same time remained the main source of tension within the union.

Keywords: Republic of Belarus, Russia, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Customs Union, energy factor, oil, natural gas, tax maneuver, Russian-Belarusian relations

For citation: Shumaev A.E. *The energy factor of the Republic of Belarus' participation in the Eurasian integration (2004-2020). Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 130 – 137. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-130-137*

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Место энергетики в истории евразийской интеграции не одинаково для разных участников проекта. Для большинства государств поставки нефти и газа оставались важным, но не определяющим сюжетом переговоров; для Республики Беларусь они составили само содержание интеграционного выбора.

Республика не располагает значимыми запасами углеводородов, однако имеет крупную нефтепереработку и транзитную инфраструктуру, и это сочетание определило характер ее внешнеэкономической стратегии: отношения с Москвой, равно как и участие в Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве и ЕАЭС, строились прежде всего вокруг условий доступа к российским энергоносителям. Изучение белорусского случая позволяет установить, на каком экономическом фундаменте складывалась евразийская интеграция и где проходили пределы его прочности.

Цель работы – проследить эволюцию энергетического фактора в участии Республики Беларусь в евразийских интеграционных проектах с 2004 по 2020 г. Выбор нижней границы обусловлен первым открытым энергетическим конфликтом двух стран, газовым кризисом февраля 2004 г. Верхняя граница отнесена к январю 2020 г., когда прекращение поставок российской нефти обозначило исчерпание сложившейся модели отношений.

Внутри этих рамок выделены три этапа, которым соответствуют разделы работы: конфликты 2004-2010 гг., сопровождавшие демонтаж унаследованной от 1990-х гг. системы безусловных льгот; оформление обмена «энергоресурсы в обмен на интеграцию» в 2011-2015 гг.; кризис и исчерпание этой модели в 2016-2020 гг. Материал организован по проблемно-хронологическому принципу.

Материалы и методы исследований

Работа опирается на межправительственные соглашения России и Беларуси в газовой и нефтяной сферах, Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. вместе с приложенным к нему заявлением белорусской стороны, а также на программные статьи и выступления руководителей двух государств. Ход энергетических споров восстановлен по материалам деловой печати. Исследовательский контекст задают работы по политэкономии Союзного государства и по энергетическому измерению евразийской интеграции [4; 12; 14].

Результаты и обсуждения

Энергетические конфликты 2004-2010 годов

Материальную основу белорусско-российского сближения на протяжении 1990-х гг. составляли льготные поставки российских энергоносителей. Газ поступал в республику по ценам, близким к внутрироссийским, нефть – беспошлинно, в соответствии с соглашением о Таможенном союзе от 12 мая

1995 г. Встречные ожидания Москвы включали политическую лояльность Минска, военное присутствие на белорусской территории и контроль над транзитной инфраструктурой; последнее имело прямое отношение к энергетике [4].

Соглашение о передаче «Белтрансгаза» в структуру «Газпрома» стороны подписали еще в сентябре 1993 г., однако белорусский парламент его не ратифицировал. Судьба газотранспортной системы на десятилетие превратилась в постоянный раздражитель двусторонних отношений [16].

Рубежным для этой модели стал приход к власти в России В.В. Путина. Британская исследовательница Хлоя Брюс отмечает, что новое российское руководство поставило Минск перед выбором: интеграция на российских условиях либо переход к рыночным ценам на газ [17]. Практическим выражением подхода стало межправительственное соглашение от 12 апреля 2002 г., по которому Россия обязалась поставлять газ по оптовым ценам пятого ценового пояса РФ, а Беларусь – обеспечить создание совместного газотранспортного предприятия на базе «Белтрансгаза» не позднее 1 июля 2003 г. Выполнение белорусской части договоренностей затягивалось, и расхождение носило стоимостный характер: Минск оценивал «Белтрансгаз» в 5 млрд долл., «Газпром» – на порядок ниже.

Первый открытый конфликт был вызван невыполнением соглашения 2002 г. С 1 января 2004 г. «Газпром», посчитав себя свободным от обязательства поставлять газ по внутрироссийским ценам, прекратил поставки в республику; в течение полутора месяцев газоснабжение Беларуси обеспечивали независимые трейдеры по краткосрочным контрактам. Кульминация пришлась на 18 февраля 2004 г., когда в ответ на несанкционированный отбор газа из экспортной трубы «Газпром» на несколько часов полностью остановил поставки по белорусскому направлению. Транзит через ключевую транзитную страну был прерван целиком впервые в истории компании [12].

Восприятие произошедшего в Минске передает реакция А.Г. Лукашенко, заявившего, что отношения двух стран «надолго будут отравлены газом». Согласие на российские условия было дано уже 19 февраля, а в июне 2004 г. стороны подписали соглашение о поставках по цене 46,68 долл. за тыс. куб. м при одновременном повышении транзитного тарифа.

Урегулирование конфликта сопровождалось углублением интеграционных связей: весной 2004 г. белорусский парламент ратифицировал соглашение о Едином экономическом пространстве, а Россия предоставила Минску кредит на оплату газа. Брюс определяет сложившуюся конструкцию как «принудительное сотрудничество» (coercive cooperation) [17]. Газовое давление порождало дипломатические кризисы, однако интеграционную рамку не разрушало, поскольку она гарантировала Минску доступ к дешевым энергоносителям [13].

Вторая волна противостояния пришлась на рубеж 2006–2007 гг. и затронула обе составляющие энергетического комплекса. В декабре 2006 г. «Газпром» объявил о повышении цены газа для Беларуси с 46,68 до 100 долл. за тыс. куб. м, увязав частичную оплату с передачей акций «Белтрансгаза», оцененного независимым аудитом в 5 млрд долл.; контракт на 2007 г. был подписан 31 декабря, за считанные часы до истечения ультиматума. Итогом стала поэтапная продажа «Газпрому» 50 % акций «Белтрансгаза» за 2,5 млрд долл. [12].

Не менее резким было изменение на нефтяном направлении. С 1 января 2007 г. российское правительство ввело экспортную пошлину на нефть для Беларуси в размере 180,7 долл. за тонну, ликвидировав режим беспошлинных поставок, за счет которого белорусские НПЗ в Мозыре и Новополоцке извлекали значительную ренту из переработки российского сырья. Минск ответил введением пошлины на транзит российской нефти и начал отбор сырья из трубопровода «Дружба» в счет ее уплаты; 8 января «Транснефть» остановила прокачку нефти в Европу [16].

Конфликт впервые напрямую затронул европейских потребителей по нефтяному направлению и был урегулирован после телефонных переговоров президентов. 12 января 2007 г. главы правительств М.Е. Фрадков и С.С. Сидорский подписали соглашение, по которому транзитная пошлина отменялась, а российская экспортная пошлина снижалась до 53 долл. за тонну с графиком постепенного повышения.

Значение кризиса 2007 г. состоит в том, что субсидия утратила безусловный характер и превратилась в предмет ежегодно пересматриваемого торга. Продолжением этой линии стал 2010 год. С января Россия сохранила беспошлинный режим лишь для 6,3 млн т нефти, покрывавших внутренние потребности республики; весь объем сверх квоты облагался полной пошлиной. В июне 2010 г. последовал очередной газовый спор: Москва потребовала погасить задолженность около 200 млн долл., сократив поставки, а Минск выдвинул встречные требования по оплате транзита и пригрозил его остановкой [9].

Оба сюжета 2010 г. разворачивались на фоне запуска Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, и вопрос о нефтяных пошлинах превратился в главный аргумент Минска на интеграционных

переговорах [15]. Черту под периодом двусторонних конфликтов подвела пакетная договоренность декабря 2010 г.: отмена пошлин на нефть для Беларуси обменивалась на перечисление в российский бюджет пошлин от белорусского экспорта нефтепродуктов и на ратификацию документов Единого экономического пространства. С этого момента энергетический вопрос был встроен в многостороннюю евразийскую рамку.

К 2010 г. определился механизм, во многом задавший логику последующего десятилетия. Россия последовательно демонтировала безусловные льготы и восстанавливала их лишь в обмен на интеграционные уступки; Беларусь конвертировала транзитное положение и само согласие на участие в интеграционных проектах в доступ к дешевым энергоносителям [13].

Энергетическая цена интеграции (2011-2015 гг.)

Пакетная сделка декабря 2010 г. открыла качественно новый период: энергетический вопрос из предмета двусторонних споров превратился в валюту многосторонних интеграционных переговоров. С 1 января 2011 г. Россия отменила пошлины на нефть, поставляемую в Беларусь; взамен Минск обязался перечислять в российский бюджет вывозные пошлины от экспорта нефтепродуктов, произведенных из российского сырья, и ратифицировал пакет документов Единого экономического пространства [15].

Характер обмена восстанавливается по самой последовательности событий: еще летом 2010 г. Минск затягивал ратификацию Таможенного кодекса ТС, добиваясь отмены нефтяных пошлин, а согласие на ЕЭП было дано одновременно с решением нефтяного вопроса. В историографии механизм описан вполне определенно. По оценке А.И. Суздальцева, Минск ставил свой геополитический выбор в зависимость от объема российской финансово-ресурсной поддержки, предлагая взамен статус союзника [13].

Публичное оформление нового курса пришлось на осень 2011 г., когда в «Известиях» одна за другой вышли программные статьи лидеров «тройки». Отвечая на статью В.В. Путина о Евразийском союзе, А.Г. Лукашенко поддержал проект с оговоркой, отражавшей белорусское понимание интеграции: «На неравной основе союз единомышленников и партнеров не построить». Равенство в этой трактовке означало прежде всего равный доступ к энергоносителям, то есть распространение внутрироссийских условий на белорусских субъектов хозяйствования.

Отсюда происходили и последующие разногласия: для Москвы снятие энергетических изъятий было конечной точкой длительного переходного периода, для Минска – предварительным условием самого участия в союзе. Расхождение зафиксировано и в исследовательской литературе: Россия стремилась увязывать предоставление преференций с продвижением военно-политической и союзной интеграции, тогда как для Минска само получение преференций составляло главный смысл интеграционного процесса [4; 13].

Материальным воплощением обмена «ресурсы в обмен на интеграцию» стал пакет соглашений от 25 ноября 2011 г. «Газпром» выкупил оставшиеся 50 % акций «Белтрансгаза» за 2,5 млрд долл., доведя свою долю до 100 % и получив полный контроль над белорусским участком транзитной инфраструктуры, борьба за который шла с 1993 г. Одновременно межправительственное соглашение о порядке формирования цен закрепило для Беларуси особый порядок ценообразования: цена газа на 2012 г. снижалась до 165,6 долл. за тыс. куб. м при контрактной цене третьего квартала 2011 г. в 279,2 долл. [16].

Новые контракты на 2012-2014 гг., как подчеркивалось российской стороной, разрабатывались с учетом вхождения двух стран в Единое экономическое пространство. Уступка, которой Москва добивалась от Минска почти двадцать лет, была получена в логике интеграционного обмена; давление образца 2004 и 2007 гг. в этом эпизоде не применялось. Коммерческая логика и интеграционная риторика впервые совпали.

Пределы модели обнаружили в первые годы работы ЕЭП. В 2012 г. белорусская сторона наладила масштабный экспорт нефтепродуктов под видом растворителей и разбавителей, не облагаемых экспортной пошлиной, что снимало обязанность перечислять причитающиеся платежи в российский бюджет; после претензий российской стороны схема была свернута к концу 2012 г. В эпизоде проявилась устойчивая особенность белорусской стратегии: любая схема субсидирования осваивалась Минском максимально широко, в том числе за границами первоначальных договоренностей [10].

Кульминацией периода стало подписание 29 мая 2014 г. в Астане Договора о Евразийском экономическом союзе. Центральным сюжетом переговоров для Минска был энергетический: белорусская делегация добивалась включения в договор положений о полной отмене изъятий, прежде всего нефтяных пошлин. Итог оказался компромиссным. Договор предусматривал формирование общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов (ст. 83-84), однако выносил его за длительный переходный период, до 2025 г. [6; 14].

Беларусь подписала и ратифицировала договор, приложив к нему официальное заявление, в котором обязалась выполнять договор при условии достижения договоренностей о снятии барьеров, ограничений и изъятий, «в первую очередь, в отношении энергоносителей». Дипломатический по форме, этот шаг юридически зафиксировал существо белорусского участия в проекте: членство в ЕАЭС имело для Минска смысл прежде всего как гарантия доступа к российским энергоносителям на внутрисоюзных условиях [14].

Параллельно на двусторонней основе был урегулирован главный для Минска нефтяной вопрос. В день подписания договора стороны согласовали протокол, по которому с 2015 г. первые 1,5 млрд долл. вывозных пошлин от экспорта нефтепродуктов, произведенных из российской нефти, оставались в белорусском бюджете, а поставки нефти на 2015-2024 гг. гарантировались в объеме 23-24 млн т ежегодно. Осенью 2014 г., накануне белорусской ратификации договора, компромисс был расширен: в связи с начавшимся в России налоговым маневром в нефтяной отрасли Москва согласилась оставить в белорусском бюджете весь объем пошлин 2015 г. [9].

К моменту запуска ЕАЭС 1 января 2015 г. модель «энергоресурсы в обмен на интеграцию» достигла максимума. Беларусь получила беспошлинную нефть, пониженную цену газа и нефтяные экспортные доходы, Россия – контроль над транзитной инфраструктурой и участие Минска в союзе. Устойчивость конструкции целиком зависела от готовности сторон соблюдать достигнутый баланс, и уже в 2016 г. он начал распадаться [7].

Энергетические конфликты 2016-2020 годов

Равновесие, достигнутое к запуску ЕАЭС, продержалось год. С начала 2016 г. Минск, ссылаясь на падение мировых цен и положения союзных договоренностей о равнодоходности, объявил контрактную цену газа несправедливой и в одностороннем порядке стал платить меньше, чем предусматривала формула [12].

Ответ Москвы был выдержан в логике взаимных обязательств. Поставки беспошлинной нефти, привязанные к исполнению газового контракта, сократились в третьем квартале 2016 г. с 5,3 до 3,5 млн т, а по итогам года Беларусь получила 18 млн т вместо запланированных 24. Публично российская позиция мотивировалась прямыми потерями бюджета: недоплата за газ, достигшая к началу 2017 г. порядка 550 млн долл., частично компенсировалась недопоставками нефти.

Спор, растянувшийся более чем на год, был урегулирован на встрече президентов в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 г. Минск полностью погасил задолженность за 2016-2017 гг., выплатив «Газпрому» 726,2 млн долл.; Россия восстановила поставки нефти в объеме 24 млн т в год, предоставила скидку к формуле цены газа на 2018-2019 гг. и рефинансировала белорусский долг. Пакет урегулирования вновь был увязан с интеграционной повесткой: стороны условились ускорить подготовку соглашения об общем рынке газа ЕАЭС, намеченном на 2024 г. Схема 2011 г., предполагавшая уступки в обмен на интеграционное движение, формально воспроизводилась, однако ее экономическая основа уже размывалась [7; 12].

Причиной тому стал начатый в России с 2019 г. завершающий этап налогового маневра в нефтяной отрасли: в течение шести лет экспортная пошлина на нефть поэтапно снижалась до нуля, а выпадающие доходы бюджета замещались ростом налога на добычу полезных ископаемых [2; 9]. Для Беларуси это означало постепенное исчезновение самой субсидии, поскольку льгота, получаемая в форме беспошлинной нефти, сокращалась вместе с пошлиной, при том что формально Россия не нарушала ни одного обязательства.

Белорусская сторона настаивала на компенсации, апеллируя к договоренностям, достигнутым при подписании договора о ЕАЭС. Москва связывала обсуждение ценовых и компенсационных вопросов с углублением союзной интеграции и доработкой пакета отраслевых «дорожных карт», подготовка которых велась на протяжении 2019 г. [1].

Осенью 1999 г. подобная увязка была бы воспринята в Минске как естественная; двадцать лет спустя она стала предметом открытого торга. Утверждение интеграционной программы планировалось приурочить к 20-летию Союзного договора, 8 декабря 2019 г. Условие белорусской стороны А.Г. Лукашенко публично обозначил еще в ноябре: без решения вопросов поставок углеводородов «никакие дорожные карты не будут подписаны». Декабрьские переговоры, включая встречи президентов 30-31 декабря, результата не принесли. С 1 января 2020 г. поставки российской нефти в Беларусь прекратились, а контракт на новый год впервые не был заключен [1].

Начался самый затяжной энергетический конфликт за всю историю двусторонних отношений. Белорусские НПЗ несколько месяцев работали с неполной загрузкой на сырье отдельных российских компаний, поставлявшемся без премии. Параллельно Минск впервые перешел от риторики

диверсификации к практике: в январе 2020 г. через Клайпеду была закуплена норвежская нефть, прорабатывались поставки азербайджанского сырья через Одессу и трубопровод Одесса – Броды, а президентским указом правительство было уполномочено на переговоры о закупках нефти в Казахстане [5].

Дополнительным фоном конфликта оставались последствия аварии апреля 2019 г., когда в нефтепровод «Дружба» попало загрязненное хлорорганическими соединениями сырье. Беларусь была вынуждена временно приостановить экспорт нефтепродуктов, и возник вопрос о компенсациях [9].

Пределы диверсификации обнаружились быстро: альтернативное сырье требовало больших затрат, чем трубопроводное российское, а логистические возможности балтийских портов и украинского транзита не покрывали потребности белорусской переработки. К весне 2020 г. стороны договорились об условиях возобновления поставок, и российская нефть вернулась на белорусские заводы. Качественное изменение эпизод тем не менее зафиксировал: впервые с 1990-х гг. годовой цикл поставок был разорван, а Минск подтвердил готовность нести издержки диверсификации ради переговорной позиции [5; 8].

К концу рассматриваемого периода модель «энергоресурсы в обмен на интеграцию» находилась в состоянии глубокой трансформации. Налоговый маневр устранял таможенную субсидию, вокруг которой строились договоренности 2010-2014 гг.; формирование общих рынков нефти и газа ЕАЭС оставалось отнесенным к будущему; увязка энергетических уступок с интеграционными обязательствами, работавшая в 2011 г., в 2019-2020 гг. давала сбой с обеих сторон. Энергетический фактор, служивший на протяжении полутора десятилетий главным стимулом белорусского участия в евразийских проектах, к 2020 г. все заметнее становился источником разногласий внутри самого союза [11; 14].

Выводы

Роль энергетического фактора в белорусском участии в евразийской интеграции была двойственной: он служил главным стимулом этого участия и одновременно основным источником напряженности внутри интеграционных структур. Соотношение двух начал менялось от периода к периоду, и эта динамика составляет существо эволюции белорусской позиции в 2004–2020 гг.

В 2004-2010 гг. определился сам механизм взаимодействия. Унаследованная от 1990-х гг. модель безусловного субсидирования уступила место возмездной: Россия переводила энергетические отношения на рыночные основания, сохраняя преференции в увязке со встречными обязательствами, а Беларусь научилась конвертировать транзитное положение и согласие на интеграционные проекты в доступ к энергоносителям на льготных условиях.

Конфликты этого периода при всей их остроте общую рамку отношений не разрушали; каждый из них завершался ее достройкой, от ратификации соглашения о ЕЭП в 2004 г. до пакетной договоренности декабря 2010 г.

Период 2011-2015 гг. стал высшей точкой модели. Обмен приобрел институциональные формы: интеграционная скидка на газ, продажа «Белтрансгаза», беспопшлинная нефть и нефтяные экспортные доходы с одной стороны, участие в ЕЭП и ЕАЭС с другой. Уступки, которых Москва не могла добиться от Минска в логике двустороннего давления, были получены в логике интеграционного обмена.

Одновременно было документально зафиксировано и внутреннее противоречие конструкции. Заявление Беларуси к договору о ЕАЭС, обусловившее выполнение договора снятием энергетических изъятий, показало, что стороны вкладывали в союз разное содержание: Минск рассматривал равный доступ к энергоносителям как предварительное условие интеграции, Москва – как ее отдаленный результат.

Противоречие проявилось в событиях 2016-2020 гг. Споры вернулись, однако их природа изменилась: конфликты 2000-х гг. сопровождали демонтаж старой модели, конфликты второй половины 2010-х гг. свидетельствовали об исчерпании новой. Налоговый маневр устранял таможенную субсидию, вокруг которой строились договоренности предыдущего десятилетия, а формирование общих рынков нефти и газа ЕАЭС оставалось отнесенным к 2025 г. Энергетическая основа белорусского участия в интеграции сужалась при том, что институциональная вовлеченность республики в союз достигла максимума [7].

В ряду мотиваций государств – участников евразийского проекта белорусский случай стоит особняком. Для Казахстана интеграция была прежде всего инструментом встраивания в мировую экономику и укрепления международной субъектности; для Беларуси она выступала формой закрепления особых экономических отношений с Россией, ядро которых составляла энергетика. Отсюда происходит и асимметрия белорусской позиции: настойчивость в вопросах общих рынков и снятия изъятий сочеталась со сдержанностью в отношении наднациональных полномочий союзных органов.

К 2020 г. оставалось открытым, что будет удерживать белорусское участие в евразийской интеграции по мере растворения энергетической субсидии. Прежнее основание сокращалось вместе с экспортной пошлиной, новое к тому моменту не сложилось. Ответ на этот вопрос зависел от реализации намеченных на 2025 г. общих энергетических рынков ЕАЭС, то есть от того, способен ли союз заместить двустороннюю модель субсидирования многосторонней рыночной рамкой [3; 11].

Список источников

1. Бахлова О.В., Уляшкина Е.Г. Динамика интересов и позиций в области экономической интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь (2019-2020 гг.) // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 4. С. 404 – 418.
2. Бобылев Ю.Н. Налоговый маневр в нефтяной отрасли // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 8. С. 45 – 49.
3. Борисова О.А., Кравченко К.В. Реализация дорожной карты в контексте развития Союзного государства Беларуси и России (2022-2023 годы) // Геоэкономика энергетики. 2024. № 1 (25). С. 96 – 110.
4. Вилисов Максим Владимирович. Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 106 – 126.
5. Дадашева С.В. Энергетическая политика Беларуси: стратегические вызовы и международное сотрудничество (2010-2024 гг.) // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 2. С. 214 – 221.
6. Винокуров Е.Ю. и др. Евразийский экономический союз / под ред. Е.Ю. Винокурова. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. 296 с.
7. Жильцов С.С. Развитие Евразийского экономического союза на современном этапе: итоги и новые вызовы // Геоэкономика энергетики. 2021. № 4 (16). С. 95 – 108.
8. Захаров Г.В. Экспортно-импортный транзитный потенциал Республики Беларусь на прибалтийском направлении // Постсоветский материк. 2021. № 3 (31). С. 82 – 108.
9. Каукин А.С., Миллер Е.М. Налоговый маневр и поставки нефти в Белоруссию // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 4. С. 37 – 44.
10. Кузьмина Е.М. Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2022. Т. 52. № 5. С. 8 – 28.
11. Личковаха Д.В. Единая энергосистема Евразийского экономического союза как новая форма интеграции // Финансовые исследования. 2025. Т. 26. № 1 (86). С. 101 – 113.
12. Райхерт А.В., Терешина Е.А. Конфликты между Россией и Республикой Беларусь в нефтегазовой сфере в условиях интеграционных политических процессов на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 3. С. 19 – 25.
13. Суздальцев А.И. Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 193 – 232.
14. Уелданов С.Р. Роль энергетического фактора в формировании и развитии Евразийского экономического союза // Мировая политика. 2024. № 1. С. 44 – 57.
15. Царик Ю. Политэкономия Беларуси, эволюция белорусско-российских отношений и политический кризис 2020 года // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 133 – 149.
16. Ядрихинский М.Д. Россия и Белоруссия: через призму интеграционного объединения // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 12 (383). С. 19 – 34.
17. Bruce Chloë. Friction or Fiction? The Gas Factor in Russian – Belarusian Relations. London: Royal Institute of International Affairs, Chatham House, Russia and Eurasia Programme, Briefing Paper 05/01, 2005. 14 p.

References

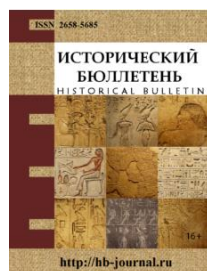
1. Bahlova O.V., Ulyashkina E.G. Dynamics of Interests and Positions in the Field of Economic Integration of the Russian Federation and the Republic of Belarus (2019-2020). Economic History. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 404 – 418.
2. Bobylev Yu.N. Tax Maneuver in the Oil Industry. Economic Development of Russia. 2015. Vol. 22. No. 8. P. 45 – 49.
3. Borisova O.A., Kravchenko K.V. Implementation of the Roadmap in the Context of the Development of the Union State of Belarus and Russia (2022-2023). Geoeconomics of Energy. 2024. No. 1 (25). P. 96 – 110.

4. Vilisov Maxim Vladimirovich. The Union State and the Union Economy: The Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 106 – 126.
5. Dadasheva S.V. Energy Policy of Belarus: Strategic Challenges and International Cooperation (2010-2024). *Post-Soviet Studies*. 2025. Vol. 8. No. 2. P. 214 – 221.
6. Vinokurov E.Yu. et al. The Eurasian Economic Union. edited by E.Yu. Vinokurov. St. Petersburg: Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank, 2017. 296 p.
7. Zhiltsov S.S. Development of the Eurasian Economic Union at the Current Stage: Results and New Challenges. *Geoeconomics of Energy*. 2021. No. 4 (16). P. 95 – 108.
8. Zakharov G.V. Export-import transit potential of the Republic of Belarus in the Baltic direction. *Post-Soviet Continent*. 2021. No. 3 (31). P. 82 – 108.
9. Kaukin A.S., Miller E.M. Tax maneuver and oil supplies to Belarus. *Economic development of Russia*. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 37 – 44.
10. Kuzmina E.M. Dynamics of the foreign economic strategy of the Republic of Belarus. *All-Russian economic journal "ECO"*. 2022. Vol. 52. No. 5. P. 8 – 28.
11. Lichkovakha D.V. Unified energy system of the Eurasian Economic Union as a new form of integration. *Financial studies*. 2025. Vol. 26. No. 1 (86). P. 101 – 113.
12. Raikhert A.V., Tereshina E.A. Conflicts between Russia and the Republic of Belarus in the Oil and Gas Sector in the Context of Integration Political Processes in the Eurasian Space. *Socio-Political Sciences*. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 19 – 25.
13. Suzdaltsev A.I. Republic of Belarus: Evolution of the Balancing Policy between the Union State of Belarus and Russia and the Eurasian Economic Union. *Actual Problems of Europe*. 2021. No. 1 (109). P. 193 – 232.
14. Uel'danov S.R. The Role of the Energy Factor in the Formation and Development of the Eurasian Economic Union. *World Politics*. 2024. No. 1. P. 44 – 57.
15. Tsarik Yu. Political Economy of Belarus, the Evolution of Belarusian-Russian Relations, and the Political Crisis of 2020. *Paths to Peace and Security*. 2020. No. 2 (59). P. 133 – 149.
16. Yadrikhinsky M.D. Russia and Belarus: Through the Prism of an Integration Association. *Scientific and Analytical Journal Observer – Observer*. 2021. No. 12 (383). P. 19 – 34.
17. Bruce Chloë. Friction or Fiction? The Gas Factor in Russian – Belarusian Relations. London: Royal Institute of International Affairs, Chatham House, Russia and Eurasia Programme, Briefing Paper 05/01, 2005. 14 p.

Информация об авторе

Шумаев А.Е., Российский государственный гуманитарный университет, shumaev.ae@rggu.ru

© Шумаев А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327(575.1):556.18

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-138-149

За пределами гидрогегемонии: становление модели «сорегулятора» в водной дипломатии Центральной Азии

¹Корабаев А.А.,

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена переосмыслению динамики водной дипломатии в Центральной Азии через призму теории гидрогегемонии. Показано, что традиционные подходы, описывающие межгосударственные отношения в бассейнах Амударьи и Сырдарьи в категориях «конфликт – сотрудничество», не учитывают качественных изменений, произошедших после 2016 г. На основе анализа трёх операциональных измерений (институционально-юридического, финансово-инвестиционного и информационно-процедурного) демонстрируется, что ключевой актор региона – Республика Узбекистан – осуществил переход от стратегии блокирования гидроэнергетических проектов верховых стран к активному участию в формировании общих правил управления трансграничными водными режимами. Для концептуализации этой новой роли автор вводит понятие «сорегулятор» (co-regulator), определяя его как государство низовья, которое в условиях структурной невозможности сохранения одностороннего контроля переходит от принуждения к соинвестированию и институционализированной координации. Ключевым критерием, отличающим сорегулятора от гегемона, сменившего тактику, выступает наличие симметричных институциональных ограничений на право одностороннего разрыва договорённостей. Статья обосновывает, что случай Узбекистана не является ни продолжением гегемонистского доминирования, ни вынужденной капитуляцией, а заполняет аналитический пробел между категориями «гегемона» и «подчинённого актора» в таксономии гидрополитики. Практическая значимость работы заключается в возможности применения модели сорегулятора для анализа других трансграничных бассейнов в условиях климатического стресса и растущей ресурсной взаимозависимости, а также в обосновании необходимости выработки юридически обязывающего регионального водно-энергетического пакта.

Ключевые слова: гидрогегемония, сорегулятор, водная дипломатия, Центральная Азия, Узбекистан, трансграничные водные ресурсы, теория гидрополитики, институциональный дизайн, Рогунская ГЭС, Камбаратинская ГЭС-1

Для цитирования: Корабаев А.А. За пределами гидрогегемонии: становление модели «сорегулятора» в водной дипломатии Центральной Азии // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 138 – 149. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-138-149

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Beyond hydrohegemony: the emergence of the “co-regulator” model in Central Asia’s water diplomacy

¹ Korabayev A.A.,
¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the article is devoted to rethinking the dynamics of water diplomacy in Central Asia through the prism of hydro-hegemony theory. It is shown that traditional approaches describing interstate relations in the Amu Darya and Syr Darya basins in terms of "conflict–cooperation" fail to capture the qualitative changes that have occurred since 2016. Based on an analysis of three operational dimensions (institutional-legal, financial-investment, and informational-procedural), the article demonstrates that the region's key actor—the Republic of Uzbekistan—has transitioned from a strategy of blocking the hydropower projects of upstream countries toward active participation in shaping common rules for governing transboundary water regimes. To conceptualize this new role, the author introduces the concept of "co-regulator," defined as a downstream state that, facing the structural impossibility of maintaining unilateral control, transitions from coercion to co-investment and institutionalized coordination. The study employs a single case study design with elements of process tracing, covering the period 2016-2024. Two necessary and sufficient conditions distinguish a co-regulator from a hegemon that has merely changed tactics: (1) institutional constraints on the unilateral right to withdraw from agreements, and (2) prohibitively high costs of cooperation breakdown for the actor itself. The article substantiates that the case of Uzbekistan represents neither a continuation of hegemonic dominance nor a forced capitulation, but rather fills an analytical gap between the categories of "hegemon" and "subordinate actor" in the taxonomy of hydropolitics. The practical significance of the work lies in the potential application of the co-regulator model for analyzing other transboundary basins under conditions of climatic stress and growing resource interdependence, as well as in substantiating the need to develop a legally binding regional water-energy pact.

Keywords: hydro-hegemony, co-regulator, water diplomacy, Central Asia, Uzbekistan, transboundary water resources, hydropolitics theory, institutional design, Rogun HPP, Kambarata HPP-1

For citation: Korabayev A.A. *Beyond hydrohegemony: the emergence of the “co-regulator” model in Central Asia’s water diplomacy*. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 138 – 149. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-138-149

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Бассейны Амударьи и Сырдарьи, связывающие пять государств в единую систему ресурсной взаимозависимости, породили уникальную конфигурацию, при которой доступ к воде определяется не столько природными факторами, сколько политическими решениями и институциональными механизмами – или их отсутствием. Распад СССР разрушил централизованную систему управления, работавшую по компенсационному принципу: республики верховья получали энергоносители в обмен на регулирование стока в интересах ирригации низовий. Обретение суверенитета заставило выстраивать водные отношения заново [1].

Аналитический ландшафт гидрополитики Центральной Азии длительное время был поляризован между двумя крайностями. Один лагерь предрекал неизбежность «водных войн», акцентируя конфронтационную риторику и односторонние действия государств [2, р. 79-112; 28, с. 118-133]. Другой, поддерживаемый международными организациями, делал упор на потенциал «интегрированного управления водными ресурсами» и демонстрировал преобладание кооперативных практик над конфликтными [3]. Ни тот, ни другой подход не давал инструментария для описания переходных состояний – ситуаций, когда вчерашний антагонист начинает встраиваться в совместные институты, не становясь при этом ни «другом», ни «побеждённым».

Существенным продвижением в преодолении этой дихотомии стала теория гидрогегемонии М. Цейтуна и Дж. Уорнера [4, р. 435-460]. Их рамка позволила увидеть не только открытые конфликты и сотрудничество, но и латентные механизмы доминирования, когда гегемон навязывает выгодные ему правила игры. В этой оптике Узбекистан стабильно квалифицировался как «негативный гидрогегемон» – государство низовья, использовавшее контроль над транзитными потоками для блокирования гидроэнергетических амбиций

соседей [6, с. 1-3]. Однако к середине 2010-х годов сама теория гидрогегемонии столкнулась с обоснованной критикой. К. Ферлонг указал на её склонность к статике и недоучёт агентности малых государств [9, р. 439-458]. Н. Мирумачи предложила динамическую модель TWINS, акцентирующую сосуществование конфликта и сотрудничества [10]. Применительно к региону Т. Дадабаев и Дж. Зеринг с соавторами разработали конструктивистскую реконцептуализацию, рассматривающую Центральную Азию как «водное соседство» [22, р. 930-948]. Д.Р. Зиганшина обосновала роль «дипломатии водников» как профессионального диалога руководителей водохозяйственных ведомств [19, с. 13-24].

Несмотря на развитие инструментария, в литературе сохраняется аналитический пробел: существующие таксономии не предлагают категории для описания государства низовья, добровольно ограничивающего собственный контроль в пользу институционализированного совместного управления. Современные исследования [10; 32] подтверждают актуальность поиска новых аналитических категорий, однако не дают готового решения для случаев, подобных узбекистанскому.

Важное терминологическое и содержательное уточнение. В нашей предыдущей работе [34] была дана общая характеристика эволюции водно-энергетической дипломатии Узбекистана в 1992-2024 гг. и впервые выдвинут тезис о переходе страны от позиции «вето» к попытке утвердиться в роли сорегулятора. Настоящая статья решает принципиально иную задачу: она не пересказывает эту эволюцию, а конструирует и операционализует само понятие «сорегулятор» как аналитическую категорию внутри теории гидрогегемонии, предлагает критерии его отграничения от смежных типов акторов и тестирует модель на трёх измерениях. Таким образом, данная работа является не продолжением или расширенной версией предыдущей, а её теоретическим углублением.

События после 2016 г. демонстрируют качественный сдвиг, который существующие модели не улавливают. Узбекистан не просто смягчил риторику, а предпринял конкретные институциональные шаги: снял категорические возражения против Рогунской ГЭС, заключил двусторонние соглашения о совместной эксплуатации водохозяйственных объектов, вошёл в состав участников финансирования Камбаратинской ГЭС-1 и инициировал создание региональных платформ по обмену гидрологическими данными. Эти действия не укладываются ни в логику гегемонистского контроля, ни в логику вынужденной капитуляции.

Центральный исследовательский вопрос: как концептуализировать новую роль Узбекистана в водной дипломатии Центральной Азии, если она не соответствует ни категории «гегемона», ни категории «подчинённого актора»? Ответ, предлагаемый автором, – введение в научный оборот понятия «сорегулятор» (co-regulator).

Материалы и методы исследований

Методологической основой выступает теория гидрогегемонии М. Цейтуна и Дж. Уорнера, адаптированная автором для анализа трансформации роли государства низовья. Авторское понятие «сорегулятор» определяется через ключевой критерий – наличие симметричных институциональных ограничений на право одностороннего разрыва договорённостей, что отличает данную модель как от гегемонии, так и от подчинённого положения. Анализ проведён в трёх операциональных измерениях: институционально-юридическом, финансово-инвестиционном и информационно-процедурном.

Эмпирическую базу составили: двусторонние и многосторонние соглашения Республики Узбекистан с Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан за период 2017-2024 гг.; протоколы заседаний Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) [19; 20]; аналитические доклады Всемирного банка [12], Евразийского банка развития [11] и Международной группы экспертов по изменению климата (IPCC) [13]; данные о стоке рек Амударьи и Сырдарьи [16, р. 5267-5281; 17, с. 70-83]; а также прогнозные оценки последствий строительства канала Куш-Тепа в Афганистане [26, с. 1-13; 31].

Исследование выполнено в логике единичного case study с элементами process tracing. Кейс Узбекистана (2016-2024) рассматривается как «наиболее вероятный» для фальсификации традиционной теории гидрогегемонии: если трансформация роли государства низовья фиксируется даже в самом жёстком случае предшествовавшей конфронтации, это усиливает внешнюю валидность модели для менее поляризованных трансграничных бассейнов. Для сравнительного анализа типов акторов в гидрополитике разработана авторская таксономическая таблица (табл. 1).

Результаты и обсуждения

Наследие конфронтации: Узбекистан как негативный гидрогегемон

На протяжении четверти века после распада СССР Узбекистан выстраивал свою водную политику на безусловной защите советских протоколов водodelения и блокировании любых попыток их пересмотра.

Кульминацией этого курса стало заявление Президента Ислама Каримова в сентябре 2012 г. о том, что споры вокруг водных ресурсов могут перерасти в серьезные конфронтации или даже войны. А. Имомов подчёркивает: угроза была не просто риторикой – Узбекистан оказывал на Таджикистан экономическое и транспортное давление, а вопрос достройки Рогунской ГЭС приобрёл для Душанбе значение символа национального суверенитета [7, с. 124-139; 8]. В академической литературе это поведение уверенно концептуализировалось через категорию «негативной гидрогегемонии» – формы доминирования, при которой гегемон консолидирует контроль за счёт более слабых прибрежных государств, используя принудительные стратегии [4, р. 435-460].

Однако внутренние противоречия этой стратегии к середине 2010-х годов достигли критической массы. С одной стороны, сама теория гидрогегемонии подверглась критике за игнорирование контр-стратегий малых государств, способных даже в условиях асимметрии мобилизовать внешние ресурсы [9, р. 439-458; 10]. С другой – прогресс в строительстве Рогунской ГЭС и привлечение Таджикистаном внешнего финансирования сделали проект неотвратимым. Износ советской ирригационной инфраструктуры требовал от Узбекистана поиска новых форм обеспечения водной безопасности – уже не через отрицание проектов, а через участие в управлении ими. Гегемонистская стратегия первого поколения упёрлась в структурный предел.

Концепция сорегулятора: за пределами дихотомий гидрогегемонии

Для заполнения выявленной аналитической лакуны автор вводит понятие «сорегулятор». Важно сразу оговориться: «сорегулятор» – это аналитическая категория, а не нормативный идеал. Реальное поведение государства может сочетать элементы разных стратегий, и Узбекистан, скорее всего, будет ситуативно колебаться между кооперацией и давлением. Однако аналитическая ценность концепта именно в том, чтобы зафиксировать сдвиг, не улавливаемый стандартной таксономией.

В отличие от понятия «water stewardship», популярного в дискурсе международных организаций и подразумевающего добровольную экологическую ответственность, сорегулятор имеет политическую природу: это не жест доброй воли, а рациональный стратегический выбор, продиктованный исчерпанием эффективности прежней модели доминирования. От концепции «shared ownership» сорегулятор отличается сохранением асимметричного интереса, нехарактерного для ситуации паритетного владения.

Сорегулятор определяется как государство низовья, которое в условиях структурной невозможности сохранения одностороннего контроля отказывается от принуждения и переходит к активному участию в формировании общих институциональных правил управления трансграничными водными режимами. Ключевое различие между гегемоном (в любой его форме) и сорегулятором пролегает не по инструментарию действия, а по институциональной структуре переговорной ситуации. Гегемон, даже прибегая к утилитарным стимулам, сохраняет возможность одностороннего разрыва кооперации. Сорегулятор добровольно входит в рамки, где его право выхода или угрозы санкциями становится процедурно сопоставимым с правом другой стороны, а крах кооперации оказывается катастрофически дорогим для негосамого.

Для формализации отличия сорегулятора от гегемона, сменившего тактику, предлагаются два необходимых и достаточных условия. Первое: институциональное ограничение права одностороннего выхода из договорённостей – сорегулятор встраивается в структуру, где такое право симметрично ограничено. Второе: неприемлемо высокие издержки разрыва кооперации для самого актора, превышающие потенциальные выгоды от возврата к односторонним действиям. В совокупности эти условия переводят анализ из плоскости поведенческих характеристик в плоскость институциональной структуры. Принципиальное отличие сорегулятора от смежных категорий иллюстрируется табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная таксономия типов акторов в гидрополитике.

Table 1

Comparative Taxonomy of Actor Types in Hydropolitics.

Критерий	Негативный Гегемон	Позитивный Гегемон	Подчи- нённый актор	Нейтральный координатор	Сорегулятор
Асимметрия интереса	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая	Высокая
Контроль над режимом	Односторонний	Односторонний с легитимацией	Отсутствует	Отсутствует	Совместный, институционально оформленный
Основной инструмент	Принуждение, вето	Стимулы в обмен на лояльность	Адаптация к чужим правилам	Фасилитация, посредничество	Соинвестирование, договорные обязательства
Институциональный дизайн	Иерархический, навязанный	Иерархический, легитимированный	Подчинённый внешним институтам	горизонтальный, нейтральный	Горизонтальный, с долевым участием
Отношение к международным нормам	Игнорирование или инструментализация	Формальная поддержка при сохранении контроля	Следование при отсутствии альтернатив	Активное продвижение	Интернализация как стратегия снижения издержек

Составлено автором на основе [4, p. 435-460; 10] и эмпирических данных настоящего исследования.
Compiled by the author based on [4, p. 435-460; 10] and empirical data of the present study.

Таблица демонстрирует, что ключевое отличие сорегулятора – это не исчезновение асимметрии, а принципиально иной способ её конвертации в политические решения. Сорегулятор сохраняет высокую асимметрию интереса (он критически зависит от режима стока как государство низовья), но отказывается от инструментов одностороннего контроля в пользу институционально оформленного совместного управления. Дополнительным отличительным признаком является интернализация международных норм не вследствие убеждения, а вследствие рационального расчёта в условиях структурных ограничений.

Драйверы трансформации: почему прежняя модель стала нежизнеспособной

К середине 2010-х годов совокупность объективных факторов подорвала ресурсную базу узбекистанской гидрогегемонии. Ниже они сгруппированы не как хроника событий, а как критические факторы, сделавшие продолжение прежнего курса иррациональным (табл. 2).

Таблица 2

Критические факторы, подорвавшие модель негативной гидрогегемонии.

Table 2

Critical Factors Undermining the Negative Hydro-Hegemony Model.

Группа факторов	Группа факторов	Почему блокирующая стратегия стала невозможна	Ключевой источник
Экономические	Прямые потери ~4,5 млрд долл./год; износ прирочной инфраструктуры; блокировка международных инвестиций	Конфронтация консервировала технологическую отсталость и закрывала доступ к модернизационным кредитам	[11, 12]
Климатические	Таяние ледников; прогнозируемое сокращение стока на 10-15% к 2050 г.; нагрев региона вдвое быстрее среднемирового	Стратегия конфликтного распределения сокращающегося ресурса теряла смысл; единственной рациональной альтернативой становилась совместная адаптация	[13; 14, с. 100-119]
Демографические	Рост населения с 51 млн (1991) до 78 млн (2023); скрытая безработица; давление на водные и продовольственные системы	Экстенсивная аграрная экономика перестала абсорбировать трудовые ресурсы; вода превратилась в фактор, способный спровоцировать социальный кризис	[14, с. 100-119; 15, с. 94-104]
Институциональные (давление МФИ)	Всемирный банк, АБР увязывают кредиты с региональными водными соглашениями	Отказ от диалога = отказ от льготного финансирования модернизации прирочий	[11; 12]

Экономический тупик стал наиболее осязаемым ограничителем. По оценкам ЕАБР, прямые потери региональных экономик от отсутствия кооперации достигали 4,5 млрд долл. ежегодно [11]. Для Узбекистана, чья продуктивность водопользования составляла лишь 1,34 долл. на кубометр – в разы ниже показателей сравнимых стран – модернизация ирригационной инфраструктуры была вопросом выживания. Однако доступ к международным инвестициям блокировался отсутствием регионального сотрудничества [12].

Климатический фактор придал ситуации экзистенциальное измерение. По расчетам Уайта, Тантона и Райкрофта, к концу XXI века сток в бассейне Амударьи сократится в среднем на 10-15%, а в засушливые годы – до 30%. Пулатов и Мухаббатов дают ещё более жёсткую оценку: сокращение стока Амударьи на 26-35%, Сырдарьи – на 22-28% к 2050 году [16, р. 5267-5281; 17, с. 70-83; 13]. В этих условиях конфликтное распределение сокращающегося ресурса превращалось из политической стратегии в путь к катастрофе.

Демографический прессинг создавал угрозу уже не внешней, а внутренней стабильности. Старая экстенсивная аграрная экономика, основанная на водоёмком хлопководстве, перестала абсорбировать растущее население, порождая скрытую безработицу и отток населения в города [15, с. 94-104]. Как показывают исследования, именно безработная молодёжь в крупных городах формирует «горючий материал» для социальной нестабильности [14, с. 100-119].

Таким образом, к 2016 г. продолжение прежней стратегии означало для Узбекистана не просто стагнацию, а нарастание внутренних и внешних рисков, совокупная цена которых превышала потенциальные издержки от отказа от одностороннего контроля.

Эмпирические проявления новой роли в трёх измерениях

Эмпирический анализ показывает, что действия Узбекистана после 2016 г. соответствуют предложенной модели сорегулятора, а не являются простой сменой тактики. Приход к власти Ш.М. Мирзиёева сыграл роль политического триггера, легитимизировавшего давно назревший пересмотр подходов [5, с. 292-303; 18, с. 825-834; 30, с. 243-251]. Однако ключевой движущей силой были не личные предпочтения нового руководства, а объективная невозможность продолжения прежнего курса.

Реформированное Министерство иностранных дел превратилось в инструмент активной дипломатии. Вместо публичных ультиматумов узбекские дипломаты перешли к стратегии «умного участия», сосредоточившись на детальном обсуждении технических, экологических и экономических параметров проектов соседей. Эта трансформация полностью соответствует концепции «дипломатии водников» Д.Р. Зиганшиной: основой успешного регионального сотрудничества является профессиональный диалог руководителей водохозяйственных ведомств, их способность договариваться на основе общих данных и взаимных интересов [19, с. 13-24].

Таблица 3

Сравнение стратегий Узбекистана в водной дипломатии до и после 2016 г.

Table 3

Comparison of Uzbekistan's Strategies in Water Diplomacy Before and After 2016.

Индикатор	Период 1992-2015 (негативный гегемон)	Период 2016-2024 (Сорегулятор)
Позиция по Рогунской ГЭС	Угроза военного конфликта (2012)	Согласие при условии международных стандартов (2018)
Финансовое участие в проектах верховых стран	Отсутствует	Сопинвестирование в Камбарату-1, ГЭС на Зарафшане
Тип соглашений с соседями	Рамочные, необязывающие	Двусторонние обязывающие с конкретными объектами
Режим обмена гидрологическими данными	Закрытость, взаимные обвинения в искажении данных	Предложение единой информационно-системы, внедрение SCADA
Институциональная стратегия	Блокирование, вето, угрозы выхода из организаций	Председательство в МФСА (с 2021), иниципирование региональной информационно-платформы и новых переговорных форматов

Составлено автором на основе [20; 19, с. 13-24] и протоколов МКВК за 2016-2023 гг.

Compiled by the author based on [20; 19, p. 13-24] and the ICWC protocols for 2016-2023.

Новая стратегия реализовывалась в трёх взаимосвязанных измерениях.

Стратегический отказ от принуждения (институционально-юридическое измерение). В марте 2018 г. Президент Мирзиёев заявил, что Узбекистан не возражает против строительства Рогунской ГЭС при условии соблюдения международных стандартов [21]. Этот шаг следует интерпретировать как стратегический манёвр: соглашаясь с неотвратимостью проекта, Ташкент обеспечил себе право на участие в международной экспертизе и мониторинге безопасности. В 2020 г. Узбекистан присоединился к трёхсторонним протоколам по режиму Токтогульского водохранилища, институционализируя свою роль в оперативном управлении попусками. За период 2017-2024 гг. заключена серия соглашений, создающих юридически обязывающие ограничения: соглашение с Кыргызстаном по Орто-Токойскому водохранилищу (2017), соглашение с Таджикистаном по Фархадской ГЭС (2018), договорённость о создании совместного предприятия для строительства ГЭС на Зарафшане (2021), трёхсторонний меморандум по Камбаратинской ГЭС-1 (2024). Во всех этих документах Узбекистан выступает не как внешний гарант или кредитор, а как сторона, принявшая на себя конкретные обязательства.

Переход к соинвестированию (финансово-инвестиционное измерение). Переход Узбекистана от пассивного наблюдателя к соинвестору стратегической водной инфраструктуры наглядно иллюстрируют два ключевых проекта. Первый – создание в 2021 году совместного узбекистано-таджикского предприятия для строительства ГЭС Ёвон и Фандарё на реке Зарафшан (совокупная мощность 275 МВт, оценочная стоимость свыше 400 млн долларов США). Второй – подписание в 2022 году (с обновлением в 2024 году) меморандума о строительстве Камбаратинской ГЭС-1, где Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан выступили как равноправные партнёры-соинвесторы, а ориентировочная стоимость проекта составляет около 3 млрд долларов США [22, р. 930-948; 20]. Принципиальное отличие этой модели от утилитарной власти гегемона состоит в том, что Узбекистан приобретает долю в капитале проектов, а не выступает в роли кредитора, обуславливающего предоставление средств политическими требованиями. Режимы работы ГЭС будут определяться в рамках совместных переговорных форматов, где голос Узбекистана институционально обеспечен его долей.

Информационная прозрачность (информационно-процедурное измерение). Дефицит доверия к данным десятилетиями блокировал любые формы сотрудничества. Осознав эту проблему, Ташкент начал целенаправленно инвестировать в проекты информационной прозрачности. В 2018 г. Президент Мирзиёев предложил создать Региональную программу рационального использования водных ресурсов с единой информационной системой мониторинга. Предложение было формализовано и включено в повестку заседания Правления МФСА от 15 декабря 2021 г. [20]. Узбекистан инвестировал в развёртывание систем SCADA на ключевых трансграничных каналах. Эти технологии выступают инструментом «доказательной дипломатии», позволяя деполитизировать технические вопросы на основе прозрачных, верифицируемых данных [22, р. 930-948].

Сводная картина по трём измерениям с указанием критических тестов для верификации модели представлена в табл. 4.

Таблица 4

Степень реализации и критические тесты модели сорегулятора.

Table 4

Degree of Implementation and Critical Tests of the Co-Regulator Model.

Измерение	Стадия реализации	Текущие ограничения реализации	Критический тест (верификация модели)	Условие фальсификации	Горизонт
Институционально-юридическое	Движение к модели	Уставные документы совместного предприятия (СП) не финализированы	Принятие уставов СП с консенсусным принципом принятия решений	Все ключевые решения де-юре остаются в суверенной компетенции верховой страны	
Финансово-инвестиционное	Наиболее продвинутая	Меморандум – документ о намерениях	Перечисление первого транша в уставный капитал проектной компании Камбараты-1	Участие ограничивается кредитами и закупочными контрактами	
Информационно-процедурное	Зачаточная	Платформа не операционализирована	Запуск единого диспетчерского центра с обязывающими протоколами обмена данными	Обмен данными остаётся декларативным и не влечёт процедурных последствий	

Данная картина не позволяет сделать бинарный вывод «Узбекистан стал сорегулятором». Однако она позволяет зафиксировать эмпирически обоснованный тезис: после 2016 г. Узбекистан последовательно движется по траектории, задаваемой моделью сорегулятора. По всем трём измерениям вектор изменений соответствует логике модели, однако степень реализации неравномерна. Завершение строительства Камбаратинской ГЭС-1 и Рогунской ГЭС, финализация уставных документов совместных предприятий и операционализация региональной платформы обмена данными станут критическими эмпирическими тестами устойчивости модели в указанные временные горизонты.

Хрупкость прогресса: системные препятствия

Достигнутый прогресс остаётся уязвимым: он в значительной степени опирается на политическую волю действующих лидеров и двусторонние договорённости, не будучи повсеместно подкреплён необратимыми институциональными механизмами.

Институциональная неэффективность МФСА. Ключевым препятствием остаётся неспособность Международного фонда спасения Арала эволюционировать в действенный инструмент управления. Исследователи на протяжении многих лет фиксируют системные пороки Фонда: отсутствие механизмов имплементации, нерегулярное финансирование и, как следствие, превращение Фонда в дискуссионную площадку [23, с. 202-206; 24, с. 90-101]. Принимаемые решения носят рекомендательный характер.

Фундаментальные правовые противоречия. Страны верховьев интерпретируют государственную ответственность на воду как право на компенсацию за регулирование стока, рассматривая воду как экономический товар. Страны низовья настаивают на статусе воды как общего достояния народов региона. Это противостояние двух подходов создаёт правовой барьер для достижения устойчивого компромисса.

Внешний фактор: Афганистан как новый водораздел. Самый серьёзный вызов – активизация Афганистана в использовании вод Амударьи. Строительство канала Куш-Тепа, реализуемое вне каких-либо региональных соглашений, способно радикально изменить водный баланс бассейна. Согласно расчётам, его проектная мощность составит от 9 до 21 кубического километра в год, что эквивалентно изъятию 10-20% всего стока Амударьи [26, с. 1-13; 27; 29, с. 78-89]. При этом Афганистан не связан обязательствами ни с МФСА, ни с двусторонними договорённостями стран Центральной Азии.

Существует также риск, что модель сорегулятора окажется неустойчивой равновесной фазой. При завершении строительства Рогунской и Камбаратинской ГЭС Узбекистан, утратив рычаги влияния на процесс, может вновь прибегнуть к стратегии блокирования – но уже другими средствами, например, через манипулирование транзитными потоками или тарифные барьеры.

Выводы

Теоретические результаты. Главный теоретический результат работы – введение понятия «сорегулятор» в понятийный аппарат гидрополитического анализа как уточняющей категории внутри теории гидрогегемонии. Концепция фиксирует ситуацию, в которой асимметричный ресурсный интерес сохраняется, но реализуется через институционализированное участие, а не через одностороннее принуждение. Ключевой демаркационный критерий – симметрия институциональных ограничений на право одностороннего разрыва договорённостей – и три операциональных измерения образуют инструментарий, который может быть применён к сравнительному анализу других трансграничных бассейнов – Нила, Меконга, Инда.

Дополнительное значение кейса Узбекистана состоит в том, что он иллюстрирует механизм нормативной интернализации в гидрополитике: государство низовья, изначально отвергавшее международные нормы в пользу односторонних действий, встраивает их в свою стратегию не вследствие убеждения, а вследствие структурной невозможности дальнейшего игнорирования.

Практические рекомендации. Проведённый анализ подтверждает: достигнутый прогресс остаётся хрупким без институционального закрепления. Основные риски реверсивности связаны с тройным блоком проблем: институциональная неэффективность МФСА, фундаментальные правовые противоречия и активизация Афганистана как нового водопотребителя.

Ответом на эти вызовы могла бы стать разработка всеобъемлющего юридически обязывающего регионального водно-энергетического пакта, ключевые элементы которого систематизированы в табл. 5.

Таблица 5

Ключевые элементы предлагаемого регионального водно-энергетического пакта.

Table 5

Key Elements of the Proposed Regional Water-Energy Pact.

Элемент пакта	Содержание	Какую проблему решает
Правовой компромисс	Формула, признающая право верховых стран на компенсацию за регулирование стока при гарантии стабильных объёмов водоподачи низовьям	Противостояние доктрин «коммодификации воды» и «общего достояния»
Институциональная реформа	Наделение МФСА (или нового органа) наднациональными полномочиями по мониторингу, разрешению споров и имплементации решений	Институциональная неэффективность МФСА, рекомендательный характер решений
Управление внешними рисками	Постоянно действующий механизм для выработки общей позиции по Афганистану; вовлечение Кабула в бассейновый диалог через экономические стимулы	Односторонние действия Афганис-тана (Куш-Тепе) вне региональных соглашений
Информационная прозрачность	Единая региональная платформа с данными автоматизированных постов в режиме реального времени, имеющими статус доказательной базы для арбитража	Взаимные обвинения в искажении данных; дефицит доверия

Ограничения и направления будущих исследований. Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, дизайн единичного case study ограничивает статистическую генерализацию: выводы о применимости модели сорегулятора к бассейнам Нила, Меконга и Инда носят характер гипотез, требующих отдельной эмпирической проверки. Во-вторых, ключевые процессы, на которых основан анализ, остаются незавершёнными: строительство Камбаратинской ГЭС-1 и Рогунской ГЭС не закончено, уставные документы совместных предприятий не финализированы, а региональная информационная платформа не операционализована. В-третьих, эмпирическая база опирается преимущественно на открытые источники и официальные документы, что может недоучитывать непубличные переговорные позиции сторон.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ применимости модели сорегулятора к бассейнам Нила, Меконга и Инда, а также проверка выделенных критических тестов по мере завершения строительства Камбаратинской ГЭС-1 и Рогунской ГЭС.

Завершение строительства этих объектов, практическая имплементация предложенной региональной платформы обмена гидрологическими данными и потенциальное включение Афганистана в бассейновые структуры управления станут критическими эмпирическими тестами, которые в ближайшие годы позволят либо подтвердить, либо опровергнуть устойчивость зафиксированной траектории.

Список источников

1. Духовный В.А., де Шуттер Й. Вода в Центральной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Ташкент: НИЦ МКВК, 2011. 584 с.
2. Gleick P.H. Water and conflict: Fresh water resources and international security // International Security. 1993. Vol. 18. № 1. P. 79 – 112.
3. Духовный В.А., Соколов В.И., Зиганшина Д.Р. Интегрированное управление водными ресурсами в Центральной Азии: проблемы управления большими трансграничными реками. Стокгольм: GWP, 2014. 60 с.
4. Zeitoun M., Warner J. Hydro-hegemony – a framework for analysis of trans-boundary water conflicts // Water Policy. 2006. Vol. 8. No. 5. P. 435 – 460.
5. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 292 – 303.
6. Норбекова В.С. Проблемы использования трансграничных водных ресурсов в Центральноазиатском регионе // Центральная Азия и водные ресурсы. 2023. № 1. С. 1 – 3.
7. Имомов А. Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии: взгляд из Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 2. С. 124 – 139.
8. Salewicz K.A., Nakayama M. The Rogun Dam Project: Evolution from Conflict to Cooperation between Tajikistan and Uzbekistan // Frontiers in Water. 2025. Vol. 7. Art. 1680799.
9. Furlong K. Hidden theories, troubled waters: International relations, the 'Third World' and the politics of water in the Middle East // Political Geography. 2008. Vol. 27. No. 4. P. 439 – 458.
10. Mirumachi N. Transboundary water politics in the developing world. Abingdon: Routledge, 2015. 208 p.

11. Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н., Цукарев Т., Сарсембеков Т. Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии. Алматы; Москва: Евразийский банк развития, 2021. 92 с.
12. World Bank. International Development Association Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of US\$144.90 Million to the Republic of Uzbekistan for a Ferghana Valley Water Resources Management Project – Phase II. Report No. PAD1054. Washington, D.C.: World Bank, 2017. 103 p.
13. IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report. Cambridge University Press, 2022. 1302 p.
14. Дадабаева З.А. Климатические изменения и водные проблемы Центральной Азии в XXI веке: риски дезинтеграции // Геоэкономика энергетики. 2023. № 3 (23). С. 100 – 119.
15. Притчин С.А. Энергетический кризис в странах Центральной Азии и перспективы их сотрудничества с Россией // Центральная Азия в глобальном мире. 2023. № 3 (60). С. 94 – 104.
16. White C.J., Tanton T.W., Rycroft D.W. The Impact of Climate Change on the Water Resources of the Amu Darya Basin in Central Asia // Water Resources Management. 2014. Vol. 28. P. 5267 – 5281.
17. Пулатов Я.Э., Мухаббатов Х.М. Водные ресурсы бассейна Аральского моря, водodelение и пути решения дефицита воды // Central Asian journal of the geographical researches. 2021. № 1-2. С. 70 – 83.
18. Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 825 – 834.
19. Зиганшина Д.Р. Водная дипломатия и наука на службе водной безопасности Центральной Азии. Научно-информационный центр МКВК Центральной Азии. 2019. С. 13 – 24.
20. Зиганшина Д.Р., Сорокин А.Г., Муминов Ш.Х., Шамсиев Х.А. Возможные пути обновления организационно-финансовых механизмов водно-энергетического сотрудничества в Центральной Азии: Дискуссионный документ. Ташкент: НИЦ МКВК, 2023. 131 с.
21. Интерфакс. Шавкат Мирзиёев: Узбекистан не против строительства Рогунской ГЭС. 09.03.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/603894> (дата обращения: 15.10.2025)
22. Dadabaev T., Sehring J., Djalilova N. Central Asian water neighbourhood: A constructivist reconceptualisation of hydropolitics in Central Asia // Water Alternatives. 2023. Vol. 16. No. 3. P. 930 – 948.
23. Нарбаев М.Т., Бекниязов М.К. О совершенствовании взаимовыгодного сотрудничества государств-учредителей МФСА // Гидрометеорология и экология. 2010. № 2. С. 202 – 206.
24. Жильцов С.С., Бименова А.Н. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 1. С. 90 – 101.
25. Мубаракшин Б.Н. Подходы центральноазиатских республик к реализации регионального водохозяйственного комплекса. 2021. С. 101 – 106.
26. Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане // Азиятерра. 2023. 13 с. URL: <https://asiaterra.info> (дата обращения: 30.03.2026)
27. Keshawarz M.S., Faqiryar J.N. Qosh Tepa Irrigation Canal and Its Effects on the Water Resources of the Neighboring Countries in Central Asia. URL: <https://www.researchgate.net/publication/...> (дата обращения: 30.03.2026)
28. Кочетков В.В., Медведков А.А., Кузьменко Е.А., Нессар О.М. «Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4 (10). С. 118 – 133.
29. Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 78 – 89.
30. Хайдаров А.А. Узбекистан: новый взгляд на перспективы сотрудничества в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 3. С. 243 – 251.
31. Overland I., Jalilov S.M., Vakulchuk R. Afg h anistan's Qosh Tepa irrigation project: implications for transboundary water management in Central Asia // Environmental Research: Water. 2025. Vol. 1. P. 043001.
32. Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н., Сарсембеков Т. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Алматы; Москва: ЕАБР, 2022. 117 с.
33. Несмашный А.Д. Водно-энергетическая безопасность Центральной Азии: эффективность международных механизмов управления // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). С. 229 – 253.
34. Корабаев А.А. Эволюция водно-энергетической дипломатии Узбекистана в Центральной Азии (1992-2024 гг.): от конфронтационного наследия к институционализации диалога // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 249 – 265. URL: <https://www.postussr.org/journals/260902/11-Корабаев.pdf> (дата обращения: 24.03.2026)

References

1. Dukhovny V.A., de Schutter J. Water in Central Asia: Past, Present, and Future. Tashkent: Research Center for Interregional Water Cooperation, 2011. 584 p.
2. Gleick, P.H. (2011). Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security. *International Security*. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 79 – 112.
3. Dukhovny V.A., Sokolov V.I., Ziganshina D.R. Integrated Water Resources Management in Central Asia: Challenges of Managing Large Transboundary Rivers. Stockholm: GWP, 2014. 60 p.
4. Zeitoun, M. and Warner, J. (2006). Hydrohegemony: A Framework for Analysis of Transboundary Water Conflicts. *Water Policy*, 2006. Vol. 8. No. 5. P. 435 – 460.
5. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. Reforms in Uzbekistan's Foreign Policy: Main Achievements and Development Scenarios. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 292 – 303.
6. Norbekova V.S. Problems of Using Transboundary Water Resources in the Central Asian Region. *Central Asia and Water Resources*. 2023. No. 1. P. 1 – 3.
7. Imomov A. Territorial and Land-Water Conflicts in Central Asia: A View from Tajikistan. *Central Asia and the Caucasus*. 2013. T. 16. No. 2. P. 124 – 139.
8. Salewicz K.A., Nakayama M. The Rogun Dam Project: Evolution from Conflict to Cooperation between Tajikistan and Uzbekistan. *Frontiers in Water*. 2025. Vol. 7. Art. 1680799.
9. Furlong K. Hidden theories, troubled waters: International relations, the 'Third World' and the politics of water in the Middle East. *Political Geography*. 2008. Vol. 27. No. 4. P. 439 – 458.
10. Mirumachi N. Transboundary water politics in the developing world. Abingdon: Routledge, 2015. 208 p.
11. Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., Tsukarev T., Sarsembekov T. Investments in the Water and Energy Complex of Central Asia. Almaty; Moscow: Eurasian Development Bank, 2021. 92 p.
12. World Bank. International Development Association Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of US\$144.90 Million to the Republic of Uzbekistan for a Ferghana Valley Water Resources Management Project – Phase II. Report No. PAD1054. Washington, D.C.: World Bank, 2017. 103 p.
13. IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report. Cambridge University Press, 2022. 1302 p.
14. Dadabaeva Z.A. Climate Change and Water Problems of Central Asia in the 21st Century: Risks of Disintegration. *Goeconomics of Energy*. 2023. No. 3 (23). P. 100 – 119.
15. Pritchins S.A. Energy Crisis in Central Asian Countries and Prospects for Their Cooperation with Russia. *Central Asia in the Global World*. 2023. No. 3 (60). P. 94 – 104.
16. White C.J., Tanton T.W., Rycroft D.W. The Impact of Climate Change on the Water Resources of the Amu Darya Basin in Central Asia. *Water Resources Management*. 2014. Vol. 28. P. 5267 – 5281.
17. Pulatov Ya.E., Mukhabbatov Kh.M. Water Resources of the Aral Sea Basin, Water Allocation, and Solutions to Water Deficit. *Central Asian Journal of the Geographical Researches*. 2021. No. 1-2. P. 70 – 83.
18. Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Conceptual Foundations of the Foreign Policy of the Republic of Uzbekistan at the Current Stage. *Post-Soviet Studies*. 2022. Vol. 5. No. 8. P. 825 – 834.
19. Ziganshina D.R. Water Diplomacy and Science in the Service of Water Security in Central Asia. Scientific and Information Center of the ICWC of Central Asia. 2019. P. 13 – 24.
20. Ziganshina D.R., Sorokin A.G., Muminov Sh.Kh., Shamsiev H.A. Possible Ways to Update the Organizational and Financial Mechanisms of Water and Energy Cooperation in Central Asia: Discussion Paper. Tashkent: Scientific and Information Center of the ICWC, 2023. 131 p.
21. Interfax. Shavkat Mirziyoyev: Uzbekistan is not against the construction of the Rogun HPP. 09.03.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/603894> (date of access: 15.10.2025)
22. Dadabaev T., Sehring J., Djalilova N. Central Asian water neighborhood: A constructivist reconceptualization of hydropolitics in Central Asia. *Water Alternatives*. 2023. Vol. 16. No. 3. P. 930 – 948.
23. Narbaev M.T., Bekniyazov M.K. On improving mutually beneficial cooperation between the founding states of IFAS. *Hydrometeorology and Ecology*. 2010. No. 2. P. 202 – 206.
24. Zhiltsov S.S., Bimenova A.N. Central Asian Countries' Policy on Transboundary River Water Resources Use. *Central Asia and the Caucasus*. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 90 – 101.
25. Mubarakshin B.N. Approaches of the Central Asian Republics to the Implementation of the Regional Water Management Complex. 2021. P. 101 – 106.
26. Ilkhamov A. Consequences of the Construction of the Kosh Tepa Canal in Afghanistan for the Water Supply System in Uzbekistan. *Asiaterra*. 2023. 13 p. URL: <https://asiaterra.info> (date of access: 30.03.2026)

27. Keshawarz M.S., Faqiryar J.N. Qosh Tepa Irrigation Canal and Its Effects on the Water Resources of the Neighboring Countries in Central Asia. URL: <https://www.researchgate.net/publication/...> (date of access: 30.03.2026)
28. Kochetkov V.V., Medvedkov A.A., Kuzmenko E.A., Nessar O.M. "Water Wars" as a Source and Instrument of International Conflicts. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2023. No. 4 (10). P. 118 – 133.
29. Zhiltsov S.S. Central Asia: The Region's Potential and New Challenges for Central Asian States. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 78 – 89.
30. Khaidarov A.A. Uzbekistan: A New Look at the Prospects for Cooperation in Central Asia. Post-Soviet Studies. 2023. Vol. 6. No. 3. P. 243 – 251.
31. Overland I., Jalilov S.M., Vakulchuk R. Afghanistan's Qosh Tepa irrigation project: implications for trans-boundary water management in Central Asia. Environmental Research: Water. 2025. Vol. 1. P. 043001.
32. Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., Sarsembekov T. Regulation of the water and energy complex of Central Asia. Almaty; Moscow: EDB, 2022. 117 p.
33. Nesmashny A.D. Water and energy security in Central Asia: the effectiveness of international governance mechanisms. Pathways to Peace and Security. 2024. No. 1 (66). P. 229 – 253.
34. Korabaev A.A. The Evolution of Uzbekistan's Water and Energy Diplomacy in Central Asia (1992-2024): From a Confrontational Legacy to the Institutionalization of Dialogue. Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. No. 2. P. 249 – 265. URL: <https://www.postussr.org/journals/260902/11-Korabaev.pdf> (date of access: 24.03.2026)

Информация об авторе

Корабаев А.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-4080-4211>, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, п. 8, akmaljonqoraboyev0@gmail.com

© Корабаев А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94(100)"1939/1945":070.1

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-150-156

Фальсификация истории Второй Мировой войны в зарубежной прессе: анализ целей, причин и основных направлений

¹ Шевченко А.Н.,

¹ Сахалинский институт железнодорожного транспорта

Аннотация: исследованы цели, причины и основные направления искажения истории Второй мировой войны в зарубежной прессе. Материалом послужили пилотный корпус из восьми публикаций Associated Press, The Guardian и Euronews за 2020-2025 гг., документальные своды Международного военного трибунала в Нюрнберге, справочные ресурсы United States Holocaust Memorial Museum и National WWII Museum, а также научная литература 2021-2025 гг. по политике памяти и дезинформации. Применены принцип историзма, источниковедческая критика, критический дискурс-анализ и фрейм-анализ; единицей кодирования выступало законченное утверждение о событии, акторе или причине войны. Разграничены фактическая фальсификация, ложное причинное объяснение, селективное умолчание, политически мотивированное фреймирование и доказательная историографическая ревизия. Установлено, что прямое отрицание документированных фактов в обследованном корпусе не зафиксировано ни разу, тогда как анахронистический перенос современной политической повестки на события 1939-1945 гг. отмечен в семи материалах из восьми, а замещение многонационального советского общества фигурой государства или его руководителя – в шести. Показано, что устойчивые направления искажения складываются не из вымысла, а из перераспределения внимания: монокаузальное объяснение начала войны договором 23 августа 1939 г., моральная симметрия нацистской Германии и СССР, вытеснение понятия освобождения понятием оккупации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, зарубежная пресса, фальсификация истории, историческая память, политика памяти, медиадискурс, фрейм-анализ, презентизм, коллаборационизм

Для цитирования: Шевченко А.Н. Фальсификация истории Второй Мировой войны в зарубежной прессе: анализ целей, причин и основных направлений // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 150 – 156. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-150-156

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Falsification of the history of the Second World War in the foreign press: goals, causes and main directions

¹ Shevchenko A.N.,

¹ Sakhalin Institute of Railway Transport

Abstract: the study examines the goals, causes and main directions of distortion in foreign press representations of the Second World War. The empirical basis comprises a pilot corpus of eight items published by the Associated Press, The Guardian and Euronews in 2020-2025, the documentary record of the International Military Tribunal at Nuremberg, reference resources of the United States Holocaust Memorial Museum and the National WWII Museum.

um, and scholarship of 2021-2025 on memory politics and disinformation. The methodology combines historicism and source criticism with critical discourse analysis and framing analysis; the coding unit is a complete statement about an event, an actor or a cause of the war. Factual falsification, false causal explanation, selective omission, politically motivated framing and evidence-based historiographical revision are distinguished. Explicit denial of documented facts was not recorded in the corpus at all, whereas the anachronistic projection of the current political agenda onto the events of 1939-1945 appears in seven items out of eight, and the substitution of the multinational Soviet society by the state or its leader in six. The most persistent distortions arise from a redistribution of attention rather than from invention: monocausal explanation of the outbreak of the war through the treaty of 23 August 1939, moral symmetry between Nazi Germany and the USSR, and the displacement of liberation by occupation.

Keywords: Second World War, foreign press, falsification of history, historical memory, memory politics, media discourse, frame analysis, presentism, collaboration

For citation: Shevchenko A.N. *Falsification of the history of the Second World War in the foreign press: goals, causes and main directions. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 150 – 156. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-150-156*

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Восемьдесят лет, прошедшие после капитуляции Германии, не превратили историю Второй мировой войны в спокойный академический сюжет. Годовщины, снос и защита памятников, школьные программы, парламентские церемонии регулярно выходят на первые полосы зарубежных газет. Журналистский текст при этом делает больше, чем сообщает о событии: он отбирает повод, назначает ему причину, подбирает комментатора, задает эмоциональный регистр чтения. Конфликт вокруг прошлого разворачивается прежде всего на уровне этих операций, а не на уровне прямой лжи [1].

Понятие «фальсификация истории» в публицистическом употреблении растянуто настолько, что под него подводят любое несогласие с национальным каноном. Однако историография живет пересмотром, и доказательная ревизия выводов остается нормальной научной процедурой. Фальсификацией здесь называется создание или распространение утверждения, противоречащего надежно установленным фактам, если автор знал либо должен был знать о его недостоверности. Рядом с прямым вымыслом стоят подмена причины, анахронизм и такое изъятие контекста, после которого смысл события меняется на противоположный. Разграничение непреднамеренной ошибки и намеренного введения в заблуждение опирается на критерии исследований дезинформации: достоверность сообщения, намерение распространителя, форма подачи, канал распространения [2].

Российская литература последних пяти лет описывает искажение истории войны как внешнюю угрозу – европейской безопасности [13], устойчивости молодежной аудитории [14], как элемент психологического противоборства [7]. Направления искажений систематизированы на материале медиапространства [9], институтов Европейского союза [10] и западного политического дискурса [4]. Категория «войны памяти» закрепились и в российских работах [3, 11], тогда как зарубежные memory studies пользуются словарем politics of memory, mnemonic security, memory diplomacy [5; 6]; часть авторов предостерегает против военной метафоры, сводящей культурную память к столкновению двух пропаганд [8]. Но в обеих традициях разбираются чаще всего заявления политиков и музейные скандалы, тогда как рутинный новостной поток в корпусные обследования попадает редко.

Расхождение национальных версий прошлого не сводится к оппозиции России и Запада. Даже российская и китайская модели памяти расходятся в периодизации войны и в наборе ее опорных эпизодов [15]; внутри Европейского союза деление памяти на западную и восточно-центральную сохраняется спустя два десятилетия после расширения 2004 г. [12]. Предмет работы – цели, причины и направления искажения истории войны в зарубежной прессе, цель – классифицировать формы проблемной репрезентации войны и определить их политические и медиасистемные основания. Проверяемая гипотеза: прямое отрицание общепризнанных фактов встречается в качественной прессе реже, чем селективное фреймирование.

Материалы и методы исследований

Источниковая база разделена на три группы. Первую составили научные публикации 2021-2025 гг. по политике памяти, медиадискурсу, дезинформации и национальным интерпретациям войны. Вторая привле-

чена для фактологической верификации: материалы Международного военного трибунала в Нюрнберге, статьи United States Holocaust Memorial Museum, справки National WWII Museum. Третью группу образует пилотный корпус зарубежной прессы: материалы The Guardian от 20 октября 2020 г., 29 сентября 2023 г., 14 ноября 2024 г. и 7 мая 2025 г., Associated Press от 9 мая 2022 г., 21 февраля 2024 г. и 8 мая 2025 г., а также Euronews от 9 мая 2024 г. Отбор был целевым: включались тексты, где присутствуют Вторая мировая война, День Победы, советская историческая память, нацизм или коллаборационизм. Восемь материалов достаточны для проверки кодировочной схемы, но не дают оснований для вывода обо всей зарубежной прессе.

Основным методом послужил критический дискурс-анализ. Единицей анализа выбрано не отдельное слово, а законченное утверждение о событии, историческом акторе, причине или последствии войны. Для каждого материала фиксировались заголовок, дата, жанр, упоминаемые события, состав экспертов, причинно-следственные конструкции и оценочная лексика. Фрейм-анализ описывает, какие аспекты события выдвигаются на первый план, а какие уходят в подверстку. Принцип историзма требовал рассматривать решения государств в обстоятельствах 1930-1940-х гг.; сравнительно-исторический метод использован при сопоставлении российской, западноевропейской, восточноевропейской и китайской моделей памяти [12, 15].

Кодировочная схема включает семь позиций. F1 – утверждение, противоречащее документированной хронологии. F2 – изъятие критически важного контекста, меняющее смысл сообщения. F3 – необоснованная симметрия между разными по природе режимами или действиями. F4 – анахронистический перенос современных категорий и конфликтов на события войны. F5 – замещение многонационального актора одним государством либо его руководителем. F6 – дисбаланс источников и отсутствие альтернативной экспертной оценки. Код F7 фиксирует корректирующий исторический контекст: без него анализ превращается в поиск заранее известного результата. Фактический стандарт проверки задан общепризнанными источниками: нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. документировано нюрнбергскими материалами, сосредоточение основной части германских сухопутных сил на Восточном фронте – справочной литературой, а Аушвиц-Биркенау освобожден войсками 1-го Украинского фронта 27 января 1945 г.

Результаты и обсуждения

Цели искажения удобнее описывать не как единый умысел, а как несколько разнонаправленных задач, которые решает медиатекст. Первая – делегитимация оппонента: государство или политик, помещенные в семантическое поле нацизма и оккупации, выводятся за пределы допустимой политики. Вторая – консолидация национального сообщества вокруг собственной версии прошлого, где политика памяти и национализм усиливают друг друга [5]. Третья связана с реабилитацией национальных акторов, сотрудничавших со странами оси. Четвертую задает медиасистема: персонализация и конфликтная подача продаются лучше структурной истории оккупационных режимов.

Приписывать реабилитацию коллаборационистов зарубежной прессе как таковой значило бы повторить ту же операцию отбора, которая здесь разбирается. Скандал сентября 2023 г. в палате общин Канады, где аплодисментами встретили ветерана дивизии Waffen-SS «Галичина», The Guardian разбирала и как симптом непроработанности истории восточноевропейского коллаборационизма: пресса сработала против национального мифа. Материал кодирован по F7 и остается в корпусе как контрпример.

Причины устойчивости искажений лежат глубже редакционных решений. Уходит поколение участников войны, живое свидетельство замещается институциональной памятью. Глобальный конфликт дробится на национальные истории: американская подчеркивает Перл-Харбор и Нормандию, польская – двойную агрессию 1939 г. и Варшавское восстание, российская – Великую Отечественную войну, китайская – сопротивление японской агрессии [15]. Добавим языковую асимметрию: зарубежный корреспондент опирается на англоязычную литературу и местных экспертов, российский – на отечественную. Особняком стоит двойственность опыта освобождения: для обществ Центральной и Восточной Европы продвижение Красной армии на запад в 1944-1945 гг. означало одновременно прекращение нацистского террора и начало политической зависимости.

Первое направление искажения – перераспределение ответственности за начало войны. Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретный протокол к нему принадлежат к числу фактов, умолчание о которых несовместимо с историческим анализом. Искажающей становится другая операция: представление договора как единственной причины войны либо как доказательства равной ответственности Германии и СССР. К сентябрю 1939 г. вели германский реваншизм, нацистская программа территориального расширения, аншлюс Австрии, ликвидация Чехословакии, политика умиротворения. Корректная оценка признает

ответственность советского руководства за секретный протокол, ввод войск в восточные воеводства Польши и войну с Финляндией, но не приравнивает ее к программе мирового завоевания и расового уничтожения. Здесь проходит граница между сравнительной историей диктатур и ложной причинной симметрией.

Второе направление – минимизация роли Советского Союза в разгроме Германии. Тезис о повсеместном отрицании советского вклада в западной литературе не подтверждается: военно-исторические учреждения признают, что большая часть германских сухопутных сил была развернута на Востоке, а основную долю потерь вермахт понес в боях с Красной армией. Проблема смещена в структуру медиавидимости: высадка в Нормандии представлена в англоязычной культуре несопоставимо шире, чем операция «Багратион». Умысла в этом нет, а итог все равно диспропорционален. Проверяемым искажением остается формула «союзники освободили Аушвиц» без указания на советские войска.

Третье и четвертое направления работают в паре. Редукция СССР к сталинскому режиму замещает общество государственным аппаратом: репрессии персонализируются, а военное усилие миллионов военно-служащих, рабочих, медиков, партизан деперсонализуется до безличных «союзников». Отсюда шаг до полной симметрии между нацистской Германией и советской системой. Сравнительное изучение диктатур научно легитимно, но сравнение не означает тождества: нацистская политика включала расовую классификацию населения и уничтожение целых групп, а Холокост унес около шести миллионов еврейских жизней. Формула «два одинаковых тоталитаризма» становится инструментом фальсификации тогда, когда из нее выводится отсутствие разницы между нападением Германии на СССР и советским сопротивлением.

Пятое направление – избирательное освещение коллаборационизма, существовавшего почти во всех оккупированных обществах в формах от административной службы до участия в убийствах. Искажение возникает, когда издание разбирает коллаборационизм соседей и сворачивает разговор о собственном; обратная ошибка не менее груба – перенос действий коллаборационистских формирований на целый народ. Шестое и седьмое направления касаются национализации Победы и персонализации истории вокруг фигуры политика. В Красной армии служили представители всех союзных республик, и разделение общего военного опыта по линиям современных границ упрощает реальность. Заголовки зарубежных агентств строятся по модели, где субъектом памяти выступает действующий президент: жанрово это объяснимо, аналитически сужает предмет. Официальный антифашистский нарратив используется и для международной легитимации [6], однако государственное употребление символа его общественного содержания не исчерпывает.

Таблица 1

Частотность кодов в пилотном корпусе зарубежной прессы (N = 8).

Table 1

Frequency of codes in the pilot corpus of foreign press (N = 8).

Код	Содержание	Частота	Комментарий
F1	Утверждение, противоречащее документированной хронологии	0/8	Прямое отрицание фактов в корпусе не встречено
F2	Изъятие критически важного контекста	5/8	Чаще всего исчезает предыстория 1938–1939 гг.
F3	Необоснованная симметрия режимов и действий	2/8	Выражается лексикой «два тоталитаризма», «раздел Европы»
F4	Анахронистический перенос современных категорий	7/8	Усиливается после февраля 2022 г., доминирует в аналитике
F5	Замещение многонационального актора государством или лидером	6/8	Проявляется уже на уровне заголовка
F6	Дисбаланс источников и экспертных оценок	4/8	Связан с языковой доступностью комментаторов
F7	Корректирующий исторический контекст	3/8	Материал о канадском скандале 2023 г. как контрпример

Результаты кодирования приведены в таблице. Прямых фактических фальсификаций (F1) не обнаружено: ни Associated Press, ни The Guardian, ни Euronews не отрицают ни факта победы СССР, ни масштаба советских потерь, а публикация Associated Press от 21 февраля 2024 г. воспроизводит сведения о советских потерях и Сталинградской битве, помещая их в рамку современной политики. Доминирует код F4: анахронистический перенос современной повестки отмечен в семи материалах из восьми. За ним следует F5 – замещение многонационального общества государством или руководителем (шесть материалов). Корректи-

рующий контекст (F7) присутствует в трех материалах, что не позволяет описывать корпус как однородно искажающий. Соотношение F1 и F4 и есть основной результат: смещение работает не через ложную дату, а через порядок объяснения.

Отсюда требование к доказательству. Критический заголовок или негативная оценка российской политики сами по себе фальсификации не образуют. Нужно выделить проверяемое утверждение, отделить его от авторской оценки, сопоставить с независимыми источниками и показать, что без изъятых контекста читатель получает неверное представление о событии.

Выводы

Фальсификация истории Второй мировой войны в зарубежной прессе оказывается неоднородным явлением, внутри которого соседствуют прямые фактические искажения, ложные причинные объяснения, селективные умолчания, анахронизмы, национализация общей истории и политически мотивированное фреймирование. Критическая оценка советской политики сама по себе к этому ряду не относится.

Пилотное обследование восьми публикаций за 2020-2025 гг. систематического отрицания решающего масштаба советского участия в войне не выявило. Отдельные материалы прямо признают потери СССР и значение Сталинграда; зарубежная журналистика способна и разоблачать национальную историческую амнезию, что показал канадский эпизод сентября 2023 г. Тезис о единой фальсифицирующей «зарубежной прессе» источниковедческой проверки не выдерживает. Устойчиво проявляется другое – презентистская оптика, при которой события 1939-1945 гг. объясняются через конфронтацию последних лет, а массовая память о войне сводится к инструменту государственной пропаганды.

Основными направлениями потенциальной фальсификации остаются: монокаузальное объяснение начала войны договором 23 августа 1939 г.; полная морально-историческая симметрия между нацистской Германией и СССР; минимизация масштаба Восточного фронта; вытеснение понятия освобождения понятием оккупации; избирательное освещение коллаборационизма; перенос современных границ на многонациональный Советский Союз. Причины их устойчивости лежат в исчезновении живой коммуникативной памяти, языковой асимметрии, ограничениях новостного формата и зависимости редакционной повестки от текущих конфликтов.

Научно обоснованное противодействие искажениям не сводится к запретительным мерам и тем более к встречному национальному мифу. Оно предполагает публикацию архивных комплексов, перевод историографии на рабочие языки науки, обучение критическому чтению медиа. Объектом критики должно выступать не зарубежное медиапространство целиком, а конкретное утверждение, умолчание, причинная модель или способ фреймирования. Перспектива дальнейшей работы – многоязычный корпус в 60–100 публикаций с двойным кодированием; очевидно, что приведенные частоты нуждаются в уточнении на большем материале.

Список источников

1. Алешина Е.Ю., Блох М.Я., Разуваева Т.А., Вагнер Х., Комплеев А.В. Глобальный конфликт прошлого в современном медиапространстве: историческая память в дискурсивном ракурсе // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 4. С. 17 – 50. DOI: 10.46539/gmd.v3i4.180
2. Broda E., Strömbäck J. Misinformation, disinformation, and fake news: lessons from an interdisciplinary, systematic literature review // *Annals of the International Communication Association*. 2024. Vol. 48. No. 2. P. 139 – 166. DOI: 10.1080/23808985.2024.2323736
3. Давиденко А.А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022. № 3. С. 85 – 95. DOI: 10.5922/sikbfu-2022-3-7
4. Кокшаров Д.А. Феномен фальсификации истории Второй мировой войны на примере западного политического дискурса 2023-2025 гг.: интегральное историко-философское исследование // *Исторический журнал: научные исследования*. 2025. № 2. С. 80 – 91. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73760
5. Malinova O. Politics of memory and nationalism // *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 49. No. 6. P. 997 – 1007. DOI: 10.1017/nps.2020.87
6. McGlynn J., Đureinović J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy // *Memory Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 227 – 242. DOI: 10.1177/17506980211073108
7. Никитин П.В. Фальсификация истории, итогов и последствий Второй мировой войны как элемент психологической войны против Российской Федерации // *Вестник Российской правовой академии*. 2025. № 2. С. 70 – 79. DOI: 10.33874/2072-9936-2025-0-2-70-79

8. Noordenbos B. Memory wars beyond the metaphor: reflections on Russia's mnemonic propaganda // *Memory Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. P. 1299 – 1302. DOI: 10.1177/17506980221134676
9. Перевознова А.С. Основные направления фальсификации истории Второй мировой войны в современном медиапространстве // *Ученый*. 2023. № 5-1. С. 25 – 31.
10. Щедрин В.А. Манипуляции исторической памятью о Второй мировой войне в Европейском союзе // *Клио*. 2025. № 4 (220). С. 235 – 239. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-4220-235-239
11. Токарева Е.А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // *Преподаватель XXI век*. 2021. № 3-2. С. 288 – 300. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300
12. Törnquist-Plewa B. After all these years, still divided by memories? The memory of the Second World War in the European Union // *East European Politics and Societies*. 2024. Vol. 38. No. 4. P. 1080 – 1092. DOI: 10.1177/08883254241295464.
13. Васильев В.И. Искажение истории Второй мировой войны как угроза европейской безопасности // *Обозреватель – Observer*. 2021. № 5 (376). С. 5 – 28. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_5_5
14. Захаров С. М. Медиадискурс Дня Победы: риски для современной молодежи // *Via in tempore. История. Политология*. 2024. Т. 51, № 1. С. 250–262. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-250-262
15. Зуенко И.Ю. Китайская историческая память о Второй мировой войне: точки соприкосновения и расхождения с российским взглядом // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2025. Т. 30. № 2. С. 255 – 267. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.2.21

References

1. Aleshina E.Yu., Blokh M.Ya., Razuvaeva T.A., Wagner H., Kompleev A.V. Global conflict of the past in the modern media space: Historical memory from a discursive perspective. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Vol. 3. No. 4. P. 17 – 50. DOI: 10.46539/gmd.v3i4.180
2. Broda E., Strömbäck J. Misinformation, disinformation, and fake news: lessons from an interdisciplinary, systematic literature review. *Annals of the International Communication Association*. 2024. Vol. 48. No. 2. P. 139 – 166. DOI: 10.1080/23808985.2024.2323736
3. Davidenko A.A. The Concept of "Memory Wars" in Contemporary Research of Collective Memory. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2022. No. 3. P. 85 – 95. DOI: 10.5922/sikbfu-2022-3-7
4. Koksharov D.A. The Phenomenon of Falsification of the History of World War II on the Example of Western Political Discourse in 2023-2025: An Integral Historical and Philosophical Study. *Historical Journal: Scientific Research*. 2025. No. 2. P. 80 – 91. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73760
5. Malinova O. Politics of memory and nationalism. *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 49. No. 6. P. 997 – 1007. DOI: 10.1017/nps.2020.87
6. McGlynn J., Đureinović J. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy. *Memory Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 227 – 242. DOI: 10.1177/17506980211073108
7. Nikitin P.V. Falsification of the history, results, and consequences of World War II as an element of psychological warfare against the Russian Federation. *Bulletin of the Russian Legal Academy*. 2025. No. 2. P. 70 – 79. DOI: 10.33874/2072-9936-2025-0-2-70-79
8. Noordenbos B. Memory wars beyond the metaphor: reflections on Russia's mnemonic propaganda. *Memory Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. P. 1299 – 1302. DOI: 10.1177/17506980221134676
9. Perevoznova A.S. The main directions of falsification of the history of World War II in the modern media space. *Scientist*. 2023. No. 5-1. P. 25 – 31.
10. Shchedrin V.A. Manipulations of Historical Memory of World War II in the European Union. *Clio*. 2025. No. 4 (220). P. 235 – 239. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-4220-235-239
11. Tokareva E.A. Modern Memory Wars, or Approaches to the Interpretation of Historical Events in History, Politics, and Education. *Prepodavatel 21st Century*. 2021. No. 3-2. P. 288–300. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300
12. Törnquist-Plewa B. After all these years, still divided by memories? The memory of the Second World War in the European Union. *East European Politics and Societies*. 2024. Vol. 38. No. 4. P. 1080 – 1092. DOI: 10.1177/08883254241295464.
13. Vasiliev V.I. Distortion of the history of World War II as a threat to European security. *Observer*. 2021. No. 5 (376). P. 5 – 28. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_5_5

14. Zakharov S.M. Media discourse of Victory Day: risks for modern youth. *Via in tempore. History. Political Science*. 2024. Vol. 51. No. 1. P. 250 – 262. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-250-262

15. Zuenko I.Yu. Chinese Historical Memory of World War II: Points of Contact and Divergence with the Russian View. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations*. 2025. Vol. 30. No. 2. P. 255 – 267. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.2.21

Информация об авторе

Шевченко А.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Сахалинский институт железнодорожного транспорта, shevchenko-andr60@mail.ru

© Шевченко А.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(47)

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-157-163

Коалиционная стратегия как детерминанта победы в военной истории российского государства: к вопросу о развитии аналитического мышления учащихся

¹ Курков В.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена анализу образовательных возможностей, которые открываются для процесса развития аналитического мышления учащихся при изучении коалиционной стратегии как победной детерминанты в отечественной военной истории от Древней и Московской Руси до войн Российской империи в XVIII, XIX и начале XX вв. Основное внимание автора акцентируется на примерах и проблемных аспектах коалиционной стратегии России в период наполеоновских войн и роли союзнического фактора в победном исходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В заключении автором делается обоснованный вывод о роли коалиционной стратегии и помощи со стороны союзников в качестве важного условия судьбоносных побед Российского государства в 1480, 1700-1721, 1812 и 1813-1815 гг. при одновременном признании решающего вклада именно России для победы над Швецией в Северной войне или над наполеоновской империей в ходе Отечественной войны и заграничных походов. Подчеркивается важность осознания учащимися факта зависимости успеха коалиционной стратегии от качественно-го уровня высшего руководства страны и внутривнутриполитической ситуации – в этом плане в качестве примера приводится неудовлетворительный исход для Российской империи Семилетней войны, и катастрофический – Первой мировой войны.

Ключевые слова: военная история России, коалиционная стратегия, союзники, причинно-следственные связи, аналитическое мышление

Для цитирования: Курков В.В. Коалиционная стратегия как детерминанта победы в военной истории российского государства: к вопросу о развитии аналитического мышления учащихся // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 157 – 163. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-157-163

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Coalition strategy as a determinant of victory in the military history of the Russian state: to the question of developing analytical thinking in students

¹ Kurkov V.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article analyzes the educational opportunities available for developing students' analytical thinking through the study of coalition strategy as a determinant of victory in Russian military history, from Ancient and Muscovite Rus' to the wars of the Russian Empire in the 18th, 19th, and early 20th centuries. The author focuses on examples and problematic aspects of Russia's coalition strategy during the Napoleonic Wars and the role of the al-

lied factor in the victorious outcome of the Patriotic War of 1812 and the Russian army's foreign campaigns. In conclusion, the author makes a substantiated conclusion about the role of coalition strategy and assistance from allies as an important condition for the fateful victories of the Russian state in 1480, 1700-1721, 1812, and 1813-1815, while simultaneously recognizing Russia's decisive contribution to the victory over Sweden in the Northern War and over the Napoleonic Empire during the Patriotic War and foreign campaigns. The importance of students' understanding of the fact that the success of a coalition strategy depends on the quality of the country's top leadership and the domestic political situation is emphasized – in this regard, the unsatisfactory outcome of the Seven Years' War for the Russian Empire and the catastrophic outcome of the First World War are given as examples.

Keywords: military history of Russia, coalition strategy, allies, cause-and-effect relationships, analytical thinking

For citation: Kurkov V.V. Coalition strategy as a determinant of victory in the military history of the Russian state: to the question of developing analytical thinking in students. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 157 – 163. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-157-163

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Роль коалиционной стратегии и вклада союзников в военные победы Российского государства фактически не получили достойного освещения в отечественной учебно-методической литературе – да и в историографии в целом данная проблема еще нуждается в серьезном и объективном анализе: обобщающие исследования по данной теме появляются не часто [12; 15; 20]. Применительно к учебному процессу в качестве исключения можно указать на традиционно освещаемый факт успешного союза Ивана III с крымским ханом против Большой Орды и польско-литовского короля Казимира IV, обеспечивший историческую победу на Угре в 1480 г. [2; 6, с. 88], а вот уже по ходу изучения таких ключевых событий российской истории как Северная война и Отечественная война 1812 г. роль коалиционной стратегии и союзников обычно оказывается вне поля зрения педагогов и методистов, и не используется в качестве материала для формирования аналитического мышления учащихся. Между тем, наличие союзников и опора на дружественную коалицию является аксиомой успешной военно-политической стратегии, в то время как дипломатическая изоляция являет собой верный путь к поражению. Последний фактор уже давно и в отечественной историографии, и методике преподавания истории приводится в качестве причины поражения Российской империи в Крымской войне [8, с. 116-117] – что фактически является доказательством от противного актуальности исследования образовательного потенциала изучения коалиционной стратегии в качестве исторической детерминанты военных побед Российского государства на разных этапах его развития.

Материалы и методы исследований

В основу статьи положены результаты практической апробации теоретических положений исследования в ходе педагогической работы автора в современной системе школьного исторического образования в профильных группах гуманитарного направления, а также на вузовском уровне – со студентами бакалавриата и магистратуры как будущими преподавателями истории. Использование сравнительно-исторического метода позволяет в ходе анализа отечественной историографии отобрать наиболее актуальные применительно к потребностям учебного процесса научные публикации освещающие роль фактора союзников и все проблемные аспекты коалиционной стратегии Российского государства от войн Древней и Московской Руси до военных конфликтов Российской империи.

Результаты и обсуждения

Использовать анализ коалиционной стратегии и роли союзников в изучении причинно-следственных связей обусловивших исход различных войн и сражений в летописи Российского государства, логично начинать уже с младшими школьниками при разборе тем по военной истории Древней и Московской Руси. Учащиеся хорошо усваивают принцип рассуждения на основе дихотомии «единство – раздробленность», позволяющий объяснить причины победы или поражения древнерусских и московских князей: объединение княжеских сил Владимиром Мономахом после Любечского съезда и разгром половцев в 1111 г., и единоличный и провальный поход князя Игоря в 1185 г.; катастрофа на Калке и неспособность раздробленной Руси отразить нашествие Батыя, и победа коалиции русских княжеств во главе с Москвой на Кулико-

вом поле в 1380 г. – сравнительный анализ этих исторических ситуаций можно рассматривать как аксиому методики обучения [9, с. 274-275]. Наиболее ярким примером эффективности коалиционной стратегии для младших школьников служит дипломатическая деятельность Ивана III сумевшего с помощью крымского хана в качестве союзника помешать польско-литовскому королю Казимиру IV соединиться с силами хана Большой Орды Ахмата на Угре в 1480 г. и в итоге – свергнуть ордынское иго [2; 6, с. 88; 9, с. 276]. Обратным примером служит неудачная дипломатия Ивана IV Грозного в период Ливонской войны, когда у России не было надежных союзников и страна оказалась перед лицом сразу нескольких противников в условиях затяжной войны на два фронта, что неизбежно обернулось тяжелым поражением.

Для среднего звена в школьном курсе истории основой для понимания значимости коалиционной стратегии в качестве детерминанты решающих военных побед, превративших Россию в великую европейскую державу, является анализ внешней политики Петра I. Следует обратить внимание учащихся на то, что новые тенденции к поиску союзников в Европе наметились уже в период регентства царевны Софьи – когда Россия присоединилась к Священной Лиге – союзу европейских держав против османской Турции. Великое посольство Петра I и образование Северного союза [16, с. 129-130] могут быть охарактеризованы для учащихся как выход российской дипломатии на качественно новый уровень, открывающий совершенно иные геополитические возможности для страны.

И в этом плане Северная война 1700-1721 гг. представляет несомненный интерес для демонстрации в рамках учебного процесса как сложности, так и преимуществ коалиционной стратегии. Характерное для ряда учебных пособий деление этого длительного военного конфликта на пять этапов: «датский» (1700-1701 гг.), «польский» (1701-1706 гг.); «русский» (1707-1709 гг.); «турецкий» (1710-1714 гг.) и «норвежско-шведский» (1714-1721 гг.) уже вынуждает обратить внимание учащихся на роль российских союзников в этой войне. В этом плане важно представить перед аудиторией более чем неоднозначный образ курфюрста Саксонии и короля Речи Посполитой Августа Сильного в качестве ключевого союзника Петра Великого [4; 5; 16, с. 208-209, 218-219]. Несмотря на противоречивость и по сути, близкую к предательству нестабильность своей политики, Август, несомненно, сыграл важную роль в победном для России исходе Северной войны. Школьники должны четко понять логику событий этой войны: после разгрома русской армии под Нарвой, шведский король Карл XII на несколько лет буквально увяз в военных действиях против монарха Саксонии и Польши, и тем самым Петр I получил время для усиления армии и создания военной промышленности, что в итоге и приведет к решительному перелому под Лесной и Полтавой. Показательно, что сам Петр вполне ясно понимал слабость и ненадежность своих датских и саксонских партнеров, и в то же время осознавал необходимость союзников для России: «Правда, зело их поступки не ладны, да что ж делать, а раздражать их не надобно ... – нужда оных флатировать (ублажать) хотя что и противное видею, чтоб не отогнать» – так царь в своем письме поучал Меншикова дипломатическому обхождению [16, с. 365].

В течении XVIII столетия Российская империя накапливала необходимый опыт коалиционной стратегии в сложном взаимодействии со своими европейскими партнерами. В этом плане представляется логичным обратить внимание аудитории на участие России в составе мощной коалиции в Семилетней войне, победные результаты которой для русской стороны были аннулированы переменами на престоле, а также, непродолжительный опыт союза с Австрией в ходе русско-турецких войн 1735-1739 и 1787-1791 гг. – эти примеры наглядно иллюстрируют учащимся определяющую взаимосвязь внутренней и внешней политики: для успешной реализации коалиционной стратегии требуются и сильный правитель, и стабильная внутривнутренняя ситуация.

Формируя у учащихся старших классов навыки критического анализа на основе изучения роли союзнического фактора в истории военных побед русского государства, ключевое внимание закономерно следует обратить на период охватывающий военное противостояние России с революционной Францией и наполеоновской империей – эпоху, когда именно коалиционная стратегия станет важнейшим фактором в ряду детерминант определивших конечный исход этого противоборства [11, с. 52-53; 12]: из семи антифранцузских коалиций (знание которых является частью обязательного программного материала для учащихся), Российская империя в составе пяти коалиций вела тяжелейшую борьбу против французской экспансии и несмотря на ряд серьезных поражений, в итоге сумела выстоять и одержать рубежную победу над одним из сильнейших противников в своей истории.

Аналитический разбор по ходу учебного процесса участия России в военных кампаниях против Франции в 1798-1799 и 1805-1807 гг. в составе антифранцузских коалиций традиционно используется преподавателями в качестве наглядной иллюстрации ненадежности и коварства русских союзников: катастрофическая ситуация в которой оказалась армия Суворова в ходе Швейцарского похода в результате интриг австрийцев, отказ Англии передать России о. Мальту, толкнувший Павла I на союз с Наполеоном, план ав-

стрийского генерала Вейротера, приведший к разгрому русско-австрийских сил под Аустерлицем – все это формирует основу для понимания учащимися сложной природы антифранцузских коалиций, противоречия внутри которой были одной из причин длительных военных побед Франции [11, с. 51]. Однако на этом негативном фоне, важно, как говорится «не выплеснуть с водой и ребенка» – сколь не были острыми разногласия союзников, но ни одна европейская держава не могла сокрушить империю Наполеона в одиночку – путь к победе лежал лишь через коалиционную стратегию.

Представляется важным, обратить внимание учащихся и на следующее обстоятельство: помимо того, что в кровавых битвах 1805-1807 гг. русские солдаты противостояли Наполеону в одном строю вместе с австрийцами и пруссаками, все участники третьей и четвертой антифранцузских коалиций активно финансировались и вооружались Великобританией. По оценкам А.А. Орлова России были обещаны за активную борьбу с Францией 1 млн. 176 тыс. ф. ст., из которых из Лондона уже в 1805 г. было получено 466 тыс., а в начале 1807 г. еще 500 тыс. ф. ст. [15, с. 44-45, 60]. Помимо значительной финансовой помощи Россия в 1807 г. получила из Англии 60 тыс. ружей, которые однако из-за несовершенства отечественной бюрократической системы надолго застряли на складах, что впоследствии негативно скажется на поставках британского оружия уже в 1812 г. [15, с. 64-66].

В качестве ключевой проблемы по рассматриваемой теме представляется необходимым сформулировать перед учебной аудиторией вопрос о том, какую роль коалиционная стратегия сыграла в исходе войны 1812 г. – ведь, казалось бы, Россия в одиночку сокрушила нашествие «двунадесяти языков». Тем более, что в отечественной исторической литературе можно столкнуться с выводом, утверждающим что британская помощь России в роковой 1812 г. имела крайне незначительный и преимущественно декларативный характер [13, с. 186] – в подтверждение этой точки зрения для учебной аудитории на основе анализа историографии необходимо выделить следующие аргументы:

- вполне возможно, что Россия в 1812 г. фактически не получила обещанных английских субсидий – оценки данного вопроса в отечественной историографии достаточно противоречивы [13, с. 183];

- ценность поставки в Россию в 1812 г. 50 тысяч британских ружей снижалась их некомплектным состоянием [13, с. 184];

- помощь же сильнейшего в мире британского флота фактически ограничилась участием английских моряков в обороне Риги [20, с. 183];

и конечно же, необходимо напомнить учащимся и о традиционном коварстве британской политики – являясь союзником России в борьбе против наполеоновской империи, английские политики одновременно вооружали Персию в ходе русско-иранской войны 1804-1813 гг. [13, с. 185].

В этой связи представляется логичным проанализировать по ходу учебного – занятия сложные и противоречивые побудительные мотивы британской политики в отношении России в 1812 г.: когда страх перед угрозой французской экспансии сочетался с предысторией в виде англо-русской войны 1807-1812 гг. как следствием Тильзитского мира, а также с неверием в возможность России отразить вторжение Великой армии Наполеона (особенно в начале этой военной кампании) и явным столкновением интересов России и Англии на Ближнем Востоке в разгорающейся Большой игре. Тем не менее, угроза со стороны «корсиканского чудовища» перевешивала антирусские мотивы и в ходе войны 1812 г. Россия все же получила существенную помощь от Великобритании – и без четкого понимания данного фактора невозможно формирование в сознании учащихся логичной и полноценной системы представлений о детерминантах победы Российской империи в величайшем военном конфликте в ее истории:

- прежде всего следует акцентировать внимание аудитории на факте благотворного влияния прекращения континентальной блокады и восстановления торговли с Англией после подписания мирного договора в Эребре на российскую экономику: стремительный рост русского экспорта (преимущественно зерна) в Великобританию, буквально ожививший отечественную деловую активность [13, с. 183-184], можно рассматривать как экономическую причину победы 1812 г.;

- далее необходимо подчеркнуть, что Россия все получила уже в 1812 г. определенную финансовую помощь от Англии – как минимум 600 тыс. рублей – в счет погашения британских долгов по субсидиям России как участнице третьей и четвертой антифранцузских коалиций, в то время как по оценке А.А. Айрапетова русская сторона получила от Лондона 200 тыс. ф. ст. [1, с. 75; 13, с. 184];

- ключевое же внимание учащихся необходимо обратить на факт того, что Великобритания уже с 1803 г. вела упорную и непрекращающуюся войну против Наполеона: в этом плане по ходу учебного занятия неизбежна активизация связей всеобщей и отечественной истории для того, чтобы в сознании учащихся сформировались четкие исторические параллели – Отечественная война 1812 г. в России и война на Пире-

нейском полуострове (успешные военные действия английской армии генерала Артура Уэлсли во взаимодействии с испанскими и португальскими партизанами против французских захватчиков).

Применительно к британской войне на Пиренейском полуострове и ее влияние на события 1812 г. в России, на наш взгляд вполне уместно опережающее сравнительное задание для продвинутых учеников по проблемным вопросам истории открытия Второго фронта в период Великой Отечественной войны (исторические параллели позволят более ярко осознать сложность и, в то же время, необходимость коалиционной стратегии). Хотя в современной историографии можно встретить и мнение о том, что именно война 1812 г. в России как раз стала роковым «вторым фронтом» для Наполеона, в то время как война на Пиренейском полуострове велась с 1807 по 1814 гг. [14, с. 8-9]. Так или иначе, но неспособность наполеоновских маршалов без личного присутствия императора разгромить британскую армию и подавить народную герилью на территории Испании и Португалии, обернулась для Наполеона тем, что в 1812 г. из-за этой вечно гноящейся «испанской язвы» от 270 до 300 тысяч солдат из его миллионной Великой армии увязли в затяжной войне на Пиренейском полуострове и не могли быть задействованы для вторжения в Россию [18, с. 122; 19, с. 408, 461]. Это были очень значительные силы, отвлечение которых стало серьезнейшей военной помощью для русской стороны в роковой 1812 г. А к этому нужно прибавить и те силы которые Наполеон был вынужден держать в самой Франции и в оккупированных странах Европы для поддержания континентальной блокады и отражения атак мощного британского флота. На этом фоне важно обратить внимание учащихся и на такой крупный успех русской дипломатии и разведки как обретение в качестве неожиданного союзника наполеоновского маршала Бернадота, ставшего наследным принцем и правителем Швеции – после встречи последнего с Александром I в Або в августе 1812 г., Россия смогла перебросить значительные силы из Финляндии против Наполеона в Прибалтику [3, с. 183-184; 17, с. 306].

По ходу учебного процесса период заграничных походов русской армии – когда военные усилия шестой и седьмой антифранцузских коалиций привели к разгрому наполеоновской империи, представляется логичным выделить для учащихся в качестве апогея совместных военных усилий союзников несмотря на острые противоречия внутри коалиций. Наиболее ярким примером торжества коалиционной стратегии союзников над военным гением Бонапарта, несомненно, является знаменитая «битва народов» 1813 г. под Лейпцигом. Уже само образное название этого величайшего сражения эпохи позволяет сформировать в сознании школьников устойчивый ассоциативный ряд объясняющий причины краха военной стратегии Наполеона и его империи – никакой военный гений не мог противостоять объединенным силам всего континента и значительному численному перевесу, которым располагала антифранцузская коалиция.

В этой же связи для учебной аудитории необходимо подчеркнуть, что на заключительном этапе наполеоновских войн своего апогея достигла финансовая и военно-техническая помощь России со стороны Великобритании. Так в 1813 г. Россия получила 2 млн., а в 1814 г. еще 2 млн. 700 тыс. ф. ст. от Лондона и к этому еще 5 млн. 785 тыс. ф. ст. в «федеративных бумагах» (бумажные деньги для расчетов войск антифранцузской коалиции на территории Германии, обеспечиваемые британскими гарантиями) [15, с. 130, 189]. Для истощенной «грозой» 1812 г. русской казны это была крайне своевременная помощь. Продолжались и поставки английского оружия в Россию: 100 тыс. британских мушкетов и 1200 тонн боеприпасов были поставлены в 1813 г., еще 50 тыс. ружей – в 1814 г. [15, с. 171, 191].

Выводы

В заключении необходимо сделать выводы, которые могут быть актуальны для развития аналитического мышления учащихся в процессе изучения комплекса причинно-следственных связей определявших исход военных конфликтов с участием Российского государства:

- коалиционная стратегия и наличие союзников являлись важной детерминантой победы в ходе войн, имевших буквально переломное и судьбоносное значение для отечественной истории (1480 г., 1700-1721 гг., 1812 и 1813-1815 гг.);
- наоборот, отсутствие союзников, и того хуже – дипломатическая изоляция, неизбежно оборачивались серьезными поражениями для Российской державы, как это было в годы Ливонской или Крымской войны;
- в то же время, роль союзников не должна принижать решающий вклад именно России для победы над Швецией в Северной войне или над наполеоновской империей в ходе Отечественной войны и заграничных походов – важно и осознание учащимися факта зависимости успеха коалиционной стратегии от качественного уровня высшего руководства страны и внутриполитической ситуации – в этом плане показательны исход для Российской империи как Семилетней войны, так и катастрофа Первой мировой войны – в этом плане важно понимание учащимися факта возможного принесения в жертву российских интересов (равно как и жизней русских солдат) ради ложного понимания союзнического долга.

Список источников

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801-1914. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I, 1801-1825. М.: Кучково поле, 2017. 605 с.
2. Володихин Д.М. Иван III, гроссмейстер большой политики. Калуга: издатель ИП Ильин А.В., 2023. 288 с.
3. Григорьев Б.Н. Бернадот. От французского маршала до шведского короля. М.: Вече, 2015. 288 с.
4. Ивонина Л.И. Политика Августа Сильного во время Северной войны // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3 (35). С. 233 – 251.
5. Ивонина, Л.И. Польская корона в отношениях между Пруссией, Швецией и Россией в 1704-1705 годах // CAURUS. 2024. Т. 3. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskaya-korona-v-otnosheniyah-mezhdu-prussiey-shvetsiey-i-rossiey-v-1704-1705-godah>
6. Каргалов В.В. Свержение монголо-татарского ига. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2001. 144 с.
7. Кирпичников А.А. Куликовская битва. Л.: Наука, 1980. 124 с.
8. Курков В.В. К вопросу об изучении причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Крымской войны 1853 – 1856 гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 113 – 121.
9. Курков В.В., Калмыкова Д.Д. Ордынский фактор в отечественной истории: к вопросу об изучении причинно-следственных связей при использовании проектного метода обучения // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 6. С. 272 – 278.
10. Курков В.В. Актуальные аспекты изучения причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Отечественной войны 1812 г. // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 6. С. 102 – 109.
11. Курков В.В. Причины военных успехов и краха наполеоновской империи: к вопросу об отборе учебного материала для развития аналитического мышления учащихся // Исторический бюллетень. 2026. Т. 9. № 2. С. 49 – 55.
12. Лосик А.В., Щерба А.Н. Русская дипломатия, победившая Бонапарта. Роль и место России в антинаполеоновской коалиции // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 3 – 8.
13. Носова Г.В. К вопросу об английской финансовой помощи России в 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. XV. Малоярославец: Малоярославецкий музей 1812 года, 2007. С. 172 – 187.
14. Нечаев С.Ю. Война 1812 года. М.: Издательство АСТ, 2026. 320 с.
15. Орлов А.А. Англо-русские взаимоотношения в годы наполеоновских войн, 1805-1814 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М. 1997. 293 с.
16. Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
17. Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805-1815). М.: Издательство «Весь мир», 520 с.
18. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.
19. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. 693 с.
20. Черпинска А.Н. Помощь британского флота при обороне Риги в 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Бородино, 4-6 сентября 2006 г. М.: Полиграф сервис, 2007. С. 176 – 184.
21. Чиняков М.К. Россия (СССР) в «коалиционных войнах» от Тридцатилетней войны до Второй мировой: к постановке проблемы // Национальная безопасность / nota bene. 2010. № 11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=57927

References

1. Airapetov O.R. History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801-1914. Vol. 1. The Foreign Policy of Emperor Alexander I, 1801-1825. Moscow: Kuchkovo Pole, 2017. 605 p.
2. Volodikhin D.M. Ivan III, Grandmaster of Big Politics. Kaluga: Publisher IP Ilyin A.V., 2023. 288 p.
3. Grigoriev B.N. Bernadotte. From the French Marshal to the Swedish King. Moscow: Veche, 2015. 288 p.
4. Ivonina L.I. The Policy of Augustus the Strong During the Northern War. Bulletin of Smolensk State University. 2016. No. 3 (35). P. 233 – 251.
5. Ivonina L.I. The Polish crown in relations between Prussia, Sweden and Russia in 1704-1705. CAURUS. 2024. T. 3. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskaya-korona-v-otnosheniyah-mezhdu-prussiey-shvetsiey-i-rossiey-v-1704-1705-godah>

6. Kargalov V.V. Overthrow of the Mongol-Tatar yoke. M.: Book house "LIBROKOM", 2001. 144 p.
7. Kirpichnikov A.A. Battle of Kulikovo. L.: Nauka, 1980. 124 p.
8. Kurkov V.V. On the Study of Cause-and-Effect Relationships in the School History Course Using the Crimean War of 1853-1856 as an Example. *Historical Bulletin*. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 113 – 121.
9. Kurkov V.V., Kalmykova D.D. The Horde Factor in Russian History: On the Study of Cause-and-Effect Relationships Using the Project-Based Teaching Method. *Historical Bulletin*. 2024. Vol. 7. No. 6. P. 272 – 278.
10. Kurkov V.V. Current Aspects of the Study of Cause-and-Effect Relationships in the School History Course Using the Patriotic War of 1812 as an Example. *Historical Bulletin*. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 102 – 109.
11. Kurkov V.V. Causes of Military Successes and the Collapse of the Napoleonic Empire: On the Selection of Educational Materials for Developing Students' Analytical Thinking. *Historical Bulletin*. 2026. Vol. 9. No. 2. P. 49 – 55.
12. Losik A.V., Shcherba A.N. Russian Diplomacy that Defeated Bonaparte. Russia's Role and Place in the Anti-Napoleonic Coalition. *Military History Journal*. 2014. No. 3. P. 3 – 8.
13. Nosova G.V. On the Issue of British Financial Aid to Russia in 1812. The Patriotic War of 1812 and the Russian Provinces in Events, Human Fates, and Museum Collections: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Issue XV. Maloyaroslavets: Maloyaroslavets Museum of 1812, 2007. P. 172 – 187.
14. Nechaev S.Yu. War of 1812. Moscow: AST Publishing House, 2026. 320 p.
15. Orlov A.A. Anglo-Russian Relations during the Napoleonic Wars, 1805-1814: Cand. Sci. (Hist.) Dissertation: 07.00.03. Moscow, 1997. 293 p.
16. Pavlenko N.I. Peter the Great. Moscow: Mysl, 1994. 591 p.
17. Roginsky V.V. The Struggle for Scandinavia. International Relations in Northern Europe during the Napoleonic Wars (1805-1815). Moscow: Ves Mir Publishing House, 520 p.
18. Troitsky H.A. 1812. Russia's Great Year. Moscow: Omega, 2007. 560 p.
19. Chandler D. Napoleon's Military Campaigns: The Conqueror's Triumph and Tragedy. Moscow: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf, 1999. 693 p.
20. Cherpinska A.N. British Navy Assistance in the Defense of Riga in 1812. The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference, Borodino, September 4-6, 2006. Moscow: Polygraph Service, 2007. P. 176 – 184.
21. Chinyakov, M.K. Russia (USSR) in "Coalition Wars" from the Thirty Years' War to World War II: Towards a Problem Statement. *National Security. nota bene*. 2010. No. 11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=57927

Информация об авторе

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.41-25)«2002/2020»:378.1

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-164-173

Развитие Набережночелнинского государственного педагогического университета в условиях институционализации российской высшей школы (2002-2020 гг.)

¹ Магсумов Т.А.,

¹ Набережночелнинский государственный педагогический университет

Аннотация: статья посвящена анализу трансформации Набережночелнинского государственного педагогического университета в 2002-2020 годах – ключевом периоде его институционального развития. Автором реконструированы основные этапы модернизации вуза. Показана роль четырёх ректоров, каждый из которых внёс стратегический вклад в развитие учреждения. Особое внимание уделено институциональным изменениям – открытию новых факультетов (истории и менеджмента, физической культуры и спорта), созданию Индустриально-педагогического колледжа и Института дополнительного профессионального образования, переходу на многоуровневую систему подготовки. Проанализированы цифровизация образовательной среды, развитие научных школ и лабораторий, а также расширение международного сотрудничества. Делается вывод, что к 2020 году университет обладал консолидированным кадровым и научным потенциалом, позволившим ему войти в число ведущих педагогических вузов России.

Ключевые слова: история образования, педагогический вуз, Набережные Челны, педагогическое образование, Татарстан

Для цитирования: Магсумов Т.А. Развитие Набережночелнинского государственного педагогического университета в условиях институционализации российской высшей школы (2002-2020 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 164 – 173. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-164-173

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Development of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University in the context of the institutionalization of Russian higher education (2002-2020)

¹ Magsumov T.A.,

¹ Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Abstract: the article analyzes the transformation of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University during the period from 2002 to 2020, which is identified as a key phase in its institutional development. The author reconstructs the main stages of the university's modernization and highlights the strategic contributions of four rectors who led the institution throughout this timeframe. Special attention is paid to structural changes, including the establishment of new faculties (History and Management; Physical Culture and Sports), the creation of the Industrial-Pedagogical College and the Institute of Additional Professional Education, as well as the transition to a multi-level training system. The study examines the digitalization of the educational environment, the advancement of research schools and laboratories, and the expansion of international cooperation. It is concluded that by 2020, the university had consolidated its human resources and scientific potential, enabling it to rank among Russia's leading pedagogical

cal institutions.

Keywords: history of education, pedagogical university, Naberezhnye Chelny, teacher education, Tatarstan

For citation: Magsumov T.A. Development of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University in the context of the institutionalization of Russian higher education (2002-2020). *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 164 – 173. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-164-173

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Двухтысячные годы стали для Набережночелнинского государственного педагогического и института временем серьезных испытаний и одновременно периодом, когда закладывался фундамент для будущего преобразования в университет. Это была эпоха смены руководства, адаптации к новым экономическим реалиям, поиска собственной ниши в системе высшего педагогического образования и, в конечном счете, утверждения своей значимости для города, региона и страны. На этом пути вуз прошел через череду реформ, сумел сохранить и приумножить свой потенциал, превратившись в одного из лидеров педагогического образования в России.

История НГПУ в период с 2002 по 2020 год представляет собой уникальный летописный срез, отражающий глобальные трансформации отечественной высшей школы. Если в советский период и в первые постсоветские годы вуз ориентировался преимущественно на передачу фундаментальных предметных знаний и базовых методик преподавания, то на пороге XXI века на первый план выходит концепция «учителя-исследователя». Педагог нового типа – это не просто транслятор учебной информации, а рефлексивный практик, способный к инновационной деятельности, непрерывному профессиональному саморазвитию и научному осмыслению образовательной реальности. Первые два десятилетия XXI века стали временем смены четырех ректоров, каждый из которых внес уникальный вклад в развитие вуза.

Цель статьи – реконструировать процесс институциональной трансформации Набережночелнинского государственного педагогического университета в период 2002-2020 годов, выявив ключевые этапы его развития, направления модернизации образовательной, научной и управленческой деятельности, а также определить вклад каждого из ректоров в становление университета как современного многопрофильного центра педагогического образования, интегрированного в российское и мировое образовательное пространство.

Материалы и методы исследований

Историографический анализ проблемы развития региональных педагогических вузов в постсоветский период демонстрирует устойчивый исследовательский интерес к данной тематике. Общие закономерности трансформации отечественной высшей школы и специфика становления университетов в национальных республиках рассматриваются в фундаментальных трудах по истории БГПУ им. М. Акмуллы [2] и Чеченского государственного педагогического университета [4], где акцентируется внимание на сохранении институциональной устойчивости в условиях реформ.

В контексте изучения именно Набережночелнинского государственного педагогического университета ключевое значение имеют работы Т.А. Магсумова: от детальной реконструкции полувековой истории факультета педагогики и психологии [6] до анализа внедрения междисциплинарных подходов как альтернативы традиционной кафедральной структуре [5]. При этом региональный аспект подготовки кадров исследуется через призму опыта Чувашии [8], а теоретическую базу для понимания организационно-педагогических предпосылок модернизации составляют труды о развитии профессионального образования в кластерных структурах [9], формировании конструктивной образовательной среды «школа-вуз» [12], инновационного [1; 10] и международного [3] развития вузов, качества образования [14] и стимулирования его развития [7].

Периодика представлена статьями из вузовских газет «Студень» (2007-2015), «Платформа» (2015-2018) и «Университетский меридиан» (Университетский меридиан, 2019-2022 (издается поныне)).

Характер исследования обусловил выбор нарративного подхода в качестве доминирующего методологического инструмента. Придерживаясь классической для данного историографического жанра проблемно-хронологической структуры, автор последовательно реконструирует ключевые этапы становления учреждения, анализирует его современное состояние и намечает перспективы дальнейшего развития университета как научно-образовательного центра.

Результаты и обсуждения

1. Смена вех

Период начался с трагической утраты. 10 октября 2002 года скоропостижно скончался основатель и первый ректор института, доктор педагогических наук, профессор Зиннур Талгатович Шарафутдинов. Его смерть стала тяжелым ударом для коллектива, который он сплотил и который под его руководством прошел путь от трех факультетов Елабужского пединститута до самостоятельного вуза.

В декабре 2002 года на пост ректора была назначена Гульнара Рашитовна Аглямова, кандидат социологических наук, доцент. На момент ее прихода в институте работало свыше 270 преподавателей, обучалось более 4 тысяч студентов. В короткий период ее руководства (2002-2005) основные усилия были направлены на социальную поддержку коллектива. Благодаря активной позиции ректората, многие преподаватели смогли улучшить жилищные условия, возросли выплаты материальной помощи нуждающимся студентам.

В 2005-2006 годах обязанности ректора исполнял доктор педагогических наук, профессор Ильдар Суфиянович Сафуанов. Крупный специалист в области высшей алгебры и методики преподавания математики, он сфокусировал свои усилия на развитии научного потенциала. В этот период была расширена аспирантура, научно-исследовательский сектор, редакционно-издательский совет. Институт начал получать федеральное финансирование на научные исследования, а преподаватели и студенты – возможность выезжать на стажировки. Он укрепил международные связи, сделав НГПИ площадкой для проведения республиканских и международных конференций. Его энергичные действия заложили прочную основу для превращения института в научно-исследовательский центр.

Самый продолжительный и, безусловно, судьбоносный для вуза этап в этом периоде связан с ректорством Файрузы Зуфаровны Мустафиной (2006-2018). Кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, Почетный гражданин города Набережные Челны, к моменту прихода в вуз она имела огромный управленческий опыт, проработав более 30 лет в различных административных структурах города. Именно ее непререкаемый авторитет и умение выстраивать отношения с республиканскими и федеральными властями позволили вузу пережить самые сложные годы реформы образования. Период ее ректорства пришелся на сложнейшее время в истории российского высшего образования – волну оптимизации и укрупнения вузов, когда многие педагогические институты были реорганизованы или закрыты. Ф.З. Мустафина проявила выдающиеся управленческие качества и политическую волю, сумев отстоять самостоятельность вуза. В 2011 году, чтобы соответствовать новым требованиям времени, институт был переименован в Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов (НИСПТР), что отразило его новую, более широкую миссию. Но главной ее победой стало преобразование института в университет. В декабре 2015 года, когда во многих регионах страны вузы теряли свой статус, Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов стал Набережночелнинским государственным педагогическим университетом (НГПУ). Это был не просто ребрендинг, а признание высокого качества образования, научного потенциала и значимости вуза для региона. При Ф.З. Мустафиной были не только сохранены, но и открыты новые факультеты, в том числе исторический факультет, а в 2016 году был построен и открыт спортивно-оздоровительный комплекс с плавательным бассейном. Курировал эту работу проректор по АХЧ И.Ш. Шарипов. Ф.З. Мустафина усилила связи с отечественными и зарубежными педагогами, создав в вузе особую воспитательно-образовательную среду. Добрые отношения были установлены со многими ведущими отечественными (Ш.А. Амонашвили, М.П. Щетинин, Е.А. Ямбург) и зарубежными (Ф. Кастель) педагогами.

В феврале 2018 года эстафету приняла Альфинур Азатовна Галиакберова – кандидат экономических наук, доцент, Заслуженный экономист Республики Татарстан, имевшая за плечами блестящую карьеру в финансовой сфере и муниципальном управлении. Ее приход ознаменовал начало новой эры: системной трансформации, амбициозных проектов и прорыва в развитии. Мэр города Н.Г. Магдеев, представляя нового ректора, подчеркнул, что реализация многих городских программ была возможна благодаря эффективной работе финансовых органов под ее руководством.

А.А. Галиакберова, обладая блестящими экономическими и управленческими знаниями, сконцентрировалась на модернизации материально-технической базы, цифровизации всех процессов и укреплении финансовой дисциплины. Буквально за первые два года работы она добилась серьезного улучшения финансового состояния вуза, внедрила механизмы эффективного контракта, что позволило существенно поднять заработную плату преподавателей. При ней университет получил новое общежитие и учебный корпус (благодаря поддержке депутата Госдумы А.Г. Когогиной), а также началась реализация масштабных проектов по созданию современной образовательной среды. Ставка была сделана на инновации, практико-ориентированность и укрепление статуса НГПУ как одного из ведущих педагогических вузов страны.

Ключевыми векторами модернизации системы управления вузом выступили повышение операционной эффективности административных решений, систематизация и оптимизация контрольно-учетных регламентов, а также целенаправленное формирование корпоративной культуры. Последняя была ориентирована на интенсификацию вовлеченности научно-педагогического состава в процессы стратегического планирования образовательной и исследовательской деятельности посредством внедрения механизмов партисипативного менеджмента.

В эти годы большую роль в жизни вуза играл и Попечительский совет, созданный по инициативе А.А. Галиакберовой. Под руководством председателя совета Р.М. Мавлютова он стал важнейшим инструментом привлечения внебюджетных средств для развития инфраструктуры, оснащения лингафонных кабинетов, создания научных лабораторий и поддержки студентов. Ученый совет, высший орган управления вузом, формировался на демократических выборах. Секретарями ученого совета в эти годы работали: Т.В. Галузо (2003-2005), Ф.С. Газизова (2005-2008), Л.Х. Кадырова (2008-2013), А.Р. Хасанова (2013-2017), И.И. Мубаракшина (2017-2019), а с февраля 2019 года – Н.Н. Селиверстова. Эффективная работа управления бухгалтерского учета и финансового контроля под руководством Г.Ф. Нигматовой (до 2018 – Ф.И. Аверьянова) обеспечила прозрачность и стабильность финансовых потоков. Отдел кадров и делопроизводства под руководством Р.З. Гатиной (с 2019 года) наладил четкое кадровое и документационное сопровождение деятельности вуза. Профсоюзная организация играла важную объединительную роль. В 2011 году председателем профсоюзной организации была избрана М.М. Гумерова. В 2020 году ее возглавила М.Г. Евдокимова. Более 90% преподавателей и сотрудников являлись членами профсоюза. Профком организовывал Дни здоровья, экскурсии, новогодние представления для детей, оказывал материальную помощь и способствовал решению жилищных вопросов.

2. Учебная деятельность: от специалитета к гибким образовательным траекториям

Учебная деятельность НГПУ в описываемый период претерпела значительные изменения, отражая общероссийские тренды модернизации педагогического образования и переход на новые образовательные стандарты.

Структура вуза непрерывно развивалась. В 2002 году в институте существовало семь факультетов, которые готовили учителей по 11 специальностям. В 2008 году, в рамках расширения спектра образовательных услуг, был создан факультет истории и менеджмента. К 2015 году, к моменту получения статуса университета, структура насчитывала уже пять факультетов: филологический, математики и информатики, педагогики и психологии, искусств и дизайна, историко-географический. Учебную работу в это время курировали проректора (по разным вопросам): А.В. Миронов (2002-2003), А.Т. Каюмов, Р.Г. Шакиров (2003, 2004), Н.Ш. Чинкина (2004, 2005-2006), Ф.Г. Вафин (2004-2005), А.М. Гайфутдинов (2005-2006), В.А. Клименко (2006), И.А. Шакиров (2006-2008, 2008-2018), Н.Г. Хакимова (2008-2018), Л.М. Галиев (2018-2019). С 2018 года проректором по учебной работе вновь становится Азат Минабутдинович Гайфутдинов.

Каждое подразделение прошло свой путь развития. Начало 2000-х годов ознаменовалось открытием новых специальностей. В 2003 году на факультете дошкольного воспитания был осуществлен первый набор на специальность «Социальная педагогика». На факультете педагогики и психологии в 2009 году открывается специальность «Логопедия» (Образование лиц с нарушениями речи), что впоследствии привело к созданию нового направления «Специальное (дефектологическое) образование». В это же время на кафедре педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова сложился сильный психологический коллектив под руководством доцента И.Н. Федекина, в составе которого были Г.С. Прыгин, Р.А. Ахмеров, Ю.Н. Анисимова, Р.Р. Хуснутдинова, И.М. Захарова. Факультет педагогики и психологии, являющийся преемником исторически первого факультета вуза, в 2013 году стал участником значимой структурной реорганизации, в ходе которой произошло объединение факультета педагогики и методики начального образования, возглавлявшегося в разное время Н.Г. Хакимовой и А.Г. Мухаметшиным, с факультетом дошкольного воспитания, руководимым в эти годы А.Г. Хуснуллиным, Ф.С. Газизовой и Л.В. Рахматуллиной. Данное слияние позволило сформировать консолидированное образовательно-научное пространство, аккумулирующее кадровый и методический потенциал двух крупных подразделений и обеспечивающее системный подход к подготовке педагогов и психологов на качественно новом уровне.

В 2013 году также производится объединение филологического факультета (деканы в эти годы – Р.И. Хазиев, А.И. Исламова, И.И. Мубаракшина) и факультета иностранных языков (деканы – Э.М. Вильданова, Ф.Х. Тарасова) в филологический факультет (декан – Г.М. Полькина). Специалистом 27 лет проработала Л.В. Чернова. В 1991-2021 годах общеуниверситетской кафедрой иностранных языков заведовала профессор Р.Д. Шакирова, проработавшая в вузе 43 года.

Факультет искусств и дизайна (деканы – В.С. Бадаев, Е.В. Пономарев, С.Р. Смирнова, Р.З. Валиева, до

2014 года – художественно-графический) стал ведущей кузницей творческих кадров, открыв в 2008 году кафедру дизайна, которую возглавил Заслуженный деятель искусств РТ, лауреат Государственной премии РФ В.И. Хайман. Появление профилей «Дизайн среды» и «Менеджмент в социально-культурной деятельности» стерло границы между классическим педагогическим и прикладным художественным образованием.

Динамика развития ИТ-сектора привела к появлению в 2003 году кафедры информатики и вычислительной математики (зав. – Г.Г. Маузитова, В.Б. Тулвинский, Г.Н. Аглямзянова, Д.Ф. Сиразева). В 2007-2008 годах открылись направления: «Прикладная информатика в образовании», «Прикладная информатика в дизайне», «Информатика и физика». В 2013 году открылся Центр математического образования (руководитель – Л.И. Попова), ставший базой для подготовки учителей, способных работать с одаренными детьми и организовывать олимпиадное движение. Деканами трудились Р.Р. Мухаметзянов (2006-2018), Э.Х. Галимова (2018-2020).

Открытый в 2008 году факультет истории и менеджмента и естественно-географический факультет в 2013 году объединились в историко-географический факультет (декан – А.М. Гайфутдинов, затем А.Ш. Садриев, И.Т. Сабиров, В.А. Красильников). В его составе работали кафедры истории (зав. – А.Т. Каюмов, И.В. Корнилова), географии (зав. – Р.С. Зарипова, А.Х. Хакимова, Д.Ф. Садретдинов, М.М. Гумерова, А.М. Гайфутдинов, Т.В. Гайфутдинова, М.Х. Ахметова) и биологии (зав. – Р.С. Зарипова). На историко-географическом факультете в 2015 году открывается магистратура по профилю «Историко-краеведческое образование», ключевую роль в открытии которой сыграли профессора И.В. Корнилова и Т.А. Магсумов, доцент А.А. Уткин.

Факультет физической культуры и спорта – самый молодой факультет вуза, организованный в 2015 году (декан – А.М. Ахметов). Открытие профилей «Адаптивная физическая культура» и «Физическая культура и Безопасность жизнедеятельности» позволило вузу готовить специалистов для инклюзивной среды.

Количество образовательных программ в вузе выросло до 60, они реализовывались по 7 укрупненным группам. В 2020 году университет перешел на ФГОС 3++ и внедрил модульный принцип разработки учебных планов.

Важнейшим этапом стало открытие в 2018 году Индустриально-педагогического колледжа (ИнПеКо). Его создание стало ответом на потребность региона в специалистах среднего звена и позволило выстроить непрерывную образовательную траекторию «колледж – вуз». Колледж сразу начал подготовку по восьми востребованным специальностям, включая «Преподавание в начальных классах», «Коррекционную педагогику», «Туризм», «Дизайн» и «Физическую культуру». Это новое структурное подразделение успешно прошло аккредитацию и стало важной частью университетского комплекса. Первым директором колледжа была назначена Л.И. Попова. В состав администрации колледжа вошли заместители директора А.А. Гафурова, Л.Е. Школьников и А.М. Павлов.

Серьезное развитие получил и институт дополнительного профессионального образования (ИДПО). Его предшественником был факультет повышения квалификации, который в 2016 году был реорганизован в ИДПО. В разные годы ИДПО возглавляли Г.И. Исакаева, Н.Е. Костылева, Г.И. Газизуллина, В.Ф. Макарова, а с 2019 года – Л.Р. Шакирова. Став центром повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов, институт ежегодно обучает тысячи слушателей по десяткам программ, тесно взаимодействуя с Министерством образования и науки Республики Татарстан. ИДПО является одним из ведущих центров дополнительного педагогического образования в регионе, реализуя программы по персонализированной модели повышения квалификации. Ежегодно ИДПО реализовывал около 50 дополнительных образовательных программ, по которым повышали квалификацию более 4000 человек. В структуре ИДПО работали лаборатория педагогических инноваций (заведующий Е.С. Чечина), сектор довузовского образования (заведующий Е.А. Ивыгина), подготовительное отделение (заведующий Р.Р. Галиуллин).

В 1990-е и 2000-е годы сложилась устойчивая традиция высокого конкурса на педагогические специальности. Приемная комиссия в эти годы работала в условиях постоянных изменений законодательства и роста конкуренции. Приемная комиссия (ответственные секретари С.Ф. Мустафина, Н.Г. Хакимова, Т.В. Галузо, Н.Е. Костылева, Л.Р. Садыкова, Г.И. Исакаева, М.М. Гумерова) трансформировала работу с абитуриентами, внедрив интерактивную профориентацию и дни открытых дверей. С 2018 года ректор А.А. Галиакберова лично курировала приемную кампанию, фокусируясь на профориентационной работе, проведении Дней открытых дверей и собеседований, чтобы оценить не только знания, но и мотивацию абитуриентов. В 2018 году был объявлен ежегодный конкурс по профориентационной работе среди школ города. Ответственный секретарь приемной комиссии Л.А. Мингазова отмечала, что «ректор нацелена на серьезное увеличение приема при улучшении качества набора». В 2020 году средний балл ЕГЭ студентов НГПУ пре-

вышел 70 баллов, что свидетельствовало о высоком уровне подготовки абитуриентов. Большую роль играла профориентационная работа: Дни открытых дверей, предметные олимпиады, участие в городских проектах. В эти годы вуз расширил спектр направлений подготовки, предлагая абитуриентам не только классические педагогические специальности, но и такие современные профили, как «Прикладная информатика в дизайне» и «Менеджмент социально-культурной деятельности». За 30 лет работы вуз выпустил более 20 тысяч специалистов, и эти показатели продолжали расти.

Особое внимание уделялось качеству образования и трудоустройству выпускников. Сектор практики и содействия трудоустройству выпускников (с 2007 г. – отдел, зав. – В.П. Земскова, с 2017 г. – Э.Ш. Ахметова) обеспечил трудоустройство более 85% выпускников по специальности. Венцом практической ориентации стало открытие в 2019/2020 учебном году базовой кафедры НГПУ на базе МБОУ «СОШ №42» (зав. – Л.В. Рахматуллина), где студенты-практиканты погружались в реальную образовательную среду под руководством учителей-методистов. Для оценки качества образования использовались различные механизмы, включая Федеральный интернет-экзамен (ФЭПО). В ноябре 2019 года университет впервые принял участие в независимой оценке качества образования, организованной по заказу Рособнадзора, и ее результаты оказались положительными.

Важнейшим направлением развития стала цифровизация. Центр информационных технологий (ЦИТ) с 1995 года занимался созданием единого информационного пространства вуза. Были внедрены автоматизированная система управления учебным процессом, система поддержки курсов на базе Moodle, корпоративная сеть и почта. Постоянно модернизировался официальный сайт университета. Особое внимание уделялось развитию электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС).

Библиотека НГПУ (директор – Р.Ф. Мухарьмова, затем М.Б. Ларионова) оставалась важнейшим информационным центром. Ее фонд в 2015 году насчитывал более 183 тысяч экземпляров. В 2007 году была начата автоматизация библиотечных процессов. С 2008 года в библиотеке действовала программа АБИС «РУСЛАН», был создан электронный каталог. С 2013 года библиотека подключилась к электронно-библиотечным системам (ЭБС) IPRbooks и Юрайт, а также к Национальной электронной библиотеке (НЭБ) и ресурсам зарубежных научных журналов. В 2019 году стартовала реализация проекта «Электронная информационно-образовательная среда», а к 2020 году его функциональный спектр был расширен до обеспечения полного цикла цифрового сопровождения всех категорий участников образовательного процесса. Внедрение данной системы охватило электронные пропуска, оцифрованные зачетные книжки, формирование индивидуальных портфолио достижений обучающихся, а также организацию бесконтактных платежей в студенческой столовой. Одним из ключевых результатов цифровой трансформации стало создание электронной библиотеки научных и учебно-методических трудов преподавательского корпуса университета, что способствовало продвижению результатов исследований в глобальное информационное пространство и повышению узнаваемости вузовской науки. По итогам 2020 года НГПУ вошел в ТОП-10 активных педагогических вузов России по использованию цифровых ресурсов платформы «Юрайт».

3. Воспитательная работа, студенческая жизнь и спорт

Воспитательная работа, студенческая жизнь и спорт всегда были важнейшей частью идентичности Набережночелнинского педагогического. В описываемый период сложилась целая система студенческого самоуправления и творческих объединений. Проректором по ВР все эти годы была С.В. Чиркова.

Традиционными стали фестиваль «Дебют первокурсника», «Студенческая весна», межфакультетский КВН. Студенческий медиацентр «INSIDE» и газета «Университетский меридиан» обеспечивали информационную открытость вуза.

Основу студенческой жизни составляли многочисленные творческие коллективы, которые активно развивались в 2000-е и 2010-е годы. Студенческий хор и вокальный ансамбль, театр танца «Астерия», команда КВН «Марат» – все это стало визитной карточкой вуза. Особое место занимал студенческий медиацентр «INSIDE», который освещал все события университетской жизни и неоднократно побеждал в конкурсах студенческих СМИ.

Ежегодные фестивали «Дебют первокурсника» и «Студенческая весна НГПУ» стали важнейшими событиями, где каждый факультет представлял свои творческие номера и спектакли. «Студенческая весна» особенно запомнилась зрителям постановками «Карнавальная ночь», «Старик из деревни Альдермеш» и «Полианна».

Большое внимание уделялось патриотическому воспитанию. Уже много лет преподаватели и студенты НГПУ проводят литературно-музыкальные вечера у памятника Мусе Джалилю в канун Дня Победы. Студентки университета в форме фронтовых регулировщиц ежегодно проходят строем на Параде Победы. С 2019 года университет является площадкой проведения Международной исторической акции «Диктант Победы».

Университет воспитал плеяду выдающихся спортсменов. Среди студентов и выпускников – три заслуженных мастера спорта, более 10 мастеров спорта международного класса, более 20 мастеров спорта России. Среди них: Марат Гарипов (двукратный чемпион мира по борьбе на поясах), Алексей Денисенко (призер Олимпийских игр по тхэквондо), Регина Исламова (заслуженный мастер спорта по спортивной акробатике), Дина Вихрянова (чемпионка мира), Алия Галаутдинова (чемпионка мира и Европы по акробатике), мастера спорта международного класса по хоккею Николай Белов и Никита Сухинин. Особых успехов студенты достигали в тхэквондо, тяжелой атлетике, спортивной борьбе, плавании и акробатике.

С 2008 года в вузе функционирует Центр психологической и профориентационной работы (руководители – Л.Р. Адилова, А.Р. Вазиева), который с 2020 года получил статус Службы психолого-педагогической поддержки (СППП). Служба занимается психодиагностикой, коррекционной и профилактической работой со студентами, особое внимание уделяется первокурсникам и студентам из группы риска.

4. Научно-исследовательская деятельность: путь к Университету 3.0

Общее руководство научно-исследовательской работой в вузе находилось в ведении проректора по науке: в разное время эту должность занимали А.Г. Мусин, И.С. Сафуанов, Д.Ш. Гильманов (первый проректор), И.А. Шакиров и А.Г. Мухаметшин (проректор по науке, с 2018 г. – первый проректор).

Значительный вклад в историко-педагогическую науку в этот период внесли преподаватели факультета педагогики и психологии. В 2000-е годы под руководством профессора А.Г. Мухаметшина защищены диссертации Т.Н. Бахатовой, О.Г. Евграфовой, Г.Р. Маликова, М.В. Уваровой; под руководством профессора Н.Ш. Чинкиной – А.М. Ахметова, Т.В. Галузо, Р.А. Гумерова, М.М. Гумеровой, А.М. Сафиной, Д.Р. Шакирзяновой, А.Н. Яковлевой; под руководством профессора М.И. Богомолловой – Г.Р. Ганиевой, О.Ю. Герасимовой, Н.Л. Беляевой, И.З. Хабибуллиной, Р.М. Хаертдиновой. Профессор А.Г. Мухаметшин, доктор педагогических наук (2010), продолжил исследования в области истории педагогики и образования народов Поволжья и Приуралья. В 2019 году за значительные заслуги в сфере образования он был награжден медалью К.Д. Ушинского Министерства науки и высшего образования РФ. Значительный вклад в краеведческие изыскания и историко-образовательную тематику внесли профессора Т.А. Магсумов и И.В. Корнилова.

В 2010 году возобновила работу лаборатория спелестологии и истории горного дела Прикамья (руководитель А.А. Гунько). Лаборатория стала одним из центров спелеологических исследований в Поволжье, проведя несколько международных конференций «Спелеология и спелестология» и выпустив девять сборников научных материалов. К 2019 году сборники включили в себя суммарно 530 статей на русском и английском языках от ученых из 28 стран мира.

Важнейшим событием стало создание в 2018 году научно-исследовательской лаборатории «Лаборатория комплексных исследований» (рук. – О.В. Коломыцева, затем Н.Н. Селиверстова). Лаборатория занималась разработкой инновационных технологий в области физического воспитания, адаптивной физической культуры, коррекционной педагогики и психологии. В 2019 году лаборатория получила новое оборудование, что позволило проводить комплексные психофизиологические исследования. При лаборатории функционировал кружок «LogoВед+» (рук. – Г.А. Хакимова), студенты которого проводили научные исследования по развитию речи детей и подростков.

В эти годы значительно выросла публикационная активность преподавателей. В 2018–2019 годах количество публикаций сотрудников университета в международной базе данных Web of Science превысило совокупные показатели вуза за предыдущие восемь лет, а в Scopus — за предыдущие четыре года. Ежегодно проводились научные конференции и форумы.

5. Международная деятельность университета: на пути к глобальному присутствию

Системная международная деятельность началась в НГПУ в 2007 году с создания отдела международных отношений (с 2018 года – управление международных связей) под руководством Д.Ф. Галагудиной. Это позволило выстроить последовательную политику интеграции вуза в мировое образовательное пространство.

Ключевым направлением стало сотрудничество с французскими вузами. В 2007 году подписано соглашение с Университетским педагогическим институтом Версальской Академии (Франция). В 2008 году заключены соглашения с Университетом города Реймс и Профессиональным институтом имени А.М. Камаити (Италия). С 2010 года началась ежегодная программа обмена студентами для педагогической практики с Университетом Реймса. Общее количество стажеров составило около 200 человек. Студенты НГПУ проходили практику в школах Сен-Дизье, Труа, Шомон, а французские студенты – в школах Набережных Челнов, Нижнекамска, Мамадыша, Азнакаево и Казани. Ключевую роль в развитии этого направления сыграл О.Б. Червов, директор международных программ с 2007 года, владеющий восемью иностранными языками.

Необходимо было расширение географии сотрудничества. В 2011 году заключены соглашения с Университетом Сержи-Понтуаз (Франция) и Ассоциацией «Франция – Волга». С 2009 года Туркменистан стал основным зарубежным партнером университета. Наш университет стал первым высшим учебным заведением в Республике Татарстан, начавшим прием на обучение граждан Туркменистана. На сегодняшний день вуз включён в официальный перечень российских образовательных организаций, чьи дипломы признаются на территории Туркменистана. За многолетний период сотрудничества подготовлено свыше тысячи туркменских специалистов, успешно осуществляющих профессиональную деятельность в образовательных учреждениях своей страны. В 2010-е годы доля обучающихся из Туркменистана составляла около 10% от общего контингента студентов. К 2020 году в университете на всех уровнях образования – от подготовительного отделения до аспирантуры – проходили подготовку 128 граждан Туркменистана.

В 2014-2015 годах развивались контакты с Казахстаном. Были заключены соглашения с Актюбинским региональным государственным университетом имени К. Жубанова, Баишев Университетом, Казахской академией спорта и туризма. В 2018 году подписаны соглашения с Казахским государственным женским педагогическим университетом и Азербайджанским государственным педагогическим университетом, а также с Азербайджанским техническим университетом и Институтом математики и механики НАН Азербайджана.

В 2019 году заключены соглашения с вузами Узбекистана: Нукусский педагогический институт имени Ажинияза, Русский культурный центр Каракалпакстана, Ташкентский педагогический университет имени Низами.

В 2019 году НГПУ вошел в Китайско-российский Союз высших педагогических учебных заведений. В июне 2019 года ректор А.А. Галиакберова выступила на форуме в Пекинском педагогическом университете. Подписано соглашение с Институтом международного образования Ланьчжоуского транспортного университета.

Управление международных связей обеспечивало реализацию программ: «Erasmus+», «Мевлана», «DAAD», «Алгарыш», Фулбрайт, Кампус Франс. Около 300 студентов и преподавателей выезжали за рубеж.

В ноябре 2019 года НГПУ присоединился к Консорциуму на базе Университета Иннополис. Преподаватели прошли обучение по программам повышения квалификации для формирования цифровых компетенций.

Осенью 2019 года открыто подготовительное отделение. Более 200 обучающихся из Египта, Марокко, Сирии, Италии, Турции начали изучать русский язык. Организацию возглавил советник при ректорате Л.М. Галиев. Заведующим отделением назначен Р.Р. Галиуллин, специалистом – Н.А. Халимова. Преподаватели: Р.Р. Галиуллин, А.М. Тарасов, А.В. Потанина, О.П. Глухова, С.Г. Сафонова, В.А. Сонькин, Л.М. Бражник, Э.Х. Галямова, А.В. Смирнова.

21 мая 2019 года создана «Ассоциация иностранных студентов». В октябре 2019 года ее представители участвовали в VIII Съезде Ассоциации иностранных студентов России. К 2020 году в НГПУ обучалось около 300 иностранных студентов из 18 стран. В 2019 году НГПУ включился в проект «Российский учитель за рубежом».

Таким образом, к 2020 году НГПУ превратился в значимый центр международного педагогического сотрудничества, интегрированный в мировое образовательное пространство.

Выводы

Период 2002-2020 годов стал для Набережночелнинского государственного педагогического университета временем преодоления вызовов эпохи и обретения нового качества. Вуз трансформировался из регионального пединститута в современный, многопрофильный, цифровизированный научно-образовательный центр, интегрированный в глобальное пространство. Сохранив верность классическим традициям педагогического образования и гуманистическим идеалам, НГПУ уверенно шагнул в эпоху Университета 3.0, где наука, инновации и воспитание патриота-гражданина сливаются в единый процесс подготовки учителя будущего.

От института вуз пришел к статусу университета с пятью факультетами, колледжем, институтом дополнительного профессионального образования. От первых шагов в международном сотрудничестве – к системной работе с десятками зарубежных партнеров. От отдельных научных исследований – к сложившимся научным школам и лабораториям.

Каждый из четырех ректоров этого периода внес свой вклад в развитие вуза: Г.Р. Аглямова укрепила социальную сферу, И.С. Сафуанов вывел науку на новый уровень, Ф.З. Мустафина сохранила вуз в годы кри-

зиса и добилась присвоения ему статуса университета, А.А. Галиакберова начала системную трансформацию всех сфер деятельности университета.

В 2020 году, подходя к своему 30-летию, университет был готов к новым вызовам: в нем обучалось более 4 тысяч студентов, работали высококвалифицированные преподаватели, реализовывались десятки образовательных программ и научных проектов. Впереди были новые горизонты – развитие технопарков, цифровизация, расширение международного присутствия и укрепление позиций среди ведущих педагогических вузов России, о чем свидетельствовало вхождение в Первую лигу и занятие седьмой строчки в рейтинге педвузов Минпросвещения РФ в 2023 году.

Список источников

1. Барабашкина Е.В., Крылова Т.В., Трифанова А.А. Взаимодействие вуза и корпорации в условиях непрерывного корпоративного образования // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 4-3. С. 71 – 75.
2. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы: 50 лет созидания / отв. ред. Т.М. Аминов. Уфа, 2017. 296 с.
3. Вэньцзэ Л. Теория и практика академических обменов студентами и сотрудничества между китайскими и российскими вузами // Russian Studies in Culture and Society. 2024. Т. 8. № 1. С. 78 – 96. DOI 10.12731/2576-9782-2024-8-1-224
4. Гайрабеков А.Я. Чеченский государственный педагогический университет в 1980-2020 гг. // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1, Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 28. № 2 (30). С. 94 – 104.
5. Литвин А.А., Магсумов Т.А., Чиркова С.В., Валиева Р.З. Институционализация междисциплинарности в вузе как альтернатива кафедральной монополии // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14. № 2-2. С. 59 – 66.
6. Магсумов Т.А., Хакимова Н.Г. Полвека факультету педагогики и психологии Набережночелнинского государственного педагогического университета // Журнал Министерства народного просвещения. 2024. № 11 (2). С. 66 – 84.
7. Мездриков Ю.В., Белова О.В. Совершенствование системы финансирования и стимулирования научно-исследовательской работы вузов // Наука Красноярья. 2024. Т. 13. № 4. С. 70 – 92. DOI 10.12731/2070-7568-2024-13-4-270
8. Минеева Е.К., Иванов В.С., Дмитриева О.О. Подготовка педагогических кадров для системы образования Чувашии в конце XX – начале XXI века // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 239 – 246. DOI 10.30914/2411-3522-2021-7-3-239-245
9. Прохорова М.П. Организационно-педагогические предпосылки развития профессионально-педагогического образования в структуре регионального кластера // Наука Красноярья. 2012. Т. 1. № 5. С. 239 – 247.
10. Сафонов К.Б. К проблеме институционализации инноваций в деятельности организаций высшего образования // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1-2. С. 246 – 250.
11. Сафонов К.Б. Проблемы оценки эффективности современной системы высшего образования (региональный аспект) // Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 5-2. С. 205 – 209.
12. Шаталова Н.П. Конструктивная образовательная среда в системе школа-вуз // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11. С. 394 – 408. DOI 10.12731/2218-7405-2015-11-33

References

1. Barabashkina E.V., Krylova T.V., Trifanova A.A. Interaction between the University and the Corporation in the Context of Continuous Corporate Education. Science of Krasnoyarsk. 2023. Vol. 12. No. 4-3. P. 71 – 75.
2. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla: 50 Years of Creation, ed. T.M. Aminov. Ufa, 2017. 296 p.
3. Wenjie L. Theory and Practice of Academic Student Exchanges and Cooperation between Chinese and Russian Universities. Russian Studies in Culture and Society. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 78 – 96. DOI 10.12731/2576-9782-2024-8-1-224
4. Gayrabekov A.Ya. Chechen State Pedagogical University in 1980-2020. News of the Chechen State Pedagogical University. Series 1, Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 28. No. 2 (30). P. 94 – 104.

5. Litvin A.A., Magsumov T.A., Chirkova S.V., Valieva R.Z. Institutionalization of interdisciplinarity in a university as an alternative to departmental monopoly. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023. Vol. 14. No. 2-2. P. 59 – 66.
6. Magsumov T.A., Khakimova N.G. Half a Century of the Faculty of Pedagogy and Psychology of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. *Journal of the Ministry of Public Education*. 2024. No. 11 (2). P. 66 – 84.
7. Mezdrikov Yu.V., Belova O.V. Improving the System of Financing and Incentives for Research Work in Universities. *Science of Krasnoyarsk*. 2024. Vol. 13. No. 4. P. 70 – 92. DOI 10.12731/2070-7568-2024-13-4-270
8. Mineeva E.K., Ivanov V.S., Dmitrieva O.O. Training of teaching staff for the education system of Chuvashia in the late 20th – early 21st centuries. *Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences*. 2021. Vol. 7. No. 3 (27). P. 239 – 246. DOI 10.30914/2411-3522-2021-7-3-239-245
9. Prokhorova M.P. Organizational and pedagogical prerequisites for the development of professional and pedagogical education in the structure of a regional cluster. *Science of Krasnoyarsk*. 2012. Vol. 1. No. 5. P. 239 – 247.
10. Safonov K.B. On the problem of institutionalization of innovations in the activities of higher education organizations. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Vol. 15. No. 1-2. P. 246 – 250.
11. Safonov K.B. Problems of Assessing the Effectiveness of the Modern Higher Education System (Regional Aspect). *Science of Krasnoyarsk*. 2021. Vol. 10. No. 5-2. P. 205 – 209.
12. Shatalova N.P. Constructive Educational Environment in the School-University System. *Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)*. 2015. No. 11. P. 394 – 408. DOI 10.12731/2218-7405-2015-11-33

Информация об авторе

Магсумов Т.А., доктор исторических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0117-7513>,
Набережночелнинский государственный педагогический университет, nabonid1@yandex.ru

© Магсумов Т.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 93/94 + 356/358 + 623.442.46

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-174-181

Тяжелый вопрос о легком пулемете: история создания ручных пулеметов в СССР 1920-х – первой половине 1930-х гг.

¹ Новиков М.С.,

¹ Омский государственный технический университет

Аннотация: целью статьи является рассмотрение деятельности советских военных, управленцев и конструкторов в 1920-е – первую половину 1930-х гг., по разработке и производству основного автоматического оружия стрелкового отделения – ручного пулемета. Задачами стало выявление проблем, имеющих в начале разработки ручного пулемета, выделение основных альтернатив (создание ручного пулемета на основе автоматической винтовки, станкового пулемета или самостоятельной разработки). С целью достижения объективности исследования автор рассматривает процесс создания ручных пулеметов в Французской Республике, Соединенных Штатах Америки, Веймарской Республике. В статье рассмотрены варианты пулеметов предложенные В.Г. Федоровым и Ф.В. Токаревым. Результатом поиска стало создание В.А. Дегтяревым семейства пулеметов, включающего ручной, авиационный и танковый, организация массового производства в военной и гражданской промышленности, постановка их на вооружение. При написании статьи автор обращается к широкому кругу источников, среди которых: делопроизводственная документация, военная литература 1920-х гг. и 1930-х гг., современная отечественная и зарубежная литература, посвященная разработке и производству стрелкового оружия, публикации Высшей аттестационной комиссии и Российского индекса научного цитирования.

Ключевые слова: автоматическая винтовка, единый пулемет, ручной пулемет, советские конструкторы оружия, межвоенный период, оборонная промышленность

Для цитирования: Новиков М.С. Тяжелый вопрос о легком пулемете: история создания ручных пулеметов в СССР 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 174 – 181. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-174-181

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The difficult question of the light machine gun: the history of the creation of light machine guns in the USSR in the 1920s – the first half of the 1930s

¹ Novikov M.S.,

¹ Omsk State Technical University

Abstract: the purpose of the article is to review the activities of the Soviet military, managers and designers in the 1920s and the first half of the 1930s, in the development and production of the main automatic weapons of the small arms department, the hand-held machine gun. The tasks were to identify the problems that existed at the beginning of the development of a light machine gun, to identify the main alternatives (the creation of a light machine gun based on an automatic rifle, machine gun or self-developed). In order to achieve the objectivity of the research, the author examines the process of creating light machine guns in the French Republic, the United States of Ameri-

ca, and the Weimar Republic. The article considers earlier alternatives proposed by V.G. Fedorov and F.V. Tokarev. The result of the search was the creation by V.A. Degtyarev of a family including a hand-held, aviation and tank machine gun, its commissioning and the organization of mass production in the military and civilian industries. When writing the article, the author refers to a wide range of sources, including: office records, military literature of the 1920s and 1930s, modern domestic and foreign literature on the development and production of small arms, publications of the Higher Attestation Commission and the Russian Science Citation Index.

Keywords: automatic rifle, machine gun, light machine gun, soviet weapon designers, Interbellum, defense industry

For citation: Novikov M.S. *The difficult question of the light machine gun: the history of the creation of light machine guns in the USSR in the 1920s – the first half of the 1930s. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 174 – 181. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-174-181*

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

1920-е гг. стали начальным этапом формирования военной мощи СССР, в ходе которого возникла необходимость не только восстановить производство тех категорий оружия, которые уже имели место в Российской Империи (РИ) в годы Первой мировой войны (ПМВ), но и наладить производство категории оружия поставляемого в годы ПМВ союзниками по Антанте. Оружия, необходимого для грядущих вооруженных конфликтов. Такой категорией оружия без сомнения являлся ручной пулемет (РП). В виду сложной ситуации с РП в РИ и в первые годы существования СССР предпринимались попытки решить эту проблему через «отягощения» автоматических винтовок и «облегчение» станковых пулеметов. Однако результаты попыток привели к решению – самостоятельно разработать РП.

Целью исследования стал анализ усилий по разработке РП советскими конструкторами, организации производства РП, а также последствий этого решения.

Материалы и методы исследований

При написании статьи был использован конкретно-исторический, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Конкретно-исторический метод позволяет описать факты, события и явления, имевшие место в конструкторских кругах, военно-промышленном комплексе и военно-политическом руководстве СССР 1920-1930-х гг., включенных в формирования требований к РП, их разработке и производству.

Историко-сравнительный метод позволяет проследить процесс разработки РП в Французской Республике, Соединенных Штатах Америки, Веймарской Республике, сравнить в данный процесс с имевшем место в СССР 1920-1930-х гг.

Историко-генетический метод позволяет проследить процесс проектирования и производства РП в СССР 1920-1930-х гг.

Материалами для данной работы послужили различные категории литературы и исторических источников, которые автор классифицирует следующим образом.

Труды отечественных исследователей развития стрелкового оружия М.Р. Попенкера, М.М. Николова [1] и С.Л. Федосеева [2].

Труды зарубежных исследователей стрелкового оружия: Ф. Джеймса [3], Н. Горенштейна [4], В. Фовлера с соавторами [5]

Публикации ВАК М.С. Новикова [6] и А.Ю. Кормазова [7].

Публикации РИНЦ Т.Р. Тлисова и Г.Г. Омелянюка [8], А.С. Дергачева [9].

Издания 1920-1930-х гг. под авторством В.Г. Федорова [10,11], Г. Брандта [12], Ф. Кауфельдта [13].

Архивные материалы, включённые в серии сборников о становление оборонно-промышленного комплекса СССР и его состоянии перед Великой Отечественной войной [14; 15; 16].

Результаты и обсуждения

Еще до завершения Гражданской войны в советском военном руководстве обсуждался вопрос создание РП. Как не странно запрос на него исходил как от давно существующих родов войск, так и от только зарождающихся. Так Доклад помощника инспектора кавалерии Федотова председателю комиссии по выра-

ботке огнестрельного оружия будущего от 1 сентября 1920 г. указывает на потребность пехоты и кавалерии в РП наподобие Lewis Mk. I или Мадсена обр. 1902 г., созданного на основе «автоматического ружья» В.Г. Федорова [14, с. 204-205]. Технические условия конкурса на проекты конструкций танков от 17 марта 1921 г. так же предусматривали вооружение ряда единиц бронетехники «ружьями-автоматами Федорова» [14, с. 242-244]. Это определило серию работ В.Г. Федорова, В.А. Дегтярева и Г.С. Шпагина над целым комплексом стрелкового оружия что позволило бы добиться дешевизны и массовости производства, а также улучшение и упрощение подготовки личного состава. Уже в 1921 г. на основе «автомата Федорова», фактически являвшегося автоматической винтовкой, под патрон 6,5x50 мм. был разработан РП с радиатором по образцу Lewis Mk. I, к которому добавился вариант с водяным охлаждением. В 1922 г. к имеющемуся варианту добавились РП с толстым стволом в вентилируемом кожухе по образцу РП Мадсена обр. 1902 г. и спаренный авиационный пулемет на его базе. Конструкторы предлагали авиационные и танковые пулеметы, полустанковые и станковые, с различными способами решения проблемы нагрева ствола. Стволы у всех пулеметов имели длину в 520 мм. Коробчатые магазины имели вместимость до 25 патронов, а дисковые до 50 патронов. Разработать надежные магазины большей вместимости не удавалось [2, с. 123-129, 565; 10, с. 39-42, 55; 11, с. 53-55]. Однако оружие предложенное В.Г. Федоровым оказалось сложным в производстве и обслуживании. Материалы Главного управления военной промышленности ВСНХ, направленные члену комиссии ЦК РКП(б) по обороне страны Ф.Э. Дзержинскому, о состоянии военной промышленности к 1923 г. от 5 июня 1923 г. свидетельствует что изготавливаемый на Ковровском пулеметном заводе (КПЗ) «автомат Федорова предназначается для вооружения отдельных стрелков, команд, летчиков...». Но при этом авторы документа констатировали отсутствие «образца, пригодного для вооружения войсковых масс» [14, с. 294-308].

На фоне проблемы с разработкой и производством нового оружия было принято паллиативное решение. В 1923 г. конструктор Оружейного полигона школы «Выстрел» И.Н. Колесников предложил образец РП на базе станкового пулемета Максим обр. 1910 г. [9, с. 161, 162]. Вероятно, данный выбор был связан с тем, что ещё в РИ было налажено устойчивое производство станковых пулеметов Максима обр. 1910 г. имелись кадры обученные их эксплуатации и боевому применению. Так же был известен опыт Германской империи по разработки на основе станковых MG 08 РП MG 08/15 и MG 08/18, калибром 7,92x57 мм. с водяным и воздушным охлаждением, массой 17,8 кг. и 14,5 кг. соответственно, стволом длиной в 718 мм. и ленточным питанием на 50-100 патронов [4, с. 322, 429].

В тоже время Протокол заседания у инспектора артиллерии РККА Ю.М. Шейдемана об изготовлении первого пробного экземпляра ружья-пулемета системы В. Г. Федорова от 12 июля 1924 г. указывал на возможность перехода КПЗ на изготовление РП системы В.Г. Федорова под патрон 7,62x54 мм. Отмечалось, что от 6,5x50 мм., он отличается: стволом; чашкой затвора; уширением окна магазинной коробки; новым магазином. Но для сдачи первых партий лекального изготовления с завода потребуется 1,5 года, так как в это времена надо сначала изготовить 10 экземпляров для полигонного испытания, по результатам которого внести правки для изготовления 100 экземпляров для войскового испытания [2, с. 123-129; 14, с. 384-385].

Но, удовлетворенность результатами работы В.Г. Федорова была не велика. Справки Особого отдела ОГПУ СССР о работе военной промышленности написаны не ранее 20 декабря 1924 г. свидетельствовали, что «пулеметы Федорова» в большом количестве возвращаются частями на завод для переделки» [14, с. 410-414].

В январе 1925 г. комиссия по рассмотрению новых образцов вооружения под председательством С.М. Буденного приходит к мнению, для вооружения необходим РП, переделанный из станкового пулемета Максима обр. 1910 г. Вследствие этого решения Ф.В. Токарев и И.Н. Колесников начинают конструирование РП на базе станкового Максима обр. 1910 г. Ситуация, в которой военное руководство СССР заинтересовалось таким оружием вполне объяснима при обращении к документам изучаемого периода. Докладная записка члена правления ГУВП Р. И. Берзина председателю Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе о разработке пятилетнего плана на заказы военного ведомства от 2 февраля 1925 г. упоминает «пулемет Федорова, на который потрачено несколько миллионов рублей, между тем как дело с ним стоит без движения до сих пор» [9, с. 161, 164; 11, с. 59-61; 14, с. 424-425].

К 1925 г. в СССР определились с понятием РП. В книге В.Г. Федорова «Современные проблемы ружейно-пулеметного дела» 1925 г. издания, автор пишет, что РП, который он так же именует «маневренным пулеметом», должен соответствовать следующим параметрам. Масса в диапазоне 9,07 кг. до 13,61 кг, ствол не короче 508 мм., боепитание должно осуществляться через коробчатый или барабанный магазин на 50 – 100 патронов или ленту в коробе. РП должен иметь сошки или легкий станок, и быть способным вести стрельбу очередями по 3 – 4 патрона с упора. При этом именно РП и станковые пулеметы должен брать на себя роль

«дальнего огня пехоты» вместо магазинной винтовки [10, с. 18,19,37,41]. При этом мы можем отметить, что здесь «маневренный пулемет» как минимум занимает две позиции, РП для которого основным положением для стрельбы является опора пулемета на сошку и упор приклада в плечо и единого пулемета, способного использоваться как РП или станковый пулемет в зависимости от необходимости [8, с. 643,645]. В виду этого В.Г. Федорова считает необходимым добавить к требованиям для внесения в ряды РП возможности комфортного ведения огня без станка и перемещения оружия и хотя бы части его боекомплекта на стрелке (наводчике).

В то же время В.Г. Федоров предлагает РП для вооруженных сил на патрон калибра 6,5 мм., опираясь на опыт применения винтовочных патронов данного калибра в Японской империи, Королевстве Италия, Королевстве Румыния. При этом планировалось снабдить вооруженные силы автоматической винтовкой и РП полученной путем снабжения автоматической винтовки «толстым и быстросменяемым стволом», калибром 6,5 мм. Станковые пулеметы по идеи В.Г. Федорова должны были иметь калибр 12-15 мм. что несколько опережало появление реальных крупнокалиберных пулеметов в достаточно количестве и указывало на признание роли авиации и бронетехники в грядущей войне [6, с. 205-206; 10, с. 42-44,51-53,61].

Идея В.Г. Федорова о введение патрона 6,5 мм., без упоминания будет ли это патрон 6,5х50 мм. или 6,5х57 мм., не была революционной и в ближнесрочной перспективе являлась контрпродуктивной. Страны, которые в начале XX в. приняли патроны данного калибра были вынуждены принимать на вооружение отдельные калибры патронов для станковых пулеметов 7,7х58 мм. (Японская Империя), 8х59 мм. (Королевство Италия), 8х63 мм. (Королевство Швеция). В итоге имея в номенклатуре боеприпасов на одну позицию больше. Последующий опыт Великой Отечественной войны, с одной стороны, показал уменьшение фактической дальности стрельбы из винтовок и РП на фоне увеличивающейся роли легкой пехотной артиллерии и минометов, с другой требовал скорости пули в 950 м/с при весе пули в 10 г. что было невозможно в калибре 6,5 мм.[1, с. 39-40,360,370; 5, с. 460, 465, 491; 7, с.43-45].

Упомянутое В.Г. Федоровым принятие на вооружение во Французской республики нового РП под специальный патрон, вероятно является отсылкой к MAC mle 1924 под патрон 7,5х58 мм, который после был модернизирован до MAC mle 1924/29 под патрон 7,5х54 мм., массой в 11,1 кг., со стволом длиной 500 мм. коробчатым магазином на 25 патронов. На основе данного пулемета будут выполнены фортификационные/танковые пулеметы (MAC mle 1931), авиационные пулеметы (MAC mle 1934) имевшими вертикальные дисковые магазины на 150-300-500 патронов [1, с. 292, 360, 370; 3, с. 131-133, 154-161; 5, с.326,452; 10, с. 62; 11, с. 63, 64].

Доклад Организационно-мобилизационного управления Штаба РККА начальнику штаба С.С. Каменеву о направлении сверхсметных ассигнований на расширение артиллерийского производства от 16 марта 1925 г. отмечает ситуацию с РП в СССР как критическую. Производство РП отсутствует, действующая армия может иметь не более 42% от необходимого числа, которые характеризуют как сборище «расстрелянных и ненадежных машин» в том числе под иностранные боеприпасы. В заочном соревновании РП Ф.В. Токарева и И.Н. Колесникова одержал победу первый, так как промышленность рассчитала, что сможет производить 2000 РП Ф.В. Токарева или 500 РП И.Н. Колесникова [14, с. 437-443].

Однако РП Максим-Токарев обр. 1925 г. (МТ) имел не только преимущество в виде надежной и проверенной, пусть и суррогатной конструкции, относительно малой массы в 12,9 кг., стволом длиной в 655 мм. и коробом с лентой на 100 патронов калибром 7,62х54 мм., но и недостатки. Во-первых, МТ был не дешевле и не проще пулемета Максима обр. 1910 г Во-вторых, ТОЗ был занят производством магазинной винтовки обр. 1891/10 г., револьвера Нагана обр. 1895 г., станкового пулемета Максим обр. 1910 г. и авиационного пулемета Пулемет Воздушный (ПВ) – 1. [2, с. 141,142; 9, с.162,164; 11, с.61-62].

Конечно, нам идея превращения станкового пулемета в РП может показаться архаичной для 1920-х гг. Однако в 1943 г. вооруженные силы США приняли в качестве РП M1919 A6, разработанный на основе станкового M 1919 A4. Пулемет имел массу в 14,94 кг., ствол длиной в 610 мм., использовал матерчатую ленту на 250 патронов калибром 7,62х63 мм. и применялся в качестве единого. Он предназначался дополнить РП M1918A2 массой в 8,8 кг., со стволом длиной 610 мм. и коробчатым магазином на 20 патронов разработанный в 1938 г. на основе автоматической винтовки M1918 и продемонстрировавшим недостаточную практическую скорострельность. Все 4 упомянутых модели оружия были разработаны Д. Браунингом или на основе его конструкции [1, с. 354, 358;4, с.91-95; 5, с. 440].

Справка Управления делами Реввоенсовета СССР и Наркомата по военным и морским делам СССР по выполнению Военпромом постановлений Реввоенсовета СССР от 28 апреля 1925 г. от 7 мая 1926 г. свидетельствует о установлении РП МТ в качестве основного типа и установке его производства на ТОЗ [14, с. 561-562].

Однако, 22 июля 1924 г. В.А. Дегтярев представил свой первый РП с дисковым магазином комиссии, которая отметила «выдающуюся оригинальность идеи, безотказность работы, скорострельность и значительную простоту». Для современников дисковой магазин был привлекательней не только тем, что хорошо работал с патронов 7,62x54 мм. имевшими рантом, но и тем коробчатый магазин расположенные с верху ухудшает обзор и возвышается над укрытием, с низу увеличивает высоту линии огня, с бока риск перекоса и механического воздействия. 6 октября 1924 г. опытный пулемет В.А. Дегтярева проходил испытания параллельно МТ, но не прошел его из-за поломок. Следующий образец В.А. Дегтярева проходил испытания с сентября по декабрь 1926 г. и очередные испытания выявили необходимость упрочнения конструкции. В феврале 1927 г. был выдан заказ на 100 РП В.А. Дегтярева.

РП Дегтярева Пехотный (ДП-27), имел массу в 8,5 кг., ствол длиной в 605 мм. использовал однорядный диск на 47 патронов калибром 7,62x54 мм. Несмотря на то, что В.А. Дегтярев работал под руководством В.Г. Федорова, общего между их конструкциями не было. Принцип работы автоматики РП В.Г. Федорова (отдача ствола с коротким ходом) у ДП-27 (отвод пороховых газов); запираение ствола (двумя качающимися липками, расположенными симметрично по бокам казённой части ствола)/(двумя раздвижными боевыми упорами, разводимыми в стороны при движении ударника вперёд); ударно-спусковой механизм (куркового типа)/(ударникового типа); стрельбы ведется с затвора (закрытого)/(открытого). Более того если В.Г. Федоров проектировал однорядные дисковые магазины, даже под патрон 6,5x50 мм., то В.А. Дегтяреву удалось разработать трехрядный дисковой магазин для авиационной (ДА-28) и танковой (ДТ-29) версии своего пулемета [1, с. 344; 2, с. 567; 7, с. 42; 11, с. 66-68]. Таким образом РП В.А. Дегтярева являлся самостоятельной разработкой.

Из доклада Президиума ВСНХ СССР в СТО СССР о плане развития основных отраслей военной промышленности от 5 апреля 1927 г. можно не только узнать об увеличении заказа на МТ, но и об отправке ДП-27 в опытное производство, с перспективой роста до 6500 на пятый год производства [2, с. 151-153, 568; 15, с. 86-92].

В указанный период в Веймарской республике шла работа над пулеметом, который без серьезных изменений сможет использоваться и в качестве станкового, и в качестве РП. Успешным оказался проект, базирующийся на РП Dreyse 18 разработанным Л. Штонге и не успевшим до конца ПМВ. К 1926 г. На его основе был разработан MG 13 который имел массу в 10,89 кг., ствол длинной в 718 мм. использовал коробчатый магазин на 25 патронов или двухбарабанный (седловатый) магазин на 75 патронов калибром 7,92x57 мм. Он вызвал большой интерес в РККА, где проходил испытания вместе с ДП-27 и МТ. Конструкция В. А. Дегтярева одержала убедительную победу [5, с. 429; 11, с. 64, 71-73].

Из заключения Штаба РККА по докладу командующего войсками Ленинградского военного округа М. Н. Тухачевского об основных направлениях реконструкции РККА от 5 марта 1930 г. мы можем судить о необходимости увеличить заказы промышленности по РП – на 3450%, для чего согласно документу необходимо построить не менее 7 новых заводов, отмечалось что тогда «пулеметное производство не может быть поставлено на заводах гражданской промышленности» [15, с. 434-437].

Не сразу и не легко удалось наладить бесперебойное производство. Например Справка Наркомата по военным и морским делам СССР о выполнении промышленностью заказов наркомата за 1928/29 г. от 1 апреля 1930 г. отмечает 23% недодел по пулеметам ДП-27, ДА-28, ДТ-29 [15, с. 467-468]. Однако уже доклад Госплана СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) «О подготовке промышленности к обороне» от 24 октября 1930 г. содержит составленный ВСНХ мобилизационный план С-30 который проектирует подачу вооружения в первый год войны, согласно которому «пулеметы Дегтярева» поданы в количестве 37100, 100% от задания, при этом магазинами пулеметы были обеспечены наполовину

Из аналитического доклада сотрудника Орудийно-арсенального объединения А. Кривенко о кооперировании военного производства с гражданской промышленностью от 12 марта 1931 г. можно узнать о том что уже с 1931 г. планируется внедрение в гражданскую промышленность производства отдельных деталей пулемета, среди которых: кожух, приклад, магазины, ствол и скользящие части в «черновой обработки» с последующей отладкой и пригонкой на ИНЗ № 2 [15, с. 531-538].

Как ни странно, в РП нуждались не только пехотинцы, авиаторы и танкисты, но и кавалерия. Например, Г. Брандт, высказывал мнение что РП в кавалерии позволяют нивелировать меньшую численность кавалеристов по сравнению с пехотинцами, а разница в весе между винтовкой и РП нивелируется тем, что способность лошади к перевозке груза больше, чем у человека к переноске [12, с. 98, 103-104].

Из аналитического обзора Госплана СССР «Итоги оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке» от 12 октября 1932 г. мы получаем информацию о том что советское руководство констатирует что «Мы имеем ручной пулемет Дегтярева, являющийся одним из лучших в мире», а по пулеметам, что по-

мимо 100 % реализации плана отмечается производство пулеметных принадлежностей вынесено в гражданскую промышленность [15, с. 735-755].

Данный интерес объясним. Согласно книге «Роль техники в будущей войне», изданной в 1932 г. мощь ружейно-пулеметного огня американской дивизии с 1914 г. по 1931 г. выросла в 2,5 раза, при этом роль винтовки в войне всё время падает. В 1914 г. французская дивизия выпускала 103000 пуль в минуту, а в 1931 г. 213000 пуль в минуту благодаря росту количества и качества РП [13, с. 8-11].

Справка Сектора обороны Госплана СССР о развитии оружейно-пулеметной промышленности за период между XVI и XVII съездами ВКП(б) от 11 января 1934 г. указывает на солидный рост промышленности. На конец 1929 г. 45000-46000 пулеметов, а к началу 1934 г. 130000 пулеметов. Особенно подчёркивается то, что по пулеметам ДП-27 удалось «добиться полной взаимозаменяемости деталей». При этом отмечается снижение себестоимости, например, стоимость пулемета ДП с 1929 г. по 1933 г. снизилась с 2000 рублей до 650 рублей [16, с. 192-194]. А Доклад члена Комиссии советского контроля при СНК СССР Г. Д. Хаханьяна секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину об итогах проверки мобилизационной работы Наркомата тяжелой промышленности СССР от 7 октября 1934 г. свидетельствует, что по пулеметам ДА-28 подача составила 160% от задания. А Справка Артиллерийского управления РККА о выполнении плана заказов промышленностью за 1934 г. от 10 января 1935 г. свидетельствует о том, что на 143% было превышено задание по пулеметам ДТ-29 [16, с. 294-322, 341-346].

Выводы

Подводя итоги исследования, можно отметить следующие проблемы развития РП в СССР в межвоенный период:

- отсутствие функционирующей производственной базы по производству РП подталкивало к поиску конструкций, на основе которых можно было создать РП;
- наличие у В.Г. Федорова идей о создании на основе автоматической винтовки комплекса вооружения способствовало формированию идеи унификации стрелкового оружия в вооруженных силах СССР и подготовке конструкторов, среди которых был В.А. Дегтярев.
- сложности с реализацией разработок В.Г. Федорова подтолкнуло советское военное руководство к выбору суррогатного решения – создания РП на основе освоенного в массовом производстве станкового пулемета Максима обр. 1910 г.;
- создание конструкции В.А. Дегтяревым РП самостоятельной разработки имеющего конструкцию способную надежно работать с патроном 7,62x54 мм. и ожидание в скорости новой мировой войны способствовало налаживанию его массового производства и адаптации к роли авиационного и танкового пулемета.

В заключение можно констатировать, что советским конструкторам удалось за 1920-1930-е гг. быстро пройти путь от переделок «автоматов» и станковых пулеметов к самостоятельной и оригинальной конструкции, адаптированной к возможностям не только военной, но и гражданской промышленности СССР в условиях регулярных запросов на рост объемов выпускаемых РП.

Список источников

1. Попенкер М.Р. Николов М.М. Стрелковое оружие Второй Мировой. Коллекционное издание. М.: Яуза: Эксмо, 2014. 384 с.
2. Федосеев С.Л. Пулеметы России. Шквальный огонь. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 608 с.
3. James F. Airpower Over the Rhine The Luftwaffe, the French Air Force, and the Battle of France. Annapolis: Naval Institute Press, 2025. 272 p.
4. Gorenstein N. The Guns of John Moses Browning The Remarkable Story of the Inventor Whose Firearms Changed the World. New York:Scribner, 2022. 352 p.
5. Fowler W., Norton A., Stronge C., Sweeney P. The complete world encyclopedia of guns. Hermes House. London, 2009. 512 p.
6. Новиков М.С. Малыми шагами к крупному калибру: история создания крупнокалиберных пулеметов для сухопутных войск СССР 1920-е – 1930-е гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 203 – 215. DOI 10.58224/2658-5685.2024-7-5-203-215.
7. Кормазов А.Ю. Ручные пулеметы отечественного производства в годы Великой отечественной войны // История науки и техники. 2024. № 7. С. 42 – 45.

8. Тлисов Т.Р. Понятие и классификация огнестрельного оружия // Россия – 2035: наука и практика в фокусе инновационного развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 30 января 2020 года. Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2020. С. 640 – 645.
9. Дергачев А.С. Разработка и производство ручного пулемета Максима-Токарева (МТ) на Тульском оружейном заводе в 1924-1928 гг. // Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Тула, 27-29 октября 2021 года. Тула: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия», 2022. С. 160 – 167. DOI 10.51942/9785604828526_160
10. Фёдоров В.Г. Современные проблемы ружейно-пулеметного дела. Издательство ЦС ВНО «Война и техника», 1925 г. 69 с.
11. Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900-1935 гг.). Часть III. Оружейное дело после Октябрьской революции. Издание Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского. Москва, 1939 г. 163 с.
12. Брандт Г. Современная конница. Перевод с немецкого В. Микулина. Предисловие С.М. Буденного. Второе издание. Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. Москва, 1936 г. 183 с.
13. Кауфельдт Ф. Роль техники в будущей войне. ЛОИЗ: Ленинград, 1932. 54 с.
14. Советское военно-промышленное производство (1918-1926). М.: Новый хронограф, 2005. 770 с.
15. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Т. 3. Сборник документов: в 2-х ч. Ч. 1 (1927-1932). М.: Новый хронограф, 2008. 912 с.
16. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Т. 3. Сборник документов: в 2-х ч. Ч. 2 (1933-1937). М.: Терра, 2011. 944 с.

References

1. Popenker M.R., Nikolov M.M. Small Arms of World War II. Collector's Edition. Moscow: Yauza: Eksmo, 2014. 384 p.
2. Fedoseyev S.L. Machine Guns of Russia. Heavy Fire. Moscow: Yauza; Eksmo, 2009. 608 p.
3. James F. Airpower Over the Rhine: The Luftwaffe, the French Air Force, and the Battle of France. Annapolis: Naval Institute Press, 2025. 272 p.
4. Gorenstein N. The Guns of John Moses Browning: The Remarkable Story of the Inventor Whose Firearms Changed the World. New York: Scribner, 2022. 352 p.
5. Fowler W., Norton A., Stronge C., Sweeney P. The complete world encyclopedia of guns. Hermes House. London, 2009. 512 p.
6. Novikov M.S. Small steps to large caliber: the history of the creation of large-caliber machine guns for the USSR ground forces in the 1920s – 1930s. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 203 – 215. DOI 10.58224/2658-5685.2024-7-5-203-215
7. Kormazov A.Yu. Domestic light machine guns during the Great Patriotic War. History of Science and Technology. 2024. No. 7. P. 42 – 45.
8. Tlisov T.R. Concept and Classification of Firearms. Russia – 2035: Science and Practice in Focus of Innovative Development: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, January 30, 2020. Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Autonomous Non-Commercial Educational Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation “Russian University of Cooperation”, 2020. P. 640 – 645.
9. Dergachev A.S. Development and Production of the Maxim-Tokarev (MT) Light Machine Gun at the Tula Arms Factory in 1924-1928. The World of Weapons: History, Heroes, Collections: Collection of Materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Tula, October 27-29, 2021. Tula: Federal State Budgetary Cultural Institution "Tula State Museum of Weapons", 2022. P. 160 – 167. DOI 10.51942/9785604828526_160
10. Fedorov V.G. Modern Problems of Rifle and Machine Gun Production. Publishing House of the Central Scientific Society of the All-Russian Scientific Organization "War and Technology", 1925. 69 p.
11. Fedorov V.G. Armsmaking on the Border of Two Eras (Works of a Gunsmith 1900-1935). Part III. Arms-making after the October Revolution. Published by the Artillery Order of Lenin Academy of the Red Army named after Dzerzhinsky. Moscow, 1939. 163 p.

12. Brandt G. Modern Cavalry. Translated from German by V. Mikulin. Foreword by S. M. Budyonny. Second edition. State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR. Moscow, 1936. 183 p.
13. Kaufeldt F. The Role of Technology in a Future War. LOIZ: Leningrad, 1932. 54 p.
14. Soviet Military-Industrial Production (1918-1926). Moscow: Novy Khronograf, 2005. 770 p.
15. Formation of the USSR Defense-Industrial Complex (1927-1937). Vol. 3. Collection of documents: in 2 parts. Part 1 (1927-1932). M.: New Chronograph, 2008. 912 p.
16. Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927-1937). T. 3. Collection of documents: in 2 parts. Part 2 (1933-1937). M.: Terra, 2011. 944 p.

Информация об авторе

Новиков М.С., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-2290>, Омский государственный технический университет, 644050, г. Омск, Проспект Мира, д. 11, info@omgtu.ru

© Новиков М.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.2

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-182-187

Картирование мышления как метод реконструкции городского пространства Санкт-Петербурга XVIII века

¹ Рубцова М.В.,

¹ Павенков В.Г.,

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова

Аннотация: статья посвящена анализу концепции когнитивной истории, разработанной российским источниковедом О.М. Медушевской, и возможностям её применения к изучению городского пространства. Рассматривается эпистемологическая логика перехода от классического источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского к когнитивной истории как метанауке о человеке, реализующем себя в культуре через созданные им «источники» как объективированные результаты мышления и деятельности. На этой теоретической основе вводится и операционализируется понятие «картирование мышления», определяемое как метод реконструкции структур сознания эпохи через анализ пространственных, планировочных и символических артефактов. В качестве примера используется Санкт-Петербург XVIII века, рассматриваемый как материализованная когнитивная карта петровского и постпетровского Просвещения: регулярная планировка, осевая и радиальная композиция, размещение институтов науки и власти интерпретируются как «текст», фиксирующий рационалистическую модель мышления эпохи. Делается вывод о продуктивности синтеза источниковедческой эпистемологии Медушевской и урбанистической семиотики для решения задач когнитивной истории.

Ключевые слова: когнитивная история, О.М. Медушевская, источниковедение, картирование мышления, Санкт-Петербург, историческая урбанистика, эпистемология истории, XVIII век

Для цитирования: Рубцова М.В., Павенков В.Г. Картирование мышления как метод реконструкции городского пространства Санкт-Петербурга XVIII века // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 182 – 187. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-182-187

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Mapping the mind as a method for reconstructing the urban space of 18th-century St. Petersburg

¹ Rubtsova M.V.,

¹ Pavonkov V.G.,

¹ Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Abstract: this article analyzes the concept of cognitive history developed by Russian source scholar O.M. Medushevskaya and the potential for its application to the study of urban space. It examines the epistemological logic of the transition from the classical source studies of A.S. Lappo-Danilevsky to cognitive history as a metascience of humanity, realizing itself in culture through the "sources" it creates as the objectified results of thought and activity. Based on this theoretical foundation, the concept of "mapping the mind" is introduced and operationalized, defined as a method for reconstructing the structures of consciousness of an era through the analysis of spatial, planning, and symbolic artifacts. 18th-century St. Petersburg is used as an example, viewed as a materialized cognitive map

of the Petrine and post-Petrine Enlightenment: the regular layout, axial and radial composition, and the placement of scientific and government institutions are interpreted as a "text" capturing the rationalist thinking of the era. A conclusion is drawn about the productivity of synthesizing Medushevskaya's source-study epistemology and urban semiotics for addressing the challenges of cognitive history.

Keywords: cognitive history, O.M. Medushevskaya, source studies, mind mapping, St. Petersburg, historical urban studies, epistemology of history, 18th century

For citation: Rubtsova M.V., Pavenkov V.G. Mapping minds as a method for reconstructing the urban space of 18th-century St. Petersburg. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 182 – 187. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-182-187

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Одной из наиболее продуктивных линий развития отечественной теории исторического познания последних десятилетий стала концепция когнитивной истории, сформулированная Ольгой Михайловной Медушевской (1922-2007) в её итоговой монографии «Теория и методология когнитивной истории» (2008) [1]. Эта концепция выросла из многолетней работы автора в области источниковедения и представляет собой попытку вывести историческое знание на уровень общей когнитивистики – междисциплинарного пространства, объединяющего когнитивную психологию, теорию информации, семиотику и науки об искусственном интеллекте [1, с. 7-8]. Актуальность обращения к наследию Медушевской обусловлена теоретико-методологическим значением её работ для источниковедения. Предложенная ею эпистемологическая модель «человек, реализующий себя в источнике» открывает продуктивные перспективы для анализа немассовых, невербальных по своей природе исторических объектов, в частности городского пространства.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составила эпистемологическая модель когнитивной истории О.М. Медушевской. Исторический источник рассматривается как результат целеполагающей деятельности человека, а человек как субъект исторического процесса, самореализацию которого мы можем зафиксировать через доступные нам исторические источники. Как отмечает О.М. Медушевская «История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности» [1, с. 17]. Эта методологическая установка призвана примирить конфликт историков-позитивистов и историков-нарративистов, и позволить исторической науке наконец приступить к выявлению общечеловеческих параметров исторического процесса.

Данная статья решает две взаимосвязанные задачи. В ней проводится реконструкция концепции когнитивной истории в интерпретации О.М. Медушевской. Рассмотрены её эпистемологические основания и соотношение с классическим источниковедением Лаппо-Данилевского. Далее на основе концепции Медушевской вводится понятие «картирование мышления», которое апробируется на материале Санкт-Петербурга XVIII века. Санкт-Петербург XVIII века выбран потому что новая столица Российской империи строилась в соответствии с генеральным планом. Регулярная планировка города традиционно рассматривается историками как прямое выражение идеологии и мировоззрения эпохи Просвещения и характера реформ Петра I. Для решения поставленных задач применён комплексный подход, включающий метод когнитивного картирования и семиотический анализ городской среды.

Результаты и обсуждения

Концепция О. М. Медушевской принадлежит к источниковедческой школе, восходящей к трудам А.С. Лаппо-Данилевского и его методологии «исторического построения» [3]. Источник в этой методологической перспективе – это объективированный результат работы человеческого сознания, и потому его изучение может рассматриваться как реконструкция когнитивных операций, которые привели к его созданию [1, с. 48-49]. Эта предпосылка позволяет рассматривать источниковедение не как вспомогательную историческую дисциплину как это принято в современном историческом познании. Источниковедение становится системообразующим ядром гуманитарного знания в целом, что в свою очередь позволяет переосмыслить саму историческую науку как часть более широкого когнитивного комплекса дисциплин. История должна

взаимодействовать с семиотикой, культурной антропологией, психологией восприятия, исторической географией и урбанистикой [1, с. 7-8].

Причем источниковедение возвращает историческую науку к ее эмпирическим основаниям, к миру фактов, что удовлетворит требованиям современного познания в целом. История в этой перспективе понимается как реконструкция способов, которыми человек познавал, категоризировал и организовывал окружающую действительность в определённую историческую эпоху. Её предметом является не событие само по себе, а структура сознания, породившая источник как его следствие. Поэтому концепция когнитивной истории Медушевской, восстанавливая эмпирическую программу истории как строгой дисциплины не противоречит и нарративным историческим школам, основанным на философии понимания. Действительно, так как центральной категорией концепции Медушевской выступает «человек как живая система, способная целенаправленно и осознанно создавать продукт, придавая ему структуру, пригодную для выполнения функций, к осуществлению которых этот продукт предназначен» [1, с. 48], то историк, работающий с источником, реконструирует не «объективную реальность» как таковую, а тот образ реальности, который сложился в сознании создателя источника и был им материализован. Такая установка сближает концепцию Медушевской с герменевтической традицией (В. Дильтей, Э. Гуссерль) и одновременно удерживает её в рамках строгой источниковедческой методологии, требующей верификации и критики источника.

Теперь определим понятие «картирование мышления» и его эвристический потенциал в исторической науке. Термин «картирование мышления» многозначен. В прикладной психологии и педагогике он чаще всего используется в узком смысле – как техника визуализации идей («интеллект-карты», mind-mapping, восходящие к методике Т. Бьюзена). В настоящей статье понятие используется в ином, эпистемологическом значении, восходящем к традиции когнитивной географии (cognitive mapping) – начиная с работ Э. Толмена о «когнитивных картах» животных и человека [7] и с исследования К. Линча «Образ города», показавшего, что городская среда прочитывается жителями как структурированный ментальный текст, организованный вокруг путей, границ, районов, узлов и ориентиров [6].

В контексте когнитивной истории Медушевской «картирование мышления» может быть определено как метод реконструкции устойчивых когнитивных структур исторической эпохи (представлений о пространстве, власти, порядке, времени, знании) через анализ материальных и знаковых артефактов, в которых эти структуры были объективированы, – в первую очередь через планировочные, архитектурные и градостроительные решения. Городской план, регулярная застройка, размещение доминант – это не нейтральная «данность», а такой же источник, как текст или документ: он есть «реализованный продукт психической деятельности», зафиксировавший то, как человек эпохи мыслил пространство, порядок и своё место в мире.

Операционально можно выделить три взаимосвязанных уровня, на которых картирование мышления реализуется применительно к городу как историческому источнику:

- уровень геометрии и топологии – регулярность/иррегулярность планировки, наличие осей, радиусов, симметрии как выражение рационалистической либо органической модели мира;
- уровень семантики – символическая нагруженность отдельных точек городского пространства (собор, крепость, дворец, академия) как узлов смысловой сети, фиксирующей иерархию ценностей эпохи;
- уровень нарратива – последовательность освоения и «прочтения» города субъектом (маршруты, перспективы, точки обзора), моделирующая тот сценарий восприятия действительности, который закладывался создателями пространства.

3. Санкт-Петербург XVIII века как материализованная карта мышления

Санкт-Петербург, основанный в 1703 году и с 1712 года ставший столицей, представляет собой едва ли не идеальный пример для апробации метода картирования мышления, поскольку это один из немногих крупных европейских городов Нового времени, построенных по единому регулярному замыслу «регулярного города», воплощавшего идеалы петровской эпохи [1; 8; 9]. Прямые проспекты, прорезающие пространство по заранее заданным осям (Невский проспект, Вознесенский проспект, Гороховая улица, сходящиеся к Адмиралтейству лучами), радиально-вещерная и одновременно линейно-осевая структура центральной части города – всё это не столько ответ на природные условия местности (напротив, часто вопреки болотистому ландшафту), сколько прямая проекция рационалистического мышления эпохи Просвещения, воспринимавшего пространство как поддающийся полному упорядочиванию, управляемый объект [10, с. 148].

В отечественной исторической науке феномен петровского градостроительства традиционно оценивается через призму административно-политических реформ. Так, в классических трудах С.П. Луппова детально реконструирована социально-экономическая и организационная база возведения новой столицы, показана жесткая государственная детерминированность строительного процесса [11, с. 85]. Однако метод ко-

гнитивного картирования позволяет сместить фокус исследовательского внимания с аспектов управления на выявление глубинных ментальных структур. Регулярный план в этой оптике предстает не просто результатом административных действий, а материализованной ментальной схемой, фиксирующей картезианское понимание пространства как однородной протяженности, доступной полному рациональному переустройству.

Применим трёхуровневую модель картирования мышления к анализу городской среды. На уровне «геометрии пространства» план застройки Петербург фиксировал переход от средневековой, «стихийно» разраставшейся модели русского города (как Москва с её кольцевой структурой) к новоевропейской, картезианской модели пространства как однородной, измеримой и организуемой по единому плану. Например, регулярная сетка кварталов Васильевского острова, которая первоначально должна была стать аналогом голландских или венецианских каналов показывает, что мышление заказчика (Петра I) и исполнителей (Д. Трезини и др.) оперировало уже пространством как чертежом, предшествующим самой застройке.

На семантическом уровне размещение ключевых зданий Петербурга XVIII века образует устойчивую сеть узлов, кодирующих иерархию ценностей эпохи. Адмиралтейство как символ военно-морской мощи и одновременно геометрический центр, от которого расходятся главные проспекты, помещает государственную власть в центр городской когнитивной карты. Петропавловская крепость на противоположном берегу Невы фиксирует истоки основания города и выполняет сакрально-мемориальную функцию (как усыпальница императорского дома). Здание Двенадцати коллегий, Академия наук с Кунсткамерой как «палатой редкостей», задуманной как модель универсального знания о мире, образуют вторую по значимости группу узлов, кодирующих просвещенческую идею государства, управляемого рациональным знанием. Показательно, что Кунсткамера, один из первых музеев России, была сознательно ориентирована фасадом на Неву и Зимний дворец, образуя визуальный и смысловой диалог между «знанием» и «властью», который прочитывается как прямая объективация доктрины «регулярного государства» в рамках складывающейся в XVIII веке идеологии Просвещения, где наука выступает инструментом и легитимацией власти.

Наконец, на нарративном уровне сама логика перемещения по городу от парадных набережных и проспектов к периферийным слободам моделировала для современника определённый сценарий «прочтения» новой столицы как движение от природной, «дикой» периферии к геометрически упорядоченному, «регулярному» центру, что повторяло на уровне телесного опыта горожанина базовую идеологическую метафору эпохи - превращение хаоса (пустынных болот дельты Невы) в порядок (регулярную столицу империи) усилием разумной, просвещённой воли монарха. Так, например, камер-юнкер Ф. В. Берхгольц в своем дневнике неоднократно обращал внимание на поразительную прямооту проспектов (в частности, «Невской перспективы»), отмечая, что волевое насаждение симметрии и упорядоченной застройки буквально преобразует болотистый ландшафт, превращая его в регулярное европейское пространство [12]. Таким образом, маршрут по городу становился своего рода инсценировкой философии истории петровской эпохи, в которой прогресс мыслился как последовательное наступление «регулярности» на «естественную» стихию.

Выводы

Анализ городского пространства Петербурга XVIII века на основе методологии «когнитивной истории» показывает, что городской план и застройка отвечают всем критериям исторического источника в рамках данного подхода. Они являются объективированным, устойчиво зафиксированным результатом целеполагающей человеческой деятельности, поддающимся декодированию исследователем через реконструкцию замысла и контекста создания [1, с. 29]. В отличие от письменного источника, «текст» города прочитывается телесно через перемещение, восприятие перспектив и масштабов, что делает картирование мышления особенно чувствительным методом именно для пространственных источников, плохо поддающихся традиционным приёмам текстологической критики.

Вместе с тем принципиальным требованием источниковедческой школы Медушевской является критика источника, установление обстоятельств и целей его создания, которое сохраняет свою силу и здесь: интерпретатор обязан учитывать, что регулярный план Петербурга является проекцией замысла заказчика и архитекторов, а не «стихийным» самовыражением города как целого. Расхождения между замыслом и реальным осуществлением (незавершённость ряда регулярных проектов, стихийная застройка окраин) сами по себе являются информативным историческим источником о пределах и противоречиях просвещенческого рационализма петровской и екатерининской эпох. Таким образом, предложенный в работе метод «картирования мышления» наглядно показал свои аналитические возможности на материале Петербурга XVIII столетия.

Список источников

1. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
2. Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М.: РГГУ, 1996. 79 с.; ISBN 5-7281-0060-0.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с. ISBN 5-7333-0150-3.
4. Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 4. С. 12 – 22.
5. Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской / отв. ред.: М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. Москва: РГГУ, 2011. 501, ISBN 978-5-7281-1138-2
6. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 p.
7. Tolman E.C. Cognitive Maps in Rats and Men // Psychological Review. 1948. Vol. 55. No. 4. P. 189 – 208.
8. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб., 1922. 228 с.
9. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 9 – 22.
10. Рубцова А.В., Рубцова М.В. Понятие управляемого пространства в социологии управления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2026. № 3. С. 148 – 150. DOI 10.37882/2223-2974.2026.03.23
11. Луппов С.П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 195 с.
12. Берхгольц Ф.В. (1699-1765). Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год: пер. [предисл.] с нем. И. Аммон. 4 т.; 23. Москва: тип. Каткова и К°, 1858-1863, 1858. 275 с.

References

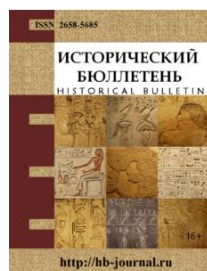
1. Medushevskaya O.M. Theory and Methodology of Cognitive History. Moscow: RSUH, 2008. 358 p.
2. Medushevskaya O.M. Source Studies: Theory, History, and Method. Moscow: RSUH, 1996. 79 p.; ISBN 5-7281-0060-0.
3. Lappo-Danilevsky A.S. Methodology of History. Moscow: Publishing House "Territory of the Future", 2006. 472 p. ISBN 5-7333-0150-3.
4. Rumyantseva M.F. Phenomenological Concept of Source Studies in the Interpretation of Olga Mikhailovna Medushevskaya. Bulletin of the RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2009. No. 4. P. 12 – 22.
5. Cognitive history: concept – methods – research practices: readings in memory of Professor Olga Mikhailovna Medushevskaya/ eds.: M.F. Rumyantseva, R.B. Kazakov. Moscow: RSUH, 2011. 501, ISBN 978-5-7281-1138-2
6. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 p.
7. Tolman E. C. Cognitive Maps in Rats and Men. Psychological Review. 1948. Vol. 55. No. 4. P. 189 – 208.
8. Antsiferov N. P. The Soul of Petersburg. St. Petersburg, 1922. 228 p.
9. Lotman Yu.M. Symbols of St. Petersburg and problems of semiotics of the city. Lotman Yu.M. Selected articles: in 3 volumes. Tallinn: Alexandra, 1992. Vol. 2. P. 9 – 22.
10. Rubtsova A.V., Rubtsova M.V. The concept of managed space in the sociology of management. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2026. No. 3. P. 148 – 150. DOI 10.37882/2223-2974.2026.03.23
11. Luppov S.P. History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 195 p.
12. Berkhgolts F.V. (1699-1765). The diary of Kammerjunker Berchholtz, kept by him in Russia during the reign of Peter the Great, from 1721 to 1725: trans. [preface] from German by I. Ammon. 4 vol.; 23. Moscow: Katkov and Co. printing house, 1858-1863, 1858. 275 p.

Информация об авторах

Рубцова М.В., доктор социологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4003-4988>, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, abc33@yandex.ru

Павенков В.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1142-3389>, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, pavenvvg@yandex.ru

© Рубцова М.В., Павенков В.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(47).084

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-188-195

Формирование образа молодежи по материалам советской печати 1920-х гг.

¹ Чуриков В.М.,

¹ Саратовский государственный университет генетики,
биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова

Аннотация: большевики уже в первые годы существования советского государства осознали необходимость работы молодежью, формированием ее как будущей опоры власти. В 1920-м гг. В.И. Ленин в речи на III Всероссийском съезде РКСМ определил задачи молодежи, обозначив таким образом и направление работы партии. Одним из таких направлений стало создание молодежной периодической печати, на страницах которой власть вела дискурс с молодым поколением.

Проблема молодежи как объект исследования стала разрабатываться в советской историографии достаточно поздно, только после Великой Отечественной войны, в которой молодое поколение проявило мужество и героизм. В статье автор провел историографический анализ, позволивший выделить не исследованные аспекты научной проблематики, основным источником для которой в статье послужила молодежная печать.

В статье дан общий анализ молодежной периодической печати. Рассмотрены некоторые аспекты формирования образа молодежи в советской печати 1920-х гг. На основе анализа газетных и журнальных публикаций выявлены основные идеологические установки, ценностные ориентиры и социальные роли молодого поколения; выделены гендерные аспекты советской периодики 1920-х гг. Особое внимание уделено влиянию государственной политики и пропаганды на конструирование образа «нового советского человека». В отличие от традиционных историко-партийных трудов, сосредоточенных на институциональной истории комсомола, данное исследование фокусируется на дискурсивных практиках, что соответствует современным тенденциям «лингвистического поворота» в исторической науке.

Ключевые слова: советская печать, советская молодежь, 1920-е гг., идеология, пропаганда, образ «нового человека», государственная политика

Для цитирования: Чуриков В.М. Формирование образа молодежи по материалам советской печати 1920-х гг. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 188 – 195. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-188-195

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Shaping the image of youth in the Soviet press of the 1920s

¹ Churikov V.M.,

¹ Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov

Abstract: already in the early years of the existence of the Soviet state, the Bolsheviks realized the need to work with young people, to form them as a future pillar of power. In 1920, V.I. Lenin, in a speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth League, defined the tasks of youth, thus indicating the direction of the party's work. One of these directions was the creation of a youth periodical, on the pages of which the government conducted a discourse with the younger generation.

The problem of youth as an object of research began to be developed in Soviet historiography quite late, only after the Great Patriotic War, in which the younger generation showed courage and heroism. In the article, the author conducted a historiographical analysis, which made it possible to identify unexplored aspects of scientific issues, the main source for which in the article was the youth press.

The article provides a general analysis of the youth periodical press. Some aspects of the formation of the image of youth in the Soviet press of the 1920s are considered. Based on the analysis of newspaper and magazine publications, the main ideological attitudes, value orientations and social roles of the younger generation are identified; gender aspects of the Soviet periodicals of the 1920s are highlighted. Special attention is paid to the influence of state policy and propaganda on the construction of the image of the «new Soviet man». Unlike traditional historical and party works focused on the institutional history of the Komsomol, this study focuses on discursive practices, which corresponds to the current trends of the "linguistic turn" in historical science.

Keywords: Soviet press, Soviet youth, 1920s, ideology, propaganda, the image of the "new man", state policy

For citation: Churikov V.M. *Shaping the image of youth in the Soviet press of the 1920s. Historical Bulletin.* 2026. 9 (6). P. 188 – 195. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-188-195

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Молодежь в разные периоды советской-российской истории за последние 100 лет рассматривалась в государственной политике СССР и РФ как одна из важнейших социальных сил, работа с которой всегда находилась в центре внимания власти. От молодежи, в силу ее социально-психологических особенностей, влияющих на поведение молодого поколения, зависело и зависит будущее общества и стабильность государства. В бурно меняющемся мире, в обществе кризиса молодежь может стать как конструктивной, так и деструктивной силой, способной свергнуть страну в хаос. Именно поэтому сегодня обращают особое внимание на работу с молодым поколением. И средства массовой информации в работе с молодежью занимают особое место. В связи с этим интересным представляется опыт советского правительства по работе с молодежью и формированию ее позитивного, в определенной степени идеального образа молодежи в советской печати 1920-х гг.

Революционные процессы и Октябрьский переворот 1917 г. ознаменовавшие революционные изменения в обществе, привели к власти большевиков, которые в своей повседневной работе, помимо конституционализации и институционализации власти, борьбы с антибольшевистскими силами и белым движением, в повседневной работе сделали акцент на молодое поколение. Молодежь в советском революционном и постреволюционном обществе рассматривалась как ключевой социально-демографический ресурс, обеспечивающий воспроизводство идеологических и политических установок нового государства.

Особую роль в воспитании молодежи и формировании ее как будущего строителя коммунизма советское партийно-руководство отводило советской печати, которая выступала важнейшим каналом политической и идеологической коммуникации между властью и обществом. Печатные издания не только транслировали официальную позицию партии и государства, но и выполняли функции социального конструирования, формируя нормативные социальные модели поведения и идентичности, прежде всего – молодежной. Образ молодежи в советской печати данного периода представляет собой результат целенаправленной идеологической работы по созданию устойчивого понимания нового «советского человека».

Тема молодежи становится одной из ведущих в отечественной историографии, в которой можно выделить несколько направлений:

- изучение истории молодежных организаций – РКСМ-ВЛКСМ, пионерия;
- исследование вопросов идеологического воспитания молодого поколения;
- молодежь в разные исторические периоды советской власти и ее роль в строительстве советской власти (молодежь и советские стройки);
- молодежь и советская школа, роль молодежи в ликвидации неграмотности;
- региональные аспекты изучения молодежи.

Уже в 1920-е гг. появились первые работы, авторами которых были советские государственные деятели – А.В. Луначарский [15, с. 24-43; 16], Н.К. Крупская [12, с. 20-30.], Н.И. Бухарин [1, с. 21-90], Л.Д. Троцкий [23, с. 3-9]. Их теоретические и политические труды одновременно можно рассматривать и как источники по изучению истории советской молодежи.

В полной мере научная разработка истории советской молодежи и молодежных организаций началась только после Великой Отечественной войны. Как в советской, так и в современной историографии особое внимание исследователи уделяли изучению истории ВЛКСМ [8, 14], вопросам идеологического воспитания молодежи [17, 20], публикации документов [21]. В 1980-е гг. появляются научные труды, посвященные изучению детской советской литературы. Монография М.И. Холмова, вышедшая в 1983 г – год 60-летия пионерской организации, стала одной из первых работ, в которой проведен был анализ становления детской журналистики [23].

Одним из крупнейших историков постсоветской историографии является А.А. Слезин [19; 20, с. 306-316], под руководством которого был защищен ряд кандидатских диссертаций, посвященных истории молодежи, молодежных движений на всероссийском и региональном уровнях [3, с. 255-261; 4, 218-221]. В современной историографии возникло новое направление социальной истории – образы социальных групп и советская печать в этом процессе имеет большое значение. Следует учитывать, что печать не просто отражала действительность, но и формировала ее. В частности, в работах Е.Л. Прохорова подчеркивается, что советская журналистика являлась элементом идеологического аппарата и функционировала в условиях жесткой нормативности [18, с. 49-50]. Е.Л. Прохоров указывает на то, что печать отражала не столько социальную реальность в полном объеме, сколько репрезентировала её в соответствии с политическими задачами.

Н.Б. Лебина рассматривая советскую повседневность задается вопросом: «повседневная жизнь все эти годы была действительно советской, то есть полностью определяемой воздействием нормативных и нормализующих суждений власти партии коммунистов и реалий социалистической экономики?», как нормы являлись инструментом социализации молодежи [13, с. 10]. С.Г. Кордонский в рамках институционального подхода указывает на нормативный характер советской социальной структуры, в которой печать закрепляла предписанные социальные роли, включая молодежные [10, с. 29].

Н.В. Шалаева в своих исследованиях, применяя социокультурный подход, рассмотрела формы и направления работы с молодежью, мероприятия советской власти в области образования, направленные на формирование «нового человека» [26, с. 204-211; 27, с. 6-13].

Таким образом, в историографии преобладает подход, согласно которому образ молодежи в печати являлся результатом целенаправленного и системного идеологического конструирования.

Материалы и методы исследований

Материалами для статьи послужили газеты и журналы 1920-х гг., ориентированных на молодежь. В статье рассмотрена структура ведущих печатных изданий. Периодика того времени является одним из важнейших источников властного дискурса, направленного не только на обозначение политических, культурных и нравственных ориентиров, но и формирование на страницах этих изданий образа молодого человека – строителя коммунизма.

Целью статьи является социокультурный анализ советской прессы 1920-х гг., обращенной к молодежи, что позволяет на основе системного структурного анализа выявить механизмы формирования позитивного образа молодежи в сознании молодого поколения 1920-х гг.

Основными методами исследования являются методы критического, системного, структурного и социокультурного анализа, позволяющие выявить основные характеристики образа молодежи 1920-х гг.

Используемые в статье системный, структурный и социокультурные методы позволили выйти за рамки традиционной констатации пропагандистского содержания и реконструировать механизмы порождения нормативных моделей поведения.

Результаты и обсуждения

1920-е г. – этап становления советской журналистики. В этот период, несмотря на относительный плюрализм нэпа, молодежная тематика освещалась преимущественно в рамках официального дискурса. Центральные газеты «Правда» и «Известия» регулярно публиковали материалы, посвященные участию молодежи в восстановлении народного хозяйства, антирелигиозной борьбе, кампании по ликвидации неграмотности и пр. Молодежь на страницах газет была представлена как социально активная и идеологически восприимчивая группа, призванная стать проводником социалистических ценностей.

В этот же период начали выходить газеты, напрямую обращенные к молодежи. Особое значение имела газета «Комсомольская правда», основанная в 1925 г. как орган ЦК ВЛКСМ. Задачей газеты было распространение идей коммунизма, воспитание молодежи в духе марксизма. Это была и пропагандистская и организационная газета, ориентированная на вовлечение молодежи в строительство новой жизни. Публикации

издания носили ярко выраженный мобилизационный характер, подчёркивая роль молодежи в строительстве социализма. Среди рубрик газеты можно выделить колонки, посвященные В.И. Ленину («Страницы Ленинианы», «Ленинские уроки»), в которых рассказывалось не только о жизни вождя, но публиковались его работы, освещались события комсомольской жизни, публиковалась информация о технических новинках. С началом индустриализации на страницах газеты публиковались достижения строек первой пятилетки. Стремясь сформировать активную позицию молодежи, на страницах газеты призывали молодых людей участвовать в общественных делах, с целью расширения кругозора – к туризму и т.д. [11].

В 1920-е гг. появляется множество газет, ориентированных на молодежь разных возрастов. Журналы «Молодая гвардия» (печатный орган ЦК РКСМ-ВЛКСМ), «Смена» были направлены на социализацию молодого поколения, формируя у читателей представление о нормативных моделях поведения и допустимых жизненных стратегиях. Каждый журнал имел разделы, в которых публиковались новости из жизни государства, партии, комсомола. В журнале «Молодая гвардия» идеологическая тенденция просматривалась ярче, чем в «Смене». Литературным символом и неофициальным гимном не только журнала, но ВЛКСМ стали стихи А.И. Безменского «Мы – молодая гвардия / Рабочих и крестьян» [2, с. 51].

«Смена» в большей степени была ориентирована на рабочую молодежь, на повышение ее грамотности, в том числе и политической, на развитие творческой самостоятельности и поддержку молодых талантов. В связи с этим в журнале доминировала литературная, а не политико-идеологическая направленность. Одним из ключевых элементов формирования образа молодежи 1930-х гг. становится культ труда. В это десятилетие журнал «Смена» активно формирует образ молодого специалиста – инженера, техника, студента, ориентированного на производственную эффективность и технический прогресс. Во многом это было обусловлено активной политикой государства и партии, направленной на повышение грамотности, образования в целом. Задачи индустриализации требовали новых образованных инженерно-технических кадров, что и было отражено на страницах журнала.

Для 1920-х гг. характерно доминирование образа молодежи как носителя революционного романтизма. Молодые люди изображались как активные участники классовой борьбы, готовые к самоотверженному труду и отказу от личных интересов ради общественного блага. В публикациях «Комсомольской правды» и журнала «Молодая гвардия» широко использовались жанры очерка и публицистического рассказа, в которых герой-молодежь противопоставлялся «старому миру». Частная жизнь, семейные отношения и личные переживания допускались в дискурс лишь постольку, поскольку они подтверждали правильность социалистических установок. Таким образом, индивидуальность молодого человека оказывалась подчиненной коллективной идентичности, а социальный успех напрямую связывался с уровнем идеологической лояльности.

Советская печать выполняла не только репрезентативную, но и воспитательно-мобилизационную функцию. Публикации, направленные на критику «недостатков в работе», «антиобщественных проявлений» и «идеологических ошибок» были направлены на дисциплинирование молодежи, формирование, по мнению М.В. Загидуллина, просоциального стандарта модели поведения [7, с. 118]. В «Комсомольской правде» и региональной молодежной прессе регулярно публиковались материалы, осуждающие пьянство, религиозность, прогулы, «мелкобуржуазные настроения». Однако негативные образы носили функциональный характер и служили подтверждением существования нормативного идеала [7, с. 118].

С формированием пионерского движения и образования пионерской организации, стали выходить газеты и журналы, ориентированные на детей и подростков до 16 лет, тогда как такие газеты и журналы как «Комсомольская правда», «Смена», «Юный коммунист», «Молодая гвардия» были именно к молодежи, а не детям. Как подчёркивает в своём фундаментальном исследовании М. И. Холмов, данный процесс был тесно связан с выработкой специфических методов работы с юной аудиторией [23, с. 127].

Зарождение пионерской печати в Советском государстве датируется началом 1920-х гг. Она создавалась по инициативе партийных и комсомольских структур в качестве ключевого инструмента идейно-политического и патриотического воспитания новых поколений. В соответствии с задачами пионерской организации, эти издания должны были не столько информировать, сколько активно вовлекать детей в общественно полезный труд и социалистическое переустройство страны.

Сразу после учреждения пионерской организации 19 мая 1922 г. стали выходить первые детские журналы. Один из них – московский «Барабан» (основан в 1923 г.). Он задумывался как литературно-художественный и общественно-политический журнал для пионеров и школьников и издавался под руководством Московского и Красно-Пресненского бюро юных пионеров.

Приблизительно в тот же период в Петрограде появился альманах «Воробей» (1923 г.), впоследствии преобразованный в «Новый Робинзон». Начиная с четвертого номера, активное участие в его работе при-

нимал С.Я. Маршак. Благодаря уникальному художественному облику и разнообразной рубрикации, этот журнал внес значительный вклад в становление советской детской литературы.

Эти журналы решали важнейшие задачи воспитания подрастающего поколения: во-первых, они способствовали сплочению детей и подростков, формированию коллективного быта и координации общих действий; во-вторых, посредством публикации рассказов, стихов, повестей знакомили детей с дореволюционным прошлым их сверстников и наглядно демонстрировали перемены, принесенные советской властью.

К середине 1920-х гг. система пионерских журналов пополнилась новыми центральными изданиями. В марте 1924 г. вышел первый номер журнала «Пионер» (к 1975 году его тираж достиг 1 млн экземпляров; в нём были закреплены постоянные рубрики, посвящённые школьной и пионерской жизни, публицистике, науке и технике, искусству, спорту, а также детскому творчеству). А в марте 1925 г. была учреждена газета «Пионерская правда». Изучением руководящей роли комсомола в создании этих изданий занимались многие исследователи и организаторы печатного дела. Журнал «Барабан» издавался до 1926 г., после чего, согласно отдельным сведениям, был слит с журналом «Пионер».

Таким образом, к началу 1930-х годов в СССР уже существовала разветвлённая сеть пионерской периодики. Она не только организовывала досуг и развивала творческие способности детей, но и играла первостепенную роль в их коммунистическом воспитании и политической социализации.

К началу 1930-х гг. в условиях форсированной индустриализации и коллективизации происходит унификация образа молодежи. Периодическая печать всё более ориентируется на создание образа дисциплинированного исполнителя государственных задач. По мнению С.Г. Кордонского, в этот период «социальная роль окончательно вытесняет личностное измерение, превращая индивида в носителя предписанной функции» [10, с. 85]. Личностные характеристики молодежи в печати редуцируются до профессиональных и идеологических. Альтернативные формы самореализации либо игнорируются, либо маркируются как социально нежелательные.

Издававшиеся в 1920-е гг. детские и молодежные газеты и журналы были ориентированы на молодежь и подрастающее поколение вообще. В то же время в советской России начинают издаваться журналы, с гендерной ориентацией, обращенные к девушкам и женщинам. На страницах советской молодежной периодики стал формироваться образ комсомолки – девушки, сочетающей в себе черты строительницы социализма и патриотки – «Работница» и «Крестьянка». Материалы этих журналов не просто отражали, но активно моделировали гендерные роли и ценностные ориентиры, адаптируя их к меняющейся государственной политике.

В журналах акцент делался на эмансипацию и вовлечение девушек в общественное производство, активно транслировалась идея равноправия полов, призывая молодых женщин к активному участию в производственной и общественной жизни [24, с. 19-24; 25, с. 22-29], ликвидации неграмотности и вовлечении девушек в комсомольские ячейки, которые рассматривались как школа общественной активности и политического воспитания. Визуальный ряд изданий закреплял этот посыл: на обложках появлялись образы ткачих со знаменем, девушек-трактористок и спортсменов, демонстрирующие разрыв с патриархальным прошлым.

К 1930-м гг. акценты сместились. Образ комсомолки приобрел завершённый и полифункциональный характер. С одной стороны, в эпоху индустриализации и первых пятилеток она представляла как ударница труда и активистка социалистического соревнования. Журналы публиковали очерки о передовицах производства, стахановках и женщинах-руководителях, доказывая, что «баба может справиться мужичью работу» и быть востребованной в любой профессии. С другой стороны, в контексте изменения государственной демографической политики и укрепления семейных ценностей середины 1930-х гг., актуализировалась другая грань девушки-комсомолки – будущая мать и хранительница «социалистического быта». Это отражало переход от революционного гендерного нигилизма 1920-х к консервативной модели «матери-общественницы», где забота о новом, культурном доме становилась такой же важной общественной задачей, как и работа у станка.

Кроме того, знаковой чертой десятилетия стала милитаризация образа. В преддверии военных угроз на страницах журналов воспитывался комплекс «готовности к труду и обороне» и формировался идеал девушки-патриотки, готовой встать на защиту Родины. Этот синкретичный портрет – труженицы, матери и защитницы – и составил магистральный канон советской женственности на десятилетия вперед. Как отмечает Т. Дашкова, некрасивые и неухоженные фигуры в журнальной репрезентации превращались в эстетически привлекательные и идеологически выверенные «канонические» образы [5, с. 39].

Выводы

Таким образом, советская периодическая печать 1920–1930-х гг. выступала важнейшим инструментом формирования нормативного образа молодежи. Газеты и журналы не столько отражали социальную реальность, сколько конструировали идеологически заданные социальные модели поведения и идентичности.

Уже в начале 190-х гг. стало понятно, что работать ограничиваться только молодежной печатью нельзя, что привело к созданию разветвлённой сети детской и подростковой периодики, которую условно можно разделить по возрастным группам в соответствие с системой детско-молодежных организаций (октябрята-пионеры, комсомол). Таким образом, в систему воспитания были вовлечены все возрастные группы, для каждой из которых издавались свои газеты и журналы, каждый из которых способствовал формированию молодежных образов.

На страницах печати образ молодежи эволюционировал от образа революционного романтизма периода революции и Гражданской войны начала 1920-х гг. к образу строителя социализма 1930-х гг. Свертывание нэп и процесс индустриализации, начатый еще в середине 1920-х гг. способствовал смещению акцентов в образе молодежи. На страницах газет и журналов все больше стали писать об ударных стройках, дисциплине, приводились примеры ударного труда и т.д., что стало основой идеологического дискурса о молодежи.

Список источников

1. Bukharin N.I. Communist Education of Youth: Report at the V Congress of the Russian Communist Youth League, October 12, 1922. Moscow; Leningrad: Molodaya Gvardiya, 1925. 124 p.
2. Bezymensky A.I. Young Guard // Bezymensky A.I. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2: Poems, Poems Moscow: Goslitizdat, 1958. 82 p.
3. Vanin V.A. Political and Educational Work of the Provincial Komsomol in the Mid-1950s // Issues of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2012. No. 3 (41). P. 255 – 261.
4. Vanin V.A., Slezin A.A. VLKSM – Head of the Evening School (1953-1957) // Issues of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2013. No. 1 (45). P. 218 – 223.
5. Dashkova T. Corporeality – Ideology – Cinematography: Visual Canon and Soviet Reality. Moscow: New Literary Review, 2013. (Series “Film Texts”). P. 34 – 62.
6. Dik A.A., Slezin A.A. The Komsomol of the 1920s as an Institution of Political Socialization // Bulletin of the Tambov State Technical University. 2004. Vol. 10. No. 1-2. P. 306 – 316.
7. Zagidullina M.V. Soviet Journalism: Ideology, Discourse, Practice. Moscow: Flinta; Nauka, 2013. 118 p.
8. Sulemov V.A., Kononenko L.N., Polyakova D.I., Lebedinsky V.V. History of the Komsomol and the All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 366 p.
9. Komarov A.F. The Struggle of the Communist Party of the Soviet Union to Educate Workers in the Spirit of Soviet Patriotism (1946-1954): Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Kyiv, 1954. 24 p.
10. Kordonsky S.G. The Class Structure of Post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2006. 213 p.
11. Komsomolskaya Pravda, 1925. No. 54. 64.
12. Krupskaya N.K. The Party and Students // Red Youth, 1924. No. 1. P. 20 – 30.
13. Lebina N.B. Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920s – 1930s. St. Petersburg: Neva Magazine; Summer Garden, 2015. 384 p.
14. Lenin's Komsomol: Essays on the History of the Komsomol. Volume 1. 1918-1941. with a preface by E. Tyazhelnikov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1969. P. 589.
15. Lunacharsky A.V. Education of the New Man. Leningrad, 1928. 48 p.
16. Lunacharsky A.V. Lenin and Youth // Lunacharsky A.V. Lenin: essays. Moscow, 1924. P. 24 – 43.
17. Polyakov V.V. The activities of the CPSU in educating youth on the revolutionary, militant and labor traditions of the Soviet people (1959-1971): abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1975. 37 p.
18. Prokhorov E.L. Introduction to the theory of journalism: a textbook for higher educational institutions. Moscow: Aspect Press, 2001. 322 p.
19. Slastenin A.V. The Work of the Komsomol on Patriotic and International Education of Students: Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Moscow, 1955. 360 p.

20. Slezin A.A. The Komsomol in the Soviet Political System during the NEP Years (Based on Materials from the Provinces of the Central Black Earth Region): Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Voronezh, 1993. 21 p.
21. Comrade Komsomol: Documents of Komsomol Congresses, Plenums, and the Bureau of the Secretariat of the Central Committee of the Komsomol. 1968-1982. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1983. 544 p.
22. Trotsky L.D. On the Tasks of Modern Youth. On the New Way of Life. Moscow: Novaya Moskva, 1924. 22 p.
23. Kholmov M.I. The Formation of Soviet Journalism for Children. Leningrad: Leningrad State University, 1983. 208 p.
24. Kharchenko I.A. The Image of a Komsomol Member in Soviet Culture of the 1920s // Youth, Power, Society: Problems and Prospects of Interaction: A Collection of Articles from an International Scientific and Practical Conference / edited by E.B. Dudnikova, N.V. Shalaeva. Saratov, 2021. P. 19 – 24.
25. Kharchenko I.A. Visual image of the new woman in the culture of the early Soviet period (1920s) // Scientific research: problems and prospects for development: a collection of articles based on the materials of the All-Russian national scientific and practical conference. Saratov, 2024. P. 22 – 29.
26. Shalaeva N.V. Revolution and the "new school": the formation of a Soviet person (1930s) // Development of social and humanitarian knowledge in a changing world: a collection of articles based on the materials of the National Conference / edited by E.B. Dudnikova, V.Ya. Romanchenko, N.V. Shalaeva. Saratov: OOO "Amirit". P. 204 – 211.

References

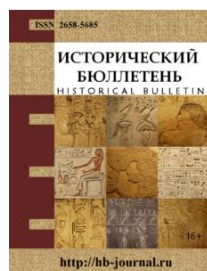
1. Bukharin N.I. Communist Education of Youth: Report at the V Congress of the Russian Communist Youth League, October 12, 1922. Moscow; Leningrad: Molodaya Gvardiya, 1925. 124 p.
2. Bezymensky A.I. Young Guard. Bezymensky A.I. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2: Poems, Poems Moscow: Goslitizdat, 1958. 82 p.
3. Vanin V.A. Political and Educational Work of the Provincial Komsomol in the Mid-1950s. Issues of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2012. No. 3 (41). P. 255 – 261.
4. Vanin V.A., Slezin A.A. VLKSM – Head of the Evening School (1953-1957). Issues of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2013. No. 1 (45). P. 218 – 223.
5. Dashkova T. Corporeality – Ideology – Cinematography: Visual Canon and Soviet Reality. Moscow: New Literary Review, 2013. (Series "Film Texts"). P. 34 – 62.
6. Dik A.A., Slezin A.A. The Komsomol of the 1920s as an Institution of Political Socialization. Bulletin of the Tambov State Technical University. 2004. Vol. 10. No. 1-2. P. 306 – 316.
7. Zagidullina M.V. Soviet Journalism: Ideology, Discourse, Practice. Moscow: Flinta; Nauka, 2013. 118 p.
8. Sulemov V.A., Kononenko L.N., Polyakova D.I., Lebedinsky V.V. History of the Komsomol and the All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 366 p.
9. Komarov A.F. The Struggle of the Communist Party of the Soviet Union to Educate Workers in the Spirit of Soviet Patriotism (1946-1954): Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Kyiv, 1954. 24 p.
10. Kordonsky S.G. The Class Structure of Post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2006. 213 p.
11. Komsomolskaya Pravda, 1925. No. 54. 64.
12. Krupskaya N.K. The Party and Students. Red Youth, 1924. No. 1. P. 20 – 30.
13. Leбина N.B. Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920s – 1930s. St. Petersburg: Neva Magazine; Summer Garden, 2015. 384 p.
14. Lenin's Komsomol: Essays on the History of the Komsomol. Volume 1. 1918-1941. with a preface by E. Tyazhelnikov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1969. P. 589.
15. Lunacharsky A.V. Education of the New Man. Leningrad, 1928. 48 p.
16. Lunacharsky A.V. Lenin and Youth. Lunacharsky A.V. Lenin: essays. Moscow, 1924. P. 24 – 43.
17. Polyakov V.V. The activities of the CPSU in educating youth on the revolutionary, militant and labor traditions of the Soviet people (1959-1971): abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1975. 37 p.
18. Prokhorov E.L. Introduction to the theory of journalism: a textbook for higher educational institutions. Moscow: Aspect Press, 2001. 322 p.

19. Slastenin A.V. The Work of the Komsomol on Patriotic and International Education of Students: Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Moscow, 1955. 360 p.
20. Slezin A.A. The Komsomol in the Soviet Political System during the NEP Years (Based on Materials from the Provinces of the Central Black Earth Region): Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Voronezh, 1993. 21 p.
21. Comrade Komsomol: Documents of Komsomol Congresses, Plenums, and the Bureau of the Secretariat of the Central Committee of the Komsomol. 1968-1982. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1983. 544 p.
22. Trotsky L.D. On the Tasks of Modern Youth. On the New Way of Life. Moscow: Novaya Moskva, 1924. 22 p.
23. Kholmov M.I. The Formation of Soviet Journalism for Children. Leningrad: Leningrad State University, 1983. 208 p.
24. Kharchenko I.A. The Image of a Komsomol Member in Soviet Culture of the 1920s. Youth, Power, Society: Problems and Prospects of Interaction: A Collection of Articles from an International Scientific and Practical Conference. edited by E.B. Dudnikova, N.V. Shalaeva. Saratov, 2021. P. 19 – 24.
25. Kharchenko I.A. Visual image of the new woman in the culture of the early Soviet period (1920s). Scientific research: problems and prospects for development: a collection of articles based on the materials of the All-Russian national scientific and practical conference. Saratov, 2024. P. 22 – 29.
26. Shalaeva N.V. Revolution and the “new school”: the formation of a Soviet person (1930s). Development of social and humanitarian knowledge in a changing world: a collection of articles based on the materials of the National Conference. edited by E.B. Dudnikova, V.Ya. Romanchenko, N.V. Shalaeva. Saratov: ООО "Amirit". P. 204 – 211.

Информация об авторе

Чуриков В.М., аспирант, Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова, noirs191@gmail.com

© Чуриков В.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.5

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-196-201

Исторические предпосылки американо-бразильского сближения при администрации Жаира Болсонару и его влияние на внешнюю политику Бразилии

¹Кряжев И.А.,

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: период 2019-2022 гг. занимает особое место в истории внешней политики Бразилии: выравнивание с Соединёнными Штатами противоречило автономистской линии, которой бразильская дипломатия следовала с конца 1970-х гг. Историография расходится в трактовке этого эпизода, определяя его либо как разрыв с традицией Итамарати, либо как возврат к более ранней модели отношений. Цель работы – установить исторические предпосылки сближения и оценить его последствия для внешнеполитического инструментария страны. Применены историко-генетический и сравнительно-исторический методы, контент-анализ двусторонних актов 1952-2026 гг. и количественная обработка рядов внешнеторговой статистики. Установлено, что доля США в товарном экспорте Бразилии достигла максимума в 13,5 % в 2019 г. и далее снижалась, причём её среднее значение за 2019-2022 гг. (11,6 %) практически совпало со средним за 2023-2025 гг. (11,3 %). Отношение бразильского экспорта в Китай к экспорту в США удержалось на уровне 2,60 и 2,59 соответственно. Совпадение позиций Бразилии и США при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН выросло при этом с 36 % в 2020 г. до 49 % в 2022 г. Расхождение динамики политических и торговых показателей означает, что сближение затронуло правовой и военно-технический контур отношений, оставив нетронутой структуру материальных потоков, сложившуюся до 2019 г.

Ключевые слова: Бразилия, Соединённые Штаты Америки, внешняя политика, Ж. Болсонару, межамериканские отношения, автономия, Итамарати, внешняя торговля

Для цитирования: Кряжев И.А. Исторические предпосылки американо-бразильского сближения при администрации Жаира Болсонару и его влияние на внешнюю политику Бразилии // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 196 – 201. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-196-201

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Historical preconditions of the American-Brazilian rapprochement under the Jair Bolsonaro administration and its impact on Brazil's foreign policy

¹Kryazhev I.A.,

¹Lomonosov Moscow State University

Abstract: the 2019-2022 period holds a distinct place in the history of Brazilian foreign policy: alignment with the United States ran counter to the autonomist line that Brazilian diplomacy had followed since the late 1970s. Historiography diverges in interpreting this episode, treating it either as a rupture with the Itamaraty tradition or as

a return to an earlier model of relations. The purpose of the study is to establish the historical preconditions of the rapprochement and to assess its consequences for the country's foreign policy toolkit. Historical-genetic and comparative-historical methods were applied, together with content analysis of bilateral instruments of 1952-2026 and quantitative processing of foreign trade series. It is established that the share of the United States in Brazilian merchandise exports peaked at 13.5% in 2019 and declined thereafter, its average for 2019-2022 (11.6%) virtually coinciding with the average for 2023-2025 (11.3%). The ratio of Brazilian exports to China against exports to the United States held at 2.60 and 2.59 respectively. Coincidence of Brazilian and U.S. positions in United Nations General Assembly voting meanwhile rose from 36% in 2020 to 49% in 2022. The divergence between political and trade indicators shows that the rapprochement reshaped the legal and military-technical contour of relations while leaving intact the structure of material flows formed before 2019.

Keywords: Brazil, United States, foreign policy, J. Bolsonaro, inter-American relations, autonomy, Itamaraty, foreign trade

For citation: Kryazhev I.A. Historical preconditions of the American-Brazilian rapprochement under the Jair Bolsonaro administration and its impact on Brazil's foreign policy. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 196 – 201. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-196-201

The article was submitted: July 18, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Внешнеполитическая традиция Бразилии выстроена вокруг понятия автономии, и четырёхлетие 2019–2022 гг. остаётся самым спорным её эпизодом. По первому из двух закрепившихся прочтений, курс администрации Ж. Болсонару порвал с многовекторностью Итамарати; М. Безерра [2] описывает произошедшее как демонтаж институциональной преемственности внешнеполитического ведомства. По второму, сближение с Вашингтоном воспроизвело конфигурацию, действовавшую до денонсации военного соглашения 1952 г. Расхождение касается природы курса: выбор отдельного правительства либо актуализация давней альтернативы.

Обе трактовки осложняет эмпирический материал. Рассогласованность декларируемого и практикуемого Ю.А. Тимофеев относит к устойчивым чертам «антидипломатии» бразильского руководства тех лет. Перестройкой товарных потоков политическое выравнивание 2019-2022 гг. не сопровождалось: доля США в товарном экспорте Бразилии колебалась в коридоре 10,3-13,5 % и к 2022 г. осталась вблизи значений предшествующего десятилетия.

За пределами двусторонней рамки спор упирается в вопрос об устойчивости межамериканской системы. В.А. Голиней и Д.М. Розенталь [6] связывают пределы американского доминирования в Западном полушарии с исчерпанием ресурсной базы влияния. Присутствие Китая меняет условия задачи, поскольку с 2009 г. КНР удерживает первое место среди покупателей бразильского экспорта. Е. Косевич [7] показывает, что теории автономии сохраняют объяснительную силу и применительно к правоконсервативным правительствам региона. Отсюда исследовательский вопрос: какие предпосылки сделали сближение возможным и почему часть его институциональных результатов пережила породившую их администрацию.

Предмет исследования – исторические предпосылки американо-бразильского сближения и его последствия для внешнеполитического инструментария Бразилии. Проверяемое предположение состоит в том, что сближение опиралось на институциональный задел, накопленный до 2019 г., и потому дало результаты, устойчивые к смене правительства, при слабом влиянии на географию внешней торговли.

Материалы и методы исследований

Использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы, дополненные контент-анализом двусторонних актов и количественной обработкой рядов внешнеторговой статистики. Хронологический массив охватывает 1952-2026 гг., ядро выборки – 2019-2026 гг.

Правовой корпус образуют совместные заявления президентов от 19 марта 2019 г. и 7 марта 2020 г.; Соглашение о технологических гарантиях по космодрому Алкантара, промульгированное декретом № 10.220 от 5 февраля 2020 г.; президентское определение № 2019-21 от 31 июля 2019 г. о статусе основного союзника вне НАТО; протокол к Соглашению о торговле и экономическом сотрудничестве от 19 октября 2020 г.; исполнительные указы США № 14323 и № 14361.

Для количественной части привлечены данные Министерства развития, промышленности и внешней торговли Бразилии (Comex Stat/SECEX) за 2024-2026 гг., базы UN Comtrade за 2018-2023 гг. и Бюро переписи населения США за 2018–2026 гг. Позиции прямых иностранных инвестиций взяты из переписи иностранного капитала Центрального банка Бразилии за 2024 г., индексы совпадения при голосовании – из докладов Государственного департамента США за 2018-2022 гг.

Бразильский импорт до 2023 г. учтён по стоимости CIF, с 2024 г. – по FOB, что даёт разрыв около 5–8 % и запрещает механическое соединение двух отрезков ряда. Расчёт долей, средних и производных соотношений выполнен автором.

Результаты и обсуждения

Сближение 2019 г. возобновило линию, известную бразильской дипломатии по предшествующему опыту. Военное соглашение от 15 марта 1952 г. закрепило за Бразилией роль привилегированного получателя американских поставок вооружений. Разрыв этой модели оформлен декретом № 79.376 от 11 марта 1977 г., которым правительство Э. Гейзела денонсировало соглашение; действие прекратилось через год, а мотивировка сводилась к изменению американского законодательства об условиях предоставления военной помощи.

Денонсации предшествовало соглашение с ФРГ о мирном использовании ядерной энергии от 27 июня 1975 г., охватывавшее полный топливный цикл вплоть до переработки отработавшего топлива. У. А. Санчес относит к тому же периоду окончательное оформление интеграционного вектора бразильской дипломатии. Оба акта задали конфигурацию, продержавшуюся четыре десятилетия, где технологическая самостоятельность выступила условием внешнеполитической автономии.

В судьбе первого соглашения по Алкантаре видна инерция автономистской линии. Подписанное 18 апреля 2000 г. и внесённое в Национальный конгресс 2 апреля 2001 г., оно пролежало без решения пятнадцать лет и было отозвано президентом М. Темером 1 августа 2016 г. Возражения касались доступа бразильского персонала к американскому оборудованию и опирались на легалистскую традицию, которую В.А. Перунов и А.А. Байков [9] возводят к доктринам Драго и Кальво. Пик автономистской активности обозначила Тегеранская декларация от 17 мая 2010 г., а отсрочка государственного визита Д. Роуссефф, объявленная 17 сентября 2013 г., свернула двусторонний диалог на несколько лет.

К 2018 г. накопился набор незакрытых сюжетов: неработающий космодром, замороженное военно-техническое сотрудничество, нератифицированные соглашения. Б. Ф. Мартынов [8] объясняет живучесть монроистских схем различием правовых культур двух Америк. Эта асимметрия сделала повестку 2019 г. технически несложной.

Мартовский визит 2019 г. превратил накопленный задел в пакет обязательств за один день. Совместное заявление от 19 марта 2019 г. зафиксировало отказ Бразилии от особого и дифференцированного режима на будущих переговорах в ВТО, поддержку Вашингтоном её присоединения к ОЭСР и беспощадную квоту на 750 тыс. т американской пшеницы.

Накануне подписано новое Соглашение о технологических гарантиях по Алкантаре: Палата депутатов одобрила его 22 октября 2019 г. (329 голосов против 86), Сенат – 12 ноября, законодательный декрет № 64 издан 19 ноября, документ вступил в силу 16 декабря 2019 г. Статус основного союзника вне НАТО оформлен президентским определением № 2019-21 на основании § 517 Закона о помощи иностранным государствам 1961 г.

А.Л. Эстевес обращает внимание на разрыв между декларируемой беспристрастностью бразильской дипломатии и фактическим содержанием договорённостей. Этаноловая квота, расширенная в 2019 г. до 750 млн л, истекла 14 декабря 2020 г. без продления, после чего пошлина в 20 % была восстановлена.

Быстрее торговой продвигалась военно-техническая составляющая. А.Н. Пятаков и М.А.-М. Кодзоев [10] помещают подобные договорённости в общий ряд инструментов удержания региона. Соглашение об исследованиях, разработках, испытаниях и оценке подписано 8 марта 2020 г. в Майами и одобрено законодательным декретом № 16 от 20 апреля 2022 г.

Региональные последствия оказались значительнее двусторонних приобретений. Отход от региональных структур вывел из действия механизмы, на которые Бразилия опиралась три десятилетия; дезинтеграционный эффект мандата Э. Араужу разобран применительно к периоду 2019-2021 гг. В.Л. Хейфец и К.А. Коновалова встраивают этот эпизод в контекст правоконсервативной волны, при которой интеграционные площадки утратили содержание быстрее формального статуса. Региональное лидерство перестало обеспечивать переговорный вес за пределами полушария.

С местом межамериканской системы в складывающейся конфигурации мира связана доктринальная сторона спора. В.А. Голиней [5] описывает её как полюс с ограниченным потенциалом консолидации. Китайский фактор усиливает расхождение, и И.И. Арсентьева [1] рассматривает треугольник КНР – Латинская Америка – США как конструкцию, в которой монроистская рамка сохраняет риторическую функцию при утрате экономической опоры. Вопрос о расширении БРИКС за счёт латиноамериканских государств [4] оставался в повестке бразильской дипломатии все четыре года, а риторическое отрицание многополярности при сохранении прежних практик участия в ней зафиксировано и в бразильском случае [3]. Членство страны в объединении не прерывалось.

Распределение по столбцу правовой судьбы обнаруживает следующую закономерность. Смену правительства пережили те договорённости, которые прошли через законодательный декрет и получили статус нормы внутреннего права. Отменённым оказался единственный пункт, оформленный президентским декретом без участия конгресса, – безвизовый режим, снятый декретом № 11.515 от 2 мая 2023 г. Обязательство по ВТО, не имевшее правовой формы, сохранилось как запись в обзоре торговой политики.

Отсюда первый содержательный результат: устойчивость сближения определялась глубиной парламентской процедуры, через которую пропускался каждый акт, а не политической близостью правительств. Пятнадцатилетнее блокирование соглашения 2000 г. и прохождение соглашения 2019 г. через обе палаты за восемь месяцев различаются этим параметром. Средний интервал между подписанием и введением в действие составил 20,4 месяца для актов, потребовавших законодательного декрета, при 3,0 месяца для акта, оформленного президентским декретом.

На 2019 г., первый год сближения, приходится максимум доли США, 13,5 %. Далее ряд идёт вниз: за 2020 г. показатель теряет 3,2 п. п., опускаясь до 10,3 %, и ни разу за оставшийся период не возвращается к уровню 2019 г. Среднее значение за четырёхлетие 2019–2022 гг. составляет 11,6 %, за трёхлетие 2023–2025 гг. – 11,3 %. Разница в 0,3 п. п. лежит внутри погрешности, вносимой пересчётом бразильской статистики с CIF на FOB.

Коэффициент асимметрии изменяется ещё меньше. Среднее отношение бразильского экспорта в Китай к экспорту в США за 2019–2022 гг. равно 2,60, за 2023–2025 гг. – 2,59. Совпадение с точностью до сотой доли на двух отрезках с противоположной риторикой правительств трудно объяснить случайностью: структура спроса на бразильское сырьё задана составом экспортной корзины. Выброс 2020 г., 3,14, объясняется пандемийным сжатием американского спроса, когда вывоз в США упал на 27,6 % при росте китайских закупок на 7,0 %.

Третий срез дают прямые инвестиции. По переписи иностранного капитала Центрального банка Бразилии на конец 2024 г. совокупная позиция прямых иностранных инвестиций достигла 1141,2 млрд долл.; США удерживают первое место среди непосредственных инвесторов с 244,7 млрд долл., 28 % позиции участия в капитале. Инвестиционная связка от политической конъюнктуры зависит слабее торговой.

Политическое измерение подтверждает выводы по правовому контуру. Совпадение позиций Бразилии и США при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН по спорным резолюциям выросло с 36 % в 2020 г. до 42 % в 2021 г. и 49 % в 2022 г., а по группе резолюций, отнесённых Государственным департаментом к важнейшим, показатель 2022 г. достиг 64 %. Ряд за 2018 г. (28 %) построен на иной базе подсчёта и напрямую с последующими не сопоставим. Прирост в 13 п. п. за два года пришёлся на период, когда доля США в бразильском экспорте снижалась.

Проверкой конструкции стали события 2025–2026 гг. Исполнительный указ США № 14323 от 30 июля 2025 г. ввёл дополнительную пошлину в 40 % на бразильские товары с 6 августа 2025 г., с изъятиями для гражданских воздушных судов, целлюлозы и энергоносителей; указ № 14361 от 20 ноября 2025 г. вывел из-под надбавки часть сельскохозяйственной номенклатуры ретроактивно с 13 ноября.

Решение Верховного суда США от 20 февраля 2026 г. признало отсутствие у президента тарифных полномочий по Закону о международных чрезвычайных экономических полномочиях, взимание прекращено 24 февраля 2026 г. Его место занял недискриминационный тариф в 10 % по разделу 122 Закона о торговле 1974 г., а мера по разделу 301 в размере 25 % введена с 22 июля 2026 г.

Реакция экспортных потоков измерима помесечно. Ввоз бразильских товаров в США падает с 4034,8 млн долл. в июле 2025 г. до 2203,2 млн долл. в ноябре, теряя 45,4 %. По итогам 2025 г. бразильский экспорт в США сократился на 6,6 % при росте встречных поставок на 11,3 %.

За первое полугодие 2026 г. вывоз составил 17,4 млрд долл., минус 13,0 % к сопоставимому периоду, а доля США в бразильском экспорте опустилась до 9,4 %, минимального значения с 1997 г. Часть выпавшего объёма перераспределась: поставки в Аргентину выросли за 2025 г. на 31,4 %.

Из сопоставления трёх контуров складывается общий результат. Правовой контур сближения оказался самым долговечным: пять из шести актов пакета 2019-2022 гг. действуют в 2026 г. независимо от политической конфигурации в обеих столицах. Политический контур реагирует на смену правительства в течение одного электорального цикла и обратим полностью. Торговый контур на политические сигналы почти не отвечает, однако на тарифные меры отзывается резко: падение доли до 9,4 % за полгода превысило эффект четырёх лет сближения.

Историческая предпосылка сближения обнаруживается в незакрытых сюжетах 1977-2016 гг. Каждый пункт повестки 2019 г. имел предысторию длиной от девятнадцати до сорока двух лет. Смена правительства сняла вето на подписание.

Выводы

Разведение правового, политического и торгового контуров отношений даёт решение спора о природе курса 2019-2022 гг. Сближение шло по заранее подготовленным направлениям: соглашение по Алкантаре обсуждалось с 2000 г., статус привилегированного военного партнёра восходит к 1952 г. Разрыв с традицией Итамарати затронул стиль и региональную политику, оставив предметный состав двусторонних актов прежним.

Устойчивость результата определяется формой его правового закрепления. Механизм ратификации оказался надёжнее любых политических гарантий. Акты, прошедшие через законодательный декрет, действуют и в 2026 г., а единственный акт, оформленный президентским декретом, отменён декретом № 11.515 от 2 мая 2023 г.

Об инерции материальной основы отношений говорят числовые результаты. Доля США в бразильском экспорте в среднем за годы сближения и в среднем за последующие годы различается примерно на треть процентного пункта, а коэффициент асимметрии в пользу Китая удерживается около 2,6 на обоих отрезках. Попытка конвертировать дипломатическую близость в торговые преференции опоры в структуре спроса не имела. Четыре года политического выравнивания не сместили географию торговли, а полугодие тарифных мер опустило долю США до минимума с 1997 г.

Для понимания бразильской внешнеполитической традиции существеннее другое. Автономия работает как процедурная норма, встроенная в порядок принятия внешнеполитических решений, а не как содержательная установка отдельного правительства.

Отсюда вытекает и способ измерения сближений подобного рода. Судить о глубине двустороннего поворота по заявлениям и голосованиям в многосторонних органах недостаточно, поскольку эти индикаторы обратимы в пределах одного электорального цикла. Диагностическую ценность имеют форма правового закрепления договорённостей и динамика долей во внешней торговле; для 2019–2022 гг. оба показателя дают согласованный ответ: прочный правовой след при почти нулевом торговом эффекте.

Список источников

1. Арсентьева И.И. Треугольник КНР – ЛКА – США в контексте доктрины Монро // Латинская Америка. 2024. № 3. С. 43-58. DOI: 10.31857/S0044748X24030035
2. Безерра М. Дипломатия Жаира Болсонару: демонтаж традиционной бразильской внешней политики // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8. № 3. С. 35-42. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42
3. Габриелян М. Эволюция внешней политики Бразилии в период администрации Ж. Болсонару (2019-2022 гг.) и идея многополярного мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2025. Т. 18. № 3. С. 320 – 336.
4. Глухов И.Д. Присоединение к БРИКС стран Латинской Америки: проблемы и перспективы // Контур глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 82 – 102. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05
5. Голиней В.А. Основные черты и ограничения межамериканской системы как полюса в современном мире // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 11. С. 76 – 92. DOI: 10.31857/S2686673024110058
6. Голиней В.А., Розенталь Д.М. Гегемония США в Латинской Америке и возможности по её преодолению: горизонт 2040 // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 12. С. 21 – 32. DOI: 10.31857/S2686673023120027
7. Косевич Е. Теоретические основания внешней политики стран Латинской Америки // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 1 (72). С. 162-188. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.3

8. Мартынов Б.Ф. Феномен «монроизма» и «когнитивные диссонансы» // Латинская Америка. 2024. № 1. С. 20 – 30. DOI: 10.31857/S0044748X0029112-2
9. Перунов В.А., Байков А.А. Политико-правовые дихотомии латиноамериканской внешнеполитической традиции // Ибероамериканские тетради. 2026. Т. 14. № 1. С. 40 – 66. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66
10. Пятаков А.Н., Кодзоев М.А.-М. «Форпосты» США в Латинской Америке: военно-техническое сотрудничество, военные базы и совместные учения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 3. С. 518 – 535. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-518-535

References

1. Arsentyeva I.I. The China-LCA-USA Triangle in the Context of the Monroe Doctrine. Latin America. 2024. No. 3. pp. 43-58. DOI: 10.31857/S0044748X24030035
2. Bezerra M. The Diplomacy of Jair Bolsonaro: Dismantling Traditional Brazilian Foreign Policy. Ibero-American Notebooks. 2020. Vol. 8. No. 3. pp. 35-42. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42
3. Gabrielyan M. The Evolution of Brazil's Foreign Policy during the J. Bolsonaro Administration (2019-2022) and the Idea of a Multipolar World. Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 320 – 336.
4. Glukhov I.D. Accession of Latin American Countries to BRICS: Problems and Prospects. Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 82 – 102. DOI: 10.31249/kg/2024.05.05
5. Goliney V.A. Main Features and Limitations of the Inter-American System as a Pole in the Modern World. USA and Canada: Economics, Politics, Culture. 2024. No. 11. P. 76 – 92. DOI: 10.31857/S2686673024110058
6. Goliney V.A., Rosenthal D.M. US Hegemony in Latin America and Possibilities of Overcoming It: Horizon 2040. USA and Canada: Economy, Politics, Culture. 2023. No. 12. P. 21 – 32. DOI: 10.31857/S2686673023120027
7. Kosevich E. Theoretical Foundations of the Foreign Policy of Latin American Countries. International Processes. 2023. Vol. 21. No. 1 (72). P. 162 – 188. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.3
8. Martynov B.F. The Phenomenon of “Monroeism” and “Cognitive Dissonances”. Latin America. 2024. No. 1. P. 20 – 30. DOI: 10.31857/S0044748X0029112-2
9. Perunov V.A., Baikov A.A. Political and Legal Dichotomies of the Latin American Foreign Policy Tradition. Ibero-American Notebooks. 2026. Vol. 14. No. 1. P. 40 – 66. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66
10. Pyatakov A.N., Kodzoev M.A.-M. US "Outposts" in Latin America: Military-Technical Cooperation, Military Bases, and Joint Exercises. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 518 – 535. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-518-535

Информация об авторе

Кряжев И.А., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ivankryazhev02@gmail.com

© Кряжев И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.318)“1890/1904”:329 + 656.2 + 351.746.2

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-202-208

Революционное движение в Калуге на рубеже XIX-XX веков и влияние железной дороги на распространение революционных идей

¹ Кукушкин В.М.,

¹ Штепа А.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье на основе воспоминаний участников событий и архивных материалов Калужского губернского жандармского управления рассматривается ранний этап революционного движения в Калуге (середина 1890-х – 1904 г.). Особое внимание уделяется роли железной дороги как основного канала проникновения революционных идей в губернию и как пространства, где формировался слой образованных и политически активных служащих и рабочих. Анализируются состав, идеологическая направленность и внутренние противоречия трёх основных кружков – доброхотовского, эсеровского (Л.А. Печковского) и «Пустого комитета» А.П. Татарова. Делается вывод о разрозненности и идеологической неоднородности калужского подполья.

Ключевые слова: Калуга, революционное движение, железная дорога, социал-демократы, эсеры, политический сыск, провокация

Для цитирования: Кукушкин В.М., Штепа А.В. Революционное движение в Калуге на рубеже XIX-XX веков и влияние железной дороги на распространение революционных идей // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 202 – 208. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-202-208

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Revolutionary movement in Kaluga at the turn of the 19th – 20th centuries and the influence of the railway on the spread of revolutionary ideas

¹ Kukushkin V.M.,

¹ Shtepa A.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: based on the memoirs of participants and archival materials of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department, the article examines the early stage of the revolutionary movement in Kaluga (mid-1890s – 1904). Special attention is paid to the role of the railway as the main channel for the penetration of revolutionary ideas into the province and as a space where a layer of educated and politically active employees and workers was formed. The composition, ideological orientation and internal contradictions of the three main circles – the Dobrokhотов circle, the Socialist Revolutionary circle (A.L. Pechkovsky) and A.P. Tatarov's "Empty Committee" – are analyzed. It is concluded that the Kaluga underground was fragmented and ideologically heterogeneous.

Keywords: Kaluga, revolutionary movement, railway, Social Democrats, Socialist Revolutionaries, political investigation, provocation

For citation: Kukushkin V.M., Shtepa A.V. Revolutionary movement in Kaluga at the turn of the 19th – 20th centuries and the influence of the railway on the spread of revolutionary ideas. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 202 – 208. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-202-208

The article was submitted: July 18, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Революционные движения в России, зародившись в столицах и крупных промышленных центрах, к концу XIX века постепенно охватывали те территории, которые прежде считались надёжно защищёнными от «крамолы» самим укладом провинциальной жизни. Калуга представляет собой характерный пример провинциального города, где новые идеи были привнесены извне – преимущественно ссыльными и лицами, высланными из промышленных центров и столиц по политическим мотивам [10, л. 38; 18, с. 14; 21, с. 1].

Экономическое положение Калужской губернии на рубеже веков было неблагоприятным. В начале XIX века Калуга представляла собой отсталую в экономическом отношении губернию, лишённую крупной промышленности и надёжных транспортных путей [21, с. 1; 18, с. 14]. Появление железной дороги, с одной стороны, носило прогрессивный характер: 14 декабря 1874 г. было открыто движение по Рязско-Вяземской железной дороге (далее – РВЖД), которая проходила через территорию Калужской губернии и её центр – город Калугу. Управление дороги было основано здесь же, равно как и главные мастерские первоначально РВЖД, являвшиеся, по сути, крупнейшим промышленным предприятием города в конце XIX – начале XX века [21, с. 1]. Однако железная дорога, при всех своих несомненных преимуществах, несла в себе и глубокое противоречие. Она заменила собой традиционные пути следования грузов, которые стали обходить Калужскую губернию. Не имея прямой связи с Москвой и Санкт-Петербургом, Калуга в экономическом отношении переживала кризис. После выкупа государством, в 1890 г. Рязско-Вяземская дорога вошла в состав Сызрано-Вяземской железной дороги, перешедшей в казённое управление [21, с. 1].

Железная дорога привнесла изменения не только в облик города, но и в его социальный состав. В Калугу начали прибывать сотрудники железной дороги, имевшие опыт работы в разных городах, а нередко и политические взгляды, которые в губернской глубинке казались непривычными. До момента становления железнодорожной сети сколько-нибудь выраженных политических движений в городе не наблюдалось. Железная дорога стала своеобразным «проводником», через который революционные идеи «импортировались» в губернский город [18, с. 15; 22, с. 28-29]. До революции 1905 г. среди железнодорожников насчитывалось сравнительно немного политически ангажированных деятелей. В большинстве своём это были лица, высланные из других регионов в Калужскую губернию, которая не входила в число промышленных районов. Как правило, это были люди образованные, и они стремились трудоустроиться в соответствии с полученной квалификацией. Наиболее предпочтительным вариантом являлось поступление на службу в Управление железной дороги либо на иные должности, связанные с железнодорожным транспортом [10, л. 38; 1, с. 96-97]. В документах Калужского губернского жандармского управления прямо указывается, что Калужская губерния часто использовалась властями как место водворения лиц, освобождённых из-под надзора полиции или высланных из столиц и крупных фабричных центров [10, л. 38]. Во многом именно железнодорожная среда стала каналом, по которому революционные веяния достигали губернского захолустья, и тем пространством, где формировался особый социальный слой образованных, мобильных и политически активных служащих и рабочих, восприимчивых к новым идеологическим течениям.

Цель данной статьи – реконструировать ранний этап революционного движения в Калуге (середина 1890-х – 1904 г.) на основе комплекса архивных документов Калужского губернского жандармского управления и мемуаров участников событий, а также выявить роль железной дороги как системообразующего фактора в формировании калужского революционного подполья, включая её функции как канала проникновения революционных идей, пространства концентрации политически активных служащих и рабочих и объекта жандармского надзора.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности, предполагающих изучение революционного движения как сложного социально-политического феномена в его динамике и взаимосвязи с социально-экономическими процессами в регионе. Применение историко-генетического метода позволяет проследить эволюцию революционных кружков от «кружков самообразования» до более организованных форм политической деятельности. Историко-сравнительный метод

даёт возможность сопоставить идеологические установки, состав и методы работы трёх основных кружков (доброхотовского, эсеровского и «Пустого комитета»). Биографический метод позволяет реконструировать социальный портрет участников движения, выявить их происхождение, образование, профессиональную принадлежность и мотивацию. Применение метода контент-анализа к текстам прокламаций и мемуарным источникам позволило выявить ключевые темы, мотивы и идеологические установки участников движения.

Источниковая база исследования представлена двумя основными группами источников. Первая группа – документы Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ), хранящиеся в Государственном архиве Калужской области (далее – ГАКО). Ключевыми архивными документами являются дела, отображающие следствие по подозрению в принадлежности к партии социалистов-революционеров группы из 24 человек (Ф. 784. Оп. 1. Д. 91); вскрывающие агентурные сведения о политических кружках в г. Калуге в 1901–1903 гг. (Ф. 784. Оп. 1. Д. 134); позволяющие осветить переписку о принятии мер к предупреждению массовых забастовок среди рабочих Калужских главных мастерских (Ф. 1329. Оп. 1. Д. 9); а также дела о политической благонадёжности лиц, поступающих на службу на железную дорогу. Эти источники содержат как оперативную информацию агентурного характера, так и официальные следственные документы (протоколы допросов, вещественные доказательства, постановления о привлечении к дознанию).

Вторая группа – мемуары участников революционного движения. Наиболее значимыми являются воспоминания Е.Н. Адамович, Д.В. Разломалина, а также материалы сборников «Из партийного прошлого» (Калуга, 1921–1923) и «Калужская губерния в 1905 году» (Калуга, 1925). Эти источники позволяют увидеть события изнутри, зафиксировать внутренние противоречия кружков, межличностные конфликты и субъективные оценки происшедшего, что существенно дополняет формализованную картину, представленную в жандармских документах.

Сочетание архивных разысканий, критического анализа источников и биографического подхода позволяет реконструировать не только внешнюю событийную канву, но и внутреннюю логику, противоречия и мотивацию участников калужского подполья на раннем этапе его формирования.

Результаты и обсуждения

В настоящее время известно, что в исследуемый период в Калуге действовало несколько революционных кружков, каждый из которых имел свою историю, состав и идеологическую направленность [21, с. 4].

Кружок Доброхотовых является центральным и наиболее изученным из всех калужских кружков. Его возникновение связано с деятельностью Михаила Петровича Доброхотова, сына статского советника, работавшего конторщиком в Службе пути Сызрано-Вяземской железной дороги (далее – СВЖД) с 20 февраля 1898 года [7, с. 7–8; 21, с. 3]. Доброхотов проживал на Казанской улице, в доме своей матери [7, л. 8]. Первоначально члены кружка читали легальную литературу, затем перешли к нелегальной. После отъезда М. П. Доброхотова в Харьков кружок возобновил свою деятельность осенью 1901 года [5, л. 1; 21, с. 3].

Согласно архивным материалам Калужского губернского жандармского управления, в кружок в период возобновления его деятельности входили служащий управления СВЖД Дмитрий Васильевич Разломалин, дворяне Николай и Вера Доброхотовы, Екатерина Макаровна Роганова, Вера Николаевна Радилова, Николай Иванович Попов, аптекарь Павел Павлович Каннинг, чиновник Калужской губернской контрольной палаты Иван Алексеевич Голубев и рабочий Иван Константинович Никитин. На определённом этапе к кружку примыкал Павел Никитич Баташов [5, л. 1; 21, с. 3].

В этот период времени руководителем кружка был Разломалин (в документах КГЖУ кружок фигурирует под названием «кружка Разломалина»), а после его отъезда в Киев в августе 1902 года – Е.Н. Адамович [5, л. 1; 21, с. 3–4]. Разломалин, происходивший из крестьян с. Полотняный Завод Медынского уезда, начал революционную деятельность в 1899 г., познакомившись с Голубевым. Затем последовало знакомство с М. П. Доброхотовым и идея создания «кружка самообразования» совместно с Радиловой и Рогановой [5, л. 10–11; 15, с. 30–33].

В кружке, согласно документам КГЖУ, роли были распределены следующим образом. И.А. Голубев хранил большую часть кружковой нелегальной литературы и активно распространял её среди рабочих [5, л. 2, 9, 13]. Вера Доброхотова, по мнению жандармерии, являлась «наиболее деятельным членом кружка». Она проживала некоторое время в Москве, откуда привозила нелегальную литературу и распространяла её среди членов организации, а также заведовала кассой кружка [5, л. 2, 13]. Рабочий мастерских СВЖД П.Н. Баташов, по оценке жандармов, являлся «главным распространителем нелегальных изданий среди рабочих» [5, л. 1].

Интересна история аптекаря П.П. Каннинга, формально входившего в кружок. В допросах в КГЖУ он признавался, что «не разделял революционных взглядов Доброхотовых», посещал дом с целью общения с Верой Доброхотовой, в которую был втайне от всех влюблён. Видя, что В. Доброхотова всё больше уходила в революционную деятельность и сближалась с Разломалиным, он всё меньше времени проводил у Доброхотовых [5, л. 9].

Важным этапом стало приобретение кружком гектографа в марте 1902 года. Это позволило перейти к печатанию собственных прокламаций. 9 апреля 1902 г. члены кружка – рабочие П.Н. Баташов, Н.К. Никитин и В.А. Серганов – распространили в железнодорожных мастерских 200 экземпляров составленной кружковцами прокламации «Первое Мая» [21, с. 4]. Создание прокламации сопровождалось внутренней дискуссией. Первоначальный текст, составленный Разломалиным, не был одобрен кружковцами, и окончательный вариант подготовил Голубев [15, с. 48-49]. Распространением прокламации в мастерских и на прилегающих улицах занимались рабочие Баташов и Титов [5, л. 10-11; 4, л. 164]. Содержание прокламации, выдержанное в либерально-демократическом духе с явным уклоном в экономизм, по мнению Е.Н. Адамович, свидетельствовало о «недостаточной зрелости членов кружка» [17, с. 286; 21, с. 4].

Внутренняя атмосфера кружка была далеко негармоничной. Весной 1903 г. Баташов жаловался Каннингу на высокомерное отношение к нему со стороны членов кружка; в пример он приводил случаи, когда он составил прокламацию для распространения среди ополченцев и отправил её Голубеву с просьбой отгектографировать, на что Голубев отказался дать гектограф, «пожелав лично отредактировать его писание» [5, л. 9]. Разломалин уже после ареста, в стенограмме допроса, свидетельствовал, что, разочаровавшись в революционной деятельности в Киеве, разошёлся с Рерих, которая уничижительно именovala его после отказа продолжать революционную работу «получеловеком». По его показаниям, Вера Разломалина также разочаровалась в революционной работе к весне 1903 года [5, л. 12].

Дом Доброхотовых на Казанской улице в этот период выполнял функцию негласного центра сбора и временного пристанища для поднадзорных лиц. Так, в 1902 г. в доме Доброхотовой проживала домашняя учительница Мария Тихалова, а в 1903 г. – Клавдия Нахимова, также поступавшая на службу в СВЖД [11, л. 71; 13, л. 73].

Разгром кружка Доброхотовых был осуществлён жандармским управлением в ходе дознания 1903-1904 годов. В документах КГЖУ зафиксировано, что кружок был ликвидирован после арестов его ключевых участников. В ходе допросов были получены показания, легшие в основу жандармского дознания. В частности, были допрошены Каннинг, Разломалин, Вера Доброхотова и другие члены кружка, которые в ходе дознания вели себя по-разному [5, л. 9-14; 21, с. 5].

Наряду с социал-демократическим кружком Доброхотовых в Калуге действовал эсеровский кружок, возглавляемый Львом Александровичем Печковским и супругами Кролевец [21, с. 4]. Лев Печковский, потомственный дворянин, был осуждён в 1896 г. по делу о народовольческой типографии в Петербурге и по приговору Особого совещания сослан в Якутию на три года, позднее срок был продлён [4, л. 76; 8, л. 229а-г; 5, л. 4]. После отбытия ссылки он, как и многие другие неблагонадёжные лица, выбрал для проживания непромышленную Калугу [10, л. 38; 2, с. 44-45].

В кружок Печковского входили: Л.А. Печковский (руководитель кружка), Степан Дмитриевич Кролевец, Александра Михайловна Чистякова и дворянин Владимир Владимирович Дурасов – служащие при управлении СВЖД, являвшиеся политически поднадзорными, а также на определённом этапе Виталий Высоцкий (удалённый из университета за участие в студенческих беспорядках в Киеве в 1899 г.) и некоторые другие лица [5, л. 1; 17, с. 295]. Кружок поддерживал связь с социал-демократами, о чём свидетельствуют воспоминания Адамович, однако сохранял организационную самостоятельность. По своему направлению это был именно эсеровский кружок, что подтверждается как мемуарами участников, так и жандармскими документами [5, л. 4, 17; 15, с. 47-48].

Деятельность кружка Печковского, как и кружка Доброхотовых, была пресечена жандармским управлением в ходе дознания 1903-1904 годов. Сам Печковский, согласно документам, был уволен со службы 3 января 1904 года [12, л. 3].

В декабре 1902 г. возник самостоятельный кружок, организатором которого выступил студент Александр Петрович Татаров. В кружок входили ветврач Александр Петрович Страхов, рабочие – Павел Никитич Баташов и Федот Титов, Пётр Петрович Суханов и Владимир Песоченский. В феврале 1903 г. этот кружок провозгласил себя «Калужским комитетом РСДРП» и изготовил печать. Однако уже в апреле 1903 г. кружок распался – Татаров уехал в университет, а Страхов был выслан в Бессарабскую губернию. Кружок, по данным жандармов, занимался добыванием нелегальной литературы и не был замечен в иной противоправительственной деятельности [5, л. 1; 21, с. 5].

Показания Песоченского проливают свет на методы работы этого кружка: «Вокруг Татарова собирались люди с целью приобретения и поиска путей приобретения нелегальной литературы. Собрание закончилось на фразе Голубева о том, что он имеет нелегальную литературу, но даёт её только тому, кому пожелает, и поэтому в кружок вступать не хочет. После этого собрание сошло на нет, все начали пить водку» [5, л. 21].

Впоследствии этот «Комитет» получил среди местных работников ироничное прозвище «Пустой Комитет» [5, л. 1]. История с «Пустым комитетом» стала одной из центральных тем воспоминаний Е.Н. Адамович, которая лично вела переговоры с Татаровым, чтобы предотвратить выпуск майского листка от имени самопровозглашённого комитета [17, с. 291-292]. Подлинная майская прокламация 1903 г. была выпущена кружком Доброхотовых, и все обстоятельства её подготовки остались неизвестны жандармам, тогда как подробности прошлогоднего выпуска им были хорошо известны.

Помимо трёх основных кружков, в Калуге действовали кружки, непосредственно связанные с железнодорожной средой. В железнодорожных мастерских сложился небольшой кружок социал-демократического направления, в котором начал свою революционную деятельность Никифор Ефремович Вилонов (1883–1910). В 1901 г. он окончил железнодорожное техническое училище в Калуге и поступил на работу в мастерские [18, с. 5].

Архивные материалы позволяют уточнить, что связь Вилонова с кружком Доброхотовых осуществлялась через рабочего Ивана Никитина. 21 декабря 1902 г. Вилонов посетил Никитина в его доме на Фундуклеевской улице. Здесь он познакомился с участниками кружка Доброхотовых, установил связь с передовыми рабочими (П.Н. Баташовым, И.К. Никитиным и другими) и вскоре стал организатором революционной пропаганды в Главных железнодорожных мастерских [4, л. 98; 18, с. 5]. Впоследствии Н.Е. Вилонов стал выдающимся профессиональным революционером, высоко оценённым В.И. Лениным.

Кружок в железнодорожном техническом училище сложился весной 1903 г. и состоял из 7-8 человек (В. В. Фетисов, братья Михайловы и др.). Он вёл революционную пропаганду главным образом в самом училище [18, с. 5; 21, с. 4]. Существовал также кружок в Калужском депо, о котором упоминает в своих воспоминаниях А.В. Луначарский, хотя точных данных о его составе и деятельности не сохранилось. Вполне возможно, что Луначарский перепутал Главные мастерские Сызрано-Вяземской железной дороги с депо станции Калуга.

Социальный состав участников революционного движения и сочувствующих им в Калуге был очень пёстрым. Среди них были потомственные дворяне (Лев Печковский, князь Георгий Гуриэли, Вера Радилова), почётные граждане (Вениамин Соколов, Сергей Соколов), сыновья священников (Михаил Соколов), крестьяне (Григорий Курбатов, Михаил Еремеев, Иван Блинов, Пётр Яковлев, Алексей Можайский), мещане (Иван Иванов), студенты (Николай Корнеев, Овадий Рофе, Виталий Высоцкий, Михаил Исполатов, Сергей Комаров, Валентин Измайлов), инженеры (Меккель), женщины (Раиса Печковская, Клавдия Нахимова, Анна Алтёва) [6, л. 15, 38, 52, 62, 87, 133; 9, л. 2, 34, 53, 82, 120; 12, л. 3-8; 13, л. 73, 120, 170; 2, с. 44-47]. Объединяло их не происхождение, а сам факт политического недоверия со стороны властей.

Самым ярким свидетельством оформления революционных сил в Калуге является упоминание в 1904 г. о существовании «Калужского комитета партии сочувствующих революционерам». Дворянка Вера Николаевна Радилова состояла под особым надзором полиции как участница этого комитета [14, л. 223, 224, 247]. Само название комитета звучит почти иронично и, возможно, отражает начальную, неоформленную стадию конспиративной организации, что согласуется с выводом Адамович о разрозненности групп и отсутствии чёткой структуры [17, с. 285-286].

Выводы

Итак, анализ архивных материалов со всей очевидностью выявляет особую роль железнодорожной среды в формировании калужского революционного подполья. Практически все ключевые фигуры движения были так или иначе связаны с железной дорогой. Железная дорога, будучи крупнейшим работодателем, притягивала ссыльных и поднадзорных, предоставляя им возможность трудоустройства и одновременно ставя под контроль властей. Эта двойственность – концентрация «неблагонадёжного элемента» при сохранении возможностей для неформального общения и пропаганды – сделала железнодорожную среду тем уникальным пространством, в котором вызревали первые революционные кружки города Калуги. Многофакторная роль железной дороги как работодателя, объекта надзора и канала коммуникации стала тем уникальным фактором, который превратил Калугу в один из провинциальных городов, в котором сформировалось революционное подполье на этапе его становления в период до Первой русской революции 1905–1907 гг. [18, с. 6; 21, с. 4-5; 1, с. 96-97].

Список источников

1. Власов А.Е. К вопросу об агентурной работе Калужской жандармерии в начале XX века // VIII Морозовские чтения: материалы краеведческой научно-практической конференции. Калуга: Эйдос, 2018. С. 95 – 104.
2. Власов А.Е., Штепа А.В. «У жандармов... переполюх»: из опыта работы политической полиции г. Калуги по пресечению деятельности революционных кружков в конце XIX – начале XX веков // Вестник Калужского университета. 2020. № 4 (49). С. 43 – 51.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 79. Лл. 1–37 об.
4. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 91. Лл. 1–164 об.
5. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 134. Лл. 1–90 об.
6. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1–48 об.
7. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 5. Лл. 1–8 об.
8. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 6. Лл. 1–262 об.
9. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 9. Лл. 1–191 об.
10. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1–337 об.
11. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 13. Лл. 1–164 об.
12. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1–71 об.
13. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 16. Лл. 1–246 об.
14. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 17. Лл. 1–275 об.
15. Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге: под ред. Калужской комиссии по истории Октябрьской революции и РКП: Вып. I. Калуга: Государственное издательство, 1921. 365 с.
16. Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге: под ред. Калужской комиссии по истории Октябрьской революции и РКП: Вып. 2. Калуга: Государственное издательство, 1923. 203 с.
17. Калужская губерния в 1905 году: сборник статей, воспоминаний и материалов / под ред. С.Б. Херсонского и Б.И. Тихомирова. Литературная подкомиссия Губкомиссии по празднованию 20-летия революции 1905 г. и Калужский Истпартотдел. Калуга: [1-я Гос. типо-лит. ГСНХ], 1925. 450 с.
18. Очерки истории калужской организации КПСС / общ. ред. А.Ф. Сладкова. Тула: Приокское книжное издательство, 1967. 410 с.
19. Разломалин Д.В. Железные дороги Калужской губернии / Калужское губ. о-во краеведения. Калуга: Б. и., 1925. 20 с.
20. Революционные события в Калужской губернии 1905-1907 гг. Калуга: Издательство газеты «Знамя», 1956. 112 с.
21. Романова Т.В. В борьбе за рабочее дело. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. 159 с.
22. Спивак В.И., Шуркин П.А. Очерки истории Калужской организации КПСС. Ч. 1: (90-е гг. XIX в. 1918 г.). Калуга: Книжное издательство, 1959. 247 с.

References

1. Vlasov A.E. On the Issue of the Intelligence Work of the Kaluga Gendarmerie in the Early Twentieth Century. VIII Morozov Readings: Proceedings of the Local History Scientific and Practical Conference. Kaluga: Eidos, 2018. P. 95 – 104.
2. Vlasov A.E., Shtepa A.V. “The Gendarmes... Are in a Panic”: From the Experience of the Political Police of Kaluga in Suppressing the Activities of Revolutionary Circles in the Late 19th – Early 20th Centuries. Bulletin of Kaluga University. 2020. No. 4 (49). P. 43 – 51.
3. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). F. 784. Op. 1. D. 79. Pll. 1–37 rev.
4. GAKO. F. 784. Op. 1. D. 91. Pll. 1–164 rev.
5. GAKO. F. 784. Op. 1. D. 134. Pll. 1–90 rev.
6. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 3. Pll. 1–48 rev.
7. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 5. Pll. 1–8 rev.
8. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 6. Pll. 1–262 rev.
9. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 9. Pll. 1–191 rev.
10. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 11. Pll. 1–337 rev.
11. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 13. Pll. 1–164 rev.
12. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 14. Pll. 1–71 rev.

13. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 16. Pll. 1–246 rev.
14. GAKO. F. 1329. Op. 1. D. 17. Pll. 1–275 rev.
15. From the Party Past: A Collection of Memories of Party Work in Kaluga: Edited by the Kaluga Commission on the History of the October Revolution and the RCP (Russian Communist Party): Issue I. Kaluga: State Publishing House, 1921. 365 p.
16. From the Party Past: A Collection of Memories of Party Work in Kaluga: Edited by the Kaluga Commission on the History of the October Revolution and the RCP (Russian Communist Party): Issue 2. Kaluga: State Publishing House, 1923. 203 p.
17. Kaluga Province in 1905: A Collection of Articles, Memories, and Materials. Edited by S. B. Khersonsky and B. I. Tikhomirov. Literary Subcommission of the Provincial Commission for the Celebration of the 20th Anniversary of the 1905 Revolution and the Kaluga Historical Party Department. Kaluga: [1st State Typo-Literary Council of the National Economy], 1925. 450 p.
18. Essays on the History of the Kaluga Organization of the CPSU. General Ed. by A. F. Sladkov. Tula: Priokskoye Book Publishing House, 1967. 410 p.
19. Razlomalin D. V. Railways of Kaluga Province. Kaluga Provincial Regional Studies Society. Kaluga: B. I., 1925. 20 p.
20. Revolutionary Events in Kaluga Province, 1905-1907. Kaluga: Znamya Newspaper Publishing House, 1956. 112 p.
21. Romanova T. V. In the Struggle for the Workers' Cause. Tula: Priokskoye Book Publishing House, 1983. 159 p.
22. Spivak V. I., Shurkin P. A. Essays on the History of the Kaluga Organization of the CPSU. Part 1: (1890s, 1918). Kaluga: Book Publishing House, 1959. 247 p.

Информация об авторах

Кукушкин В.М., Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Кукушкин В.М., Штепа А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 327.7

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-209-214

Советская дипломатия и международное обсуждение результатов Хабаровского процесса 1949 года в Организации Объединенных Наций

¹ Лобанов Д.С.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: приговор военного трибунала Приморского военного округа от 30 декабря 1949 г. закрепил в судебной форме обстоятельства подготовки бактериологического оружия японской армией, а изданные в 1950 г. материалы разбирательства предназначались для обращения далеко за пределами советской юрисдикции. Между интенсивностью последовавших дипломатических усилий и их процедурным результатом в Организации Объединённых Наций обнаруживается расхождение, до сих пор не получившее объяснения. Цель работы – установить, как выбор дипломатического инструмента и способ связывания хабаровского материала с текущей повесткой определили международную судьбу итогов процесса. Применены историко-генетический подход, сравнительно-историческое сопоставление процедурных форм, контент-анализ операционных формулировок резолюций и реконструкция повестки по внесённым проектам и результатам голосований. Установлено, что в феврале – июне 1950 г. советская сторона избрала двусторонний нотный канал, не создающий процедурных обязанностей у адресата, и не внесла итоги процесса отдельным пунктом повестки. Хабаровский материал вошёл в работу ООН дважды и оба раза в смещённой функции: при обсуждении репатриации военнопленных по резолюции 427 (V) от 14 декабря 1950 г. как оборонительный довод об основаниях содержания осуждённых, в 1952-1953 гг. как приложение к спорному текущему обвинению, что подняло доказательственный порог. Судебно установленный факт, привязанный к оспариваемому требованию, утрачивает самостоятельную силу и разделяет судьбу этого требования; нормативный запрет закрепился позднее договорным путём.

Ключевые слова: Хабаровский процесс 1949 года, советская дипломатия, Организация Объединённых Наций, бактериологическое оружие, Женевский протокол 1925 года, послевоенное правосудие, репатриация военнопленных, международная повестка

Для цитирования: Лобанов Д.С. Советская дипломатия и международное обсуждение результатов Хабаровского процесса 1949 года в Организации Объединенных Наций // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 209 – 214. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-209-214

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Soviet diplomacy and the international discussion of the results of the 1949 Khabarovsk trial at the United Nations

¹ Lobanov D.S.,
¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: the verdict of the Military Tribunal of the Primorye Military District of 30 December 1949 established in judicial form the circumstances of the preparation of bacteriological weapons by the Japanese army, while the trial materials published in 1950 were intended for circulation far beyond Soviet jurisdiction. The intensity of the diplomatic effort that followed diverges from its procedural outcome at the United Nations, and this divergence has not yet been explained. The purpose of the study is to determine how the choice of diplomatic instrument and the manner of linking the Khabarovsk material to the current agenda shaped the international fate of the trial results. The historical-genetic approach, comparative examination of procedural forms, content analysis of the operative wording of resolutions and reconstruction of the agenda through drafts and voting outcomes are applied. It is shown that between February and June 1950 the Soviet side chose the bilateral note channel, which creates no procedural obligation for the addressee, and did not table the trial results as a separate agenda item. The Khabarovsk material entered the work of the United Nations twice and on both occasions in a displaced function: during the debate on the repatriation of prisoners of war under resolution 427 (V) of 14 December 1950 as a defensive argument about the grounds for detention, and in 1952-1953 as an appendix to a contested current accusation, which raised the evidentiary threshold. A judicially established fact attached to a contested claim loses its independent force and shares the fate of that claim; the normative prohibition was secured later by treaty.

Keywords: Khabarovsk trial of 1949, Soviet diplomacy, United Nations, bacteriological weapons, Geneva Protocol of 1925, post-war justice, repatriation of prisoners of war, international agenda

For citation: Lobanov D.S. Soviet diplomacy and the international discussion of the results of the 1949 Khabarovsk trial at the United Nations. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 209 – 214. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-209-214

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Приговор военного трибунала Приморского военного округа, вынесенный в Хабаровске 30 декабря 1949 г. в отношении 12 бывших военнослужащих японской армии, зафиксировал в судебной форме обстоятельства подготовки бактериологического оружия. Материалы разбирательства были изданы в 1950 г. и переведены на несколько языков, предназначаясь для обращения за пределами советской юрисдикции. В историографии этот акт описывается преимущественно в двух рамках. Первая выстраивает процессуальную преемственность от Нюрнберга к Токио и далее к Хабаровску. Вторая помещает приговор в поле политики памяти, где его значение задаётся последующей актуализацией.

Подробнее других разработана юридическая линия. А.П. Евсеев [4] прослеживает вхождение нюрнбергских формул состава преступления в национальные правовые порядки и фиксирует разрыв между доктринальным признанием и процессуальной реализацией. В работах по мемориальной проблематике японский контекст восприятия послевоенных трибуналов описан обстоятельно, однако хабаровский эпизод занимает в нём периферийное место. Систематизация отечественной литературы, выполненная Д. В. Кузнецовым [8], обнаруживает волнообразный интерес к сюжету с пиками публикаций к юбилейным датам. Дипломатическое измерение в обеих линиях остаётся на втором плане.

Обе рамки оставляют без объяснения дипломатический результат. Приговор 1949 г. не получил самостоятельного рассмотрения ни в одном органе Организации Объединённых Наций, хотя советская сторона на протяжении 1950 г. трижды обращалась к правительству США с требованием международного суда над организаторами военно-биологической программы.

Обычно расхождение между интенсивностью усилий и нулевым процедурным результатом объясняют общим климатом холодной войны и содержанием японских правоконсервативных нарративов. Такое объяснение не различает случаев, когда вопрос вносился в повестку и отклонялся, и случаев, когда он в повестку не вносился. Настоящая работа исходит из предположения, что результат определялся выбором

дипломатического инструмента и способом связывания хабаровского материала с текущей повесткой международной организации. Проверка требует восстановления процедурной траектории: от нот февраля – июня 1950 г. к обсуждению репатриации военнопленных в Генеральной Ассамблее и далее к резолюциям 1953 г.

Материалы и методы исследований

Реконструкция подготовительной стадии хабаровского разбирательства опирается на разбор А. И. Бастрыкина [1]. Источниковую основу образуют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 427 (V) от 14 декабря 1950 г., 706 (VII) от 23 апреля 1953 г. и 714 (VIII) от 3 ноября 1953 г., а также итоги голосований Совета Безопасности июля 1952 г.

Вторую группу составили рассекреченные в 2021 г. документы советского внешнеполитического ведомства: докладная записка 2-го Дальневосточного отдела МИД СССР января 1950 г., проект ноты, представленный А.Я. Вышинским 20 января 1950 г., ноты посла А. С. Панюшкина государственному секретарю США от 1 февраля и июня 1950 г., записка А.А. Громыко декабря 1950 г. Привлечены изданные в 1950 г. материалы судебного процесса, Женевский протокол от 17 июня 1925 г. и Конвенция о запрещении бактериологического (биологического) и токсинного оружия 1972 г.

По формуляру, адресату и характеру содержащегося требования проанализированы дипломатические документы; общий подход историко-генетический, дополненный сравнительно-историческим сопоставлением процедурных форм. Зарубежная литература учитывалась по сводке Д.В. Кузнецова [9]. Для резолюций применён контент-анализ операционных формулировок, при котором фиксировались предмет обращения, круг адресатов, характер возлагаемой обязанности и срок исполнения. Процедурная траектория восстанавливалась по совокупности внесённых проектов, результатов голосований и последующих докладов председателя сессии. Хронологические рамки охватывают 1949-1953 гг. с выходом к договорным событиям 1970-х гг., когда нормативный результат был закреплён вне судебной формы.

Результаты и обсуждения

Институциональная форма хабаровского разбирательства предопределила объём его внешнего действия. Вопрос о пределах компетенции национального суда в дальневосточном контексте возник заметно раньше: суд над пособниками японских милитаристов, состоявшийся до токийского трибунала [2], уже ставил его в практической плоскости.

Дело рассматривал военный трибунал, применявший советское уголовное законодательство; квалификация деяний опиралась на указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Верхний предел наказания ограничивался лишением свободы, поскольку смертная казнь была отменена указом от 26 мая 1947 г. Назначенные сроки составили от 2 до 25 лет; фактическая сторона разбирательства изложена в публикации к 70-летию процесса.

Международного элемента в устройстве суда не было ни одного: ни судей от союзных держав, ни обвинителей от других государств, ни учредительного акта, сопоставимого с Лондонским соглашением 8 августа 1945 г. Международный военный трибунал для Дальнего Востока был учреждён прокламацией главнокомандующего союзными державами от 19 января 1946 г.; хабаровское разбирательство подобной опоры не имело.

Сопоставление хабаровского и токийского разбирательств по составу суда и объёму обвинения выполнено Н.А. Петуховым и Е.В. Рябцевой; советский приговор при более узком предмете опирался на более плотную доказательственную базу по конкретному эпизоду. Для внешнего оборота значение имело обратное соотношение, поскольку акт национального суда обязывал только вынесшее его государство.

Задачу распространения издание материалов в 1950 г. решало полностью. Реконструкция обстоятельств военно-биологической программы, выполненная на этих материалах в работе Гун Вэньцзина, Юэ Жунъюаня и Чжао Шицзяня [3], показывает высокую степень их фактической детализации. Тираж и переводы обеспечивали доступность текста, но не создавали ни адресата, ни обязанности отреагировать.

Дипломатическое продолжение началось через месяц после приговора. Нота, переданная послом А. С. Панюшкиным государственному секретарю Д. Ачесону 1 февраля 1950 г., содержала перечень из 48 лиц, подлежащих, по мнению советской стороны, суду специального международного военного трибунала. Перечень открывал император Хирохито, за ним следовали генерал-лейтенант Сиро Исии, Масадзи Китано, Юдзиро Вакамацу, Юкио Касахара.

Государственный департамент ответил 3 февраля 1950 г. пресс-релизом, отвергавшим обвинения в адрес императора; официального ответа на саму ноту не последовало. Повторное обращение в мае и третья нота

июня 1950 г. результата не дали, а 1 июня 1950 г. представитель департамента заявил о неизменности американской позиции. Практика розыска и преследования японских военнослужащих в 1946-1950 гг. разобрана С.П. Кимом [7]; хабаровское дело предстаёт в ней исключением по степени публичности. Итог кампании подвела записка А.А. Громыко декабря 1950 г.

Отдельного разбора заслуживает выбор канала. Нота адресовалась правительству государства, осуществлявшего оккупационное управление Японией и располагавшего собственным механизмом суда над военными преступниками; в терминах международной процедуры это обращение к контрагенту, минуя орган. Материал по японским военно-биологическим учреждениям, включая профильные исследовательские структуры императорской армии, описанные А.Е. Кулановым [10], оставался при этом полностью в советском распоряжении. Двусторонняя нота не порождает регистрации документа, не влечёт включения вопроса в повестку и не устанавливает срока ответа. Трёхкратное обращение февраля – июня 1950 г. исчерпало возможности этой формы, не создав ни одной процедурной точки, к которой можно было бы вернуться позднее.

В повестке ООН хабаровский материал появился впервые в чужом контексте. Резолюция 427 (V), принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1950 г., учредила комиссию из трёх беспристрастных лиц, назначаемых Международным комитетом Красного Креста. Правительствам, удерживающим военнопленных, предписывалось представить поимённые списки с указанием оснований и мест содержания, а также сведений об умерших, к 30 апреля 1951 г. Осуждённые в Хабаровске входили в ту самую категорию лиц, о которой шла речь. Советская сторона использовала приговор как объяснение оснований содержания части японских военнослужащих.

Функция материала в этой процедуре была оборонительной. Инициатива принадлежала другой стороне, предмет обсуждения формулировался как гуманитарный, а обязанность отчитаться возлагалась на государство, удерживающее пленных. Судебно установленные факты подготовки бактериологического оружия фигурировали здесь как довод в свою защиту, а не как самостоятельное обвинение, и касались к тому же 12 человек из значительно большего контингента. Информационное сопровождение советской позиции в Японии, которым занималось представительство Совинформбюро в 1946–1952 гг. [6], работало на японскую аудиторию и на процедуру Генеральной Ассамблеи прямого влияния не оказывало. Смещение функции закрепилось быстро, и к 1951 г. хабаровская тема связалась в дипломатическом обороте с вопросом о репатриации.

Вторично тема возникла в 1952-1953 гг. В июле 1952 г. в Совете Безопасности рассматривались два проекта резолюции о расследовании силами Международного комитета Красного Креста обвинений в применении бактериологических средств на Корейском полуострове: первый собрал 10 голосов, второй – 9 при 1 воздержавшемся, и оба не были приняты вследствие голосования постоянного члена против.

Генеральная Ассамблея вернулась к вопросу на возобновлённой седьмой сессии. Резолюция 706 (VII) от 23 апреля 1953 г., принятая 51 голосом против 5 при 4 воздержавшихся, учредила комиссию по беспристрастному расследованию в составе представителей Бразилии, Египта, Пакистана, Швеции и Уругвая. 28 июля 1953 г. председатель Ассамблеи доложил, что комиссия не смогла выполнить порученную задачу ввиду отказа в допуске. Резолюция 714 (VIII) от 3 ноября 1953 г., принятая 47 голосами при 12 воздержавшихся, передала советский проект, призыв ко всем государствам присоединиться к Женевскому протоколу 1925 г. или ратифицировать его, в Комиссию по разоружению.

Хабаровский материал был формально релевантен всей этой серии и содержательно к ней примыкал. Соотношение токийского и хабаровского разбирательств с проблематикой бактериологической войны рассмотрено А.М. Егоровым и Н.П. Никитиной [5], отметившими, что доказательственная база 1949 г. оставалась наиболее полной из доступных на тот момент. В формулировках резолюций 1953 г. ссылок на приговор 1949 г. нет, поскольку предмет расследования определялся текущими обвинениями, а история японской программы в операционную часть не входила. Собственно правовая новизна хабаровского приговора, судебное установление факта подготовки бактериологической войны конкретным государственным учреждением, в повестку ООН отдельным пунктом так и не поступила.

Из совокупности этих обстоятельств выводятся три условия, при которых результаты национального процесса не получают международного признания. Первое из них – форма акта, поскольку приговор национального трибунала не создаёт обязательств для третьих государств и требует переучреждения материала в другой процедуре. Второе – выбранный канал: нота фиксирует позицию, но не запускает механизм рассмотрения, и трёхкратное её повторение процедурного качества обращения не меняет.

Третье условие оказалось решающим и требует более развёрнутого разбора. Хабаровский материал вошёл в международный оборот в связке с текущим требованием, оспариваемым по существу, и разделил

его судьбу. Механизм здесь двойной. Привязка к спорному обвинению переносит на судебно установленный факт тот доказательственный порог, который применяется к оспариваемому утверждению, и проверке подлежит уже не приговор 1949 г., а вся конструкция целиком.

Срыв работы комиссии 706 (VII), зафиксированный докладом 28 июля 1953 г., ретроспективно обесценил и ту фактическую основу, которая проверки не требовала, будучи установлена судом четырьмя годами ранее. Дополнительный эффект дала асимметрия процедур: обвинение 1952 г. рассматривалось органом с обязательной повесткой и поимённым голосованием, тогда как приговор 1949 г. существовал в международном пространстве только как публикация. Разрыв в институциональном статусе двух элементов одной аргументации, вероятно, и определил исход.

Иным путём и с большим опозданием был достигнут нормативный результат. Япония ратифицировала Женевский протокол 1925 г. в 1970 г., США – в 1975 г. Конвенция о запрещении бактериологического (биологического) и токсинного оружия, открытая для подписания 10 апреля 1972 г., вступила в силу 26 марта 1975 г. Запрет закрепился через согласие государств, и советская линия 1953 г. на присоединение к протоколу 1925 г. оказалась результативнее судебной.

Выводы

В течение полутора лет после вынесения приговора его международная судьба определилась. К 14 декабря 1950 г., когда Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 427 (V) о репатриации военнопленных, нотный канал был исчерпан, а процедурного основания для постановки вопроса о международном суде советская сторона не имела. Дальнейшее движение темы происходило в рамках, заданных другими участниками. Последняя нота по этому предмету датирована июнем 1950 г.

Логикой момента выбор двустороннего обращения вместо внесения вопроса в повестку международного органа вполне объясним: адресатом требования выступало государство, фактически контролировавшее японскую территорию и располагавшее искомыми лицами. Цена этого выбора обнаружилась позднее. Требование, оформленное нотой, не оставляет процедурного следа, и возобновить его в другой инстанции без нового основания невозможно.

Дважды войдя в работу ООН, хабаровский материал оба раза выступал в чужой функции. В 1950 г. он служил объяснением оснований содержания осуждённых, в 1953 г. – историческим фоном спорного текущего обвинения. Самостоятельным предметом рассмотрения судебно установленный факт подготовки бактериологического оружия японской армией не становился ни разу. Ни одна из резолюций 1950-1953 гг. приговора 1949 г. не упоминает.

Отсюда следует вывод, выходящий за пределы конкретного эпизода. Судебно установленный факт не обладает автономной международной силой и сохраняет её лишь до тех пор, пока не привязан к оспариваемому политическому требованию; вместе с отклонённым требованием он теряет и собственную убедительность. Институциональный статус носителя факта весит здесь больше, чем полнота доказательственной базы, и приговор с плотной фактурой, существующий в международном пространстве только как публикация, уступает обвинению, включённому в повестку органа с обязательной процедурой.

Нормативный запрет, к которому советская дипломатия шла судебным путём, закрепился путём договорным и почти четверть века спустя: протокол 1925 г. был ратифицирован Японией в 1970 г., Конвенция о запрещении бактериологического (биологического) и токсинного оружия вступила в силу 26 марта 1975 г.

Список источников

1. Бастрыкин А.И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 61 – 69. DOI: 10.12737/jflcl.2022.011
2. Бучко Н.П. Накануне Токийского процесса. Суд над пособниками японских милитаристов как отголосок Гражданской войны в России // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 13 – 20. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.70546
3. Гун Вэньцзин, Юэ Жунъюань, Чжао Шицзянь Хабаровский процесс и наказание преступников военно-биологической программы Японии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. № 3. С. 673 – 700. DOI: 10.21638/spbu02.2025.307
4. Евсеев А.П. Нюрнбергский процесс: уроки для настоящего и будущего // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 2. С. 104 – 124. DOI: 10.21128/2226-2059-2025-2-104-124

5. Егоров А.М., Никитина Н.П. Токийский и Хабаровский процессы в контексте проблемы «бактериологической войны» // *Метаморфозы истории*. 2022. № 26. DOI: 10.37490/S230861810023663-9
6. Кибя Д.В. Представительство Совинформбюро в Японии в 1946-1952 гг.: информационно-пропагандистская работа в условиях американской оккупации // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2018. № 1. С. 41 – 53. DOI: 10.7868/S0869190818010053
7. Ким С.П. Поиск и преследование японских военных преступников (1946-1950): цели, задачи, результаты // *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2026. Т. 51. С. 104 – 120.
8. Кузнецов Д.В. Хабаровский процесс 1949 г.: отечественная историография // *Метаморфозы истории*. 2025. № 35. DOI: 10.37490/S241436770033711-2
9. Кузнецов Д.В. Хабаровский процесс 1949 г.: зарубежная историография // *Метаморфозы истории*. 2025. № 36. DOI: 10.37490/S241436770033715-6
10. Куланов А.Е. НИИ № 9 японской императорской армии // *Ежегодник Японии*. 2023. Т. 52. С. 133 – 150. DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-133-150

References

1. Bastrykin A.I. Preparation for the Khabarovsk Trials and Their Significance for International Law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 61 – 69. DOI: 10.12737/jflcl.2022.011
2. Buchko N.P. On the Eve of the Tokyo Trials. The Trial of Accomplices of Japanese Militarists as an Echo of the Civil War in Russia. *Genesis: Historical Research*. 2025. No. 2. P. 13 – 20. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.70546
3. Gong Wenjing, Yue Rongyuan, Zhao Shijian The Khabarovsk Trial and the Punishment of Criminals of Japan's Military Biological Program. *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2025. Vol. 70. No. 3. P. 673 – 700. DOI: 10.21638/spbu02.2025.307
4. Evseev A.P. The Nuremberg Trials: Lessons for the Present and the Future. *International Justice*. 2025. Vol. 15. No. 2. P. 104 – 124. DOI: 10.21128/2226-2059-2025-2-104-124
5. Egorov A.M., Nikitina N.P. The Tokyo and Khabarovsk Trials in the Context of the Problem of "Bacteriological Warfare". *Metamorphoses of History*. 2022. No. 26. DOI: 10.37490/S230861810023663-9
6. Kiba D.V. Sovinformburo Representative Office in Japan in 1946-1952: Information and Propaganda Work under the American Occupation. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2018. No. 1. P. 41 – 53. DOI: 10.7868/S0869190818010053
7. Kim S.P. Search and Prosecution of Japanese War Criminals (1946-1950): Goals, Objectives, Results. *Transactions of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2026. Vol. 51. P. 104 – 120.
8. Kuznetsov D.V. Khabarovsk Trial of 1949: Domestic Historiography. *Metamorphoses of History*. 2025. No. 35. DOI: 10.37490/S241436770033711-2
9. Kuznetsov D.V. Khabarovsk Trial of 1949: Foreign Historiography. *Metamorphoses of History*. 2025. No. 36. DOI: 10.37490/S241436770033715-6
10. Kulanov A.E. Research Institute No. 9 of the Japanese Imperial Army. *Yearbook Japan*. 2023. Vol. 52. P. 133 – 150. DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-133-150

Информация об авторе

Лобанов Д.С., Российский государственный гуманитарный университет, dmitriy-lobanov1@mail.ru

© Лобанов Д.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 327.7

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-215-222

Эволюция евразийской интеграционной инициативы Республики Казахстан (1994-2015 гг.)

¹ Шумаев А.Е.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: рассматривается эволюция участия Республики Казахстан в евразийских интеграционных процессах на постсоветском пространстве в период с 1994 по 2015 год, от выдвинутой Н.А. Назарбаевым идеи Евразийского союза до вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе. Разобраны содержание проекта 1994 года, озвученного в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, его институциональное воплощение в ЕврАзЭС, учреждённом в 2000 году в Астане, и в Таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана, практический запуск которого пришёлся на 2010 год, а также позиция Астаны при подготовке договора о союзе, подписанного 29 мая 2014 года. В основу работы положена авторская периодизация по критерию смены доминирующей мотивации казахстанской политики; выделены три этапа: удержание распадавшихся хозяйственных связей в 1990-е годы, экономический прагматизм 2000-х годов и защита суверенитета от политизации интеграции в первой половине 2010-х годов. Применены историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также приём периодизации как инструмент анализа мотивации; отдельно сопоставлены расходящиеся оценки казахстанского вклада в исследовательской литературе. Установлено, что Казахстан выступал одним из создателей объединения, а не ведомым участником российского проекта: он последовательно удерживал союз в экономических рамках и оберегал суверенитет от наднационального вмешательства, хотя его субъектность проявлялась в условиях заметной асимметрии потенциалов.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Республика Казахстан, Н.А. Назарбаев, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, ЕврАзЭС, постсоветское пространство, периодизация, суверенитет

Для цитирования: Шумаев А.Е. Эволюция евразийской интеграционной инициативы Республики Казахстан (1994-2015 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 215 – 222. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-215-222

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Evolution of the Eurasian integration initiative of the Republic of Kazakhstan (1994-2015)

¹ Shumaev A.E.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: the article traces the evolution of the Republic of Kazakhstan's participation in Eurasian integration processes in the post-Soviet space from 1994 to 2015, from Nazarbayev's proposal for the Eurasian Union to the entry into force of the Treaty on the Eurasian Economic Union. Examined are the content of the 1994 project

announced at Lomonosov Moscow State University, its institutional implementation in the Eurasian Economic Community established in Astana in 2000 and in the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan, whose practical launch took place in 2010, as well as Astana's position during the preparation of the Union Treaty signed on 29 May 2014. The work rests on the author's periodization based on the change in the dominant motivation of Kazakhstan's policy; three stages are distinguished: retaining the disintegrating economic ties in the 1990s, economic pragmatism in the 2000s, and protection of sovereignty from the politicization of integration in the first half of the 2010s. Historical-genetic and comparative historical methods are applied, together with periodization used as a tool for analysing motivation; the diverging assessments of the Kazakh contribution found in the research literature are compared separately. It is established that Kazakhstan acted as one of the creators of the union rather than as a passive participant in a Russian project: it consistently kept the association within economic boundaries and protected its sovereignty from supranational interference, even though its agency was exercised amid a marked asymmetry of potentials.

Keywords: Eurasian integration, Republic of Kazakhstan, N.A. Nazarbayev, Eurasian Economic Union, Customs Union, EurAsEC, post-Soviet space, periodization, sovereignty

For citation: Shumakov A.E. Evolution of the Eurasian integration initiative of the Republic of Kazakhstan (1994-2015). *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 215 – 222. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-215-222

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

На протяжении трёх последних десятилетий евразийская интеграция остаётся одним из наиболее заметных направлений развития постсоветского пространства. Созданный в 2015 году Евразийский экономический союз стал зрелой формой сближения нескольких государств региона; предыстория этой формы длительна и восходит к идее Евразийского союза, выдвинутой Н.А. Назарбаевым в 1994 году.

Вопрос о роли Казахстана в данном процессе сохраняет научную значимость. От ответа на него зависит и более общее понимание природы евразийской интеграции: была ли она преимущественно российским проектом или результатом совместных усилий нескольких равноправных участников.

Материалы и методы исследований

Цель работы – реконструировать эволюцию казахстанской политики на евразийском направлении в период с 1994 по 2015 год и определить меру самостоятельности Астаны в этом процессе. Применены историко-генетический и сравнительно-исторический методы. Приём периодизации использован при этом как инструмент анализа мотивации, а не как формальное деление по датам: границы этапов проведены там, где менялось само основание казахстанской заинтересованности в сближении, а не там, где подписывался очередной учредительный документ. Новизна работы состоит в том, что участие Казахстана рассматривается по критерию смены доминирующей мотивации, причём республика описывается как субъект интеграции, последовательно очерчивавший её допустимые пределы. Историографический контекст образуют исследования генезиса казахстанского евразийства, периодизации евразийской интеграции и соотношения суверенитета и наднациональности в её институтах [2; 10; 13].

Результаты и обсуждения

Генезис евразийской идеи в условиях постсоветской дезинтеграции (1994-1999)

Распад Советского Союза в декабре 1991 года поставил новые независимые государства перед задачей, к которой ни одно из них не было в полной мере готово. За считанные месяцы разорвались хозяйственные связи, складывавшиеся десятилетиями в рамках единого союзного комплекса. Предприятия лишились поставщиков и рынков сбыта, оказавшихся теперь за государственными границами, а взаиморасчеты между бывшими республиками все чаще упирались в отсутствие общей валютной основы [10].

В Казахстане эти процессы ощущались особенно остро. Экономика республики была глубоко встроена в общесоюзное разделение труда и зависела от кооперации с российскими предприятиями, а выраженный сырьевой профиль делал ее уязвимой к разрыву производственных цепочек. Выход из рублевой зоны и введение собственной валюты, тенге, в ноябре 1993 года закрепили хозяйственную самостоятельность республики и одновременно показали цену разъединения [14].

Содружество Независимых Государств, созданное в декабре 1991 года, должно было смягчить последствия распада и сохранить хотя бы часть общего пространства. С этой ролью оно справлялось плохо. К 1994 году в рамках Содружества было подписано более четырехсот соглашений, однако большинство из них оставалось на бумаге и не имело механизмов исполнения [4, с. 331]. Руководство Казахстана воспринимало СНГ скорее как организацию, формально демонстрирующую хорошие взаимоотношения со странами постсоветского пространства, чем как работающий интеграционный проект. Из расхождения между обилием деклараций и скудностью результатов и выросла инициатива, с которой казахстанский президент выступил весной 1994 года [2].

29 марта 1994 года, выступая перед профессорами и студентами Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Нурсултан Назарбаев предложил создать принципиально новое объединение и назвать его Евразийским союзом (ЕАС), причём замысел предполагал не совершенствование Содружества, а надстройку над ним более тесной и работоспособной структуры. Строить объединение, по мысли Назарбаева, следовало «на иных, чем СНГ, принципах»: его основу должны были составить наднациональные органы с реальными полномочиями, включая совет глав государств, межгосударственный исполнительный комитет, парламент союза и совет министров иностранных дел [4].

Первоочередными объявлялись две задачи, а именно формирование единого экономического пространства и проведение согласованной оборонной политики. На начальном этапе войти в союз предлагалось пяти республикам бывшего СССР, России, Казахстану, Беларуси, Кыргызстану и Таджикистану, с возможностью последующего присоединения других государств [4].

Выбор Казахстана в роли инициатора не был случайным. Республика занимала срединное положение между Россией, Китаем и государствами Центральной Азии, а ее население сочетало крупные славянскую и казахскую общины, что делало идею равноправного многонационального объединения органичной частью внутренней логики казахстанской политики [17].

Концепция евразийского моста, к которой Назарбаев обращался уже в первые годы независимости, отводила стране роль связующего звена между Европой и Азией. Незадолго до московского выступления, во время визита в Великобританию, казахстанский лидер говорил о необходимости более глубокой интеграции в Королевском институте международных отношений. Лекция в МГУ развивала поэтому уже сложившуюся позицию и не была разовым экспромтом [4].

С самого начала Назарбаев отделял свой замысел от идеи восстановления Советского Союза. Он настаивал, что речь идет о добровольном союзе суверенных государств, а обвинения в стремлении возродить прежнюю империю называл несостоятельными: обе опоры советской системы, плановая экономика и однопартийная политическая модель, к тому моменту уже были разрушены [9].

Проработанность проекта широкой поддержки ему не обеспечила. Российское руководство при Борисе Ельцине отнеслось к инициативе сдержанно, а часть партнёров по Содружеству увидела в наднациональных органах угрозу едва обретённому суверенитету. Проект Евразийского союза в первоначальном виде, насыщенном политическими и оборонными элементами, остался нереализованным [2].

Идея, однако, не исчезла и постепенно перешла в более осторожное, преимущественно экономическое русло. В середине 1990-х годов Россия, Беларусь и Казахстан заключили первые соглашения о таможенном союзе, а 29 марта 1996 года те же три страны вместе с Кыргызстаном подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. Продолжением этого ряда стал Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года, к которому присоединился Таджикистан.

Действующих наднациональных структур эти соглашения ещё не создавали, однако очертили круг государств, готовых двигаться к сближению быстрее остальных участников Содружества. Во второй половине 1990-х годов главным источником интеграционных предложений на постсоветском пространстве оставался Казахстан, и в исследовательской литературе почти все значимые шаги к сближению этого периода связываются с позицией Астаны и лично Назарбаева [17, р. 165].

На первом этапе, охватывающем 1994-1999 годы, в основе казахстанской инициативы лежал мотив удержания. Распад единого хозяйственного пространства воспринимался в Астане как прямая угроза, а интеграция мыслилась как способ остановить дальнейший разрыв связей и сохранить управляемость постсоветского пространства, притом что предложенная конструкция заметно опережала готовность партнёров: детально проработанный проект союза с собственным парламентом и общей обороной отклика не находил, тогда как куда более скромные таможенные договоренности продвигались, пусть и медленно.

Противоречие между масштабом замысла и реальными возможностями определило содержание следующего этапа, на котором евразийская идея обрела институциональную форму [10].

Институционализация проекта от ЕврАзЭС к Таможенному союзу (2000-2010)

На рубеже веков евразийская идея вышла из области деклараций и впервые обрела устойчивую организационную опору. 10 октября 2000 года в Астане президенты России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества [6].

Выбор казахстанской столицы местом подписания был символичен, поскольку на протяжении 1990-х годов Казахстан настойчивее других добивался перевода интеграции в работающий формат. В отличие от Содружества с его необязательными договоренностями, ЕврАзЭС с самого начала строилось как структура с постоянными органами и обязательными для исполнения решениями, что приближало его к модели, которую Назарбаев очерчивал ещё в 1994 году.

Сообщество получило собственный набор институтов, включая межгосударственный совет на уровне глав государств и правительств, интеграционный комитет и межпарламентскую ассамблею. Решения принимались с учетом экономического веса участников, что отражало реальное соотношение их хозяйственных потенциалов [6].

Официально ЕврАзЭС учреждалось «в целях эффективного продвижения процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства», и эта формулировка точно передавала логику этапа. Проект 1994 года соединял экономику с обороной и политикой; теперь определяющими стали исключительно торгово-экономические задачи, и для Казахстана такое сужение повестки оказалось скорее выигрышем, чем уступкой, поскольку прагматичную экономическую интеграцию без политической надстройки Астана и считала желательной [13].

Первые годы работы Сообщества прошли в подготовке правовой базы, и заметного продвижения к таможенному союзу долго не наблюдалось. Перелом наступил во второй половине десятилетия. В августе 2006 года на неформальном саммите в Сочи лидеры договорились ускорить формирование таможенного союза в формате тройки, то есть России, Беларуси и Казахстана, с тем чтобы остальные участники присоединялись по мере готовности их экономик.

Год спустя, в октябре 2007 года, на саммите в Душанбе была принята концепция Таможенного союза и подписан пакет учредительных документов, а также создана Комиссия Таможенного союза как первый постоянный регулирующий орган объединения. Сужение круга до трех наиболее подготовленных государств позволило сдвинуть процесс с места. Ряд исследователей оценивает результат сдержаннее, отмечая, что переход к формату тройки задумывался как способ отладить механизмы сотрудничества, однако в полной мере эта задача решена не была [11, с. 38].

Практический запуск союза пришелся на 2010 год и проходил поэтапно. С 1 января вступил в силу единый таможенный тариф, установивший общие ставки ввозных пошлин в торговле с третьими странами. С 1 июля для России и Казахстана начал действовать единый Таможенный кодекс, к которому несколькими днями позже присоединилась Беларусь.

С осени того же года заработал механизм зачисления и распределения ввозных пошлин: собранные средства делились между бюджетами трех стран в заранее согласованных долях. Завершающим шагом стало вынесение таможенного контроля с внутренних границ на внешний периметр союза с 1 июля 2011 года, после чего товары начали перемещаться внутри общей территории без таможенного оформления [7].

Участие Казахстана в этой конструкции опиралось на экономический расчет. Закрепленная за республикой доля в распределении пошлин отражала положение полноправного выгодоприобретателя, а не младшего партнера, привлеченного из политических соображений. Открытие общего рынка трех стран расширяло сбыт казахстанских товаров и упрощало транзит, что имело особое значение для экономики, удаленной от морских путей и зависящей от наземных транспортных коридоров [12].

Воплотившаяся форма интеграции оказалась ближе к казахстанским предпочтениям, чем первоначальный проект 1994 года в целом. От исходной идеи сохранился экономический стержень, тогда как наднациональные политические и оборонные элементы, вызывавшие в свое время настороженность партнеров, в повестку так и не вошли. Со временем, однако, значимость торговли внутри формата тройки «уменьшилась для всех стран-участниц и особенно мала для России» [7, с. 11]; связано это по большей части с лидирующими позициями Китая и Евросоюза в области торговли в этом регионе.

Второй этап изменил саму природу казахстанского проекта. Мотив удержания связей, преобладавший в 1990-е годы, сменился экономическим прагматизмом, при котором интеграция рассматривалась как инструмент роста торговли и модернизации хозяйства. Идея, почти два десятилетия существовавшая

преимущественно на бумаге, получила работающее институциональное оформление, однако в усеченном, сугубо экономическом виде. Дальнейшее углубление союза, начатое подписанием в декабре 2010 года пакета соглашений о Едином экономическом пространстве, поставило перед Астаной новый вопрос о допустимых пределах интеграции; этот вопрос и определил содержание третьего этапа [12].

От единого экономического пространства к Евразийскому экономическому союзу (2011-2015)

Запуск таможенного союза открыл дорогу к более глубокой стадии сближения. 18 ноября 2011 года президенты России, Беларуси и Казахстана подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции, объявив о намерении выйти на создание полноценного экономического союза. Тем же решением учреждалась Евразийская экономическая комиссия, постоянный наднациональный регулятор, начавший работу в начале 2012 года на смену Комиссии Таможенного союза [6].

С 1 января 2012 года заработало Единое экономическое пространство трех стран, распространившее свободу движения с товаров также на услуги, капитал и рабочую силу, а сама Декларация задавала и конкретный срок: договор о новом союзе предстояло подготовить к 2014 году, тогда как объединение должно было начать действовать с 1 января 2015 года.

По мере перехода сторон к подготовке договора первостепенное значение приобретал вопрос о том, насколько далеко должна простираться интеграция. Российская сторона склонялась к более широкому пониманию союза и не исключала движения к политическим формам сотрудничества, вплоть до обсуждавшейся в 2012-2013 годах идеи евразийского парламента. Казахстан занял противоположную позицию, и она во многом определила облик будущего объединения [13].

Казахстанский подход сводился к тому, что союз должен оставаться экономическим и не превращаться в политическую надстройку. Выступая 24 декабря 2013 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета, Назарбаев прямо заявил, что политизация создаваемого союза недопустима, а договор о его создании должен содержать только экономические положения.

Задачу Евразийской экономической комиссии он определил так, чтобы в проект договора не попали нормы, выходящие за пределы экономической интеграции. Казахстанский президент очертил и круг вопросов, которые в формат союза переноситься не должны, назвав среди них охрану границ, миграционную политику, оборону и безопасность, а также здравоохранение, образование, науку и культуру. Все эти сферы, по его словам, к экономической интеграции прямого отношения не имеют [15].

За этой позицией стояло последовательное стремление оградить государственный суверенитет от наднационального вмешательства. В августе 2014 года, уже после подписания договора, Назарбаев подтвердил, что считает правильным создание экономического союза, и напомнил о принципе консенсуса, при котором возражение одного участника блокирует любое решение [13].

Настойчивость Астаны и близкая позиция Минска отразились на итоговом тексте. В ходе переговоров спорные политические вопросы были вынесены за рамки документа, а из преамбулы окончательного варианта исчезло даже общее упоминание о переходе к политическому Евразийскому союзу. Как отмечает Р.А. Юнеман, к моменту подписания договора все политические аспекты интеграции были исключены из него усилиями Казахстана и Беларуси: по настоянию Астаны из текста убрали межпарламентскую ассамблею, военно-техническое сотрудничество и продвижение к валютному союзу [18, р. 44]. Договор закрепил свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и согласованную политику в отдельных отраслях экономики, оставив политические сюжеты вне своего поля.

Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан 29 мая 2014 года в Астане. Выбор казахстанской столицы для этого события снова оказался символически значимым. До конца года к договору присоединились Армения и Кыргызстан, а 1 января 2015 года он вступил в силу. Авторство Казахстана в этом многолетнем процессе признавали и партнеры: ещё летом 2013 года российский президент в беседе с Назарбаевым назвал его, по сути, отцом-основателем таможенного союза, напомнив, что сама идея принадлежала казахстанскому лидеру [10].

Третий этап завершил движение, начатое в 1994 году, на условиях, которые во многом задавала Астана. Евразийская идея воплотилась в работающем союзе, однако союз этот был экономическим, очищенным от политических элементов, тревоживших Казахстан с самого начала.

В основе казахстанского курса к этому времени лежал прагматический, преимущественно экономический подход к евразийству, который отличают от его идеологической, цивилизационной версии и связывают с отдельной, отличной от российской, генеалогией [16, р. 2]. Двадцатилетний путь от лекции в МГУ до вступления договора в силу показал, что Казахстан выступал в этом процессе одним из архитекторов объединения, способным очерчивать пределы допустимого сближения.

Казахстанское евразийство в историографии

Оценка казахстанского вклада в евразийскую интеграцию заметно расходится в исследовательской литературе, и сопоставление этих оценок помогает точнее определить меру субъектности Астаны. В казахстанской историографии и в работах, близких к официальной позиции, преобладает образ Назарбаева как автора и главного архитектора объединения, и наиболее последовательно его отстаивает Т.А. Мансуров, бывший генеральный секретарь ЕврАзЭС, для которого продвижение евразийского союза стало делом жизни казахстанского лидера [1].

Так, Т.А. Мансуров в своей работе пишет: «При этом он [Н.А. Назарбаев] представил Проект ЕАС и как философскую идею, и как практическое руководство к действию по расширению взаимодействия наших стран с целью сохранения существовавших в течение длительного исторического периода хозяйственных, политических, транспортных и социальных связей между евразийскими народами» [8, с. 2]. Сторонники этого взгляда подчёркивают, что из Казахстана во второй половине 1990-х годов исходило большинство значимых интеграционных предложений на постсоветском пространстве, а подписание учредительного договора в Астане закономерно увенчало двадцатилетний путь.

Ряд работ, однако, существенно ограничивает тезис о казахстанском лидерстве. Авторы отмечают, что после 2011 года, когда на страницах российской печати развернулась новая дискуссия о евразийском проекте, ведущая роль в его смысловом наполнении перешла от Астаны к Москве, а Казахстан занял позицию подчёркнутого экономического детерминизма. Такая позиция во многом диктовалась внутренним развитием республики: сменой поколений в управлении, изменением этнического состава населения и переносом центра тяжести на задачи национально-государственного строительства, в силу чего прагматическое евразийство выполняло для Астаны двойную функцию, оставаясь одновременно внешнеполитической стратегией, средством защиты суверенитета и отчасти опорой внутренней легитимности власти [2, с. 69].

Субъектность Казахстана была реальной, однако со временем менялась по характеру. На раннем этапе она проявлялась как авторство и выдвижение повестки; по мере оформления союза она всё отчётливее принимала форму способности ограничивать чужие предложения [3; 5]. Реакция казахстанской стороны на прозвучавшее в 2012 году предложение создать наднациональный евразийский парламент это подтверждает: предложение было отвергнуто как прямое посягательство на суверенитет республики [2].

Оборонительная, ограничительная субъектность и оставила свой след на итоговом облике союза, обеспечив его сугубо экономический характер. Тезис о Казахстане как создателе интеграции нуждается поэтому в уточнении, а не в отказе: республика была и автором первоначальной идеи, и тем участником, который на завершающем этапе удерживал объединение в избранных им пределах [3].

Выводы

Периодизация в настоящей работе построена на смене мотивов. История евразийского проекта Казахстана в 1994-2015 годах предстает при таком подходе как эволюция оснований казахстанской политики, а не как последовательность подписанных договоров, и это позволяет утверждать, что движущей силой сближения был меняющийся прагматический расчет, а не устойчивая идеологическая программа. Мотив удержания распадавшихся хозяйственных связей в 1990-е годы сменился установкой на экономическую выгоду и модернизацию в 2000-е, а к середине 2010-х оформился в прагматическое евразийство, где интеграция ценилась настолько, насколько служила национальным интересам и не покушалась на суверенитет [10].

Такой угол зрения меняет привычное представление о роли Казахстана в евразийской интеграции. В исследованиях этот процесс нередко описывается как преимущественно российский проект, к которому соседние государства лишь присоединялись. Прослеженный материал даёт иное распределение ролей [1].

Казахстан не только выдвинул исходную концепцию союза, но и на завершающем этапе ограничил его политическое наполнение, добившись того, чтобы объединение осталось экономическим. Итоговый облик Евразийского экономического союза, лишённого наднациональной политической надстройки, стал результатом этого давления в не меньшей степени, чем российских устремлений. Признание казахстанского авторства самими партнёрами подтверждает, что перед нами один из создателей объединения [18].

Субъектность Казахстана вместе с тем не следует переоценивать. Она проявлялась в условиях заметной асимметрии потенциалов, где экономический вес России оставался определяющим, и нередко выражалась в способности ограничивать чужую повестку, а не продвигать собственную. Настоячивое подчёркивание

исключительно экономического характера союза было не только хозяйственной, но и политической позицией, средством защиты суверенитета молодого государства [12; 14].

Учет этой двойственности и составляет главную аналитическую ценность предложенного подхода. Он позволяет рассматривать евразийскую интеграцию как результат постоянного согласования несовпадающих интересов, в котором у каждого участника была своя логика и своя мера влияния, а не как навязанную сверху схему или добровольный союз равных [9; 13].

Список источников

1. Базавлук С.В., Курылев К.П., Савин Л.В. Евразийство, Евразийский экономический союз и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 30 – 42.
2. Вахшитех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 60 – 76.
3. Кабазиев М.Ш. Идея евразийства в контексте конструирования политической идентичности современного Казахстана и её институциональное воплощение // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 68 – 73.
4. Касымбеков М.Б. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 1994-1995 годы. Астана: Деловой Мир Астана, 2011. 576 с.
5. Качеев Денис Анатольевич. Концепт «евразийства» в общественном сознании Казахстана // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10 (504). С. 44–50.
6. Кочетков Е.Е. Трансформация Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в Евразийский экономический союз (ЕАЭС): проблемы перехода и траектории эволюции // Пространство науки. 2024. Том 1. № 4. С. 727 – 735.
7. Лихачев А.Е. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 6. С. 4 – 23.
8. Мансуров Т.А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева – научная и практическая основа современной евразийской интеграции // Казахский экономический вестник. 2014. № 3. С. 2.
9. Пантин В.И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 17 – 29.
10. Семенова М.С. Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25. Вып. 2. С. 228 – 236.
11. Султанов Б.К. Казахстан и евразийское экономическое пространство: фобии, санкции и перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3. С. 29 – 45.
12. Точин А.В., Пыжиков Н.С., Чимириш Е.С., Качуровский К.Е., Живалов В.Н. Оценка влияния торгово-экономического сотрудничества Казахстана с Россией, странами Евразийского экономического союза и третьими странами на развитие интеграционных процессов Евразийского экономического союза // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 5. С. 114 – 126.
13. Трещенков Е.Ю. Надгосударственность и суверенитет в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 3. С. 74 – 91.
14. Шегирбаев О.А. Эволюция внешней политики Казахстана: конструктивизм и геополитическое позиционирование // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 4. С. 413 – 424.
15. Юнеман Р.А. Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 1. С. 151 – 169.
16. Laruelle Marlene Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps. PONARS Eurasia Policy Memo No. 366. Washington: George Washington University, 2015. 5 p.
17. Mostafa Golam The Concept of «Eurasia»: Kazakhstan's Eurasian Policy and Its Implications // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 160 – 170.
18. Yuneman R.A. Kazakhstan and the Eurasian Economic Union // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 37 – 55.

References

1. Bazavluk S.V., Kurylev K.P., Savin L.V. Eurasianism, the Eurasian Economic Union and Multipolarity: Assessments of Foreign Experts. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 30 – 42.
2. Vakhshitekh A., Lapenko M.V., Mukasheva A. Genesis of the Eurasian Idea and Eurasian Practice in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 60 – 76.
3. Kabaziyev M.Sh. The Idea of Eurasianism in the Context of Constructing the Political Identity of Modern Kazakhstan and Its Institutional Embodiment. Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2023. No. 1 (74). P. 68 – 73.
4. Kasymbekov M.B. The First President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. Chronicle of Activities. 1994-1995. Astana: Delovoy Mir Astana, 2011. 576 p.
5. Kacheyev Denis Anatolyevich. The Concept of "Eurasianism" in the Public Consciousness of Kazakhstan. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025. No. 10 (504). P. 44 – 50.
6. Kochetkov E.E. Transformation of the Eurasian Economic Community (EurAsEC) into the Eurasian Economic Union (EAEU): Problems of Transition and Evolutionary Trajectories. Prostranstvo nauki. 2024. Vol. 1. No. 4. P. 727 – 735.
7. Likhachev A.E. The Customs Union of Russia, Belarus, and Kazakhstan: History, Current Stage, and Development Prospects. Russian Foreign Economic Bulletin. 2010. No. 6. P. 4 – 23.
8. Mansurov TA Nursultan Nazarbayev's Eurasian Project: A Scientific and Practical Basis for Modern Eurasian Integration. Kazakh Economic Bulletin. 2014. No. 3. p. 2.
9. Pantin V.I. Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 17 – 29.
10. Semenova MS Eurasian Economic Integration: Stages of Evolution. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations. 2025. Vol. 25. Issue. 2. P. 228 – 236.
11. Sultanov B.K. Kazakhstan and the Eurasian Economic Space: Phobias, Sanctions, and Prospects. Russia and the New States of Eurasia. 2017. No. 3. P. 29 – 45.
12. Tochin A.V., Pyzhikov N.S., Chimiris E.S., Kachurovskiy K.E., Zhivalov V.N. Assessing the Impact of Trade and Economic Cooperation between Kazakhstan and Russia, the Countries of the Eurasian Economic Union, and Third Countries on the Development of Integration Processes within the Eurasian Economic Union. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 114 – 126.
13. Treshchenkov E.Yu. Supranationality and Sovereignty in the European Union and the Eurasian Economic Union. Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 74 – 91.
14. Shegirbayev O.A. Evolution of Kazakhstan's Foreign Policy: Constructivism and Geopolitical Positioning. Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. No. 4. P. 413 – 424.
15. Yuneman R.A. Implementation of the Multi-Vector Concept in the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan on the Example of Voting on Resolutions of the United Nations General Assembly. Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 151 – 169.
16. Laruelle Marlene Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps. PONARS Eurasia Policy Memo No. 366. Washington: George Washington University, 2015. 5 p.
17. Mostafa Golam The Concept of "Eurasia": Kazakhstan's Eurasian Policy and Its Implications. Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 160 – 170.
18. Yuneman R.A. Kazakhstan and the Eurasian Economic Union. Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 37 – 55.

Информация об авторе

Шумаев А.Е., Российский государственный гуманитарный университет, shumaev.ae@rggu.ru

© Шумаев А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 93/94

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-223-229

Леопольд II и конголезский вопрос на страницах британского еженедельника «The Spectator» (1903-1905 гг.)

¹ Егоров И.А.,

¹ Псковский государственный университет

Аннотация: статья посвящена формированию образа Леопольда II и администрации Независимого государства Конго на страницах британского еженедельника «The Spectator» в 1903-1905 гг. Источниковую основу исследования составили опубликованные в издании книжные рецензии, передовые статьи, редакционные заметки и письма читателей. Автором прослежена динамика редакционной позиции от различавшихся по тону оценок к устойчивой резкой критике конголезского режима. Показано, что доклад британского дипломата Роджера Кейсmenta придал отдельным обвинениям официальную документальную основу, а факты, установленные комиссией по расследованию, назначенной самим Леопольдом II, позволили представить насилие и принудительный труд как следствия системы управления в Конго. Установлено, что фигура бельгийского монарха воплощала противоречие между цивилизаторской риторикой и колониальной практикой. Одновременно журнал формировал представление о Великобритании как защитнице международного права, свободы торговли и гуманитарных норм. В работе отмечено, что гуманитарные требования соседствовали в еженедельнике с защитой торговых интересов Британии и не выходили за пределы колониальных представлений эпохи. Конголезский вопрос стал для издания спором о допустимых формах колониального управления и праве выступать от имени «цивилизации» в британской общественной дискуссии.

Ключевые слова: историческая имагология, периодическая печать, The Spectator, Независимое государство Конго, Леопольд II, колониализм, образ врага, общественное мнение

Для цитирования: Егоров И.А. Леопольд II и конголезский вопрос на страницах британского еженедельника «The Spectator» (1903-1905 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 223 – 229. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-223-229

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Leopold II and the Congolese question in the pages of the British weekly "The Spectator" (1903-1905)

¹ Egorov I.A.,

¹ Pskov State University

Abstract: the article is devoted to the formation of the image of Leopold II and the administration of the Congo Free State on the pages of the British weekly The Spectator in 1903-1905. The source base of the study consists of book reviews, leading articles, editorial notes, and letters from readers published in the publication. The author traces the evolution of the editorial stance – from assessments of varying tone to consistently sharp criticism of the Congolese regime. It has been shown that the report by the British diplomat Roger Casement provided an official

documentary basis for certain accusations, and the facts established by the commission of inquiry appointed by Leopold II himself made it possible to present violence and forced labour as consequences of the system of governance in the Congo. It has been established that the figure of the Belgian monarch embodied the contradiction between civilizing rhetoric and colonial practice. At the same time, the journal shaped the perception of Great Britain as a defender of international law, freedom of trade, and humanitarian norms. The work notes that humanitarian demands coexisted in the weekly with the protection of Britain's trade interests and did not go beyond the colonial notions of the era. The Congolese question became for the publication a dispute about the permissible forms of colonial governance and the right to speak on behalf of "civilization" in British public discourse.

Keywords: historical imagology, periodical press, The Spectator, the Congo Free State, Leopold II, colonialism, the image of the enemy, public opinion

For citation: Egorov I.A. *Leopold II and the Congolese question in the pages of the British weekly "The Spectator" (1903-1905).* Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 223 – 229. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-223-229

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Независимое государство Конго (НГК) или Свободное государство Конго возникло в 1885 г. на основе Международной ассоциации Конго после признания ее притязаний и принятия Генерального акта Берлинской конференции. Юридически оно не было бельгийской колонией, но находилось под личным суверенитетом бельгийского короля Леопольда II [18], а положение в этом владении к началу XX века стало одним из острых сюжетов международной повестки. Система принудительного сбора каучука, обеспечивавшая доходы администрации НГК, Леопольда II и концессионных компаний, держалась на вооруженном принуждении и сопровождалась массовым насилием над африканским населением. Кампания за реформу управления Конго, развернувшаяся в Великобритании, часто рассматривается как одна из первых современных международных гуманитарных кампаний и вместе с тем как эпизод имперского соперничества, в котором заметное место заняла периодическая печать.

В начале XX века информационное пространство становилось одним из полей идеологической борьбы, а пресса не только сообщала о событиях, но и задавала контекст, в рамках которого формировались общественные позиции и взгляды. Обращения к наглядным символам, эмоционально окрашенным нарративам и устойчивым клише позволяли выстраивать четкий образ врага в общественном сознании. Впоследствии полвека спустя именно эти инструменты создания образов и стереотипов стали широко применяться в условиях «холодной войны», когда массовая культура прочно вошла в арсенал информационного противоборства ведущих мировых держав [15].

Цель статьи заключается в характеристике образа Леопольда II и конголезской администрации, сложившегося на страницах еженедельника «The Spectator» в 1903-1905 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен активизацией британского общественного и парламентского обсуждения конголезского вопроса в 1903 г. и публикацией в ноябре 1905 г. доклада назначенной Леопольдом II Комиссии по расследованию, ставшего важной вехой в развитии кампании за реформы.

Материалы и методы исследований

Корпус исследования составили отдельные публикации, посвященные ситуации в Конго за 1903-1905 гг., в лондонском еженедельнике «The Spectator». Тираж издания превышал двадцать тысяч экземпляров, а сам журнал имел заметное влияние в политических и деловых кругах. Структура номера включала хронику «News of the Week», передовые статьи, книжные рецензии и письма читателей, что позволяет наблюдать в одном источнике редакционную позицию и вызванную ею полемику.

Автор комплексно подошел к решению поставленных задач, используя методы исторической имагологии [17] и качественного тематического анализа. Их применение позволило выявить основные темы и устойчивые представления, посредством которых на страницах издания формировался образ Леопольда II. Методологическим ориентиром послужил также накопленный опыт изучения образов иностранных держав в периодической печати начала XX века [21].

Результаты и обсуждения

В 1903-1905 гг. «The Spectator» регулярно обращался к положению в Конго, оценивая как действия администрации Леопольда II, так и доводы участников кампании за реформы. Первые из рассматриваемых материалов о Конго были опубликованы в разделе книжных рецензий, причем их тон заметно различался.

Отклик 28 февраля 1903 г. на книгу Э.Д. Мореля «Дела Западной Африки» содержал развернутую и резкую критику конголезских порядков [4]. К «неоспоримым фактам» журнал относил передачу огромной территории во имя гуманности и цивилизации под управление, фактически принадлежавшее королю бельгийцев, раздачу земель концессионным компаниям и закрепление обширного домена за сувереном. Африканское население было обязано сдавать продукты по назначенной цене, а отказ влек вмешательство войск. Итог этого порядка редакция формулировала предельно кратко: «Наказание за праздность есть увечье или смерть». Показательна при этом оценка британских перспектив. Редакция писала, что у Британии нет мотива действовать, поскольку «дело, которое касается всех, не является делом никого». Резкость описания соседствовала здесь с отказом от призыва к вмешательству. Рассуждая о французском Конго, журнал выражал надежду, что Франция, исправив отдельные вопросы в собственных владениях, охотнее возьмется за исправление «недостойного соседа» [4].

Рецензия 2 мая 1903 г. на работу Г.Р. Фокса Борна звучала сдержаннее. Журнал заявлял о стремлении к беспристрастности и не спешил с приговором до появления официальных данных, хотя и здесь администрация Конго была названа «анахронизмом среди правительств» [5].

Новый этап в освещении конголезского вопроса был связан с публикацией доклада Роджера Кейсмента, британского консула в Боме, ирландца по происхождению (будущего деятеля ирландского национально-освободительного движения). В 1903 г. Кейсмент по поручению Форин-офиса объехал каучуковые районы НГК. Его отчет, представленный парламенту в феврале 1904 г., стал наиболее весомым и систематизированным официальным подтверждением ранее выдвигавшихся в отношении НГК обвинений. Вместе с журналистом Э.Д. Морелем Кейсмент стоял у истоков созданной в марте 1904 г. в Ливерпуле Ассоциации реформ Конго (Congo Reform Association; также в литературе встречается название «Общество по проведению реформ в Конго») [3].

В мае 1904 г. журнал выразил поддержку Ассоциации и раскритиковал бельгийского генерального консула в Великобритании, который, защищая конголезскую администрацию, назвал доклад Кейсмента «клеветой» [6].

Развернутую квалификацию режима еженедельник дал в ноябре 1904 г. в рецензии на книгу Мореля «Правление короля Леопольда в Африке» [7]. Обвинение против НГК, писала редакция «The Spectator», складывалось постепенно и началось с «тревожного подозрения, что дела обстоят не совсем так, как следовало бы, во владениях того монарха, который начал свою колонизаторскую карьеру с исповедания всех добродетелей». Историю учреждения НГК журнал излагал как историю обманутых ожиданий. Берлинский акт 1885 г. превратил земли частной компании в государство под гарантией держав, отведя Леопольду II роль доверительного управляющего, а первоочередными целями провозглашались свободная торговля и «нравственное и материальное возрождение туземцев». Затем начались завоевательные войны, были введены натуральные налоги, взимавшиеся каучуком и слоновой костью, а страна оказалась поделена между монополистами. Редакция отмечала, что «все прежние благочестивые заверения были брошены на ветер», а правительство Конго предстало торговой корпорацией, ревливой к иностранной конкуренции и неразборчивой в погоне за богатством. Следствием такой экономики журнал называл «режим военного террора» и приводил следующие цифры: регулярная армия в двадцать тысяч человек с магазинными винтовками и почти пятнадцать тысяч солдат у концессионных трестов при общей численности белого населения в две тысячи четыреста человек [7].

Существенно, что солидарность с автором книги у журнала была не безоговорочной. Редакция считала книгу перегруженной подробностями и замечала, что она ценна «скорее как хранилище фактов, нежели как настоящий обвинительный акт, скорее как склад дробы, нежели как снаряд». Негодование автора, по мнению «The Spectator», побуждало его излишне пространно излагать злодеяния. Признавалось и то, что книга Мореля задумана как обвинение, а не как исследование всей работы государства, и что иные путешественники с восхищением отзывались о прокладке дорог и железнодорожных путей. При этом главный тезис автора о том, что преступления в Конго не являются ошибками отдельных чиновников и проистекают из «радикально порочных принципов в самом сердце администрации», еженедельник принимал полностью [7].

Осенью 1905 г. предметом борьбы стало право говорить от имени британского общества. На торжествах в Льеже 6 сентября сэр А. Роллит заявил, что большая часть британской нации считает сообщения о конголезских злодеяниях клеветой, а в отчете, распространявшемся британской секцией Льежской международ-

ной выставки, утверждалось, что британский посланник в Брюсселе сэр К. Фиппс первым заплотировал именно этим словам. Морель в письме в редакцию разобрал этот отчет и напомнил, что всего за неделю до названных торжеств тот же посланник получил от главы Форин-офиса лорда Лансдауна указание передать конголезскому правительству подготовленную Ассоциацией реформ Конго сводку новых сведений о бесчинствах [8]. В редакционной приписке «The Spectator» выражал сомнение в достоверности сообщения об аплодисментах, отмечая, что британский дипломат такого уровня не мог допустить подобной неосмотрительности. Вместе с тем редакция настаивала на ясном официальном опровержении со стороны британского правительства [8].

Кульминацией рассматриваемого периода стала передовая статья «The Congo Report» от 11 ноября 1905 г. [9]. Речь в ней шла о докладе международной комиссии по расследованию (Commission d'enquête), учрежденной указом Леопольда II от 23 июля 1904 г. под давлением международной критики. Согласно статье 5 указа, членам комиссии поручалось выяснить, совершались ли в отдельных частях НГК акты дурного обращения с туземцами со стороны частных лиц или агентов государства, и указать необходимые улучшения. Отметим, что международным был состав этого органа, а не его мандат. В комиссию вошли генеральный адвокат при Кассационном суде Бельгии Эдмон Жанссенс, исполняющий обязанности председателя апелляционного суда в Боме барон Джакомо Ниско и швейцарский юрист Эдмон де Шумахер [11]. Комиссия работала в Конго с октября 1904 по февраль 1905 г. и опросила несколько сотен свидетелей.

Доклад был опубликован в официальном бюллетене НГК в начале ноября 1905 г. [1]. Оценивая его выводы, редакция «The Spectator» обращала внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, по оценке журнала, комиссия была заведомо расположена к «государству-ответчику». Во-вторых, комиссары исходили из принципа, согласно которому принуждение африканцев к труду допустимо ради приобщения страны к «современной цивилизации». Тем веселее в глазах редакции выглядели выявленные комиссией факты, пересказанные в статье журнала: захват заложников (часто женщин), порка сборщиков каучука, практики компании ABIR, «пагубный институт» вооруженных туземных часовых, карательные экспедиции против деревень, не сдавших норму каучука и др. [9].

В интерпретации «The Spectator» доклад приобрел силу признания, исходившего от созданной самим Леопольдом комиссии, хотя итоговый документ был неоднозначен и допускал защитные прочтения. Предложенная журналом трактовка сразу стала опорной точкой дальнейшей полемики в следующем номере издания [10].

Реакцию редакции на предложенные комиссарами меры отличал скепсис. В изложении «The Spectator» основные рекомендации сводились к применению закона о сорока часах, упразднению системы вооруженных туземных часовых и регламентации военных экспедиций. Журнал признавал их уместными, но напоминал, что десятилетиями ранее уже учреждалась местная комиссия по улучшению положения, правда, как свидетельствовал доклад, ее работа не сильно изменила ситуацию. Свидетельские показания не были опубликованы вместе с докладом, и редакция настаивала на их обнаружении. Известие о назначении Леопольдом II новой комиссии для изучения выводов первой оценивалось так же скептически, а выход журнал видел в коллективных действиях европейских держав [9].

Сделанный еженедельником вывод о системном характере насилия в Конго согласуется с оценками, представленными в исторической литературе. В случаях неповиновения африканцев колониальные власти устраивали набеги на поселения и силой уводили трудоспособное население на сбор каучука. При этом нормы «повинностей» устанавливали произвольно, а за непокорность или невыполненную норму их могли покарать или убить [19].

Параллельно с образом режима НГК складывалось и представление журнала о самой Великобритании. Его центральным элементом был мотив ответственности за причастность к самому появлению этого государства. Среди обстоятельств, по выражению журнала, пробудивших национальную совесть, редакция называла «ужасающее дурное управление, за которое мы в известном смысле несем косвенную ответственность» [7]. НГК представало в изложении «The Spectator» порождением международного права, созданным при гарантиях держав, а поскольку Англия «столь сердечно содействовала его учреждению», она «несет моральную ответственность как попечитель» [7]. Отсюда вытекало не юридическое право, а скорее моральная необходимость вмешательства. НГК «было созданием Европы», и потому требовались коллективные действия европейских государств. Инициатива ожидалась от Великобритании, а назначение комиссии связывалось с давлением главы Форин-офиса лорда Лансдауна [9].

Важно отметить, что гуманитарная повестка не была изолирована от коммерческих интересов. Уже в феврале 1903 г., переходя к положению во французском Конго, редакция отмечала ущерб, нанесенный концессионной системой британским торговым домам, и заключала, что Британия «вдвойне обязана отста-

ивать британские права» [4]. Среди обстоятельств, сформировавших обвинение против НГК, журнал называл и убеждение европейского купечества в том, что «дверь в Конго закрыта для всякой законной торговли» [7]. Нарушение свободы торговли и насилие над африканцами перечислялись в одном ряду, что обнаруживает некую двусмысленность занятой позиции. Осуждая монополию, Великобритания защищала торговые интересы в регионе, а требуя соблюдения Берлинского акта, отстаивала порядок, который сама помогала устанавливать [4, 16]. Претензия Британии на роль внешнего нравственного арбитра при этом оставалась достаточно уязвимой. Собственная колониальная практика тех лет [13], от методов ведения англо-бурской войны [12] до ввоза китайских рабочих на рудники Трансвааля [20], давала оппонентам достаточно поводов для встречных упреков. Создаваемый редакцией образ защитника гуманитарных норм оставался в пределах колониальных и расовых представлений, характерных и для самого реформаторского движения [1, 2].

Конголезские материалы еженедельника показывают, как риторика цивилизаторской миссии оборачивалась уже против одного из ее носителей. Фигура нарушителя норм формировалась внутри сообщества «цивилизаторов», а не за его пределами, как это было с бурами в 1899-1902 гг. [14]. Бельгийский монарх, десятилетиями говоривший от имени прогресса и гуманности, изображался организатором системы принудительного труда, прикрытой цивилизаторским флагом. Показательно, что карательные походы против деревень, не сдавших норму каучука, в официальном докладе НГК описывались так, «как если бы они были экспедициями во вражескую страну». Конголезская администрация, оправдывавшая себя цивилизаторскими задачами, сама зачисляла подвластное население в разряд неприятеля. Именно это противоречие между провозглашенными целями и повседневной практикой режима «The Spectator» и стремился показать читателю.

Выводы

За три года конголезский вопрос прошел на страницах «The Spectator» путь от рецензий на книги, отличавшихся по тону, до устойчивой критической оценки сложившейся при Леопольде II системы управления в Конго. Эта трансформация образа и позиции не была полностью прямолинейной. Резкая критика в феврале 1903 года соседствовала с отказом от призывов к вмешательству, а поддержка реформаторов в мае 1904 года сопровождалась оговорками о возможных преувеличениях в рассказах о порядках в НГК. Доклад Кейсменнта придал обвинениям официальную документальную основу, а выводы назначенной Леопольдом II Комиссии по расследованию позволили редакции представить факты о злоупотреблениях как подтвержденные уже не только внешними критиками Конго.

Леопольд II изображался не только как нарушитель провозглашенных норм колониального управления. Его фигура служила своеобразным зеркалом, в котором «The Spectator» предлагал читателю увидеть Великобританию защитницей международного права, свободы торговли и гуманитарных принципов. Однако собственная колониальная практика делала эту позицию уязвимой, а соседство гуманитарных требований с защитой британских коммерческих интересов обнажало ее внутреннюю двойственность. Можно сказать, что речь шла не об отрицании колониализма как такового, а о споре за право определять допустимые формы колониального управления и выступать от имени «цивилизации».

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00480, <https://rscf.ru/project/25-18-00480/>

Список источников

1. Bevernage B. The Making of the Congo Question: Truth-Telling, Denial and 'Colonial Science' in King Leopold's Commission of Inquiry on the Rubber Atrocities in the Congo Free State (1904-1905) // *Rethinking History*. 2018. Vol. 22. No. 2. P. 203 – 238.
2. Lösing F. A 'Crisis of Whiteness' in the 'Heart of Darkness': Racism and the Congo Reform Movement. Bielefeld: Transcript Verlag, 2020. 396 p.
3. Morel E.D. E.D. Morel's History of the Congo Reform Movement / eds. Wm. R. Louis, J. Stengers. Oxford: Clarendon Press, 1968. 289 p.
4. The Spectator. 1903. № 3896. 28 February.
5. The Spectator. 1903. № 3905. 2 May.
6. The Spectator. 1904. № 3959. 14 May.
7. The Spectator. 1904. № 3985. 12 November.

8. The Spectator. 1905. № 4029. 16 September.
9. The Spectator. 1905. № 4037. 11 November.
10. The Spectator. 1905. № 4038. 18 November.
11. Vandenbogaerde S. "Une telle apathie est presque coupable": How in Belgium's Journal des tribunaux the Interest for the Congo Free State Sparked Off (1885-1908) // *Clio@Themis*. 2017. № 12. P. 1 – 15.
12. Англо-бурская война 1899-1902 годов: опыт и перспективы исследования: коллективная монография. М.: Институт Африки РАН, 2023. 372 с.
13. Егоров А.М., Егоров И.А. Административное устройство и система управления британских колоний в Вест-Индии // *Исторический бюллетень*. 2021. Т. 4. № 2. С. 117 – 122.
14. Егоров И.А. Образ "другого" в британской и российской периодической печати периода англо-бурской войны (1899-1902 гг.) // *Исторический бюллетень*. 2025. Т. 8. № 7. С. 55 – 60.
15. Егоров И.А., Егоров А.М. Образы "холодной войны" и их отражение в современной массовой культуре // *Метаморфозы истории*. 2025. № 36.
16. Медведик И.С. К вопросу об экономических интересах Великобритании в Западной Африке в конце XIX в. // *Современная научная мысль*. 2022. № 5. С. 73 – 78. DOI 10.24412/2308-264X-2022-5-73-78
17. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования "образа врага" (на материалах российской истории XX в.) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 54 – 72.
18. Сидоренко Л.В. Независимое государство Конго: к вопросу об образовании и эволюции бельгийского колониального государства // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2, История. 2010. Вып. 4. С. 77 – 83.
19. Сидорова Г.М. Колониальная политика Бельгии в XIX-XX вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 142 – 151. DOI 10.22363/2312-8127-2024-16-2-142-151
20. Фитуни О.Л. У истоков неокOLONIALИЗМА: эксплуатация принудительного труда китайских рабочих в Британском Трансваале // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2023. № 4. С. 77 – 92.
21. Фролов В.В. Образ США на страницах газеты "Русские ведомости" в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.) // *Исторический бюллетень*. 2026. Т. 9. № 4. С. 103 – 113. DOI 10.58224/2658-5685-2026-9-4-103-113

References

1. Bevernage B. The Making of the Congo Question: Truth-Telling, Denial and 'Colonial Science' in King Leopold's Commission of Inquiry on the Rubber Atrocities in the Congo Free State (1904-1905). *Rethinking History*. 2018. Vol. 22.No. 2. P. 203 – 238.
2. Lösing F. A 'Crisis of Whiteness' in the 'Heart of Darkness': Racism and the Congo Reform Movement. Bielefeld: Transcript Verlag, 2020. 396 p.
3. Morel E.D. E.D. Morel's History of the Congo Reform Movement. eds. Wm. R. Louis, J. Stengers. Oxford: Clarendon Press, 1968. 289 p.
4. The Spectator. 1903. No. 3896. 28 February.
5. The Spectator. 1903. No. 3905. 2 May.
6. The Spectator. 1904. No. 3959. 14 May.
7. The Spectator. 1904. No. 3985. 12 November.
8. The Spectator. 1905. No. 4029. 16 September.
9. The Spectator. 1905. No. 4037. 11 November.
10. The Spectator. 1905. No. 4038. 18 November.
11. Vandenbogaerde S. "Apathy is Most Coupable": How in Belgium's Journal des Tribunaux the Interest for the Congo Free State Sparked Off (1885-1908). *Clio@Themis*. 2017. No. 12. P. 1 – 15.
12. The Anglo-Boer War of 1899-1902: Experience and Research Prospects: A Collective Monograph. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. 372 p.
13. Egorov A.M., Egorov I.A. Administrative Structure and Management System of the British Colonies in the West Indies. *Historical Bulletin*. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 117 – 122.
14. Egorov I.A. The Image of the "Other" in the British and Russian Periodicals during the Anglo-Boer War (1899-1902). *Historical Bulletin*. 2025. Vol. 8. No. 7. P. 55 – 60.
15. Egorov I.A., Egorov A.M. Images of the "Cold War" and Their Reflection in Modern Mass Culture. *Meta-morphoses of History*. 2025. No. 36.

16. Medvedik I.S. On the Issue of Great Britain's Economic Interests in West Africa at the End of the 19th Century. *Modern Scientific Thought*. 2022. No. 5. P. 73 – 78. DOI 10.24412/2308-264X-2022-5-73-78
17. Senyavsky A.S., Senyavskaya E.S. Historical Imagology and the Problem of Formation of the "Image of the Enemy" (Based on the Materials of Russian History of the 20th Century). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2006. No. 2 (6). P. 54 – 72.
18. Sidorenko L.V. Independent State of the Congo: On the Formation and Evolution of the Belgian Colonial State. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2, History*. 2010. Issue 4. P. 77 – 83.
19. Sidorova G.M. Colonial Policy of Belgium in the 19th-20th Centuries. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History*. 2024. Vol. 16. No. 2. P. 142 – 151. DOI 10.22363/2312-8127-2024-16-2-142-151
20. Fituni O.L. At the Origins of Neocolonialism: Exploitation of Forced Labor of Chinese Laborers in the British Transvaal. *Scientific Notes of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 4. P. 77 – 92.
21. Frolov V.V. The Image of the United States on the Pages of the *Russkie Vedomosti* Newspaper During the Russo-Japanese War (1904-1905). *Historical Bulletin*. 2026. Vol. 9. No. 4. P. 103 – 113. DOI 10.58224/2658-5685-2026-9-4-103-113

Информация об авторе

Егоров И.А., научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности», ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0400-9446>, Псковский государственный университет, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, tribunus.laticlavus@mail.ru

© Егоров И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.25

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-230-237

Документальная ценность и современные пути освоения Харбинского литературного архива русского зарубежья в цифровой перспективе

¹ Ван Линлин,

¹ Ли Дунъян,

¹ Лю Лися,

¹ Цицикарский университет, Китай

Аннотация: введение: харбинский литературный архив русского зарубежья – уникальное наследие памяти, оставленное пересечением китайской и русской культур в первой половине XX в. Материалы (русскоязычные рукописи, старые периодические издания, эпистолярное наследие) долгое время были рассредоточены по разным хранилищам; физическое старение, недостаточная систематизация каталогов и языковой барьер затрудняют их эффективное использование. В настоящей статье рассматривается, каким образом цифровизация способна вновь актуализировать ценность данного архива; предлагается путь преобразования от текстуализации и семантической разметки к построению графов знаний, а также обсуждаются направления применения: интеллектуальные каталогизационные платформы, иммерсивный цифровой нарратив и межведомственное координационное обеспечение.

В первой половине XX в. Харбин стал одним из важнейших культурных центров русской эмиграции на Дальнем Востоке, где сформировалась значительная литературная и архивная база русской эмиграции. Русскоязычные рукописи, периодические издания, письма и дневники в настоящее время рассредоточены по библиотекам, архивам и частным собраниям разных стран. Физическое старение, отсутствие единых стандартов каталогизации и языковой барьер привели к тому, что эти материалы остаются малодоступными для поиска и использования.

Результаты исследования. Полученные результаты могут быть полезными для цифрового освоения Харбинского литературного архива русского зарубежья, создания платформ интеллектуальной каталогизации и открытых данных, разработки иммерсивных культурных проектов с использованием VR и AR, а также для организации межведомственного и междисциплинарного взаимодействия и совершенствования механизмов правового и организационного обеспечения.

Выводы. В результате исследования были рассмотрены основные направления цифрового освоения Харбинского литературного архива русского зарубежья. Особое внимание уделено созданию платформы интеллектуальной каталогизации и управления ресурсами на основе модели «человек в контуре», а также платформы открытых данных для публики и учёных. Были предложены пути культурной коммуникации архива посредством иммерсивных медиа, VR и AR, а также определены механизмы межведомственного и междисциплинарного взаимодействия, правового и организационного обеспечения. Сделан вывод о необходимости сочетания интеллектуального управления, коллективного участия и соблюдения этических границ для устойчивого цифрового освоения архивного наследия.

Ключевые слова: харбинский литературный архив русского зарубежья; цифровое освоение; граф знаний; управление на основе данных; цифровые гуманитарные науки

Для цитирования: Ван Линлин, Ли Дунъян, Лю Лися Документальная ценность и современные пути освоения Харбинского литературного архива русского зарубежья в цифровой перспективе // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 230 – 237. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-230-237

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; *Одобрена после рецензирования:* 17 августа, 2026 г.; *Принята к публикации:* 26 сентября 2026 г.

The documentary value and contemporary development pathways of the Harbin Literary Archive of the Russian Diaspora from the perspective of digitization

¹ Wang Lingling,
¹ Li Dongyang,
¹ Liu Lixia,
¹ Qiqihar University, China

Abstract: introduction: the Harbin Literary Archive of the Russian Diaspora is a unique legacy of memory left by the intersection of Chinese and Russian cultures in the first half of the 20th century. The materials (Russian-language manuscripts, old periodicals, and epistolary heritage) have long been dispersed across various repositories; physical deterioration, insufficient systematization of catalogs, and the language barrier hinder their effective use. This article examines how digitalization can re-actualize the value of this archive; it proposes a transformation path from textualization and semantic markup to the construction of knowledge graphs, and also discusses application directions such as intelligent cataloging platforms, immersive digital narrative, and interdepartmental coordination support.

In the first half of the 20th century, Harbin became one of the most important cultural centers of the Russian émigré community in the Far East, where a significant literary and archival heritage of Russian emigration was formed. Russian-language manuscripts, periodicals, letters, and diaries are currently dispersed among libraries, archives, and private collections in different countries. Physical deterioration, the lack of unified cataloging standards, and the language barrier have made these materials difficult to search and access.

Research results. The results obtained may be useful for the digital development of the Harbin Literary Archive of the Russian Diaspora, the creation of intelligent cataloging and open data platforms, the development of immersive cultural projects using VR and AR, as well as for organizing interdepartmental and interdisciplinary cooperation and improving legal and organizational support mechanisms.

Conclusions. As a result of the study, the main directions for the digital development of the Harbin Literary Archive of the Russian Diaspora were examined. Particular attention was paid to the creation of an intelligent cataloging and resource management platform based on the “human-in-the-loop” model, as well as an open data platform for the public and researchers. Approaches to the cultural communication of the archive through immersive media, VR, and AR were proposed, and mechanisms for interdepartmental and interdisciplinary cooperation, as well as legal and organizational support, were identified. The study concludes that the sustainable digital development of archival heritage requires a combination of intelligent management, collective participation, and respect for ethical boundaries.

Keywords: the Harbin Literary Archive of the Russian Diaspora; digital development; knowledge graph; datafication; digital humanities

For citation: Wang Lingling, Li Dongyang, Liu Lixia *The documentary value and contemporary development pathways of the Harbin Literary Archive of the Russian Diaspora from the perspective of digitization. Historical Bulletin.* 2026. 9 (6). P. 230 – 237. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-230-237

The article was submitted: July 20, 2026; *Approved after reviewing:* August 17, 2026; *Accepted for publication:* September 26, 2026.

Введение

В первой половине XX в. Харбин постепенно превратился в один из важнейших культурных центров русской эмиграции на Дальнем Востоке. Здесь в условиях рассеяния жило и творило целое поколение писателей и поэтов-эмигрантов, оставивших значительный по объёму и содержательный по насыщенности литературный архив. Как отмечает Цзяо Чэнь, «Харбин, будучи центром восточной эмиграции, в 20-30-е гг., хотя и не имел таких крупных писателей, как на Западе, отличался чрезвычайно активной литературной жизнью; харбинские писатели и поэты внесли свой вклад в русскую литературу» [8]. По литературной репутации Харбин, возможно, уступал Парижу, однако интенсивность литературной деятельности и самобытность творчества превратили его в незаменимый восточный опорный пункт на карте литературы русского зарубежья. Эти архивные материалы, основными носителями которых служат русскоязычные рукописи, старые периодические издания, письма и дневники, в настоящее время рассредоточены по библиотекам, архивам и частным собраниям Китая, России, США, Австралии и других стран. Физическое старение, отсутствие единых стандартов каталогизации и языковой барьер – совокупность этих трёх проблем привела к тому, что материалы долгое время пребывали в забвении в хранилищах, оставаясь малодоступными для поиска и использования.

С развитием национальной стратегии цифровизации культуры и инициативы «Искусственный интеллект +» актуальным становится вопрос: каким образом с помощью цифровых инструментов вновь активизировать этот архив, превратив его из статичного объекта хранения в вычислимый, связываемый и многократно используемый интеллектуальный ресурс. В марте 2026 г. были официально опубликованы «Основные положения 15-го пятилетнего плана», в которых впервые был включён пункт «усиление охраны архивного документального наследия»; в документе подчёркивается, что архивное наследие оберегает корни цивилизации и укрепляет культурную идентичность. Как отмечал М. Хальбвакс в работе «Коллективная память», социальное конструирование памяти опирается на двойную поддержку – материальных носителей и знаковых систем, и именно архивное документальное наследие выступает материальной основой такой двойной опоры [7].

С точки зрения архивоведения, эти материалы представляют собой прежде всего незаменимые свидетельства. Они фиксировали условия существования, духовный мир и литературную практику русской эмигрантской общины в Китае в первой половине XX в. Пожелтевшие автографы, грубо отпечатанные на мимеографе самиздатовские журналы – эти носители сами являются частью истории и предоставляют наиболее конкретные материальные доказательства опыта конкретной группы, который легко может быть поглощён большими нарративами. Именно поэтому архив способен конструировать коллективную память и формировать культурную идентичность. Харбинский литературный архив русского зарубежья принадлежит не только истории русской литературы за рубежом, но и городу Харбину, и той памяти о переплетении и сосуществовании множества культур в процессе модернизации всей Северо-Восточной Азии.

Ещё более примечательным является то, что данный архив выступает также в роли культурного медиатора. Ли Яньлин охарактеризовал харбинскую литературу русского зарубежья как «китайско-русскую синкретическую литературу (кит. 中俄合璧文学)» и отметил, что в целом она является «продолжением Серебряного века» [5], точно выявив двойную культурную природу этого архива. На материальных носителях литературы рассеяния запечатлены сдвиги в эмоциональном состоянии русской эмигрантской интеллигенции, вызванные встречей с китайской культурой и приспособлением к восточной среде. В стихах А.И. Несмелова волны Сунгари перекликаются с колокольным звоном православного собора; в произведениях В.Ф. Перелешина уличные сцены Даоли и выкрики китайских уличных торговцев становятся звуковым фоном его поэзии. Эти тексты несут в себе столкновение, понимание, непонимание и слияние двух гетерогенных культур в конкретном времени и пространстве. Порождаемые литературные образы отличаются как от чистых русских традиций, так и от собственно китайских выразительных средств. Таким образом, интерпретационное пространство этого архива выходит далеко за рамки одной лишь истории литературы. Кросс-культурные исследования, постколониальная критика, дискуссии о культурной идентичности в эпоху глобализации – всё это может найти в нём образцы для анализа. Ли Фэнжуй и другие учёные выделяют в процессе цифровой трансформации архивов Китая три этапа: этап технологического внедрения, этап системной реконструкции и этап формирования экосистемы. Цифровизация Харбинского литературного архива русского зарубежья находится в точке перехода от системной реконструкции к формированию экосистемы, что требует уже не просто технологической модернизации отдельных учреждений, а интеграции ресурсов и реорганизации знаний в межрегиональном и межкультурном масштабе [3].

Харбинский литературный архив русского зарубежья отличается не только содержательным богатством, но и значительным объёмом документов. Согласно исследованию Жун Цзе, только в период с 1901 по 1926 гг. в Харбине издавался 141 русскоязычный журнал, из которых 34 были связаны с литературой и искусством; вкупе с десятками газет и издательств это привело к накоплению жанрово разнообразного и количественно огромного литературного архива [2]. Физическая форма носителей архива отличается сложностью и хрупкостью. Бумага различной фактуры и формата, чернильные рукописи, подверженные выцветанию и расплыванию, оттиски ранних пишущих машинок неравномерной чёткости, мимеографические оттиски с размытым шрифтом – всё это перемежается фотографиями, открытками и газетными вырезками. Данные предметы, пережившие почти столетие, предъявляют высокие требования к оптическому разрешению, цветопередаче и отсутствию повреждений при освещении в процессе цифрового сбора; малейшая неосторожность способна нанести необратимый ущерб оригиналам.

Более важной задачей является преобразование изображений в редактируемый и доступный для поиска текст. Рукописный русский текст с ярко выраженной индивидуальной манерой, а также смешивающиеся в дневниках и письмах китайские, английские и японские слова делают стандартные технологии распознавания неэффективными. Выцветание чернил, загрязнения страниц усложняют распознавание. Это отличается от распознавания печатного текста и требует решения комплексных задач, таких как анализ сложной вёрстки и многоязычное смешанное распознавание.

Выявляемость на уровне содержания также представляет собой вызов. Ранняя каталогизация была грубой, стандарты разных учреждений различались; множественность источников хранения и поступлений партиями обусловила разнородность метаданных. Часть архивных единиц снабжена лишь заглавием и датой, некоторые идентифицированы только на русском языке или имеют приблизительное описание категории на китайском. Ключевые точки доступа – имена лиц, географические названия, жанры и темы – в основном отсутствуют, что лишает исследователей возможности быстро локализовать целевые материалы в межфондовых массивах.

Управление архивом было заключено в рамки системы двойного хранения. Цифровая трансформация сводилась к сканированию архивов и сохранению в виде изображений. Подход, ориентированный на хранение в ущерб использованию, представлял собой цифровизацию по форме, не приводя к активизации содержания. Архив редуцировался до объекта хранения, версия становилась субституту носителя, а содержание оставалось запертым в изображении, не поддаваясь вычислениям. Переход от цифровизации к датафикации предполагает смену объекта – с «документоцентричного» на «датацентричный». Для компьютера электронное изображение – комбинация пикселей; имена, названия, события и отношения недоступны. Цель управления на основе данных – превращение изображений, текстов и единиц знания в данные, читаемые и обрабатываемые машиной. Архив не должен рассматриваться лишь как документ – он представляет собой интеллектуальное месторождение данных. Лишь глубинная разработка и очистка позволяют превратить изолированную и фрагментированную информацию в единицы знания, открывая возможности для исследований и культурной коммуникации.

После того как были прояснены документальная ценность архива и трудности управления им, становится очевидным и направление когнитивной трансформации в сторону управления на основе данных. Далее необходимо на техническом уровне систематически разрабатывать и очищать это месторождение знаний. Преобразование знаний и семантическая реконструкция, соединяющие исходное состояние архива с интеллектуальными приложениями, призваны трансформировать неструктурированную и гетерогенную исходную архивную информацию в структурированные знания.

Материалы и методы исследований

Применительно к Харбинскому литературному архиву русского зарубежья универсальные решения по распознаванию текста едва ли могут быть использованы напрямую; требуется переход к целенаправленным методам. Априорные знания – таблицы русско-китайских транслитераций первой половины XX в., база топонимов и названий учреждений Харбина, словарь псевдонимов и персоналий русской эмиграции – могут быть интегрированы в процесс распознавания. Это позволяет корректировать отклонения при распознавании витиеватого почерка, выцветшего текста и многоязычного содержания, повышая точность идентификации имён, названий и терминов. На данной основе осуществляется семантическая разметка: распознаются и аннотируются лица, организации, места и даты, затем реконструируются отношения между ними – публикации, переписка, принадлежность. Процесс должен следовать принципу провенанса, гарантируя, что информация о сущностях всегда может быть прослежена до исходного дела, что позволяет исследователям возвращаться к оригинальному тексту для верификации. Предложенная Ли Цзюньхао и Ци

Тяньцзяо концепция «Коллекция как данные» акцентирует слияние и обогащение метаданных на этапах подготовки и построения данных, что непосредственно соответствует ключевым задачам текстуализации и семантической разметки литературного архива русской эмиграции [4].

После завершения семантической разметки документа необходимо на уровне коллекции организовать метаданные из различных источников и форматов в единую сеть знаний. Харбинский литературный архив русского зарубежья рассредоточен по разным учреждениям, стандарты метаданных в которых неодинаковы, что привело к образованию изолированных массивов данных. Традиционный межфондовый поиск из-за несогласованности форм и глубины индексирования демонстрирует низкие показатели полноты и точности. В связи с этим необходимо разработать унифицированный, расширяемый и совместимый профиль метаданных. Важным шагом является переход к модели связанных данных, предполагающей абстрагирование и онтологизацию элементов метаданных – лиц, мест, событий, времени, предметов и тем – с присвоением им стабильных идентификаторов, что позволит связать их с внешними авторитетными данными. Только так изолированные записи могут быть преобразованы в открытые узлы знаний, способные быть обнаруженными, агрегированными и связанными глобальной инфраструктурой.

На основе семантической разметки и связанных данных может быть построен граф знаний по харбинской литературе русского зарубежья, интегрирующий разрозненные отношения в семантическую сеть, способную к логическому выводу. Граф знаний позволяет автоматически агрегировать разноплановую информацию и очерчивать более масштабную и детализированную сеть межличностных отношений. Так, могут быть наглядно представлены контакты членов литературного кружка «Чураевка» во главе с А.И. Несмеловым с находившимися в Париже И.А. Бунинным и А.И. Куприным, а также траектории их взаимодействия с харбинскими китайскими литературными кругами и западными синологами. Данная сеть не только выявляет эксплицитную институциональную принадлежность, но и помогает обнаруживать имплицитные интертекстуальные и полемические связи, обеспечивая тем самым опору для понимания властной структуры и течения идей в литературном поле. Одновременно с этим зафиксированные в архиве многочисленные места литературных событий могут быть точно спроецированы на историческую карту, что способствует исследованию того, каким образом городское пространство формировало литературное воображение писателей. Разумеется, построение графа знаний невозможно без онтологического моделирования, осуществляемого при глубоком участии экспертов в предметной области; его понятийная система и семантические отношения должны точно соответствовать культурной ткани литературы русской эмиграции, и недопустимо механическое применение универсальной литературной онтологии.

Результаты и обсуждения

Преобразование и реконструкция знаний должны служить конкретным прикладным сценариям, только в этом случае современная ценность архива может быть по-настоящему активирована и стать общественным достоянием. Работа по освоению должна синхронно продвигаться на трёх уровнях – инфраструктурном, публичной культурной коммуникации и обеспечительных механизмов, – формируя устойчивый путь, сочетающий интеллектуальное управление с коллективным участием и обладающий как инновационной энергией, так и соблюдением этических границ.

Инфраструктурное строительство является первостепенной задачей. Оптимальный путь заключается в создании платформы интеллектуальной каталогизации и управления ресурсами на основе модели «человек в контуре» (human-in-the-loop), т.е. в органичном соединении способностей искусственного интеллекта к автоматизированной обработке с экспертными знаниями специалистов в предметной области, что формирует замкнутый рабочий процесс по принципу «предложение ИИ – экспертная проверка – оптимизация обратной связи». На первом этапе интеллектуальная модель осуществляет предварительную обработку вновь поступающих оцифрованных архивных материалов, автоматически генерируя предложения по метаданным; на втором этапе архивисты, исследователи русской литературы или историки проводят проверку, корректировку и углубление: выявляют ошибочные имена, дополняют суждения о жанрово-стилистических характеристиках или привязывают письма к известным историческим событиям. Скорректированные экспертами высококачественные данные затем возвращаются в модель, что позволяет ей непрерывно оптимизироваться в процессе итеративного обучения. Как показывает сравнительное исследование стратегических планов национальных архивов разных стран, искусственный интеллект в стратегическом планировании повсеместно позиционируется как инструмент усиления способностей, а не как замещающий субъект принятия решений, и его внедрение должно сочетать наращивание потенциала с контролем рисков [1]. Основанный на подобной управленческой ориентации дизайн модели «человек в контуре»,

повышая эффективность и глубину каталогизации, одновременно сохраняет незаменимую позицию экспертов-людей в ценностных суждениях и понимании контекста.

На данной основе следующим шагом становится построение платформы открытых данных, ориентированной на публику и учёных. Данная платформа должна представлять собой центр обслуживания данными. При соблюдении авторских прав и защиты приватности метаданные и часть полнотекстовых данных могут быть опубликованы в открытом доступе; должны быть предоставлены стандартизированные интерфейсы передачи данных (API), поддерживающие исследователей в выгрузке данных и разработке приложений. Создание платформы позволит перевести модель использования архива из режима пассивного ожидания запросов в режим активного наделяния инновационным потенциалом.

Богатое историко-культурное содержание Харбинского литературного архива русского зарубежья должно стать достоянием широкой публики, превратившись в источник, питающий культурную идентичность и эстетический опыт современного общества. Иммерсивный нарратив и культурная коммуникация представляют собой обладающий потенциалом путь. При помощи иммерсивных медиа, таких как VR и AR, абстрактная архивная информация может быть преобразована в чувственно воспринимаемый культурный опыт, что позволяет навести эмоциональный мост между публикой и историей. Например, возможна разработка VR-опыта «Сквозь Харбин 1920 года», позволяющего пользователю в восстановленной среде Харбина 1920-х гг. прикоснуться к литературной памяти, инициировать в отеле «Модерн» сцену беседы А.И. Несмелова с поэтами; или проектирование интерактивной экскурсии «Литературная карта» на основе AR, позволяющей туристу видеть через мобильное устройство наложенные исторические изображения и активировать чтение фрагментов произведений и ознакомление с биографией писателей. Организация мультимедийных выставок цифрового нарратива, посвящённых теме «ностальгия изгнанников», также способна объединить рассредоточенные рукописи и фотографии в повествования. Общим для всех этих путей является то, что они позволяют архиву стать живым медиумом, рассказывающим истории города и транслирующим тепло культуры, реализуя цель интеграции культуры и туризма.

Освоение Харбинского литературного архива русского зарубежья, являясь междзыковым, междоместным и междисциплинарным, отличается высокой степенью сложности, что требует наличия устойчивого обеспечительного механизма для минимизации рисков. Архивохранилища предоставляют ресурсное обеспечение и институциональные интерфейсы, университеты и исследовательские центры вносят экспертные знания в области лингвистики, литературоведения и истории, технологические компании отвечают за разработку и итеративное обновление, а государственные органы культуры и туризма и публичные медиа берут на себя задачу распространения результатов и расширения их применения. В рамках этих коллабораций необходимо заблаговременно спланировать распределение прав и обязанностей и установить этические границы. Авторское право представляет собой первостепенное правовое препятствие: многие архивные документы созданы сравнительно недавно и всё ещё находятся в периоде действия охраны, поэтому для их цифрового распространения необходимо предварительное получение разрешения правообладателей. Одновременно с этим следует проявлять бдительность в отношении глубинных рисков, порождаемых самими технологиями. Как отмечается в ряде исследований, широкое применение искусственного интеллекта в охране культурного наследия может привести к постепенному формированию у человека технологической зависимости и, как следствие, к ослаблению собственной субъектности в гуманитарных ценностных суждениях [6]. Принимая новые медиа, необходимо интериоризировать заботу о гуманитарных ценностях во все стадии разработки: внедрять механизмы объяснимости в алгоритмы рекомендаций и генерации нарративов, а через дизайн иммерсивного опыта направлять аудиторию к вчитыванию в аутентичность архива.

На уровне организационного обеспечения возможна привязка платформы цифрового архива к исследовательским проектам государственного и регионального уровня для получения финансирования и академической поддержки, а также включение услуг цифрового архива в локальную систему публичного культурного обслуживания для достижения нормализованного бюджетного обеспечения. При соблюдении общественно полезного характера возможно исследование ограниченных путей коммерциализации, таких как лицензирование IP и разработка культурно-креативной продукции, для повышения способности к самофинансированию. Лишь при выстроенных механизмах координации, этики и операционного управления цифровое освоение Харбинского литературного архива русского зарубежья сможет двигаться устойчиво и далеко, превратившись в проект культурной памяти, приносящий пользу современникам и сохраняемый для будущих поколений.

Выводы

Таким образом, Харбинский литературный архив русского зарубежья представляет собой невозобновляемое наследие памяти и уникальный культурный медиатор. Активизация его ценности требует последовательного продвижения от цифровизации физических носителей к датафикации содержания знаний, а затем к интеллектуализации семантических связей. Глубокая текстуализация, семантическая разметка и построение графов знаний позволяют превратить фрагментированную информацию в вычисляемые и связываемые знания. На этой основе интеллектуальная платформа с моделью «человек в контуре» способна поддерживать глубокие исследования, иммерсивный цифровой нарратив позволяет рассказывать истории широкой публике, а механизмы межведомственного сотрудничества консолидируют усилия различных сторон, обеспечивая выход результатов знаний в сферу академических исследований и массовой коммуникации. Однако необходимо сохранять осмоторность: технологическая зависимость и сенсорное отчуждение способны нивелировать ценностные суждения человека. Цифровое освоение должно неизменно ориентироваться на гуманитарные ценности, сохраняя трезвое осознание баланса между технологическим расширением возможностей и преемственностью ценностей.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Планового проекта по философским и социальным наукам провинции Хэйлунцзян, Китай, проект № 25WWB003 «Исследование цифровой систематизации и создания базы данных Харбинского литературного архива русского зарубежья»

Список источников

1. Ван Сянньюй, Ван Чжансюэ Внедрение искусственного интеллекта в стратегическое планирование национальных архивов: международный опыт и его значение для архивного дела Китая в период 15-й пятилетки // Архивы и строительство. 2026. № 3. С. 58 – 65.
2. Жун Цзе Харбинская литература русского зарубежья // Исследования иностранных языков. 2002. № 3. С. 45 – 50.
3. Ли Фэнжуй, Чжан Вэйдун, Вэн Хуэйцюань. Исследование эволюционного механизма, теоретического осмысления и концептуальной рамки цифровой трансформации архивов // Архивоведческие исследования. 2025. № 6. С. 34 – 42.
4. Ли Цзюньхао, Ци Тяньцзяо «Коллекция как данные»: датафикация коллекций GLAM в условиях вычислительной парадигмы // Журнал Китайской библиотечной науки. С. 1 – 20 [2026-07-21]. URL: <https://link.cnki.net/urlid/11.2746.G2.20251208.0835.002>
5. Ли Яньлин. О литературе Серебряного века русского зарубежья в Харбине [J] // Русская литература и искусство. 2011. № 3. С. 74 – 79.
6. Лю Чжэньян, Ян Цуйся. Смена парадигмы и управление рисками в цифровой охране культурного наследия под воздействием искусственного интеллекта // Академические исследования. 2026. № 2. С. 113 – 120.
7. Тань Биюн, Ван Итин Ценность памяти и пути активизации архивного документального наследия в контексте цифровых гуманитарных наук // Китайские архивы. 2026. № 3. С. 16 – 18.
8. Цзяо Чэнь Русская эмигрантская литература в Харбине (1920-1930). Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2000. 7 с.

References

1. Wang Xiangnü, Wang Zhangxue Implementation of Artificial Intelligence in Strategic Planning of National Archives: International Experience and Its Significance for China's Archival Affairs during the 15th Five-Year Plan Period. Archives and Construction. 2026. No. 3. P. 58 – 65.
2. Rong Jie Harbin Literature of the Russian Diaspora. Foreign Language Studies. 2002. No. 3. P. 45 – 50.
3. Li Fengrui, Zhang Weidong, Wen Huiquan A Study on the Evolutionary Mechanism, Theoretical Understanding, and Conceptual Framework of Digital Transformation of Archives. Archival Studies. 2025. No. 6. P. 34 – 42.
4. Li Junhao, Qi Tianjiao "Collection as Data": Datafication of GLAM Collections in the Context of the Computational Paradigm. Journal of Chinese Library Science. P. 1 – 20 [2026-07-21]. URL: <https://link.cnki.net/urlid/11.2746.G2.20251208.0835.002>
5. Li Yanling. On the Literature of the Silver Age of Russian Abroad in Harbin. Russian Literature and Art. 2011. No. 3. P. 74 – 79.

6. Liu Zhengyang, Yang Cuixia Paradigm Shift and Risk Management in Digital Protection of Cultural Heritage under the Impact of Artificial Intelligence. Academic Research. 2026. No. 2. P. 113 – 120.

7. Tan Biyun, Wang Yiting The Value of Memory and Ways to Activate Archival Documentary Heritage in the Context of Digital Humanities. Chinese Archives. 2026. No. 3. P. 16 – 18.

8. Jiao Chen Russian Emigrant Literature in Harbin (1920-1930). Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 2000. 7 p.

Информация об авторах

Ван Линлин, профессор, Цицикарский университет, Китай, 672774985@qq.com

Ли Дунъян, аспирант, Цицикарский университет, Китай, lidongyang20010102@foxmail.com

Лю Лися, доцент, Цицикарский университет, Китай, 2079926671@qq.com

© Ван Линлин, Ли Дунъян, Лю Лися, 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 93/94 + 356/358 + 623.442.45

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-238-246

«Автоматы» по В.Г. Федорову в СССР 1920-х годов

¹ Новиков М.С.,

¹ Омский государственный технический университет

Аннотация: целью статьи является рассмотрение деятельности советских военных, управленцев и конструкторов в 1920-х гг., по разработке и производству индивидуального оружия высокого огневого могущества – «автомата». Задачами стало определение термина «автомат» у В.Г. Федорова, соотношения его с терминами «самозарядная винтовка», «автоматическая винтовка» и «ручной пулемет», определение степени планируемой оснащённости красноармейцев «автоматами» и проблемы его применения, выявление причин ограниченного производства «автоматов» по В.Г. Федорову в СССР. В статье будут рассмотрены варианты «автоматов» предложенные В.Г. Федоровым и Ф.В. Токаревым, обозначены причины постепенного отказа от них в пользу «самозарядных винтовок» и «ручных пулеметов». Для достижения объективности исследования автор рассматривает процесс развития «автоматов» по В.Г. Федорову в Британской империи, Соединенных Штатах Америки, Королевстве Дания в 1920-е гг. При написании статьи автор обращается к широкому кругу источников, среди которых: делопроизводственная документация, литература о развитии стрелкового оружия 1920-1930-х гг. и 2010-2020-х гг., публикации Высшей аттестационной комиссии и Российского индекса научного цитирования.

Ключевые слова: самозарядная винтовка, автоматическая винтовка, автомат, ручной пулемет, советские конструкторы оружия, межвоенный период, оборонная промышленность

Для цитирования: Новиков М.С. «Автоматы» по В.Г. Федорову в СССР 1920-х годов // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 238 – 246. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-238-246

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

«Assault rifles» according to V.G. Fedorov in the USSR in the 1920s

¹ Novikov M.S.,

¹ Omsk State Technical University

Abstract: the purpose of the article is to examine the activities of soviet military personnel, managers, and designers in the 1920s related to the development and production of individual weapons with high firepower – the «assault rifle». The tasks were to define the term «assault rifle» as used by V.G. Fedorov, to establish its relationship with the terms «semi-automatic rifle», «automatic rifle» and «light machine gun» to determine the extent to which Red Army soldiers were planned to be equipped with automatic weapons and the problems associated with their use, and to identify the reasons for the limited production of automatic weapons in the USSR according to V.G. Fedorov. The article will examine the variants of «assault rifle» proposed by V.G. Fedorov and F.V. Tokarev, as well as the reasons for the gradual abandonment of these weapons in favor of «semi-automatic rifle» and «light machine guns». To ensure the objectivity of the study, the author examines the development of «assault rifle» according to V.G. Fedorov in the British Empire, the United States of America, and the Kingdom of Denmark in the 1920s. When writing the article, the author refers to a wide range of sources, including: office documentation, liter-

ature on the development of small arms in the 1920s–1930s and 2010s–2020s, publications by the Higher Attestation Commission, and the Russian Science Citation Index.

Keywords: semi-automatic rifle, automatic rifle, assault rifle, light machine gun, soviet weapon designers, Interbellum, defense industry

For citation: Novikov M.S. «Assault rifles» according to V.G. Fedorov in the USSR in the 1920s. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 238 – 246. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-238-246

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

1920-е гг. были периодом существенного роста насыщенности вооруженных сил автоматическим и самозарядным стрелковым оружием, чему способствовал в том числе опыт Первой Мировой войны (ПМВ). Интерес представлял процесс роста интереса к ручному автоматическому стрелковому оружию, такому как пистолеты-пулеметы (ПП), самозарядные винтовки (СВ) и автоматические винтовки (АВ). В Российской Империи (РИ) и Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) во многом появление и производство СВ и АВ связывается с личностью имперского, а затем советского конструктора стрелкового оружия В.Г. Федорова. С творчеством которого безотрывно связан термин «автомат» в том определении, которое имело место в 1920-х гг.

В статье рассматриваются перипетии разработки и производства «автоматов» в СССР, причины временного отказа от них в пользу РП, а также судьба «автоматов» в других государствах.

Целью исследования стал анализ усилий по разработке «автоматов» советскими конструкторами, организации производства «автоматов», а также последствий этого решения.

Материалы и методы исследований

При написании статьи был использован конкретно-исторический, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Конкретно-исторический метод позволяет описать факты, события и явления, имевшие место в конструкторских кругах, военно-промышленном комплексе и военно-политическом руководстве СССР 1920-х гг., по отношению к «автоматам».

Историко-сравнительный метод позволяет проследить процесс разработки «автоматов» в Британской империи, Соединенных Штатах Америки, Королевстве Дания, сравнить имеющего место в СССР 1920–х гг.

Историко-генетический метод позволяет проследить процесс развития «автоматов» в СССР 1920 - х гг. и постепенного переноса внимания на РП, а также авиационных и танковых пулеметов на их базе.

Материалами для данной работы послужили различные категории литературы и исторических источников, которые автор классифицирует следующим образом.

Монографии отечественных исследователей развития стрелкового оружия О.И. Межераупа и Е.В. Назаркина [1] и В.К. Зеленко и В.А. Власова [2].

Труды зарубежных исследователей стрелкового оружия В. Фовлера с соавторами [3], Н. Горенштейна [4].

Публикация ВАК А.В. Исаева [5].

Публикации РИНЦ С.П. Корнеева [6], И.А. Слюсарева [7], Р.Н. Чумака [8], А.С. Дергачева [9], А.М. Абрамова [10].

Публикация Р. Н. Чумака [11] на сайте Российского оружейного журнала «Калашников».

Описания оружия 1920-х гг. [12, 13].

Издания 1920-1930-х гг. под авторством В.Г. Федорова [14, 15, 16].

Архивные материалы, включённые в серии сборников о становление оборонно-промышленного комплекса СССР и его состоянии в 1920-е гг. [17, 18].

Результаты и обсуждения

Для написания работы целесообразно определить с тем какое содержание вкладывал В.Г. Федоров в термин «автомат».

К 1925 г. в СССР определились с понятием «автомат». В книге В.Г. Федорова «Современные проблемы ружейно-пулеметного дела» 1925 г. издания, автор пишет, что «автомат» – это АВ с «вставным» (отъемным) магазином, при этом сохраняющий возможность заполнения магазина из обойм. АВ, которую автор так же называет «самострельной» – это винтовка, у которой есть режимы автоматического и одиночного огня. Если есть только одиночный огонь, то оружие считается СВ. У СВ и АВ должны быть постоянные магазины, заполняемые из обойм. При этом «автоматы» используют те же самые боеприпасы что АВ, СВ, РП, СП и даже неавтоматические (магазинные) винтовки [14, с. 38-39].

Кстати, требование возможности заполнения «автоматов», АВ и СВ из обойм пригодился на автоматической винтовки Симонова обр. 1936 г. (АВС-36) и самозарядной винтовки Токарева обр. 1940 г. (СВТ-40) в годы Великой Отечественной войны (ВОВ), когда стоял вопрос баланса производства и утери отъемных магазинов это позволяло сохранять боеспособность даже при наличии одного магазина [5, с. 86].

Отметим, что 6,5 мм. автомат Федорова обр. 1919 г., имел калибр 6,5х50 мм., отъемный магазин на 25 патронов, массу в 4,4 кг., ствол длиной 520 мм. [2, с. 104-106].

При этом «автомат» и РП по В.Г. Федорову это разное оружие так как РП - коллективное оружие, а «автомат» – индивидуальное. Конструктор сетует что в «нашем уставе "Боевая служба пехоты"» относит к «автоматам» и 6,5 мм. автомат Федорова обр. 1919 г. под патрон 6,5х50 мм. и РП Fusil-Mitrailleur Chauchat Mle 1915 под патрон 8х50 мм. При этом отмечая, что первый стоит преимущественно использовать для одиночной стрельбы, заряжая из обоймы, а второй не имеет режима одиночного огня и может заряжаться только из отъемных магазинов. Автор высказывает опасение что если бойцы начнут применять «автомат» как аналог РП, то вскоре бросят данное оружие из-за нагрева ствола и/или предельного износа. На «автомат» должно приходиться 3 отъемных магазина, а на РП – 20 [3, с. 321,451;14, с. 42-43].

В качестве примера зарубежных «автоматов» В.Г. Федоров указывает:

- Маузера (Германская Империя), скорее всего Mauser M1916, калибр 7,92х57 мм., коробчатый магазин (20-25 патронов); масса 4,9 кг., ствол длиной 600 мм.;

- Мандрагора/Мандрагон (Германская Империя и Французская Республика), обнаружить удалось только авиационную версию FSK 15 Mondragon, калибр 7,92х57 мм., коробчатый (10 патронов) и барабанный (30 патронов) магазины, масса 4,125 кг., ствол длиной 620 мм.;

- Фаркара-Ли (Британская империя), скорее всего Farquhar-Hill, калибр 7,7х56 мм., коробчатый (10 патронов) и барабанный (19 патронов) магазин, масса 6,6 кг., ствол длиной 686 мм.;

- «Систему Браунинга», скорее всего Browning M1918, калибр 7,62х63 мм., коробчатый магазин на 20 патронов, масса 7,25 кг., ствол длиной 610 мм. [3, с. 324,355,382,440; 15, с.46-49; 16, с. 118-121, 167-168].

Круг пользователей «автоматов» по В.Г. Федорову узок, он характеризуется как оружие для «лучших стрелков, к тому же обладающих спокойствием, хорошей выдержкой и дисциплиной». Особенно отмечает, что точность «автомата» при стрельбе очередями будет низкой, а снабдить каждого бойца достаточным количеством боеприпасов для «непрерывного огня» не удастся [14, с. 38-39, 41].

Стоит учитывать, что «автомат» не был единственным и даже основным предложением В.Г. Федоров. Ведь для упрощения производства оружия и подготовки призывников нужно иметь единое семейство из неавтоматической винтовки (от СВ отличающейся извлечением механизмов), СВ, «автомата» (СВ с переводчиком огня и приставным магазином вместо постоянного), РП («автомата» с быстросменным стволом, приставным магазином на 50-100 патронов, сошками), СП (РП с устойчивым станком, магазином большей вместимости или лентой), авиационный пулемет (РП или СП с большей скорострельностью), противоаэрoplanный пулемет (авиационный пулемет на специальной установке) [14, с. 43-44].

Нередко можно встретить упоминание факта, что в декабре 1916 г. на фронт Первой Мировой войны отправилась специальная рота из состава 189 Измаильского полка вооруженная «автоматами» В.Г. Федорова, которая хорошо показала себя в боях. Однако реальная история сложнее. Из статьи Р.Н. Чумакова «Оружие нового типа. Автомат Федорова» опубликованной на сайте Российского Оружейного Журнала «Калашников» мы можем узнать, как обстояло дело. Рота состояла из 162 человек, 158 бойцов и 4 командиров, на которых приходилось 53 единицы разработки В.Г. Федорова. 8 из них были «6,5 мм. ружьями-пулемётами (автоматами)» с магазинами на 15 патронов, 45 были 7,62 мм. самозарядными винтовками обр. 1913 г. несколько из которых были модернизированы для стрельбы очередями и использовали магазины от РП Мадсена обр. 1902 г. При этом упоминается что у обладателей «6,5 мм. ружей-пулемётов (автоматов)» были «дублиеры» – помощники, которые сопровождали их и должны были в случае чего заменить, дублиеры были вооружённые пистолетами Mauser C96. В начале 1920-х гг. на марше «автомат» и часть боекомплекта нёс «стрелок-автоматчик», которому полагался «помощник-заместитель» для помощи в обслуживании «автомата» и наполнения магазинов и переноски части боекомплекта, а также «подносчик боеприпасов» [11].

Часто современные люди рассуждают об «автоматах», в привязке к творчеству В.Г. Федорова, представляют стрелков поголовно вооруженных 6,5 мм. автоматами Федорова обр. 1919 г., разгрузки которых заполнены коробчатыми магазинами. Во многом этот образ навеян ложными аналогиями с «автоматами» 1960-2000-х гг. ставшими основным вооружением пехоты, в период существенно большей насыщенностью войск грузовыми и легковыми машинами, бронетранспортерами.

По В.Г. Федорову мы бы увидели армию, преимущественно оснащенную магазинными винтовками в которой, «автомат» был бы не более распространенным оружием чем РП на его базе.

Несмотря на то, что существует точка зрения что В.Г. Федорова и его проекты притесняли. Но, отметим, что документами это не подтверждается.

В.Г. Федоров был авторитетен и популярен в СССР, широко издавался и стал учителем для ряда отечественных конструкторов стрелкового оружия (В.А. Дегтярев, С.Г. Симонов, Г.С. Шпагин, П.М. Горюнов). При этом 6,5 мм. автомат Федорова обр. 1919 г. начал серийно производиться с июля 1920 г. и его производство продолжалось до 1925 г. Всего было выпущено 3200 единиц автомата [7, с. 218-220].

Конструктор предлагал РП, СП, авиационные и танковые пулеметы. Его разработки использовали патроны 6,5x50 мм. и 7,62x54 мм., имели стволы длиной в 520 мм. и 600 мм. соответственно, при этом стволы могли быть как постоянными, так и сменными, иметь различные системы охлаждения. Совершенствовались коробчатые магазины вместимость до 25 патронов, и дисковые до 50 патронов. Вряд ли гонимому конструктору оружия позволили бы вести настолько разнонаправленную работу в области стрелкового вооружения. Из справки начальника Военно-воздушных сил РККА П. И. Баранова о состоянии и развитии авиапромышленности, написанной не позднее 8 мая 1925 г., авиационный пулемет Федорова для «стрельбы с турели» характеризуется как испытанный и давший хороший результат. А танковые пулеметы Федорова даже устанавливались на легкие танки МС-1 и планировались для бронеавтомобилей БА-27 [6, с. 305,313; 15, с. 53-55; 17, с.118-121].

Проблемы «автоматов» В.Г. Федорова были не в отрицательном отношении к конструктору, а в сомнительной тактической ниши, проблеме транспортировки боеприпасов к «автомату» на поле боя, проблем с надежностью, и высокой относительно магазинных винтовок цены.

Можно долго спорить о том, в чем были основные причины проблем надежности: конструкционные недостатки, недостаточное количество и качество станков и инструментов, слабая подготовка рабочих и/или бойцов, но документы содержат сетования на серийно производимые РП В.Г. Федорова. Учитывая их тождественность в основной конструкции «автоматам», их могли преследовать те же проблемы.

Справка Особого отдела ОГПУ СССР о работе военной промышленности выпущенная не ранее 20 декабря 1924 г. свидетельствует что «пулеметы Федорова» (имеются в виду именно «автоматы») в большом количестве возвращаются частями на Ковровский пулеметный завод, например на 20 декабря 1924 г. возвращено 1118 штук на переделку составлена смета в 129339 руб. [17, с. 410-414].

Докладная записка члена правления ГУВП Р. И. Берзина председателю Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе о разработке пятилетнего плана на заказы военного ведомства от 2 февраля 1925 г. упоминается «пулемет Федорова, на который потрачено несколько миллионов рублей, между тем как дело с ним стоит без движения до сих пор» [17, с. 424-425].

Доклад Организационно-мобилизационного управления Штаба РККА начальнику штаба С. С. Каменеву о направлении сверхсметных ассигнований на расширение артиллерийского производства от 16 марта 1925 г. свидетельствует что в программу 1924/25 г. включено изготовление «1400 автоматов Федорова, но качество их общеизвестно» [17, с. 437-443].

С «автоматами» ситуация осложнялась тем, что при стрельбе одиночными он функционировал как СВ, а при «непрерывном огне» и даже огне короткими очередями превращался в дополнительный РП, причем плохой. Справедливости ради отметим, что данная проблема преследовала не только «автоматы» В.Г. Федорова, но и их зарубежные аналоги.

Отметим, что у В.Г. Федорова были конкуренты в разработке «автоматов» и СВ. Сильнейшим из них был Ф.В. Токарев. Пересмотрев свой опыт разработки автоматической (СВ) винтовки обр. 1910 г. и свой фронтовой опыт Ф.В. Токарев разработал в 1918 г. автоматический карабин, который считался «самым совершенным образцом ручного автоматического оружия в России того времени». На его основе Ф.В. Токарев строил конструкции СВ, АВ, «автоматов» [8, с. 557-560].

Карабин Токарева обр. 1918 г., имел калибр 7,62x54 мм., постоянный магазин на 5 патронов, массу в 3,94 кг., ствол длиной 510 мм. В принципе он мог вести огонь одиночными, автоматический огонь, по сути, позволял вести быструю «стрельбу пачками». В январе 1921 г. после испытаний карабин характеризовался «по простоте устройства, портативности, весу и надежности...» как «заслуживающий самого серьез-

ного внимания и дальнейшей разработки». В сентябре такого же года 7,62 мм. карабин Токарева обр. 1918 г. прошел совместное испытание с 6,5 мм. автоматом Федорова обр. 1919 г. и был признан «заслуживающим внимания». При этом было указано что «желательно уменьшить калибр до 2,5 линий (японский), сделать магазин на 25 патронов». 4 октября 1921 г. было подготовлено 5 усовершенствованных карабинов и 5 винтовок Ф.В. Токарева. Винтовки предназначались для всех видов войск и имели только режим одиночного огня, будучи СВ. Карабины могли вести огонь одиночными и очередями, будучи «автоматами» [8, с. 563-565; 15, с. 96-98].

Кстати, и 7,62 мм. карабин Токарева обр. 1918 г. и с 6,5 мм. автомат Федорова обр. 1919 г. вполне соответствуют определению «автомата» как автоматического карабина по ГОСТ 28653-2018, а карабин по ГОСТ 28653-2018 облегченная винтовка с укороченным стволом. ГОСТ 28653-2018 не делал разницы между автоматами под промежуточный или винтовочный калибр [1, с. 16, 22].

Может возникнуть вопрос о том почему тогда на вооружение еще в 1920-е гг. не начали поступать СВ и «автоматы» Ф.В. Токарева. Ответ прост – страшными врагами СВ, АВ и «автоматов» была сложность их производства, недостаточная надежность и цена. Из докладной записки Управления тульских оружейных заводов в ЦКК-НК РКК СССР о финансовом положении заводов в 1922/23 бюджетном году выпущенном не ранее 1 октября 1923 г. указывалось что цена винтовки – 37 руб., револьвера 23 руб., пулемета – 960 руб., станка – 320 руб., а винтовки системы Токарева – 1200 руб. [17, с. 319-322].

Справедливости ради надо отметить, что после завершения индустриализации, в годы Великой Отечественной войны, выбирая между сохранением производства СВТ-40, на заводе №74 (Ижевск), и сворачиванием его в пользу 7,62 мм. винтовкой Мосина обр. 1891/1930 г., выбрали второе [5, с.84].

Стоит отметить, что работы над «автоматами» в 1920-е гг. не прекращались. Например, упомянуто участие в конкурсах января 1926 г. «автоматов» В.Г. Федорова, В.А. Дегтярева, Ф.В. Токарева и В.П. Конова-лова. В программе испытаний была стрельба на меткость с определением количества пуль попавших в радиус 100 см. и 50 см., при этом победа досталась конструкции Ф.В. Токарева. Наименьшее количество задержек дала система В.Г. Федорова. В июле 1928 г. прошло испытание 3-х систем коллектива В.Г. Федорова, В.А. Дегтярева, А.Д. Кузнецова и Г.С. Безрукова, а также 1-ой системы Ф.В. Токарева. Итогом стало заключение о том, что «все означенные образцы представлены не в таком виде, чтобы можно было теперь же окончательно установить образец и дать крупный заказ» [15, с. 99-101].

В целом «автоматы» вызывали серьезные сомнения, в отношении надежности работы и возможности массовости производства, к тому же в войсках росло количество РП, существенно лучше решающих проблему роста плотности огня, а магазинные винтовки лучше решали проблему вооружения наибольшего количества людей.

Доклад начальника Технического управления ВМС РККА Н.И. Власьева начальнику ВМС РККА Р.А. Муклевичу о проблемах перевооружения армии и флота 26 ноября 1928 г. в целом объясняет логику в соответствии с которой принимать какой-либо из «автоматов» к производству не торопились. Считалось, что «промежуточный образец ничего не даст, кроме путаницы», ни для усовершенствования армии в тактическом отношении, ни для подготовки промышленности или даст слишком мало и может повести во время войны к крупным оперативным ошибкам и осложнениям [18, с. 212-214].

Однако после произошел отказ от разработки «автоматов», в пользу СВ и РП, само по себе возвращение СВ функции ведения «непрерывного» огня было вполне возможно.

Например, Тульский оружейный завод в начале июля 1941 г. «по просьбе» областного комитета ВКП (б) изготавливал снайперские автоматические карабины на основе конструкции СВТ-40, один из которых был подарен командиру 1-го Конногвардейского корпуса РККА генерал-лейтенанту П.А. Белову и впоследствии передавался самым умелым стрелкам – «За годы войны только два снайпера, Комарецкий и Гореликов, уничтожили из этого карабина около двухсот фашистов». Не говоря о том, что часть СВТ-40 с 20 мая 1942 г. выпускалась в формате автоматической винтовки Токарева обр. 1940 г. (АВТ-40), вполне соответствующей требованиям к «автоматам» по В.Г. Федорову. Самозарядная винтовка и её автоматическая версия имела калибр 7,62x54 мм., отъемный магазин на 10 патронов, с возможностью заполнения из обойм, массу в 3,8 кг., ствол длиной 625 мм. [2, с. 127-128; 9, с. 189, 191].

Из доклада Президиума ВСНХ СССР в РЗ СТО СССР о мобилизационной готовности промышленности на 1 октября 1928 г. от 12 января 1929 г. свидетельствует о наличии трехлетней заявки на 1275000 винтовок, в том числе автоматических – 50000, 7200 «легких пулеметов». Причем образцы автоматических винтовок и «легких пулеметов» не были определены [18, с. 233-262].

Нередко проблемой принятия разработок В.Г. Федорова на вооружение становились успехи других конструкторов, в том числе и из рядов его учеников.

По РП В.Г. Фёдорова превзошел его ученик – В.А. Дегтярев. 22 июля 1924 г. он представил свой первый РП с дисковым магазином комиссии, которая отметила «выдающуюся оригинальность идеи, безотказность работы, скорострельность и значительную простоту» [2, с. 143-144].

Появление нового РП, к тому же пригодного для проектирования танковой и авиационной версии, который к тому же быстрее проходил процесс адаптации к производству, положил конец «пулеметному» направлению систем В.Г. Федорова и сделал идею комплекса В.Г. Федорова менее привлекательной. Как следствие появление ДП-27 и его авиационного (ДА-28) и танкового (ДТ-27) вариантов было делом времени, но делом решенным.

В конце ноября 1925 г., другой ученик В.Г. Федорова - С. Г. Симонов, предоставил описание и схематический чертеж своего «автомата», который быстро стал РП, а затем облегченным СП. Однако к 1929 г. ниша производства РП была уже заполнена В.А. Дегтяревым. С.Г. Симонов переключился на работу над АВ, которые позже проведут к появлению АВС-36. Справедливости ради необходимо отметить, что АВС-36, максимально подходила под определение «автомата» по В.Г. Федорову. 7,62 мм. Автоматическая винтовка имела калибр 7,62x54 мм., отъемный магазин на 15 патронов, с возможностью заполнения из обойм, массу в 4,05 кг., ствол длиной 620 мм. Указывалось что «при стрельбе короткими очередями в руках тренированного стрелка обладает достаточной кучностью на дистанциях до 300 м.» при недостатках РП, «цельными очередями на дистанции до 100-150 м.», в момент отбития атак при обороне, но не более 4 магазинов подряд» [1, с. 125-126; 10, с. 10-11, 13].

Судьба «автоматов» по В.Г. Федорову за рубежом в 1920-е гг. сложилась так же, как и в СССР, «автоматы» превращались в РП и не получали дальнейшего развития.

Mauser M1916 и FSK 15 Mondragon не получили дальнейшего развития в виду недостаточно надежности систем, военного поражения Германской империи и ограничения количества пулеметов в соответствии с Версальскими ограничениями [3, с. 289-291].

Судьба «автомата» Farquhar-Hill сложилась ещё более странно, будучи изначально оружием для авиаторов и экипажей моторных лодок, пусть и предложенных к производству для нужд сухопутных войск, данный «автомат» был преобразован в 1919 г. в РП Beardmore-Farquhar Mk I. К 1922 г. модернизированный до Beardmore-Farquhar Mk II. Он предлагался под любые винтовочные калибры от 7 мм. до 8 мм., внимание уделялось возможности вести огонь одиночными выстрелами и очередями со скорострельностью около 430 выстрелов в минуту, с возможностью повышения темпа до 640 выстрелов в минуту. имел коробчатый (20 патронов) или дисковой (81 патрон) магазином, массу в 7,3 кг., длину ствола в 660 мм. Из-за недостаточной надежности, неудобного формфактора и наполненности рынка РП других производителей он не пользовался спросом [12, с. 4, 6, 8, 10].

Судьба Browning M1918 была странной, с одной стороны, он активно предлагался к продаже, с другой стороны вооруженные силы США не проявили к оружию устойчивого интереса в 1920-е гг. Был выпущен РП для кавалерии под названием Browning M1922, который имел калибр 7,62x63 мм., коробчатые магазины на 20 или 40 патронов, массу 8,8 кг., ствол длиной 610 мм. получил оребрение на половину длины, двуногую сошку, съёмную опору под прикладом и прицел от СП Browning M1919. [3, с. 324, 440; 4, с. 91-95, 118-122]

Как не странно ближе всего к «автомату» по В.Г. Федорову находилась не упомянутая им датская Madsen Machine Rifle M1920, которая позиционируется как оружие способное вести одиночный огонь со скоростью до 100 выстрелов в минуту, и длинными очередями со скорострельностью 400 выстрелов в минуту, сменой ствола за 12 секунд и креплением для штыка. Данный «автомат», предлагался под любые калибры от 6,5 мм. до 8 мм., коробчатый магазин на 40 патронов, массу около 7 кг., ствол длиной 453 мм. При этом происходил от РП Madsen M1919, который был членом длинной череды «потомков» РП Madsen M1902 года происходившей от СВ Madsen-Rasmussen M1896. Однако Madsen Machine Rifle M1920 штатно должен был применяться как групповое оружие. На стрелка должны были приходиться 3 подносчика боеприпасов и 1 человек с мулом или пони для перемещения боеприпасов. Планировалось что в войсках один «автомат» должен был приходиться на 8 человек. Фактически потенциальные пользователи быстро предпочли полноценные РП того же производителя [13, с. 3-5, 7, 9-10, 35-37].

Фактически «автоматы» 1920-х гг. были обречены на превращение в РП, в ряде случаев конструкторам удавалось создавать вполне удачные зачастую специально спроектированные изделия более надёжные и эффективные чем «автоматы».

Выводы

Подводя итоги исследования развития «автоматов» в СССР 1920-х, гг. можно отметить следующие моменты:

- «автоматы» В.Г. Федорова и его современников, фактически были АВ, предназначенными для стрельбы одиночными огнём, хотя и могли вести огонь короткими очередями;
- «автоматы» В.Г. Федорова и его современников преследовали проблемы, связанные с неопределённостью тактической ниши данного оружия, логистики поставки боеприпасов, в ряде случаев сложностями производства, а также высокой ценой;
- «автоматы» в 1920-е гг. либо не принимались вооружёнными силами указанного периода, вообще, либо проходили преобразование в РП, либо прекращали существование;
- АВС-36, АВТ-40, подходившие под определение «автомата» по В.Г. Федорова ограниченно производились и применялись во второй половине 1930-х – 1940-х гг., однако огонь короткими очередями использовался в случае дефицита РП.

В заключение можно констатировать, что советским конструкторам удалось за 1920-е гг. достаточно быстро и полно проработать тему «автоматов» и перейти к РП. Важным является то, что в ходе работы над «автоматами» В.Г. Федоров способствовал становлению нескольких советских конструкторов оружия, прославивших разработкой автоматического и самозарядного оружия, таких как В.А. Дегтярев (ДП-27), С.Г. Симонов (АВС-36), Г.С. Шпагин (ППШ-41), П.М. Горюнов (СГ-43).

Список источников

1. Межерауп О.И., Назаркин Е.В. Стрелковое огнестрельное оружие и боеприпасы к нему: иллюстрированный обзор: монография. Рязань: И.П. Коняхин А.В. (Book Jet), 2021. 212 с.
2. Зеленко В.К., Власов В.А. Стрелковое оружие России XX – начала XXI века: монография. Москва; Вологда; Инфра-Инженерия, 2025. 252 с.
3. Fowler W., Norton A., Stronge C., Sweeney P. The complete world encyclopedia of guns. Hermes House. London, 2009. 512 p.
4. Gorenstein N. The Guns of John Moses Browning The Remarkable Story of the In-ventor Whose Firearms Changed the World. New York: Scribner, 2022. 352 p.
5. Исаев А. В. Проблема обеспечения Красной Армии стрелковым вооружением в Великой Отечественной войне// Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 80 – 88. DOI 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-80-88.
6. Корнеев С. П. Танковые пулемёты Фёдорова калибра 6,5 и 7,62 мм в собрании кафедры "Проектирование и производство стрелково-пушечного вооружения"// Мир оружия: история, герои, коллекции : сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, Тула, 23-25 октября 2024 года. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2025. С. 303 – 319.
7. Слюсарь И.А. В.Г. Федоров – один из первых советских оружейников: личность и деятельность// Теоретические и практические аспекты научных исследований: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, София, 19 апреля 2019 года. София: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2019. С. 210 – 223.
8. Чумак Р.Н. Новые сведения о военной биографии конструктора-оружейника Ф.В. Токарева// Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Тула, 25-27 октября 2023 года. Воронеж: Воронежская областная типография, 2024. С. 553 – 567.
9. Дергачев А.С. О специальной партии автоматических карабинов Токарева для участников обороны Г. Тулы в 1941 г. // Мир оружия: история, герои, коллекции : Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Тула, 25-27 октября 2023 года. Воронеж: Воронежская областная типография, 2024. С. 188 – 192.
10. Абрамов А.М. Опытные ручные пулеметы конструкции С.Г. Симонова. Школа В.Г. Федорова // Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, Ту-ла, 23-25 октября 2024 года. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2025. С. 9 – 14.
11. Чумак Р.Н. Оружие нового типа. Автомат Фёдорова. История автоматической винтовки (автомата) В. Г. Фёдорова. URL: <https://www.kalashnikov.ru/oruzhie-novogo-tipa-avtomat-fyodorova/?ysclid=mt84txzjip266164724> (дата обращения: 28.06.2026)
12. The Beardmore-Farquhar Machine Guns Models of 1924. William Beardmore & Company Limited, Park-head steel works, Glasgow, and 36. Victoria street, Westminster, London, 1936. 11 p.

13. The Madsen Machine Rifle. Main characteristics organization and tactical use. Danish recoil rifle syndicate. Frihavnen, Copenhagen, Denmark. 1924. 65 p.
14. Федоров В.Г. Современные проблемы ружейно-пулеметного дела. Издательство ЦС ВНО «Война и техника», 1925. 69 с.
15. Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900-1935 гг.). Часть III. Оружейное дело после Октябрьской революции. Издание Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского. Москва, 1939 г. 163 с.
16. Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Часть II. Развитие автоматического оружия. Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. Москва, 1939 г. 315 с.
17. Советское военно-промышленное производство (1918-1926). М.: Новый хронограф, 2005. 770 с.
18. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937). Т. 3. Сборник документов: в 2-х ч. Ч. 1 (1927-1932). М.: Новый хронограф, 2008. 912 с.

References

1. Mezheraup O.I., Nazarkin E.V. Small Arms and Ammunition: An Illustrated Review: A Monograph. Ryazan: I.P. Konyakhin A.V. (Book Jet), 2021. 212 p.
2. Zelenko V.K., Vlasov V.A. Small Arms of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: A Monograph. Moscow; Vologda; Infra-Engineering, 2025. 252 p.
3. Fowler W., Norton A., Stronge C., Sweeney P. The Complete World Encyclopedia of Guns. Hermes House. London, 2009. 512 p.
4. Gorenstein N. The Guns of John Moses Browning: The Remarkable Story of the Inventor Whose Firearms Changed the World. New York: Scribner, 2022. 352 p.
5. Isaev A.V. The Problem of Providing the Red Army with Small Arms in the Great Patriotic War. Ural Historical Bulletin. 2025. No. 1 (86). P. 80 – 88. DOI 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-80-88.
6. Korneev S.P. Fedorov Tank Machine Guns of 6.5 and 7.62 mm Caliber in the Collection of the Department of "Design and Production of Small Arms and Cannon Armament". The World of Weapons: History, Heroes, Collections: Collection of Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Tula, October 23-25, 2024. Voronezh: JSC "Voronezh Regional Printing House", 2025. P. 303 – 319.
7. Slyusar I.A. V.G. Fedorov - one of the first Soviet gunsmiths: personality and activities. Theoretical and practical aspects of scientific research: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Sofia, April 19, 2019. Sofia: Scientific and Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2019. P. 210 – 223.
8. Chumak R.N. New information on the military biography of the weapons designer F.V. Tokarev. The world of weapons: history, heroes, collections: Collection of materials of the XI International scientific and practical conference, Tula, October 25-27, 2023. Voronezh: Voronezh Regional Printing House, 2024. pp. 553–567.
9. Dergachev A.S. On a special batch of Tokarev automatic carbines for participants in the defense of Tula in 1941. The World of Weapons: History, Heroes, Collections: Collection of materials from the XI International Scientific and Practical Conference, Tula, October 25–27, 2023. Voronezh: Voronezh Regional Printing House, 2024. P. 188 – 192.
10. Abramov A.M. Experimental light machine guns designed by S.G. Simonov. V.G. Fedorov's School. The World of Weapons: History, Heroes, Collections: Collection of materials from the XII International Scientific and Practical Conference, Tula, October 23–25, 2024. Voronezh: JSC "Voronezh Regional Printing House", 2025. P. 9 – 14.
11. Chumak R.N. New Type Weapons. Fedorov's Avtomat. History of V.G. Fedorov's Automatic Rifle (Avtomat). URL: <https://www.kalashnikov.ru/oruzhie-novogo-tipa-avtomat-fyodorova/?ysclid=mt84txzjip266164724> (date of access: 28.06.2026)
12. The Beardmore-Farquhar Machine Guns Models of 1924. William Beardmore & Company Limited, Parkhead Steel Works, Glasgow, and 36 Victoria Street, Westminster, London, 1936. 11 p.
13. The Madsen Machine Rifle. Main Characteristics, Organization, and Tactical Use. Danish Recoil Rifle Syndicate. Frihavnen, Copenhagen, Denmark. 1924. 65 p.
14. Fedorov V.G. Current Problems of Rifle and Machine Gun Production. Published by the Central Scientific Society of the All-Russian Scientific Organization "War and Technology", 1925. 69 p.
15. Fedorov V.G. Armsmaking on the Border of Two Eras (A Gunsmith's Works 1900-1935). Part III. Arms-making after the October Revolution. Published by the Artillery Order of Lenin, Dzerzhinsky Academy of the Red Army. Moscow, 1939. 163 p.

16. Fedorov V.G. Evolution of Small Arms. Part II. Development of Automatic Weapons. State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR. Moscow, 1939. 315 p.
17. Soviet military-industrial production (1918-1926). M.: New Chronograph, 2005. 770 p.
18. Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927-1937). T. 3. Collection of documents: in 2 parts. Part 1 (1927-1932). M.: New Chronograph, 2008. 912 p.

Информация об авторе

Новиков М.С., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-2290>, Омский государственный технический университет, 644050, г. Омск, Проспект Мира, д. 11, info@omgtu.ru

© Новиков М.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 95 (57):335.025

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-247-258

Хлебозаготовительные кампании в Тюменской области в 1944-1953 гг.

¹ Волкова Е.В.,

¹ Гончаренко О.Н.,

¹ Бахарева Н.В.,

¹ Тюменский государственный университет

Аннотация: в статье анализируются хлебозаготовительные кампании в Тюменской области с момента её образования в августе 1944 года до завершения послевоенного восстановительного периода в 1953 году. На основе архивных документов региональных архивов Тюменской области, материалов газет «Красное знамя» и «Тюменская правда», региональной статистики, впервые вводимых в научный оборот, исследуется влияние государственных планов обязательных поставок на экономику колхозов и повседневную жизнь крестьянства. Выявлены основные факторы системного невыполнения планов сдачи зерна государству: острый дефицит техники и рабочих рук, последствия засухи 1946 года, кризис семеноводства и высокая текучесть руководящих кадров. Особое внимание уделено репрессивным мерам борьбы с расхищением хлеба и социальной цене выполнения государственного заказа для сельских жителей Зауралья. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения региональных механизмов обеспечения продовольственной безопасности государства в условиях экстремальных вызовов.

Проанализированы функционирование карточной системы, роль подсобных хозяйств предприятий и индивидуальных огородов горожан. Рассмотрено взаимодействие города и деревни: шефская помощь промышленных предприятий селу сочеталась с централизованными поставками продукции. Сделан вывод о двойственном характере снабжения – жестком государственном контроле распределения при одновременном поощрении низовой инициативы граждан и борьбе со злоупотреблениями.

Хронологические рамки статьи строго ограничены периодом 1944-1953 годов, что позволяет избежать смещения разновременных этапов развития советского сельского хозяйства, таких как НЭП или целинная эпопея, и сосредоточиться на специфике именно послевоенного восстановления.

Ключевые слова: хлебозаготовки, сельское хозяйство, председатели колхозов, Тюменская область, расхитительство, дефицит аграрных кадров

Для цитирования: Волкова Е.В., Гончаренко О.Н., Бахарева Н.В. Хлебозаготовительные кампании в Тюменской области в 1944-1953 гг. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 247 – 258. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-247-258

Поступила в редакцию: 21 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Development of the agricultural sector in the Tyumen Region (1944-1991)

¹ Volkova E.V.,
¹ Goncharenko O.N.,
¹ Bakhareva N.V.,
¹ University of Tyumen

Abstract: the article analyzes grain procurement campaigns in the Tyumen Region from the moment of its establishment in August 1944 until the end of the post-war recovery period in 1953. Based on archival documents from regional archives of the Tyumen Region, materials from the newspapers “Krasnoe Znamya” and “Tyumenskaya Pravda,” and regional statistics – which are being introduced into scientific circulation for the first time – the study examines the impact of state mandatory supply plans on the economy of collective farms and the daily life of the peasantry. The main factors underlying the systemic failure to meet grain delivery targets to the state have been identified: an acute shortage of equipment and labour, the consequences of the 1946 drought, the crisis in seed production, and the high turnover rate among management personnel. Special attention is paid to the repressive measures taken to combat the theft of grain and the social cost of fulfilling the state order for rural residents in the Trans-Urals region. The relevance of the study is due to the need to examine the regional mechanisms for ensuring the state’s food security in the face of extreme challenges.

The functioning of the rationing system, the role of subsidiary farms at enterprises, and individual vegetable gardens owned by city residents have been analysed. The interaction between the city and the countryside has been examined: the patronage assistance provided by industrial enterprises to rural areas was combined with centralized supplies of products. The conclusion drawn is that the supply system has a dual nature — it involves strict state control over distribution while simultaneously encouraging grassroots initiative among citizens and combating abuses.

The chronological scope of the article is strictly limited to the period 1944-1953, which makes it possible to avoid mixing different stages of the development of Soviet agriculture, such as the New Economic Policy or the virgin land epic, and to focus on the specifics of the post-war reconstruction.

Keywords: grain procurement, agriculture, collective farm chairmen, Tyumen Region, embezzlement, shortage of agricultural personnel

For citation: Volkova E.V., Goncharenko O.N., Bakhareva N.V. Development of the agricultural sector in the Tyumen Region (1944-1991). *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 247 – 258. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-247-258

The article was submitted: July 21, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Послевоенное восстановление советской деревни, обеспечившее к концу четвертой пятилетки довоенный уровень сельскохозяйственного производства и базовые потребности страны в продовольствии, осуществлялось в условиях критического истощения аграрного сектора.

Материально-техническая база колхозов, сформированная в годы предвоенных пятилеток, была деформирована мобилизацией: из оборота изъята значительная часть подвижной техники (грузовых автомобилей и тракторов), а оставшийся парк предельно изношен ввиду прекращения поставок запчастей промышленностью. Демографический кризис усугубил ситуацию: численность трудоспособного сельского населения сократилась на 32,5%, при этом число мужчин уменьшилось в 2,6 раза – с 16,9 млн до 6,5 млн человек. Это обусловило радикальную феминизацию отрасли, где основные тяготы по возрождению села легли на плечи женщин, стариков и подростков, чей труд стал главным фактором предотвращения полномасштабного продовольственного коллапса [15; 16].

Тюменская область, образованная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1944 года, стала ключевым звеном в обеспечении продовольствием Урала и Сибири. Исторически являясь аграрным форпостом освоения Зауралья, регион столкнулся с необходимостью экстренной перестройки управления сельским хозяйством. Основой экономики оставались зерновые культуры, что предопределило жесткий механизм хлебозаготовок как главный инструмент мобилизации ресурсов.

В советской и современной историографии [10, с. 102-107.] утвердился тезис о том, что хлебозаготовки военного и первых послевоенных лет осуществлялись посредством чрезвычайных мер организационно-правового принуждения. Данный тезис разделяется большинством исследователей, однако применительно к Зауралью он имеет выраженную региональную специфику. Специфика заключалась в административно-территориальной новизне региона (образован в августе 1944 года) и необходимости экстренной мобилизации экономически отсталой периферии для снабжения Урала, где правовые нормы госпоставок превращались в фактически невыполнимые обязательства.

Историография проблемы обширна. Фундаментальные труды обобщающего характера: История советского крестьянства [7], История социалистической экономики СССР [8] и другие заложили базу понимания производственных процессов в деревне [23]. Современные исследователи смещают фокус на социальную историю и повседневность российского села.

История аграрной сферы и села Тюменской области отражена в работах региональных историков: К.А. Анкушевой, Т.И. Бакулиной, Завьяловой Е.С., Н.С. Мазурак, В.П. Петровой, А.В. Пуртовой, Н.А. Чалкова, в двухтомнике «Проблемы сельского хозяйства Тюменской области в связи с развитием нефтяной и газовой промышленности». Авторы этих публикаций определенное внимание уделили проблемам аграрной отрасли в послевоенный период в Северном Зауралье [1; 5; 6; 9; 18; 17].

Авторы коллективных монографий «Очерки по истории Тюменской области» и «Очерки истории партийной организации Тюменской области» остановились на вопросах производственной и социально-экономической жизни послевоенной деревни, роли коммунистической партии в деле восстановления села [14].

Вместе с тем, вопросы хлебозаготовок после образования Тюменской области в 1944 г. и в послевоенный период не получили специального освещения в исторической литературе.

Цель исследования – определить влияние хлебозаготовительных кампаний на экономику и жизнь селян в Тюменской области со времени образования в августе 1944 года до окончания послевоенного периода в 1953 году.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу работы составили разнообразные неопубликованные и опубликованные документальные материалы. Среди опубликованных: статистические сборники, материалы СМИ – «Тюменская правда: орган Тюменского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского Совета депутатов трудящихся за 1944-1953 гг., позволяющие проследить государственную и региональную политику хлебозаготовительных заготовок, а также эволюцию в области сельского хозяйства в изучаемый период.

Документальный сборник личного характера – «Мы выстояли и победили! Слово ветеранов-победителей» дает представление о вкладе рядовых селян в производство сельскохозяйственной продукции в трудное послевоенное время. Неопубликованные документы региональных органов государственной власти и правящей партии Тюменского областного и районных комитетов КПСС, источники личного характера (воспомяния и мемуары) предоставили возможность изучить деятельность региональных организаций правящей партии, и советских органов по реализации государственной политики в области сельского хозяйства, выявить проблемы, с которыми сталкивалась власть на местах, проанализировать формы трудового поведения в рабочем цикле сельскохозяйственного производства [2].

Методологической базой исследования выступил принцип историзма. Для анализа проблемы применен проблемно-хронологический метод, позволивший проследить динамику хлебозаготовительной политики в регионе с 1944 по 1953 год, а также сравнительно-исторический и статистический методы, на основе которых была выявлена региональная специфика реализации государственных поставок и оценено их влияние на социально-экономическое положение крестьянства Тюменской области.

Результаты и обсуждения

На территории формирующегося региона – Тюменской области, выведенного из состава Омской области в августе 1944 года, в военный период активно разворачивались предприятия, необходимые стране. Вместе со всей страной селяне Тюменского края делали все возможное и невозможное, чтобы накормить фронт и тыл Советского Союза, в том числе через систему государственных хлебозаготовок, ставшей неотъемлемой частью советского экономического уклада, как в период Великой Отечественной войны, претерпев в военное время лишь незначительные изменения, так и в послевоенный период.

На I Тюменской областной партийной конференции «О работе Тюменского обкома ВКП (б) с 1 сентября 1944 года по февраль 1945 года» отмечались первые положительные результаты: «Колхозы и совхозы ... области в 1944 году сдали государству хлеба 9335000 пудов – больше, чем в 1943 году, почти на 3 миллиона пудов. Свыше 800 колхозов и 21 совхоз полностью рассчитались с государством и сдали сверх плана в фонд Красной Армии 291 тысячу пудов хлеба, а совхозы выполнили годовой план хлебосдачи на 106,2 процента...» [22, с. 305.]. Увеличилась сдача мяса, овощей, молока, пушнины. Машинно-тракторные станции также выполнили план натуроплаты и весь заработанный хлеб сдали государству. Передовиками производства были признаны: колхоз «Красный октябрь» Абатского района, выполнивший план хлебозаготовок на 115 процентов; Заводоуковский промсовхоз Новогайского района, выполнивший план хлебозаготовок на 288 процентов; Ялуторовская МТС – выработка которой на условный трактор составляла 248 гектаров мягкой пахоты и 104 гектара на один комбайн; колхоз «Майские всходы» Байкаловского района, выполнивший план по развитию коневодства на 110%, по КРС на 130%, по свиньям на 110% и по мясopоставкам, закрывший 1945 год [21, 1945 г., 4 февраля.]. Совхозы области удвоили сдачу мяса по сравнению с довоенным периодом и выполнили план сдачи молока на 105%. Колхозы полностью рассчитались с государством по натуроплате за работы МТС [21, 1945 г., 13 марта].

Первое место в области по плану хлебopоставок за 1944 год занял Тобольский район, который добился среднего урожая зерновых – 12-13 центнеров с гектара, а с семенных участков – 16-25 центнеров. В числе колхозов Тобольского района, получивших высокие урожаи – колхозы имени Ворошилова, имени Сталина, «КИМ», «Луч света» [21, 13 марта]. Неимоверными усилиями селян, ряд районов, которые числились отстающими: Абатский, Голышмановский и Омутинский сдали в 1944 году хлеба значительно больше, чем в 1943 г., а с выполнением мясopоставок справились Упоровский, Аромашевский, Маслянский и Юргинский районы [3, Оп. 1, Д. 120, Л. 5-7; 21, с. 305.]. Жители сел, в основном женщины и дети, делали все возможное и невозможное, чтобы справиться с поставленными задачами по сдаче хлеба государству. Большую помощь селянам оказывали города. Газета «Тюменская правда» от 17 января 1945 г. сообщала: «Определенный вклад в развитие сельского хозяйства сделали научные сотрудники Сибирского ордена трудового красного знамени научно-исследовательского института зернового хозяйства, которые провели ряд мероприятий, обеспечивающих высокие урожаи: борьбу за сохранение влаги и борьбу с сорняками». На Первом Областном совещании передовиков сельского хозяйства подчеркивалось: «...за 1944 год рабочие и служащие Ишима, работая в колхозах, выработали более 90 000 трудодней, оказали большую помощь транспортом, в изготовлении конной сбруи, ремонте сельхоз инвентаря, частей к тракторам, помощь людьми [21, 1945 г., 13 марта]. Но несмотря на отдельные положительные успехи в сельском хозяйстве области в первый год ее основания, документы I областной партийной конференции (февраль 1945 г.) и первое совещание передовиков сельского хозяйства Тюменской области (10 марта 1945 г.), воспоминания ветеранов сельскохозяйственной отрасли, а также ряд статей областных СМИ за 1944-1945 гг. позволяют сделать вывод, что окончание Великой Отечественной войны было нелегким для селян и поставки зерна государству осуществлялись с большим трудом. Богатый сельскохозяйственными ресурсами край не обеспечивал себя продуктами, несмотря на то что образование административно-территориальной единицы – Тюменской области ставило задачу улучшения состояния сельскохозяйственного производства. Несмотря на оптимистичные выводы отчетного доклада Тюменского обкома ВКП(б) от 17 февраля 1945 г. о росте производственных показателей, в действительности аграрный сектор области до начала 1950-х годов находился в состоянии затяжного системного кризиса, обусловленного истощением ресурсной базы и стагнацией агротехники.

Тюменский регион оставался преимущественно аграрным: по состоянию на 1 января 1946 года население составляло 913 тысяч человек, в том числе городского – 206 тысяч и сельского – 707 тысяч [12], а также до конца 1950-х гг. [18, с. 16]. Тюменская область не являлась ведущим аграрным регионом: в сельскохозяйственный оборот было вовлечено лишь 58% угодий, а регулярные паводковые затопления выводили из использования освоенные земли, что системно снижало урожайность и ухудшало травостой лугов.

Кульминацией кризиса стала засуха 1946 года. Выпав на период перехода региона от военной логистики к мирному восстановительному планированию, она наложилась на разрушенную агротехнику (отсутствие паров, запущенность семеноводства). В результате валовое производство зерна рухнуло более чем наполовину. Представленная ниже таблица фиксирует этот момент коллапса, демонстрируя разрыв между административно установленными планами хлебозаготовок и реальными физическими возможностями аграрного сектора Тюменской области в первый год её самостоятельного существования.

Таблица 1

Состояние сельского хозяйства Тюменской области (1945-1946 гг.).

Table 1

State of agriculture in the Tyumen Region (1945-1946).

Показатель	1945 г.	1946 г.	Изменение к 1945 г. (%)
Посевная площадь всех культур, тыс. га	850	720	-15,3%
в том числе зерновые, тыс. га	750	630	-16%
Валовой сбор зерна, тыс. тонн	450	260	-42,2%
Средняя урожайность зерновых, ц/га	6,0	4,1	-31,7%
Количество тракторов (физических единиц)	2850	1613	-1237 ед. (-43,4%)
Поголовье лошадей, тыс. голов	110	79	-31 тыс. (-28,2%)
Использование коров как тягловой силы, тыс. голов	-	20	Вынужденная мера 1946 г.
Удельный вес в общесоюзных заготовках зерна	1,0%	<1,0%	Незначительный вклад

Примечание: Составлено авторами на основе «Сельское хозяйство СССР (Статистический сборник)» (1960). URL: https://istmat.org/files/uploads/26109/sh_sssr_1960_osnovnye_pokazateli.pdf.

Note: Compiled by the authors based on *Agriculture of the USSR (Statistical Compilation)* (1960). URL: https://istmat.org/files/uploads/26109/sh_sssr_1960_osnovnye_pokazateli.pdf.

Таким образом, таблица наглядно иллюстрирует системный кризис МТБ аграрного сектора новообразованной Тюменской области, где за первый год потери тракторного парка составили 43,4%, а валовой сбор зерна рухнул на 42,2% из-за засухи и истощения ресурсов.

К исходу первого послевоенного года сельское хозяйство области подошло в состоянии глубокой экономической депрессии.

Материально-техническая база (далее по тексту МТБ) сельскохозяйственного производства в начале послевоенного периода оказалась подорванной. В 1946 г. посевная площадь колхозов и совхозов составила лишь 67,5% от уровня 1940 г. Урожайность снизилась на 13%, как следствие, это привело к резкому уменьшению валового сбора зерна на 59,1%. Проблемы, связанные с производством сельскохозяйственной продукции, отметил в своем докладе Фёдор Михайлович Чубаров – 1-й секретарь Тюменского областного комитета ВКП(б) (август 1944 – сентябрь 1949). Он подвел итоги за 1944 год [3, Оп. 1. Д. 119. Л. 69]:

- Запущенность и упрощенчество в агротехнике: из 1732 колхозов области севооборот освоили только 25 колхозов;
- Сокращение посевных площадей на 40% от довоенных;
- Низкая урожайность: снижение за годы войны с 8-9 ц/га до 3,5-5 ц/га (и как следствие, уменьшение валового сбора зерна на 59,1% [5; 18, с. 16].
- Запущенность семеноводства;
- Невыполнение плана хлебозаготовок;
- Уменьшение хлеба колхозникам на трудодни;
- Текучесть основных руководящих колхозных кадров;
- Нарушение Устава сельскохозяйственных артелей. Нередки были случаи, когда смена председателей колхозов происходила без согласия общего собрания колхозников. Под видом межколхозного взаимодействия во многих районах практиковалась безвозмездная передача семян, кормов, продовольствия, скота и инвентаря передовых колхозов отстающим;

- Дефицит аграрных кадров, в том числе квалифицированных. Для хозяйств области в конце 1944 года требовалось 110 агрономов, 86 зоотехников, 101 механизатор, 195 бригадиров [3, Оп. 1. Д. 119. Л. 69]

Одной из самых острых проблем в первые послевоенные годы был вопрос о выполнении плана хлебозаготовок. Задания по хлебозаготовкам включали планы обязательных заготовок, натуроплату МТС, хлебный фонд РККА, возврат ссуд. В чрезвычайно тяжелых условиях войны государство фактически единолично распоряжалось сельскохозяйственной продукцией, устанавливая такие нормы обязательных поставок, выполнить которые область была не в состоянии. В счет хлебозаготовок сдавали семенное зерно, мясо, картофель, зерно, причитающееся на трудодни. Плановая урожайность для области в первые послевоенные годы была установлена в 9,3 центнеров с 1 гектара, а фактически получали около 5 центнеров, то есть, сдав все зерно, реально можно было выполнить хлебозаготовки на 50 процентов [18, с. 16].

Механизм хлебозаготовок этого периода работал по остаточному принципу жесткого принуждения. Государственный план исчислялся исходя из потребностей армии, промышленности и необходимости восстановления разрушенных западных регионов СССР, а не из реальных возможностей сибирской пашни. Для Тюмени ситуация осложнялась тем, что регион исторически был потребляющим или самообеспечивающимся, а не экспортным житницей, как Кубань или Украина. Тем не менее, статус прифронтового глубокого тыла в первые месяцы войны и острейшая нужда страны в зерне заставили центр установить для Зауралья планы, сопоставимые с черноземными районами.

Крестьянство отвечало на этот нажим двумя способами, которые парадоксальным образом соседствовали друг с другом. С одной стороны, фиксируются случаи массового саботажа, бегства из колхозов (миграция за 1948-1951 гг. составила почти 13%) и хищений хлеба, вызванных элементарным голодом. С другой стороны, женщины, подростки и вернувшиеся инвалидами фронтовики совершали трудовой подвиг, вручную засеивая сотни гектаров там, где отказывала техника, несмотря на самую низкую в отрасли заработную плату: в 1945 году среднемесячная оплата труда составляла 223 рубля в колхозах и 213 рублей в совхозах – в целом всем отраслям в СССР 442 рубля; в 1951 году – 398 рублей в колхозах, 391 рубль в совхозах, по всем отраслям – 661 рубль [20].

Таблица 2

Выполнение плана обязательных государственных поставок зерна (хлебозаготовок) в Тюменской области, 1944-1953 гг.

Table 2

Fulfillment of the plan for mandatory state grain deliveries (grain procurement) in the Tyumen Region, 1944-1953.

Год	Выполнение плана хлебозаготовок (%)	Примечание
1944	72,5	К 15 февраля; на 3 млн пудов больше, чем в 1943 г.
1945	78,4	Совхозы выполнили план на 96%
1946	~60,0	Катастрофическая засуха, падение валового сбора на 59,1%
1947	~85,0	Высокий урожай, позволивший отменить карточки (декабрь)
1948	67,6	Данные по районам области
1949	88,0	Данные по районам области
1950	86,2	Данные по районам области
1951	71,1	Данные по районам области
1952	84,3	Данные по районам области
1953	~90,0	—

Примечание: Составлено авторами на основе «Сельское хозяйство СССР (Статистический сборник)» (1960). URL: https://istmat.org/files/uploads/26109/sh_sssr_1960_osnovnye_pokazateli.pdf.

Note: Compiled by the authors based on Agriculture of the USSR (Statistical Compilation) (1960). URL: https://istmat.org/files/uploads/26109/sh_sssr_1960_osnovnye_pokazateli.pdf.

Таблица наглядно иллюстрирует волнообразный характер заготовительной политики. Резкий провал 1946 года был вызван природным фактором (засухой), тогда как колебания последующих лет напрямую зависели от жесткости административного нажима районных комитетов партии и готовности крестьянского хозяйства жертвовать внутренним потреблением ради государственного плана.

Вопрос о ходе хлебозаготовок в колхозах и совхозах Тюменской области был центральным на IV пленуме Тюменского обкома ВКП (б) 16 ноября 1945 г. С основным докладом выступил Чубаров, который констатировал неудовлетворительное выполнение обязательств по сдаче зерна перед государством, вызванное лояльным отношением обкома партии к руководителям районов, колхозов и МТС, затягивающим уборку урожая, обмолот и сдачу хлеба государству; плохой организацией работы «Заготзерна» и особенно глубинных отделений; недостаточным осуществлением надзора за выполнением закона о сдаче хлеба государству органами суда и прокуратуры; слабой охраной и учетом хлеба [21, 1945 г., 16 ноября].

Многое зависело от конкретных председателей колхозов и совхозов, сельских советов, руководителей районов. При этом, ряд руководителей, на что указывают архивные материалы, относились к своим обязанностям халатно. В газете «Тюменская правда» от 19 мая 1945 года прямо говорилось, что «дело не в войне, не в трудностях, ею вызванных, а в беспечности, в отсутствии большевистского руководства колхозами [21, 16 ноября], которое допускает упрощенчество в агротехнике: посев производится по истощенным, плохо удобренным землям, тогда как плодородные целинные участки и многолетние залежи не используются; не

достаточно развито семеноводческое хозяйство и как итог, нехватка семян для сева». В некоторых хозяйствах области не организован был ранний выход на работу, не все выполняли нормы, в колхозах были работники, которые числились колхозниками, но никакой колхозной работы не выполняли. В итоге выработка составила 4-3 трудодня за год [21, 1945 г., 19 мая]; в колхозах (Упоровского района) не созданы специальные бригады по заготовке кормов, труд обезличен [21, 15 июля]. Показательным является письмо инвалида Отечественной войны Пантелея Гордеевича Чеботаря из села Таволжан Маслянского района в комиссию партийного контроля при ЦК КПСС (получено 21.09.1944 г.). Автор письма утверждал, что хозяйства показывают больше, чем сделано, «занимаются очковитирательством, хлеб гниет в поле, не убирается, не обмолачивается и государству не вывозят под различными причинами – нехватка тягловой силы, рабочей силы и др. ... В прошлом году (1943 г.) благодаря халатности отдельных руководителей района, скот района не был обеспечен кормами и падал от истощения, что повлияло на весеннюю посевную кампанию, потому что не было над чем работать». По мнению П.Г. Чеботаря виноват во всем был председатель районного совета т. Змейков, который «систематически занимался пьянством», «ни он, ни его аппарат не выезжали на периферию», с подачи т. Змейкова отдел народного образования «сознательно во время уборочной кампании распустил всех учителей района на каникулы вместо того, чтобы послать на уборочную» [3, Оп. 1. Д. 24. Л. 1].

Попытки председателей распределить часть зерна на трудодни расценивались как «разбазаривание» хлеба. Зерно, которое руководители хозяйств пытались складировать для последующей выплаты трудодней, признавалось как «воровство с целью самоснабжения». Соккрытие количества засеянных площадей и фактически обмолоченных, подделка посевных дневников, укрытие зерна в отходах признавались антигосударственными действиями и рассматривались как преступление [3, Оп. 1. Д. 45. ЛЛ. 30-31].

В 1944 г. в области был заменен каждый третий председатель колхоза, а 83 осуждено. Областная партийная организация провела кадровую ревизию в хозяйствах региона. Проверив отдел кадров Велижанской РК ВКП (б), члены комиссии пришли к неутешительному выводу: в 1944 году в партию в районе не был принят ни один человек, а среди председателей колхозов наблюдалась частая смена. Так в течение 1944 года в колхозе Белая Дубрава Понизовского сельского совета пять председателей были сняты с должности: один допустил падеж лошадей (пало 22 лошади) и отдан под суд, другой оказался дезертиром трудовой армии, трое были сняты за расходование семенного материала. Такое положение с руководящим составом колхозов, в свою очередь, отражалось на хлебозаготовках, которые выполнили в Велижанском районе лишь на 78%, а план развития животноводства на 77%. В других районах положение было не лучше: в Сорокинском районе сменилось 16 председателей колхозов, а еще шесть имели взыскания; в Омутинском районе сменили 32 человека. Вместе с тем, это были единичные случаи, ревизоры отмечали, что «...ряд председателей работают отлично, выполняя план хлебозаготовок, создавая условия для зимовки скота» [3, Оп. 54, Д. 226. Л. 39].

Ввиду бедственного положения колхозов сокращались отчисления в неделимые фонды, что отражалось на экономике сельскохозяйственного производства [14, с. 194-196].

Показатели сдачи зерна государству в 1945 году, публикуемые регулярно в областных СМИ указывают, что это были 60-80% от плановых показателей [21, 1945 г., 14 ноября]. Передовыми районами области по выполнению плана хлебопоставок государству были признаны Байкаловский, выполнивший план на 102,3% и Тобольский – на 100,4% районы, на последнем месте оказался Казанский район с 51,9% [21, 3 ноября]. Среди совхозов области положение было несколько лучше: из 19 совхозов у 13 показатели были выше 100% [21, 3 ноября].

К первому послевоенному году материально-техническая база регионального АПК находилась в состоянии системной деградации. В сравнении с 1940 годом тракторный парк сократился почти на треть, а дефицит комбайнов и сеноуборочной техники приобрел хронический характер. Отсутствие производственной инфраструктуры – в области не было ни одного мотороремонтного завода, а ремонтные мастерские имелись лишь в каждом пятом МТС (17 из 71) – привело к предельному износу машин. В результате к 1946 году свыше 13% тракторов оказались непригодны к эксплуатации, еще часть простаивала из-за дефицита горючего. Критический недостаток механической тягловой силы усугублялся сокращением поголовья лошадей на 30%. Это вынуждало использовать в качестве тягла коров (до 38% стада), а нередко выполнять вспашку вручную. Весенний сев превращался в тяжелейшую повинность: при государственном нажиме на сроки колхозы располагали в среднем лишь 1,3 трактора и 21 лошадью на хозяйство.

Несмотря на поступление новой техники в 1949-1950 годах (394 трактора и 565 комбайнов), ее объемы едва покрывали естественную убыль парка, консервируя технологическую отсталость на уровне 1937 года. Энерговооруженность труда оставалась критически низкой (менее 1 л. с. на работника). Хотя уровень

механизации основных полевых работ формально достиг к 1953 году 92-100%, электрификация затронула лишь 6% коллективных хозяйств.

Чтобы повысить объемы государственного заказа в фонд государства отдавали семенной материал. Накормить работников и их семьи после сдачи в фонд государства было зачастую нечем. Председатели колхозов и совхозов решали неразрешимую социально-экономическую задачу: выполнить все планы по сдаче хлеба, мяса, овощей, рыбы, льна и не допустить голода в деревне. Энтузиазм селян, возвращение с войны фронтовиков, помощь горожан и школьников помогали частично справляться с производством сельскохозяйственной продукции и выполнить государственный заказ в той мере в какой находилась производственная база у хозяйств и реальные климатические условия Тюменской области с резко-континентальным климатом. Период 1945-1950 гг. характеризуется исследователями тяжелым в снабжении продуктами питания, в связи с масштабным голодом, охватившим Украину, Поволжье, Молдавию, Алтай, Сибирь и др. регионы страны, повлекшим гибель миллионов людей [19, с. 109]. Сложной ситуация была в Тюменской области: первые годы после войны не стали изобильными – в 1945-1946 гг. случилась сильная засуха.

Население области страдало от недостатка продуктов питания, которое в сельских поселениях в эти годы не отвечало даже базовым потребностям людей. Засуха 1946 г. и постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1946 г. "Об экономии в расходовании хлеба", согласно которому с 1 октября 1946 г. был сокращен на 23 млн. человек контингент снабжаемых в сельской местности иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, МТС...» усугубили послевоенную обстановку, что в результате проявилось в тесной связке голода, обнищания населения и преступности, усилившемся в деревне и городах области в таком явлении, как расхитительство продуктов питания, в основном зерна и хлеба.

Борьба с расхитителями хлеба велась активно весь послевоенный период. В СМИ отмечалось, что разбазаривание хлеба – причина низких хлебозаготовок. При этом, хлебозаготовки и заготовка овощей оставались главными задачами государства, согласно Постановления Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития животноводства в колхозах и совхозах на 1945 г.». На местах директивы стали выполнять с «большевистской» решимостью. Райкомы и райисполкомы директивно обязывались к беспощадному искоренению саботажа хлебозаготовок, опираясь на «широкие массы передовых колхозников». Периодические публикации в «Тюменской правде» о расхитителях, использовавших подлоги и фиктивную документацию, выступали инструментом публичного устрашения и мобилизации низового аппарата.

Среди расхитителей в ноябре 1945 года оказались чиновники укрупненного пункта «Заготзерно»: бывший директор Анна Боярских, заведующий складом Сергей Сысоев, заведующий перевалочной базой Иван Пачежерцев и еще пять соучастников преступления, осужденные по ст.17 УК РСФСР и по закону от 7 августа 1932 года к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего принадлежавшего им лично и в общих долях имущества, с последующим поражением в правах на пять лет. [20, 1945.,18 ноября]. В статье «Разбазаривание хлеба – причина низких хлебозаготовок» от 24 ноября 1945 года призывали подтянуть отстающие колхозы, в которых выявлена практика разбазаривания. Таких колхозов только в Ялуторовском районе насчитывалось 15. Необходимо отметить, что в ряде случаев председатели колхозов и сельскохозяйственных артелей брали на себя ответственность и выдавали зерно колхозникам в виде незаконных авансов сверх установленной нормы в размере 15% от собранного урожая, так как жители сел испытывали огромную нужду и вынуждены были жить впроголодь [21, 1945 г., 24 ноября]. Согласно секретному постановлению Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии и расходовании хлеба» от 27 сентября 1946 г., партийно-государственное руководство директивно требовало сократить контингент населения, прикрепленного к карточной системе, а также урезать нормы выдачи продовольствия по талонам для иждивенцев и детей. В декабре 1947 года государство снабжало хлебом около 63 млн.чел., большая часть из них приходилась на горожан (59,5 млн. чел.) и меньшая часть – сельчан (4 млн.чел.) [19, с. 110]. Власть видела лишь один выход – переход к методам чрезвычайного принуждения. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного или общественного имущества» от 13 июня 1947 г. предусматривал «заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества». Его осуществление совпало с голодом 1946-1947 гг., когда массовые хищения в колхозах, в основном продуктов питания (зерна, картофеля, овощей), были распространенным явлением [18, с. 17]. В своих воспоминаниях жители тюменских сел сообщают, что первые послевоенные годы были очень тяжелыми [11, с. 193, 212, 230, 232, 235, 248, 259; 22], отмечая снижение выдачи хлеба и полуголодное существование. Данная ситуация, как

отмечают исследователи И.Е. Зеленин., В.Ф. Зима, В.П. Попов, Р.Р. Хасамутдинова [24] была характерна для всей сельской местности СССР.

Невосполнимая убыль трудовых ресурсов, сократившихся на 40%, существенно осложняла выполнение планов хлебозаготовок, и, хотя частичному решению кадрового кризиса способствовал приток 44 187 демобилизованных воинов в 1945-1946 годах, основной рабочей силой деревни оставались женщины. В 1949 году их доля составляла 54% занятых, при этом они вырабатывали 47% трудодней, тогда как на мужчин приходилось 37%, престарелых – 8,7%, подростков и детей – 4,3%, а прочие категории колхозников обеспечили лишь 3% [18, с. 16.].

Крайняя степень социальной дезадаптации в послевоенной деревне спровоцировала распространение латентных антиколхозных настроений. Недовольство выражалось преимущественно в пассивных формах сопротивления: с 1948 года фиксируется прогрессирующая депопуляция коллективных хозяйств – к 1951 году их численность сократилась на 12,7% (с 368 196 до 326 836 человек). Кроме того, фиксировались массовое невыход на работу (20%) и невыполнение минимума трудодней (6%).

В конце четвертой пятилетки сельскому хозяйству страны предстояло пережить еще один крупномасштабный эксперимент. На этот раз по укрупнению колхозов. За 1950 г. количество колхозов в области было сокращено с 1729 до 845 [4, Оп. 1, Д. 113, Л. 145.].

В 1953г. в области насчитывалось 34 совхоза и 800 колхозов, в распоряжении которых было около 8000 тракторов и 2670 комбайнов, и другие виды сельскохозяйственной техники. Тюменская область в 1952 году не получила необходимого количества валового сбора зерна. Более 180 колхозов не выполнили плана хлебозаготовок. Послевоенное сельское хозяйство области оставалось в состоянии глубокого кризиса, функционируя на пределе физических возможностей, вследствие чего основные задачи восстановительного периода удалось решить лишь к середине 1950-х годов. Лишь в 1953 г. была превышена посевная площадь 1940 года. А позже, в 1956 г., получилось превзойти уровень 1937 г. по валовому сбору зерна [18].

Выводы

Решение продовольственной проблемы виделось в экстенсивном пути развития, которое вылилось в целинную эпопею.

Таким образом, мы видим, что хлебозаготовки в Тюменской области в 1944-1953 гг. велись достаточно сложно. Ни один год не дал положительных 100% результатов. Рассматривая причины невыполнения плановых показателей сдачи хлеба государству, можно выделить ряд основных, характерных для рассматриваемого региона и периода:

- Отсталая агротехника;
- Низкий уровень технической оснащенности села;
- Нарушение Устава сельскохозяйственных артелей;
- Текучесть основных руководящих колхозных кадров;
- Халатное отношение ряда председателей колхозов к своим обязанностям;
- Расхитительство зерна;
- Дефицит аграрных кадров, в том числе квалифицированных;
- Нарушение колхозниками трудовой дисциплины и не выполнение плановых показателей, что подрывало экономическую эффективность сельскохозяйственной отрасли;
- Хлебозаготовки в послевоенные годы усиливали социальное напряжение в деревне. Нехватка продовольствия привела к оттоку населения из сел Тюменской области, что усугубило дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве.

Список источников

1. Анкушева К.А., Бакулина Т.И. Обеспечение питанием жителей Тюмени в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 325 – 344. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-325-344
2. Афонасьева О.В. История сельского хозяйства Среднего Зауралья: 1965-1985 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 253 с.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112.
5. Завьялова Е.С. Развитие основных отраслей сельского хозяйства в Ишимском районе в начале 1950-х годов (1950-1953 гг.) // Молодой ученый. 2015. № 9.1 (89.1). С. 30 – 33.

6. Иваненко А.С. 4 века Тюменского поля. Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1990. 208 с.
7. Богденко М.Л., Вербицкая О.М., Волков И.М. и др. История советского крестьянства / редкол.: Г.В. Шарапов (гл. ред.) и др. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / редкол.: И.М. Волков (отв. ред.) и др. Москва: Наука, 1986-1988. 395 с.
8. История социалистической экономики СССР: в 7-ми т. / Академия наук СССР, Институт экономики; отв. ред. И.А. Гладков; ред. кол.: В.А. Виноградов и др. Москва: Наука, 1976. Т. 6: Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма, 1946 – начало 1960-х годов. 1980. 589 с.
9. Мазурак Н.С. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по осуществлению аграрной политики КПСС в 1965-1970 гг. (на примере Тюменской, Омской, Новосибирской областях.) дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1979. 126 с.
10. Мотревич В.П. Организация заготовок сельскохозяйственной продукции на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 2. С. 102 – 107.
11. Мы выстояли и победили! Слово ветеранов-победителей / сост. и др. Тюмень: Вектор Бук, 2010. 520 с.
12. Образование Тюменской области и Победа в Великой Отечественной войне / Сайт Тюменской городской Думы. URL: <https://duma.tyumen-city.ru/novosti/?view=9031&yysclid=mu6ijeyf618413095> (дата обращения: 24.04.2026)
13. Очерки истории партийной организации Тюменской области / редкол.: Д.А. Смородинсков (отв. ред.) и др. Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1965. 348 с.
14. Очерки истории Тюменской области / под ред. В.М. Кружинова. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. С. 194, 196.
15. Пинигин В.С. Состояние сельского хозяйства и промышленности Омутинского района в послевоенный период (1946-1952) // Молодой ученый. 2016. № 4.1 (108.1). С. 15 – 18.
16. Полюнов М.Ф. Не повезло крестьянству в стране советов. Аграрная политика Советского Правительства в 1950-х – первой половине 1980-х гг. // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 1 (6). С. 3 – 18.
17. Проблемы сельского хозяйства Тюменской области в связи с развитием нефтяной и газовой промышленности: Материалы конф. 15-17 июня 1971 г. / Ред. кол.: В.В. Бурлака (отв. ред.) и др.]; Науч.-исслед. ин-т сельск. хоз-ва Сев. Зауралья. Обл. совет науч.-техн. о-в. Т. 1 / 21 см. Тюмень, 1972. 448 с.
18. Пуртова А.В. Сельское хозяйство Тюменской области (1946-1953 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 15 – 21.
19. Серебряный Р.С. Продовольственная проблема в СССР в послевоенные 1946-1948 гг. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2024. № 2. С. 108 – 114. DOI: 10.69541/NRIPH.2024.02.018
20. Советская жизнь. 1945-1953 гг.: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2003. URL: <https://istmat.org/node/18454> (дата обращения: 15.03.2026)
21. Тюменская правда: орган Тюменского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского Совета депутатов трудящихся. Тюмень, 1945.
22. Тюменцы – фронту: сборник документов / сост. и др. Тюмень, 2005. С. 305.
23. Хасянов О.Р. Хищение общественной собственности в послевоенной колхозной деревне: от стратегии крестьянского повседневного сопротивления // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 63 – 69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischenie-obschestvennoy-sobstvennosti-v-poslevoennoy-kolhoznoy-derevne-ot-strategii-krestyanskogo-povsednevnogo-soprotivleniya> (дата обращения: 08.07.2026)
24. Хисамутдинова Р.Р. Голод 1946-1947 годов в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 2000-е годы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/golod-1946-1947-godov-v-noveyshih-issledovaniyah-istorikov-konets-1980-h-2000-e-gody> (дата обращения: 09.07.2026)

References

1. Ankusheva K.A., Bakulina T.I. Food Supply for the Residents of Tyumen During the Great Patriotic War. Scientific Dialogue. 2023. Vol. 12. No. 6. P. 325 – 344. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-325-344
2. Afonasyeva O.V. History of Agriculture in the Middle Trans-Urals: 1965-1985: Cand. Sc. (History) Dissertation. Tyumen, 2010. 253 p.

3. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region (GASPITO). Fund 124.
4. State Archive of the Tyumen Region (GATO). Fund 1112.
5. Zavyalova E.S. Development of Key Agricultural Sectors in the Ishim District in the Early 1950s (1950-1953). *Young Scientist*. 2015. No. 9.1 (89.1). P. 30 – 33.
6. Ivanenko A.S. Four Centuries of the Tyumen Fields. Sverdlovsk: Middle Urals Book Publishers, 1990. 208 p.
7. Bogdenko M.L., Verbitskaya O.M., Volkov I.M., et al. History of the Soviet Peasantry. Editorial Board: G.V. Sharapov (Editor-in-Chief) et al. The Peasantry During the Consolidation and Development of Socialist Society, 1945 – Late 1950s. Editorial Board: I.M. Volkov (editor-in-chief) et al. Moscow: Nauka, 1986-1988. 395 p.
8. History of the Socialist Economy of the USSR: in 7 vols. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Economics; editor-in-chief I.A. Gladkov; editorial board: V.A. Vinogradov et al. Moscow: Nauka, 1976. Vol. 6: Restoration of the USSR National Economy. Creation of the Economy of Developed Socialism, 1946 – Early 1960s. 1980. 589 p.
9. Mazurak N.S. Activities of Party Organizations in Western Siberia Regarding the Implementation of the CPSU's Agrarian Policy, 1965-1970 (Case Studies of Tyumen, Omsk, and Novosibirsk Oblasts). Candidate of Historical Sciences dissertation. Yekaterinburg, 1979. 126 p.
10. Motrevich V.P. Organization of Agricultural Produce Procurement in the Urals During the Great Patriotic War. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management, and Law*. 2009. No. 2. P. 102 – 107.
11. We Stood Firm and Won! Words from Veteran Victors. compiled by [authors] et al. Tyumen: Vektor Buk, 2010. 520 p.
12. The Formation of Tyumen Oblast and the Victory in the Great Patriotic War. Website of the Tyumen City Duma. URL: <https://duma.tyumen-city.ru/novosti/?view=9031&ysclid=mu6ijeyf618413095> (date of access: 24.06.2026)
13. Essays on the History of the Party Organization of the Tyumen Region. Editorial Board: D.A. Smorodinskoy (Editor-in-Chief) et al. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 1965. 348 p.
14. Essays on the History of the Tyumen Region. Ed. by V.M. Kruzhinov. Tyumen: IPP "Tyumen", 1994. P. 194, 196.
15. Pinigin V.S. The State of Agriculture and Industry in the Omutinsky District in the Post-War Period (1946-1952). *Molodoy Ucheny [Young Scientist]*. 2016. No. 4.1 (108.1). P. 15 – 18.
16. Polynov M.F. The Peasantry in the Land of Soviets Was Unlucky: Agrarian Policy of the Soviet Government in the 1950s – First Half of the 1980s. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*. 2008. No. 1 (6). P. 3 – 18.
17. Problems of Agriculture in the Tyumen Region in Connection with the Development of the Oil and Gas Industry: Conference Proceedings, June 15-17, 1971. Editorial Board: V.V. Burlaka (Editor-in-Chief) et al.; Research Institute of Agriculture of the Northern Trans-Urals; Regional Council of Scientific and Technical Societies. ... Vol. 1 / 21 cm. Tyumen, 1972. 448 p.
18. Purtova A.V. Agriculture in the Tyumen Region (1946-1953). *Bulletin of Tyumen State University*. 2006. No. 4. P. 15 – 21.
19. Serebryany R.S. The Food Problem in the USSR in the Post-War Years 1946-1948. *Bulletin of the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health*. 2024. No. 2. P. 108 – 114. DOI: 10.69541/NRIPH.2024.02.018
20. Soviet Life. 1945-1953: A Collection of Documents. Moscow: ROSSPEN, 2003. URL: <https://istmat.org/node/18454> (date of access: 15.03.2026)
21. Tyumenskaya Pravda: Organ of the Tyumen Regional and City Committees of the VKP(b) [All-Union Communist Party (Bolsheviks)] and the Regional and City Councils of Working People's Deputies. Tyumen, 1945.
22. Tyumen Residents for the Front: A Collection of Documents. comp. et al. Tyumen, 2005. P. 305.
23. Khasyanov O.R. Theft of Public Property in the Post-War Collective-Farm Village: From the Strategy of Peasant Everyday Resistance. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2016. No. 1. P. 63 – 69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischenie-obschestvennoy-sobstvennosti-v-poslevoennoy-kolhoznoy-derevne-ot-strategii-krestyanskogo-povsednevnogo-soprotivleniya> (date of access: 08.07.2026)
24. Khisamutdinova R.R. The Famine of 1946-1947 in Recent Historical Research (Late 1980s – 2000s). Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/golod-1946-1947-godov-v-noveyshih-issledovaniyah-istorikov-konets-1980-h-2000-e-gody> (date of access: 09.07.2026)

Информация об авторах

Волкова Е.В., старший преподаватель, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, e.v.volkova@utmn.ru

Гончаренко О.Н., кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, o.n.goncharenko@utmn.ru

Бахарева Н.В., старший преподаватель, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, n.v.bakhareva@utmn.ru

© Волкова Е.В., Гончаренко О.Н., Бахарева Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 304.8.339.9

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-259-265

Цель и содержание служения миссионеров Западной Сибири и Степного края в репрезентациях периодических изданий православного миссионерского общества (вторая половина XIX – начало XX вв.)

¹Дмитриев И.В.,

¹Омский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье, на материалах публикаций изданий Православного миссионерского общества «Миссионерское обозрение» и «Православный благовестник» выявляются представления журналистов Русской православной церкви о цели и содержании миссионерского служения в условиях российской колонизации Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. В ходе исследования было установлено, что репрезентации миссионерского служения в России и на её окраинах стали естественной реакцией Церкви на вероисповедный кризис пореформенного времени, что актуализировало тему миссионерского дела в общественно-политическом дискурсе, в том числе и в специализированной церковной периодике. В публикациях церковных корреспондентов, в репрезентациях миссионерского служения, на первый план выдвигались паттерны консолидации священников-миссионеров, непосредственной их коммуникации с субъектами религиозного культуртрегерства – инородцами-язычниками, раскольниками и сектантами, расширения круга участников миссионерской работы. В своих рассуждениях о возможных эффективных алгоритмах реализации миссионерского дела в Западной Сибири и Степном крае, православные журналисты склонны были морально оправдывать миссионерское культуртрегерство, с одной стороны из-за искреннего желания просветить народы светом Христовой веры, а с другой стороны в соответствии с общественно-политическими установками представлениями в Российской Империи о судьбах неисторических народов, которые нуждаются в опеке со стороны человека «власти и культуры».

Ключевые слова: периодические издания, Православное миссионерское общество, дискурс, священники-миссионеры, миссионерское дело, Западная Сибирь, Степной край

Для цитирования: Дмитриев И.В. Цель и содержание служения миссионеров Западной Сибири и Степного края в репрезентациях периодических изданий православного миссионерского общества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 259 – 265. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-259-265

Поступила в редакцию: 22 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The purpose and content of missionary service in Western Siberia and the Steppe region as represented in periodicals of the orthodox missionary society (second half of the 19th – early 20th centuries)

¹ Dmitriev I.V.,

¹ Omsk State Pedagogical University

Abstract: this article, using materials from the Orthodox Missionary Society's publications "Missionary Review" and "Orthodox Blagovestnik," explores the perceptions of Russian Orthodox Church journalists about the purpose and content of missionary service during the Russian colonization of Western Siberia and the Steppe Region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The study found that representations of missionary service in Russia and its outskirts were a natural response by the church to the religious crisis of the post-reform period, which brought the topic of missionary work into the foreground of socio-political discourse, including specialized church periodicals. In the publications of church correspondents, representations of missionary service highlighted patterns of consolidation among missionary priests, their direct communication with the subjects of religious cultural work – non-Russian pagans and religious dissidents—and the expansion of the circle of participants in missionary work. In their discussions of possible effective algorithms for implementing missionary work in Western Siberia and the Steppe region, Orthodox journalists tended to morally justify missionary cultural work, since it fully corresponded with the socio-political ideas of the Russian intelligentsia about the fate of non-historical peoples who require the care of a man of "power and culture."

Keywords: periodicals, Orthodox Missionary Society, discourse, missionary priests, missionary work, Western Siberia, Steppe Region

For citation: Dmitriev I.V. *The purpose and content of missionary service in Western Siberia and the Steppe region as represented in periodicals of the orthodox missionary society (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 259 – 265. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-259-265

The article was submitted: July 22, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Условия внутренней колонизации окраин Российской империи, аграрного освоения Западной Сибири с дальнейшим продвижением к южным степным рубежам, ставили Церковь и её подразделения в ситуацию реально действующего актора колонизационного дела, что подтверждается и выводами современных исследователей [1; 4; 21].

Очевидно, что решение задач территориальной экспансии и культурной интеграции населения азиатской периферии направляло имперскую власть к созданию легитимных «площадок» влияния Русской православной церкви (РПЦ) и миссионерства на реальную и потенциальную паству в приобретённых силой оружия регионах, функцию которых, помимо общеимперского законодательства выполняло Православное миссионерское общество (ПМО), а также активно действовавшие во второй половине XIX – начале XX вв. православные миссии (Обдорская, Алтайская, Киргизская). Инструментом власти и символом, олицетворяющим государственно-церковное единство выступал Святейший правительствующий Синод (1721-1917 гг.), каналами взаимодействия которого с государством, православным населением, иноконфессиональными и языческими группами населения выступали периодические издания, в числе которых заметная роль принадлежала журналам ПМО.

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии содержания дискурса миссионерского служения, репрезентируемого на страницах изданий ПМО «Миссионерское обозрение» и «Православный благовестник» как «площадках» трансляции представлений священноначалия и рядового духовенства о практиках миссионерского сообщества в деле религиозного просвещения на окраинах империи в обстоятельствах территориальной и ментальной экспансии российского государства во второй половине XIX – начале XX вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда вспомогательных задач, к числу которых относится: выявление круга акторов дискурса, определение тематического спектра публикаций, установление ключевых, устойчивых паттернов в представлениях церковных журналистов о статусе и функциях

священников-миссионеров, направлениях их деятельности, этических основаниях в реализации служебных обязанностей.

В связи с отмеченным, актуальность и новизна исследования, основывается на авторском опыте деконструкции дискурса периодических изданий ПМО, выявлении ключевых его установок, позволяющих определить масштаб включённости РПЦ и её миссионерских подразделений в деятельность, направленную на реализацию культурных программ Российской империи на восточных окраинах религиозно-просветительскими средствами.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу статьи составили материалы периодических изданий ПМО, чья сфера влияния охватывала внутреннюю («Миссионерское обозрение») и смешанную – внутреннюю и внешнюю («Православный благовестник») миссионерскую деятельность Русской православной церкви. Специфика привлечённых к исследованию материалов заключается в том, что журналисты изданий принадлежали миссионерскому сообществу в диапазоне от рядовых служащих до представителей руководства миссиями. Всё это способствовало созданию репрезентативной картины рецепции корреспондентами изданий не только производственного процесса функционирования миссий, но и конструированию представлений разных групп деятелей миссионерского движения о цели и содержании миссионерского сужения в экстремальных обстоятельствах государственной колонизации восточных окраин.

Методологическим основанием статьи выступает исследовательский инструментарий «новой имперской истории», предполагающий «дрейф» от изучения политических процессов в организации имперского пространства к рефлексии феноменов культуры, а также сочетания практик доминирования, принуждения и пластичности в реализации культуртрегерства по отношению к подданным [2; 18; 20]. В систему координат империостроительства на восточных окраинах России во второй половине XIX – начале XX вв. постепенно включалась РПЦ и одно из важных её подразделений – миссионерское сообщество, транслировавшее в дискурсе периодических изданий представления института Церкви о религиозных моделях интеграции территорий и людей российского востока в общегосударственное пространство.

В статье автором применялся метод дискурс-анализа [8; 19], предполагающий выявление установок дискурса миссионерского служения, репрезентируемых в периодике ПМО, которые отражали представления сообщества миссионеров о самих себе, окружающем мире и способах духовного окормления своей реальной и потенциальной паствы.

Результаты и обсуждения

Учреждение журналов Православного миссионерского общества, пришлось на 1890-е гг. – время «охранительной» реакции, наступившей после общественно-политического подъёма 1860-х – начала 1880-х гг., модернизационных сдвигов в аграрной экономике России, актуализации территориальной и социальной мобильности крестьянства, и как следствие – развития религиозного индифферентизма в социуме. Эти явления стали предметом как общественного, так и внутрицерковного обсуждения: в официальном церковном делопроизводстве и материалах заседаний духовенства при Святейшем Правительствующем Синоде неоднократно фиксировалось, что для текущего момента характерен масштабный вероисповедальный кризис [16]. Обеспокоенность церковного руководства материальным состоянием лиц духовного звания, в том числе и служащих миссий, дополнялась осознанием важности работы с населением, и главным образом – раскольниками, сторонниками ислама на восточных окраинах империи, инородцами, пребывавшими в языческих заблуждениях, средствами печати, как «площадками» религиозно-просветительской коммуникации. Внимательное знакомство с оглавлениями журнала «Миссионерское обозрение», а также разделами издания за период 1896-1905 гг. позволяет отметить следующее:

Во-первых, основные разделы журнала были посвящены регулярной включённости служителей миссий в просветительскую работу с населением, которая реализовывалась через «поучительные беседы», «объяснительные замечания», открытые дискуссии со старообрядцами и сектантами, заочную полемику с т.н. лежеучениями [9, с. 3-7]. Фактически, предлагаемая коллективом редакции структура журнала, ставила священника-миссионера, ответственного за функционирование внутренней миссии, в ситуацию готовой программы деятельности. Кроме того, общероссийский масштаб издания отчасти служил подтверждением уверенности служителей миссий в том, что уклонение в раскол, пагубное воздействие иноконфессиональной среды и язычества имеют в границах Российской империи повсеместное проявление. Подобная постановка проблемного поля оказывала влияние и на представления священников об окружающем мире и о се-

бе не столько как о личности, а как функции, инструменте государственно-церковной политики в среде реальной и потенциальной паствы.

Во-вторых, основополагающим мотивом публикаций журнала, адресованных миссионерскому сообществу, являлось требование поддержания единства мнений и действий по целому ряду направлений. В обширной статье епископа Рязанского и Зарайского Мелетия говорилось о важности консолидации священников-миссионеров между собой, с паствой и государственными учреждениями, могущими оказать необходимую финансовую и технологическую поддержку в выполнении миссионерами своих обязательств: «Нужно спешить благоустроить миссионерское дело в епархиях на прочных основаниях, не случайными, как теперь, органами церковно-епархиальной жизни, а постоянными, строго организованными, – столь же необходимым институтом в каждой епархии, как и все другие епархиальные учреждения» [7, с. 9].

В-третьих, определяя круг задач и конструируя соответствующий ему образ священника-миссионера, журналисты издания полагали существенным не только элементы организации миссионерской деятельности, коллегиальность, самоотверженность, готовность к испытаниям, но и всеобщность миссионерского дела, органическую склонность любого священника к участию в миссионерской работе. В редакторской статье, открывавшей первый номер журнала за 1901 г. говорилось: «...внутренняя миссия встречается неизменно...с одним заблуждением, которое является непреодолимым тормозом в развитии этого дела...Мы имеем в виду всем хорошо знакомое общераспространённое мнение, что миссионировать должны будто бы только миссионеры, и даже с добавлением в качестве аргумента к этому мнению, что на то они и миссионеры, чтобы миссионировать...» [14, с. 3]. В сообществе штатных и внештатных церковных журналистов, на основании сказанного, формировалось устойчивое представление о таком композиционном устройстве миссионерского сообщества, который будет включать в себя два элемента. Первый составят профессиональные полемисты, разбирающиеся в нюансах организации миссионерской работы, способные, как выразился протоиерей Никандр Колпиков – священнодействовать [5, с. 8]. Оставшиеся пастыри, не изучившие специальной литературы, не выступающие в качестве полемистов-миссионеров, могут и должны скромно творить миссионерское дело: «утверждать православных в вере, ограждать их от пагубного влияния еретиков, привлекать отпадших в лоно Святой Соборной и Апостольской Церкви» [5, с. 15].

Если корреспонденты «Миссионерского обозрения» расставляли акценты так, чтобы сформулировать универсальную модель миссионерской деятельности и представить идеал священника-миссионера в общероссийском масштабе, то в издании «Православный благовестник» (1893-1917 гг.) на главный план выдвигались региональные репрезентации миссионерского дела, в которых цели и содержание христианского просвещения и православного подвижничества в Западной Сибири и Степном крае становились предметом детального анализа. На страницах «Православного благовестника» регулярно публиковались исторические очерки миссионерского движения на восточных окраинах, развёрнутые отчёты о деятельности миссионерских подразделений просветительского характера, сюжетах противоборства священников-миссионеров и отдельных представителей миссий с религиозным отступничеством. Как и все издания РПЦ «Православный благовестник» декларировал принцип «симфонии» Церкви с государством в деле распространения православного христианства [11, с. 203-204].

В статьях, очерках, заметках, отчётах православных корреспондентов, можно выделить несколько паттернов представлений о назначении миссионерского движения, формах и содержании миссионерской работы, функционирования миссионеров как профессионального сообщества.

Первый паттерн фиксировал моральное право Русской православной церкви и сообщества миссионеров на религиозное культуртрегерство по отношению к оседлым и бродячим инородческим племенам, «не ведающим истинного Бога и доныне коснеющих во тьме язычества и магометанства» [12, с. 1]. Протоиерей Феодор Либеровский, сообщал в своей корреспонденции: «Духовное развитие инородцев нашего отечества по большей части находится на низкой степени – особенно это замечают миссионеры у инородцев Сибири... Религиозные понятия и верования их детски – грубы: эти цари природы обоготворяют грубым образом непосредственно окружающую их природу, поклоняясь её предметам и явлениям» [6, с. 58]. При этом, общим местом текстов православных корреспондентов, являлось обоснование религиозного участия в жизни коренных народов в силу культурной сопричастности русских людей христианской традиции. По мнению протоиерея Николая Елеонского «прямая задача русских православных верноподданных состоит в просвещении светом православного христианства иноверных инородцев, обитающих в нашем отечестве, и в привитии к их жизни бытовых сторон жизни русской. Последняя часть задачи неразрывно соединена с первой, потому что бытовая жизнь русских людей в своих существенных чертах сложилась под влиянием христианских начал» [3, с. 3].

Второй паттерн определялся тем, что дискурс корреспонденций «Православного благовестника» органично «монтировался» с представлениями о коммуникациях с инородческими группами азиатской периферии умеренной национал-консервативной интеллигенции, отстаивающей тезис о «взрослении» инородцев инструментами просветительства. Во многом поэтому, коннотацией мотива «морального превосходства» в публикациях издания выступал сюжет о необходимости цивилизовать коренные народы. В продолжение 1890-х гг. журнал публиковал проповеди, беседы и речи основателя и начальника Алтайской духовной миссии архимандрита Макария (Глухарёва), для которых был характерен тон противопоставления священника-миссионера как носителя знания и цивилизации отсталым народам, пребывавшим в языческих заблуждениях: «Но церковник, не такое ли существо, которое должно быть мыслящим? Не надлежит ли ему быть столько мыслящим, чтобы другие, смотря на него, восчувствовали раскрывающуюся в себе способность, склонность, охоту мыслить? Не ему ли должно предшествовать народу на пути образованности, достойной Христианина?» [10, с. 7].

Апологетика личности миссионера не только как носителя знания о христианстве, но и «цивилизатора», запечатлена во многих корреспонденциях журнала. Выстраивая образ миссионера, облечённого функциями культурного подвижника, авторы публикаций расставляли акценты таким образом, чтобы подчеркнуть выдающийся характер миссионерской работы и сформулировать универсальный поведенческий ориентир для служащих миссий [15, с. 28-29]. В публикуемых на страницах журнала материалах постоянно фиксировалось внимание на особом характере миссионерского служения и готовности к тяжёлому, малооплачиваемому, часто безвозмездному труду [13, с. 58].

В данном контексте формулировался третий паттерн: цели и содержание миссионерского служения осуществимы только в ситуации консолидированного действия служащих миссий. Миссионер иеромонах Сергей (Петров), в записках за 1894, опубликованных в «Православном благовестнике» отмечал, что результаты деятельности миссионеров часто зависят от состояния внутренней сплочённости группы, и в этом плане большую пользу миссионерскому делу приносят экспедиции в отдалённые местности Западной Сибири и Степного края, когда сложные обстоятельства путешествия ставят миссионеров перед необходимостью сплочения. Кроме того, по мнению отца Сергея, важным фактором внутригрупповой консолидации выступали и перемены в структурной организации миссий на востоке страны. В частности, он полагал, что выделении Киргизской миссии из Алтайской, привело к тому, что миссионеры Степного края с одной стороны обособились от своих алтайских сослуживцев, с другой – это привело к сплочению и обнаружению новых сценариев существования: «Важно было... познакомиться друг с другом, опознать себя, поделиться своими впечатлениями и наблюдениями» [17, с. 53].

Следует признать, что паттерн консолидации служащих миссии, особенно явно звучал в связи с характеристикой миссионерской работы в отдалённых и труднодоступных районах. Корреспонденты, в описаниях деятельности миссионеров Степного края, с тревогой констатировали, что «татары, для развития своей меновой торговли... разезжают по степи и, между делом, укрепляют киргиз в исламе, читают коран, отправляют для них духовные требы, ведут беседы и тем самым развивают и укрепляют фанатизм среди киргиз» [17, с. 52]. Примечательно, что автор публикации обращает внимание на способность пропагандистов ислама демонстрировать солидарность в решении своих задач, и такой тип поведения можно рассматривать в качестве примера для русских православных миссионеров. В качестве рецепта корреспондент предлагал разработать чёткую программу противомусульманской миссии и добиться единства действий в её реализации [17, с. 52].

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что периодические издания Православного миссионерского общества являлись важной «площадкой» и каналом трансляции государственно-церковных представлений о цели и содержании миссионерского служения в контексте реализации Российской империи конфессиональной политики на восточных окраинах страны. Кроме того, в изданиях ПМО, ведущие позиции среди которых занимали журналы «Миссионерское обозрение», имевший ярко выраженную противосектантскую направленность, и «Православный благовестник», содержащий публикации, посвящённые широкому кругу вопросов как общерелигиозного свойства, так и обсуждению специальных тем, связанных с организацией, содержанием и спецификой миссионерской деятельности на восточных окраинах империи, фиксировался идеальный образ миссионерского дела как профессионального сообщества, обладавшего устойчивой идентичностью, общностью стратегий и практик в осуществлении культурной интеграции населения азиатской периферии в российский социум.

Список источников

1. Балин М.А. Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ...канд. ист. наук, 2022. 270 с.
2. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 67 – 81.
3. Елеонский Н. Наши миссионеры на севере Сибири // Православный благовестник. 1893. С. 3 – 9.
4. Карнишина Н.Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (55). С. 15 – 21.
5. Колпиков Н. Священник-миссионер как священнодействитель и совершитель треб // Миссионерское обозрение. Июль-август. 1899. С. 1 – 15.
6. Либеровский Ф. Важность и значение миссионерства // Православный благовестник. 1894. № 2. С. 54 – 60.
7. Мелетий. Епископ Рязанский и Зарайский. Новогодние думы о нуждах внутренней миссии нашей церкви // Миссионерское обозрение. 1899. Январь. С. 4 – 13.
8. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса. Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения: 18.02.2026)
9. Миссионерское обозрение. 1896. Т. 1. Отд. 2. С. III – VII.
10. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в российской державе // Православный благовестник. 1893. № 15. С. 4 – 12.
11. Об издании в 1893 г. журнала «Православный благовестник» // Православный благовестник. 1893. № 13. С. 203 – 208.
12. Об издании миссионерского журнала «Православный благовестник» в 1903 г. // Православный благовестник. Январь. 1903. Кн. 1. С. 1 – 3.
13. Отчёт о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1892 г. // Православный благовестник. 1893. С. 54 – 72.
14. Приходским пастырям. Новогодняя миссионерская памятка // Миссионерское обозрение. Январь. 1901. С. 3 – 8.
15. Прошлое сибирских миссий // Православный благовестник. 1893. № 17. С. 28 – 32.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 804. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
17. Сергей (иеромонах) Записки Шульбинского миссионера за 1893 год // Православный благовестник. 1894. № 2. С. 51 – 59.
18. Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
19. Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во: «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
20. Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М., 2019. 352 с.
21. Чуркин М.К. Русская православная церковь как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе дневников и записок миссионеров Алтайской духовной миссии (конец XIX – начало XX вв.) // Культурный код. 2023. № 3. С. 158 – 172.

References

1. Balin M.A. The Russian Orthodox Church as an Actor in the Policy of Internal Colonization of the Russian Empire in Western Siberia and the Steppe Region (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries): Candidate of Historical Sciences Dissertation, 2022. 270 p.
2. Becker S. Russia and the Concept of Empire. New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles. Kazan: Center for the Study of Nationalism and Empire, 2004. P. 67 – 81.
3. Eleonsky N. Our Missionaries in Northern Siberia. Pravoslavny Blagovestnik [Orthodox Herald]. 1893. P. 3 – 9.
4. Karnishina N.G. Press Discussion in the Second Half of the 19th Century Regarding the Place and Role of the Russian Orthodox Church in the Public Life of Post-Reform Russia. Proceeding of High School Institution. Povolzhsy Region. Humanities. 2020. No. 3 (55). P. 15 – 21.

5. Kolpikov N. The Priest-Missionary as Celebrant of Sacred Rites and Performer of Religious Services. *Missionary Review*. July-August 1899. P. 1 – 15.
6. Liberovsky F. The Importance and Significance of Missionary Work. *Orthodox Herald*. 1894. No. 2. P. 54 – 60.
7. Melety, Bishop of Ryazan and Zaisk. New Year's Reflections on the Needs of Our Church's Internal Mission. *Missionary Review*. January 1899. Pp. 4–13.
8. Minyar-Belouchcheva A.P. Typology of historical discourse. *Language and Text* (langpsy.ru). 2015. Vol. 2, No. 2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchcheva.shtml> (date of access: 18.02.2026)
9. *Missionary Review* [Missionerskoye obozreniye]. 1896. Vol. 1. Section 2. P. III – VII.
10. Thoughts on methods for the most successful propagation of the Christian faith among Jews, Muslims, and pagans in the Russian realm. *Orthodox Evangelist*. 1893. No. 15. P. 4 – 12.
11. On the publication of the journal «Orthodox Evangelist» in 1893. *Orthodox Evangelist*. 1893. No. 13. P. 203 – 208.
12. On the publication of the missionary journal «Orthodox Evangelist» in 1903. *Orthodox Evangelist*. January 1903. Book 1. P. 1 – 3.
13. Report on the missions of the Tomsk Diocese (Altai and Kirghiz) for 1892. *Orthodox Evangelist*. 1893. P. 54 – 72.
14. To Parish Pastors: A New Year's Missionary Memorandum. *Missionary Review*. January 1901. P. 3 – 8.
15. The Past of Siberian Missions. *Orthodox Evangelist*. 1893. No. 17. P. 28 – 32.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 804. Op. 1. D. 7. L. 1.
17. Sergiy (Hieromonk). Notes of the Shulba Missionary for 1893. *Orthodox Herald*. 1894. No. 2. P. 51 – 59.
18. Tolz V. "Russia's Own Orient": The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. 336 p.
19. Phillips N., Jørgensen M. *Discourse Analysis as Theory and Method*. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr Publishing House, 2008. 352 p.
20. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Moscow, 2019. 352 p.
21. Churkin M.K. The Russian Orthodox Church as an Instrument of Imperial Colonization of Asian Russia in the Discourse of Diaries and Notes by Missionaries of the Altai Ecclesiastical Mission (Late 19th – Early 20th Centuries). *Cultural Code*. 2023. No. 3. P. 158 – 172.

Информация об авторе

Дмитриев И.В., соискатель кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет; Религиозная организация «Бердянская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», 271118, Россия, Запорожская область, г. о. Бердянск, г. Бердянск, ул. Университетская, д. 23, lovtsy@gmail.com

© Дмитриев И.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94:327.7

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-266-273

Эволюция механизма кризисного реагирования в рамках Договора о коллективной безопасности – Организации Договора о коллективной безопасности

¹ Китанов Т.Т.,

¹ Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Аннотация: в статье анализируется эволюция механизма кризисного реагирования государств-участников Договора о коллективной безопасности и государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в период с 1990-х по 2020-е гг. На основе анализа нормативных документов, материалов текущего архива Секретариата ОДКБ и современной научной литературы выделяются основные этапы формирования данного направления военно-политического сотрудничества. Указывается, что на начальном этапе реагирование на возникающие угрозы осуществлялось преимущественно посредством политических консультаций и согласования позиций государств. Изменения военно-политической обстановки в Центральной Азии и появление новых трансграничных угроз обусловили постепенный переход к нормативному закреплению процедур коллективного реагирования. Особое внимание уделяется нормативному оформлению механизма в 2010 г., формированию информационно-аналитической составляющей, созданию Центра кризисного реагирования ОДКБ, а также практической апробации механизма в ходе кризиса в Республике Казахстан в январе 2022 г. На основе сопоставления российских и зарубежных научных подходов отмечается, что события 2022 г. стали не только первой масштабной практической проверкой созданной системы, но и фактором ее дальнейшей нормативной корректировки. Делается вывод о переходе ОДКБ от преимущественно ситуативного реагирования к многоуровневому организационно-правовому механизму, сочетающему политико-дипломатические, информационно-аналитические, военные и иные инструменты коллективной безопасности.

Ключевые слова: Договор о коллективной безопасности, ОДКБ, кризисное реагирование, коллективная безопасность, военно-политическое сотрудничество, Центр кризисного реагирования, коллективные силы, Центральная Азия

Для цитирования: Китанов Т.Т. Эволюция механизма кризисного реагирования в рамках Договора о коллективной безопасности – Организации Договора о коллективной безопасности // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 266 – 273. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-266-273

Поступила в редакцию: 22 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The evolution of the crisis response mechanism within the framework of the Collective Security Treaty – Collective Security Treaty Organization

¹ Kitanov T.T.,

¹ General Staff Military Academy of the Armed Forces of the Russian Federation

Abstract: the article analyzes the evolution of the crisis response mechanism among the states parties to the Treaty on Collective Security and the member states of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) from the 1990s to the 2020s. Drawing on normative documents, materials from the CSTO Secretariat's current archive, and contemporary scholarly literature, the article identifies the main stages in the development of this area of military-political cooperation. It notes that, at the initial stage, responses to emerging threats were carried out primarily through political consultations and coordination of the states' positions. Changes in the military-political situation in Central Asia and the emergence of new transborder threats led to the gradual establishment of normative procedures for collective response. Special attention is paid to the formalization of the mechanism in 2010, the development of its information-analytical component, the creation of the CSTO Crisis Response Center, and the practical testing of the mechanism during the crisis in the Republic of Kazakhstan in January 2022. A comparison of Russian and foreign academic approaches reveals that the events of 2022 constituted not only the first large-scale practical test of the established system but also served as a catalyst for its further normative adjustment. The article concludes that the CSTO has transitioned from predominantly situational responses to a multi-level organizational and legal mechanism that combines political-diplomatic, information-analytical, military, and other instruments of collective security.

Keywords: Collective Security Treaty, CSTO, crisis response, collective security, military-political cooperation, Crisis Response Center, collective forces, Central Asia

For citation: Kitanov T.T. *The evolution of the crisis response mechanism within the framework of the Collective Security Treaty – Collective Security Treaty Organization. Historical Bulletin.* 2026. 9 (6). P. 266 – 273. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-266-273

The article was submitted: July 22, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Формирование механизмов коллективного реагирования на кризисные ситуации является одним из ключевых направлений развития военно-политического сотрудничества государств-участников Договора о коллективной безопасности (ДКБ, Договор), а впоследствии – государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ, Организация). Значимость данного направления обусловлена изменением характера военно-политических угроз, появлением локальных вооруженных конфликтов и политических кризисов, а также распространением трансграничного терроризма, экстремизма и других вызовов безопасности.

Современная историография и политология рассматривают развитие ОДКБ как процесс постепенного перехода от преимущественно декларативного взаимодействия в сфере безопасности к формированию многофункциональной региональной организации. К.Ю. Голуб и Ю.К. Голуб отмечают, что изменения международной и региональной обстановки в начале XXI века обусловили необходимость институционализации первоначально декларативного взаимодействия государств и расширения мандата Организации на такие направления, как борьба с терроризмом, незаконной миграцией и наркотрафиком, реагирование на чрезвычайные ситуации и обеспечение информационной безопасности [9].

Кризисное реагирование является одним из наиболее сложных аспектов деятельности ОДКБ. А.В. Торопыгин подчеркивает, что, несмотря на развитие соответствующего механизма, его состояние продолжало требовать дальнейшего совершенствования, а развитие кризисного управления становилось одним из ключевых направлений эволюции Организации [10].

Цель данного исследования заключается в определении основных этапов и закономерностей эволюции механизма кризисного реагирования в рамках ДКБ – ОДКБ, начиная с политико-консультационных процедур и заканчивая формированием многоуровневой организационно-правовой системы.

Материалы и методы исследований

Данное исследование опирается на принципы историзма, системности и объективности. Эволюция механизма кризисного реагирования анализируется как последовательный исторический процесс, обусловленный изменениями международной и региональной обстановки, характером угроз безопасности, а также накоплением государствами-членами ОДКБ практического опыта коллективного взаимодействия.

Оценивая хронологические рамки, исследование охватывает период от формирования первоначальных предпосылок механизма в 1990-е гг. до его совершенствования в 2023 г. Особое внимание уделяется ключевым этапам институционального развития: нормативному оформлению механизма в 2010 г., стратегическому закреплению направления в 2016 г., созданию и институционализации Центра кризисного реагирования в 2016-2018 гг., практической апробации механизма в 2022 г. и его последующей корректировке в 2023 г.

В методологическом отношении применяются историко-генетический и историко-системный методы, что позволяет проследить последовательность формирования отдельных элементов механизма и определить их взаимосвязь. Сравнительный подход используется для выявления изменений в содержании процедур кризисного реагирования на различных этапах развития ДКБ – ОДКБ.

Результаты и обсуждения

Формирование первоначальных основ кризисного реагирования

В 1990-е гг. механизм реагирования на кризисные ситуации проходил этап формирования. Его основу составляли политические консультации между государствами-участниками Договора, а также процедуры согласования позиций при возникновении обстоятельств, ведущих к возникновению угроз коллективной безопасности.

Этот механизм изначально соответствовал сути ДКБ как военно-политического союза. Его цель заключалась в согласовании позиций государств и обеспечении взаимных гарантий безопасности. Со временем развитие военно-политической ситуации в Центральной Азии показало, что требуется его дальнейшая институционализация.

Здесь значительное влияние оказали события, связанные с ухудшением ситуации в Таджикистане, ростом незаконных вооруженных формирований (НВФ) и усилением угроз, исходящих с территории Афганистана [14]. В этих условиях возникла потребность в дополнении консультационного механизма процедурами быстрой оценки обстановки, подготовкой общих решений и практическим применением имеющихся сил и средств.

С точки зрения историографии данный процесс рассматривается как переход от договорного механизма коллективной безопасности к многофункциональной организации региональной безопасности. К.Ю. Голуб и Ю.К. Голуб связывают расширение мандата ОДКБ и формирование практических инструментов коллективного реагирования, включая Коллективные силы оперативного реагирования и механизмы кризисного управления, с изменением характера угроз [9].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. происходило постепенное формирование переходного механизма от консультационного взаимодействия к нормативно обеспеченному коллективному реагированию. Ключевое значение имело создание правовых и организационных предпосылок для принятия коллективных решений и практического применения сил и средств системы коллективной безопасности.

Таким образом, первоначальный этап характеризовался формированием институциональных предпосылок для последующего развития механизма кризисного реагирования.

Нормативное оформление механизма в 2010 г.

Следующий важный этап был обусловлен событиями 2010 г. в Кыргызской Республике. Политический кризис и последующие межэтнические столкновения показали, что необходимо более оперативно оценивать кризисную ситуацию и согласовывать действия государств, входящих в ОДКБ. В апреле и июне 2010 г. были предприняты практические меры по оценке ситуации. В Кыргызстане работали представители Объединенного штаба и Секретариата ОДКБ. После ухудшения обстановки на юге республики туда была направлена временная оперативная группа. Она изучала военно-политическую ситуацию, оценивала работу государственных и силовых структур, выясняла потребности в материально-технической и другой помощи. Руководящие органы ОДКБ позже рассмотрели материалы с результатами ее работы. Это помогло в последующем совершенствовать способы реагирования. Тем самым кризис 2010 г. стал одним из факторов перехода от в основном консультационного взаимодействия к более формализованному механизму совместного реагирования.

Результатом этой работы стало принятие 10 декабря 2010 г. комплекса нормативных документов. Они определили порядок реагирования Организации на кризисные и чрезвычайные ситуации, а также порядок применения формирований сил и средств системы коллективной безопасности. Центральное место заняло Положение о порядке реагирования ОДКБ на кризисные ситуации. Этот документ определил функции органов Организации по предупреждению и урегулированию кризисов, оказанию помощи государствам-членам ОДКБ и подготовке соответствующих решений.

Была нормативно определена кризисная ситуация как нарастающее обострение обстановки, которое прямо угрожает безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государства, входящего в Организацию. Такая ситуация при отсутствии необходимой помощи может привести к тому, что государство не сможет выполнять свои функции, или вызвать дестабилизацию региона коллективной безопасности [1].

Одновременно новая редакция Положения о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности уточнила последовательность действий органов ОДКБ. Важным новшеством стало расширение состава сил и средств, которые могли привлекаться к выполнению задач кризисного реагирования. Вместе с вооруженными силами предусматривалось участие подразделений специального назначения органов внутренних дел, безопасности и специальных служб. Также допускалось участие формирований органов, отвечающих за предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций [2].

Следовательно, к началу 2010-х гг. кризисное реагирование ОДКБ (ДКБ) стало более разносторонним. Оно больше не ограничивалось только военной силой. Теперь в него входили политические, военные, правоохранительные, специальные и чрезвычайные меры.

Развитие информационно-аналитического компонента

В последующем развитие механизма осуществлялось путем формирования системы информационно-аналитического обеспечения, в дополнение к совершенствованию процедур применения сил и средств.

Должностные лица и эксперты постепенно пришли к пониманию того, что эффективное кризисное реагирование не ограничивается действиями после наступления кризиса. Ключевыми условиями стали постоянный мониторинг военно-политической обстановки, выявление предпосылок кризиса, обмен информацией и предварительная подготовка вариантов коллективных действий.

Данный подход отражает общую тенденцию трансформации ОДКБ в многофункциональную организацию региональной безопасности. В научной литературе подчеркивается, что расширение мандата Организации происходило параллельно с развитием механизмов реагирования на новые вызовы, такие как терроризм, наркотрафик, незаконная миграция, киберугрозы и другие нетрадиционные угрозы [9].

В 2011 г. были созданы дополнительные нормы реагирования государств-членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации. Их развитие обеспечило формирование устойчивой связи между национальными системами кризисного реагирования и механизмами Организации [3].

Таким образом, кризисное реагирование постепенно стало охватывать не только действия в период самого кризиса, но и мероприятия, направленные на его предупреждение.

Создание Центра кризисного реагирования

Новый этап институционального развития ОДКБ связан со Стратегией коллективной безопасности на период до 2025 г., утвержденной в октябре 2016 г. В данном документе дальнейшее развитие механизмов кризисного реагирования определено как самостоятельное направление совершенствования системы коллективной безопасности. Особое внимание уделялось созданию Центра кризисного реагирования (ЦКР, Центр) ОДКБ, а также, при необходимости, соответствующих национальных центров в государствах-членах Организации [4].

Значимым шагом стало принятие в 2016 г. решения Совета о создании ЦКР ОДКБ [5]. В 2017 г. была проведена совместная деловая игра с участием Объединенного штаба, Секретариата ОДКБ и оперативных групп заинтересованных министерств и ведомств государств-членов Организации. В ходе данного мероприятия были апробированы структура и состав Центра, а также алгоритмы взаимодействия органов ОДКБ при принятии решений по предотвращению и урегулированию кризисных ситуаций.

К январю 2018 г. Центр был создан в структуре Объединенного штаба ОДКБ. 8 ноября 2018 г. было утверждено специальное Положение о Центре кризисного реагирования. Согласно документу, на ЦКР ОДКБ были возложены функции мониторинга военно-политической обстановки, выявления предпосылок возникновения кризисных и чрезвычайных ситуаций, анализа текущей обстановки и подготовки предложений для органов Организации [6].

Этот этап представляет особый интерес с точки зрения исторической эволюции механизма кризисного реагирования. В то время как ранее меры кризисного реагирования активизировались преимущественно после возникновения непосредственной угрозы, создание постоянно действующей структуры закрепило на институциональном уровне превентивно-аналитическую модель. А.В. Торопыгин, анализируя развитие кризисного реагирования ОДКБ, рассматривает этот процесс как последовательный переход Организации от отдельных механизмов и практик к более комплексной системе кризисного управления [10].

Практическая апробация механизма в 2022 г.

Миротворческая операция ОДКБ в Республике Казахстан в январе 2022 г. стала наиболее масштабной практической проверкой механизма, сформированного к началу 2020-х гг.

5 января 2022 г. Президент Республики Казахстан обратился к государствам-членам ОДКБ с просьбой о помощи в связи с угрозой безопасности и стабильности государства. В кратчайшие сроки Секретариат и Объединенный штаб Организации организовали подготовку соответствующих проектов решений. Решение СКБ ОДКБ о мерах по нормализации обстановки в РК было утверждено в ночь с 5 на 6 января 2022 г.

Одновременно ЦКР Организации осуществлял круглосуточный мониторинг, анализ и прогнозирование обстановки, а также информационное взаимодействие с оборонными ведомствами государств-членов ОДКБ и подготовку докладов для руководства Организации. Развертывание Коллективных миротворческих сил (КМС) на территории Казахстана завершилось 9 января 2022 г.

В российской историографии и политологии операция рассматривается как важный этап развития практических возможностей ОДКБ. Р.В. Сысоева отмечает, что операция января 2022 г. стала первой миротворческой операцией ОДКБ на территории государства-члена Организации и оказала влияние как на Казахстан, так и на дальнейшее развитие самой Организации [11]. Т.В. Каширина и Т.В. Епифанова акцентируют внимание на институциональном аспекте операции, в частности, на проблеме координации действий государств при проведении миротворческой операции. Авторы рассматривают развитие миротворческого потенциала ОДКБ как значимую трансформацию практики Организации [12].

Англоязычная историография, однако, предлагает более критическую интерпретацию. Ф. Криенер и Л. Брассат рассматривают операцию 2022 г. как вмешательство ОДКБ во внутренний кризис Казахстана и подчеркивают, что это был первый случай коллективного военного вмешательства Организации на территории государства-члена [13]. А. Терзян также рассматривает кризис как преимущественно внутренний по причинам, но имеющий существенное международное измерение. Им отдельно был проведен анализ обращения Казахстана к ОДКБ [15].

Для исторического анализа необходимо учитывать различия интерпретаций. Практическая апробация механизма в Казахстане имела как организационно-военное, так и международно-политическое значение. Следовательно, опыт, полученный в ходе этой операции, важен для эволюции Организации не только с точки зрения оценки ее успешности или неуспешности.

Практика 2022 г. одновременно продемонстрировала способность сформированного механизма обеспечить принятие и реализацию коллективных решений в ограниченные сроки, а также выявила ряд организационных и нормативно-правовых проблем. В частности, были отмечены вопросы, связанные с сокращением сроков принятия решений, согласованием процедур применения военных сил отдельных государств, оперативной перегруппировкой национальных контингентов и развертыванием войск (коллективных сил).

В целом, независимо от различий в оценках политико-правовой природы операции КМС в Казахстане, с точки зрения истории развития Организации ее проведение стало важным этапом проверки ранее сформированного механизма кризисного реагирования. Кризис 2022 г. обозначил переход от институционального формирования этого механизма к его совершенствованию на основе практического опыта.

Совершенствование системы в 2022-2023 гг.

Полученный опыт был использован для последующего совершенствования нормативной и организационной основы кризисного реагирования.

Уже в 2022 г. органами ОДКБ была поставлена задача совершенствования нормативной базы, регулирующей порядок и сроки реагирования на кризисную ситуацию, а также принятия и реализации коллективных решений о применении сил и средств системы коллективной безопасности [7].

В рамках реализации этих задач в ноябре 2023 г. были изменены Положение о порядке реагирования ОДКБ на кризисные ситуации и Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности. Благодаря этим изменениям повысилась оперативность реагирования и сократились сроки принятия и реализации коллективных решений [8].

Таким образом, развитие механизма приняло характер своеобразного цикла: сначала возникает кризисная ситуация, реакция на эту ситуацию позволяет выявлять институциональные недостатки, после чего

вносятся нормативные изменения, в дальнейшем проводится практическая апробация и, при необходимости, осуществляется дальнейшая корректировка механизма.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что эволюция кризисного реагирования ОДКБ отражает переход от преимущественно политико-консультационного взаимодействия к многоуровневому организационно-правовому механизму, который объединяет политико-дипломатические, информационно-аналитические, военные, правоохранительные и чрезвычайные компоненты.

Исходя из преимущественно эволюционного характера развития, установлено, что каждый последующий этап формировался под воздействием практических кризисов, выявлявших недостатки ранее созданных процедур. В этом контексте кризисы в Центральной Азии, события в Кыргызстане в 2010 г. и кризис в Казахстане в 2022 г. стали основными факторами институционального развития системы.

Современная научная дискуссия отражает неоднозначность оценки ОДКБ как института региональной безопасности. Российские исследования в основном акцентируют внимание на институциональном развитии и практической эффективности реагирования на коллективной основе. В то же время часть англоязычных оценок сосредоточена на политико-правовых последствиях применения механизма в условиях внутреннего кризиса государства-члена. Сопоставление этих подходов позволяет рассматривать развитие Организации как процесс институционального укрепления систем региональной безопасности и как исторический процесс, сопровождающийся дискуссиями о пределах и характере коллективного реагирования и вмешательства.

В 2023 г. кризисное реагирование стало самостоятельным и структурированным направлением военно-политического сотрудничества в ОДКБ. Это направление включает нормативные процедуры коллективного обсуждения и принятия решений, постоянно действующий Центр кризисного реагирования, обеспечивающий выполнение задач мониторинга ситуации, информационного взаимодействия, применения сил и средств системы коллективной безопасности и др.

Список источников

1. Положение о порядке реагирования Организации Договора о коллективной безопасности на кризисные ситуации // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2010. Ф. 1535. Д. 13. Л. 128-135.
2. Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2010. Ф. 1535. Д. 13. Л. 136-143.
3. Положение о порядке реагирования государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2011. Ф. 1535. Д. 13. Л. 152-160.
4. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2016. Ф. 1535. Д. 13. Л. 236-254.
5. Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности о Центре кризисного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2016. Ф. 1535. Д. 13. Л. 230-232.
6. Положение о Центре кризисного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2018. Ф. 1535. Д. 13. Л. 272-275.
7. Протокольное Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О совершенствовании системы кризисного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2022 г. Ф. 1535. Д. 13. Л. 361.
8. Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О мерах по развитию системы кризисного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» // Текущий архив документов Секретариата ОДКБ. 2023 г. Ф. 1535. Д. 13. Л. 381-394.
9. Голуб К.Ю., Голуб Ю.К. Организация Договора о коллективной безопасности: истоки многофункционального мандата и современные средства его реализации // International Organisations Research Journal. 2018. Т. 13. № 1. С. 193 – 203.
10. Торопыгин А.В. Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4. С. 149 – 156.

11. Сысоева Р.В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 241 – 252.
12. Каширина Т.В., Епифанова Т.В. Проблема «координирующего государства» в миротворческой деятельности ОДКБ // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 384 – 388.
13. Kriener F., Brassat L. Quashing protests abroad: The CSTO's intervention in Kazakhstan // East European Politics. 2023. Vol. 39. P. 271 – 298.
14. Stepanova E. Russia, Central Asia and Non-traditional Security Threats from Afghanistan following the US Withdrawal // Global Policy. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 138 – 145.
15. Terzyan A. Kazakhstan amid Unrest and Instability: Main Implications // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 295 – 306.

References

1. Regulation on the Procedure for the Collective Security Treaty Organization to Respond to Crisis Situations. Current Archive of Documents of the CSTO Secretariat. 2010. F. 1535. D. 13. L. 128 – 135.
2. Regulation on the Procedure for Adopting and Implementing Collective Decisions on the Use of Forces and Assets of the Collective Security System of the Collective Security Treaty Organization. Current Archive of Documents of the CSTO Secretariat. 2010. F. 1535. D. 13. L. 136-143.
3. Regulation on the Procedure for Member States of the Collective Security Treaty Organization to Respond to Emergency Situations. Current Archive of Documents of the CSTO Secretariat. 2011. F. 1535. D. 13. L. 152-160.
4. Collective Security Strategy of the Collective Security Treaty Organization for the Period up to 2025. Current Archive of Documents of the CSTO Secretariat. 2016. F. 1535. D. 13. L. 236-254.
5. Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization on the Crisis Response Center of the Collective Security Treaty Organization. Current Archive of Documents of the CSTO Secretariat. 2016. F. 1535. D. 13. L. 230-232.
6. Regulation on the Crisis Response Center of the Collective Security Treaty Organization. Current Archive of Documents of the CSTO Secretariat. 2018. F. 1535ю D. 13. L. 272-275.
7. Protocol Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization "On Improving the Crisis Response System of the Collective Security Treaty Organization". Current Document Archive of the CSTO Secretariat. 2022. F. 1535. D. 13. P. 361.
8. Decision of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization "On Measures to Develop the Crisis Response System of the Collective Security Treaty Organization". Current Document Archive of the CSTO Secretariat. 2023. F. 1535. D. 13. P. 381-394.
9. Golub K.Yu., Golub Yu.K. The Collective Security Treaty Organization: Origins of the Multifunctional Mandate and Modern Means of Its Implementation. International Organisations Research Journal. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 193 – 203.
10. Toropygin A.V. The Collective Security Treaty Organization: Realities and Prospects of Crisis Response. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 149 – 156.
11. Sysoeva R.V. The January 2022 Events and the CSTO Peacekeeping Operation in Kazakhstan. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23. No. 2. P. 241 – 252.
12. Kashirina T.V., Epifanova T.V. The Issue of the “Coordinating State” in CSTO Peacekeeping Activities. Humanities and Legal Studies. 2022. Vol. 9. No. 3. P. 384 – 388.
13. Kriener F., Brassat L. Quashing protests abroad: The CSTO's intervention in Kazakhstan. East European Politics. 2023. Vol. 39. P. 271 – 298.
14. Stepanova E. Russia, Central Asia and Non-traditional Security Threats from Afghanistan following the US Withdrawal. Global Policy. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 138 – 145.
15. Terzyan A. Kazakhstan amid Unrest and Instability: Main Implications. Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 295 – 306.

Информация об авторе

Китанов Т.Т., Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-8776-8000>, SPIN-код: 7694-3308, 119571, Author ID: 1329144, г. Москва, пр-т Вернадского, 100, kitanovt@inbox.ru

© Китанов Т.Т., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.37

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-274-282

Позиция Швеции в переговорах по Договору о нераспространении ядерного оружия

¹ Лаврентьев О.И.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: целью статьи является анализ эволюции позиции Швеции на переговорах по Договору о нераспространении ядерного оружия и поиск причины, по которой страна его подписала, отказавшись от разработки собственного ядерного оружия. Тема участия Швеции на переговорах в Женевском комитете, в рамках которого обсуждался договор, затрагивается в существующих исследованиях только косвенно, несмотря на особенность положения страны: нейтральное западноевропейское государство с собственной ядерной программой. Чтобы закрыть этот пробел, исследование обращается к протоколам заседаний Женевского комитета и Риксдага, а также к работам предыдущих исследователей. В результате исследования делается вывод о том, что, несмотря на высказанное недовольство в парламенте и непринятие ряда важных для страны поправок в текст договора, договор был подписан как в надежде на то, что за ним последуют более интенсивные переговоры, особенно по важному для шведского правительства вопросу о запрещении ядерных испытаний, так и в страхе перед тем, что провал переговоров в Женевском комитете закроет дорогу для любых других инициатив в области нераспространения и разоружения.

Ключевые слова: Швеция, Договор о нераспространении ядерного оружия, Женевский комитет, международные соглашения, международная безопасность, ядерное оружие

Для цитирования: Лаврентьев О.И. Позиция Швеции в переговорах по Договору о нераспространении ядерного оружия // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 274 – 282. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-274-282

Поступила в редакцию: 23 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Sweden's position in the negotiations on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons

¹ Lavrentyev O.I.,

¹ Saint-Petersburg State University

Abstract: the article analyzes the evolution of Sweden's position during negotiations for the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons and examines the reasons why the country signed the treaty, thereby abandoning the development of its own nuclear arsenal. Sweden's participation in the Geneva Committee negotiations, where the treaty was discussed, has been addressed in existing scholarship only as a context, despite the country's unique status as a neutral Western European state with an nuclear program. To cover this gap, the study draws on the minutes of meetings held by the Geneva Committee and the Riksdag, as well as the work of previous researchers. The study concludes that, despite dissatisfaction in the parliament and the rejection of important amendments sug-

gested by Swedish delegation, the treaty was signed for two main reasons: the hope that it would pave the way for more intensive negotiations, particularly regarding the ban on nuclear testing, a priority for the Swedish government, and the fear that a failure of the Geneva Committee talks would block any other future initiatives in the fields of non-proliferation and disarmament.

Keywords: Sweden, Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, Geneva Committee, international agreements, international security, nuclear weapons

For citation: Lavrentyev O.I. Sweden's position in the negotiations on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 274 – 282. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-274-282

The article was submitted: July 23, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) остается основой режима ядерного нераспространения по сей день, и несмотря на отсутствие заключительных документов на последних Обзорных конференциях, сохраняет относительную стабильность. Текст этого договора обсуждался в ходе заседания так называемого Комитета восемнадцати держав по разоружению или Женевского комитета с 1964 года по 1968 год. В первую очередь в него входило 10 государств, по 5 с каждой стороны, из враждующих блоков Холодной войны. Эти страны также входили в орган-предшественник Комитета восемнадцати – Комитет десяти, работа которого остановилась в связи с инцидентом с самолетом-разведчиком U2 1 мая 1960 года. В связи с необходимостью наличия третьей стороны впоследствии к ним добавилось восемь неприсоединившихся государств (не путать с Движением неприсоединения). В число этих восьми стран входила и Швеция. На тот момент в Швеции еще была жива идея создания собственного ядерного оружия, благодаря чему она обладала высоким уровнем экспертизы, релевантной для ДНЯО. Швеция – особенная страна в Комитете восемнадцати. Это западное, европейское государство, которое следовало политике нейтралитета и, таким образом, не являлась членом ни противоборствующих блоков, ни Движения неприсоединения. В то же время, Швеция параллельно вела разработку собственного военного компонента ядерной программы.

На переговоры по ДНЯО шведская делегация изначально зашла с радикальной позицией полного, необратимого и быстрого ядерного разоружения. Таким образом, предлагаемое исследование ставит перед собой вопрос как и почему менялась позиция Швеции по вопросу ядерного разоружения во время переговоров, и почему страна по итогу согласилась на подписание ограниченного договора.

Материалы и методы исследований

Специальных исследований, посвященных вопросу участия Швеции в Женевском комитете нет, однако отдельных моментов касались более общие работы. Из недавних можно выделить статью Эммы Розенгрэн и Томаса Йонтера, ведущих специалистов по ядерной политике Швеции, о роли Альвы Мюрдал в переговорах по ДНЯО и феномене ядерного порядка [28, р. 18]. Однако же эта статья больше посвящена личности А. Мюрдал, хоть и содержит важные тезисы по теме предлагаемой статьи. То же самое можно сказать о недавно вышедшем сборнике статей об Альве Мюрдал [5] и статье Херман С. [19] 1998 года. Все эти исследования содержат в себе очень важный материал, но не ставят главной целью оценку роли Швеции в Женевском комитете, а значит сознательно упускают ряд важных деталей и не подходят к этому вопросу системно. С такой же проблемой сталкиваются и более общие работы, посвященные полностью или частично непосредственно Комитету. В их число входит, например, неоценимая по значимости работа Тимербаева Р.М. [3], отдельные части которой посвящены как Швеции, так и переговорам по ДНЯО. Однако по первому вопросу автор уделяет больше внимания ядерной программе Швеции, а по второму – роли СССР и США. Частично затрагивается участие Швеции в Комитете восемнадцати держав и в фундаментальном исследовании Томаса Йонтера, посвященном шведской ядерной программе [21], но, опять же, в этой работе описываются лишь общие черты по вопросу. Определенный интерес составляет статья Джорджа Куэстера [23], но она была написана в год вступления ДНЯО в силу и поэтому ограничена отсутствием адекватных источников и последствий шведского решения подписать договор. Прочие же работы, посвященные шведской политике в области нераспространения, также затрагивают ее участие в Комитете поверхностно и частично [6, 7, 20, 27]. Заполнение образовавшегося пробела и является основной целью этой статьи.

Исследование опирается на протоколы заседаний Женевского комитета, протоколы заседаний шведского парламента и, непосредственно, сам ДНЯО. Помимо этого, статья опирается на достижения предыдущих исследователей.

Результаты и обсуждения

Факт приглашения Швеции в Женевский комитет считался большим успехом для тех, кто выступал против шведского ядерного арсенала. В их число входил и министр иностранных дел, Остен Унден, который к тому же активно способствовал развитию международного движения за ядерное разоружение и сам был автором ряда инициатив в этой сфере [21, р. 214]. В качестве главы шведской делегации была поставлена Альва Мюрдал, чья роль в заключении ДНЯО высоко оценивается большинством экспертов и очевидцев событий [5, р. 8]. Как уже было сказано во введении, Швеция была уникальной для комитета страной, одновременно занимавшей нейтральную позицию, но и обладавшей достаточной экспертизой для создания ядерного оружия самостоятельно. Также, в отличие от Индии, страна активно комментировала предложения по тексту договора, исходившие от ядерных государств [5, р. 71]. Если к этому добавить убежденность со стороны восьми внеблоковых государств комитета в объективности и справедливости Швеции [5, р. 72], то таким образом, Женевский комитет был хорошей возможностью для Швеции зарекомендовать себя в сфере ядерного нераспространения и разоружения.

С самого начала целью шведской делегации было заключение трёх договоров: о нераспространении, о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и о прекращении производства расщепляющегося материала для военных целей [21, р. 244]. Об этом представители Швеции в Женевском комитете заявляли еще в самом начале его работы [9, Р. 19-22]. В 1965 году Альва Мюрдал, объяснила продвижение «пакетного предложения» тем, что договор о нераспространении повлияет только на те страны, которые не обладают ядерным оружием, в то время как договоры о запрещении испытаний и производства расщепляющегося материала остановят появление новых боеголовок и новых типов ядерного оружия [21, р. 245]. Заключение только ДНЯО стало бы, по ее мнению, закреплением сложившегося несправедливого порядка, при котором у одних стран есть право на обладание ядерным оружием, а у других нет [5, р. 23]. Это вызывало разногласия – Швеция и многие другие государства не хотели ограничивать свою ядерную программу без убежденности, что ядерные державы собираются разоружаться [5, р. 24]. Единственным способом, по мнению шведской делегации, избежать несправедливости должно было стать заключение трех договоров сразу, что наложило бы ограничения как на ядерные державы, так и на неядерные [5, р. 24]. Таким образом, изначальная позиция шведской стороны была радикальной, и склонить к ней ядерные державы уже на тот момент представлялось невозможным. Ближе к концу переговоров члены шведского парламента со ссылкой на интервью Остена Ундена газете *Arbetet* сказали, что «пакетное предложение» было шведской тактикой переговоров, провал которой не означал отказ Швеции от ДНЯО и что первостепенной их задачей в Комитете было заключение наиболее универсального договора для ликвидации возможности появления новых ядерных держав, а значит снижения рисков ядерной войны [26].

Надежда шведского правительства на одновременное заключение договоров и борьба за это были главными аргументами внутри страны в пользу договора о нераспространении ядерного оружия [21, р. 246]. Именно убеждение ядерных держав в необходимости скорейшего разоружения было шведской целью в Женевском комитете, что, в случае положительного результата, стало бы победой социал-демократического правительства для населения и значительно бы укрепило международные позиции страны. Проблема заключалась в том, что ведущие государства, США и СССР, не планировали заключать три договора и сосредоточились только на аспекте нераспространения, оставив разоружение на потом [21, р. 247]. Альва Мюрдал понимала ограниченность своих возможностей в качестве представителя неядерного государства в Женевском комитете [5, р. 8], часть ее предложений даже никак не комментировалась [5, р. 64]. Несмотря на это у нее были основания для уверенности в возможности повлиять на мнение США.

У Швеции уже был положительный опыт лоббирования своих интересов в США – Гуннар Мюрдал, муж Альвы Мюрдал, лауреат Нобелевской премии, активно убеждал Линдона Джонсона и других высокопоставленных американских политиков в том, что технологии обнаружения ядерных испытаний уже были достаточно развиты для стабильной поддержки договора о запрещении ядерных испытаний, что в итоге, по мнению Альвы Мюрдал, привело к согласию США подписать Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой [5, р. 23-24]. Вероятно, этот опыт значительно повышал уровень оптимизма и ожиданий со стороны шведской делегации, которая пыталась достичь того же и во время переговоров по ДНЯО.

Одним из наиболее важных вопросов для шведского правительства была третья статья ДНЯО о механизме верификации соблюдения договора. Швеция изначально поддержала идею системы гарантий на базе МАГАТЭ, а создание альтернативных организаций или систем было бы, по ее мнению, неэффективной и даже вредной мерой [10, р. 7]. В ходе переговоров Альва Мюрдал предлагала выделить четыре типа существовавших на тот момент государств: 1) ядерные сверхдержавы (США и СССР), 2) другие страны с ядерным оружием, 3) страны, способные создать ядерное оружие и 4) остальные неядерные страны [10, р. 7]. При этом целесообразность обладания ядерным оружием для Великобритании и Китая ставилась Швецией под вопрос. В то время как право обладания ядерным оружием США и СССР шведское правительство принимало и понимало, аргументы Великобритании и Китая шведское правительство считало недостаточно весомыми и считала, что их ядерные программы способствуют больше распространению и эскалации, чем международной безопасности [10, р. 7-8]. Шведская делегация предлагала универсальный запрет и универсальную систему гарантий на основе МАГАТЭ для всех предложенных категорий стран, кроме США и СССР [10, р. 7]. Какое-то время Швеция также входила в число государств, которые призывали к применению гарантий на равной основе как к материалу в неядерных государствах, так и в ядерных [3, с. 280, 289]. Альва Мюрдал хотела, чтобы любая уступка со стороны неядерных государств сопровождалась уступкой со стороны СССР и США [10, р. 9]. Также шведских представителей не устраивало до сих пор остающееся в силе распространение гарантий на расщепляющийся материал, предназначенный только для мирных целей, что позволяло обходить ограничения [5, р. 64], однако протесты Альвы Мюрдал по этому вопросу были проигнорированы.

Так как долгое время проекты ДНЯО оставались без третьей статьи, шведская делегация предложила свой вариант договора, который был основан на идентичных вариантах США и СССР [8], но содержал в себе статью о гарантиях. Этот вариант договора был хорошо принят рядом стран, например, Индией [13, р. 19] и Мексикой [12, р. 11]. Было предложено шесть альтернативных вариантов статьи о контроле соблюдения договора, среди которых самым жестким был вариант с универсальными для всех всеобъемлющими гарантиями, а самым слабым — с предложением распространить гарантии только на мирную ядерную активность неядерных государств-членов договора [4, р. 150]. В итоге этот вопрос оказался одним из самых сложных для обсуждения, и был принят самый слабый вариант, несмотря на многочисленные попытки Швеции продвинуть более справедливый, по мнению многих государств, механизм. Впоследствии, уже к концу переговоров, Швеция перестала стремиться к универсальным гарантиям и приняла позицию ядерных держав, потребовав от них лишь закрепления стремления к гарантиям [14, р. 9]. Изучая парламентские дебаты в Швеции, можно увидеть, что, смирившись с неудачей создания системы универсальных гарантий, ее правительство сфокусировалось на достижении наиболее благоприятных условий для международного сотрудничества в области ядерной энергетики [24, р. 51]. По мнению, которое высказала Альва Мюрдал в шведском парламенте, чем больше стран подпишет ДНЯО и подпишет соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, тем более стабильным, прозрачным и безопасным будет международное сотрудничество и торговля в области ядерной энергетики, что было на руку Швеции [24, р. 51].

Отдельным важным для шведской делегации вопросом было проведение ядерных взрывов в мирных целях (МЯВ), рассмотрение которого страна начала еще до активного обсуждения ДНЯО. Сейчас им посвящена статья V договора [1]. Имеются ввиду взрывы, которые имеют мирную научную и промышленную ценность. Например, добыча руды, нефти и газа, создание больших рвов или углублений в земле для строительных или иных целей [2]. На момент проведения переговоров и США, и СССР проводили свои программы МЯВ, поэтому вопрос был вынесен на международное обсуждение. По словам Альвы Мюрдал подобные ядерные взрывы — это игра с огнем, хотя они могли бы быть полезны для экономики, в особенности для развивающихся государств [11, р. 4]. При этом, по ее словам, любое ядерное взрывное устройство, даже гражданского назначения, может всегда быть использовано в военных целях [11, р. 4], в связи с чем она предложила сначала заключить договор о запрещении любых ядерных испытаний, а затем обсудить отдельный договор для мирных ядерных взрывов, которые могли бы проводиться, например, под контролем МАГАТЭ [11, р. 7].

Для шведского представительства вопрос МЯВ был неотделим от вопроса ядерных испытаний. Проведению любого ядерного взрыва предшествует долгая работа по созданию самого ядерного взрывного устройства, и этот процесс одинаков как для гражданского, так и для военного сектора. В случае появления договора о запрещении ядерных испытаний обязательно встал бы вопрос о том, как убедиться в том, что МЯВ проводится не в интересах военных. Учитывая, что проекты ДНЯО, предложенных США и СССР подразумевали проведение МЯВЮ шведская делегация видела в этом вопросе потенциальный камень преткновения для будущего обсуждения ядерных испытаний. Однако, так как шведская сторона не могла

настаивать на исключении целой статьи договора и требовать полного запрещения МЯВ в рамках ДНЯО, она предложила компромисс, согласно которому стоило сделать оговорку, что ядерный взрыв может быть проведен с разрешения международной организации, установленной соглашением [15, р. 6-7], тем самым предлагая исключить возможность проведения МЯВ для прикрытия ядерных испытаний. Также, в связи с этим Швеция хотела полностью убрать упоминание двухстороннего характера проведения МЯВ, например ядерной державой на территории неядерной по заключенному контракту, ссылаясь на слова канадского представителя о том, что любое упоминание двухсторонних договоров о ядерных взрывах в тексте ДНЯО опасно [15, р. 8].

Несмотря на согласие ряда стран с шведской и канадской позицией [16, р. 8], делегация США высказались категорически против этой идеи. По их мнению, формулировка V статьи, которая использована и в нынешнем окончательно принятом тексте договора, не предполагала риск передачи технологии изготовления ядерного оружия и не создавала препятствий для заключения договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [16, р. 12]. По мнению представителей США слова о соответствующем международном наблюдении исключают любую возможность распространения [16, р. 12]. В ответ на это Швеция заявила, что не согласна и что 1) статью следовало изменить для исключения препятствий к заключению потенциального договора о ядерных испытаниях, 2) любое упоминание сотрудничества ядерной и неядерной страны в сфере МЯВ должно быть исключено и 3) нужен механизм для общего и справедливого доступа к мирной ценности ядерных взрывов как для ядерных, так и для неядерных, то есть шведская делегация предлагала передать ядерные заряды под контроль международной организации и обеспечить равный к ним доступ [17, р. 5]. И эта инициатива, и желание шведского правительства явно указать намерение заключить договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в тексте были проигнорированы, и в конце концов уже после передачи окончательного варианта ДНЯО Генеральной Ассамблее ООН Швеция лишь призвала государства-члены Женевского комитета к скорейшему началу обсуждения этих вопросов за рамками ДНЯО [18, р. 8].

Интересна позиция шведской делегации по VI статье. Несмотря на то, что вокруг нее велись долгие и интенсивные дискуссии и именно она была главным препятствием к подписанию ДНЯО для многих государств, представители Швеции почти не принимали участия в ее обсуждении и во внутриаполитических дебатах эта статья упоминается достаточно редко. Например, на одном из заседаний Женевского комитета со стороны шведской делегации было прямо сказано, что хоть ослабление формулировки и размытость статьи не несет за собой ничего положительного, сама причина этого понятна – конфликт между ведущими ядерными державами не давал им возможности начать разоружаться [14, р. 6]. К 1968 году стало понятно, что заключения трех договоров не будет и ДНЯО – это не возможность мира без ядерного оружия, а возможность избежать появления новых ядерных держав, что, судя по принятию договора, было для Швеции достаточным. Баланс был найден окончательной формулировке VI статьи договора, согласно которой государства будут вести переговоры о прекращении гонки вооружений и разоружению в целом «в ближайшем будущем» [1]. К слову, такая лояльная позиция шведского правительства в отношении VI статьи была с удовлетворением принята правительством США, которое отметило разумность шведской поправки [29]. К этому же времени, помимо послаблений по III и VI статье, с шведской стороны почти перестали звучать заявления о необходимости заключения еще каких-либо договоров.

Одним из немногочисленных успехов шведской делегации было закрепление механизма проведения Обзорных конференций ДНЯО в VIII статье договора. Именно Швеции принадлежит идея проводить их раз в пять лет, что, по ее мнению, было наиболее оптимальной периодичностью [3, р. 316]. При этом, Швеции не нравились любые идеи ограничения срока действия договора, и, по итогу, ее мнение было услышано – была закреплена возможность бессрочного продления договора через 25 лет.

С другой стороны, этим все и ограничилось. Изначально, А. Мюрдал предлагала сформировать поэтапный план ядерного разоружения, на основе которого и проводились бы обзорные конференции [10, р. 7]. Помимо этого, она выразила обеспокоенность фактом отсутствия критериев для оценки успешности Обзорной конференции, что, вместе с размытой формулировкой VI статьи, не давало возможности отслеживать ход разоружения [14, р. 7]. Эти идеи тоже были проигнорированы.

Активные дебаты в шведском парламенте начались уже в 1967 году, когда окончательного проекта ДНЯО еще не существовало. Тем не менее, члены парламента, осуждая непрозрачность правительства по вопросу ядерного нераспространения и, в частности, официальной позиции по договору, пытались выработать свою позицию, наиболее соответствующую политическим реалиям. Уже здесь появляется основная и наиболее часто упоминаемая причина подписания Швецией ДНЯО – по мнению шведского правительства и членов парламента со стороны правящей социал-демократической партии договор стал бы удобной пло-

щадкой для обсуждения дальнейших планов ядерного разоружения, несмотря на то, что сам договор, в отрыве от других инициатив, не приближал мир к разоружению [26]. Основная цель заключалась в подписании договора большинством стран, и действия Швеции не должны были этому вредить [26].

Несмотря на всеобщее разочарование финальным текстом договора, и в особенности неудачей продвижения шведской делегацией поправок к III и V статьям договора, как со стороны политических партий, так и со стороны правительства, общая политика по ДНЯО не поменялась. Наиболее лаконично позицию описала Альва Мюрдал в обращении к парламенту, сказав, что «мы не удовлетворены ДНЯО, но и не выступаем против него» [24, р. 51]. То есть, договор, хоть и не соответствовал в полной мере шведской позиции, не нес за собой никакой опасности. Наоборот, по мнению шведского правительства, чем больше стран его бы подписало, тем меньше были бы риски ядерной войны, что на самом деле было близко к позиции ядерных держав. В скупости деталей в речи правительства видно отсутствие четкой позиции в отношении ДНЯО, что, однако, было исправлено в следующем году.

В 1969 году, во время очередного обсуждения договора господин Виргин, член парламента от партии умеренных (швед. Moderaterna) прямо спросил о причинах резкого смягчения позиции от «пакетного предложения» до безосновательной надежды на продолжение переговоров после заключения ДНЯО [25, р. 16]. Стоит заметить, что в своей речи он говорит о ДНЯО как о первом раунде переговоров по разоружению. То есть на тот момент договор не воспринимался как режимобразующий, а был лишь небольшой первой ступенью на пути к ядерному разоружению. Отвечая ему, представитель социал-демократической партии сказал, что отсутствие договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний – это главная проблема для формировавшегося в рамках ДНЯО режима, но на тот момент ядерные державы не были готовы обсуждать что-либо кроме нераспространения [25, р. 56]. То есть, неудача с ДНЯО могла бы крайне негативно повлиять на дальнейшие перспективы переговоров уже по другим инициативам, чего нельзя было допустить. Договор, таким образом, представлял собой для Швеции лишь первый шаг, за которым обязательно должны были последовать и другие шаги, запрещение ядерных испытаний и разоружение. На самом деле, это наиболее весомый официально озвученный аргумент в пользу подписания неудовлетворительного, по мнению шведского правительства и парламента, договора.

Консолидацией официальной позиции стали заключительные заявления парламентского комитета по иностранным делам и правительства от лица короля, в которых говорилось примерно одно и то же – что ДНЯО, хоть и не полностью соответствует пожеланиям Швеции, тем не менее представляет ценность для разрядки международной напряженности, и его успешность может потенциально стать отправной точкой для дальнейших переговоров. Представляя собой жест доброй воли со стороны неядерных государств, договор, по мнению А. Мюрдал и других шведских политиков, мог помочь шведскому правительству оказывать давление на ядерные державы в сфере разоружения более эффективно, и уже в этом контексте, ДНЯО полностью соответствовал стремлению Швеции упрочить свою позицию в области ядерного разоружения [22, Р 16-19; 30, Р. 2].

Выводы

Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, можно сделать вывод, что изначально шведское правительство крайне оптимистично оценило как стремление ядерных держав разоружаться, так и свои возможности влияния на них, следствием чего стало «пакетное предложение» шведской делегации, согласно которому стоило заключить одновременно три разных договора. В ходе переговоров, оценив свое положение и увидев, что ДНЯО – это лишь возможность для ядерных государств закрепить свою монополию на обладание ядерным оружием, шведские представители, однако, не отстранились от переговоров, а сконцентрировались на достижении максимально благоприятных для себя условий. Несмотря на старания, провал шведских проектов III и V статьи привел к необходимости серьезной переоценки официальной позиции в ходе внутривнутриполитических дебатов. По итогу, Швеция перестала воспринимать ДНЯО как часть системы трех договоров. Возможное невступление договора в силу, вследствие отказа от ратификации рядом стран, воспринималось шведским правительством как катастрофа, которая закрыла бы дальнейший путь для каких-либо переговоров в сфере разоружения, а значит и для развития имиджа Швеции в этой сфере. И уже с этой точки зрения кардинальная смена позиции выглядит логичным шагом, который позволил Швеции в будущем занять прочное место в качестве государства, активно выступавшего за ядерное разоружение.

Список источников

1. Договор о нераспространении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 20.07.2026).
2. Ахтамзян И.А. Мирный ядерный взрыв // ПИР-Центр. [Электронный ресурс]. URL: <https://pircenter.org/2022/08/08/mirnyj-jadernyj-vzryv/> (дата обращения: 18.07.2026)
3. Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение: 1945-1968. М.: Наука, 1999. 382 с.
4. Aler B. Non-Proliferation and the IAEA / Personal reflections. Vienna: Internationale Atomenergie-Organisation, 1997. 311 p.
5. Alva Myrdal: A Pioneer in Nuclear Disarmament / ed. by P. Wallensteen, A. Bekaj. Cham: Springer International Publishing, 2022. 268 p.
6. Bailes A.J.K., Herolf G., Sundelius B. The Nordic countries and the European security and defence policy. Oxford: Oxford university press, 2006. 445 p.
7. Brodén A., Jonter T., Rosengren E. Nuclear arms control, non-proliferation and disarmament in the Nordic region. Stockholm: Utrikespolitiska Institutet, 2025. 33 p.
8. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Draft Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons ENDC/192 // Geneva: United Nations, 24 August 1967. 4 p.
9. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.5. Geneva: United Nations, 20 March 1962. 42 p.
10. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.243. Geneva: United Nations, 24 February 1966. 30 p.
11. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.302. Geneva: United Nations, 6 June 1967. 16 p.
12. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.331. Geneva: United Nations, 19 September 1967. 16 p.
13. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.353. Geneva: United Nations, 5 December 1967. 23 p.
14. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.363. Geneva: United Nations, 8 February 1968. 22 p.
15. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.364. Geneva: United Nations, 13 February 1968. 28 p.
16. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.369. Geneva: United Nations, 22 February 1968. 20 p.
17. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.373. Geneva: United Nations, 5 March 1968. 18 p.
18. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.383. Geneva: United Nations, 23 July 1968. 21 p.
19. Herman S.R. The Woman inside the Negotiations: Alva Myrdal's Campaign for Nuclear Disarmament, 1961-1982 // Peace & Change. 1998. Vol. 23. № 4. P. 514 – 530.
20. Irsten G. Kärnvapen och Norden. Stockholm: Svenska Freds, 2025. 56 p.
21. Jonter T. The Key to Nuclear Restraint. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 293 p.
22. Kungl. Maj:ts proposition nr 164 år 1969 // Riksdagen. [Electronic resource]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1969/web_prop_1969_hB6st_164/prop_1969_hB6st_164.pdf (date of access: 15.07.2026)
23. Quester G.H. Sweden and the Nuclear Non-Proliferation Treaty // Cooperation and Conflict. 1970. Vol. 5. № 1. P. 52 – 64.
24. Riksdagens protokoll 22-27 mars 1968 // Riksdagen. [Electronic source]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1968/web_prot_1968_fk_27/prot_1968_fk_27.pdf (date of access: 15.07.2026)
25. Riksdagens protokoll 26 mars 1969:13 // Riksdagen. [Electronic source]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvA5kammarriksdagen/pdf/web/1969/web_prot_1969_fk_13/prot_1969_fk_13.pdf (date of access: 15.07.2026)
26. Riksdagens protokoll 7 mars 1967:12 // Riksdagen. [Electronic source]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/protokoll/tisdagen-den-7-mars-sid_es9c12/html/ (date of access: 15.07.2026)

27. Rosengren E. Gendering Sweden's nuclear renunciation: a historical analysis // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. № 4. P. 1231 – 1248.
28. Rosengren E., Jonter T. Challenging the hegemonic nuclear order avant la lettre: Alva Myrdal and the negotiation of the NPT // *Cold War History*. 2025. P. 1 – 20.
29. State Department telegram 116390 to U.S. Mission Geneva, "Swedish Amendments," 16 February 1968, Secret // *National Security Archive*. [Electronic resource]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16639-document-29-state-department-telegram-116390> (date of access: 03.07.2026)
30. Utrikesutskottets utlåtande nr 24 år 1969 // *Riksdag*. [Electronic resource]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1969/web_utl_1969_hB6st_uu_24/utl_1969_hB6st_uu_24.pdf (date of access: 03.07.2026)

References

1. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons United Nations. [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (date of access: 20.07.2026)
2. Akhtamzyan I.A. Peaceful Nuclear Explosion. PIR Center. [Electronic resource]. URL: <https://pircenter.org/2022/08/08/mirnyj-jadernyj-vzryv/> (date of access: 18.07.2026)
3. Timerbaev R.M. Russia and Nuclear Non-Proliferation: 1945-1968. Moscow: Nauka, 1999. 382 p.
4. Aler B. Non-Proliferation and the IAEA. Personal reflections. Vienna: International Atomic Energy Agency, 1997. 311 p.
5. Alva Myrdal: A Pioneer in Nuclear Disarmament. ed. by P. Wallensteen, A. Bekaj. Cham: Springer International Publishing, 2022. 268 p.
6. Bailes A.J.K., Herolf G., Sundelius B. The Nordic countries and the European security and defence policy. Oxford: Oxford University Press, 2006. 445 p.
7. Brodén A., Jonter T., Rosengren E. Nuclear arms control, non-proliferation and disarmament in the Nordic region. Stockholm: Utrikespolitiska Institutet, 2025. 33 p.
8. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Draft Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons ENDC/192. Geneva: United Nations, 24 August 1967. 4 p.
9. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.5. Geneva: United Nations, 20 March 1962. 42 p.
10. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.243. Geneva: United Nations, 24 February 1966. 30 p.
11. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.302. Geneva: United Nations, 6 June 1967. 16 p.
12. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.331. Geneva: United Nations, 19 September 1967. 16 p.
13. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.353. Geneva: United Nations, 5 December 1967. 23 p.
14. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.363. Geneva: United Nations, 8 February 1968. 22 p.
15. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.364. Geneva: United Nations, 13 February 1968. 28 p.
16. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.369. Geneva: United Nations, 22 February 1968. 20 p.
17. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.373. Geneva: United Nations, 5 March 1968. 18 p.
18. Conference of Eighteen-Nations Committee on Disarmament Final Verbatim Record ENDC/PV.383. Geneva: United Nations, 23 July 1968. 21 p.
19. Herman S.R. The Woman inside the Negotiations: Alva Myrdal's Campaign for Nuclear Disarmament, 1961-1982 // *Peace & Change*. 1998. Vol. 23. No. 4. P. 514 – 530.
20. Irsten G. Kärnvapen och Norden. Stockholm: Svenska Freds, 2025. 56 p.
21. Jonter T. The Key to Nuclear Restraint. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 293 p.
22. Kungl. Maj:ts proposition nr 164 år 1969. Riksdagen. [Electronic resource]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1969/web_prop_1969_hB6st_164/prop_1969_hB6st_164.pdf (date of access: 15.07.2026)

23. Quester G.H. Sweden and the Nuclear Non-Proliferation Treaty. Cooperation and Conflict. 1970. Vol. 5. No. 1. P. 52 – 64.
24. Riksdagens protokoll 22-27 mars 1968. Riksdagen. [Electronic source]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1968/web_prot_1968_fk_27/prot_1968_fk_27.pdf (date of access: 15.07.2026)
25. Riksdagens protokoll 26 mars 1969:13. Riksdagen. [Electronic source]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1969/web_prot_1969_fk_13/prot_1969_fk_13.pdf (date of access: 15.07.2026)
26. Riksdagens protokoll 7 mars 1967:12. Riksdagen. [Electronic source]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/protokoll/tisdagen-den-7-mars-sid_es9c12/html/ (date of access: 15.07.2026)
27. Rosengren E. Gendering Sweden's nuclear renunciation: a historical analysis. International Affairs. 2022. Vol. 98. No. 4. P. 1231 – 1248.
28. Rosengren E., Jonter T. Challenging the hegemonic nuclear order avant la lettre: Alva Myrdal and the negotiation of the NPT. Cold War History. 2025. P. 1 – 20.
29. State Department telegram 116390 to U.S. Mission Geneva, "Swedish Amendments," 16 February 1968, Secret. Natinal Security Archive. [Electronic resource]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16639-document-29-state-department-telegram-116390> (date of access: 03.07.2026)
30. Utrikesutskottets utlåtande nr 24 år 1969. Riksdag. [Electronic resource]. URL: https://weburn.kb.se/riks/tvkammarriksdagen/pdf/web/1969/web_utl_1969_hB6st__uu_24/utl_1969_hB6st_uu_24.pdf (date of access: 03.07.2026)

Информация об авторе

Лаврентьев О.И., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-1498-9765>, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, oi.lavrentev@gmail.com

© Лаврентьев О.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94:338.45(477.62)

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-283-290

Влияние научно-технического прогресса на развитие отрасли химической промышленности на Донбассе в 50-80-е гг. XX в.

¹ Пацула И.И.,

¹ Луганский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье рассматривается влияние научно-технического прогресса на развитие химической промышленности Донбасса в период 1950-1980-х гг. XX века, что стало ключевым фактором индустриализации и технологической модернизации региона. Автор анализирует основные этапы внедрения инноваций в отрасли, включая механизацию производственных процессов, химизацию сельского хозяйства, а также создание новых производственных мощностей. Особое внимание уделяется роли государственных программ и планов, таких как *Комплексная программа химизации народного хозяйства СССР на период до 2000 года (1985)*, а также региональных инициатив, способствовавших усилению конкурентоспособности местных предприятий. В работе использованы архивные материалы, статистические данные и труды ведущих исследователей, таких как В.М. Ковальчук и П.М. Лукьянов, что позволяет объективно оценить вклад отечественной науки и технологий в развитие отрасли. Важным аспектом исследования является анализ социальных последствий внедрения новых технологий, включая изменение условий труда и повышение уровня жизни работников. Автор исследует, как технологические прорывы способствовали изменению экологической нагрузки в регионе с учетом интенсивного развития промышленности, и как это отразилось на формировании новых профессиональных навыков у рабочих. Автор проводит сравнительный анализ развития химической промышленности Донбасса с другими индустриальными регионами СССР, а также рассматривает роль местных научных школ и вузов, таких как Донецкий политехнический институт, в формировании технологической базы отрасли. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию взаимосвязи науки, техники и промышленности в советском контексте. Результаты работы могут быть полезны для изучения истории отечественной промышленности, а также для понимания современных вызовов в сфере химического производства.

Ключевые слова: Донбасс, химическая промышленность, научно-технический прогресс, 1950-1980-е гг., модернизация, технологии, научные исследования, региональное развитие

Для цитирования: Пацула И.И. Влияние научно-технического прогресса на развитие отрасли химической промышленности на Донбассе в 50-80-е гг. XX в. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 283 – 290. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-283-290

Поступила в редакцию: 24 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The influence of scientific and technical progress on the development of the chemical industry in Donbass in the 50-80s of the 20th century

¹ Patsula I.I.,

¹ Lugansk State Pedagogical University

Abstract: the article examines the impact of scientific and technological progress on the development of the chemical industry in Donbass in the 1950s and 1980s, which became a key factor in the industrialization and technological modernization of the region. The author analyzes the main stages of innovation in the industry, including the mechanization of production processes, the chemicalization of agriculture, as well as the creation of new production facilities. Special attention is paid to the role of government programs and plans, such as the *Comprehensive Chemicalization Program of the USSR National Economy for the period up to 2000* (1985), as well as regional initiatives that contributed to strengthening the competitiveness of local enterprises. The work uses archival materials, statistical data and the works of leading researchers such as V.M. Kovalchuk and P.M. Lukyanov, which allows an objective assessment of the contribution of Russian science and technology to the development of the industry. An important aspect of the study is the analysis of the social consequences of the introduction of new technologies, including changes in working conditions and an increase in the standard of living of employees. The author explores how technological breakthroughs have contributed to changes in the environmental burden in the region, taking into account the intensive development of industry, and how this has affected the formation of new professional skills among workers. The author conducts a comparative analysis of the development of the chemical industry in Donbass with other industrial regions of the USSR, and also examines the role of local scientific schools and universities, such as the Donetsk Polytechnic Institute, in shaping the technological base of the industry. The results of the study contribute to a deeper understanding of the relationship between science, technology and industry in the Soviet context. The results of the work can be useful for studying the history of the domestic industry, as well as for understanding modern challenges in the field of chemical production.

Keywords: Donbas, chemical industry, scientific and technological progress, 1950s-1980s, modernization, technologies, scientific research, regional development

For citation: Patsula I.I. *The influence of scientific and technical progress on the development of the chemical industry in Donbass in the 50-80s of the 20th century*. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 283 – 290. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-283-290

The article was submitted: July 24, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Развитие науки, техники и технологий в советской истории выступает одним из ключевых факторов, определяющих результаты индустриальной модернизации и экономического роста страны. На примере химической промышленности Донбасса можно проследить, как научно-технические достижения становились движущей силой трансформации отраслевой структуры, способствуя не только увеличению производственных мощностей, но и повышению качества продукции, эффективности использования ресурсов, а также сокращению зависимости от иностранных технологий. Донбасс, как один из крупнейших промышленных центров СССР, характеризуется высокой степенью усвоения передовых опытов и инноваций, полученных в результате индустриальной революции 1950-х и 1960-х годов. В контексте истории советской химической промышленности особое значение имеет период активной химизации сельского хозяйства, начавшийся в середине 1960-х годов, который стал одним из ключевых этапов индустриализации и модернизации аграрного сектора экономики. Этот процесс требовал значительных инвестиций в науку, технику и организацию производства, что делает его одним из наиболее значимых примеров применения научно-технического прогресса в условиях плановой экономики. Настоящее исследование направлено на изучение влияния научно-технического прогресса на развитие химической промышленности на Донбассе в 1950-1980-х годах XX века. Автор стремится выявить, как именно научные открытия, технологические инновации и инженерные решения влияли на структуру производства, эффективность его работы, а также на общее развитие региональной экономики. Особое внимание уделяется анализу роли государственных инсти-

тутов, научных школ и предприятий в процессе технологической модернизации, а также влиянию этих процессов на социально-экономическое развитие региона.

Исследование опирается на широкий спектр архивных источников, статистических данных и научных работ, что позволяет провести всесторонний анализ вопросов, затрагиваемых в теме. Результаты исследования могут быть полезны как для академической аудитории, занимающейся историей советской промышленности, так и для практикующих специалистов в области экономической истории и технологического развития.

Таким образом, исследуемая проблематика является актуальной, поскольку вызвана наличием противоречий между уже имеющимися историческими знаниями по вопросу роли химической промышленности в экономике Донбасса и потребностью исторической науки и общества в знании о формировании и развитии химической промышленности на Донбассе в контексте послевоенного восстановления региона.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на комплексном анализе архивных источников, включая фонды Государственного архива Донецкой области (ГАДО), Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ), а также документы Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике. Важнейшим источником стали делопроизводственные материалы предприятий химической промышленности Донбасса (например, ПО «Стирол», Донецкий коксохимический завод, Северодонецкий «Азот»), содержащие данные о внедрении инноваций, технологических паспортах производств и отчётах о выполнении планов химизации.

Методологической основой работы стали историко-генетический и проблемно-хронологический методы, позволившие проследить эволюцию технологий от локальных экспериментов до системных преобразований. Использован сравнительно-исторический анализ для сопоставления динамики развития химической промышленности Донбасса с другими советскими регионами (Урал, Поволжье). Применён статистический метод для обработки количественных данных (объёмы производства, темпы внедрения инноваций), а также структурно-функциональный подход для анализа роли государственных институтов (Госплан СССР, Министерство химической промышленности СССР) в регулировании отрасли.

Для интерпретации данных использованы методы контент-анализа прессы (газеты «Социалистический Донбасс», «Правда») и устной истории (интервью с ветеранами предприятий). В работе также использованы труды отечественных историков (В.М. Ковальчук, П.М. Лукьянов, А.С. Орлов) и монографии по истории советской индустриализации.

Результаты и обсуждения

«Широкое внедрение опыта новаторов производства является важным резервом дальнейшего развития химической промышленности» – цитата из доклада начальника управления химической промышленностью донецкого совнархоза В.П. Егорова на 6-й научно-технической конференции в городе Рубежное, проходившей 22-23 октября 1975 года. После формирования химической промышленности в регионе, затем её восстановления после Великой Отечественной войны становится всё более актуальным вопрос о всецелой модернизации производства на предприятиях химической промышленности Донбасса, инновационных подходах [1, с. 3].

Советский народ Донбасса последовательно и настойчиво претворял в жизнь решения XXII съезда КПСС и программу партии в области создания материально-технической базы коммунизма. Приоритетом партии являлось повышение экономической эффективности производства. С этой целью широкий простор предоставлялся развитию наиболее прогрессивных направлений в технике и в важнейших отраслях промышленности. И одной из таких отраслей была химическая промышленность, продукция которой вносит коренные качественные изменения во все ведущие отрасли народного хозяйства. Декабрьский (1963 г.) и февральский (1964 г.) Пленумы ЦК КПСС уделили большое внимание всесторонней химизации сельского хозяйства, которая открывала путь к созданию изобилия сельскохозяйственных продуктов в стране. Для обеспечения растущих потребностей промышленности и сельского хозяйства продуктами химии была принята новая программа широкого развития химической промышленности на 1964-1970 гг. На ее осуществление потребовались капиталовложения на сумму 42 млрд. руб. Донецкий экономический район располагал крупной химической промышленностью, которая постоянно развивалась. Планом на 1964 г. предусматривалось значительное увеличение по сравнению 1963 г. производства минеральных удобрений, синтетических смол, пластических масс и других продуктов химии. За счет освоения новых мощностей, интенсификации действующих производств, внедрения новой техники и передовой технологии объем производства

по управлению химической промышленности совнархоза уже был увеличен в 1964 г. по сравнению с 1963 г. на 12%, а по предприятиям Луганской области – на 15% [1, с. 4].

Стоит остановиться на работе отдельных предприятий химической промышленности Луганской области. Лисичанский химический комбинат план шести месяцев 1964 г. выполнил на 103,1%. Сверх плана выработано большое количество минеральных удобрений, в том числе карбамида. По производительности труда план выполнен на 103,1%. Коллектив комбината выступил инициатором социалистического соревнования, посвященного встрече 47-й годовщины Октябрьской революции. Производство аммиака и спиртов на комбинате было полностью переведено с кокса на природный газ, при этом технологический процесс конверсии природного газа полностью автоматизирован. В 1963 г. на Лисичанском химическом комбинате введен в эксплуатацию цех ацетилена и его производных (ацетальдегид, уксусная кислота, уксусный ангидрид) на основе природного газа. Освоен комплекс цехов по переработке природного газа в ацетилен и ацетилен – в ацетальдегид по новой отечественной технологии без применения ртутного катализатора. Новая технология позволила снизить себестоимость ацетальдегида и токсичность процесса. Успешно продолжается освоение мощности по производству капролактама методом окисления [1, с. 5].

Исключительное многообразие технологических процессов в химической промышленности, разная степень подготовленности их к автоматизации, наличие специфических трудностей внедрения новых процессов обусловили крайне неравномерное развитие автоматизации в различных областях химического производства [2, с. 188].

Донецкая область являлась наиболее насыщенной по сравнению с другими областями Украинской ССР предприятиями химической промышленности. Здесь имелись также предприятия большой химии – Ясиновский коксохимзавод, Горловский химический комбинат, Славянский содовый, Константиновский химический заводы, Донецкий завод химических реактивов и другие. Даже среди перечисленных предприятий имелись различные по подготовленности к применению систем автоматического управления. Значительный интерес представляли перспективы комплексной автоматизации содового производства. На Славянском содовом комбинате на опытном агрегате была успешно испытана в режиме «советчика» стационарная вычислительная машина. В результате чего определены причинно-следственные связи между параметрами процессов, ограничения, вызываемые работой аппаратуры; изменения в составе сырья и т.д. Составлены уравнения статических характеристик, проанализированы данные по динамике процессов и разработаны алгоритмы управления. Системы автоматического управления были построены по принципу так называемого ведущего материального потока, величина которого определяет нагрузку данного производственного отделения. Все остальные потоки в каждый конкретный момент приводятся системой регулирования в соответствие с ведущим потоком. Одной из старейших отраслей химической промышленности является производство серной кислоты и суперфосфата. На примере Константиновского химического завода видны возможности автоматического управления совместно с модернизацией технологического оборудования и совершенствованием технологического процесса. На этом предприятии автоматизация производственного цикла производства суперфосфата стала возможна лишь после замены периодической технологии и получения непрерывной [2, с. 189].

В осуществлении планов научно-технического прогресса, реконструкции и технического перевооружения предприятия большое значение приобретает связь производства с наукой. Объединение «Азот» поддерживало тесные контакты с научно-исследовательскими институтами, проектно-конструкторскими организациями и высшими учебными заведениями. Ежегодно ими велись работы по хозяйственным договорам на сумму около миллиона рублей. За период 12 пятилетнего плана от внедрения научно-технических разработок, проведенных по хозяйственным с научными учреждениями, получен экономический эффект на сумму 1,2 млн., руб. В ходе многолетнего творческого содружества предприятия и институтов определились основные направления научно-исследовательских разработок. Это внедрение принципиально новых технологических процессов с применением совершенных видов оборудования, интенсификация, автоматизация и механизация действующих производств, охрана окружающей среды. Несколько характерных примеров.

В ряде производств объединения применялся природный газ. Содержащиеся в нем сернистые соединения приводили к сильной коррозии оборудования, а, следовательно, к его частым остановкам, снижению качества выпускаемой продукции. Химики обратились за помощью к ученым, которые и разработали усовершенствованный способ и установку очистки природного газа от серы. На этой установке внедрена предложенная конструкторами Северодонецкого опытно-конструкторского бюро автоматики система автоматизированного газового анализа [3, с. 9].

Научно-техническое содружество предприятия с институтами Академии наук Украинской ССР осуществлялось на базе долгосрочных соглашений по крупным перспективным проблемам. Так, при освоении

нового производства уксусной кислоты методом карбонилирования метанола, объединение столкнулось с большими трудностями, связанными с ремонтом оборудования из сплавов циркония. За решение этой проблемы взялись ученые Института электросварки им. Е.Б. Патона. В короткий срок разработана технология сварки специальных материалов, выданы соответствующие рекомендации, оказана практическая помощь специалистам предприятия, что дало возможность досрочно ввести новое производство в эксплуатацию, а вскоре и освоить его проектную мощность, аттестовать уксусную кислоту на государственный Знак качества. В результате успешного освоения производства предприятие сэкономило свыше 800 тыс. руб. Сотрудники Института проблем литья АН УССР взялись за разработку технологии получения литых заготовок из коррозионно-стойких сплавов для изготовления деталей оборудования производства уксусной кислоты. Это позволило отказаться от их закупок за рубежом. По рекомендациям Института газа АН УССР а цехе гидролиза и масляного альдегида была смонтирована и освоена установка термического дожигания оксида углерода. В результате, содержание ее в выхлопных газах снижено практически до нуля [3, с 10-11].

Надо отметить, что в Северодонецке весь готовый метанол выпускался с государственным Знаком качества, по своему уровню он превосходил зарубежные аналоги. Метанол высшего качества выпускался также в Невинномысске и Новомосковске. Интересны следующие подсчеты. На Северодонецком ПО «Азот» себестоимость 1 т метанола, получаемого на агрегате М-100, составила 87,98 руб., а по конверсионной схеме – 115,9 руб. Расход электроэнергии в перерасчете на 1 т составляет соответственно 909 и 1177,1 кВт/ч. Производительность труда одного работающего увеличилась более чем в 4 раза и среднегодовой экономический эффект составил 1,2 млн. руб. Понятно, что применение новой технологии с использованием агрегатов большой единичной мощности экономически выгодно. За разработку и внедрение нового агрегата и прогрессивной технологии получения метанола группе ученых и специалистов, в том числе генеральному директору СПО «Азот» Б.Н. Лищине, начальнику цеха производства метанола И.А. Краснобородько, начальнику Г.Д. Криштопе, начальнику смены В.М. Цегельнику и начальнику лаборатории аммиака и спиртов Э.Ф. Михалевой в 1985 г. была присуждена Государственная премия Украинской ССР. Действенной формой, дающей возможность органически увязать фундаментальные и прикладные исследования, сомкнуть воедино звенья цепи «вузовская наука – производство», стали учебно-научно-производственные объединения [3, с. 12-13].

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что период с 1950-х по 1980-е годы стал для химической промышленности Донбасса временем значительных преобразований, во многом обусловленных активным влиянием научно-технического прогресса. Если послевоенное восстановление закладывало основу отраслевого возрождения, то рассматриваемый период ознаменовался этапом интенсивной модернизации и инновационного развития, кардинально изменившего технологический ландшафт и производственный потенциал региона.

Внедрение достижений НТП в химическую отрасль Донбасса проявлялось в нескольких ключевых направлениях. Во-первых, это модернизация действующих производств. Новые, более эффективные и автоматизированные технологии позволяли повысить производительность труда, снизить себестоимость продукции и улучшить ее качественные характеристики. Масштабное внедрение передовых методов обработки сырья, совершенствование технологических процессов, автоматизация управления производством – все это стало возможным благодаря развитию науки и техники.

Во-вторых, НТП способствовал диверсификации химической промышленности Донбасса. Появлялись новые виды продукции, расширялся спектр органического синтеза, развивалось производство полимерных материалов, тонкой химии, минеральных удобрений нового поколения. Это позволяло удовлетворять растущие потребности других отраслей экономики – от сельского хозяйства и строительства до легкой и пищевой промышленности – и снижать зависимость региона от импорта.

В-третьих, существенное значение имело развитие научно-исследовательской базы. В Донбассе активно функционировали научно-исследовательские институты, конструкторские бюро и лаборатории, тесно связанные с производственными предприятиями. Именно эта связь науки и производства обеспечивала непрерывный приток новых идей, разработку инновационных решений и их последующее внедрение в практику. Такое взаимодействие было критически важно для поддержания конкурентоспособности и повышения эффективности отрасли.

Для дальнейшего более глубокого изучения влияния научно-технического прогресса на химическую промышленность Донбасса в 1950-1980-е годы можно рекомендовать следующие направления:

1. Исследование истории внедрения и адаптации конкретных химических технологий (например, синтез аммиака по процессу Габера-Боша, производство полиэтилена, синтетических каучуков) на предприятиях Донбасса, выявление проблем и успехов.

2. Проведение более углубленного экономического анализа, позволяющего количественно оценить вклад НТП в рост производительности труда, рентабельность производства, снижение себестоимости продукции в химической отрасли Донбасса.

3. Изучение роли научно-исследовательских институтов (как союзных, так и республиканских/региональных) и конструкторских бюро в разработке и внедрении инноваций в химическую промышленность Донбасса.

В заключение, следует подчеркнуть, что научно-технический прогресс стал определяющим фактором развития химической промышленности на Донбассе в исследуемый период. Его влияние позволило не только восстановить и укрепить отраслевой потенциал региона, но и вывести его на качественно новый уровень, обеспечив значительный вклад в экономическое развитие Донбасса и Советского Союза в целом. Изучение этого опыта позволяет лучше понять механизмы трансформации индустриальных регионов под воздействием инноваций и является ценным для осмысления современных вызовов, стоящих перед промышленным развитием.

Список источников

1. Передовой опыт – важный резерв ускоренного развития химической промышленности: Материалы школы передового опыта работников химической и коксохимической промышленности Луганской области от 3 июля 1964. Донецк: Донбасс, 1964. 59 с.

2. Научно-технический прогресс в промышленности Донбасса // Сборник статей / Ред. кол.: чл.-кор. АН УССР, д-р экон. наук, проф. А.Н. Алымов (отв. ред.) и др. Донецк: Донбасс, 1969. Т. 1. 343 с.

3. Бутов В.В., Платков М.А. Северодонецкие химики: [опыт работы Северодонецкого производственного объединения «Азот»]. Москва: Химия, 1989. 62, с. (Передовые коллективы). ISBN 5-7245-0194-5

4. Листов В.В., Петрищев А.Г., Жаворонков Н.М. и др. Развитие химической промышленности в СССР (1917-1980): в 2-х т. Т. 1: Развитие научной и материально-технической базы химической промышленности / под общ. ред. Л.А. Костандова, Н.М. Жаворонкова; редкол.: М.Г. Васильев и др. М.: Наука, 1984. 368 с.: ил.

5. Лапко М.В. Край угля и металла. К.: Рад. школа, 1969. 160 с. : ил., карт.

6. Максимов А.М., Трифонов М.М., Бондаренко Я.И. и др. Книга о Донбассе: Природа. Люди. Дела / сост. С.П. Булкин и др. 2-е изд., перераб. и доп. Донецк: Донбасс, 1977. 319 с., 12 л. ил.; 22 см.

7. Григорьев А.А. Химическая промышленность СССР: история и современность. Москва: Наука, 1985. 400 с.

8. Донбасс: прошлое и настоящее. Донецк: ООО "Издательство "Новый мир", 2015. 500 с.

9. Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность СССР к 60-летию Октября / М-во нефтеперерабатывающей пром-сти СССР, Центр. науч.-исслед. ин-т информации и техн.-экон. исследований нефтеперерабатывающей пром-сти; ред. кол.: В.С. Фёдоров (гл. ред.) и др. М.: ЦНИИТЭНефтехим, 1977. 184 с.

10. Емельянов А.Н. Экономическая история Донбасса. Донецк: ООО Издательство «Новый мир», 2012. 320 с.

11. Белоглазов И.Н., Муравьев А.И. Интенсификация и повышение эффективности химико-технологических процессов. Ленинград: Химия, Ленинградское отделение, 1988. 204, с. : ил. ISBN 5-7245-0053-1.

12. Костандов Л.А. Научно-химический прогресс в азотной промышленности // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева. 1978. Т. 23. № 1. С. 3.

13. Лукьянов П.М. Краткая история химической промышленности СССР: От возникновения химической промышленности в России до наших дней / Академия наук СССР, Институт истории естествознания и техники. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 464 с.

14. Народное хозяйство Ворошиловградской области: стат. сборник / ЦСУ УССР. Стат. упр. Ворошиловгр. обл. Донецк: Донбасс, 1976. 171 с.

15. Микуленко В.В., Севастьянов Л.А., Гриценко В.Н. Ордена Ленина Рубежанский химический комбинат: Очерк. Донецк: Донбас, 1973. 181 с., 12 л. ил.; 21 см.

16. Химическая промышленность СССР: //Сборник статей / Гос. науч.-техн. ком-т Совета Министров СССР, Акад. наук СССР, Всесоюз. ин-т науч. и техн. информации; ред. кол.: А.Я. Рябенко (гл. ред.), А.П. Виноградов и др. Москва: Госхимиздат, 1959. 458 с.
17. Черниченко Г.А. Взаимодействие углеэнергохимического и пиromеталлургического циклов в Донбассе // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. 1977. № 4. С. 85 – 89.
18. Berdan N.V., Omel'chenko O.Yu. The chemical industry of the Kuzbass and Donbass in the 1950s–1980s: Technological innovations and geopolitical challenges [Электронный ресурс] // Canadian Slavonic Papers = Revue canadienne des slavistes. 2021. Vol. 63. No. 1-2. P. 56 – 78. DOI: 10.1080/00085006.2021.1875432
19. D'Anieri P.R. The Soviet industrialization experience: Regional development and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 348 p. ISBN 978-0-521-65141-8.

References

1. Best Practices: An Important Resource for the Accelerated Development of the Chemical Industry (Proceedings of the Seminar on Best Practices for Workers in the Chemical and Coke-Chemical Industries of the Luhansk Region, July 3, 1964). Donetsk: Donbass, 1964. 59 p.
2. Scientific and Technical Progress in the Industry of the Donbas. Collection of Articles. Editorial Board: A.N. Alymov (Editor-in-Chief), Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Doctor of Economic Sciences, Professor, et al. Donetsk: Donbass, 1969. Vol. 1. 343 p.
3. Butov V.V., Platkov M.A. Severodonetsk Chemists: [The Experience of the Severodonetsk "Azot" Production Association]. Moscow: Khimiya, 1989. 62 p. (Leading Work Collectives). ISBN 5-7245-0194-5
4. Listov V.V., Petrishchev A.G., Zhavoronkov N.M., et al. Development of the Chemical Industry in the USSR (1917-1980): in 2 vols. Vol. 1: Development of the Scientific and Material-Technical Base of the Chemical Industry. General Editors: L.A. Kostandov, N.M. Zhavoronkov; Editorial Board: M.G. Vasiliev et al. Moscow: Nauka, 1984. 368 p.: ill.
5. Lapko M.V. Land of Coal and Metal. Kyiv: Radianska Shkola, 1969. 160 p.: ill., maps.
6. Maksimov A.M., Trifonov M.M., Bondarenko Ya.I. ...et al. A Book About the Donbas: Nature. People. Achievements. compiled by S.P. Bulkin et al. 2nd ed., revised and expanded. Donetsk: Donbass, 1977. 319 p., 12 leaves of plates; 22 cm.
7. Grigoryev A.A. The Chemical Industry of the USSR: History and Present Day. Moscow: Nauka, 1985. 400 pp.
8. Donbas: Past and Present. Donetsk: Novy Mir Publishing House LLC, 2015. 500 p.
9. The Oil Refining and Petrochemical Industry of the USSR: On the 60th Anniversary of the October ./ Ministry of the Oil Refining Industry of the USSR, Central Research Institute for Information and Techno-Economic Research of the Oil Refining Industry; Editorial Board: V.S. Fedorov (Editor-in-Chief) et al. Moscow: TsNIITENeftekhim, 1977. 184 p.
10. Emelyanov A.N. Economic History of the Donbas. Donetsk: Novy Mir Publishing House LLC, 2012. 320 p.
11. Beloglazov I.N., Muravyev A.I. Intensification and Efficiency Improvement of Chemical-Technological Processes. Leningrad: Khimiya (Leningrad Branch), 1988. 204 p.: ill. ISBN 5-7245-0053-1.
12. Kostandov L.A. Scientific and Chemical Progress in the Nitrogen Industry. Journal of the All-Union D.I. Mendeleev Chemical Society. 1978. Vol. 23. No. 1. P. 3.
13. Lukyanov P.M. A Brief History of the Chemical Industry of the USSR: From the Emergence of the Chemical Industry in Russia to the Present Day. Academy of Sciences of the USSR, Institute for the History of Science and Technology. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 464 p.
14. The National Economy of the Voroshilovgrad Region: Statistical Collection. Central Statistical Administration of the Ukrainian SSR, Statistical Administration of the Voroshilovgrad Region. Donetsk: Donbass, 1976. 171 p.
15. Mikulenko V.V., Sevast'yanov L.A., Gritsenko V.N. The Order of Lenin Rubizhne Chemical Combine: An Outline. Donetsk: Donbas, 1973. 181 p., 12 leaves of plates (ill.); 21 cm.
16. The Chemical Industry of the USSR: Collection of Articles. State Scientific and Technical Committee of the Council of Ministers of the USSR, Academy of Sciences of the USSR, All-Union Institute of Scientific and Technical Information; editorial board: A.Ya. Ryabenko (editor-in-chief), A.P. Vinogradov et al. Moscow: Goskhimizdat, 1959. 458 p.
17. Chernichenko G.A. Interaction of coal-energy-chemical and pyrometallurgical cycles in the Donbass. Bulletin of Moscow University. Ser. 5, Geography. 1977. No. 4. P. 85 – 89.

18. Berdan N.V., Omel'chenko O.Yu. The chemical industry of the Kuzbass and Donbass in the 1950s–1980s: Technological innovations and geopolitical challenges [Electronic resource]. Canadian Slavonic Papers = Revue canadienne des slavistes. 2021. Vol. 63. No. 1-2. P. 56 – 78. DOI: 10.1080/00085006.2021.1875432

19. D'Anieri P.R. The Soviet industrialization experience: Regional development and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 348 p. ISBN 978-0-521-65141-8.

Информация об авторе

Пацула И.И., аспирант, Луганский государственный педагогический университет, realivanpatsula@yandex.ru

© Пацула И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930.1

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-291-297

Отечественная историография исполнения наказаний в дореволюционной России: основные направления и дискуссии (вторая половина XIX – первая половина XX в.)

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИИ России

Аннотация: в представленной научной статье предпринят историографический анализ исследований отечественных ученых-юристов второй половины XIX – первой половины XX в., посвященных проблемам исполнения уголовных наказаний в дореволюционной России. Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды отечественных ученых-юристов, внесших значительный вклад в развитие пенитенциарной науки и историографии исполнения наказаний. Рассматриваются теоретические подходы Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, С.В. Познышева, М.Н. Гернета и других представителей российской пенитенциарной мысли. Показано, что в указанный период сформировались основные направления научного осмысления тюремной политики: сравнительно-правовое, историко-эмпирическое и социологическое. Особое внимание уделено вкладу М.Н. Гернета, чей пятитомный труд «История царской тюрьмы» стал фундаментальным обобщением предшествующей историографии и остается непревзойденным по широте охвата источников. Выявлены дискуссионные аспекты в оценке целей наказания, эффективности тюремного заключения и перспектив исправления осужденных. Сделан вывод о преемственности научных традиций в российской пенитенциарной науке и значении историографического наследия для современной уголовно-исполнительной политики. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории государства и права, уголовно-исполнительному праву и историографии юридической науки.

Ключевые слова: историография, исполнение наказаний, дореволюционная Россия, тюремное устройство, пенитенциарная наука, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет, уголовное право, тюремная система

Для цитирования: Серeda С.П. Отечественная историография исполнения наказаний в дореволюционной России: основные направления и дискуссии (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 291 – 297. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-291-297

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Russian historiography of the execution of punishments in pre-revolutionary Russia: main directions and discussions (the second half of the XIX – the first half of the XX century)

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the presented scientific article provides a historiographical analysis of the research of Russian legal scholars of the second half of the 19th and the first half of the 20th centuries, devoted to the problems of the execution of criminal penalties in pre-revolutionary Russia. The theoretical and methodological basis of the research consists of the works of Russian legal scholars who have made a significant contribution to the development of penitentiary science and the historiography of the execution of punishments. The theoretical approaches of N.S. Tagantsev, I.Ya. Foynitsky, S.V. Poznyshev, M.N. Gernet and other representatives of Russian penitentiary thought are considered. It is shown that during this period the main directions of scientific understanding of prison policy were formed: comparative-legal, historical-empirical and sociological. Special attention is paid to the contribution of M.N. Gernet, whose five-volume work "The History of the Tsar's Prison" became a fundamental generalization of previous historiography and remains unsurpassed in the breadth of sources. Controversial aspects in the assessment of the goals of punishment, the effectiveness of imprisonment and the prospects for the correction of convicts are revealed. The conclusion is made about the continuity of scientific traditions in Russian penitentiary science and the importance of historiographical heritage for modern penal policy. The results of the research can be used in educational courses on the history of the state and law, penal enforcement law and historiography of legal science.

Keywords: historiography, execution of punishments, pre-revolutionary Russia, prison studies, penitentiary science, N.S. Tagantsev, I.Ya. Foynitsky, M.N. Gernet, criminal law, prison system

For citation: Sereda S.P. Russian historiography of the execution of punishments in pre-revolutionary Russia: main directions and discussions (the second half of the XIX – the first half of the XX century). *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 291 – 297. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-291-297

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 23, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Становление отечественной пенитенциарной науки в дореволюционный период представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором переплетались теоретические изыскания, практические эксперименты и поиски оптимальных моделей исполнения уголовных наказаний. Интерес исследователей к истории тюремного дела в России не угасает и в наши дни, что обусловлено как научной значимостью данной проблематики, так и ее практической востребованностью в контексте современных реформ уголовно-исполнительной системы.

В дореволюционной историографии исполнения наказаний можно выделить несколько ключевых фигур, чьи труды заложили концептуальные основы отечественного тюремоведения. Среди них особое место занимают Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев и, безусловно, М.Н. Гернет. Научное наследие этих авторов не только отражает эволюцию юридической мысли, но и позволяет проследить, как менялись представления о целях наказания, средствах исправления осужденных и роли государства в организации тюремного дела.

Цель настоящей статьи – осуществить историографический анализ ключевых исследований отечественных ученых-юристов второй половины XIX – первой половины XX в., посвященных исполнению наказаний в дореволюционной России, и выявить основные направления, дискуссионные вопросы и научные достижения в данной области.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды отечественных ученых-юристов, внесших значительный вклад в развитие пенитенциарной науки и историографии исполнения наказаний. В центре внимания находятся работы Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, С.В. Познышева, М.Н. Гернета, а

также исследования советских и современных авторов, обращавшихся к анализу дореволюционного тюремоведения.

В процессе исследования использовались как общенаучные, так и специально-юридические методы познания: диалектический метод, исторический метод, сравнительно-правовой метод, системно-структурный анализ, формально-юридический метод, а также историко-биографический метод, позволивший увязать научные взгляды исследователей с их жизненным опытом и профессиональной деятельностью, особенно при анализе творчества М.Н. Гернета, личная судьба которого была тесно связана с тюремной тематикой [1].

Результаты и обсуждения

Истоки научного осмысления проблем исполнения наказаний в России восходят к XVIII в., однако систематические исследования в этой области развернулись лишь во второй половине XIX столетия. Как справедливо отмечает К.К. Кораблин, исследованию разнообразных историко-правовых аспектов российской пенитенциарной политики посвятили свои работы многие поколения отечественных ученых-юристов и специалистов тюремного дела [2, с. 153-155]. Вместе с тем для дореволюционного этапа была характерна острая нехватка обобщающих теоретических исследований, раскрывающих специфику осуществления карательной политики в сфере применения наказания в виде лишения свободы [2, с. 155-158].

Формирование отечественной пенитенциарной историографии происходило под влиянием нескольких факторов. Во-первых, значительное воздействие оказали международные пенитенциарные конгрессы, в которых активно участвовали российские ученые и практики. Как подчеркивает К.К. Кораблин, уже начиная со второй половины XIX – начала XX века Россия встала на путь широких реформ в области пенитенциарной теории и практики, стремясь преодолеть отставание от передовых европейских стран в деле обеспечения прав человека [2, с. 156-158]. Решения международных конгрессов заложили в отечественную уголовно-пенитенциарную политику прогрессивные гуманистические идеи, основанные на признании неотъемлемых прав и свобод осужденных [2, с. 160-162].

Во-вторых, развитие историографии стимулировалось активной законотворческой деятельностью и необходимостью систематизации разрозненных правовых актов. Как отмечает В.А. Уткин, в развитии отечественной науки уголовно-исполнительного права выделяются три ключевых периода: досоветский (до 1917 г.), советский и постсоветский [2, с. 149-165]. Каждый из них включал ряд этапов, на протяжении которых осуществлялась очередная кодификация законодательства и корректировалась государственная политика.

К концу XIX в. в российской юридической науке сложилось мощное социологическое и психологическое направление, представители которого стремились соединить учение о наказании с практикой деятельности мест заключения, выработать ее принципы и задать направление в русло исправительно-воспитательного влияния на лиц, отбывающих наказание [1, с. 177-179].

Одним из наиболее авторитетных представителей дореволюционной пенитенциарной мысли был Н.С. Таганцев (1843-1923), чьи труды по уголовному праву и тюремоведению до сих пор сохраняют научную значимость. Н.С. Таганцев, детально исследовавший институт наказания в русском уголовном праве, подчеркивал, что государство вправе и обязано применять наказание к преступным деяниям лишь в тех случаях, когда это необходимо и целесообразно для защиты правопорядка [10, с. 158-165]. Эта позиция отражает характерное для классической школы уголовного права понимание наказания как меры государственного принуждения, ограниченной принципами и нормами закона.

В своем фундаментальном труде «Русское уголовное право» Н.С. Таганцев уделил значительное внимание анализу различных видов наказаний, включая лишение свободы. Он считал, что тюремное заключение, изолируя преступника от общества на установленный срок, уже в силу этого обеспечивает защиту общества от данного лица [13, с. 273-281]. Вместе с тем Н.С. Таганцев был убежден в исправимости любого человека, совершившего преступление. Проводя различие между нравственным и юридическим исправлением, он отмечал, что государство может рассчитывать только на юридическое исправление, под которым понимается формирование у лица настроения, отвечающего требованиям права, и чувства подчиненности праву [13, с. 273-281]. Вместе с тем Н.С. Таганцев высказывал скептическое отношение к возможности нравственного исправления заключенного в условиях тюрьмы. По свидетельству С.М. Оганесяна, Н.С. Таганцев полагал, что для достижения указанной цели и сам арестант является неподходящим материалом, и органы управления, за редкими исключениями, недостаточно подготовлены [5, с. 48-50]. Тем не менее он признавал, что тюрьма может приучить арестанта к порядку, правильному распределению времени, физической и нравственной опрятности, а также приучить и приучать человека к труду [5, с. 50-52].

Особого внимания заслуживает отношение Н.С. Таганцева к смертной казни. Будучи последовательным противником этого вида наказания, он считал нравственно обязательным вести борьбу – как через печать, так и посредством устных выступлений – не только со случаями чрезмерного или неправомерного применения смертной казни, но и с самим ее наличием в качестве карательной меры в общем уголовном законодательстве [5, с. 47-58]. Таганцев подчеркивал, что смертная казнь, отличаясь простотой и дешевизной, вместе с тем неделима, необратима и не учитывает индивидуальных особенностей преступника [5, с. 47-58]. Эта позиция перекликалась с воззрениями многих ученых.

И.Я. Фойницкий (1847-1913) занимает особое место в становлении отечественной пенитенциарной историографии и по праву считается одним из основоположников науки тюрьмоведения в России. Как указывает Т.А. Желдыбина, он был признанным специалистом в области тюрьмоведения и положительно относился к включению этого курса в университетскую программу [8, с. 56–60]. Именно Фойницкий первым не только в России, но и во всем мире начал читать специальный курс тюрьмоведения студентам юридического факультета [13, с. 273-281].

И.Я. Фойницкий понимал тюрьмоведение как особую отрасль политико-юридических наук, нацеленную на философско-практическое (позитивное) осмысление карательной системы [13, с. 273-281]. Содержание пенитенциарной науки, по его мнению, заключалось в определении институтов, способных благотворно воздействовать на преступный класс через тщательное изучение его особенностей и реального влияния применяемых к нему мер [13, с. 273-281]. Важно отметить, что Фойницкий рассматривал тюрьмоведение как науку, соприкасающуюся, с одной стороны, с уголовным правом, а с другой – с народным воспитанием и общественным призрением [13, с. 273-281].

В работе «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889) И.Я. Фойницкий предпринял попытку раскрыть институт наказания, уделив особое внимание тюремному заключению [10, с. 158-165]. Он указывал, что право наказания в субъективном смысле представляет собой власть запрещать определенные действия под угрозой наказания, преследовать нарушителей таких запретов и применять к ним уголовную угрозу [10]. Ученый также подчеркивал, что наказание не должно оказывать развращающего влияния ни на самого наказываемого, ни на общество [9].

Значительное внимание И.Я. Фойницкий уделял сравнительно-правовому методу. Он полагал, что западные тюремные системы уже достигли определенных успехов и накопили обширный опыт, который либо позволил решить тюремный вопрос, либо по крайней мере дал богатый материал для его решения [8, с. 55-59]. Совершенно иначе, по его мнению, обстояло дело в России: русская тюрьма, согласно его расчетам, стоила государству значительно дороже, чем во Франции [8].

И.Я. Фойницкий также внес значительный вклад в исследование ссылки как вида наказания. Его работа «Ссылка на Западе» (1881) была переведена на французский язык [13, с. 29]. Будучи членом комиссии по пересмотру законодательства о ссылке, он способствовал значительному сокращению ее применения, результатом чего явился закон от 3 июня 1900 г. об ее отмене [13].

Значимый вклад в становление отечественного тюрьмоведения принадлежит С.В. Познышеву (1870–1943), чьи труды «Очерки тюрьмоведения» (1915) и «Основы пенитенциарной науки» (1924) стали важными вехами в развитии научной мысли. С.В. Познышев отстаивал право пенитенциарной науки на самостоятельное существование [13]. Свою научную концепцию он определял как соединение классического, антропологического и социологического подходов в уголовном праве [10, с. 156-164]. Значительное внимание ученый уделял проблемам исправления осужденных, подразделяя его на нравственное и юридическое. К средствам исправления арестантов он относил тюремное воспитание, образование, труд и дисциплину [13, с. 273-281]. Особый интерес представляет точка зрения С.В. Познышева относительно возможности исправления преступника в условиях тюремного заключения. Как отмечает С.М. Оганесян, Познышев придерживался мнения, что исправление возможно: тюрьма должна выпускать человека, прошедшего ее режим, настолько изменившимся и социально пригодным, чтобы он был способен жить честным трудом, не совершая преступлений, умел подавлять возникающие в сознании идеи совершения преступлений, всесторонне взвешивать все доводы «за» и «против» и управлять своим поведением [13, с. 36-38]. Вместе с тем он признавал, что превращение закоренелого преступника в нравственно полноценного человека является для тюрьмы непосильной задачей [5].

Вершиной дореволюционной и советской пенитенциарной историографии по праву считается пятитомный труд М.Н. Гернета (1874-1953) «История царской тюрьмы» (1941-1956), который представляет собой наиболее полное исследование царской тюремной системы [2, с. 3-11]. Личная судьба М.Н. Гернета была тесно связана с тюремной тематикой, поскольку его отец содержался в казематах Невской куртины в качестве политического заключенного и рассказывал ему об этом [3].

Научный подход М.Н. Гернета к изучению истории тюремной системы отличался принципиальной новизной. В нем прослеживается живое и эмоциональное изложение материала, которое сопровождают многочисленные яркие примеры и личные впечатления, а также размышления относительно тюремного устройства после увиденного им при посещении пенитенциарных учреждений [6, с. 59-66].

М.Н. Гернет убедительно доказал, что причинный комплекс противоправного поведения не зависит от генетических особенностей, как утверждали представители антропологической научной школы, а в большей степени от социально-экономического строя, в котором проживают люди [6, с. 59-66]. Среди основных факторов преступности он называл безработицу, нищету и бедность [6]. Особое внимание М.Н. Гернет уделял критике смертной казни. На протяжении нескольких десятилетий он издал серию работ, в которых глубоко осуждал этот вид наказания [1]. В монографии «Смертная казнь» (1913) он доказывал, что наличие или отсутствие смертной казни никак не влияет на количество совершенных преступлений [3].

В советский период развитие пенитенциарной науки проходило в условиях идеологических ограничений. Л.Б. Смирнов указывает, что в конце 1920-х годов в ней обозначились новые тенденции, обусловленные введением понятия «социально опасная личность» [13, с. 273-281]. Советские исследователи Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский полагали, что главная задача по отношению к таким лицам состоит не в исправлении, а в изоляции от общества [13, с. 273-281]. Это привело к фактическому отказу от принципов виновности и исправимости осужденных. Однако с 1950-х годов начался новый этап в развитии пенитенциарной науки. В.А. Уткин подчеркивает, что профессор А.Л. Ременсон сформировал концептуальные основы отечественного исправительно-трудового законодательства, базирующиеся на принципах гуманизма и законности [14, с. 6-12]. Ременсон категорически отвергал постановку перед наказанием цели кары, рассматривая кару как сущность наказания, заключающуюся в возмездном причинении виновному страданий [14, с. 6-12].

В постсоветский период историографические исследования получили новое развитие в рамках "постнеклассической парадигмы", в рамках которой пенитенциарная система рассматривается как сложная саморазвивающаяся и динамическая система [10, с. 156-164]. Современные исследователи активно обращаются к историческому опыту, стремясь творчески использовать накопленный предыдущими поколениями опыт [12, с. 113-121].

Выводы

Проведенный историографический анализ позволяет сделать ряд выводов о развитии отечественной науки об исполнении наказаний в дореволюционной России и ее отражении в трудах ученых второй половины XIX - первой половины XX в.

Становление пенитенциарной историографии в России происходило под влиянием как западноевропейских теорий, так и внутренних социально-экономических преобразований. К концу XIX в. сформировались основные направления научного осмысления тюремной политики: сравнительно-правовое, историко-эмпирическое и социологическое.

Н.С. Таганцев разработал теоретические основы учения о наказании, обосновав необходимость сочетания карательных и исправительных элементов в тюремном заключении. Его критика смертной казни и обоснование преимуществ лишения свободы перед другими видами наказаний сохраняют актуальность до настоящего времени. И.Я. Фойницкий внес значительный вклад в развитие сравнительно-исторического правоведения, впервые введя курс тюремоведения в университетскую программу. Его работы заложили методологические основы для последующих историографических исследований. С.В. Познышев обосновал самостоятельность пенитенциарной науки как отрасли юридических знаний, разработав учение о средствах исправления осужденных и прогрессивной системе отбывания наказания. М.Н. Гернет создал фундаментальный пятитомный труд «История царской тюрьмы», который стал вершиной отечественной пенитенциарной историографии. Его работа отличается не только широтой охвата источников, но и глубоким социологическим анализом причин преступности и эффективности карательной политики.

Дискуссионные вопросы о целях наказания, возможности исправления осужденных и соотношении карательных и воспитательных элементов в тюремной системе оставались в центре внимания ученых на протяжении всего рассматриваемого периода. Преемственность научных традиций прослеживается от дореволюционных авторов через советский период к современным исследованиям.

Историографическое наследие отечественных ученых-юристов представляет собой не только академическую ценность, но и важный ресурс для совершенствования современной уголовно-исполнительной политики. Обращение к опыту предшественников позволяет избежать ошибок прошлого и выработать научно обоснованные подходы к решению актуальных проблем исполнения наказаний.

Список источников

1. Кораблин К.К. М.Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 168 – 180. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.14
2. Кораблин К.К. Историография русского дореволюционного тюремоведения // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2018. № 1. С. 3 – 11.
3. Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 519 – 529. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529
4. Жабский В.А. Сравнительное тюремоведение в трудах ученых // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1 (9). С. 35 – 39.
5. Оганесян С.М. Генезис пенитенциарного права имперской России в свете отечественной историографии // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 46 – 58.
6. Кобец П.Н. Научные подходы видного исследователя отечественной пенитенциарной системы М.Н. Гернета к изучению исполнения уголовных наказаний // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 1 (52). С. 59 – 66. DOI: 10.34988/2226-2326.2024.12.98.007
7. Шурухнов Н.Г. Генезис центров научного обеспечения подготовки кадров для исполнения наказаний и борьбы с преступностью // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 4. С. 552 – 565. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.552-565
8. Желдыбина Т.А. И.Я. Фойницкий - представитель сравнительно-исторического правоведения в России // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 1 (15). С. 55 – 59.
9. Анисимков В.М., Королева Е.В. Наука уголовно-исполнительного права и политика государства в сфере исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1 (13). С. 7 – 10.
10. Казак Б.Б., Смирнова Т.В. Становление и развитие теоретических воззрений в сфере исполнения наказаний в дореволюционной России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2016. № 4. С. 156 – 164.
11. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870-1874 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 72 – 77.
12. Кораблин К.К. Формирование основополагающих принципов теории и практики исполнения наказаний в виде лишения свободы в трудах отечественных и зарубежных учёных-правоведов // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 113 – 121.
13. Смирнов Л.Б. Пенологические и пенитенциарные основы науки уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 3. С. 273 – 281.
14. Уткин В.А. О роли личности в истории науки (Александр Львович Ременсон) // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 6 – 12. DOI: 10.17223/23088451/21/1

References

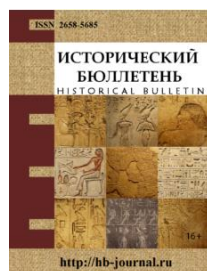
1. Korablin K.K. M.N. Gernet – an outstanding legal scholar and founder of domestic penitentiary science (on the 145th anniversary of his birth). Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 168 – 180. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.14
2. Korablin K.K. Historiography of Russian pre-revolutionary prison studies. Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity. 2018. No. 1. P. 3 – 11.
3. Lutsky A.I., Lutsky M.I., Kindyuk B.V. Professor M.N. Gernet's contribution to the development of legal science. All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 519 – 529. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529
4. Zhabsky V.A. Comparative prison studies in the works of scholars. Penal Enforcement Law. 2010. No. 1 (9). P. 35 – 39.
5. Oganesyanyan S.M. The genesis of penitentiary law in Imperial Russia in the light of domestic historiography. Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 5. P. 46 – 58.
6. Kobets P.N. Scientific approaches of the prominent researcher of the domestic penitentiary system M.N. ...Gernet's approach to the study of the execution of criminal penalties. Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2024. No. 1 (52). P. 59 – 66. DOI: 10.34988/2226-2326.2024.12.98.007
7. Shurukhnov N.G. Genesis of scientific support centers for personnel training in the fields of penalty execution and crime control. Penal Law. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 552 – 565. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.552-565

8. Zheldybina T.A. I.Ya. Foynitsky: A representative of comparative-historical legal studies in Russia. The Voice of Justice. 2018. No. 1 (15). P. 55 – 59.
9. Anisimkov V.M., Koroleva E.V. The science of penal law and state policy regarding the execution of criminal penalties. Penal Law. 2012. No. 1 (13). P. 7 – 10.
10. Kazak B.B., Smirnova T.V. The emergence and development of theoretical views on the execution of penalties in pre-revolutionary Russia. Bulletin of Pskov State University. Series: Economics. Law. Management. 2016, No. 4. P. 156 – 164.
11. Lebedev V.B., Stepanova E.V. V.A. Sollogub and his role in reforming the penal system (1870-1874). Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2013. No. 3 (23). P. 72 – 77.
12. Korablin K.K. The formation of fundamental principles regarding the theory and practice of executing sentences involving deprivation of liberty in the works of domestic and foreign legal scholars. Power and Administration in the East of Russia. 2007. No. 2 (39). P. 113 – 121.
13. Smirnov L.B. Penological and penitentiary foundations of the science of penal enforcement law. Penal Enforcement Law. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 273 – 281.
14. Utkin V.A. On the role of the individual in the history of science (Alexander Lvovich Remenson). Criminal Justice. 2023. No. 21. P. 6 – 12. DOI: 10.17223/23088451/21/1

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 93/94

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-298-307

Образ Китая на страницах газеты «Московские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.)

¹ Фролов В.В.,

¹ Псковский государственный университет

Аннотация: в статье рассмотрен и проанализирован образ Китая, который формировали на страницах своего издания журналисты отечественной ежедневной газеты «Московские ведомости» в период русско-японской войны (1904-1905 гг.), когда Российская империя находилась в активном военном противоборстве со своим дальневосточным соседом – Японией, а Китай представлял собой де-факто полуколонию, чей формально незыблемый суверенитет был существенно ограничен системой неравноправных договоров. Корреспонденты исследуемого нами издания уделяли пристальное внимание внутренней и внешней политике Цинской империи. Основная часть информации о Китае авторами «Московских ведомостей» была размещена в рубриках «Иностранные известия», «Телеграммы» и «Телеграф и телефон». В конце исследования сделан вывод о том, что на страницах газеты «Московские ведомости» Цинский Китай периода дальневосточного конфликта характеризовался как государство, официально придерживавшееся нейтралитета, однако чьи практические шаги расценивались российским истеблишментом как декларативные и вынужденные. Подчеркивалась неспособность Пекина к проявлению реальной внешнеполитической субъектности и проведению суверенного курса. Результаты настоящей работы могут быть использованы при подготовке и написании научных трудов по истории российско-китайских отношений, имагологии, русско-японской войны, российской дореволюционной печати.

Ключевые слова: Китай, русско-японская война (1904-1905), международные отношения, внешняя политика, империализм, информационное противоборство, газета «Московские ведомости»

Для цитирования: Фролов В.В. Образ Китая на страницах газеты «Московские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 298 – 307. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-298-307

Поступила в редакцию: 26 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The image of the China on the pages of the newspaper «Moskovskie Vedomosti» during the Russo-Japanese War (1904-1905)

¹ Frolov V.V.,

¹ Pskov State University

Abstract: the article examines and analyzes the image of China that was formed by journalists of the domestic daily newspaper «Moskovskie Vedomosti» on the pages of their publication during the Russo-Japanese War (1904-1905), when the Russian Empire was engaged in active military confrontation with its Far Eastern neighbor – Japan, and China was, in fact, a semi-colony whose formally unshakable sovereignty was significantly restricted by a system of unequal treaties. The correspondents of the publication we are studying paid close attention to the domes-

tic and foreign policy of the Qing Empire. The main part of the information about China provided by the authors of «Moskovskie Vedomosti» was published in the sections «Foreign News», «Telegrams» and «Telegraph and Telephone». At the end of the study, it was concluded that, on the pages of the newspaper «Moskovskie Vedomosti», Qing China during the period of the Far Eastern conflict was characterized as a state that officially adhered to neutrality, but whose practical steps were regarded by the Russian establishment as declarative and forced. The inability of Beijing to demonstrate real foreign policy agency and pursue a sovereign course was emphasized. The results of this work can be used in the preparation and writing of scholarly works on the history of Russian-Chinese relations, imagology, the Russo-Japanese War, and the pre-revolutionary Russian press.

Keywords: China, the Russo-Japanese War (1904-1905), international relations, foreign policy, imperialism, information warfare, the newspaper «Moskovskie Vedomosti»

For citation: Frolov V.V. *The image of the China on the pages of the newspaper «Moskovskie Vedomosti» during the Russo-Japanese War (1904-1905).* Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 298 – 307. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-298-307

The article was submitted: July 26, 2026; Approved after reviewing: August 24, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

В годы русско-японской войны (1904-1905) российская пресса выступила не просто зеркалом общественных настроений, но и мощным инструментом их конструирования. На фоне глобального геополитического столкновения за контроль над Маньчжурией и Кореей, а также обострения «большой игры» великих держав на Дальнем Востоке, именно периодическая печать формировала у российского обывателя картину мира, в которой ему предстояло существовать. В этом информационном поле проправительственная газета «Московские ведомости», занимавшая прочные консервативно-националистические позиции и являвшаяся рупором правых кругов империи, играла одну из ключевых ролей. Китай же, чья территория частично стала ареной военных действий, а политическая слабость делала его объектом интересов других более могущественных государств, представал на страницах этой московской газеты в особом ракурсе.

Цель представленной работы – исследовать на примере Китая образ азиатского формально суверенного государства со статусом «полукolonии», создаваемый журналистами периодического издания «Московские ведомости» в период крупного военного конфликта на Дальнем Востоке – русско-японской войны 1904–1905 гг. Реализация этой цели позволит выделить и осмыслить ряд важных особенностей по использованию средств массовой информации в пропагандистских кампаниях и информационных войнах.

В рамках данного исследования впервые анализируются образные репрезентации Цинского Китая в проправительственной газете «Московские ведомости» в период русско-японской войны (1904-1905 гг.). При этом в научный оборот вводится существенный объем материалов интересующего нас общественно-политического периодического издания за 1904-1905 гг.

Материалы и методы исследований

«Московские ведомости» – общественно-политическая, экономическая и литературная газета, которая в начале XX века являлась одним из ведущих буржуазно-монархических периодических изданий Российской империи, активно выражавшим интересы правящей политической элиты и поддерживавшим официальную позицию самодержавной власти. Газета пользовалась значительным влиянием в бюрократических и дворянских кругах, а её редакционная политика отличалась последовательной защитой принципов «православия, самодержавия, народности».

Редакция «Московских ведомостей» выступала против революционных и либеральных движений. Эта газета открыто поддерживала дворянские интересы, критиковала реформы 1860-х гг. и занимала жёсткую позицию по отношению к национально-освободительным движениям, в частности, польскому. В её редакционных статьях часто звучали призывы к «твёрдой власти» и осуждение любых попыток ограничения самодержавия [6]. В 1905 г. «Московские ведомости» превратились в орган черносотенного движения, ведя активную агитацию против революционной демократии, рабочих и интеллигенции.

Настоящее исследование выполнено с применением методологии, разработанной автором и представленной в его публикации «Образ США на страницах газеты “Русские ведомости” в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.)» [35].

К рассмотрению образа Китая начала XX века обращались такие авторы, как В.И. Исаченко [7], Н.А. Самойлов [29], А.В. Лукин [9], А.С. Титаренко [33], Я.С. Гузей [5], Сун Дандань [31] и др. К числу научных трудов, посвященных непосредственно изучению и анализу образа Цинской империи первого десятилетия прошлого века, создаваемого российской периодической печатью, следует отнести исследования Ю.Г. Благодер [3; 4], С.В. Смирнова [30], И.В. Бицуева [2], П.В. Алексеева, А.А. Алексеевой [1], Л.В. Кальминой, Л.В. Кураса [8], А.Д. Попова [28], В.В. Фролов [34] и др.

Результаты и обсуждения

Перед тем, как непосредственно обратиться к реализации выше обозначенной цели нашего исследования, необходимо отметить, что накануне русско-японской войны Китай представлял собой фактически полуколониальное государство, утратившее суверенитет в сфере международных отношений. Поражение в японо-китайской войне (1894-1895 гг.) и подавление восстания ихэтуаней (1899-1901 гг.), завершившееся интервенцией восьми держав (Альянса восьми держав), выявили полную военно-техническую несостоятельность Пекина. При этом территория Северо-Восточного Китая – Маньчжурия – фактически превратилась в объект открытого раздела между Россией и Японией, тогда как центральное правительство не обладало реальными рычагами для противодействия внешней агрессии.

Корреспонденты «Русских ведомостей» в годы русско-японской войны (1904-1905) на страницах своей газеты уделяли достаточно пристальное внимание дальневосточному соседу Российской империи – Китаю. Большая часть сведений о Китае журналистами исследуемого нами периодического издания была размещена в таких рубриках газеты, как «Иностранные известия», «Телеграммы» и «Телеграф и телефон».

После начала русско-японской войны на страницах «Московских ведомостей», в рамках рубрики «Телеграммы» (№ 32 за 1904 г.), корреспонденты газеты целенаправленно сделали акцент на том, что от имени императора Китая Айсиньоро Цзайфэн был издан указ о принятии всех необходимых мер для защиты населения, их жизни и имущества, в том числе и иностранцев. Особое внимание должно было быть уделено обеспечению безопасности в столице государства – Пекине. Кроме этого, данный императорский указ обязывал всех государственных служащих и рядовых подданных империи, при открытии боевых действий между Россией и Японией на территории Китая, придерживаться строжайшего нейтралитета, «всем высшим правительственным властям империи повелевалось объявить об этом населению и принять меры к неуклонному исполнению этого решения» [10, с. 3]. По мнению журналистов исследуемого нами издания, такое решение китайского руководства было вполне логичным и ожидаемым. Китай не желал влезать в военные разборки между Санкт-Петербургом и Токио, так как это могло привести только к еще большему ослаблению его государственности. У Пекина просто не было сил и ресурсов для участия в этой войне.

В № 33 московской газеты за 1904 г., в рубрике «Телеграф и телефон», ее авторы сообщали, что в городах Китая стали появляться и распространяться слухи об отъезде императора Айсиньоро Цзайфэн и вдовствующей императрицы Цы Си (фактический правитель империи – *авт.*) из Пекина. Именно поэтому в целях предотвращения паники среди населения китайские власти наделили местные военизированные формирования, выполнявшие жандармские (полицейские и карательные) функции, особыми полномочиями для пресечения беспорядков и правом применять к распространителям ложных слухов самые суровые меры наказания [11, с. 2]. Данный факт еще раз указывал на неустойчивость политической власти в Китае.

В статье «Желтая опасность» (№ 34 за 1904 г.) ее автор заявил, что японцы в действительности достаточно сильно рассчитывают на помощь китайцев в своем военном «походе» против России. По мнению этого журналиста «Московских ведомостей», ссора Японии и Китая из-за Кореи была не способна «разъединить двух народов-братьев». Интересы «желтых братьев» были общими: «изгнать заморских чертей и отнять земли, необходимые для колонизации» [12, с. 5]. Автор публикации «Жёлтая опасность» предостерегал российские власти от излишнего доверия Китаю и его заверениям о нейтралитете в дальневосточном конфликте. Он указывал на вероятность того, что при благоприятных (выгодных) обстоятельствах Пекин не упустит возможности нанести удар по России. В общественном сознании той эпохи параллельно с традиционными антипольскими и антисемитскими настроениями формировался устойчивый образ «восточного врага». Этот конструкт синтезировал реальные геополитические вызовы (например, деятельность иностранных разведок и рост национальных движений) с этническими стереотипами.

В рубрике «Иностранные известия» размещена статья «Китай. Накануне» (№ 37 за 1904 г.), написанная еще в середине января 1904 г. – накануне русско-японской войны. В ней ее автор отметил, что Китай «объяснулся» и не станет в угоду Японии разрывать двухсотлетнюю дружбу с Россией. Такой отказ от союза с Японией и «проповедование полного нейтралитета» стали, по мнению журналиста «Московских ведомостей», следствием ввода Российской империей в пределы Маньчжурии дополнительного контингента войск

в количестве 200 000 человек [13, с. 5]. После этого решимость Пекина быстро сошла на нет, и китайские власти быстро отступили от своих воинственных намерений. В действительности все это свидетельствовало о том, что Китай не обладал необходимыми ресурсами, чтобы в тот период бросить военный вызов России.

В небольшой публикации «Китайские амазонки» (№ 45 за 1904 г.) сообщалось, что на территории Цинской империи, в отдельных ее провинциях, все еще продолжали действовать инсургенты (повстанцы). К ним начали присоединяться вдовы и дочери, желавшие отомстить правительственным войскам за гибель своих мужей и отцов. При этом китайские солдаты, как отмечал автор газеты «Московские ведомости», испытывали «сильный страх перед этими амазонками» [14, с. 5]. Данный трепет наглядно демонстрировал удручающее состояние боевого духа в правительственных частях.

В статье «Агрессивность Китая» (№ 76 за 1904 г.) ее автор акцентировал внимание на опасности, угрожавшей России со стороны Китая. На взгляд данного журналиста, китайское правительство слагало с себя всякую ответственность за события, которые могли произойти в ближайшее время в Манчжурии. Иными словами, он заявлял о том, что китайский нейтралитет на данную область (территорию) Цинской империи не распространялся, а значит русские войска могли там ожидать внезапного удара со стороны китайцев. В частности, под предлогом охраны нейтралитета и железной дороги от Шанхай-Гуана до Ньючжуана, расположенной вдоль северного берега Печилийского залива, известный своими симпатиями к англичанам и японцам вице-король данной провинции, Чжан Чжи-дун, сосредоточил в обозначенном районе 20 000 солдат. Обученные по европейскому образцу, сформированные германскими и японскими офицерами, эти вооруженные силы были отданы под командование заклятого русофоба генерала Ма [15, с. 5]. Таким образом, мы видим, что публикация «Агрессивность Китая» прозрачно указывала на недружественный настрой Китая в отношении России и декларативность его нейтралитета.

Детальный анализ представлений о Китае, сложившихся в немецком обществе, представлен в статье «Китай в Берлине» (№ 105 за 1904 г.). Ее автор отметил, что «для европейцев “Поднебесная” стала империей “сосредоточения”», она представляла собой сборный пункт интересов Запада. Словно могучим потоком кидало эту страну из стороны в сторону: «то стремилась она к реформам по европейскому образцу, то с негодованием пыталась сбросить с себя чужеземное влияние» [16, с. 5]. В результате мы можем сделать вывод, что в начале XX века немецкое общество воспринимало Китай не как самостоятельного геополитического игрока, а исключительно как арену столкновения западных интересов – империю-«сборный пункт», чье внутреннее развитие носило вынужденный и противоречивый характер. Цинская империя металась между заимствованием европейских реформ и отторжением чужеземного влияния, что свидетельствовало о глубоком кризисе его суверенитета и полной зависимости вектора модернизации от внешнего давления.

В статье «Миролюбие Китая» (№ 110 за 1904 г.) приведена позиция китайского посланника в Берлине Иньчана, который решительно опровергал все высказывания о сочувствии Китая Японии. По его заявлениям, Цинская империя «не следовала ни руссофильской, ни японофильской политике», приоритетной целью китайского правительства являлось благополучие империи и его народа. Приоритетом для Китая являлось комплексное экономическое и военное развитие, призванное в перспективе обеспечить ему статус великой державы и гарантировать государственный суверенитет и территориальную целостность [17, с. 5]. При этом, на наш взгляд, заявление о том, что империя «не следовала ни руссофильской, ни японофильской политике», было прагматичным дипломатическим ходом со стороны китайского чиновника. В условиях военного конфликта между двумя сопоставимыми по силе соседями открытое присоединение Китая к одной из сторон создавало риск политических издержек, главным образом со стороны потенциального проигравшего. Формальный нейтралитет также был необходим для сохранения режима капитуляций, защиты экстерриториальности иностранцев и для предотвращения новых территориальных разделов Цинской империи со стороны великих держав.

Действиям китайских бандитов на территории французского Индокитая посвящена статья «Китайские разбойники в Индокитае» (№ 131 за 1904 г.). В ней автор сообщал, что китайские шайки постоянно беспокоили французские гарнизоны у Тонкина. Они совершали внезапные нападения и немедленно скрывались в горах провинции Гуандун. Как отмечал журналист «Московских ведомостей», подобные набеги в соседние районы Индокитая происходили довольно часто [18, с. 5]. Таким образом, мы видим, что провинция Гуандун (как и многие другие территории Китая) фактически функционировала как неконтролируемая центральной властью территория, служившая убежищем для вооруженных формирований. Факт того, что китайские шайки могли беспрепятственно скрываться в горах после нападений на французские гарнизоны,

свидетельствовал об отсутствии у китайского правительства монополии на насилие и реальной административной власти на юге страны.

В публикации «Китай и англосаксы» (№ 181 за 1904 г.) ее автор заявил, что среди китайцев за последние годы возросло национальное самосознание. В частности, китайское правительство объявило американской стороне о расторжении договора 1894 г., который регулировал переселение китайцев в Соединенные Штаты. Данный договор фактически позволял США в полной мере «воспрещать китайцам въезд на территорию их государства». Китай требовал равноправности и свободного пропуска своих переселенцев на территорию Соединенных Штатов. Это требование китайского правительства было крайне невыгодным для США, так как грозило «опасностью для американской торговли в Китае», а также сильным недовольством американских рабочих внутри своей страны [19, с. 2]. Журналист исследуемой нами газеты, высказал мнение о том, что американцам уже в самом ближайшем времени придется убедиться, что Китай не приклоняется перед их культурой и проявляет небывалую самоуверенность и самостоятельность. Таким образом, журналисты «Московских ведомостей» указывали своим читателям на рост национального самосознания Китая в начале XX столетия. Отказ Цинской империи принимать кабальные условия пересечения государственной границы США рассматривался ими как инструмент отстаивания национального суверенитета и обретения равноправного статуса на международной арене.

Модернизации китайского военного флота посвящена статья «К преобразованию китайского флота» (№ 183 за 1904 г.). В ней сделан акцент на том, что «китайский флот в деле реорганизации значительно опережал армию». Военно-морские силы Китая смогли отчасти оправиться от понесенного урона в японо-китайской войне 1894-1895 гг. Военный флот Китая к 1904 г. состоял из 20 небольших судов, «по большей части устаревшего типа». Но среди них 4 корабля были «новейшего образца, хорошо вооруженные и делавшие 22 узла в час». При этом китайский флот насчитывал ядро хороших офицеров, большинство которых прошло обучение в Великобритании и обладало всеми качествами, чтобы стать инструкторами нового поколения моряков. Китайские власти понимали, что современный сильный флот их стране был даже нужнее чем модернизированная боеспособная сухопутная армия. Именно поэтому среди местных политических элит активно обсуждался проект, согласно которому Китаю было необходимо иметь три флота: «на севере, на юге и в центре». Каждый из них мог состоять из «10 броненосцев, 10 крейсеров, 10 миноносцев и 50 истребителей, с командами численностью в 10 500 матросов и 400 офицеров». В общем итоге в составе флота должно было быть 240 судов и 31 500 моряков под командой 1 200 офицеров [20, с. 4]. По мнению журналиста «Московских ведомостей», Китай обладал определенным потенциалом для создания современного боеспособного военного флота, но реализовать его он мог только при поддержке более могущественного союзника.

В небольшой публикации «К вопросу о китайском нейтралитете» (№ 244 за 1904 г.) ее автор еще раз обратил внимание читателей «Московские ведомости» на то, что Китай не должен нарушить нейтралитет в отношении воюющих на Дальнем Востоке держав. Новый манифест китайского правительства в еще более категоричной форме подтверждала курс Пекина на строгий нейтралитет в русско-японском конфликте и отказ от любого вмешательства в боевые действия на территории Маньчжурии [21, с. 2]. Журналист исследуемого нами издания полагал, что Цинская империя не решилась бы на ввод войск в Маньчжурию, однако могла бы допустить проход подразделений японской армии через свою территорию. Таким образом, китайский нейтралитет фактически являлся вынужденным, неполным. Опасения вызывала не открытая агрессия со стороны Китайской империи, которая считалась маловероятной, а готовность ее властей пойти на негласные уступки японским силам.

Состояние и структура сухопутной армии Китая описана в статье «Китай. Боевая организация» (№ 246 за 1904 г.). В ней ее автор отметил, что в Цинской империи уже давно функционировала система организации войск «Восемь знамен». Состав ее подразделений преимущественно набирался из «монголов, татар, северных китайцев», из них же формировалась и императорская гвардия. В составе «Восьми знамен» было 25 дивизий, не равных по численности. Вооружена китайская армия была по европейскому образцу, то есть пехотинцы имели ружье, а кавалеристы ружье или винтовку системы Маузера или Винчестера. Обмундирование китайского солдата состояло из мундира, шляпы с красным помпоном и патронташа. Несмотря на официальное вытеснение луков из армейского обихода, они по-прежнему сохранялись у многих китайцев в качестве личного оружия. Отступая с поля боя, китайские солдаты бросали ружья, но уносили луки с собой. Основу артиллерии Китая все еще составляли устаревшие гладкоствольные орудия, заряжавшиеся с дула. Однако постепенно в Цинской империи уже начали появляться первые современные пушки системы Крупна [22, с. 4]. В результате журналист «Московских ведомостей» сделал вывод о том, что китайская армия находилась в состоянии затяжной и незавершенной модернизации. Традиционная система «Восьми

знамен», низкая мотивация личного состава и преобладание устаревшей артиллерии вступали в противоречие с внедрением европейского обмундирования и современного вооружения.

В № 322 газеты за 1904 г. представлена информация о китайских добровольцах в составе японской армии. В частности, автор статьи «Дальний Восток. Китайские добровольцы в японской армии» сообщил, что японцы стали осуществлять вербовку китайцев в состав своей армии в Маньчжурии и северной части Печили (Чжили), где для этих целей ими были открыты специальные рекрутские бюро [23, с. 5]. Журналист «Московских ведомостей» требовал, чтобы правительство Китая предприняло все необходимые шаги для пресечения вербовки своих подданных в японскую армию, указывая на прямое нарушение принципов нейтралитета и угрозу суверенитету Цинской империи.

Во второй год русско-японской войны (1904-1905 гг.) китайская проблематика занимала значительно меньше места на страницах газеты «Московские ведомости». В период с января по август 1905 г. было опубликовано лишь небольшое число материалов о Цинской империи и ее народе.

В статье «Миссионеры в Китае» (№ 6 за 1905 г.) сделан акцент на том, что миссионеры в Китае регулярно подвергались нападениям и нередко становились жертвами убийств. Жители Китая негативно воспринимали попытки иностранных держав вмешиваться во внутреннюю жизнь их страны: изменять сложившуюся систему управления и судопроизводство, посягать на традиционные устои и подвергать эксплуатации местное население [24, с. 2]. В связи с этим неудивительно, что православные миссионеры, в отличие от католиков и протестантов, в меньшей степени подвергались нападениям местного населения, так как они не стремились нарушить обычаи и традиции китайского народа.

Авторы «Московских ведомостей», в публикации «Китай. Католическое Су-тэ» (№ 17 за 1905 г.), заявили о том, что китайские власти были вынуждены финансово стимулировать обучение своих подданных новым знаниям и умениям. Так, например, школа переводчиков в Пекине, «предоставляя молодым людям места чуть ли не с губернаторским окладом жалованья», платила еще каждому ученику в период его процесса обучения от 10 до 20 долларов в месяц. За обучение в европейской школе, игравшей важную роль для просвещения Китая, ученики также получали жалование от правительства империи или администрации школы. Журналисты московской газеты искренне удивлялись тому, что Китай фактически являлся «единственной страной в мире», где люди принципиально не хотели учиться бесплатно [25, с. 4]. Таким образом, оплачивая обучение подданных, Цинская империя фактически покупала у своего народа лояльность новым знаниям и компенсировала отказ от традиционных карьерных траекторий ради ускоренной подготовки кадров, способных обеспечить национальную конкурентоспособность.

В статье «Китай. Англичанин об итогах минувшего года» (№ 31 за 1905 г.) проанализирована информация о достижениях Китая за 1904 г., опубликованная английским корреспондентом на страницах газеты Times. В частности, сообщалось, что в Цинской империи наблюдался непрерывный прирост населения, вместе с переселенческим движением во Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Успешно Китай выполнил свои финансовые обязательства, в том числе перед внешними кредиторами. Наиболее доходной статьей бюджета являлись «приморские таможи», куда поступило до 4 380 000 миллионов фунтов стерлингов (на 360 000 больше чем в 1903 г.). Крупных народных мятежей, кроме горных областей Кваней, на территории Китая не наблюдалось. Заметное распространение в Цинской империи получил английский язык, который стали изучать тысячи китайцев. Успехи Японии в войне с Россией на Дальнем Востоке позволили ей увеличить свое влияние в Пекине и китайских провинциях. Японцы стали распространять в Китае свои учебные книги, лекарства, медикаменты, строить телефонные станции в Пекине и Кантоне, речные канонерские лодки для вице-короля Чжан Чжи-дуна. В стране также продолжилось развиваться железнодорожное строительство. Англо-китайская компания приступила к строительству железнодорожной линии «Шанхай – Нанкин», в активной разработке находился проект по строительству дороги «Кантон – Ханькоу». При этом был сделан акцент на то, что Великобритания, Германия и Франция сохраняли политическое влияние на Пекин, конвертируя его в существенные доходы своих национальных бюджетов [26, с. 4]. В результате перед нами предстал образ государства, которое демонстрировало внутреннюю жизнеспособность и способность к техническому обновлению, однако полностью было встроено в систему империалистического раздела сфер влияния, где его ресурсы служили донором для экономик европейских государств, а внутренние процессы начинали определяться внешним соперничеством великих держав.

О планах по поглощению Китая Японией рассуждал автор статьи «Дальний Восток. Германцы и японцы в Китае» (№ 77 за 1905 г.). В частности, он заявил, что в случае подчинения Цинской империи своему влиянию японцы низложили бы царствующую династию Китая и устранили бы всю европейскую торговлю на Дальнем Востоке. По мнению журналиста «Московских ведомостей», Германия настойчиво выступала против усиления позиции Японии в Китае, а поэтому всеми силами старалась не допустить «японизации»

Цинской империи. Германские политики и дипломаты прикладывали особые усилия, чтобы не допустить в ближайшее время реорганизации армии и флота Китая исключительно японскими инструкторами [27, с. 4]. Таким образом, автор публикации «Дальний Восток. Германцы и японцы в Китае» намекал своим читателям на неминуемое столкновение двух моделей экспансии в Китае. Японский проект оценивался автором как деструктивный, направленный на демонтаж существующего государственного строя и создание закрытой экономической зоны без европейцев. Германское противодействие подавалось как защитная мера общеевропейского масштаба. Главным же фронтом этой невидимой войны стала институциональная сфера – борьба за право формировать новую китайскую армию и флот, исход которой, по логике журналиста исследуемой нами газеты, предопределил политическое будущее всего Дальнего Востока.

Выводы

В заключение следует отметить, что исследование образа Китая на страницах газеты «Московские ведомости» в период русско-японской войны (1904-1905 гг.) позволило сделать ряд следующих важных выводов:

1) Образ Цинской империи конструировался журналистами издания по принципу бинарных оппозиций: с одной стороны, Китай предстал как объективно слабое, полуколониальное государство с недееспособным центром (на этом фоне декларативный нейтралитет Пекина воспринимался не как проявление миролюбия, а как вынужденная мера самосохранения, за которой скрывается потенциальная угроза), а, с другой стороны, в лице Поднебесной параллельно формировался образ скрытого экзистенциального врага (авторы московской газеты синтезировали реальные геополитические вызовы с этническими стереотипами, создавая конструкт «восточного врага»).

2) Несмотря на общую критическую тональность, «Московские ведомости» признавали наличие у Китая внутреннего ресурса для трансформации и развития. Однако данный потенциал жестко ограничивался рамками империалистической зависимости. Китай описывался как «империя-сборный пункт» интересов Запада, где вектор модернизации определялся прежде всего внешним давлением западных держав, использовавших ресурсы этой азиатской страны в качестве донора для своих экономик.

3) Освещение китайского вопроса было подчинено внутрироссийской и военной повестке. Образ Китая использовался как контрастный фон для утверждения силы Российской империи и как инструмент мобилизации общества против общего «желтого» противника.

Таким образом, образ Китая был лишен субъектности. Он выступал то как объект раздела сфер влияния между Россией и Японией, то как источник иррациональной «желтой угрозы», то как поле битвы германских и японских моделей экспансии. При этом сквозь призму великодержавного высокомерия российская консервативная пресса достаточно точно диагностировала ключевые системные пороки Цинской империи (потерю административной управляемости территорий, незавершенность военной реформы и полную зависимость внешней политики от воли иностранных государств). Данное исследование подтверждает роль периодической печати начала XX века не просто как зеркала событий, но как активного инструмента формирования общественного мнения и легитимации внешнеполитического курса самодержавия в условиях острого геополитического кризиса.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00480, <https://rscf.ru/project/25-18-00480/>

Список источников

1. Алексеев П.В., Алексеева А.А. Дискурсы о Китае в газете «Восточное обозрение» периода ихэтуаньского восстания: к вопросу о сибирском ориентализме // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 152 – 170.
2. Бицуев И.В. Эволюция образа Китая в российских СМИ (XVIII – начало XX в.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 4. С. 97 – 103.
3. Благодер Ю.Г. Образ императрицы Цы Си в российской периодической печати XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 37 – 40.
4. Благодер Ю.Г. Китай в российской периодической печати второй половины XIX – начала XX в.: эволюция представлений в изменяющихся исторических условиях: дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2019. 697 с.

5. Гузей Я.С. Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898-1902 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2. С. 82 – 86.
6. Игутин И.В. «Московские ведомости» в противостоянии с иностранной прессой во второй половине XIX – начале XX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2026. № 1. С. 88 – 100.
7. Исаченко В.И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX – начале XX в.: философско-религиоведческий анализ: дис. ... канд. фил. наук. Благовещенск, 2005.
8. Кальмина Л.В., Курас Л.В. «Боксерское» восстание в сибирской дореволюционной прессе: (на примере «Восточного обозрения») // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 3. С. 528 – 542.
9. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XX веках. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 608 с.
10. Московские ведомости. 1904. № 32, 1 февраля.
11. Московские ведомости. 1904. № 33, 2 февраля.
12. Московские ведомости. 1904. № 34, 3 февраля.
13. Московские ведомости. 1904. № 37, 6 февраля.
14. Московские ведомости. 1904. № 45, 15 февраля.
15. Московские ведомости. 1904. № 76, 17 марта.
16. Московские ведомости. 1904. № 105, 17 апреля.
17. Московские ведомости. 1904. № 110, 22 апреля.
18. Московские ведомости. 1904. № 131, 13 мая.
19. Московские ведомости. 1904. № 181, 3 июля.
20. Московские ведомости. 1904. № 183, 5 июля.
21. Московские ведомости. 1904. № 244, 4 сентября.
22. Московские ведомости. 1904. № 246, 6 сентября.
23. Московские ведомости. 1904. № 322, 21 ноября.
24. Московские ведомости. 1905. № 6, 6 января.
25. Московские ведомости. 1905. № 17, 17 января.
26. Московские ведомости. 1905. № 31, 31 января.
27. Московские ведомости. 1905. № 77, 19 марта.
28. Попов А.Д. «Боксерское восстание» в Китае в восприятии сибирского простонародья (по материалам томских и иркутских газет) // Genesis: исторические исследования [Электронный ресурс]. 2016. № 6. С. 1 – 8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20976
29. Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: дис. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург, 2012. 426 с.
30. Смирнов С.В. Китай в трудах русских ориенталистов Харбина (1909-1917) // Уральское востоковедение: международный альманах. 2024. Вып. 14. С. 54 – 67.
31. Сун Дандань. Мемуарный образ Китая начала XX века: лингвистический аспект: (на материале текстов Б.С. Колоколова и С.А. Далина). Москва: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2024. 151 с.
32. Титаренко А.С. Знатоки Китая: восточный сосед в исследованиях представителей военно-дипломатической и интеллектуальной элиты России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 2. С. 81 – 89.
33. Титаренко А.С. Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 243 – 251.
34. Фролов В.В. Образ Китая в интерпретации военного издания Летопись войны с Японией // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 3. С. 835 – 846.
35. Фролов В.В. Образ США на страницах газеты «Русские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Т. 9. № 4. С. 103 – 113.

References

1. Alekseev P.V., Alekseeva A.A. Discourses on China in the «Vostochnoe Obozrenie» [Eastern Review] newspaper during the Boxer Rebellion: on the issue of Siberian Orientalism. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2024. No. 89. P. 152 – 170.
2. Bitsuev I.V. Evolution of the image of China in Russian media (18th – early 20th centuries). Proceedings of Kabardino-Balkarian Scientific Centre RAS. 2020. No. 4. P. 97 – 103.
3. Blagoder Yu.G. The image of Empress Cixi in the Russian periodical press of the 19th and early 20th centuries. Historical, philosophical, political, and legal sciences, cultural studies, and art history: issues of theory and practice. 2010. No. 1. P. 37 – 40.
4. Blagoder Yu.G. China in the Russian periodical press of the second half of the 19th and early 20th centuries: evolution of perceptions amidst changing historical conditions: Doctoral dissertation (History). Krasnodar, 2019. 697 p.
5. Guzey Ya.S. The Boxer Rebellion and the "Yellow Peril" syndrome: anti-Chinese sentiment in the Russian Far East (1898-1902). Proceedings of Altai State University. 2011. No. 4-2. P. 82 – 86.
6. Igutin I.V. «Moskovskie Vedomosti» in confrontation with the foreign press in the second half of the 19th and early 20th centuries. Bulletin of State and Municipal Administration. 2026. No. 1. P. 88 – 100.
7. Isachenko V.I. The Image of China and the Chinese in the Russian Mentality of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: A Philosophical and Religious Studies Analysis: Cand. Sc. (Philosophy) Dissertation. Blagoveshchensk, 2005.
8. Kalmina L.V., Kuras L.V. «The Boxer Rebellion in the Pre-Revolutionary Siberian Press: (A Case Study of «Vostochnoye Obozreniye»)). Issues of Theory and Practice of Journalism. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 528 – 542.
9. Lukin A.V. The Bear Watches the Dragon: The Image of China in Russia in the 17th–20th Centuries. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 608 p.
10. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 32, February 1.
11. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 33, February 2.
12. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 34, February 3.
13. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 37, February 6.
14. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 45, February 15.
15. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 76, March 17.
16. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 105, April 17.
17. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 110, April 22.
18. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 131, May 13.
19. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 181, July 3.
20. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 183, July 5.
21. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 244, September 4.
22. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 246, September 6.
23. Moskovskie Vedomosti. 1904. No. 322, November 21.
24. Moskovskie Vedomosti. 1905. No. 6, January 6.
25. Moskovskie Vedomosti. 1905. No. 17, January 17.
26. Moskovskie Vedomosti. 1905. No. 31, January 31.
27. Moskovskie Vedomosti. 1905. No. 77, March 19.
28. Popov A.D. The "Boxer Rebellion" in China as Perceived by the Siberian Common People (Based on Materials from Tomsk and Irkutsk Newspapers). Genesis: Historical Studies. 2016. No. 6. P. 1 – 8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20976
29. Samoylov N.A. Russia and China in the 17th – Early 20th Centuries: Trends, Forms, and Stages of Socio-Cultural Interaction: Doctoral Dissertation in History. St. Petersburg, 2012. 426 p.
30. Smirnov S.V. China in the Works of Russian Orientalists in Harbin (1909-1917). Ural Oriental Studies: International Almanac. 2024. Issue 14. P. 54 – 67.
31. Sun Dandan. The Image of Early 20th-Century China in Memoirs: A Linguistic Aspect (Based on Texts by B.S. Kolokolov and S.A. Dalin). Moscow: Research Institute of History, Economics and Law, 2024. 151 p.
32. Titarenko A.S. China Experts: The Eastern Neighbor in Studies by Representatives of Russia's Military-Diplomatic and Intellectual Elite (Second Half of the 19th – Early 20th Century). Bulletin of Vyatka State University. 2015. No. 2. P. 81 – 89.
33. Titarenko A.S. Perceptions of China in Russian Popular Consciousness (Second Half of the 19th – Early 20th Century). Izvestia of the Ural Federal University. Series 2: Humanities. 2014. No. 2. P. 243 – 251.

34. Frolov V.V. The Image of China as Interpreted by the Military Publication Chronicle of the War with Japan. *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 835 – 846.

35. Frolov V.V. The Image of the USA in the Newspaper «Russkie Vedomosti» During the Russo-Japanese War (1904-1905). *Historical Bulletin*. 2026. Vol. 9. No. 4. P. 103 – 113.

Информация об авторе

Фролов В.В., кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-3703>, Псковский государственный университет, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, frolov1406@mail.ru

© Фролов В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 93/94 + 356/358 + 623.455.1

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-308-314

Патрон В.Г. Федорова – не случившийся винтовочно-пулеметный патрон Российской Империи и СССР

¹ Новиков М.С.,

¹ Омский государственный технический университет

Аннотация: целью статьи рассмотрение причин разработки В.Г. Федоровым патрона 6,5х57 мм., причины по которым он не был принят на вооружение в период Первой Мировой войны, а позже был вытеснен в разработках ручного автоматического стрелкового оружия патроном 6,5х50 мм. и 7,62х54 мм. Задачами стало определение взглядов В.Г. Федорова на преимущества и недостатки винтовочно-пулеметных боеприпасов калибром 6,5 мм. по сравнению боеприпасами более крупного калибра, описание разработки винтовочно-пулеметного патрона 6,5х57 мм., целесообразности или нецелесообразности отнесения его к промежуточным патронам. В статье будут приведены примеры того, как наличие на вооружение винтовочно-пулеметного патрона пригодного для создания коробчатых отъемных магазинов большой вместимости далеко не приводило к их появлению. С целью достижения объективности исследования автор рассматривает 6,5 мм. патронов в Королевств Италия, Румыния, Нидерланды, Греция, Швеция, Норвегия, Португалия, Японской империи. При написании статьи автор обращается к широкому кругу источников, среди которых, литература о развитии стрелкового оружия 1900-1930-х гг. и 2010-2020-х гг., публикации Высшей аттестационной комиссии и Российского индекса научного цитирования.

Ключевые слова: винтовочно-пулеметные патроны, промежуточные патроны, магазинная винтовка, станковый пулемет, ручной пулемет, межвоенный период

Для цитирования: Новиков М.С., Патрон В.Г. Федорова – не случившийся винтовочно-пулеметный патрон Российской Империи и СССР // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 308 – 314. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-308-314

Поступила в редакцию: 26 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

The V.G. Fedorov's cartridge – a non-existent fully powered cartridge of the Russian Empire and the USSR

¹ Novikov M.S.,

¹ Omsk State Technical University

Abstract: the aim of the article is to examine the reasons why V.G. Fedorov developed the 6.5×57 mm cartridge, the reasons why it was not adopted for service during the First World War, and why it was later supplanted in the development of automatic small arms by the 6.5×50 mm and 7.62×54 mm cartridges. The objectives were to determine V.G. Fedorov's views on the advantages and disadvantages of 6.5 mm rifle and machine-gun ammunition. Compared to larger-caliber ammunition, the description of the development of the 6.5×57 mm rifle-machine-gun cartridge, and the feasibility or lack thereof of classifying it as an intermediate cartridge. The article will provide examples of how the presence in service of a rifle-machine-gun cartridge suitable for creating large-capacity

detachable box magazines did not lead to their appearance. In order to achieve objectivity in the study, the author examines 6.5 mm cartridges from the Kingdoms of Italy, Romania, the Netherlands, Greece, Sweden, Norway and Portugal, the Japanese Empire. When writing the article, the author refers to a wide range of sources, including literature on the development of small arms from the 1900s–1930s and the 2010s–2020s, publications by the Higher Attestation Commission, and the Russian Science Citation Index.

Keywords: fully powered cartridge, intermediate cartridge, bolt-action rifles, machine gun, light machine gun, interbellum

For citation: Novikov M.S. *The V.G. Fedorov's cartridge – a non-existent fully powered cartridge of the Russian Empire and the USSR. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 308 – 314. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-308-314*

The article was submitted: July 26, 2026; Approved after reviewing: August 24, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

1890-1910 – е гг. были периодом существенного изменения винтовочно-пулеметных патронов, пули с каждым годом приобретали всё меньший калибр и большее удлинения, гильзы – бутылкообразность, всё актуальней становились вопросы применения боеприпасов в автоматическом оружии.

С этим процессом связано появление в целом ряде государств патронов калибром 6,5 мм.: Королевствах Италия (КИ), Румыния (КР), Нидерланды (КН(ид)), Греция (КГ), Швеция (КШ), Норвегия (КН(ор)), Японской империи (ЯИ), Португалия (КП).

В статье будет рассмотрено появление нового винтовочно-пулеметного патрона калибром 6,5x57 мм., причины отказа от него в пользу 6,5x50 мм. и 7,62x54 мм. патронов, а затем сохранение только 7,62x54 мм. патрона.

В статье будет описана судьба 6,5 мм. патронов за рубежом.

Целью исследования стали причины появления патрона 6,5x57 мм., отказа от него в СССР и переориентации В.Г. Федорова на создание патронов с меньшей дульной мощностью.

Материалы и методы исследований

При написании статьи был использован конкретно-исторический, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Конкретно-исторический метод позволяет описать факты, события и явления, имевшие место в конструкторских кругах, военно-промышленном комплексе и военно-политическом руководстве СССР 1920-1930-х гг., включенных в формирования требований к «автоматам», их разработке и производству.

Историко-сравнительный метод позволяет проследить процесс разработки патронов калибром 6,5 мм. в 1890-1910-х гг. в сравнить в данный процесс с имевшем место в Российской Империи (РИ) и СССР 1900-1930-х гг.

Историко-генетический метод позволяет проследить процесс проектирования винтовочно-пулеметных боеприпасов в 1890-1930-х гг.

Материалами для данной работы послужили различные категории литературы и исторических источников, которые автор классифицирует следующим образом.

Труды отечественных исследователей развития стрелкового оружия О.И. Межераупа и Е.В. Назаркина [1], С.П. Корнеева [2].

Труды зарубежных исследователей стрелкового оружия: П.С. Скарлата [3], В. Фовлера с соавторами [4], Г. Чегия и А. Симонелли [5], В. Харримана [6],

Публикации ВАК С. Дина [7], А.В. Подгорного [8], М.С. Новикова [9].

Публикация РИНЦ Р.Н. Чумака [10].

Труды 1900-1930-х гг. под авторством В.Г. Федорова [10-14].

Публикации Р.Н. Чумака на сайте Российского оружейного журнала «Калашников» [15, 16].

Результаты и обсуждения

Иногда можно встретить мнение что В.Г. Федорова планировал принять промежуточный патрон, которое нередко подкрепляется схемами показывающими, что патрон 6,5х50 мм. будучи выпущенным из 6,5 мм. автомата Федорова обр. 1919 г. имеет дульную энергию в 1960 Дж., а патрон 7,62х39 обр. 1943 г. выпущенный из АКМ имеет дульную энергию 2019 Дж. [15].

Но данный подход несколько абсурден. Так по нему выходит, что, используя абсолютно одинаковые патроны 6,5х50 мм. винтовка Arisaka Type 30 с длиной ствола в 790 мм. будет вести огонь винтовочно-пулеметными патронами, а карабин Arisaka Type 44 с длиной ствола в 480 мм. промежуточными [6, с. 35, 39-42].

О.И. Межерауп и Е.В. Назаркин указывают что винтовочные боеприпасы отличаются от пистолетных и промежуточных патронов тем, что обладают большими размерами и увеличенной мощностью, а промежуточный отличается от винтовочного тем, что не обладает чрезмерной мощностью что позволяет вести огонь на ходу и в режиме автоматического огня с рук [1, с. 166-169].

От себя бы хотелось добавить, что необходимо учитывать не только дульную мощность патрона, но и развитость средств, направленных на снижение отдачи.

В.Г. Федоров не планировал введение патронов промежуточных по мощности между пистолетными и винтовочно-пулеметными, по крайней мере в 1900-1920-е гг. Новые патроны первоначально должны были использоваться в магазинных винтовках (МВ), станковых пулеметах (СП), ручных пулеметах (РП), а далее автоматических винтовках (АВ), самозарядных винтовках (СВ) и «автоматах». Новая МВ должна разрабатываться под новый патрон, и требует сокращения длины и веса для повышения удобства её применения, что отражало мировую тенденцию на переход к карабинам и «коротким винтовкам» [12, с. 26-28, 32, 42-44, 51-53, 55-56, 61].

Ещё в книге «Автоматическое оружие» 1907 г. В.Г. Федоров отмечает недостатки патрона 7,62х54 мм.: наличие закраины, форма пули «очерченной по радиусу, а по кривой наименьшего сопротивления» недостаточно эргономична, малая масса и малая поперечная нагрузка. По мнению В.Г. Федорова необходима замена 7,62х54 мм. винтовочного патрона на 6,5х57 мм. винтовочный патрон без закраины. Что приведет к улучшению баллистики, увеличения носимого боекомплекта, уменьшение нагрева ствола при непрерывной стрельбе и упрощению производства и росту надёжности отъёмных магазинов. Идею перехода на патрон 6,5х57 мм. автор аргументирует тем, что начальная скорость пули увеличиться на 13%, дальности прямого выстрела 9%, уменьшения веса патрона на 14%, а оружия на 8%. Сохранение поражающей способности оружия по В.Г. Федорову должно идти за счет использования высокоскоростных пуль [11, с. 40-41, 217-219, 221-224, 227-228, 231].

Японская империя является для автора, как и для части его современников, примером успешности такого перехода так как в ней достаточно быстро происходил переход от винтовки Murata Type 13 под патрон 11х60 мм., к Murata Type 22 под патрон 8х53 мм., а затем к Arisaka Type 30 под патрон 6,5х50 мм., однако спор о том связан ли был переход только с уменьшением калибра или вдобавок с отказом от подствольного магазина на срединный магазин. В добавок в Российской Империи относительно недавно перешедшей с «Бердан №2» под патрон 10,75х58 мм., к 3-линейной (7,62-мм) винтовки Мосина обр. 1891 г. под патрон 7,62х54 мм., могла быть рассмотрена смена патрона [8, с. 50-52].

В 2023 г. был описан 6,5х57 мм. патрон, обнаруженный в 2011 г. в районе комплекса зданий артиллерийской лаборатории Петербургского окружного склада боеприпасов, в статье «Опыт научного исследования и атрибуции 6,5-мм экспериментального винтовочного патрона улучшенной баллистики конструкции В.Г. Федорова 1912 года из собрания ВИМАИВИВС» прямо сообщается что «по внешним признакам этот патрон относится к винтовочным патронам». При этом сообщается что В.Г. Федоров в ходе первого этапа исследовал 27 вариантов патронов калибров 6,0 мм., 6,5 мм. и 7,0 мм. По итогам исследований оптимальным калибром пули комиссией был признан калибр 6 мм. с наиболее тяжелой пулей при большом заряде. В ходе второго этапа работы В.Г. Федоров разработал и исследовал 7 вариантов патронов калибра 6,5 мм. и 1 вариант патрона калибра 7 мм. По итогам исследований оптимальным вариантом патрона был признан 6,5х57 мм. патрон [10, с. 570-572].

Касательно возможности вести огонь на ходу и в режиме автоматического огня с рук, даже применительно к своему «автомату» В.Г. Федоров достаточно категоричен. 6,5-мм автомат Федорова обр. 1919 г. предназначались для ведения одиночного огня, а стрельба очередями была дополнительно, редко применяемой функцией, даже при использовании патрона калибром 6,5х50 мм. [13, с. 115, 117-120].

Рассматривая конкурсы 1926 г. и 1928 г. В.Г. Федоров отмечает то что мощность патрона 7,62х54 мм. по сравнению с патроном калибра 6,5х50 мм. вызывает быстрое разрушение оружия: «несмотря на подачу по-

движных частей вперед для уменьшения удара, всё-таки получилось столь сильное отбрасывание курка» что это приводило к последствиям, одним из которых «оказались трещины на боковой поверхности коробки», что привело к переориентации на СВ [14, с. 96-99].

Само это не представлялось проблемой, так как японский патрон не был дефицитом в СССР. В РИ с 1914 г. по апрель 1917 г. было поставлено 635000 японских винтовок, а патроны к ним не только импортировались из Японской империи, так же сообщается что он производился одним из заводов Британской империи под Петроградом, имелось производство патрона 6,5х50 мм. на Подольском патронном заводе [7, с. 29-30, 32-33].

Сравнительно таблицы характеристик патронов подготовленная Чумаком Р.Н. указывается что патрон 7,62х54 мм. имел дульную энергию в 3550 Дж., а 6,5х57 мм. патрон В.Г. Федорова имел дульную энергию в 3143 Дж. [15].

Однако при своём приеме на вооружение патрон 6,5х57 мм. не снимал проблему с патронами к СП, а также с авиационными пулеметами, связанную с использованием специальных боеприпасов. Необходимо помнить, что авиационный пулемет ШКАС, разработанный с целью достижения наибольшей скорострельности, нуждался в наличии закраины для осуществления работы. Учитывая, что патрон 7,62х54 мм. показал свою недостаточную мощь к концу 1930-х гг. для поражения самолетов, у патрона калибром 6,5х57 мм. этот момент мог наступить ещё раньше [9, с. 301-302].

На этом фоне патроном для МВ, СВ, РП, СП, а также авиационных и танковых пулеметов было гораздо более целесообразным оставить патрон калибра 7,62х54 мм., а для ряда АВ и «автоматов» 6,5х50 мм. По мере отказа от «автоматов» и развития АВ, появления в 1936 г. АВС-36, имел место отказ от патрона 6,5х50 мм.

Справедливости ради необходимо отметить, что В.Г. Федоров, вместе с Н.М. Елизаровым, в 1936 г. предложили новый патрон 6,5х48 мм. с дульной мощностью в 2682 Дж. близкий по дульной мощности патрону 6,5х50 мм. Однако патрон и разработанный под него «автомат-карабин», не были приняты на вооружение, а в 1938 г. было указано на необходимость разрабатывать оружие под калибр 7,62х54 мм. [16].

Стоит отметить, что на момент работ В.Г. Федорова винтовочно-пулеметные патроны калибром в 6,5 мм. не были редкостью.

Самым ранним пользователем патрона данного калибра стало КИ, где патрон калибра 6,5х52 мм. с дульной мощностью 2293 Дж. Был принят в 1891 г. вместе с принятием новой МВ Fucile di Fanteria Modello 1891. Заменив 10,4х47 мм. патрон с дульной мощностью в 2411 Дж. И МВ Vetterli Mod 1870/87. Позже этот же патрон применялся в СП (FIAT-Revelli M1914) и РП (Breda Mod. 30), однако не один из них не имел коробчатого отъёмного магазина большой вместимости, а применяли многорядный открытый магазин на 50 патронов и неотъёмный магазин на 20 патронов соответственно. В 1938 г. имела место попытка перейти в МВ и РП на патрон 7,35х51 мм. с дульной мощностью 2389 Дж. В СП (FIAT-Revelli M1935, Breda Mod. 37) и танковых пулеметах (Breda Mod. 38) с 1935 г. применялся патрон 8х59 мм. с дульной мощностью в 4000 Дж. В авиационных пулеметах как зарубежной, так и отечественной (Breda-SAFAT) разработки применялся патрон 7,7х56 мм. с дульной мощностью в 3463 Дж. [2, с. 261-264, 276-278; 4, с. 391-392, 460-461; 5, с. 20, 35, 86].

КР, приняла МВ калибра 6,5х54 мм., в 1893 г. Румынская Mannlicher Md.1893 имела дульную мощность Дж 2780 и была разработана в Австро-Венгерской империи (АВИ), однако руководство (АВИ) в 1888 г. переведшей вооруженные силы с патрона 11х58 мм. с дульной мощностью 2846 Дж., на патрон 8х50 мм. с дульной мощностью 2844 Дж., ещё одно перевооружение на предложенный боеприпас 6,5х54 мм. было сочтено избыточным, к тому же легкая скоростная пуля воспринималась как хороший выбор для МВ, но как плохой для СП где была эффективней более тяжелая, но медленная пуля. Держать два разных винтовочно-пулеметных патрона не решились. В годы ПМВ КР использовала РП и СП поставляемые союзниками по Антанте, под патроны разработчиков. В межвоенный период и в ВМВ КР будет использовать оружие под боеприпасы 7,92х57 мм. [3, с. 52, 57, 73; 4, с. 412].

КН(ид) приняли МВ калибра 6,5х53 мм., в 1895 г. Нидерландская МВ Geweer M. 95 имела дульную мощность в 2759 Дж. И так же была разработана в АВИ, где и производилась до 1904 г. Фактически новый патрон вытеснил патрон 11х52 мм. с дульной мощностью 2250 Дж и выпускающуюся под него МВ Geweer M71/79. Патрон 6,5х53 мм. применялся в СП Schwarzlose M.08, национальных вариантах РП Madsen (Geweermitrailleur 1915, Karabijnmitrailleur 1926) и Lewis (Lichte mitrailleur 1920). В 1925 г. для СП был принят патрон калибра 7,92х57 мм. с дульной мощностью 3375 Дж. [3, с. 52, 57, 73; 4, с. 412].

КН(ор) и КШ и приняли одинаковый патрон калибра 6,5х55 мм., в МВ Krag-Jørgensengevær m/1894 и Gevär m/1896 соответственно, патрон имел дульную мощность в 2880 Дж. До этого в государствах при-

менялась MB Jarmann M1884 под патрон 10,15x 61 мм. с дульной мощностью 2700 Дж. Если Jørgensengevær m/1894 был оружием разработки КН, пусть и прошедшей определенную адаптацию в ходе производства и применения в США, то Gevär m/1896 был разработан на основе испанского Mauser Model 1893. Под данный патрон выпускались СП Schwarzlose M/14 и РП KulspruteGevär m/1921 и KulspruteGevär m/1937, на основе Browning BAR M1918. В 1929 г. в КН был принят для СП (Colt mitraljøse m/29) и авиационных пулеметов 7,92x61 мм. с дульной энергией в 4100 Дж. В 1932 г. в КШ для СП (ksp m / 36) и авиационных пулеметов (Flygplanskulspruta m/22) был принят патрон калибра 8x63 мм. с дульной мощностью 4101 Дж. [2, с. 221-224,234; 4, с. 392-393, 398-398, 462, 465].

Наиболее известным пользователем патрона калибра 6,5 мм. стала ЯИ, где патрон калибра 6,5x50 мм. с дульной мощностью 2666 Дж. был принят в 1897 г. вместе с MB Type 30. Он заменил 8x53 мм. патрон с дульной мощностью в 2280 Дж. и MB Type 22. Позже этот же патрон применялся в СП (Type 3) и РП (Type 11), однако не один из них не имел коробчатого отъёмного магазина большой вместимости, а жёсткую ленту-кассету на 30 патронов и бункерный магазин на 30 патронов, снаряжаемый винтовочными обоймами на 5 патронов, соответственно. Только в 1936 г. под данный патрон будет разработан РП с коробчатым отъемным магазином, правда на те же 30 патронов. В 1932 г. для СП (Type 92) был принят патрон 7,7x58 мм. с дульной мощностью 3756 Дж. В 1939 г. была принята MB Type 99, под новый патрон 7,7x58 мм. с дульной мощностью 3173 Дж. позже под этот же патрон начнут выпускать РП Type 99. В авиации и флоте будут применяться британские и немецкие патроны калибром 7,7x56 мм. и 7,92x57 мм. соответственно [2, с. 284-286, 305; 4, с. 429, 434-435, 490-491; 6, с. 7-8, 23-24, 27-30].

КГ приняла патрон 6,5x54 мм., применяемый в MB Mannlicher-Schönauer M1903, патрон имел дульную мощность в 2256 Дж. До этого в государстве применялась Gras Mle 1874/80 под патрон 11x59 мм. с дульной мощностью 2580 Дж. В межвоенный период под патрон будет выпускаться РП Hotchkiss M1926, имевший жёсткую ленту-кассету на 30 патронов [2, с. 137-138, 152; 3, с. 86, 95; 4, с. 408, 473].

КП приняла патрон 6,5x58 мм., применяемый в MB Mauser-Vergueiro Mo. 1904, патрон имел дульную мощность в 2700 Дж. До этого в государстве применялась Espingarda Mo. 1886/89 под патрон 8x60 мм. с дульной мощностью 2077 Mauser-Vergueiro Mo. 1904 производились на территории Германской Империи для нужд ГИ. К 1939 г. произошел переход на патрон 7,92x57 мм., как в MB, так и в РП – которые поставлялись с территории Третьего Рейха [4, с. 363, 447].

Справедливости ради необходимо отметить, что В.Г. Федоров к 1912 г. разработал достаточно мощный вариант 6,5 мм. патрона, к тому же максимально адаптированный к автоматическому стрелковому оружию упростило разработку РП, СВ, АВ, однако не лучшим образом подходили бы даже для «автоматов» по В.Г. Федорову. Что делало вероятным сохранение патрона 6,5x57 мм. на вооружение, в качестве боеприпаса для MB, СВ, АВ, РП и исключало «итальянский» и «японский» сценарий. Однако с высокой вероятностью для СП и авиационных пулеметов были бы сохранены патроны калибра 7,62x54 мм. или приняты более мощные боеприпасы, в итоге СССР пришлось бы иметь в номенклатуре боеприпасов два винтовочно-пулеметных патрона, а возможно и третий с занимающий положение между промежуточным и винтовочно-пулеметным. К тому же появление патрона В.Г. Федорова затянувшееся почти на два десятилетия, и уже не советовало бы тенденциям 1920-1930-х гг.

Часть людей видят в патроне В.Г. Федорова калибром 6,5x57 мм. прозрение событий далекого будущего с патронами 6,5x39 мм. Grendel из 2000-х гг. которые позиционировались как промежуточные патроны повышенной мощности, однако конструктор с гораздо большей вероятностью ориентировался на патроны настоящего и прошлого.

Выводы

Подводя итоги исследования, можно отметить следующие моменты развития винтовочно-пулеметного патрона В.Г. Федорова:

- патрон 6,5x57 мм. появился слишком поздно для того, чтобы быть подхваченным тенденцией к уменьшению калибров 1890-х гг., более того часть стран то же отказались от перехода с 7-8 мм. патронов на 6,5 мм. патроны;
- патрон 6,5x57 мм. был достаточно мощным изделием на фоне других патронов калибром 6,5 мм., что делало его ненамного удобней для стрельбы с рук на ходу в автоматическом режиме чем патрон 7,62x54 мм.;
- патрон 6,5x57 мм., позволял использовать коробчатые магазины большей вместимости, однако опыт патронов 6,5x52 мм. и 6,5x50 мм. показывает, что наличие таких патронов не гарантирует принятие на вооружение коробчатых магазинов большой емкости;

- патрон 6,5х57 мм. создавал потребность в патронах большего калибра и мощности для СП и авиационных пулеметов.

В заключение можно констатировать, что В.Г. Федорову удалось полностью проработать тему винтовочно-пулеметных патронов улучшенной баллистики за 1900-1910-е гг., и уже к 1930-м. прийти к идее патрона уменьшенной мощности.

Список источников

1. Межерауп О.И., Назаркин Е.В. Стрелковое огнестрельное оружие и боеприпасы к нему: иллюстрированный обзор: монография. Рязань: И.П. Коняхин А.В. (Book Jet), 2021. 212 с.
2. Корнеев С.П. Конструкции магазинных винтовок : учебное пособие. Тульский государственный университет. Вологда: Инфра-Инженерия, 2024. 488 с.
3. Scarlata P.S. Mannlicher military rifles. A Collector's Guide. Andrew Mowbray Incorporated – Publishers, Lincoln, 2004. 168 p.
4. Fowler W., Norton A., Stronge C., Sweeney P. The complete world encyclopedia of guns. Hermes House. London, 2009. 512 p.
5. Chegia G., Simonelli A. The model 1891 Carcano rifle. Schiffer Publishing, Atglen. 2016. 320 p.
6. Harriman B. The Arisaka rifle. Osprey Publishing, Oxford, 2019. 80 p.
7. Дин С. Японские винтовки для России во время Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 25 – 37.
8. Подгорный А.В. Вооружение России и Японии в войне 1904-1905 годов // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 4. С. 49 – 55.
9. Новиков М.С. В поисках идеального вооружения для истребительной авиации. Вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х гг. // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 6. С. 299 – 305.
10. Чумак Р.Н. Опыт научного исследования и атрибуции 6,5-мм экспериментально-го винтовочного патрона улучшенной баллистики конструкции В.Г. Федорова 1912 года из собрания ВИМАИВИВС // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Тула, 25-27 октября 2023 года. Воронеж: Воронежская областная типография, 2024. С. 568 – 574.
11. Федоров В.Г. Автоматическое оружие. С.-Петербург.: Типография «Родник», 1907. 296 с.
12. Федоров В.Г. Современные проблемы ружейно-пулеметного дела. Издательство ЦС ВНО «Война и техника», 1925. 69 с.
13. Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900-1935 гг.). Часть II. Оружейное дело после Октябрьской революции. Издание Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского. Москва, 1939. 131 с.
14. Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900-1935 гг.). Часть III. Оружейное дело после Октябрьской революции. Издание Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского. Москва, 1939. 163 с.
15. Чумак Р.Н. Оружие нового типа. Автомат Фёдорова. История автоматической винтовки (автомата) В. Г. Фёдорова. URL: <https://www.kalashnikov.ru/oruzhie-novogo-tipa-avtomat-fyodorova/> (дата обращения: 18.07.2026)
16. Чумак Р.Н. Опередивший время. Экспериментальный советский автомат-карабин 1936 г. URL: <https://www.kalashnikov.ru/operedivshij-vremya-eksperimentalnyj-sovetskij-avtomat-karabin-1936-g/> (дата обращения: 18.07.2026)

References

1. Mezheraup O.I., Nazarkin E.V. Small Arms and Ammunition: An Illustrated Overview (Monograph). Ryzan: A.V. Konyakhin (Book Jet), 2021. 212 p.
2. Korneev S.P. Designs of Magazine-Fed Rifles (Study Guide). Tula State University. Vologda: Infra-Inzheneriya, 2024. 488 p.
3. Scarlata P.S. Mannlicher Military Rifles: A Collector's Guide. Andrew Mowbray Incorporated – Publishers, Lincoln, 2004. 168 p.
4. Fowler W., Norton A., Stronge C., Sweeney P. The Complete World Encyclopedia of Guns. Hermes House, London, 2009. 512 p.
5. Chegia G., Simonelli A. The Model 1891 Carcano Rifle. Schiffer Publishing, Atglen, 2016. 320 p.
6. Harriman B. The Arisaka Rifle. Osprey Publishing, Oxford, 2019. 80 p.

7. Din S. Japanese Rifles for Russia During World War I. St. Petersburg Historical Journal. 2023. No. 4 (40). P. 25–37.
8. Podgorny A.V. Armament of Russia and Japan in the War of 1904-1905. Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation. 2025. No. 4. P. 49 – 55.
9. Novikov M.S. In Search of Ideal Armament for Fighter Aviation. Second half of the 1920s – first half of the 1930s. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 299 – 305.
10. Chumak R.N. Research and Attribution of the 6.5mm Experimental Rifle Cartridge with Improved Ballistics (V.G. Fedorov Design, 1912) from the VIMAIViVS Collection. World of Weapons: History, Heroes, Collections: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference, Tula, October 25-27, 2023. Voronezh: Voronezh Regional Printing House, 2024. P. 568 – 574.
11. Fedorov V.G. Automatic Weapons. St. Petersburg: "Rodnik" Printing House, 1907. 296 p.
12. Fedorov V.G. Contemporary Problems in Rifle and Machine-Gun Development. "War and Technology" Publishing House (CS VNO), 1925. 69 p.
13. Fedorov V.G. Small Arms Development at the Turn of Two Eras (Works of a Gunsmith, 1900-1935). Part II. Small Arms Development After the October Revolution. Publication of the Dzerzhinsky Artillery Academy of the Red Army (Order of Lenin). Moscow, 1939. 131 p.
14. Fedorov V.G. Small Arms Development at the Turn of Two Eras (Works of a Gunsmith, 1900-1935). Part III. Small Arms Development After the October Revolution. Publication of the Dzerzhinsky Artillery Academy of the Red Army (Order of Lenin). Moscow, 1939. 163 p.
15. Chumak R.N. A Weapon of a New Type: The Fyodorov Avtomat. History of the V.G. Fyodorov automatic rifle (avtomat). URL: <https://www.kalashnikov.ru/oruzhie-novogo-tipa-avtomat-fyodorova/> (date of access: 18.07.2026)
16. Chumak R.N. Ahead of Its Time: The Experimental Soviet Avtomat-Carbine of 1936. URL: <https://www.kalashnikov.ru/operedivshij-vremya-eksperimentalnyj-sovetskij-avtomat-karabin-1936-g/> (date of access: 18.07.2026)

Информация об авторе

Новиков М.С., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8010-2290>, Омский государственный технический университет, 644050, г. Омск, Проспект Мира, д. 11, info@omgtu.ru

© Новиков М.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 930.85/930.1

DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-315-321

На периферии и в стойкости: идентичность и культурные практики китайских таджиков-мусульман

¹ Чжан Сынин,

¹ Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

Аннотация: среди 56 официально признанных в Китае национальностей подавляющее большинство относится к монголоидной расе (жёлтая раса), и лишь таджики и русские принадлежат к европеоидной расе (белая раса). Таджики, проживающие у восточных склонов Памирского нагорья, известны как «народ, живущий среди облаков». Это древний трансграничный народ Центральной, Западной и Южной Азии. Помимо Китая, таджики компактно проживают в Таджикистане, Афганистане, Узбекистане и других государствах. Настоящая статья посвящена исследованию китайских таджиков и ставит своей целью системное изучение их этнического происхождения, традиционных форм хозяйствования, культурных особенностей и религиозной практики ислама, а также выявление механизмов культурной адаптации данной этнической группы в условиях поликультурного взаимодействия и социальных изменений на приграничных территориях. Исследование основано на анализе литературных источников и комплексно использует методы исторической антропологии и этнологии. В работе анализируются стратегии выживания и формы социальной организации таджиков в специфических географических условиях Памирского нагорья, а также рассматривается взаимодействие между религиозной и этнической идентичностью у таджиков как единственного в Китае народа индоевропейской языковой семьи, исповедующего ислам шиитского толка (исмаилизм). Научная новизна исследования состоит в том, что культурные практики китайских таджиков впервые рассматриваются в сравнительной перспективе трансграничных этносов в контексте инициативы «Один пояс, один путь», с акцентом на современное значение культурной преемственности и реконструкции идентичности. Результаты исследования показывают, что китайские таджики, сохраняя границы своей этнической культуры, через гибкую адаптацию религиозных обрядов и повседневных практик добились устойчивого воспроизводства своей культуры и интеграции в местное общество. Их опыт служит показательным примером для понимания культурной адаптации периферийных этнических групп в многонациональных государствах.

Ключевые слова: Китайские таджики, ислам, этническая идентичность, культурная адаптация, Памир, трансграничные народы

Для цитирования: Чжан Сынин *На периферии и в стойкости: идентичность и культурные практики китайских таджиков-мусульман* // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 315 – 321. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-315-321

Поступила в редакцию: 28 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

On the periphery and in resilience: identity and cultural practices of Chinese Tajik Muslims

¹ Zhang Sining,
¹ Belarussian State University, the Republic of Belarus

Abstract: among the 56 officially recognized ethnic groups in China, the vast majority belong to the Mongoloid race (yellow race), with only the Tajiks and Russians belonging to the Caucasoid race (white race). The Tajiks, residing on the eastern slopes of the Pamir Plateau, are known as "the people living among the clouds." They are an ancient trans-border people of Central, Western, and South Asia. In addition to China, Tajiks live compactly in Tajikistan, Afghanistan, Uzbekistan, and other countries. This article is devoted to the study of Chinese Tajiks and aims to systematically examine their ethnic origin, traditional livelihoods, cultural characteristics, and Islamic religious practices, as well as to identify the mechanisms of cultural adaptation of this ethnic group in the context of multicultural interaction and social changes in border areas. The research is based on the analysis of literary sources and comprehensively employs methods of historical anthropology and ethnology. The paper analyzes the survival strategies and forms of social organization of the Tajiks in the specific geographical conditions of the Pamir Plateau, and also examines the interaction between religious and ethnic identity among the Tajiks as the only people in China of the Indo-European language family professing Shi'a Islam (Ismailism). The scientific novelty of the research lies in the fact that the cultural practices of Chinese Tajiks are for the first time examined from the comparative perspective of trans-border ethnic groups in the context of the "Belt and Road" Initiative, with an emphasis on the contemporary significance of cultural continuity and identity reconstruction. The results of the study show that Chinese Tajiks, while preserving the boundaries of their ethnic culture, through flexible adaptation of religious rites and everyday practices have achieved sustainable reproduction of their culture and integration into local society. Their experience serves as an illustrative example for understanding the cultural adaptation of peripheral ethnic groups in multi-ethnic states.

Keywords: Chinese Tajiks, Islam, ethnic identity, cultural adaptation, Pamir, trans-border peoples

For citation: Zhang Sining *On the periphery and in resilience: identity and cultural practices of Chinese Tajik Muslims*. *Historical Bulletin*. 2026. 9 (6). P. 315 – 321. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-315-321

The article was submitted: July 28, 2026; Approved after reviewing: August 26, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

56 народов Китая совместно образуют структуру «многообразие в единстве» китайской нации. В расовом отношении подавляющее большинство этих народов относится к монголоидной расе (жёлтая раса), и лишь таджики и русские принадлежат к европеоидной расе (белая раса). Таджики в основном компактно проживают на восточных склонах Памирского нагорья в юго-западной части Синьцзян-Уйгурского автономного района, в Ташкурган-Таджикском автономном уезде и прилегающих к нему территориях.

В академической среде исследования таджиков в основном сосредоточены на вопросах их этнического происхождения и языкового описания. При этом их культурные практики, религиозная адаптация и трансформация идентичности в контексте современной социальной трансформации и трансграничного взаимодействия до сих пор не получили систематического глубокого описания и теоретического осмысления. Особенно в условиях реализации инициативы «Один пояс, один путь», взаимодействие китайских таджиков с их зарубежными соплеменниками становится всё более интенсивным, а их культурная преемственность и реконструкция идентичности сталкиваются с новыми возможностями и вызовами. Таким образом, исследование исламской религиозной практики таджиков и её взаимосвязи с этнической культурой является не только важным окном для понимания механизмов культурной адаптации приграничных этнических меньшинств Китая, но и показательным примером для изучения того, как трансграничные этносы сохраняют свою культурную субъектность в эпоху глобализации.

Исходя из вышеизложенного, настоящая статья принимает китайских таджиков в качестве объекта исследования и ставит своей целью системное изучение их этнического происхождения, традиционных форм хозяйствования, культурных особенностей и религиозной практики ислама, выявление механизмов культурной адаптации данной этнической группы в условиях поликультурного взаимодействия и социальных

изменений на приграничных территориях, а также анализ взаимодействия между религиозной и этнической идентичностью с целью предоставить эмпирическое обоснование для понимания культурной адаптации периферийных этнических групп в многонациональных государствах.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании комплексно применяются следующие методы:

Историко-антропологический метод: посредством сочетания исторического источниковедения и устной истории прослеживается этническое происхождение таджиков, маршруты их миграций и историческая хронология проникновения ислама, реконструируется диахронический процесс их культурных изменений.

Этнологический / культурно-антропологический метод: с использованием метода включённого наблюдения описываются хозяйственные уклады, социальная структура, семейно-родственные отношения, религиозные практики и календарные обряды таджиков, а также анализируются функции и трансформации этих культурных элементов в современном обществе.

Сравнительный метод: осуществляется сопоставление китайских таджиков с зарубежными таджиками (особенно с таджиками Таджикистана) по таким параметрам, как религиозная практика, языковое употребление и культурная преемственность, что позволяет выявить механизмы культурной дифференциации и интеграции трансграничных этносов под влиянием политических границ.

Метод религиозной социологии: с теоретических позиций взаимодействия религии и общества исследуются организационные формы и социальные функции исмаилизма в таджикском социуме, а также его взаимосвязь с этнической идентичностью, анализируется роль религии в поддержании этнических границ и культурной идентичности.

Междисциплинарный комплексный анализ: интегрируются подходы этнологии, истории, религиоведения, географии и других дисциплин для систематической интерпретации стратегий культурной адаптации таджиков, что позволяет преодолеть ограниченность отдельной научной дисциплины.

Результаты и обсуждения

История таджиков

"Таджик" – это этноним, используемый для обозначения персоязычного населения Центральной Азии. Большинство ученых считают, что это слово означает "корона", и одним из представителей, поддерживающих эту точку зрения, является Василий Владимирович Бартольд, академик и востоковед по средневековой истории Центральной Азии. Существует легенда о том, что шапка, которую носил лидер этого племени, была очень роскошной и вызвала зависть среди его соплеменников. Узнав об этом, лидер разрешил племени носить подобные шапки, и это стало их этнонимом. Современная "кулетта" – это цветная шапка таджикских женщин, толстая и подходящая для высокогорья Памира. Шапки чаще всего украшены черными и красными узорами и вышивкой, и одна из них может изготавливаться не менее месяца.

Предки таджиков восходят к древним ариям, скифам, согдийцам и тохарам. Некоторые ученые считают, что таджики – это потомки древних арийцев, говорящих на персидском языке [1, с. 659]. Скифы, упомянутые в древнегреческих источниках, и "сакские" люди, упомянутые персами, это те самые скифы. В "Шицзи" (кит. 史记) также упоминается, что "от Даун до Ануши народ, хотя и говорит на разных языках, имеет много общего в обычаях. У них у всех глубокие глаза, много бороды, хорошо справляются с торговцами и дрожат за каждую центу" [2, с. 346]. Рядом с Шулэ, важным пересечением Шелкового пути, обосновалось много согдийцев, которые, по описанию "Книги Тан", имели "глубокие глаза и высокие носы" [3]. Эти племена давно расселились на юге Синьцзяна, большинство из них находится в современном уезде Ташкурган. В конце периода Мин появились небольшие деревни таджиков. В середине XVII века, когда Цинская династия объединила страну, таджики продолжали использовать название "Сэлекур", данное им во времена Юань. В XIX веке таджики из западной и южной частей Памира мигрировали сюда, постепенно сформировав таджикский народ Китая. Около 60% таджиков в Китае проживает в Таджикском автономном уезде Ташкурган в Восточном Памире, где высокие горы окружены равнинами на высоте около 3000 метров. Таджики ведут полуседлый и полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством.

Обычаи таджиков

Климат в районе Ташкурган холодный, это высокогорье с длительным солнечным светом и сильной ультрафиолетовой радиацией, поэтому одежда таджиков не имеет четкого сезонного деления. Таджики предпочитают красный и белый цвета; почти у каждого есть пара красных туфель для посещения свадеб и других важных событий. Пожилые мужчины все еще часто носят традиционные красные высокие сапоги.

Любовь к красному цвету объясняется длительным пребыванием в холодном климате, а также влиянием зороастризма. Они считают, что белый цвет символизирует высокую добродетель и святость, приносящую счастье и свет. Молодежь носит красную одежду, чтобы продемонстрировать свою юную энергичность, в то время как пожилые люди предпочитают скромные темные и черные цвета, которые символизируют скорбь, невежество и гнев. В период траура они обычно носят одежду темных цветов. Ремесленные изделия также в основном выполнены в ярко-красных, глубоких зеленых и желтых тонах.

Таджики при встрече обычно выражают приветствие поцелуем руки. Между разными поколениями и полами также существуют способы проявления дружеских отношений, такие как прикосновение к лицу или голове. Утром, после умывания, дети сначала целуют руки родителям и бабушкам с дедушками. Таджики уважают женщин и всегда соблюдают порядок: сначала женщины, затем мужчины, сначала старшие, затем младшие. За столом женщины сидят на почетном месте (справа), а мужчины — на нижнем (слева), пожилая женщина занимает первое место. Самая вкусная еда всегда ставится на тарелке перед самой пожилой женщиной. Пока родители живы, таджики не живут от них отдельно, и в основном пожилые люди не подвергаются жестокому обращению и не остаются без заботы.

В питании таджики считают белую еду «светящейся пищей». Они почитают муку и молоко, считая молоко самым чистым и великим. Таджики избегают расплескивания и топтания молока, даже запрещают его куплю и продажу. В отличие от других мусульман, таджики не только не едят свинину, мертвечину и кровь, но также запрещают есть лошадиную мясо и пить лошадиную молоко.

Языки таджиков

Язык таджиков относится к индоевропейской семье иранских языков, группе памирских языков. Таджики, проживающие в разных регионах, говорят на различных диалектах. Таджикский язык имеет долгую историю, его формирование и развитие восходит к древним восточноиранским языкам — сагдийскому (кит. 塞语), суварскому (кит. 粟特语) и туранскому (吐火罗语).

Таджикский народ в Китае включает три ветви: селекур, Вахан и Тал. Ветвь Тал уже перешла на уйгурский язык, но основная ветвь таджиков — селекурские таджики и менее многочисленная ветвь ваханские таджики — все еще сохраняют свой язык. Они используют два памирских языка, относящихся к восточноиранской группе индоиранских языков индоевропейской семьи: селекурский и ваханский. Эти два языка также являются двумя из трех индоевропейских языков в Китае (третьим является русский язык, который используют русские), при этом селекурский язык является уникальным индоиранским языком в Китае [4, с. 230]. В международной иранской науке селекурский и ваханский языки, хотя оба относятся к памирским языкам восточноиранской группы, всегда считались двумя независимыми языками [5].

В Китае также есть некоторые таджики, расселившиеся по разным местам, которые используют уйгурский язык. Многие таджики также свободно владеют уйгурским и киргизским языками, и угроза исчезновения языков становится серьезной проблемой. Таджикский язык в Китае является устным языком без письменности, его родственные языки в основном распространены в современных Таджикистане, Узбекистане, Афганистане и Пакистане.

Таджикский народ изначально имел свою собственную письменность. В средние века, точнее, в период Сун и Юань в Китае, в Центральной Азии существовало одно из государств — Саманидская династия. В период Саманидов таджики сформировали и утвердили единый язык. В это время культура и литературное искусство оказали глубокое влияние на окружающие народы, и дары, как письменность, широко использовались в классических литературных произведениях таджиков [6, с. 110]. Этот письменный язык, который используется таджиками по всему миру, в Иране называется персидским языком, в Афганистане — дари, а в Таджикистане и других регионах Центральной Азии — таджикским языком [4, с. 231]. В литературном и художественном творчестве большинство таджиков использует уйгурский язык. Однако традиционные таджикские народные песни сохранились в очень хорошем состоянии.

С момента создания Таджикского автономного уезда в Китае в 1950-х годах начались работы по языковым исследованиям. С 1956 года в районе Ташкурбан проводились языковые исследования. Китайский ученый господин Гао Эрцян (高尔铨) добился значительных успехов в этой области, например, в работах «Краткое описание таджикского языка» (1983), «Анализ предикатов таджикского языка» (1986), «Анализ основных типов предложений таджикского языка» (1986), «Функции имен и падежей в таджикском языке» (1987), «Особенности глагольного залога таджикского языка» (1990), «Структура предложений таджикского языка» (1991), «Таджикско-китайский словарь» (1996) и других. Эти работы систематически обсуждают особенности диалекта селекур таджикского языка [7, с. 460-462].

Вера таджикского народа

Как один из самых древних коренных народов Центральной Азии, формирование таджикского народа прошло через долгий исторический процесс. Таджики практиковали природное поклонение, например, поклонение солнцу и горам, а также лошадям и орлам. Таджики сами называют себя «потомками орлов» и очень почитают это животное. Горно-орел является тотемом таджикского народа, а танец орлов возник из почитания горных орлов. В праздники и на свадьбах обязательно звучат песни и танцы, причем танец орлов является основной формой. Традиционный музыкальный инструмент – орлиная флейта, вырезанная из пера орла. Таджики также исповедовали одну из самых древних религий из пяти великих религий мира – зороастризм; а солнце, лотос и круглая материнская форма в их одежде могут быть связаны с буддизмом.

Приблизительно в начале VIII века, после завоевания Центральной Азии арабами, ислам начал быстро распространяться в этом регионе и к IX веку стал доминирующей религией. В середине X века правители Караханидов приняли ислам. С этого момента в регионе Синьцзян началось официальное внедрение ислама, при этом основное население исповедует суннитский ислам. Исследователи предполагают, что таджики, вероятно, приняли ислам раньше, чем другие мусульмане региона Синьцзян, поскольку ислам сначала пришел в южную часть Синьцзяна через Памирский район из Центральной Азии [9, с. 28]. В XI веке, под влиянием известного таджикского поэта и миссионера исмаилитов Насира Хосрава (1003-1088), таджики приняли исмаилитский ислам, став единственным народом в Китае, исповедующим эту конфессию.

Исмаилиты – это одна из более радикальных ветвей ислама. Хотя они относятся к шиитам, в их учении присутствуют элементы мистицизма. Внутри шиитского ислама возникли разногласия по вопросу о наследниках имамов, что привело к образованию различных течений, таких как зейдиты (пять имамов), исмаилиты (семь имамов) и двенадцатимамиты. Исмаилиты составляют группу последователей Исмаила, старшего сына шестого имама Джафара ас-Садики. Это течение признает Исмаила седьмым имамом, откуда и произошло его название.

Исмаилиты склонны заимствовать идеи и учения других религиозных течений для обновления своих собственных верований, включая элементы зороастризма, христианства, буддизма, а также философские идеи древнегреческого философа Пифагора и персидской философии. У них сложная и мистическая философская система. Они выступают против формализма и ритуалов в религиозной практике, подчеркивая важность внутреннего пробуждения и искренней веры, за что их называют «Батинией» (внутреннее учение). Исмаилиты считают, что число является основой всего сущего, и что вещи сами по себе представляют собой числа, придавая числу 7 священное значение.

По сравнению с другими народами, исповедующими ислам, таджики проводят религиозные обряды реже, у них меньше мечетей, и верующие редко соблюдают пост, обычно молятся только в праздники [9, С. 116]. В современных районах проживания таджиков, например, в уезде Ташкурган, есть одна мечеть суннитского направления площадью 60 квадратных метров, вмещающая 50 человек; в то время как у шиитских таджиков имеется 20 молитвенных домов. В этом автономном уезде структура и планировка религиозных объектов двух направлений значительно различаются [10, с. 37]. Во многих мечетях нет ниши для стояния имама, а на западной стене есть ниша для висящего изображения имама. Таджики даже считают, что следует поклоняться настоящему имаму, и тех, кто поклонялся очередную имаму, называют «Батини хаджи» (внутренний хаджи) [11, с. 27]. Таджики – единственный народ в Китае, который в основном исповедует исмаилитский ислам. Однако с течением времени некоторые таджики, живущие среди уйгуров, под влиянием окружающих стали исповедовать суннитский ислам.

Выводы

Настоящее исследование, основанное на системном изучении этнического происхождения, традиционных форм хозяйствования, культурных особенностей и религиозной практики китайских таджиков, позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, китайские таджики демонстрируют ярко выраженную культурную инклюзивность и многообразие по трём основным измерениям: язык, обычаи и религия. В языковом отношении таджикский язык не только служит носителем исторической памяти этноса, но и постоянно заимствует лексику в процессе взаимодействия с соседними народами, что отражает открытость и адаптивность на языковом уровне. В сфере обычаев праздничные обряды, свадебные и похоронные ритуалы, а также нормы повседневной жизни таджиков сохраняют древние зороастрийские элементы, одновременно вбирая в себя религиозные составляющие исмаилизма, что формирует уникальный культурный комплекс. В религиозной сфере исмаилизм является не только ядром духовной жизни таджиков, но и важной опорой социальной солидарности

и этических норм; религиозные лидеры (например, представители Ага-хана) играют ключевую координирующую и интегративную роль в общине.

Во-вторых, механизм культурной адаптации таджиков отличается высокой гибкостью и устойчивостью. Перед лицом суровых природных условий Памирского нагорья, политических барьеров государственных границ и воздействия процессов модернизации таджики, гибко корректируя религиозные обряды, семейную структуру, экономическое поведение и формы социального взаимодействия, успешно обеспечили сохранение традиционной культуры и стабильность местного социума. Эта адаптация не является пассивным принятием внешних условий, а основывается на сознательной защите собственных культурных границ и активном усвоении внешних ресурсов.

В-третьих, исламская вера играет незаменимую связующую роль в формировании идентичности таджиков. Будучи единственным в Китае народом индоевропейской языковой семьи, исповедующим ислам шиитского толка (исмаилизм), таджики демонстрируют высокую степень взаимовложенности религиозной и этнической идентичности, которые взаимно усиливают друг друга, совместно поддерживая внутреннюю сплочённость и культурные границы этноса. В условиях всё более интенсивного трансграничного взаимодействия религиозные сети (например, связи в рамках глобального сообщества исмаилитов) предоставляют таджикам культурные ресурсы и идентификационную опору, выходящие за пределы государственных границ, что позволяет им, сохраняя свою уникальность, активно интегрироваться в общенациональное развитие и региональное сотрудничество.

В-четвёртых, охрана и передача таджикской культуры имеют важное практическое значение и академическую ценность. Являясь единственным мусульманским народом европеоидной расы на территории Китая, культурное наследие таджиков представляет собой не только важную составляющую многообразия китайской культуры, но и живой образец межкультурного взаимодействия в Центральной Азии. Под влиянием волн модернизации и глобализации традиционные знания, язык, религиозные практики и экологическая мудрость таджиков сталкиваются с вызовами разной степени остроты. Поэтому систематическая фиксация, углублённое изучение и эффективная передача таджикской культуры являются необходимыми мерами для сохранения культурного многообразия и ключевым путём понимания стратегий выживания и развития трансграничных этносов в современном обществе.

Таким образом, китайские таджики благодаря своему уникальному культурному облику и гибкой стратегии культурной адаптации успешно сохраняют свою культурную субъектность в рамках многонационального государства. Их опыт служит показательным примером для понимания культурных изменений приграничных этнических меньшинств Китая и даёт полезные ориентиры для охраны культуры и реконструкции идентичности трансграничных народов в эпоху глобализации. Будущие исследования должны быть направлены на изучение изменений в культурной идентичности молодого поколения таджиков, поиск новых путей передачи традиционной культуры в цифровую эпоху, а также на исследование механизмов взаимодействия в культурных обменах между таджиками Китая и Таджикистана.

Список источников

1. Ван Чжилай Очерк истории Средней Азии. Чанша: Издательство Хунаньского педагогического университета, 1986. 663 с. (на кит.)
2. Сыма Цянь Повествование о Даюани // Исторические записки. Шанхай: Издательство «Шанхай гуцзи», 1986. Т. 1. С. 3157 – 3179. (на кит.)
3. Оуян Сю, Сун Ци Повествование о Западном крае // Новая история династии Тан. Пекин: Чжунхуа шущэнь, 1975. Т. 20. С. 6233. (на кит.)
4. Цзэн Цзюньминь Краткое исследование взаимосвязи между «таджикским письмом», используемым в сводном каталоге древних рукописей китайских таджиков, и языком, который оно фиксирует – с приложением о билингвизме таджиков // Сборник докладов Десятой научной конференции Общества изучения древней письменности национальных меньшинств Китая. 2016. С. 230 – 238. (на кит.)
5. Windfuhr G. The Iranian Languages / ed. by G. Windfuhr. London; New York: Routledge, 2009. lxxvi, 872 p.
6. Чжоу Шань История и современное состояние выбора языкового образования у таджикского народа // Исследования национального образования. 2011. Т. 22. № 3. С. 107 – 111. (на кит.)
7. Ян Хайлун, Го Ли Обзор исследований родного языка китайских таджиков // Форум аспирантов по лингвистике и прикладной лингвистике (2013). 2013. С. 456 – 465. (на кит.)
8. Сижэнь Куэрбань Китайские таджики и исмаилизм // Мировые религиозные культуры. 2003. № 3. С. 28. (на кит.)

9. Жэнь Вэньцзе К изучению религиозных и кочевых культурных отпечатков в украшениях таджикских женщин // Социальные науки Синьцзяна. 2014. № 5. С. 111 – 118. (на кит.)
10. Лю Мин Исследование изменений религиозной среды и культурной адаптации таджиков Синьцзяна // Вестник Каширского педагогического института. 2011. Т. 32. № 2. С. 36 – 40. (на кит.)
11. Цай Цзяньфань Культурное многообразие религиозной жизни таджиков Синьцзяна // Новый Запад. 2014. № 9. С. 27 – 28. (на кит.)

References

1. Wang Zhilai Outline History of Central Asia. Changsha: Hunan Normal University Press, 1986. 663 p. (in Chinese)
2. Sima Qian Account of Dayuan. Records of the Grand Historian (Shiji). Shanghai: Shanghai Guji Publishing House, 1986. Vol. 1. P. 3157 – 3179. (in Chinese)
3. Ouyang Xiu, Song Qi Account of the Western Regions. New Book of Tang (Xin Tang Shu). Beijing: Zhonghua Book Company, 1975. Vol. 20. P. 6233. (in Chinese)
4. Zeng Junmin. A Brief Study on the Relationship Between the 'Tajik Script' Used in the Union Catalogue of Ancient Manuscripts of Chinese Tajiks and the Language It Records: With an Appendix on Tajik Bilingualism. Proceedings of the Tenth Academic Conference of the Society for the Study of Ancient Scripts of China's Ethnic Minorities. 2016. P. 230 – 238. (in Chinese)
5. Windfuhr G. The Iranian Languages. ed. by G. Windfuhr. London; New York: Routledge, 2009. lxxvi, 872 p.
6. Zhou Shan. History and Current Status of Language Education Choices Among the Tajik People. Research on Ethnic Education. 2011. Vol. 22. No. 3. P. 107 – 111. (in Chinese)
7. Yang Hailun, Guo Li. A Review of Research on the Native Language of Chinese Tajiks. Forum of Postgraduate Students in Linguistics and Applied Linguistics (2013). 2013. P. 456 – 465. (in Chinese)
8. Sizhen Kuerban. Chinese Tajiks and Ismailism. World Religious Cultures. 2003. No. 3. P. 28. (in Chinese)
9. Ren Wenjie. A Study of Religious and Nomadic Cultural Imprints in Tajik Women's Jewelry. Social Sciences in Xinjiang. 2014. No. 5. P. 111 – 118. (in Chinese)
10. Liu Ming. A Study of Changes in the Religious Environment and Cultural Adaptation of Xinjiang Tajiks. Journal of Kashgar Teachers College. 2011. Vol. 32. No. 2. P. 36 – 40. (in Chinese)
11. Cai Jianfan. Cultural Diversity in the Religious Life of Xinjiang Tajiks. New West. 2014. No. 9. P. 27 – 28. (in Chinese)

Информация об авторе

Чжан Сынин, соискатель кафедры востоковедения, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-8459-5236>, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; СЗАО Компания по развитию индустриального парка, natalia95sato@gmail.com

© Чжан Сынин, 2026